3 1761 04572986 0

Leskov. Nikolai Semenovich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe sobranie

СОЧИНЕНІЙ

Sochineny

Н. С. ЛѢСКОВА.

izd 3

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

f. 28 ≏ 30

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

55 829
27 10. 52

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

СЪ ПИСЬМОМЪ Н. С. ЛѢСКОВА

КЪ

ИВАНУ СЕРГѢЕВИЧУ ТУРГЕНЕВУ

(1871 г.)

Милостивый Государь, Иванъ Сергѣевичъ!

Я, весьма вѣроятно, не рѣшился бы написать этого очерка, если бы Вы первый не подняли своего голоса въ защиту молодого человѣка, злополучныя приключенія котораго здѣсь разсказаны. Вашъ починъ въ этомъ дѣлѣ далъ мнѣ мысль и возможность нѣсколько подробнѣе опровергнуть злостныя клеветы, преслѣдовавшія Артура Бенни при его жизни и не пощадившія его въ некрологѣ, напечатанномъ послѣ его смерти. Мнѣ не разъ приходилось въ настоящемъ разсказѣ упоминать Ваше почтенное имя, такъ какъ Вашими добрыми мнѣніями о Бенни я старался подкрѣплять свое собственное мнѣніе о немъ, и потому первому Вамъ посылаю эту книгу съ просьбою принять ее. Чтобы сдѣлать эту повѣсть возможно полною, я, при нынѣшнемъ ея изданіи, воспользовался Вашими указаніями на прежніе промахи и ошибки въ моемъ разсказѣ и дополнилъ кое-что съ Вашихъ словъ и со словъ П. Д. Боборыкина, а равно присовокупилъ нѣкоторыя подробности о кончинѣ Бенни, напечатанныя въ трехъ нумерахъ періодическаго изданія г-жею Якоби. Такимъ образомъ въ этой книжкѣ теперь собрано почти все, касающееся того «загадочнаго человѣка», который, при безвѣстности своего происхожденія и отсутствіи выдающихся и крупныхъ дарованій, пріобрѣлъ себѣ у насъ самую разнообразную извѣстность въ самыхъ разнородныхъ кружкахъ и котораго потомъ неразборчивые люди предпочли оклеветать и достигли этого съ такимъ успѣхомъ, какого, къ сожалѣнію, не достигаютъ попытки установить настоящій взглядъ на Бенни. Но тѣмъ не менѣе, дѣлая еще одну и послѣднюю такую попытку, названную Вами въ почтенномъ письмѣ Вашемъ

ко мнѣ «дѣломъ хорошимъ и честнымъ», я утѣшаюсь хоть тѣмъ, что отнынѣ клеветѣ, до сихъ поръ съ непостижимою упорностію не позабывающей Артура Бенни, уже придется имѣть противъ себя печатное свидѣтельство четырехъ человѣкъ, то-есть Ваше, госпожи Якоби, мое и П. Д. Боборыкина, выразившаго мнѣ свое намѣреніе не оставить безотзывно этого моего опыта представить русскому обществу наглядный образецъ, чѣмъ оно увлекается то въ ту, то въ другую сторону и какъ у насъ, благодаря шаткости общественнаго мнѣнія, составлялись и составляются репутаціи.

Есть люди, которые смотрятъ на напечатаніе моихъ воспоминаній о Бенни совсѣмъ не такъ, какъ взглянули на это Вы и другія почтенныя лица, сочувствіе и одобреніе которыхъ мнѣ пріятно и дорого. Нашлись господа, которымъ хотѣлось бы, чтобы Артуръ Бенни остался въ томъ самомъ убранствѣ, въ которое они его снарядили, сваливая всякую дрянь съ больной головы на здоровую. Я получалъ не только укоризны, но даже угрозы, не продолжать этой исторіи, но я ее продолжилъ, окончилъ и издаю въ свѣтъ отдѣльною книгою, предоставляя кому угодно видѣть въ этомъ прямой отвѣтъ мой на всѣ заявленныя мнѣ неудовольствія, а Вамъ я тутъ же, на первой страницѣ этой книги, позволяю себѣ принести мою глубочайшую признательность за ту большую нравственную поддержку, которую Вы оказали мнѣ Вашими строками, утвердивъ меня во мнѣніи, что моя попытка возстановить истину въ этой запутанной исторіи есть *дѣло честное*, къ которому и Вы не остаетесь равнодушны.

Еще разъ прошу Васъ, принимая книгу, посылаемую при настоящихъ строкахъ, принять и мою глубокую благодарность за эту поддержку и увѣреніе въ моихъ почтительнѣйшихъ къ Вамъ чувствахъ, съ каковыми имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Николай Лѣсковъ.*

С.-Петербургъ, іюнь 1871 г.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ИСТИННОЕ СОБЫТІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Повѣствователи и романисты одного довольно страннаго литературнаго направленія долго разсказывали о какихъ-то непосѣдливыхъ людяхъ, которые все будто уѣзжали изъ Петербурга въ глубь Россіи и дѣлали тамъ какія-то «*предпріятія*»; но, къ сожалѣнію, ни одинъ изъ писателей этого односторонняго направленія не воспроизвелъ сколько-нибудь осязательнаго типа упомянутыхъ имъ предпринимателей, и тайна, въ чемъ именно заключаются такъ называемыя ихъ «предпріятія», остается для всѣхъ до такой степени тайною, что множество людей даже сомнѣваются въ томъ, были ли въ дѣйствительности самые предприниматели? Между тѣмъ, несомнѣнно, что «предприниматели» такіе—не совсѣмъ выдумка. Предприниматели, дѣйствительно, бывали, и вотъ одинъ изъ таковыхъ, не сочиненный и не измышленный, а живой, съ настоящимъ его именемъ и въ настоящемъ его свѣтѣ и значеніи.

Въ 1870 г. въ «Иллюстрированной Газетѣ» г. В. Зотова было напечатано извѣстіе о смерти нѣкоего *Артура Бенни*, человѣка, пріобрѣвшаго себѣ нѣкогда въ нѣкоторыхъ петербургскихъ и московскихъ кружкахъ самую быструю и странную извѣстность. Онъ слылъ то за герценовскаго эмиссара и предпринимателя, то за англичанина и тайнаго агента одного изъ административныхъ русскихъ учрежденій.

Газетное извѣстіе о смерти этого человѣка слово въ слово заключается въ слѣдующемъ: «*Скончался* Бенни, англійскій

подданный, высланный за границу (Россіи), по опредѣленію правительствующаго сената. Владѣя хорошо русскимъ языкомъ, Бенни участвовалъ въ нѣкоторыхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ: «Русской Рѣчи», «Сѣверной Пчелѣ», «Книжномъ Вѣстникѣ». О немъ ходило много толковъ, такъ какъ никто не зналъ, зачѣмъ онъ прибылъ въ Россію. Нѣкоторые изъ этихъ толковъ были неблагопріятны для него. Въ послѣднюю Римскую кампанію онъ поступилъ въ отрядъ гарибальдійцевъ и убитъ при Ментанѣ».

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, знавшій покойнаго Бенни за человѣка честнаго, вступился за оскорбленіе его памяти намекомъ, кинутымъ на нее упоминаніемъ о тѣхъ толкахъ, которые, по словамъ некролога, «были неблагопріятны для Бенни», и напечаталъ въ другой газетѣ, что покойный Бенни былъ человѣкъ чистый и неповинный въ томъ, что столь недостойно на него возводилось.

Вотъ и все краткое сказаніе о жизни и смерти человѣка, дѣятельность котораго въ Россіи не лишена самаго живого интереса и лучше всякаго вымышленнаго направленскаго романа знакомитъ насъ съ характерами дѣятелей недавно минувшаго, безпокойнаго и оригинальнаго времени. Но, прежде чѣмъ мы дойдемъ до того рода дѣятельности Артура Бенни, которая давала поводъ досужимъ людямъ выдавать его то за герценовскаго эмиссара, то за шпіона, скажемъ два слова о томъ, кто таковъ былъ взаправду этотъ Бенни, откуда онъ взялся на петербургскую арену и какими путями доходилъ онъ до избранія себѣ той карьеры, которою сдѣлался извѣстенъ въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ русской сѣверной столицы.

Все, что далѣе будетъ слѣдовать за симъ, изложено частію по личнымъ воспоминаніямъ автора и свидѣтельствамъ другихъ, вполнѣ достовѣрныхъ очевидцевъ, частію же по разсказамъ самого покойнаго Бенни, съ которымъ авторъ состоялъ въ долгихъ и прочныхъ дружескихъ отношеніяхъ, не прекращавшихся до высылки Бенни изъ Россіи. Авторъ не скрываетъ, что, печатая, можетъ-быть, нѣсколько рано этотъ свой очеркъ, онъ имѣетъ желаніе очистить честную память Бенни отъ возведенныхъ на него злостныхъ и безчестныхъ клеветъ. Авторъ проситъ вѣрить ему, что онъ не вынужденъ для оправданій Бенни прибѣгать ни къ какимъ утайкамъ и натяжкамъ, да это было бы и невозможно,

потому что въ литературныхъ кружкахъ Петербурга и Москвы теперь еще слишкомъ много живыхъ людей, которымъ исторія покойнаго Бенни извѣстна, если не во всемъ цѣломъ, какъ она здѣсь излагается, то по деталямъ, изъ которыхъ сгруппировано это цѣлое. Ни лжи, ни лести здѣсь нѣтъ, да ихъ и не нужно: пусть гдѣ Бенни былъ ребячливъ и смѣшонъ, пусть онъ тамъ такимъ и останется, дѣло не въ его ребячливости или его серьезности, даже и не въ его умѣ, а въ его честности и отчасти въ занимательности и поучительности его странной судьбы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Артуръ Бенни убитъ въ самой цвѣтущей молодости. Ему и теперь не было бы еще 28 лѣтъ *). Нѣкоторые въ Петербургѣ утверждали, что имя «Артура Бенни»—есть имя вымышленное, и что человѣкъ, который жилъ здѣсь, между насъ, подъ этимъ именемъ, есть *подольскій шляхтичъ Бениславскій*: это выпустилъ въ Петербургѣ покойный г. Европеусъ, но это неправда. Артуръ Бенни *дѣйствительно былъ Артуръ Бенни*. Онъ родился въ Царствѣ Польскомъ, въ мѣстечкѣ Томашовѣ-Равскомъ, гдѣ отецъ его, Іоганнъ Бенни, былъ пасторомъ томашовскаго евангелическаго прихода. Старикъ Бенни пользовался прекрасною репутаціею и умеръ въ 1862 году. Мать Артура Бенни, природная англичанка, была жива еще, когда вышло въ свѣтъ это правдивое повѣствованіе. У Артура Бенни остались также братья: старшій Германъ (впослѣдствіи томашовскій пасторъ) и младшій Карлъ (медикъ, обучавшійся въ Парижѣ и нынѣ практикующій въ Варшавѣ). Кромѣ этихъ двухъ братьевъ, у него живы двѣ сестры—Анна и Марія. Все это настоящіе члены настоящаго, а не вымышленнаго, и весьма почтеннаго семейства покойнаго томашовскаго пастора.

Несмотря на то, что семейство Бенни народилось и жило въ Польшѣ, домъ Бенни оставался всегда домомъ англійскимъ; ихъ домашніе нравы, обычаи,—все это было чисто англійское, и англійскій языкъ былъ ихъ домашнимъ языкомъ. Десятилѣтнимъ мальчикомъ Артуръ Бенни былъ отвезенъ въ польскую гимназію, въ городъ Піотрковъ, и поступилъ прямо въ третій классъ. Это былъ первый выходъ

*) Писано въ началѣ 1870 года.

Артура Бенни изъ дома своего отца — изъ того дома, въ которомъ онъ, живучи въ Польшѣ, могъ гораздо удобнѣе воображать себя римляниномъ, аѳиняниномъ или спартанцемъ, чѣмъ полякомъ, ибо воспитанный отцомъ своимъ, большимъ классикомъ, Артуръ Бенни о Римѣ, Спартѣ и Аѳинахъ зналъ въ это время гораздо больше, чѣмъ о Польшѣ. По разсказамъ покойнаго Бенни (которыхъ онъ никогда не давалъ повода заподозрѣвать ни въ малѣйшей несправедливости), онъ въ домѣ отца своего совсѣмъ не зналъ польскаго характера, а, придя въ соприкосновеніе съ своими польскими сверстниками въ піотрковской гимназіи, не умѣлъ ни на чемъ сойтись съ ними и съ перваго же раза *не полюбилъ ихъ*.

— «Я,—говорилъ Бенни:—услыхалъ отъ этихъ дѣтей ложь, хвастовство и льстивость, которыхъ я никогда не слыхалъ въ домѣ отца моего, гдѣ никто никогда не лгалъ и не лукавилъ. Притомъ у нихъ бывали часто такіе безстыдные разговоры, что это мнѣ было противно. А болѣе же всего я рѣшительно не могъ выносить высокомѣрнаго и презрительнаго отношенія этихъ мальчиковъ къ простолюдинамъ, и особенно къ ихъ собственнымъ слугамъ, съ которыми у насъ въ домѣ всегда было принято обращеніе самое мягкое».

Бенни былъ ребенокъ очень нѣжный, впечатлительный и способный увлекаться до безконечности. Въ то самое время, когда имъ овладѣвало негодованіе на своихъ товарищей-мальчиковъ за ихъ высокомѣріе съ простолюдинами, рядомъ съ этимъ въ его нѣжную душу западало безграничное сожалѣніе къ самимъ этимъ простолюдинамъ, которые силою обстоятельствъ поставлены были въ необходимость переносить господское высокомѣріе. Что это за сила обстоятельствъ?—рабство и бѣдность, — бѣдность рабства и рабство бѣдности. (Такъ рѣшило себѣ дитя). Кто же создалъ такое положеніе? Для кого оно выгодно? Для кого оно нужно? Кто можетъ желать его сохраненія? Виновниками такого положенія выходили, разумѣется, помѣщики и вообще капиталисты. Нѣжное и воспріимчивое дитя, дойдя путемъ своихъ размышленій до такого рѣшенія, нашло въ своемъ дѣтскомъ сердцѣ, для людей, создавшихъ такое положеніе другимъ людямъ, мѣсто непримиримой враждѣ, и съ тѣхъ поръ въ ребенкѣ росли всѣ необходимые задатки

для того, чтобы изъ него, подъ извѣстными вліяніями, современемъ могъ создаться настоящій, искренній и ревностный демократъ и соціалистъ.

Обстоятельства этому благопріятствовали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ то самое время, когда Артуръ Бенни, соболѣзнуя своимъ отроческимъ сердцемъ о неравномѣрности распредѣленія на землѣ правъ и богатствъ, ломалъ себѣ голову надъ изобрѣтеніемъ такихъ формъ общежитія, при которыхъ бы возмущавшая его неравномѣрность не могла имѣть мѣста, — въ Польшѣ стояло много русскихъ войскъ, и одинъ полкъ, или одинъ отрядъ ихъ былъ расположенъ въ Піотрковѣ. Нѣсколько солдатъ изъ этого отряда квартировали въ томъ самомъ домѣ, гдѣ жилъ ученикъ Артуръ Бенни. Случилось такъ, что когда онъ, вообще чуждавшійся въ то время своихъ товарищей, сидѣлъ однажды на дворѣ, гдѣ играли его сверстники, на этотъ же дворъ выползъ подышать воздухомъ какой-то больной русскій солдатъ, и легъ на солнышкѣ, на кучѣ сваленныхъ на дворѣ бревенъ. Расшалившіеся польскіе мальчики, товарищи Бенни, замѣтивъ обезсиленнаго. больного русскаго солдата, стали кидать въ него мячемъ. Мальчики дѣлали это какъ-будто нечарочно; но Бенни зналъ, что они это дѣлаютъ съ умысломъ, чтобы досаждать больному. Благовоспитанному сыну томашовскаго пастора такой поступокъ представился крайне неблагороднымъ. Бенни не вытерпѣлъ и сказалъ товарищамъ, что они поступаютъ дурно и *«не по-рыцарски»*. Мальчики отвѣчали ему, что онъ самъ ужъ «za nadto rycerz» (черезчуръ рыцарь), что онъ, какъ полякъ, не долженъ поступать по-рыцарски съ москалемъ.

— А я,—разсказывалъ, смѣясь, Бенни:—полный въ то время прочитанныхъ мною повѣстей о славныхъ рыцаряхъ и великихъ людяхъ древнихъ и новыхъ временъ, всегда поставлялъ себѣ задачею подражать этимъ людямъ. У насъ, въ нашемъ томашовскомъ саду, были и свои зàмки, и свои рыцарскіе уставы, и всѣ мы, братья, были «рыцари», а сестры наши дамы. Поэтому, привыкнувъ дорожить «рыцарствомъ», я вспылилъ, что будто можно быть «рыцаремъ черезчуръ». Мнѣ этотъ солдатъ, изъ-за котораго началось дѣло, конечно, былъ совсѣмъ чужой человѣкъ по всему;

но тутъ я вдругъ просто полюбилъ его. «Москаль не стòитъ сожалѣнія»... Мнѣ сейчасъ же припомнилась извѣстная американка, которая сказала, что если хотя три человѣка будутъ осуждены на вѣчное мученіе въ аду, то она будетъ просить, чтобы она была четвертая, и я, почти не помня себя отъ гнѣва, отвѣтилъ, что если, будучи полякомъ, нельзя быть рыцаремъ, то я лучше не хочу быть и полякомъ»...

— Впрочемъ,—продолжалъ Бенни: — я, и успокоясь, не чувствовалъ особенной опрометчивости въ этомъ отвѣтѣ. Послѣ мнѣ только было досадно, что я оскорбилъ національное чувство моихъ товарищей, но самъ для себя я не чувствовалъ никакой неловкости отъ того, что отрекся быть полякомъ. Я, напротивъ, былъ очень радъ почувствовать послѣ этой сцены, что не имѣю рѣшительно никакихъ національныхъ пристрастій и что у меня *нѣтъ никакого отечества* — что для меня просто милы и дороги люди, — что я люблю все скорбящее и бѣдствующее человѣчество.

Такимъ образомъ юный демократъ и соціалистъ отыскалъ въ себѣ и еще одно новое свойство, пригодное для воспитанія въ немъ совершеннѣйшихъ соціалистическихъ симпатій: онъ былъ *космополитъ* и (что всего рѣже) Бенни былъ космополитъ самый искренній, а не напускной, до первой кости. Да и удивительно ли было ему чувствовать себя космополитомъ? Отецъ Бенни (извѣстный гебраистъ) жилъ въ землѣ чужой, и родство у Бенни по мужской линіи было еврейское; мать его была англичанка, не знавшая и даже, кажется, не изучавшая языка той страны, гдѣ ей довелось жить; онъ самъ родился въ Польшѣ, странѣ, подвластной Россіи и ненавидящей ее, — какое, въ самомъ дѣлѣ, могло быть отечество у такого, такъ сказать, безпочвеннаго гостя земли? Ему всего легче было чувствовать себя *гражданиномъ вселенной*, — онъ такъ себя и чувствовалъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Усвоивъ себѣ эти чувства, Бенни не сталъ скрывать ихъ отъ своихъ польскихъ товарищей, и, въ доказательство своего равнодушія къ патріотической польской нетерпимости, часто ходилъ бесѣдовать съ квартировавшими съ нимъ на одномъ дворѣ русскими солдатами. Отъ одного изъ этихъ

солдатъ онъ узналъ, что въ Россіи есть такая вещь, какъ *общинное владѣніе землею* у вольныхъ крестьянъ. Бенни это поразило! Та форма общежитія, о которой онъ мечталъ и которую собирался отыскивать, была уже открыта, и притомъ открыта простыми людьми и людьми той національности, которую вокругъ него всѣ не уважали, называли варварскою и всячески ее порочили и осуждали. За что же осуждать такой народъ, который любитъ и удерживаетъ такія, какъ находилъ мальчикъ, безпримѣрно хорошія учрежденія? Бенни, напротивъ, почувствовалъ съ этого времени симпатію къ Россіи и весь предался изученію русскаго языка и русской исторіи.

— Въ классѣ надо мною за это смѣялись,—говорилъ покойникъ: — и даже строго осуждали мое вниманіе къ Россіи; но дома, пріѣзжая на каникулы, я весь отдавался моему любимому чтенію объ этой странѣ съ такимъ восхитительнымъ земельнымъ устройствомъ.

Такимъ образомъ, при безпрерывномъ чтеніи, Бенни дочитался до болѣе ясныхъ опредѣленій русской круговой поруки, общины и артели (которыми, здѣсь можно кстати сказать, покойный всегда бредилъ, идеализировалъ ихъ и никогда не понималъ ихъ какъ слѣдуетъ).

— Не знаю,—говорилъ Бенни:—и не понимаю, что̀ за критическій взглядъ проводился на эти формы русской жизни тѣми заграничными писателями, у которыхъ я все это вычиталъ; но помню, что и артель, и община, и круговая порука мнѣ нравились все болѣе и болѣе, и я съ одной стороны сгоралъ нетерпѣніемъ увидать, какъ живутъ люди въ общинѣ и въ артели, а съ другой—приходилъ въ отчаяніе, какъ честные люди всего міра не видятъ преимуществъ такого устройства передъ всякими иными организаціями? Я былъ твердо убѣжденъ, что русская община современемъ будетъ понята и усвоена всѣмъ міромъ, и тогда на свѣтѣ будетъ конецъ пролетаріату. Я рѣшилъ и всегда потомъ чувствовалъ, что отсюда начнется исполненіе пророчества Іезекіиля о приближеніи времени, когда «всѣ мечи раскуютъ на рала». «*Жизнь мою*, говорилъ Бенни:—*я тогда же опредѣлилъ положить за успѣхъ этой задачи*».

Все это такъ и осталось вѣчною его задачею, къ осуществленію которой онъ постоянно рвался горячо, искренно, со

всѣмъ пыломъ настоящаго фанатика и со всею безтактностію юнаго теоретика.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Артуръ Бенни окончилъ гимназическій курсъ очень рано, чуть ли не 15-ти лѣтъ, и былъ посланъ для продолженія своего образованія въ Англію, подъ надзоръ одного изъ братьевъ своей матери. Въ Лондонѣ онъ доучился и потомъ поступилъ въ англійскую службу инженеромъ, въ вульвичскій арсеналъ.

— Мнѣ жилось бы прекрасно,—говорилъ Бенни:—если бы для меня «*прекрасно*» выражалось въ томъ, что у меня есть все нужное, а впереди — ровная, хорошая служебная карьера; но такая жизнь была далека отъ моего идеала жизни».

Русскія симпатіи Бенни повлекли его въ Лондонѣ къ сближенію съ тогдашнимъ лондонскимъ русскимъ революціоннымъ кружкомъ. Бенни познакомился съ покойнымъ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ (Искандеромъ), съ Бакунинымъ, съ Огаревымъ, съ возвратившимся послѣ на родину и писавшимъ свои покаянія эмигрантомъ Василіемъ Ивановичемъ Кельсіевымъ и со многими другими революціонными людьми, группировавшимися въ то время въ Лондонѣ вокругъ Герцена. Въ домѣ Герцена Бенни былъ принятъ пріятельски и, кромѣ того, давалъ нѣкоторое время какіе-то уроки дочери покойнаго Герцена, Ольгѣ Александровнѣ,—кажется, онъ училъ эту молодую дѣвушку языкамъ, такъ какъ онъ, при хорошемъ общемъ классическомъ образованіи, былъ большой и довольно просвѣщенный лингвистъ. О томъ же, какъ онъ долженъ былъ казаться пріятнымъ дѣтямъ, нечего и говорить, такъ какъ это былъ человѣкъ образцовой мягкости, благовоспитанный, нѣжный, честный, много начитанный, беззавѣтно веселый и безповоротно самоотверженный. Однимъ словомъ, герой для самаго восторженнѣйшаго романа!

Сближеніе юнаго, пылкаго и рѣшительнаго Артура Бенни съ герценовскимъ кружкомъ имѣло рѣшительное вліяніе на позднѣйшія судьбы пылкаго юноши.

Слѣдуетъ не забывать, что все то, о чемъ мы разсказываемъ, для Бенни возымѣло свое начало еще въ эпоху бывшаго въ Россіи крѣпостного права, которому хотя тогда и

наступили уже послѣдніе дни, но кончинѣ котораго даже и здѣсь, въ Россіи, еще плохо вѣрилось. Въ Лондонѣ же тогда всевластно господствовало убѣжденіе, что единственный путь спасенія Россіи отъ крѣпостного права, злосудія и произвола есть соціально-демократическій переворотъ, а переворотъ этотъ надо произвесть посредствомъ народнаго возстанія противъ правительства и при этомъ порѣшить помѣщиковъ. Однимъ словомъ—это относится еще къ порѣ столь памятнаго, хотя совсѣмъ не безпристрастно растолкованнаго герценовскаго воззванія: «къ топорамъ!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Такъ какъ вся революція, которая считалась иными тогдашними нашими политиками столь необходимою и сбыточною, и замышлялась будто бы на пользу тѣхъ великихъ формъ русской народной жизни, въ которыя былъ сентиментально влюбленъ и о которыхъ мечталъ и грезилъ Артуръ Бенни, то онъ, какъ боевой конь, ждалъ только призыва, куда бы ему броситься, чтобы умирать за народную общину и артельную Россію, въ борьбѣ ея съ Россіею дворянскою и монархическою. Въ Лондонѣ же, изъ тамошнихъ русскихъ революціонныхъ людей, настоящихъ охотниковъ столь рьяно и безразсчетно искать смерти за мужицкую Русь не находилось, или, по крайней мѣрѣ, они не выступали. Тогда еще только *говорили*, а ничего *не дѣлали*. (Поѣздки въ Норвегію Герцена-сына и Бакунина, равно какъ и пріѣздъ въ Россію Василья Кельсіева съ паспортомъ турецкаго подданнаго Янини—все это дѣла дней позднѣйшихъ). Въ то же время, котораго это касается, опять повторяю, въ Лондонѣ *только говорили* о революціяхъ *да писали*, а къ дѣламъ вовсе не приступали. Нетерпѣливаго юношу Бенни это чрезвычайно огорчало: онъ становился безпокоенъ, назойливъ, рвался и напрашивался на дѣло. Онъ вообще былъ не изъ говоруновъ, и фразерства терпѣть не могъ, а потому, чтобы избавиться отъ его порывовъ къ дѣлу, его непремѣнно надо было или пускать въ ходъ, или скорѣе вовсе съ рукъ спустить. Можно полагать, что Бенни своею пылкостью и назойливостью началъ надоѣдать своимъ русскимъ лондонскимъ друзьямъ, но самъ онъ, тогда нетерпѣливо ожидая похода на Россію, ничего этого не замѣчалъ. Онъ только томился передъ во-

просами: «когда же? и скоро ли?» По тѣ, къ кому приступалъ онъ съ этими вопросами, спѣшили потихоньку и только ораторствовали въ интимныхъ бесѣдахъ и на большихъ выходахъ. Эта медлительность и равнодушіе лондонскихъ революціонныхъ зачинщиковъ повергала Бенни въ отчаяніе. Онъ тѣмъ больше кипятился, что въ это время въ Россіи правительство уже освободило крестьянъ съ земельными надѣлами, задумало дать гласный судъ и ввести другія реформы, при которыхъ доказывать русскимъ людямъ настоятельную необходимость революціи становилось день-ото-дня все труднѣе и труднѣе. Въ это время, какъ нарочно и какъ на горе Бенни, подвернулся слѣдующій незначительный случай. Одинъ русскій сибирскій купецъ прибылъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Лондонъ. (Имя его—секретъ Полишинеля). Проѣздомъ черезъ Парижъ онъ тамъ схороводился кое съ кѣмъ изъ русскихъ распространителей «Колокола»; разболтался съ ними, разлиберальничался и, столкнувшись потомъ съ ними въ Лондонѣ, гдѣ они желали представиться Герцену, онъ и самъ ощутилъ въ себѣ потребность исполнить эту церемонію. Представившись Герцену, заѣзжій сибирякъ познакомился черезъ него съ прочими людьми лондонской революціонной семьи, собиравшейся у Герцена при его большихъ выходахъ. Въ числѣ этихъ новыхъ знакомствъ сибирскаго гостя оказался и Артуръ Бенни. Увлекшись заманчивостью своего новаго положенія и находясь подъ обаяніемъ ласкъ самого Герцена (чѣмъ тогда дорожили и не такіе люди), сибирскій купецъ на время позабылъ, что онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, какъ говорится, «по своимъ дѣламъ», а вовсе не для того, чтобы вертѣться около г. Герцена. Онъ началъ добродушно лисить передъ всѣми людьми герценовскаго кружка и, съ свойственною русскому человѣку лукавинкою, сейчасъ смекнулъ, какъ ему здѣсь держать себя, чтобы на него глядѣли получше. Онъ сталъ говорить, что прибылъ въ Лондонъ именно съ тѣмъ единственно, чтобы завязать здѣсь съ самимъ Александромъ Ивановичемъ и съ его вѣрными людьми хорошія и прочныя связи на жизнь и на смерть, и затѣмъ, уѣхавъ въ Сибирь, служить оттуда, изъ дома, тому самому дѣлу, которому они служатъ здѣсь, въ Лондонѣ.—«Дескать, поручите мнѣ что вамъ угодно: перепечатывать ли тамъ, въ Сибири, герценовскій «Колоколъ»,—

будемъ «Колоколъ» перепечатывать; или издавать прокламаціи, какихъ потребуютъ обстоятельства, и на это, говоритъ, готовъ: прокламаціи будемъ издавать».

Однимъ словомъ, готовъ человѣкъ вести въ Сибири соціально-демократическую пропаганду и рыть подкопы противъ существующаго правительства, которое (какъ тогда было рѣшено) освободило крестьянъ скверно, и само ничего не способно разрѣшить удовлетворительно и сообразно съ выгодами народа.

Въ Лондонѣ предпочли всему одобрить перепечатку «Колокола» и распространеніе его въ Сибири. Сибирякъ съ полною готовностью взялся и за то, и за другое, и завѣрялъ, что Сибирь непремѣнно очень скоро взбунтуется.

Одного сибирскому соціалисту яко-бы недоставало: грамотнаго, представительнаго и смѣлаго человѣка, который бы взялъ на себя трудъ по затѣянной перепечаткѣ въ Сибири «Колокола». Купецъ, раскинувъ здравымъ умомъ, вѣроятно, разсчитывалъ, что охотника взяться за такое дѣло въ Сибири, въ числѣ живущихъ въ Лондонѣ людей, конечно, не найдется ни одного, и онъ только повздыхаетъ передъ лондонцами своими гражданскими вздохами, что «вотъ все бы-де такъ; я на все готовъ, но людей нѣтъ», да все и тѣмъ и покончится.

— Такъ, молъ, это Господь милосердый и пронесетъ, и вернемся мы опять къ своимъ дѣламъ и станемъ жить да поживать, да добро наживать. Надую, молъ, всѣхъ васъ въ одно слово, да и только.

Но не тутъ-то было: купецъ промахнулся. Онъ все соображалъ, прикидывая всѣхъ на масштабъ тѣхъ революціонеровъ, какихъ ему случилось видѣть въ Россіи и частію въ Парижѣ, а не зналъ, какіе антики водятся въ Лондонѣ.

На этомъ его Богъ и попуталъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не успѣлъ купецъ пожаловаться, что онъ не имѣетъ человѣка для перепечатыванія въ Сибири «Колокола», какъ ему сейчасъ же съ оника былъ предложенъ для этого дѣла человѣкъ, способный и готовый положить свою голову и душу за демократическую Россію. Человѣкъ этотъ былъ Артуръ Бенни.

Купцу-соціалисту, захваченному такою напастью врас-

плохъ, въ Лондонѣ некуда было отъ этого попятиться. Онъ увидалъ, что попался очень крѣпко, но тотчасъ же понялъ, что отпираться ему неловко, и что пока онъ здѣсь, въ Лондонѣ, ему надо себя выдержать. Онъ рѣшился принять предложеннаго ему революціоннаго агента и провезть его съ собою въ Россію, въ качествѣ инженера, нужнаго будто бы для его сибирскихъ фабрикъ и заводовъ. Артуръ Бенни торжествовалъ. Онъ радостно прощался съ Англіею и оставлялъ безъ малѣйшаго сожалѣнія свое мѣсто при вульвичскомъ арсеналѣ, гдѣ онъ получалъ около 500 фунтовъ жалованья (по позднѣйшему курсу около 5000 р. с. на наши деньги). Артуръ Бенни досталъ себѣ англійскій паспортъ, въ которомъ значился «*натурализованнымъ англійскимъ субъектомъ*», и снарядился въ путь съ своимъ русскимъ принципаломъ въ Россію.

Купецъ отплывалъ съ Бенни совершенно спокойно, потому что у него уже былъ столько же простой, сколько оригинальный и вѣрный планъ, какъ ему развязаться и съ транспортируемымъ имъ революціонеромъ, и со всею задуманною въ Лондонѣ революціею въ Сибири.

Перевалившись на континентъ Европы, сибирякъ, которому приспастили Артура Бенни, тотчасъ же нѣсколько поспустилъ съ своихъ плечъ революціонную хламиду. Прежде всего во Франціи онъ захотѣлъ, что называется, «пожуировать своею жизнію». Дѣвственный Бенни былъ для этого самый плохой компаніонъ: онъ не любилъ и даже не выносилъ вида никакихъ оргій, самъ почти ничего не пилъ, въ играхъ ни въ какихъ не участвовалъ, легкихъ отношеній къ женщинамъ со стороны порядочныхъ людей даже не допускалъ, а самъ и вовсе не зналъ плотскаго грѣха и считалъ этотъ грѣхъ большимъ преступленіемъ нравственности (Артуръ Бенни былъ *дѣвственникъ*,—это извѣстно многимъ близко знавшимъ его лицамъ и между прочимъ одному уважаемому и нынѣ весьма извѣстному петербургскому врачу, г. Т—му, пользовавшему Бенни отъ тяжкихъ и опасныхъ болѣзней, причина которыхъ лежала въ его *дѣвственности*, боровшейся съ пламеннымъ темпераментомъ его пылкой, почти жгучей натуры). Купцу же, въ свою очередь, не нравилось такое цѣломудріе, и онъ безъ церемоніи говорилъ Бенни:

— Экой же ты, братъ, шутъ, что не знаешь ты самаго

хорошаго, безъ чего жить нельзя! Ты примѣряйся, а то мы такихъ не любимъ.

Артуръ Бенни, дорожа своимъ русскимъ революціонеромъ, скрѣпя сердце, отпучивался, праву его не препятствовалъ, и закочевали они съ нимъ изъ столицы въ столицу Европы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Купецъ распился и безобразничалъ,—Бенни смотрѣлъ съ отвращеніемъ на его дикія оргіи, но все терпѣлъ. Переносясь изъ страны въ страну, купецъ даже нашелъ средство извлекать себѣ изъ слѣдовавшаго за нимъ Бенни изрядную пользу. Онъ отпустилъ въ Парижѣ своего наемнаго переводчика, котораго до сей поры возилъ съ собою, и обратилъ въ переводчика Бенни, разумѣется, безъ всякаго ему за это вознагражденія.

Купецъ не спѣшилъ въ Россію, а Бенни, слѣдуя за нимъ, прокаталъ почти всѣ свои небольшія деньги и все только удивлялся, что это за странный закалъ въ этомъ русскомъ революціонерѣ? Все онъ только ѣстъ, пьетъ, мечетъ банки, рѣжетъ штоссы, раздѣваетъ и одѣваетъ лоретокъ и только между дѣломъ иногда вспомнитъ про революцію, да и то вспомнитъ для шутки: «А что, молъ, скажешь, какъ, милый баринъ, наша революція!»

Будь на мѣстѣ Артура Бенни сопутникомъ этого сибирскаго купца какой хотите не совсѣмъ безтолковый человѣкъ, не нашпигованный и не наученный лондонскими знатоками русскаго народа видѣть въ каждой наглости, грубости и глупости простого русскаго человѣка черту особыхъ, одному русскому простолюдину свойственныхъ, высокихъ качествъ, этотъ человѣкъ давно бы увидѣлъ, что его дурачитъ дуракъ и бросилъ бы этого дурака посреди его дороги. Но Бенни уже такъ было наказано, что революціоннѣе русскаго раскольника нѣтъ никого въ мірѣ, и что какъ онъ, этотъ раскольникъ, по своей непосредственности, ни чуди и ни юродствуй, а уже противъ него никто не постоитъ ни въ умѣ, ни въ твердости, ни въ разсудкѣ. Въ то наивное время такъ вѣрили и не въ одномъ Лондонѣ. Такъ точно вѣрилъ и простодушный Бенни и все терпѣлъ отъ своего безобразника; но, наконецъ, купцу надоѣло разъѣзжать да пьянствовать; подходило время ѣхать домой. На пути въ

Россію ему оставался одинъ нѣмецкій Берлинъ; нужно было только взять на желѣзной дорогѣ сквозной билетъ въ Россію, и переводчикъ съ иностранныхъ языковъ купцу больше не нуженъ. Купецъ взглянулъ на Бенни и рѣшилъ, что уже тутъ пора ему съ нимъ и кончить.

— Думалъ-было я его сбросить, гдѣ попало, по дорогѣ,— разсуждалъ сибирякъ:—да помануло́ся мнѣ, что онъ на всѣ языки знаетъ, и завезъ его вотъ какъ далеко.

Тогда сибирскій соціалистъ, много не обинуясь съ Бенни, сказалъ ему: «Куда же это мы теперь съ тобою, милый баринъ, подъѣхали?»

— Мы въ Пруссіи,—отвѣчалъ Бенни.

— Знаю, что въ Пруссіи, да кой насъ, прости Господи, лукавый вмѣстѣ сюда занесъ? Вѣдь изъ самой изъ этой Пруссіи летятъ къ намъ гусіи нашу пшеницу клевать.

— А что?—спросилъ удивленный Бенни.

— Да вѣдь говорю же тебѣ *что*. Да еще вонъ я теперь вспомнилъ, что ихъ король-то съ нашимъ государемъ и посейчасъ въ родствѣ!

Изумленный Бенни смотрѣлъ на своего спутника недоумѣвая, что̀ онъ хочетъ этимъ сказать, и, наконецъ, спросилъ его, что̀ же такое изъ этого слѣдуетъ, что прусскій король въ родствѣ съ русскимъ государемъ?

— А то слѣдуетъ,—отвѣчалъ купецъ:—что ѣхалъ бы ты теперь, нѣмчикъ, отсюда назадъ.

— Какъ назадъ?—спросилъ съ удивленіемъ произведенный въ нѣмчики Бенни.

— А такъ, что вѣдь тебѣ у насъ по настоящему дѣлать совсѣмъ нечего: я съ тобою не поѣду, да и всего этого, что̀ я вамъ говорилъ, ничего не будетъ,—объявилъ онъ Бенни и добавилъ, что все, что онъ тамъ въ Лондонѣ разсказывалъ, то это было какъ во снѣ, и онъ самъ ничего этого теперь не вспомнитъ.

— А къ тому же,—говоритъ,—мы и сами въ своемъ мѣстѣ не послѣдніе капиталисты, и насъ-де и хорошіе люди, благодаря Бога, не за пустыхъ людей почитаютъ, да есть, молъ, у меня и жена, и дѣти; ну, однимъ словомъ, не хочу дѣлать революцію да и все тутъ, и ступай, нѣмчикъ, назадъ.

Бенни сталъ уговаривать купца, чтобы онъ хоть только къ своимъ дѣламъ его въ Сибирь взялъ.

— Нѣтъ, и этого,—говоритъ,—душа моя, никакъ невоз-

можно: потому у меня братья — простецы, необразованные; имъ этихъ нашихъ съ тобою политическихъ дѣловъ ни за что не понять... Нѣтъ, и не собирайся, ни за что нельзя.

Бенни пустился уговаривать его, что никакихъ политическихъ предпріятій въ ихъ домѣ не разовьетъ, что онъ только хочетъ взглянуть на Сибирь и познакомиться съ нею; но собирякъ сталъ на своемъ, что и этого нельзя, да и не стòитъ.

— Чего ее,—говоритъ,—и смотрѣть, Сибирь-то? Ее у насъ только поневолѣ, за наказанье смотрятъ, сторона ссыльная, да глухая, а у меня опять тоже и матушка съ батюшкою такіе же люди старозаконные; а ты, кто тебя знаетъ, какой вѣры; они съ тобою за столъ не сядутъ, а тамъ еще, помилуй Богъ, что откроется...—Нѣтъ. Въ общемъ выводѣ выходитъ опять: «ступай, нѣмчикъ, назадъ, да и все тутъ».

— Въѣдемте же, по крайней мѣрѣ, хоть вмѣстѣ въ Россію?—уговаривалъ его Бенни; но купецъ и отъ этого отказался и самымъ рѣшительнымъ образомъ запротестовалъ противъ того, что Бенни везетъ на себѣ множество листовъ «Колокола», съ которыми его могутъ поймать на границѣ.

— Но вѣдь это все только меня будетъ касаться, а не васъ,—отвѣчалъ агитаторъ.

— «*Не васъ*»,—отозвался купецъ.—Ага! вы вѣдь думаете, что у насъ, небось, какъ у прочихъ, какъ въ Англіи, слабости въ начальствѣ-то! Нѣтъ-съ, у насъ на это честно: у насъ, какъ прижучатъ, такъ вы тогда и про меня скажете. А мы съ вами давай лучше добромъ здѣсь разстанемтесь; вотъ почеломкаемтесь, да и бывайте здоровы. Ей-Богу, такъ лучше.

Бенни посмотрѣлъ на своего партнера и холодно отвѣчалъ ему, что ему нѣтъ дѣла до его соображеній, и что онъ все-таки поѣдетъ въ Россію.

— Да вы, пожалуй, если охота пропадать, такъ и поѣзжайте,—говорилъ купецъ.—Только вмѣстѣ намъ ѣхать не надо; а то поѣзжайте.

Бенни еще суше замѣтилъ, что онъ поѣдетъ, когда захочетъ.

— А ну, если вы отъ меня тутъ добромъ не отстанете и поѣдете вмѣстѣ со мною,—зарѣшилъ купецъ:—такъ я,—вотъ рука отсохни,—какъ на границу взъѣду, сейчасъ и укажу, чтобы васъ обыскали.

Бенни понялъ все значеніе этой угрозы и отсталъ отъ своего политическаго русскаго единомышленника въ Берлинѣ.

— Послѣ отхода поѣзда, съ которымъ уѣхалъ мой купецъ,—говорилъ Бенни:—я, признаюсь, долго думалъ: зачѣмъ же этотъ человѣкъ взманивалъ меня, зачѣмъ онъ меня везъ, и что это такое онъ теперь сдѣлалъ? Я ничего этого не могъ себѣ разрѣшить и чувствовалъ только, что, вѣроятно, еще ни одинъ революціонеръ въ мірѣ не былъ поставленъ въ такое смѣшное, глупое и досадное положеніе, въ какое поставленъ былъ я. Я былъ жалокъ самому себѣ и самого себя ненавидѣлъ; но возвращаться не хотѣлъ. Меня словно что-то роковое неодолимо тянуло въ Россію.

Возвращаться назадъ въ Лондонъ Бенни, кромѣ того, казалось чрезвычайно смѣшнымъ и даже невозможнымъ, да и къ тому же, какъ сказано, онъ хотѣлъ видѣть Россію. Теперь посмотрѣть Россію ему казалось даже еще необходимѣе, потому что ему хотѣлось удостовѣриться: много ли въ Россіи сибирскихъ купцовъ, въ родѣ его дорожнаго спутника, и познакомиться съ тѣми лучшими петербургскими людьми, изъ которыхъ онъ съ одними встрѣчался у Герцена, а о другихъ много слышалъ какъ о людяхъ развитыхъ, серьезныхъ, умныхъ и держащихъ въ своихъ рукахъ всѣ нити русской соціально-демократической революціи. Сталобыть, стоитъ доѣхать въ Петербургъ, сойтись съ этими людьми, и снова можно попасть другимъ путемъ въ то же самое дѣло. Бенни такъ рѣшилъ и съ остатками своихъ деньжонокъ махнулъ изъ Берлина въ Россію участвовать въ здѣшней соціально-демократической революціи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Люди, къ которымъ Бенни явился въ Петербургѣ, первоначала очень обрадовались такому гостю. Свелъ Бенни съ этою партіею нѣкто умершій подъ арестомъ въ крѣпости акцизный чиновникъ Ничипоренко, а къ Ничипоренкѣ Бенни явился потому, что зналъ объ этомъ жалкомъ и въ то же время роковомъ человѣкѣ отъ В. П. Кельсіева, съ которымъ Ничипоренко былъ товарищъ по воспитанію въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ и поддерживалъ перепискою съ нимъ непрерывныя сношенія. Здѣшніе молодцы (теперь уже одни старцы, а другіе покойники), съ

которыми Ничипоренко свелъ Бенни, пріютили его и безъ мѣры радовались, что къ нимъ прибылъ *«герценовскій эмиссаръ»*. Другого имени Бенни не было, и отсюда онъ такъ и пошелъ *герценовскимъ посломъ*, пока потомъ тѣми же самыми людьми былъ объявленъ *шпіономъ*.

Бенни до самой послѣдней минуты утверждалъ, что онъ никогда и нигдѣ не выдавалъ себя за герценовскаго посла, и не знаетъ, *кто первый* выпустилъ этотъ слухъ; но съ другой стороны утверждалось, что онъ будто когда-то называлъ себя этимъ титуломъ, и это было поводомъ ко многимъ непріятностямъ для горячаго и легкомысленнаго юноши (Бенни впослѣдствіи два раза писалъ Герцену и просилъ его вступиться за него и оправдать его, но Герценъ этого не сдѣлалъ. Почему? Бенни говорилъ, что Герценъ не хотѣлъ нарушать согласія въ здѣшнихъ кружкахъ, и это было источникомъ многихъ горестнѣйшихъ для Бенни минутъ).

Но вотъ и здѣсь, въ Петербургѣ, съ Бенни открылась та же забота, что̀ была съ нимъ въ Лондонѣ: эмиссару надо дать занятіе, достойное герценовскаго посла: надо было показать ему, что вся русская революція, о которой тогда били тревогу за границею, тутъ уже совсѣмъ на мази, что все здѣсь и ключомъ кипитъ, и огнемъ горитъ, и что еще денекъ-другой, да и *«завтра бой»*. А между тѣмъ дѣлъ-то, собственно говоря, какъ извѣстно, не было начато никакихъ, да и никто не зналъ, какъ ихъ еще и починаютъ. Знали, что во время революцій люди сходятся на площадяхъ, и вздумаютъ: «можетъ-быть, и намъ бы на площадь?» и согласятся сойтись на площадь. А какъ опять это администрировать, чтобы сойтися на площадь, даже и объ этомъ не было ни у кого ни малѣйшаго понятія.

Все, что̀ умѣли дѣлать тогдашніе революціонеры, заключалось развѣ въ томъ, чтобы, ѣдучи съ извозчикомъ, наговорить ему, сколь много сто̀итъ армія, или чего сто̀ятъ дворцы; или же дать солдатику почитать «Колоколъ». Больше же никто ничего не умѣлъ дѣлать, чѣмъ вполнѣ и объясняется, что въ романахъ и повѣстяхъ, гдѣ выводились люди, устраивающіе революцію, глухо говорилось, что люди эти *пошли дѣлать предпріятіе*, а какъ это «предпріятіе» надо дѣлать?—того никто не зналъ. Гораздо спустя, только уже у позднѣйшихъ далѣе развившихся писателей встрѣчаемъ, что *предпріятели* шныряютъ по городамъ, сидятъ гдѣ-то въ

слободкахъ и все *пишутъ до-бѣла свѣта*, но и эти позднѣйшіе писатели все-таки опять не могли придумать, что̀ такое именно пишутъ ихъ предприниматели, и оттого эти герои ихъ опытному человѣку всего болѣе напоминали собою нарочныхъ чиновниковъ, секретно повѣряющихъ ревизскія сказки. Артуръ же Бенни, несмотря на свои юные годы, былъ въ революціонныхъ дѣлахъ человѣкъ, если не очень опытный, то, по крайней мѣрѣ, наслышанный и начитанный: онъ видалъ въ Лондонѣ избраннѣйшихъ революціонеровъ всѣхъ странъ и теоретически зналъ, какъ у людей распочинаютъ революціи, и что̀ для этого нужно. Первое, что̀ онъ присовѣтовалъ своимъ новымъ политическимъ друзьямъ (Н. Курочкину, В. Якушкину и С. Громеко), заключалось въ томъ, чтобы они пробовали отъ времени до времени дѣлать примѣрные «маневры». Его долго увѣряли, что этого вовсе не надо, что у насъ это все сдѣлается безъ всякихъ плановъ и маневровъ; но онъ, однако, упросилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ назначенный день и часъ всѣ люди, преданные въ Петербургѣ дѣлу революціи и готовые къ ней, прошли по одной изъ извѣстныхъ петербургскихъ площадей. Надъ этимъ смѣялись, находя все это совершенно ненужнымъ: увѣряли, что у насъ и на козла посмотрѣть тысячи народу собирается; но, однако, изъ снисхожденія къ прихоти англичанина сдѣлали для него распоряженіе о маневрахъ.

— «Англичанинъ — да, эксцентрикъ,—пусть-де его тѣшится!»

Ни одному изъ хитрыхъ людей, недоумѣвавшихъ, зачѣмъ нуженъ Бенни этотъ смотръ, и въ голову не бросилось, что англичанинъ не прихотничаетъ, а просто хочетъ повѣрить самихъ ихъ, революціонеровъ.

Сколько молъ ихъ? Не лгутъ ли они?

Маневры были назначены, и на нихъ явилось *три человѣка* по инфантеріи (въ томъ числѣ Громеко) и *два* на извозчикѣ, чтобы легче удирать (они-таки, поворотивъ, и далеко удрали, *но въ гору*, а не подъ гору, куда скатился злополучный эмиссаръ, производившій имъ смотръ, стоя у магазина Даціаро). Бенни пересчиталъ всѣхъ пятерыхъ храбрецовъ, рискнувшихъ пройтись и проѣхаться, и нашелъ, что наличная революціонная армія еще не довольно сильна, чтобы вступать въ открытый бой съ императорскими вой-

сками, и притомъ довольно плохо дисциплинирована. Бенни понялъ, что хозяева его лгутъ, что въ Петербургѣ по революцію еще и кони не сѣдланы и что все, что въ Лондонѣ и здѣсь разсказываютъ о близости революціи въ Россіи, есть или легкомысленный обманъ, или злостная ложь.

Послѣ этого смотра, или этихъ маневровъ, и Бенни, и тѣ, кто долженъ былъ репрезентовать чужеземному революціонеру доманнія русскія революціонныя силы, внезапно почувствовали, что имъ стало не совсѣмъ ловко смотрѣть въ глаза другъ другу.

Неудачность маневровъ старались приписать тому, что Бенни новое лицо, и что ему не всѣ довѣряются: Бенни показалъ, что онъ этому вѣритъ; но онъ прекрасно понималъ, что это одна увертка. Теперь онъ, при всей своей дѣтской довѣрчивости, видѣлъ уже и то, что люди, бредящіе въ Петербургѣ революціею, совсѣмъ люди не того закала, какой требуется для революцій, и отписалъ объ этомъ со всею искренностію, кому находилъ нужнымъ, въ Лондонъ. По поводу писемъ, въ которыхъ все это было описано и которыхъ недаромъ имѣли основанія бояться здѣшніе революціонеры, произошла исторія. Бенни долго выжидалъ случая отправить эти письма съ благонадежнымъ человѣкомъ. Здѣшніе революціонеры навязчиво предлагали ему свои услуги для отправки этихъ писемъ: имъ хотѣлось или совсѣмъ удержать ихъ у себя, или, по крайней мѣрѣ, подпечатать ихъ и прочесть. Бенни очень легко провидѣлъ эту хитрость. Онъ принялъ эти услуги, но не для того, чтобы ими воспользоваться, а для того, чтобы только испытать людей, съ которыми ему довелось имѣть дѣло. Онъ отослалъ свои письма въ Лондонъ съ знакомымъ ему англійскимъ шкиперомъ, а написалъ два другія малозначащія письма, для передачи его родственникамъ, и эти-то два письма и вручилъ своимъ петербургскимъ друзьямъ (Н. Курочкину и Ничипоренко), которые вызывались переслать его корреспонденцію черезъ вѣрныя руки въ Лондонъ. Петербургскіе политическіе друзья играли съ Бенни, а онъ игралъ съ ними.—Искренности, нужной для согласныхъ дѣйствованій, между ними уже не было никакой; они уже съ этихъ же первыхъ дней боялись другъ друга и другъ съ другомъ хитрили. Питерцы чувствовали, что они взаправду совсѣмъ не революціонеры и что Бенни, пожалуй, все это замѣтилъ въ нихъ и отписалъ объ этомъ,

и потому они хлопотали захватить въ свои руки его письма. Дескать: «распечатаемъ ихъ, прочтемъ, и тогда сами предупредимъ его и *его опишемъ* какъ нельзя лучше.» Бенни же, читая насквозь этихъ дипломатовъ, съ таинственнѣйшимъ видомъ вручилъ имъ, въ одномъ большомъ пакетѣ, письма, содержаніе которыхъ резюмировалось фразою: «кланяйтесь бабушкѣ и поцѣлуйте ручку».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Между тѣмъ, чтобы не терять попусту своего времени въ Петербургѣ, Артуръ Бенни пожелалъ проѣхаться по Россіи. Онъ хотѣлъ посмотрѣть, что̀ за народъ сидитъ тамъ, въ глуби русскихъ трущобъ, и посчитаться, съ кѣмъ тамъ придется вести дѣло, если бы затѣялась революція. На это петербургскіе предприниматели говорили Артуру Бенни, что въ провинціяхъ статья эта уже давно обработана, что Поволжье готово все встать какъ одинъ человѣкъ, и что въ Петербургѣ есть такіе знатоки русскаго міра, которые «*все знаютъ*»; но Бенни уже не вѣрилъ своимъ политическимъ друзьямъ и все-таки собирался на ярмарку, въ Нижній-Новгородъ. Видя его непреклонность, съ нимъ перестали спорить, но для сопровожденія его и для руководства его въ ознакомленіи съ страною снарядили того же юркаго и чрезвычайно въ то время популярнаго акцизнаго чиновника Андрея Ничипоренко. Этотъ молодой человѣкъ, имя котораго намъ уже приходилось вспоминать выше, въ то время въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ пользовался славою перваго русскаго революціонера. Особенно онъ былъ силенъ у низшихъ и высшихъ чиновниковъ нѣкоторыхъ канцелярій, гдѣ сидѣли наилучшіе герценовскіе корреспонденты изъ Петербурга, которыхъ этотъ Ничипоренко всѣхъ потомъ и перепуталъ. Онъ-то, сей самый Ничипоренко, и былъ избранъ менторомъ къ молодому, неопытному и восторженному Телемаку. Ихъ снабдили рекомендаціями (даже П. И. Мельниковъ въ этомъ участвовалъ) и даны были наставленія: какъ, куда ѣхать, съ кѣмъ повидаться, къ чему прислушаться? Кромѣ того, имъ даны были и особыя порученія привезти сюда съ ярмарки по оказіи нѣкоторыя мелочи: кому кальянъ, кому кавказскаго вина, кому другія подобныя хозяйственныя бездѣлушки. Забыли имъ дать только одного — денегъ, но зато имъ было внушено, что

они могутъ отлично ѣздить и безъ денегъ, заработывая все нужное на путевыя издержки корреспонденціями, которыя здѣшніе друзья ихъ взялись пристраивать въ газеты. Ничипоренко сразу и самъ убѣдился, что это, дѣйствительно, очень легко, и умѣлъ въ этомъ убѣдить и Артура Бенни. Менторъ и Телемакъ забрали въ саквояжи необходимыя письменныя принадлежности, сѣли въ Петербургѣ въ третьеклассный вагонъ Николаевской желѣзной дороги и поѣхали путешествовать по Россіи и *«устраивать предпріятіе»*. Нѣкій театральный человѣкъ сказалъ имъ комическое благословеніе, которое можетъ быть ихъ и сопровождало...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Эта поѣздка Бенни съ чиновникомъ Ничипоренко, сколько извѣстно, была первымъ дѣйствительнымъ *«предпріятіемъ»*., совершеннымъ лѣтъ за пять до того, какъ начали ни на что не похоже описывать подобныя предпріятія въ вялыхъ и неинтересныхъ повѣстяхъ и романахъ.

Ѣдучи съ недалекимъ, болѣзненнымъ, чахлымъ и до противности неопрятнымъ чиновникомъ Ничипоренко, Бенни немного нужно было, чтобы разгадать своего ментора. До Твери Бенни уже составилъ себѣ ясное понятіе, что спутникъ его крайняя ограниченность и несетъ белиберду. Остановившись по дорогѣ въ Твери, гдѣ имъ слѣдовало сѣсть на пароходъ, они уже немножко поссорились. Въ маленькомъ трактирчикѣ, гдѣ они пристали, Ничипоренко, строго взыскивая съ трактирнаго мальчика за какую-то неисправность, толкнулъ его и обругалъ словомъ, которое Бенни понималъ и котораго не могъ слышать.

Бенни показалось ужаснымъ такое обращеніе со стороны человѣка, который ѣхалъ «сходиться съ народомъ», и у нихъ произошла сцена. Бенни настоятельно потребовалъ, чтобы Ничипоренко или тотчасъ же извинился передъ трактирнымъ мальчикомъ и далъ слово, что впередъ подобнаго обращенія ни съ кѣмъ изъ простолюдиновъ, въ присутствіи Бенни, не допуститъ, или оставилъ бы его, Бенни, одного и ѣхалъ, куда ему угодно.

Бенни поставилъ Ничипоренко свои условія съ такою рѣшимостью, что тотъ сразу увидѣлъ себя въ совершенной необходимости на которое-нибудь изъ нихъ рѣшиться. Ѣхать назадъ одному, ничего не сдѣлавши для «предпрія-

тія» и притомъ не имѣя что̀ и разсказать о томъ, за что онъ прогнанъ, Ничипоренко находилъ невозможнымъ, и онъ извинился передъ мальчишкою и далъ Бенни требуемое этимъ послѣднимъ слово воздержаться впередъ и отъ драчливости, и отъ брани.

За симъ эмиссары снова поѣхали далѣе уже не по сухому пути, а по Волгѣ.

Ничипоренко, кажется, вовсе не понималъ всего значенія сдѣланной имъ уступки требованіямъ Бенни: онъ не предвидѣлъ, что послѣ нея онъ уже не можетъ имѣть никакой менторской власти надъ своимъ возмутившимся Телемакомъ, и что онъ изъ руководителя и наставника вдругъ, ничего не видя, сошелъ на позицію школяра, котораго дерутъ за уши.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ Нижній-Новгородъ у Бенни и Ничипоренко было (отъ П. И. Мельникова) письмо въ одинъ хорошій семейный домъ, хотя и не имѣвшій никакихъ прямыхъ связей съ предпріимчивою партіею, но весьма интересный для знакомства. Хозяинъ этого дома былъ молодой человѣкъ, чиновникъ съ родовыми связями и хорошо открытой карьерой. Въ то время этотъ господинъ всего года три какъ былъ женатъ на молодой дѣвушкѣ, тоже изъ очень хорошаго семейства. Молодые хозяева приняли рекомендованныхъ имъ изъ Петербурга гостей дружественно и радушно,—сдѣлали для нихъ обѣдъ и пригласили къ этому обѣду нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ, мужчинъ и дамъ. Ничипоренко уже успѣлъ шепнуть всѣмъ по секрету, что сопровождаемый имъ человѣкъ, Артуръ Бенни, есть «герценовскій эмиссаръ», съ которымъ они ѣдутъ «дѣлать предпріятіе», и всѣ, кому это было сказано, разумѣется, спѣшили, какъ на чудо, посмотрѣть на герценовскаго эмиссара. Ничипоренко, показывая Бенни любопытнымъ нижегородцамъ, былъ, однако, не совсѣмъ имъ доволенъ: онъ находилъ, что его эмиссаръ не такъ себя держитъ, какъ бы слѣдовало, что онъ «сентиментальничаетъ», что это въ немъ отзывается англійская рутина, и что онъ, Ничипоренко, долженъ показать Бенни, какъ слѣдуетъ вести себя съ провинціалами для того, чтобы производить на нихъ надлежащее впечатлѣніе. Ничипоренко приготовился блеснуть своимъ вольномысліемъ пе-

редъ собравшимся къ обѣду провинціальнымъ обществомъ. За обѣдомъ къ этому представился и удобный случай. Дамы, бесѣдуя съ Бенни (котораго дамы и полицейскіе всегда неотразимо принимали за настоящаго англичанина), говорили комплименты англійскимъ нравамъ и хвалили чистоту идей, проводимыхъ въ большинствѣ англійскихъ романовъ.

— Тамъ никогда не позволяютъ себѣ издѣваться надъ семейными привязанностями и надъ бракомъ,—сказала одна дама.

— Это совершенно справедливо,—отвѣчалъ Бенни:—хотя бракъ уважается повсюду, но въ Англіи особенно крѣпки и семейныя связи, и семейныя преданія.

Ничипоренко нашелъ этотъ моментъ отмѣнно удобнымъ, чтобы за разъ и проучить Бенни, «чтобы онъ не подличалъ», и, въ то же время, показать, какъ людямъ ихъ званія слѣдуетъ направлять въ обществѣ такіе разговоры. Со всѣмъ свойственнымъ ему петербургскимъ вольномысліемъ того простодушнаго времени, Ничипоренко объявилъ во всеуслышаніе, что бракъ совсѣмъ не пользуется повсемѣстнымъ уваженіемъ, и что у насъ, у первыхъ, есть раскольники, которые не признаютъ брака, ибо бракъ есть—просто вредная глупость.

Имѣя въ виду, что такое суровое осужденіе брака было произнесено въ присутствіи замужней хозяйки и многихъ присутствовавшихъ здѣсь замужнихъ дамъ, нѣкоторая почтенная пожилая дама, родственница хозяевъ, замѣтила Ничипоренко, что ему такъ при семейныхъ людяхъ разсуждать не годится, что она и сама вѣнчалась, и дочерей замужъ выдавала, но никакой вредной глупости въ этомъ не видитъ.

— Да кто же видитъ свои глупости!—отвѣчалъ развязный Ничипоренко.

— Хотѣла бы вамъ, батюшка, отвѣчать, что, слушая васъ, я готова повѣрить, что, дѣйствительно, бываютъ люди, неспособные видѣть свои глупости; но скажу вамъ только, что вы большой невѣжа.

— А вы меня, небось, этимъ хотите сконфузить?—отвѣчалъ, разсмѣявшись, Ничипоренко и, махнувъ рукою, добавилъ:—Намъ мало дѣла до того, что̀ о насъ думаетъ подгнивающее поколѣніе! А что̀ касается до вашихъ дочерей,

которыхъ вы выдали замужъ, такъ мы еще не знаемъ, чѣмъ это окончится? Если спросить женщинъ, по совѣсти, такъ каждая изъ нихъ предпочитаетъ временныя свободныя отношенія вѣковѣчнымъ брачнымъ.

— Вы должны выйти вонъ! Сейчасъ вонъ!—вскрикнула, вся побагровѣвъ, старушка и, быстро отодвинувъ свое кресло, встала изъ-за стола.

Обѣдъ и дальнѣйшее гостеваніе въ этомъ домѣ были разстроены самымъ неожиданнымъ и самымъ печальнымъ образомъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ печальная исторія эта должна была отразиться и на самомъ предпріятіи. Эмиссары разсчитывали получить въ этомъ нижегородскомъ домѣ рекомендательныя письма въ Казань, въ Астрахань и въ Саратовъ, и имъ уже были и обѣщаны эти рекомендаціи; но какъ же послѣ этого, устроеннаго Ничипоренкомъ, скандала заикаться напоминать объ этомъ обѣщаніи?

Ничипоренко еще увѣрялъ опечаленнаго Бенни, что это не значитъ ничего, что у насъ, въ Россіи, теперь молодые за старыхъ не стоятъ; но Бенни считалъ дѣло проиграннымъ и ни за что не согласился просить писемъ.

— Мало того, что ихъ нельзя просить, но если бы мнѣ ихъ и дали, то я ихъ теперь не возьму,—рѣшилъ онъ Ничипоренкѣ.

Ничипоренко только пожалъ плечами и отвѣчалъ: «Ну, этакъ, батюшка мой, съ такими тонкостями вы въ Россіи ничего не сдѣлаете».

Бенни ему не отвѣчалъ.

Агитаторы оба взаимно были другъ другомъ недовольны и оба были не въ духѣ. Для перваго шага у нихъ уже было довольно неудачъ. Ничипоренко, однако, первый нашелся, какъ ему выйти изъ такого непріятнаго положенія. Сидя послѣ этого обѣда въ трактирномъ нумерѣ у окна, въ которое ярко свѣтило спускавшееся къ закату солнце и въ которое врывался шумъ и громъ съ зарѣчья, гдѣ кипѣла ярмарка, Ничипоренко нѣсколько разъ озирался на своего унылаго и поникшаго головою партнера и, наконецъ, сказалъ:

— Да бросьте вы, Бенни, объ этомъ думать! Эка, чортъ возьми, невидаль какая, что старая барыня разсердилась! Намъ не они нужны,—намъ народъ нуженъ.

Бенни приподнялъ голову и взглянулъ на своего сопутника остолбенѣлыми глазами.

Большіе, черные, какъ уголь, глаза Бенни при всякомъ грубомъ и неделикатномъ поступкѣ имѣли странную способность останавливаться, и тогда стоило большого труда, чтобы его, въ такое время, снова докликаться и заставить перенести свой взглядъ на другой предметъ. Позже это знали очень многіе; но Ничипоренко не былъ предупрежденъ о такихъ столбняковыхъ припадкахъ Бенни и очень испугался. Онъ облилъ Бенни водою и послалъ за докторомъ. Пришедшій докторъ велѣлъ пустить Бенни кровь, но пока отыскали фельдшера, который долженъ былъ открыть жилу, больной пришелъ въ себя. Ничипоренко былъ несказанно этимъ обрадованъ: онъ вертѣлся около Бенни, юлилъ и булькоталъ своимъ непріятнымъ голосомъ: «Намъ нуженъ народъ! Не они, а народъ. Я положительно говорю, что намъ нуженъ народъ!»

Разстроенный Бенни повторялъ за нимъ: «народъ».

— Именно народъ!—подхватывалъ Ничипоренко:—и мы должны идти къ народу, и мы должны сойтись съ нимъ.

Бенни смотрѣлъ на него молча.

— Что̀ вы смотрите? Пойдемте! — заговорилъ вдругъ, оживляясь, Ничипоренко. — Я вамъ ручаюсь, что вы въ наро̀дѣ увидите совсѣмъ другое, чѣмъ тамъ. Берите скорѣе шапку и идемъ.

Бенни взялъ шапку, и они пошли.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Менторъ велъ своего Телемака на ярмарку, которая волновалась и шумѣла, вся озаренная краснымъ закатомъ.

Они шли сходиться съ народомъ.

Ничипоренко опять впалъ въ свою роль руководителя и хотѣлъ показать Бенни, какъ должно сходиться съ русскимъ народомъ; но только, на свое несчастіе, онъ въ это время спохватился, что онъ и самъ не знаетъ, какъ за это взяться. Правда, онъ слыхалъ, какъ Павелъ Якушкинъ разговариваетъ съ прислугою, и зналъ онъ, что ужъ Павелъ Якушкинъ, всѣми признано, настоящій мужикъ, но опять онъ никакъ не могъ припомнить ни одной изъ якушкинскихъ

рѣчей; да и все ему мерещился ямщикъ, который однажды сказалъ Якушкину:

— А зачѣмъ же на табѣ очки? Коли ты мужикъ, табѣ очки ненадобѣ. Нѣшто мужики очки носятъ?

Ничипоренко поскорѣе схватилъ съ себя синіе консервы, которые надѣлъ въ дорогу для приданія бо́льшей серьезности своему лицу, и едва онъ снялъ очки, какъ его простымъ, не заслоненнымъ стеклами, глазамъ представился небольшой чистенькій домикъ, съ дверями, украшенными изображеніемъ чайника, графина, рюмокъ и чайныхъ чашекъ. Вверху надъ карнизомъ домика была вывѣска: «*Бѣлая харчевня*».

Въ эту же минуту Ничипоренко почувствовалъ, что Бенни вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и остановился.

— Чего вы?—спросилъ его Ничипоренко.

Бенни ничего не отвѣчалъ, но зорко, не сводя глазъ, смотрѣлъ на обогнавшихъ ихъ трехъ купцовъ, которые шли, жарко между собою разговаривая и перекидывая другъ другу съ рукъ на руки какой-то образчикъ.

Одинъ изъ этихъ купцовъ, кричавшій громко: «некогда! некогда!» былъ тотъ самый сибирскій революціонеръ, который сманилъ Бенни изъ Лондона и сказалъ ему въ Берлинѣ: «ступай, нѣмчикъ, назадъ». Вся эта исторія теперь проснулась въ памяти Бенни, и ему стало и еще тяжелѣе, и еще досаднѣе.

— И ему теперь некогда! думалъ я съ завистью,—разсказывалъ Бенни.—Онъ, сыгравшій со мною такую комедію, такъ счастливъ, что ему некогда, что его день, часъ, минута всѣ разобраны, а я все слоняюсь безъ дѣла, безъ толка, безъ знанія — что̀ дѣлать, за что̀ приняться? Онъ проходитъ теперь мимо меня, вовсе меня и не замѣчая... Не замѣтилъ онъ меня, или онъ меня побоялся?

Но прежде, чѣмъ Бенни успѣлъ рѣшить себѣ этотъ вопросъ, купецъ, поворачивая въ слѣдующій переулокъ, вдругъ быстро оборотился назадъ, погрозилъ Бенни въ воздухѣ кулакомъ и скрылся.

Въ раскрытыя окна «*Бѣлой харчевни*» неслись стукъ ножей, звонъ чашекъ, рюмокъ и тарелокъ, говоръ, шумъ и крикъ большой толпы и нескладные звуки русской пьяной, омерзительной пѣсни.

Бенни опомнился и, указывая на харчевню, съ гадливостью спросилъ:—«что это?»

Ничипоренко захохоталъ.

— Чего вы!—заговорилъ онъ. — Испугался!.. Небось не вѣсть что подумалъ, а это просто *народъ*.

— Но тутъ драка, что ли?

— Какая драка,—просто русскій *народъ*! Пойдемте.

Они вошли въ харчевню.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Оба агитатора были одѣты довольно оригинально: на Ничипоренкѣ былъ длинный коричневый пальмерстонъ и островерхая гарибальдійская шляпа, въ которой длинный и нескладный Ничипоренко съ его плачевною физіономіею былъ похожъ на факельщика, но такими шляпами тогда щеголяли въ Петербургѣ,—а на Бенни былъ гуттаперчевый макинтошъ и форменная англійская фуражка съ краснымъ околышемъ, на которомъ посрединѣ, надъ козырькомъ, красовался довольно большой, шитый золотомъ, вензель королевы Викторіи «R. V.» (Regina Victoria). Въ рукѣ Бенни держалъ дорогой шелковый зонтикъ, который привезъ съ собою изъ Англіи и съ которымъ никогда не разставался. Въ этомъ стройномъ уборѣ они и предъявились впервые народу.

Взойдя въ харчевню и отыскавъ свободное мѣсто, Ничипоренко спросилъ себѣ у полового чаю и газету.

Половой подалъ имъ чай и «*Ярмарочныя Извѣстія*». Газета эта ни Бенни, ни Ничипоренко не интересовала, а другихъ газетъ въ *Бѣлой харчевнѣ* не было.

За недостаткомъ въ литературѣ надо было прямо начинать «сходиться съ народомъ».

Ничипоренко все озирался и выбиралъ, съ кѣмъ бы ему какъ-нибудь заговорить? Но посѣтители харчевни — кто пилъ, кто ѣлъ, кто пѣлъ, кто шопотомъ сговаривался и торговался, не обращая никакого вниманія на нашихъ предпринимателей.

Среди шума, гвалта и толкотни, въ толпѣ мелькала маленькая, сѣдая голова крохотнаго старичка, который плавалъ по залѣ, какъ легкій поплавокъ среди тяжелыхъ листовъ водяного папоротника. Онъ на секунду пріостанавливался у какой-нибудь кучки и опять плылъ далѣе и такъ обтекалъ залу.

— Видите, какая сила, — говорилъ Ничипоренко, кивая головою на народъ. — Какова громадища, и вѣдь безстыжая,—все подъ себя захватитъ, исковеркаетъ и перемелетъ, только сумѣйте заговорить съ нимъ ихъ языкомъ.

— «Сѵмеону Богопріимцу и Аннѣ Пророчицѣ на возобновленіе храма Божія будьте укладчики!»—тихо и молитвенно пропѣлъ надъ нимъ въ эту минуту подплывшій къ нимъ сѣдой старичокъ въ сѣренькомъ шерстяномъ холодайчикѣ, съ книжечкою въ чехлѣ, съ позументнымъ крестомъ.

Ничипоренко взглянулъ ни старичка и сказалъ: «Проходи, дѣдъ, проходи: у насъ деньги трудовыя, мы на пустяки ихъ не жертвуемъ».

Старичокъ поклонился, пропѣлъ: «Дай вамъ Богъ доброе здоровье, родителямъ царство небесное», и поплылъ далѣе.

— Когда, какъ церковь-то сгорѣла? — слышалъ Бенни, какъ началъ разспрашивать одинъ изъ сосѣдей подошедшаго къ нему сборщика.

— На семикъ, на самый семикъ, молоньей сожгло.

Старичокъ еще поклонился и добавилъ: «Жертвуй Сѵмеону и Аннѣ за свое спасеніе».

Мѣщанинъ вынулъ пятакъ, положилъ его на книжку и перекрестился.

Старикъ отвѣтилъ ему такъ же, какъ отвѣчалъ Ничипоренкѣ,—ни болѣе, ни менѣе, какъ то же: «Дай Богъ тебѣ доброе здоровье, родителямъ царство небесное».

Старичокъ уже стоялъ передъ третьимъ столикомъ, за которымъ веселая компанія тянула пиво и орала пѣсни.

— Что? — крикнулъ пьяный парень, обводя старика несоловѣвшими глазами.—А! собираешь на церковное построеніе, на кабацкое разореніе, — это праведно! Жертвуй, ребята, живѣе!—продолжалъ парень и самъ досталъ изъ лежавшаго передъ нимъ картуза бумажный платокъ, зацѣпилъ изъ него нѣсколько мѣдныхъ копеекъ, бросилъ ихъ старику на книжку и произнесъ: «Будь она проклята эта питра,— унеси ихъ скорѣе, Божій старичокъ».

Бенни всталъ, догналъ старичка и положилъ ему на книжку рублевый билетъ.

Старикъ-сборщикъ, не выходя ни на секунду изъ своего спокойнаго состоянія, отдалъ Бенни свой поклонъ и протянулъ ему то же: «Дай Богъ тебѣ доброе здоровье, родителямъ царство небесное».

Но пьяный парень не былъ такъ равнодушенъ къ пожертвованію Бенни: онъ тотчасъ же привскочилъ со стула и воскликнулъ:

— Вотъ графчикъ—молодецъ!

Парень быстро тронулся съ мѣста, шатаясь на ногахъ, подошелъ къ Бенни и сказалъ:

— Поцѣлуемся!

Бенни, вообще не переносившій безъ неудовольствія пьяныхъ людей, сдѣлалъ надъ собою усиліе и облобызался съ пьянымъ парнемъ во имя сближенія съ народомъ.

— Вотъ мы... какъ...—залепеталъ пьяный парень, обнимая Бенни и направляясь къ столику, за которымъ тотъ помѣщался съ Ничипоренкою. — Душа! ваше сіятельство... поставь пару пива!

— Зачѣмъ вамъ пить?—отвѣчалъ ему Бенни.

— Зачѣмъ пить? А затѣмъ, что загулялъ... Далъ зарокъ не пить... опять бросилъ... Да загулялъ,—вотъ зачѣмъ пью... съ досады!

Мѣщанинъ сѣлъ къ ихъ столу, облокотился и завелъ глаза.

Ничипоренко шепнулъ Бенни, что этому перечить нельзя, что нашему народу питье не вредитъ и что этого парня непремѣнно надо попотчивать.

— Вотъ вы тогда въ немъ его духъ-то народный и увидите,—рѣшилъ Ничипоренко и, постучавъ о чайникъ крышкою, потребовалъ пару пива.

Парень былъ уже очень тяжелъ и безпрестанно забывался; но стаканъ холоднаго пива его освѣжилъ на минуту: онъ крякнулъ, ударилъ дномъ стакана объ столъ и заговорилъ:

— Благодаримъ, дворецкій, на угощеніи... Пей же самъ!

Ничипоренко выпилъ.

— Давай съ тобой, графчикъ, пѣсни пѣть!—отнесся парень къ Бенни.

— Я не умѣю пѣть,—отвѣчалъ клоша.

— Чего не умѣешь?

— Пѣть не умѣю.

— Отчего жъ такъ не умѣешь?

— Не учился,—отвѣчалъ, улыбнувшись, Бенни.

— Ахъ, ты, чортъ! Да нѣшто пѣть учатся? Заводи!

— Я не умѣю,—снова отвѣчалъ Бенни, вовсе лишенный того, что называютъ музыкальнымъ слухомъ.

— А еще графъ называешься!—презрительно отмахнувшись отъ него рукою, отозвался парень и, обратившись затѣмъ непосредственно къ Ничипоренкѣ, сказалъ: «ну, давай, дворецкій, съ тобой!»

Ничипоренко согласился; но онъ тоже, какъ и Бенни, и не умѣлъ пѣть, и не зналъ ни одной пѣсни, кромѣ «*Долго насъ помѣщики душили*», пѣсни, сочиненіе которой приписываютъ покойному Аполлону Григорьеву и которая одно время была застольною пѣснью извѣстной партіи петербургской молодежи. По этой пѣсни Ничипоренко здѣсь не рѣшался спѣть.

А парень все приставалъ:

— Ну, пой, дворецкій, пой!

Ничипоренко помирилъ дѣло на томъ, чтобы парень самъ завелъ пѣсню, какая ему была по обычаю, а онъ-де ему тогда станетъ подтягивать.

Парень согласился,—онъ закинулся на стулѣ назадъ, выставилъ впередъ руки и самою высокою пьяною фистулою запѣлъ:

«Царь нашъ бѣлый, православный,
Витязь сердцемъ и душой!»

Пѣсня эта имѣла на Ничипоренко такое же вліяніе, какое производилъ на Мефистофеля видъ освященныхъ мѣстъ: онъ быстро всталъ и положилъ на столъ серебряную монету за пиво; но тутъ произошла маленькая неожиданность: парень быстрымъ движеніемъ руки покрылъ монету своею ладонью и спросилъ:—«орелъ или рѣшетка?»

Ничипоренко смутился и сказалъ сурово парню, чтобъ тотъ не баловался и отдалъ деньги.

— Орелъ или рѣшетка?—съ азартомъ повторялъ, не поднимая руки, парень.

Ничипоренко досталъ изъ кармана другую монету, расчелся и ушелъ. Съ нимъ вмѣстѣ ушелъ и Бенни, получившій отъ мѣщанина на дорогу еще нѣсколько влажныхъ пьяныхъ поцѣлуевъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

«Предприниматели» шли молча по утихавшимъ стогнамъ деревяннаго ярмарочнаго города.

При послѣднихъ трепетаніяхъ закатныхъ лучей солнца, они перешли планкоутный мостъ, соединяющій ярмароч-

ный городъ съ настоящимъ городомъ, и въ быстро густѣющей тѣни сумерекъ стали подниматься въ гору по пустынному нижегородскому взвозу. Здѣсь, на этомъ взвозѣ, въ ярмарочную, да и не въ ярмарочную пору, какъ говорили, бывало *нечисто:* тутъ въ ночной тьмѣ бродили уличные грабители и воришки, и тутъ же, подъ сѣнью обваловъ, ютился гнилой развратъ, не имѣющій пріюта даже за рогожами кабачныхъ выставокъ.

Бенни и Ничипоренко шли по этому мѣсту, вовсе не зная его репутаціи, и ни въ одномъ изъ нихъ не было столько опытности, чтобы, по характеру мѣстности, сдѣлать приблизительно вѣрное заключеніе о характерѣ лицъ и сценъ, которыя всего легче можно здѣсь встрѣтить. Они шли теперь посреди сгущающейся вокругъ ихъ тьмы, разговаривая о народѣ, о которомъ Ничипоренко «зналъ все» и говорилъ о немъ съ большою самоувѣренностію тогдашнихъ народовѣдцевъ.

Бенни съ чисто дѣтскою пытливостію хотѣлъ объясненій, отчего всѣ эти люди давали на церковь, когда онъ былъ наслышанъ, что церковь въ Россіи никто не любитъ, и что народъ прилежитъ къ расколу, ибо расколомъ замаскирована революція? Ничипоренко объяснялъ ему, что «это ничего не значитъ».

— Да какъ же ничего не значитъ?—пытало бѣдное дитя, еще не привыкшее нахально игнорировать возникающіе вопросы святого сомнѣнія.

— Да такъ, ничего не значитъ. Народъ знаетъ, что это, можетъ-быть, шпіонъ.

— Кто же шпіонъ?

— А вотъ этотъ старикъ, что на церковь просилъ.

— Въ такомъ случаѣ, *зачѣмъ же вы ему не дали?* Вѣдь это могло обратить на васъ его вниманіе.

— Ну, такъ,—очень нужно деньги тратить!

Бенни посмотрѣлъ въ глаза своему ментору, сколько могъ пристальнѣе, сквозь сумеречный мракъ и сказалъ:—«да какъ же не нужно?»

— А разумѣется, не нужно..

— Да вѣдь мы же должны дорожить, чтобы на насъ тѣни подозрѣнія не падало!

— Да оно и не падало бы, если бы вы не сунулись съ

своимъ рублемъ,—отвѣчалъ Ничипоренко, внезапно почувствовавшій за собою силу положенія.

— Это вы все испортили, — продолжалъ онъ, развивая свою мысль:—васъ и назвали сейчасъ же отъ этого графомъ. Графъ! Bon soir, ваше сіятельство!

Ничипоренко снялъ шляпу и захохоталъ.

— Да; но и васъ, однако, тоже назвали дворецкимъ, — кротко отвѣчалъ Бенни.

— Дворецкимъ? — да дворецкимъ-то ничего, но не аристократомъ, не графомъ.

Бенни чувствовалъ, что Ничипоренко какъ будто вретъ что-то безъ толку, но, припоминая, что ему было наговорено о народѣ, невольно допускалъ, что, можетъ-быть, и вправду онъ всему виноватъ, что онъ наглупилъ своимъ рублемъ и выдалъ себя этимъ поступкомъ за такого человѣка, видя котораго, народъ перестаетъ быть искреннимъ и начинаетъ хитрить.

— Согласны вы со мною?—допрашивалъ его Ничипоренко.

— Да; можетъ-быть вы и правы, — отвѣчалъ введенный въ сомнѣніе Бенни.

— Не можетъ быть, а это такъ есть,—отозвался, возвышая голосъ, Ничипоренко. — Да, это именно такъ есть; а зачѣмъ онъ, по-вашему, запѣлъ эту пѣсню?

— Какую?

— Да вотъ эту: «бѣлый-то и православный?»

Бенни полагалъ, что это изъ оперы «Жизнь за Царя», но Ничипоренко это осмѣялъ и разъяснилъ дѣло иначе.

— Онъ охмелѣлъ и пѣлъ самъ не зналъ что,—отвѣчалъ Бенни.

Ничипоренко расхохотался.

— Не зналъ что! — повторилъ онъ и опять расхохотался. — Да, много вы, должно-быть, надѣлаете, если такъ будете понимать. Эхъ, вы, Англія, Англія, мореплаватели! А знаете ли вы, что народъ-то похитрѣе насъ съ вами? Народъ при «графчикахъ» никогда не заговоритъ о томъ, о чемъ онъ самъ съ собою говоритъ, — да-съ! Чтобы его знать, надо его слушать, когда онъ васъ не видитъ, когда онъ васъ не считаетъ ни графчикомъ, ни бариномъ, тогда его изучать надо, а не тогда, когда вы сами себя выдали и вашимъ шелковымъ зонтикомъ, и вашею «Режиною Викторіею», и вашимъ рублемъ.

— Но какъ же его слушать и видѣть такъ, чтобы *онъ* насъ не видѣлъ? — спросила Англія, находя, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторый, даже весьма немалый, смыслъ въ этомъ замѣчаніи.

— А это надо искать, надо ждать для этого случаи... Ихъ, такихъ случаевъ, очень много, и надо только не упускать ихъ.

— Анаѳема! шейгицъ... только обдирать народъ знаютъ!— послышалось вдругъ въ это время недалеко отъ нихъ, въ сторонѣ.

«Предприниматели» вздрогнули и остановились. Кругомъ ихъ уже была темная ночь: вдали то затихалъ, то снова раскатывался грохотъ разъѣзжавшагося по домамъ города; на небѣ изрѣдка проскакивали чуть замѣтныя звѣзды; на длинномъ, пустомъ, повидимому, взвозѣ не было замѣтно ни души живой.

Но вотъ опять изъ темноты раздается:

— А рупь-то серебромъ узялъ. Зачѣмъ же ты рупь серебромъ узялъ? Узялъ да и по шеѣ — а? Есть развѣ теперь тебѣ такая правила, чтобы за свои деньги хрестьянъ бить по шеѣ — а? Ты думаешь, что хрестьяне ничего. Ты куру съ масломъ ѣшь, а хрестьянину не надо ничего?..

Ничипоренко дернулъ Бенни за руку и прошепталъ: «*тссъ!*»

— А если хрестьянинъ за это тебѣ, собакѣ, голову долой — а? Сѣкимъ башка долой — а? — произнесъ азартно, возвышаясь въ это время, очевидно, пьяный голосъ. — Ты думаешь, что тебѣ вѣкъ куру съ масломъ ѣсть!.. А я теперь, можетъ, и самъ хочу куру съ масломъ ѣсть!

— Идемъ! — воскликнулъ Ничипоренко, порывая Бенни по тому направленію, откуда слышался голосъ.

— Вы слышите: онъ, должно-быть, хмеленъ, и вотъ увидите, этотъ ничего не скроетъ, — онъ чортъ знаетъ какъ проврется, а мы такого человѣка должны сберечь.

Бенни съ этимъ согласился.

Они шли почти ощупью, потому что подъ прямымъ откосомъ прорѣзаннаго въ горѣ взвоза было еще темнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, а дорогого человѣка, который могъ провраться и котораго надо было спасти, не находили.

Но дорогой человѣкъ имъ самъ объявился.

— Что? — заговорилъ онъ снова въ пяти шагахъ отъ

нихъ. — Что тебѣ медаль на грудь нацѣпили, такъ ты и грабить можешь... — а? Да я самъ бляху-то куда хочешь себѣ подцѣплю!

Ничипоренко и Бенни бросились на этотъ голосъ, какъ перепела на вабило.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Подоспѣвъ на голосъ ропавшаго впотьмахъ незнакомца, Бенни и Ничипоренко разглядѣли мужика, который стоялъ, упершись обѣими ладонями въ срѣзанную стѣну довольно высокаго земляного откоса и, изогнувъ на бокъ голову, косился на что-то черезъ правое плечо. Онъ былъ пьянъ до такой степени, что едва стоялъ на ногахъ и, вѣроятно, ничего не видѣлъ.

— Кто тебя ограбилъ?—спросилъ его Ничипоренко.

Мужикъ, шатаясь на подгибающихся колѣняхъ, продолжалъ сопѣть и ругаться. Онъ, очевидно, не видалъ подошедшихъ къ нему предпринимателей и не слышалъ Ничипоренковскаго вопроса.

Ничипоренко взялъ его за плечи, встряхнулъ и опять спросилъ, кто его обидѣлъ?

— А?—отозвался мужикъ.

— Кто тебя обидѣлъ, я говорю?

Мужикъ подумалъ съ минуту, посопѣлъ и, опять заворачиваясь вправо черезъ плечо, заговорилъ:

— Мош-ш-шен-н-никъ, анаѳема... шейгицъ!..

— Кого ты ругаешь?—спросилъ Ничипоренко.—За что?

— А зачѣмъ онъ рупь серебромъ узялъ!—отвѣчалъ мужикъ и снова закричалъ вправо:—«шейгицъ! анаѳема... мошенникъ!»

— Откуда онъ у *васъ* взялъ ихъ?—спросилъ Бенни, думая такимъ вопросомъ навести мысли пьянаго человѣка на ближайшія его соображенія.

Онъ не ошибся. Мужикъ тотчасъ перемѣнилъ тонъ и съ довѣрчивостію заговорилъ:

— Да какъ же, скажи: зачѣмъ онъ у меня съ чертогона послѣдній рупь серебра сдернулъ... а? Нѣшь ты затѣмъ здѣсь поставленъ... а? Нѣшь ты за то будушникъ названъ... а? Шейгицъ ты, мошенникъ! — заговорилъ снова, валясь вправо головою, мужикъ.

— Что такое *«чертогонъ»?*—спросилъ у своего спутника шопотомъ Бенни.

Ничипоренко пожалъ плечами и отвѣчалъ: — «Чортъ его знаетъ, что̀ онъ мелетъ!»

— Этого нельзя, — говорилъ мужикъ. — Ты въ будку для проспанья меня велъ и рупь серебра смоталъ... Нѣшь на это тебѣ законъ есть... а?

— Его просто нужно отправить домой, — проговорилъ Бенни, и затѣмъ, снова обратясь къ мужику, спросилъ: «гдѣ *вы* живете?»

— Что?

Бенни повторилъ свой вопросъ.

Мужикъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Пошелъ прочь!

— Я хочу васъ домой довести.

— Пошелъ прочь, — опять такъ же незлобиво отвѣчалъ мужикъ.

— Бросьте его,—сказалъ Ничипоренко.

Бенни этого не послушался.

— Я вамъ дамъ рубль серебромъ, и вы идите домой, — сказалъ онъ тихо, оттягивая мужика отъ глинистаго обрѣза, въ который тотъ упирался.

— Рупь серебромъ...

Мужикъ подставилъ пригоршни, сжимая ихъ такъ сильно, какъ будто ему хотѣли насыпать ихъ макомъ.

Бенни одною рукою поддерживалъ пьянаго, другою досталъ изъ своего кармана рублевый билетъ и подалъ его мужику.

Тотъ взялъ и началъ совать его въ штаны; но пьяная рука ему не повиновалась, и каждый разъ, какъ онъ посылалъ ее въ карманъ, она прямо проскальзывала мимо кармана.

— Я положу *вамъ* въ карманъ, — сказалъ Бенни, протягивая руку къ билету, но тотъ вдругъ неожиданно вскрикнулъ: «Пошелъ прочь!» быстро отдернулъ у Бенни свою руку и, не удержавшись на ногахъ, тяжело шлёпнулся во весь ростъ о землю и лежалъ, какъ сырой конопляный снопъ.

Бенни рѣшительно не зналъ, что̀ ему предпринять съ этимъ дорогимъ человѣкомъ: оставить его здѣсь, гдѣ онъ лежитъ, — его могутъ раздавить; оттащить его назадъ и

снова приставить къ стѣнѣ, — съ него снимутъ ночью и сапоги, и послѣднюю одежду. Къ тому же, мужикъ теперь охалъ и жалостно стоналъ.

Бенни нагнулся къ его лицу и сквозь сумракъ ночи, къ которому въ это время уже достаточно приглядѣлись его глаза, увидѣлъ на лицѣ мужика печать серьезности, которою выражается только-что ощущенное страданіе.

— *Вы* расшиблись?—спросилъ Бенни.

— Въ печеняхъ...—отвѣчалъ мужикъ.

— Больно?

— Больно,—отойди, больно.

— Ты расшибся?—спросилъ Ничипоренко.

— Поди прочь,—расшибся.

Ничипоренко объявилъ, что теперь нечего размышлять: что больше здѣсь стоять невозможно; что, чортъ его знаетъ, онъ, этотъ мужикъ, можетъ издохнуть, а не издохнетъ, такъ кто-нибудь какъ на грѣхъ подойдетъ и скажетъ, что они его убили и ограбили.

Бенни былъ другого мнѣнія; онъ находилъ, что это и прекрасно, если ихъ возьмутъ въ полицію, потому что имъ, при нравотѣ ихъ, не трудно будетъ оправдаться; но зато тамъ и этотъ мужикъ тоже найдетъ себѣ защиту.

— Ну, да, защиту! Какъ же, вѣдь это, небось, вамъ Англія здѣсь, чтобы находить въ полиціи защиту!—заговорилъ, вспыхнувъ и суетясь, Ничипоренко.—Такъ вотъ сейчасъ палочку изъ-подъ сюртука вынетъ — фить — и оправдалъ... Вы это забудьте про вашу палочку, она въ Лондонѣ осталась, а вы тутъ въ Россіи. У насъ съ полиціею не судятся; а полу отъ кафтана рѣжутъ, если она схватитъ, да уходятъ.

— Я ни отъ какой полиціи не побѣгу. У меня краденыхъ вещей нѣтъ.

— Зато у насъ съ вами полтора пуда «Колокола» въ номерѣ заперто.

— Полтора фунта развѣ,—замѣтилъ Бенни.

— Довольно полтора золотника, чтобы отсюда прямо да въ крѣпость.

Младшій же братъ, надъ разбитыми печенями котораго происходилъ теперь споръ, въ это время, отложивъ всякое житейское попеченіе, захрапѣлъ.

Положеніе предпринимателей становилось все труднѣе

и труднѣе, каждый изъ нихъ горячился и, возражая другъ другу, они дошли до того, что Ничипоренко сказалъ Бенни, что онъ разсуждаетъ «какъ либералъ, филантропъ и трусъ», а Бенни отвѣчалъ Ничипоренкѣ, что онъ не хочетъ ставить его сужденій выше болтовни революціонныхъ шарлатановъ и дураковъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Оставалось очень немного до того, чтобы имъ совсѣмъ переплюнуться черезъ спящаго младшаго брата, какъ счастливый случай вступился за предпринимателей. Сверху спуска слегка застучало, — громче, громче и, наконецъ, совсѣмъ стало слышно, что это ѣдетъ экипажъ не массивный, не вѣскій, не карета и не коляска, а легкій извозчичій экипажецъ.

— Вотъ если это пустой экипажъ, и споръ весь конченъ,—сказалъ Бенни: — я найму кучера отвезть этого человѣка и пойдемте домой.

Ничипоренко не возражалъ и былъ очень доволенъ, лишь бы уйти.

Онъ даже вызвался самъ остановить извозчика и вышелъ для этого на середину дороги.

Спускавшійся экипажъ, дѣйствительно, принадлежалъ городскому извозчику, возвращавшемуся порожнякомъ домой.

Ничипоренко далъ извозчику поровняться съ собою и выступилъ къ нему въ своемъ длинномъ пальмерстонѣ и островерхой гарибальдійской шляпѣ.

— Можешь ли ты свезть пьянаго человѣка? — спросилъ онъ возницу.

Извозчикъ, перехвативъ вожжи въ лѣвую руку, правою оперся о крыло дрожекъ и, склонись къ Ничипоренкѣ, сказалъ полушопотомъ: «а онъ еще теплый?»

— Какъ теплый?

— Живой?

— Да, конечно, живой,—отвѣчалъ Ничипоренко.

— Пять цѣлковыхъ.

— Подлецъ! Ахъ, ты, подлецъ; ахъ, ты, рожа всероссійская!

— Чего же ругаться-то!—возразилъ извозчикъ.

— Какъ же не ругаться? пять рублей просишь человѣка въ городъ отвезть!

— Человѣка отвезть! Да вы его теперь какого сдѣлали, а онъ если за пять цѣлковыхъ у меня въ пролеткахъ очерствѣетъ, да я и отвѣчай! Да я — чортъ съ вами и совсѣмъ... Но!.. — и извозчикъ покатилъ.

Бенни, слышавшій весь этотъ разговоръ, испугался, что извозчикъ уѣдетъ, и въ отчаяніи закричалъ ему, чтобы онъ остановился и взялъ человѣка, а что пять рублей ему будетъ заплачено.

Извозчикъ остановился, но потребовалъ, чтобы ему деньги были заплачены прежде, чѣмъ посадятъ *его*.

Бенни отдалъ ему деньги, которыя извозчикъ пощупалъ, повертѣлъ и, наконецъ, съ нѣкоторою отчаянностію сунулъ... «Э, молъ, была не была: настоящая, такъ настоящая, а красноярка такъ красноярка!» *).

Теперь оставалось только поднять *его* и посадить на дрожки.

Предприниматели взялись за меньшого брата, подняли его и потащили; но меньшій братъ, на ихъ горе, неожиданно проснулся и спросонья во все мужичье горло заоралъ: «карраулъ!»

Чѣмъ энергичнѣе дергалъ его Ничипоренко за ухо и чѣмъ деликатнѣе и нѣжнѣе убѣждалъ его Бенни, говоря: «Вы нездоровы, вы поѣзжайте домой», тѣмъ младшій братъ оралъ ожесточеннѣе, доходя до визговъ, воплей и рева. Ничипоренко зажалъ ему рукою ротъ, тотъ укусилъ его за руку. Подъ вліяніемъ боли и досады, вообще скорый на руку Ничипоренко ударилъ младшаго брата укушенною имъ рукою по губамъ. Младшій братъ взревѣлъ, какъ будто его перерѣзали.

При этомъ неистовомъ воплѣ въ одномъ изъ откосовъ горы словно раздалась щель, въ которой на мгновеніе блеснулъ свѣтъ, и изъ этого свѣта выскочили двѣ человѣческія фигуры. Извозчикъ хлопнулъ по лошадямъ и унесся, — исчезъ во тьмѣ и Ничипоренко, крикнувъ Бенни: «спасайтесь!» Бенни оставался одинъ и слышалъ, какъ все сближались шаги бѣгущихъ къ нему людей. Еще ни одного изъ нихъ онъ не успѣлъ разсмотрѣть, какъ на грудь ему упалъ конецъ издали брошенной въ него веревки. Онъ

*) Тогда на нижегородской ярмаркѣ не мало обращалось фальшивыхъ бумажекъ, фабрикованныхъ будто бы гдѣ-то вблизи Красноярска и потому называвшихся въ народѣ «красноярками».

откинулъ отъ себя эту веревку, но въ эту же минуту почувствовалъ, что чрезъ плечо ему шлепнулась на спину другая. Отбрасывая поспѣшно эту вторую, онъ нащупалъ узелъ петли, быстро сдвигавшейся около кисти его руки. Онъ вырвалъ руку изъ аркана и бросился бѣжать куда глядѣли глаза.

За нимъ раздавалось: «Держи! держи! жуликъ ушелъ! держи!»

Казаки или кто другой гнались за нимъ по пятамъ, но онъ не даромъ учился гимнастикѣ и бѣгалъ на геркулесовыхъ шагахъ: темнота и быстрыя ноги помогли ему скрыться и достичь благополучно своей гостиницы, съ номеромъ, гдѣ хранилась кипа герценовскаго «Колокола».

О судьбѣ оставшагося на спускѣ младшаго брата и Ничипоренки было ничего неизвѣстно, и Бенни былъ страшно встревоженъ, что сталось съ послѣднимъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Озабоченный тѣмъ, что постигло Ничипоренко, Бенни не могъ оставаться дома въ покоѣ ни на одну минуту. Онъ спряталъ въ печку кипу «Колокола» и собрался ѣхать къ полицеймейстеру. Но только-что онъ вышелъ въ коридоръ, какъ Ничипоренко предсталъ ему въ полномъ нарядѣ и въ добромъ здоровьѣ и, вдобавокъ, съ сіяющимъ лицомъ. Онъ разсказалъ Бенни, что при первой же суматохѣ онъ бросился къ откосу, прилегъ за канавку и пролежалъ, пока казаки побѣжали мимо его за Бенни, а послѣ всталъ, и вотъ благополучно пришелъ домой.

Ничипоренко разъяснилъ все случившееся съ ними такъ, что младшій братъ тоже былъ мошенникъ, который только притворялся пьянымъ для того, чтобы удобнѣе ихъ ограбить.

Бенни это казалось невѣроятнымъ, и онъ болѣе раздѣлялъ мнѣніе стараго гостиничнаго слуги, который, выслушавъ разсказъ взволнованныхъ господъ, выводилъ изъ ихъ словъ, что пьяный мужикъ былъ не что иное, какъ просто пьяный мужикъ, какихъ часто обираютъ на этомъ спускѣ, и что обобрали его, вѣроятно, сами сторожевые казаки, наполняющіе городъ во время ярмарки, или будочникъ; что извозчикъ принялъ Ничипоренко и Бенни за мошенниковъ, которые искали средствъ забросить куда-нибудь за городъ

побитаго, а можетъ-быть и совсѣмъ убитаго ими человѣка; а что казаки, желавшіе заарканить Бенни, обобрали бы, вѣроятно, и его точно такъ же, какъ они обобрали мужика.

День этотъ, завершенный такимъ образомъ, былъ для предпринимателей днемъ такихъ тревогъ, что имъ не захотѣлось болѣе ни слова сказать другъ другу: они легли въ свои постели и уснули.

Несмотря на довольно разнообразныя чувства, которыя могли волновать агитаторовъ, они спали какъ убитые; но тѣмъ не менѣе въ третьемъ часу ночи все-таки случилось обстоятельство, которое ихъ разбудило.

Ничипоренкѣ приснился во снѣ казакъ, который началъ на него метаться, лаять, кусать и, наконецъ, скинувшись синимъ пуделемъ, вспрыгнулъ ему на голову и поѣхалъ.

Ничипоренко, перепугавшись этого синяго пуделя, сталъ отъ него отмахиваться во снѣ, завертѣлся, забрыкалъ на диванѣ, на которомъ спалъ, зацѣпился за покрывавшую столъ скатерть и упалъ, стащивъ съ нею вслѣдъ за собою на полъ графинъ съ водою, стаканъ, тарелку съ сахаромъ и связку баранокъ.

Все это произвело такой шумъ, что Бенни проснулся.

Ничипоренко началъ разсказывать Бенни свое сновидѣніе; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ окончить разсказъ, въ двери ихъ номера со стороны коридора послышался тихій, но настойчивый стукъ, и въ то же время въ нижнемъ пазу блеснула яркая полоска свѣта.

— Господа, что̀ у васъ такое? — окликнулъ ихъ коридорный.

— Ничего,—дай, пожалуйста, огня,—отвѣчалъ, приподнимаясь съ пола и съ тѣмъ вмѣстѣ роняя остальныя вещи, Ничипоренко.

Въ эту минуту снаружи вложенный ключъ легко и быстро повернулся два раза въ замкѣ и дверь отперлась.

Бенни и Ничипоренко рѣшительно этого не ожидали.

Но если они не ожидали, что дверь ихъ номера во всякое время можно свободно отпереть съ другой стороны стороннею рукою, то еще менѣе они ожидали увидѣть въ распахнувшейся двери то, что̀ представилось тамъ ихъ изумленнымъ глазамъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Чуть только распахнулись отпертыя лакеемъ двери и по комнатѣ неровно разлился дрожащій свѣтъ свѣчи, Ничипоренко, стоящій въ это время въ одномъ бѣльѣ среди комнаты, присѣлъ на колѣняхъ и, побѣлѣвъ какъ полотно, затрепеталъ.

Въ открытой двери стояли съ зажжеными свѣчами не одинъ человѣкъ, а нѣсколько, и между ними, къ тому же, находился жандармъ.

«Вотъ тебѣ и пудель», подумалъ Ничипоренко, чувствуя, что его оставляютъ силы, и ища сзади себя руками какой-нибудь опоры.

Въ самомъ дѣлѣ это не было сновидѣніе, а здѣсь вмѣстѣ съ растерзаннымъ лакеемъ въ комнату, дѣйствительно, засматривали жандармъ, квартальный и три головы въ скобку, за которыми еще виднѣлись три или четыре головы, остриженныя по-солдатски.

Лакей внесъ свѣчу, осмотрѣлся и еще разъ спросилъ, что̀ тутъ такое случилось? Бенни, сохраняя все наружное спокойствіе, разсказалъ, что тутъ ничего особеннаго не было; что его товарищъ просто свалился сонный съ дивана, зацѣпилъ скатерть и поронялъ все, что̀ было на столѣ.

Отвѣтъ этотъ показался всѣмъ совершенно удовлетворительнымъ.

Лакей началъ убирать валявшіяся на столѣ вещи; жандармъ, съ окружавшими его, посмотрѣлъ еще одну минуту въ комнату и отошелъ, сказавъ бывшимъ при немъ людямъ, что это не ихъ дѣло. Лакей, котораго Бенни спросилъ о причинѣ появленія здѣсь жандарма и полицейскихъ, объявилъ, что это комиссія, которая ищетъ какихъ-то двухъ пріѣхавшихъ на ярмарку петербургскихъ мошенниковъ, — тѣмъ вся эта передряга и окончилась, и Бенни съ Ничипоренкою остались спокойно досыпать свою ночь.

Но Ничипоренко вовсе уже не расположенъ былъ спать: напротивъ, сонъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, былъ далекъ отъ его глазъ.

Чуть только лакей скрылся за дверью, Ничипоренко заперъ эти двери и, не вынимая ключа изъ замочной скважины, подпрыгнулъ къ Бенни.

— Намъ остается, можетъ-быть, всего двѣ минуты, пока

насъ узнаютъ, и эти двѣ минуты мы должны употребить на то, чтобы сжечь нашъ «Колоколъ».

Съ этимъ Ничипоренко схватилъ спички и присѣлъ передъ печкою. Онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ, и рѣшительно не могъ слушать никакихъ убѣжденій Бенни, доказывавшаго ему, что появленіе комиссіи въ коридорѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣйствительно должно быть не что иное, какъ случайность, и что «Колоколъ» жечь не изъ-за чего, тѣмъ болѣе, что печная труба вверху можетъ быть закрыта, что печка станетъ дымить, взойдутъ люди, и тогда непремѣнно родится подозрѣніе, что они жгли что-нибудь недозволенное. Ничипоренко не послушался. Онъ только шепнулъ тихо на ухо Бенни: «Молчите! вы вѣдь ничего не знаете, а я сегодня оставлялъ «Колоколъ» подъ подушками дрожекъ у извозчиковъ и далъ десять нумеровъ одному полицейскому».

— Полицейскому!—воскликнулъ Бенни.

— Да, полицейскому; но это все пустяки, онъ хорошій человѣкъ; я и въ Петербургѣ очень много полицейскимъ давалъ,—да еще какимъ!.. это ничего,—между ними тоже есть славные ребята,—и съ этимъ Ничипоренко опять кинулся къ печи и безжалостно зажегъ тѣ самые заграничные листы, которые съ такою тщательностію и серьезностію транспортировалъ на себѣ изъ Англіи въ Россію Бенни. Труба, однако, къ счастію предпринимателей, была открыта, и кипа «Колокола» сгорѣла благополучно.

Ничипоренко перемѣшалъ концомъ бенніевскаго дождевого зонтика пепелъ и сказалъ:

— Ну, вотъ теперь просимъ покорно хоть и комиссію.

Комиссія къ нимъ, впрочемъ, не пришла, она поступила какъ гоголевскія крысы: «понюхала и пошла прочь», и Бенни съ Ничипоренкомъ провели остатокъ ночи благополучно.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

За утреннимъ чаемъ предприниматели были невеселы и неразговорчивы: они пили свой чай молча и не говоря другъ съ другомъ. Ничипоренко чувствовалъ, что Бенни не можетъ питать никакого уваженія ни къ его революціоннымъ убѣжденіямъ, ни къ его поведенію, и онъ въ этомъ не ошибался. Чтобы вывести Бенни на какой-нибудь разговоръ, онъ спросилъ его:

— А вы думаете, что это невозможно давать «Колоколъ» полицейскимъ? Я знаю жандармовъ такихъ, которые Герцену матеріалы доставали.

Бенни, смотрѣвшій во все это время въ свою записную книжечку, вмѣсто того, чтобы отвѣчать Ничипоренкѣ, спросилъ его: помнитъ ли онъ ихъ маршрутъ? На маршрутѣ этомъ стояли Казань, Саратовъ, Царицынъ, Красный Яръ и Астрахань.

Ничипоренко маршрутъ помнилъ, но забылъ, что для совершенія этого путешествія нужны деньги; а предприниматели, повѣривъ свою казну, нашли, что она у обоихъ ихъ составляетъ уже всего около тридцати рублей, съ которыми спуститься до Каспія и снова всплыть до Твери было совсѣмъ невозможно. Положимъ, что, плывучи на пароходахъ въ третьемъ классѣ и питаясь булками да чаемъ, еще и можно было кое-какъ протащиться и съ этими деньгами; но теперь у Бенни рождался вопросъ: чего же ради имъ плыть внизъ? чего подниматься вверхъ, когда вѣдь опять будетъ все то же самое: трактиръ, улица, извозчики, кабакъ, да сборъ на церковь? А какъ сходиться съ народомъ, — кто это знаетъ? И притомъ не мало смущало Бенни, какъ это все скоро съ ними кончается, — ужасно скоро!

Бенни сообщилъ свои опасенія Ничипоренкѣ, что вездѣ, должно-быть, будетъ только то самое, что̀ они уже видѣли, и что врядъ ли сто̀итъ для этого тащиться далѣе? Ничипоренко, къ удивленію своего товарища, тотчасъ же согласился, что новаго и въ самомъ дѣлѣ ничего, пожалуй, не будетъ, и что тащиться до Астрахани имъ, дѣйствительно, нечего. Онъ совѣтовалъ перемѣнить маршрутъ, а именно: ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Москву; повидаться съ «московскою *бѣлою* партіею» и потомъ ѣхать въ Полтавскую губернію, гдѣ жили родные Ничипоренки и гдѣ онъ надѣялся устроиться по акцизной части. Ничипоренко увѣрялъ Бенни, что малороссійскій народъ больше развитъ, и что имъ гораздо лучше начинать съ Малороссіи, гдѣ сепаратисты примкнутъ къ нимъ и пойдутъ съ ними заодно.

Бенни уже ни на волосъ не вѣрилъ Ничипоренкѣ и слушалъ его только изъ вѣжливости; но ему хотѣлось видѣть и Москву, и Малороссію, и Ивана Сергѣевича Тургенева, котораго онъ зналъ за границею и который тогда жилъ въ

Орловской губерніи въ своемъ мценскомъ имѣніи, какъ разъ на пути изъ Москвы въ Малороссію. А ко всему этому еще присоединилось то, что съ тридцатью рублями разъѣзжать было довольно трудно; а въ Москвѣ Ничипоренко обѣщалъ Бенни достать много, много денегъ.

— Я,—говорилъ онъ:—тамъ сейчасъ же присяду и напишу серьезную корреспонденцію въ «*Экономическій Указатель*» и смѣшную въ «*Искру*», и у насъ будутъ деньги, а вы пишите что-нибудь изъ англійской жизни, — я все пристрою.

Ничипоренко говорилъ все это съ такою самоувѣренностію, что всѣмъ младенчески увлекавшійся Бенни опять ему довѣрился. Онъ согласился и ѣхать въ Москву, и писать «что-нибудь изъ англійской жизни». Ничипоренко тотчасъ же пошелъ послать одному изъ своихъ знакомыхъ въ Москву депешу, чтобы его ждали вмѣстѣ съ нѣкоторымъ таинственнымъ гостемъ, а Бенни, спустивъ своего сопутника съ глазъ, почувствовалъ неотразимую потребность сходить въ тотъ домъ, гдѣ Ничипоренко вчера за обѣдомъ произвелъ вышеразсказанный скандалъ, и извиниться тамъ за него и за себя передъ хозяевами. На случай, если бы его не приняли, Бенни приготовилъ небольшое письмецо, и пошелъ; но его приняли и даже приняли очень радушно.

Бенни всегда съ самымъ восторженнымъ чувствомъ вспоминалъ объ удивившей его русской мягкости, съ которою его встрѣтили хозяинъ и хозяйка этого дома, послѣ столь свѣжей и столь нелѣпой исторіи.

— Судя по нравамъ Англіи и даже Польши,—говорилъ Бенни: — я думалъ, что меня или вовсе не захотятъ на порогъ пустить, или же примутъ такъ, чтобы я чувствовалъ, что сдѣлалъ мой товарищъ, и я готовъ былъ не обижаться, какъ бы жестоко меня ни приняли; но, къ удивленію моему, меня обласкали, и меня же самого просили забыть о случившейся вчера за столомъ исторіи. Они меня же сожалѣли, что я ѣду съ такимъ человѣкомъ, который такъ странно себя держитъ. Эта доброта поразила меня и растрогала до слезъ.

Предприниматели направлялись въ Москву.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Во всю дорогу отъ Нижняго до Москвы Бенни съ Ничипоренко не говорили другъ съ другомъ ни слова. Бенни, въ одно и то же время, занятъ былъ обдумываніемъ, что̀ бы такое ему написать пригодное для печати изъ англійской жизни, и кипятился все болѣе и болѣе скрытымъ негодованіемъ на своего партнера. Ничипоренко былъ совершенно спокоенъ. По выѣздѣ изъ Нижняго, на лицѣ его опять засіяла значительная улыбка самомнящаго, но ни къ чему не способнаго петербургскаго дѣятеля тогдашнихъ дней. Ничипоренко знакомился въ своемъ третьеклассномъ вагонѣ направо и налѣво, «разрушалъ предразсудки», «обрывалъ сентиментальность», «проводилъ идею» и вообще былъ въ своей сферѣ и въ своемъ любимомъ духѣ.

Это самодовольство Ничипоренки, послѣ столькихъ доказательствъ его неспособности и неумѣнія ни за что взяться, приводило Бенни въ отчаяніе. Отчаяніе это еще болѣе увеличивалось тѣмъ, что этотъ Ничипоренко, по питерскимъ рекомендаціямъ, былъ звѣзда, жемчужина, Голіаѳъ, которымъ въ Петербургѣ любовались, на котораго надѣялись и у котораго заповѣдали Бенни учиться и брать съ него примѣръ, потому что онъ-де уже *все знаетъ* и научитъ, какъ и гдѣ себя держать, сообразно всякимъ обстоятельствамъ.

— Всю дорогу, глядя на Ничипоренку,—(говорилъ Бенни),—я спрашивалъ себя, что̀ можетъ выйти изъ моей поѣздки съ этимъ человѣкомъ? Я все болѣе и болѣе убѣждался, что въ этой компаніи мнѣ не предстоитъ ничего, кромѣ какъ только безпрестанно компрометировать себя въ глазахъ всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ людей; но я рѣшительно не зналъ, куда мнѣ его дѣть и гдѣ искать другихъ людей.

Предприниматели прибыли въ Москву вечеромъ, остановились на Тверской въ гостиницѣ Шевалдышева и тотчасъ же принялись литераторствовать. Бенни имѣлъ при себѣ англійскій журналъ, въ которомъ была довольно занимательная для тогдашняго времени статья о мормонахъ. Онъ сѣлъ переводить ее, а Ничипоренко взялся писать корреспонденцію *съ дороги*, но почувствовалъ позывъ ко сну и легъ въ постель. Переводъ Бенни былъ сдѣланъ

очень дурнымъ русскимъ языкомъ и въ этомъ видѣ никуда не годился; но Ничипоренко обѣщался ему все выправить и пристроить. Самъ Ничипоренко написалъ корреспонденцію и подалъ ее черезъ одного своего знакомаго въ «Русскую Рѣчь», чтобы здѣсь ее поскорѣе напечатали и выдали бы за нее деньги; но въ «Русской Рѣчи» корреспонденція эта не была принята, и Ничипоренко опять рѣшилъ послать ее въ «Искру» или въ «Экономическій Указатель». Сами же предприниматели оставались въ Москвѣ. Въ это время они попали здѣсь въ одинъ литературный домъ. Хозяйка этого дома, пожилая дама, отличалась благородствомъ своего личнаго характера и горячностію убѣжденій, но страдала неукротимою невыдержанностію въ спорахъ, до которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ была страстная охотница. Теперь случай сводилъ эту даму съ Бенни и Ничипоренко на новое несчастіе сего послѣдняго. Здѣсь, можетъ-быть, еще разъ слѣдуетъ упомянуть, что покойный Ничипоренко былъ замѣчательно не хорошъ собою отъ природы и, кромѣ своей неблагообразности, онъ былъ страшно непріятенъ своимъ неряшествомъ и имѣлъ очень дурныя манеры и двѣ отвратительнѣйшія привычки: дергать безпрестанно носомъ, а во время разговора выдавливать себѣ пальцемъ изъ орбиты лѣвый глазъ. Все это вмѣстѣ взятое на нервнаго человѣка, а въ особенности на нервныхъ женщинъ дѣйствовало ужасно невыгодно для Ничипоренко. Этимъ же безобразіемъ своей наружности, неряшливостію и отталкивающими манерами Ничипоренко съ перваго же своего визита произвелъ и на впечатлительную, нетерпѣливую и раздражительную хозяйку дома самое неблагопріятное для себя впечатлѣніе. Невыгодное впечатлѣніе это Ничипоренко еще болѣе усилилъ чисто маратовскою кровожадностію, которой онъ, вѣроятно, и не имѣлъ, но которую, по безтактности своей, считалъ долгомъ выказывать въ этомъ «благонадежномъ, *но бѣломъ* домѣ». Къ выраженію этой кровожадности его подзадоривало присутствіе посѣщавшаго этотъ домъ, на правахъ жениха, флигель-адъютанта, которому хозяйка, разумѣется, оказывала вниманіе какъ будущему своему зятю. Къ концу перваго вечера, проведеннаго Ничипоренкою въ этомъ домѣ, онъ устроился такъ, что хозяйка просто уже питала къ нему отвращеніе. Отвращеніе это въ ней скоро еще болѣе уве-

личилось и сдѣлалось для другихъ предметомъ любопытнѣйшихъ наблюденій.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Въ ряду московскихъ литераторовъ, среди которыхъ проводила свою жизнь эта «бѣлая дама», она не встрѣчала ничего подобнаго Ничипоренкѣ, ни по его великому невѣжеству, ни по большой его наглости, ни по безконечному его легкомыслію и нахальству.

Ничипоренко въ своей простотѣ ничего этого не замѣчалъ и, увлекаясь своею ролью *предпринимателя*, какъ на зло, ломался, кривлялся, говорилъ не иначе, какъ отъ лица какой-то партіи: «*мы*», «*у насъ рѣшено*», «*наши люди готовы*» и т. п. словами. Ничипоренко велъ себя такъ, какъ ведутъ себя предприниматели, описанные въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ повѣстяхъ и въ романахъ, но то, что люди въ повѣстяхъ и романахъ, по волѣ авторовъ, слушаютъ развѣся уши, за то въ дѣйствительной жизни, сплошь и рядомъ, называютъ человѣка дуракомъ и просятъ его выйти за двери. Это и случилось съ Ничипоренкою. Московская хозяйка Ничипоренки не выдержала его тона и сказала ему, не обинуясь, что она «*не любитъ красныхъ и не вѣритъ имъ*».

— А мы не любимъ *бѣлыхъ*,—смѣло отвѣчалъ Ничипоренко:—и имъ не вѣримъ.

— Да кто это—вы? кто это—вы?—вскричала, вспыхнувъ, хозяйка.

— Мы...

— Мы!—повторила съ презрительною гримасою хозяйка и тотчасъ, сдѣлавъ гримасу, передразнила: «Кто идетъ? — Мы.—Кто—вы?—Калмыкъ. — Сколько васъ? — *Одна*. Вотъ вамъ ваше и «мы».

А что касается до тогдашнихъ петербургскихъ красныхъ... то мнѣнія хозяйки насчетъ этихъ людей были самыя дурныя, и, надо сказать правду, Ничипоренкѣ трудно было ей что-нибудь возражать, потому что она знала про петербургскихъ красныхъ ихъ настоящія *дѣла*, а не подозрѣнія и фразы. Когда при этой смѣтѣ было упомянуто про дѣло о денежныхъ недоразумѣніяхъ между Н. А. Некрасовымъ и покойною первою женою Николая Платоновича Огарева, Ничипоренко вступился-было за поэта

и хотѣлъ представить все дѣло объ этихъ денежныхъ недоразумѣніяхъ апокрифическимъ; но, во-первыхъ, оказалось, что хозяйка хорошо знала это дѣло, а, во-вторыхъ, зналъ хорошо эту исторію и Бенни, и зналъ онъ ее отъ самихъ гг. Герцена и Огарева, при чемъ Бенни разсказалъ, какъ Некрасовъ, бывши за границею, пытался было повидаться съ Герценомъ и объясниться насчетъ этихъ недоразумѣній; но Герценъ, имѣя твердыя основанія считать всякія объясненія поэта излишними, отказался принять его.

— Вы это сами видѣли?

— Я присутствовалъ при этомъ.

Ничипоренко спасовалъ и сказалъ:

— Ну, хорошо, пусть даже это будетъ и такъ, но это одна неаккуратность... Очень многіе хорошіе люди съ деньгами неаккуратны. Я говорю не объ общей, *не о мѣщанской* честности, а о *честности абсолютной* и, употребляя слово *мы*, говорю отъ лица *всѣхъ петербургскихъ литераторовъ*, со мною единомысленныхъ.

Услышавъ это, дама очень рѣзко отозвалась и о многихъ другихъ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ и, не обинуясь, назвала людей этихъ кружковъ невѣждами. Ничипоренко совсѣмъ вскипѣлъ и вступился за репутацію литераторовъ Петербурга. Онъ рѣшился подшибить даму сразу и притомъ подшибить какъ можно больнѣе и безпощаднѣе. Онъ зналъ по слухамъ, что хозяйка, съ которою онъ велъ эти дебаты, очень любила и уважала покойныхъ московскихъ профессоровъ Кудрявцева и Грановскаго, и даже была другомъ одного изъ нихъ. Поэтому, чтобы уязвить ее какъ можно болѣе, Ничипоренко покусился на память этихъ двухъ покойниковъ.

— Что же,—сказалъ онъ:—да что̀ изъ того, что у насъ невѣжды? Во-первыхъ, это еще неизвѣстно, невѣжды ли они или не невѣжды, потому что въ томъ, что слѣдуетъ знать для народнаго счастья, наши знаютъ больше, чѣмъ ваши; а, во-вторыхъ, теперь вѣдь сентименталовъ, въ родѣ вашего Кудрявцева съ Грановскимъ, только презирать можно.

— Какъ вы смѣли это сказать! Какъ вы смѣли заикнуться объ этомъ въ моемъ присутствіи, что этихъ людей можно презирать!—вскипѣла за своихъ друзей хозяйка.

— А отчего же бы и не сказать? что же такого сдѣ-

лали эти ваши трутни? Они конституціи, можетъ-быть, какой-то добивались? да намъ чортъ ли въ ней, въ этой ихней конституціи? Намъ нуженъ народъ, а они ничего не сдѣлали для народнаго дѣла.

— Они воспитали цѣлыя тысячи людей, изъ которыхъ ни одинъ не скажетъ такой глупости, какую я сейчасъ слышала.

Ничипоренко звонко захихикалъ.

— И все-таки—что же они сдѣлали, эти люди? Говорить научили? да?—запыталъ онъ.

— Они научили людей быть честными людьми.

— Честными!

Ничипоренко опять захихикалъ и началъ, нимало не смущаясь, развивать ту мысль, что такого рода честность, какую могъ внушать Кудрявцевъ, восторгавшійся цѣломудренными римскими матронами, или Грановскій, вѣровавшій даже въ жизнь за гробомъ, скорѣе вредна, чѣмъ полезна.

— Вы въ Москвѣ о нихъ жалѣете, а мы въ Петербургѣ даже радуемся, что эти господа Грановскіе къ нашему времени убрались и поочистили мѣсто другимъ. Пусть ихъ также бесѣдуютъ теперь на томъ свѣтѣ съ Пушкинымъ и цѣлуютъ его ручку за Таню, которая разъ «другому отдана и будетъ вѣкъ ему вѣрна».

Читая этотъ монологъ, Ничипоренко не замѣчалъ, или и замѣчалъ, но не придавалъ тому значенія, что хозяйка, передъ которою говорилъ онъ, мѣнялась въ лицѣ и, наконецъ, въ неукротимомъ негодованіи встала, à la Ristori, протянула руку и молча указала ею на двери.

Видя, что онъ не трогается съ мѣста, она упавшимъ голосомъ проговорила: «Вонъ! вонъ! сію минуту вонъ!» и съ тѣмъ вмѣстѣ сама, съ нервными слезами на глазахъ, выбѣжала, шатаясь, изъ своего кабинета.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Ничипоренкѣ положительно не везло за Петербургомъ; не везло, съ нимъ и изъ-за него, и Артуру Бенни. Предприниматели были всего вторую недѣлю въ дорогѣ и попали всего только во второй русскій домъ, а уже имъ во второй разъ указывали на двери. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, въ качествѣ предпринимателя было надъ чѣмъ приза-

думаться! Артуръ Бенни былъ страшно жалокъ въ томъ печально-смѣшномъ положеніи, въ которое его поставили его петербургскіе знакомые, отправивъ для изученія Россіи съ такимъ руководителемъ, какъ Ничипоренко. Бенни еще въ Петербургѣ изумляла крайняя невоспитанность Ничипоренки, но тамъ она еще приходилась какъ-то къ масти того кружка, въ которомъ онъ зазналъ этого предпринимателя, и не била въ глаза. По незнанію Россіи и по своему чистому младенческому легковѣрію, Бенни думалъ, что, стало-быть, таковы повсюду нравы въ Россіи и что несносная невоспитанность Ничипоренки тяжела только для него, человѣка нерусскаго, а русскимъ людямъ она всѣмъ нисколько не противна, и вдругъ, повсемѣстно, такое разочарованіе! Какъ только они вырвались изъ атмосферы, которою тогда дышали нѣкоторые кружки въ Петербургѣ, и попали къ другимъ людямъ, — ихъ только отовсюду гонятъ и гонятъ! Теперь Бенни стало ясно, что за петербургскими рогатками человѣкъ, который ведетъ себя какъ Ничипоренко, и проводникъ, и сотоварищъ непригодный. Бенни, не обинуясь, высказалъ все это Ничипоренкѣ въ глаза и старался объяснить ему всю нелѣпость его поведенія. Ничипоренко расхохотался-было, но Бенни вспылилъ и объявилъ ему, что если онъ еще гдѣ-нибудь такъ поведетъ себя, какъ велъ до сихъ поръ, то онъ, Бенни, просто выброситъ его въ окно. У нихъ при свидѣтеляхъ произошла въ гостиницѣ Шевалдышева очень жаркая сцена, въ заключеніе которой Ничипоренко опять просилъ у Бенни прощенья и сѣлъ писать новую корреспонденцію въ петербургскія газеты. Денегъ у нихъ къ этой порѣ уже не было ни гроша, и имъ нечѣмъ было ни жить, ни ѣхать. Ни «*Искра*», ни «*Экономическій Указатель*» посланныхъ этимъ изданіямъ корреспонденцій Ничипоренки не печатали и денегъ ему за его литературу не высылали.

Между тѣмъ московская дама, у которой Ничипоренко потерпѣлъ свою вторую неудачу, женщина очень добраго и благороднаго сердца, почувствовала большое состраданіе къ юному, неопытному и вовсе незнавшему Россіи Артуру Бенни. Она послала за нимъ одного изъ своихъ знакомыхъ и, призвавъ Бенни къ себѣ, сказала ему, что негодованіе ея на его товарища вовсе не падаетъ на ни въ чемъ неповиннаго Бенни; но что если онъ, Бенни, хочетъ путешество-

вать по Россіи съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ страною и съ хорошими русскими людьми, то прежде всего онъ долженъ освободить себя отъ своего петербургскаго товарища. Бенни признался, что онъ и самъ давно думаетъ точно такъ же, и давно видитъ, что съ нимъ въ Петербургѣ сыграли очень нехорошую штуку, давши ему такого компаніона, каковъ былъ Ничипоренко.

— Да, ваши петербургскіе друзья рѣшительно ничего не могли вамъ сдѣлать хуже, какъ дать вамъ такого спутника,—подтвердила ему дама.—Вамъ съ нимъ невозможно будетъ показаться ни въ одинъ порядочный домъ, не ожидая ежеминутнаго срама: въ этомъ вы мнѣ можете повѣрить.

Бенни былъ съ этимъ совершенно согласенъ; онъ готовъ былъ разстаться съ Ничипоренко ту же минуту, но не находилъ никакихъ средствъ отъ него отвязаться.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ просто совѣтую отказаться отъ путешествія, которое въ сообществѣ этого господина принесетъ вамъ только одни скандалы,—сказала ему дама.

Бенни нашелъ это основательнымъ, и съ этихъ поръ ему нуженъ былъ только предлогъ, подъ которымъ бы онъ могъ удобнѣе оставить задуманное путешествіе. Но какъ это сдѣлать послѣ того, какъ онъ обѣщалъ Ничипоренкѣ ѣхать съ нимъ въ Малороссію, пожить въ Прилукахъ, быть въ Кіевѣ, а, главное, познакомить его съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, къ чему Ничипоренко, всегда имѣвшій неодолимую слабость къ знакомствамъ съ извѣстными людьми, стремился неудержимо.

Онъ даже забывалъ говорить и о «предпріятіи» при мысли, что будетъ скоро «гостить у Тургенева лѣто въ деревнѣ». Онъ увѣрялъ, что это ему «очень нужно» и, дѣйствительно, впослѣдствіи доказалъ, что не лгалъ: Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ понадобился г-ну Ничипоренко для того, чтобы впутать его въ дѣло, въ которое, окромя Тургенева, попали многіе люди, никогда ничего не знавшіе о настоящихъ планахъ и предпріятіяхъ Ничипоренки.

Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди, а теперь возвращаемся къ нашей исторіи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Бенни не зналъ, какъ ему отвязаться отъ Ничипоренки. Сказать Ничипоренкѣ прямо, что онъ не годится ни для

какого предпріятія, Бенни находилъ неудобнымъ: Ничипоренко вернулся бы тотчасъ же въ Петербургъ и разсказалъ бы, что Бенни «дружитъ съ постепеновцами», что онъ просто *темная личность*, что онъ забраковалъ его, Ничипоренко, человѣка столь извѣстнаго во всемъ Петербургѣ, и забраковалъ единственно потому, что онъ не позволялъ ему хитрить.

Товарищи Ничипоренко по коммерческому училищу говорятъ, что онъ еще съ дѣтства былъ «неуловимъ и неуязвимъ».

Будь на мѣстѣ Бенни человѣкъ поразсудительнѣе и посерьезнѣе, онъ, конечно, не побоялся бы этого: онъ понялъ бы, что никакой соціальной революціи въ Россіи въ тѣ дни еще не было, что революціонерамъ здѣсь дѣлать нечего, и затѣмъ благоразумно бросилъ бы этого Ничипоренко, какъ бросали его многіе люди, не возбраняя ему распускать о нихъ что̀ онъ хочетъ и кому хочетъ. Бенни уѣхалъ бы себѣ назадъ въ свой Вульвичскій арсеналъ получать пять тысячъ рублей жалованья, и тогда что̀ ему въ Англіи было бы до Ничипоренки? Но честный маньякъ Бенни, къ сожалѣнію, ни къ какой серьезной вдумчивости не былъ способенъ. Онъ никогда не могъ видѣть передъ собою всего дѣла въ цѣломъ его объемѣ, а разсматривалъ его по деталямъ: «это, молъ, если неловко, то, можетъ-быть, вотъ это вывезетъ». А притомъ какъ было, вернувшись въ Англію, представиться Герцену и сказать ему, что никакой организованной революціи въ Россіи нѣтъ, а есть только одни говоруны, которымъ никто изъ путныхъ людей не даетъ вѣры. Вѣдь Герценъ уже объявилъ, что онъ «создалъ поколѣніе *безповоротно соціалистическое*», и люди повторяли эти слова... Выходитъ большая неловкость! Опять-таки другой человѣкъ, болѣе серьезный, чѣмъ Бенни, не подорожилъ бы, можетъ-быть, и г. Герценомъ, который, какъ на-смѣхъ, въ ту пору довѣрялся людямъ безъ разбора и часто увѣрялъ другихъ въ томъ, о чемъ и самъ не былъ удостовѣренъ; но Бенни не могъ сказать всю правду г. Герцену. Герценъ былъ его кумиръ, который не могъ лгать и ошибаться, и Бенни во что бы то ни стало хотѣлъ разыскать ему скрывающуюся въ Россіи революцію. Такое упорство со стороны Бенни было тѣмъ понятнѣе, что онъ былъ дѣйствительно фанатикъ и соціалистъ до готовности

къ мученичеству и притомъ вѣрилъ, что Александръ Ивановичъ такъ грубо ошибаться не можетъ и что революція въ Россіи дѣйствительно гдѣ-то есть, но только она все отъ него прячется. А между тѣмъ, пока Бенни предавался этимъ разсужденіямъ, злосчастный Ничипоренко окончилъ еще новыя корреспонденціи въ «*Экономическій Указатель*» и въ «*Искру*», и собирался скорѣе вонъ изъ непривѣтливой Москвы. Отъѣздъ предпринимателей долженъ былъ состояться завтра. Бенни ѣхалъ противъ воли своей, а отказаться и сказать Ничипоренкѣ: «оставьте меня, я не хочу съ вами ѣздить», — онъ не могъ. Тогда началась преуморительнѣйшая игра, похожая на водевиль.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Чтобы какъ-нибудь спасти этого несчастнаго Бенни, столь комически начавшаго свое путешествіе и теперь изнемогавшаго подъ бременемъ своей нерѣшительности и деликатности, дама, о которой здѣсь часто идетъ рѣчь, вызвалась послать ему на почтовую станцію въ Орелъ телеграмму о томъ, что важныя дѣла требуютъ его немедленнаго возвращенія въ Москву. Полагали, что словъ «важныя дѣла» будетъ достаточно для Ничипоренки, и что предприниматель этотъ съ миромъ отпуститъ отъ себя Бенни, а самъ благополучно поѣдетъ себѣ, одинъ, къ своимъ домашнимъ Ларамъ и Пенатамъ, и такъ же благополучно будетъ себѣ что-нибудь писать, въ своихъ Прилукахъ, «для блага народа» и читателей «*Искры*» и «*Экономическаго Указателя*», а Бенни, такимъ образомъ, освободится отъ своего тирана на волю.

Артуръ Бенни тоже находилъ, что такой депеши съ него будетъ за-глаза довольно, чтобы отбиться въ Орлѣ отъ Ничипоренки.

Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе: какъ только предприниматели съ своими саками и зонтиками усѣлись въ почтовую карету, такъ, два часа спустя, въ Орелъ, на имя Артура Бенни, была послана условленная депеша. Бенни исправно получилъ ее въ Орлѣ и разыгралъ передъ Ничипоренко, что депеша эта получена имъ совершенно неожиданно, но что, къ сожалѣнію, она имѣетъ значеніе очень важное и потому онъ, Бенни, долженъ отложить свое намѣреніе путешествовать по Россіи до будущаго года, а

теперь, немедленно же, тѣми же слѣдами, долженъ спѣшить назадъ въ Москву, а оттуда Богъ знаетъ куда, — куда потребуютъ обстоятельства. Но ни Бенни, ни спасавшая его отъ Ничипоренки московская «бѣлая» дама, никто не отгадали, какъ приметъ эту депешу Ничипоренко.

Услыхавъ, что у Бенни уже есть важныя дѣла, которыхъ Ничипоренко такъ, вотще, до сихъ поръ добивался, петербургскій предприниматель такъ и вцѣпился въ предпринимателя лондонскаго: покажите, молъ, мнѣ, что̀ это такое бываютъ за *важныя дѣла?* Въ Москвѣ уповали, что Ничипоренко поспѣшитъ въ Прилуки и радъ будетъ тамъ отдохнуть отъ своихъ революціонныхъ работъ и треволненій, но онъ, чуть только услыхалъ про «важныя дѣла», сейчасъ же думать забылъ и про отдыхъ въ ничтожномъ малороссійскомъ городишкѣ, и про всѣхъ тѣхъ, съ которыми онъ тамъ хотѣлъ повидаться и кого хотѣлъ просвѣтить. Ничипоренко коротко и ясно объявилъ Бенни, что и онъ съ нимъ тоже вернется въ Москву. Бенни сталъ упирать на то, что его вызываютъ *одного,* но Ничипоренко отвѣчалъ, что это, очевидно, или недосказанность, или пустая деликатность къ нему, потому что знаютъ, что онъ, между прочимъ, желаетъ повидаться съ родными; но что онъ этой деликатности не принимаетъ и непремѣнно ѣдетъ назадъ. Однимъ словомъ, сталъ — какъ Елисѣй передъ Ильею — и стоитъ въ одномъ, что «живъ Господь и жива душа твоя, аще оставлю тебя. Ты въ Вефиль, такъ и я въ Вефиль, а ты въ Іерихонъ, такъ и я въ Іерихонъ и берега Іордана увидятъ меня съ тобою».

— Да и притомъ, — говоритъ,—вы разсудите: *двое* вѣдь все-таки болѣе значитъ, чѣмъ *одинъ.* Зовутъ одного, а мы пріѣдемъ двое,—это имъ не убытокъ, а прибыль.

Бенни поднялся на хитрость и пустился доказывать Ничипоренкѣ, что при революціяхъ прежде всего должна соблюдаться точность въ исполненіи распоряженій, что если Бенни одного требуютъ назадъ, такъ онъ одинъ и долженъ ѣхать; а если его, Ничипоренко, назадъ не требуютъ, то значитъ высшая революціонная власть находитъ нужнымъ, чтобы онъ, Ничипоренко, ѣхалъ впередъ, и онъ такъ ужъ и долженъ ѣхать впередъ.

Такая рѣчь крайне удивила Ничипоренко, вовсе не допускавшаго мысли, чтобы и въ революціяхъ нужна была

какая-нибудь субординація. Ничипоренко, растерявшись нѣсколько отъ этой неслыханной новости, сказалъ Бенни, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ нужна въ революціяхъ субординація? Что это значитъ опять зависимость и что, «по его мнѣнію, требовать отъ предпринимателя слѣпого послушанія, это значитъ вводить въ предпріятіе бюрократію».

Бенни поговорилъ съ нимъ о разницѣ между субординаціею и бюрократіею и увидалъ, что политическій другъ его и этой разницы не понимаетъ, и что съ нимъ гораздо удобнѣе шутить, чѣмъ сердиться на него или убѣждать его. Онъ ему разсказывалъ, что въ революціяхъ даже и разстрѣливаютъ и вѣшаютъ. Ничипоренко удивился. Революціонеръ, бросившій берега Альбіона для того, чтобы быть исполнителемъ русской революціи, теперь самъ уже смѣялся надъ тѣмъ человѣкомъ, котораго въ Петербургѣ считали способнѣйшимъ дѣятелемъ и мечтали послать въ Лондонъ для самоважнѣйшихъ (какъ впослѣдствіи оказалось, самыхъ пустыхъ) негоціацій съ Герценомъ. Теперь Бенни просто подтрунивалъ надъ этимъ важнымъ человѣкомъ и подстрекалъ его тѣмъ, что «важныя дѣла», для которыхъ его, Бенни, вызываютъ назадъ, онъ не можетъ назвать, потому что это запрещено ему его «*Старшимъ*».

— Ну, вотъ и «Старшимъ»! Да это, можетъ-быть, чортъ знаетъ, кто этотъ «Старшій»?

— Это все равно: старшаго надо слушаться.

— Какъ же вамъ, стало-быть, если и палку поставятъ старшимъ, вы и палку будете слушаться?

— И палку буду слушаться. Безъ этого ничего не идетъ.

— Фу, чертовщина какая!

Ничипоренко задумался: а, можетъ-быть, и точно въ революціяхъ нужна субординація? Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ у *всамдѣльныхъ* революціонеровъ это такъ? Желаніе быть всамдѣльнымъ революціонеромъ диктовало Ничипоренкѣ суровую мысль, что онъ долженъ послушаться Бенни и ѣхать далѣе, но съ другой стороны, вспомнивъ, что вѣдь собственно ни онъ и никто изъ русскихъ революціонеровъ еще никакого своего революціоннаго начальства не имѣетъ, онъ находилъ, что ему некому и повиноваться: Герценъ далеко, а здѣсь, въ Россіи, всѣ равны и старшаго никого нѣтъ.

— Нѣтъ, какъ вы хотите, а я не останусь, — отвѣчалъ Ничипоренко съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

Удовольствіе возить «герценовскаго эмиссара» и ѣздить съ предпріятіемъ было такъ сильно въ эти минуты въ Ничипоренкѣ, что онъ не слушалъ никакихъ доводовъ и стоялъ на томъ, что, несмотря ни на субординацію и ни на какіе революціонные законы, онъ все-таки ѣдетъ назадъ; Бенни рѣшительно потерялъ надежду отвязаться отъ своего спутника: онъ указывалъ ему и на близость его родины отъ Орла и совѣтовалъ проѣхаться туда и навѣстить сестеръ, но ничего не помогало; Ничипоренко твердилъ: «что сестры! теперь не до родства, а вы безъ меня Богъ знаетъ чего напутаете», и онъ ни на пядь не отставалъ отъ Бенни.

Тогда Артуръ Бенни просто бѣжалъ отъ Ничипоренко изъ гостиницы. Онъ вышелъ изъ комнаты «по надобности царя Саула», и на Болховской улицѣ, въ Орлѣ, заложилъ у часовщика Керна свои карманные часы и съ вырученными за нихъ восемнадцатью рублями бросился въ отдѣленіе почтовыхъ каретъ. Здѣсь онъ думалъ освѣдомиться, сколько порожнихъ мѣстъ есть въ экипажѣ, который поѣдетъ вечеромъ въ Москву. Харьковскій экипажъ, идущій въ Москву, случайно былъ въ это время у подъѣзда, но въ немъ не было ни одного мѣста... Зато можно было купить кондукторское мѣсто у кондуктора. Бенни тотчасъ же воспользовался этимъ случаемъ: онъ купилъ себѣ это мѣсто и, тщательно задернувшись въ немъ занавѣсками, уѣхалъ, пославъ, впрочемъ, Ничипоренкѣ со сторожемъ почтовой станціи записку, что онъ воспользовался единственнымъ мѣстомъ въ почтовомъ экипажѣ и уѣхалъ въ Москву. Теперь Ничипоренко волею-неволею *долженъ* былъ остаться въ Орлѣ, а Бенни прикатилъ въ Москву. Но Ничипоренко еще перехитрилъ Бенни и доказалъ, что не одни пауки взлетаютъ подъ облака на птичьихъ хвостахъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Бенни пріѣхалъ въ Москву очень рано и въ семь часовъ утра былъ уже у одного изъ своихъ московскихъ знакомыхъ, знавшаго всѣ комическія побѣгушки предпринимателей другъ за другомъ. Хозяинъ и гость, не будя никого семейныхъ, сѣли вдвоемъ за ранній чай, и Бенни съ веселымъ смѣхомъ началъ разсказывать исторію своего бѣгства

отъ Ничипоренки; но не успѣлъ хозяинъ съ гостемъ поговорить и четверти часа, какъ одинъ изъ нихъ, взглянувъ на улицу въ окно, увидалъ у самаго стекла перекошенное и дергающееся лицо Ничипоренки. Онъ стоялъ какъ привидѣніе, появленіе котораго, въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно невозможно было объяснить ничѣмъ, если бы онъ не объяснилъ его черезъ минуту самъ. Ничипоренко разсказалъ, что онъ нашелъ на станціи въ Орлѣ очень добраго офицера, ѣдущаго въ Москву «по казенной надобности», упросилъ того взять его съ собою и догналъ Бенни на перекладной. Спасенія отъ него не было нигдѣ, а ѣхать опять съ нимъ же вмѣстѣ назадъ, въ Петербургъ, значило—опять попасть въ кружокъ тѣхъ же самыхъ людей, о которыхъ Бенни въ это время уже не могъ безъ раздраженія вспомнить и съ которыми потомъ никогда не сходился во всю свою жизнь въ Россіи.

Настигнутый Бенни сообщилъ Ничипоренкѣ, что онъ долженъ ожидать кого-то въ Москвѣ въ теченіе неопредѣленнаго времени. Ничипоренко и здѣсь не отсталъ: «и я буду ждать съ вами»,—сказалъ онъ, и опять жилъ съ Бенни съ недѣлю въ гостиницѣ Шевалдышева. Бенни бывалъ у той писательницы, которая не переносила присутствія Ничипоренки, и у нѣкоторыхъ другихъ московскихъ литературныхъ людей, и у двухъ тамошнихъ редакторовъ Каткова и Аксакова. Катковъ съ нимъ бесѣдовалъ долго, выспрашивалъ много и попросилъ оставить какой-то проектъ; Бенни оставилъ, Катковъ черезъ часъ прислалъ проектъ въ запечатанномъ конвертѣ безъ адреса и безъ малѣйшаго слова приписки. Бенни обидѣлся страшно. Аксаковъ принялъ Бенни очень холодно, и проекта читать не сталъ, сказавъ: «это дѣло Катковское», но посовѣтовалъ Бенни «прежде узнать русскій народъ» и затѣмъ откровенно уклонился отъ продолженія съ нимъ знакомства. Ничипоренко во все это время или сидѣлъ въ своемъ номерѣ, или гостевалъ у брата извѣстнаго Василія Кельсіева, студента Ивана Кельсіева, необыкновенно добраго и чистаго сердцемъ юноши, болѣе извѣстнаго въ московскихъ студенческихъ кружкахъ подъ именемъ *добраго Вани*. Онъ тоже потомъ, бывъ арестованъ по обвиненію въ какомъ-то политическомъ преступленіи, бѣжалъ изъ-подъ стражи и, пробравшись за границу, вскорѣ умеръ тамъ отъ чахотки. Жизнь Ничипо-

ренки въ Москвѣ была невыносимая, вялая и скучная, но онъ, кажется, рѣшился терпѣть все до конца и уѣзжать изъ Москвы не собирался. «*Искра*» и «*Экономическій Указатель*» корреспонденцій его опять не печатали и денегъ ему не высылали, и онъ жилъ займами, перебиваясь съ гроша на грошъ. Неизвѣстно, когда бы и чѣмъ бы кончилась эта игра, если бы, къ счастію Бенни, у нихъ не подорвались и послѣднія ихъ средства. Предпринимателямъ рѣшительно и буквально стало нечего ѣсть. Бенни, котораго принимали кое-гдѣ, могъ еще найти себѣ радушно предложенный обѣдъ и даже пріютъ, но Ничипоренкѣ ровно некуда было ни пріютиться, ни попасть на хлѣбы; комната «Вани Кельсіева» была вся съ птичью клѣтку, а обѣда у него часто недоставало и у самого. Онъ, по его шутливому замѣчанію, «*закуривалъ голодъ*» вонючимъ кнастеромъ, изъ своей коротенькой трубочки, съ которою никогда не разставался ни дома, ни въ гостяхъ. Тогда только, въ этихъ непреоборимыхъ обстоятельствахъ, Ничипоренко, спасая себя отъ холода и голода, рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Уѣзжая изъ Москвы, онъ, впрочемъ, успокаивалъ Бенни, что ѣдетъ не надолго, что онъ тамъ только пораздобудется деньжонками и на-дняхъ же вернется снова къ Бенни для продолженія предпріятія. Наивный Ничипоренко вовсе и не замѣчалъ, что его выпроваживали, и уѣзжалъ съ полнымъ упованіемъ, что онъ, во все это время, дѣлалъ какое-то предпріятіе, которое остановилось только за случившимся недостаткомъ въ деньгахъ, но разыщетъ онъ въ Петербургѣ деньжонокъ, и ему надо будетъ вернуться, и предпріятіе опять пойдетъ далѣе. Напуганный Бенни опасался, что Ничипоренко, дѣйствительно, того и гляди, снова явится въ Москвѣ, но его успокаивали, что этого не можетъ случиться, потому что на это нужны деньги, а на деньги въ Петербургѣ не тороваты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Выпроводивъ Ничипоренко въ Петербургъ, Бенни остался въ Москвѣ тоже безъ гроша. Въ это время онъ воспользовался моимъ гостепріимствомъ и, живучи у меня, въ домѣ Волоцкой, съ моею помощію привелъ свою небольшую компиляцію о «*Мормонахъ*» въ такое состояніе, что она могла быть напечатана въ «*Русской Рѣчи*». Это и была первая и

единственная статья, напечатанная Бенни въ газетѣ Евгеніи Туръ, постояннымъ сотрудникомъ которой Бенни никогда не былъ и названъ таковымъ въ некрологѣ «*Иллюстрированной Газеты*» г. Зотова совершенно неосновательно. Бенни въ это время просто жилъ у меня въ Москвѣ, по совершенному недостатку средствъ къ выѣзду, и отъ нечего дѣлать приглядывался къ московской жизни и нравамъ и былъ принятъ въ дома нѣкоторыхъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Русская литература въ то время Бенни нимало не интересовала, а его революціонныя идеи въ Москвѣ не встрѣчали никакой поддержки. Одни изъ москвичей, которымъ онъ высказывалъ свои планы, только отрезвляли его отъ революціоннаго опьяненія, въ которомъ онъ явился въ Россію, а другіе, слушая, какъ онъ хлопочетъ о Россіи, просто пожимали въ недоумѣніи плечами, дескать: «что онъ Гекубѣ и что ему Гекуба?» и отходили отъ него въ сторону. Какъ Петербургъ представилъ ему совсѣмъ не то, что ожидалъ онъ встрѣтить въ немъ по своимъ лондонскимъ соображеніямъ, такъ и въ Москвѣ онъ опять нашелъ совсѣмъ не то, что ему разсказывали: онъ видѣлъ все лѣниво, рыхло, ничего не ворохнешь, — ничего не сдвинешь. Гдѣ этотъ *расколъ*, про который онъ наслышался въ Лондонѣ всякихъ чудесъ отъ Бакунина и Василія Кельсіева? Расколъ не хочетъ и взглянуть на того, кто ищетъ его ради другихъ цѣлей, а не ради раскола. Гдѣ эта партія vieiy bojard moskowites? Сидитъ она на семи дубахъ, въ осьмой упирается, и дѣла ей нѣтъ до того, что затѣваетъ лондонскій «нѣмчикъ». Бенни еще разъ убѣдился, что въ Россіи въ то время рѣшительно не было никакой организованной революціи; что въ Петербургѣ тогда только выдумывали революцію и занимались ею, такъ сказать, *для шику*, да и то занимались люди, вовсе не имѣющіе ни малѣйшихъ понятій о томъ, какъ дѣлаются революціи. Въ отрезвляющемъ, консервативномъ покоѣ равнодушной къ интерскимъ затѣямъ Москвы Бенни теперь задавалъ себѣ вопросъ: зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ? что такое значитъ здѣсь *онъ*, фактически русскій подданный и документально «натурализованный англійскій субъектъ», человѣкъ нерусскій ни по крови, ни по привычкамъ, и космополитъ по убѣжденіямъ? Не мудрено, что въ это время Бенни и самъ себя вопросилъ: что онъ Гекубѣ, и что ему

Гекуба? Молодой, даже совсѣмъ юный, Бенни сталъ понимать, что онъ сдѣлалъ большой промахъ, что положеніе его просто глупо и что его и лондонскіе его друзья, и петербургскіе нарядили въ какіе-то политическіе шуты и выпихнули его паясничать съ убогенькимъ простачкомъ, который вертится передъ нимъ и ляскаетъ, какъ холщовая коза передъ пляшущимъ на ярмаркѣ медвѣдемъ. Увидать себя такою игрушкою не радостно и не легко; а тутъ еще, съ тою извѣстностію, которую онъ такъ быстро пріобрѣлъ, какъ «герценовскій эмиссаръ», нѣтъ возможности скрыться безслѣдно, нѣтъ и средствъ жить. А между тѣмъ все бѣжитъ, все корпитъ, все точитъ, все гонопитъ деньгу, все кричитъ: «*некогда, некогда*», словно напоминаютъ сибиряка, забывшаго на ярмаркѣ обо всѣхъ революціяхъ и повторявшаго одно *некогда*. Всѣмъ некогда и всѣ ѣдятъ зато свой хлѣбъ, а у него, у самаго предпріимчиваго изъ предпринимателей, времени бездна и ни гроша заработка, который былъ бы такъ легокъ при его, относительно, очень хорошемъ образованіи. Куда дѣть свое праздное время? на что употребить его, чтобы безъ стыда смотрѣть, какъ все вокругъ трудится и работаетъ? Какъ избавить себя отъ непріятности садиться за чужой столъ?.. «Изучать народъ», живучи подъ чужимъ кровомъ и на чужомъ хлѣбѣ, для совѣстливаго Бенни было несносно. Прежде всего теперь нужно было позаботиться о своемъ собственномъ существованіи, о своемъ насущномъ хлѣбѣ. Въ Москвѣ Бенни рѣшительно не могъ ничего добыть и собрался въ Петербургъ, гдѣ надѣялся найти переводную работу и жить, пока осмотрится и успѣетъ списаться съ Англіею. Въ это время онъ имѣлъ положительное намѣреніе уѣхать въ Англію, но, по недостатку характера, не устоялъ на этомъ и передумалъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Между тѣмъ Ничипоренко въ это время былъ уже въ Петербургѣ и въ Москву не собирался. Къ возвращенію Бенни въ Петербургъ здѣсь уже все было противъ него возстановлено и самъ Бенни объявленъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ русскимъ *политическимъ шпіономъ*, хитро подосланнымъ въ Петербургъ русскимъ правительствомъ черезъ Лондонъ. Сплетнѣ этой предшествовала цѣлая исторія. Тот-

часъ по выѣздѣ Бонни, Н. С. Курочкинъ и его друзья въ Петербургѣ распечатали письма, которыя Бенни имъ оставилъ для отсылки въ Англію. Прочитавши эти письма, любопытные люди не нашли въ нихъ ничего выдающаго Бенни съ дурной стороны. Бенни, который предвидѣлъ, что его письма не избѣгнутъ люстраціи, какъ выше сказано, нарочно оставилъ въ рукахъ своихъ петербургскихъ друзей не политическую свою корреспонденцію, а простыя письма къ своимъ лондонскимъ родственникамъ. Курочкинъ и другіе люстраторы, подпечатавшіе эти письма, поняли, что Бенни ихъ нарядилъ въ дураки, и разсердились. Они чувствовали, что теперь непремѣнно должны отмстить за себя, и отмстить, не пренебрегая никакими средствами. Въ тогдашнее время всѣмъ людямъ, которые почему-нибудь не раздѣляли красныхъ убѣжденій, въ Петербургѣ тотчасъ же присвоивали званіе правительственныхъ шпіоновъ. Гнусное средство это раздѣлываться такимъ образомъ съ людьми изъ-за несходства въ убѣжденіяхъ и вкусахъ тоже было въ ходу въ Петербургѣ, а въ тѣ времена, къ которымъ относится этотъ разсказъ, стоило какому-нибудь прощелыгѣ произнести это слово о человѣкѣ, и оно тотчасъ же безъ всякой критики повторялось людьми, иногда даже довольно умными и честными. Это было прекраснымъ средствомъ для отвода глазъ отъ настоящихъ мушаровъ, которыхъ было множество, особенно изъ людей «преданныхъ русскому искусству». Проходили годы; оклеветанный лже-шпіонъ оставался нищъ, убогъ; не было ни одного факта, чтобы онъ кого-нибудь выдалъ и на кого-нибудь сошпіонилъ, а кличка, данная ему первымъ, неразборчивымъ на средства, безчестнымъ человѣкомъ, все-таки повторялась людьми не безчестными. Такъ начиналось царство клеветническаго террора въ либеральномъ вкусѣ послѣ террора въ смыслѣ иномъ. Сказано было «кто не съ нами—тотъ подлецъ», а «подлецъ» разумѣется и шпіонъ. Теперь, когда шпіоновъ, такимъ образомъ, произведено такъ много, что за ними уже не видно настоящихъ мастеровъ этого ремесла, и когда нравы партіи, дающей такія названія, изучены и разоблачены, подобная кличка уже никого не запугиваетъ и не огорчаетъ: но тогда, въ то *комическое время*, были люди, которые лѣзли на стѣны, чтобы избавиться отъ подозрѣнія въ шпіонствѣ. Дѣйствительные шпіоны, распечатавшіе письма Бенни,

рѣшили назвать его своимъ именемъ. Шпіоны эти или люстраторы или, какъ ихъ назвать, не знаю, рѣшили, что Бенни шпіонъ; но такъ какъ для многихъ онъ былъ еще «герценовскій посолъ», то они не торопились объявлять о его шпіонствѣ тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ, какъ была сочинена эта гнусная клевета, а выжидали случая, чтобы неосторожный Бенни чѣмъ-нибудь самъ себя скомпрометировалъ, и тогда положили все это сплесть, сгруппировать и выставить его шпіономъ съ представленіемъ какихъ-нибудь доказательствъ его шпіонства. Случай не замедлилъ представиться. Случай этотъ былъ возвращеніе въ Петербургъ Ничипоренки и его разсказъ, какъ Бенни дружилъ съ постепеновцами; какъ онъ обнаруживалъ нерѣшительныя дѣйствія, куда-то исчезъ изъ Орла и, наконецъ, теперь остался въ Москвѣ. Этого было слишкомъ достаточно для того, чтобы начать говорить, что Бенни ведетъ себя подозрительно и что онъ всеконечно не что иное, какъ подосланный черезъ Англію шпіонъ русской тайной полиціи. При постановленіи этого рѣшенія не стѣснялись ни тѣмъ, что Бенни бѣденъ, нищъ и былъ вынужденъ для возвращенія изъ Орла въ Москву продать послѣдніе часы, чего со шпіономъ богатаго вѣдомства не должно бы случиться, ни тѣмъ, что онъ имѣлъ въ Англіи около 5 тысячъ рублей ежегоднаго жалованья и за шпіонство въ Россіи большаго вознагражденія, конечно, ожидать не могъ.

Рѣшеніе это было на-руку петербургскимъ друзьямъ эмиссара, потому что оно освобождало этихъ фразеровъ отъ всякой необходимости давать революціонную работу пылкому Бенни и возвращало самимъ имъ прежнее видное положеніе въ ихъ собственномъ кружкѣ, а потому оно всѣмъ очень понравилось и было принято единодушно. Въ подобныхъ кружкахъ *подозрѣніе* всегда равнялось *доказательству*, и Бенни, во время его отсутствія, былъ объявленъ въ Петербургѣ несомнѣннымъ шпіономъ и, по возвращеніи его изъ Москвы въ Петербургъ, встрѣченъ въ Петербургѣ съ обидною осторожностью, какъ вполнѣ изобличенный шпіонъ, котораго разгадали и съ которымъ общаго ничего имѣть не хотятъ. Съ этихъ поръ такъ мало свойственное легкомысленному, но честному маньяку Бенни званіе шпіона было усвоено ему и удерживается за нимъ даже и до сего дня, съ упорствомъ, въ которомъ поистинѣ не знаешь чему

болѣе дивиться — глупости, или злобѣ ничтожныхъ людей этой низкой «*партіи*», давшей впослѣдствіи неожиданно самыхъ лихихъ перевертней еще новаго фасона.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Бенни, уѣхавшій изъ Петербурга герценовскимъ эмиссаромъ и возвратившійся сюда всего черезъ мѣсяцъ шпіономъ, прослышавъ о темномъ и пошломъ коварствѣ господъ люстраторовъ, уличилъ здѣшнихъ друзей своихъ во вскрытіи и задержаніи его писемъ и отшатнулся отъ этихъ людей, столь безцеремонно поступившихъ и съ чужими тайнами, и съ чужими репутаціями. Наученный, посредствомъ своихъ московскихъ столкновеній, что въ средѣ такъ-называвшихся тогда «постепеновцевъ» гораздо болѣе уважаются тѣ правила жизни, въ которыхъ выросъ и которыя привыкъ уважать самъ Бенни, онъ не сталъ даже искать работы у литераторовъ-нетерпѣливцевъ и примкнулъ сначала, на нѣкоторое время, къ редакціи «*Русскаго Инвалида*», которою тогда завѣдывали на арендномъ правѣ полковникъ Писаревскій и Вл. Н. Леонтьевъ. Въ этой газетѣ Бенни работалъ недолго и скоро перешелъ изъ «*Инвалида*» въ редакцію «*Сѣверной Пчелы*». Въ «*Сѣверной Пчелѣ*» Бенни успокоился. Лица, составлявшія тогда редакцію этой газеты, не давали ни малѣйшей вѣры толкамъ, распускаемымъ досужими людьми о шпіонствѣ Бенни. Бенни, ужасавшійся того, что его ославляютъ шпіономъ, впрочемъ, входилъ въ новую компанію осторожно. Такъ, напримѣръ, онъ упросилъ покойнаго В. В. Толбина сказать всѣмъ участвующимъ въ «*Пчелѣ*», что о немъ, Бенни, распространены такіе-то и такіе-то слухи; Толбинъ это исполнилъ въ точности, и однажды, при всѣхъ сотрудникахъ газеты, за завтракомъ у П. С. Усова назвалъ Бенни въ шутку «шпіономъ». Эта шутка всѣхъ передернула, но когда Толбинъ затѣмъ разъяснилъ въ чемъ дѣло, то всѣ протянули Бенни руки и стали просить его забыть перенесенную имъ отъ недобрыхъ людей обиду и успокоиться. Такимъ образомъ Бенни вошелъ въ редакціонную семью не прежде, какъ получивъ отъ всѣхъ общее подтвержденіе, что дурнымъ слухамъ на его счетъ здѣсь никто не вѣритъ *).

*) Редакція «*Пчелы*» состояла тогда изъ П. С. Усова, П. И. Мелникова (Печерскаго), Н. И. Небольсина, Н. И. Перозіо, С. Н. Пала-

Отношенія загнаннаго въ чужой лагерь предпринимателя съ новыми его товарищами были прямы, мягки, открыты и недвусмысленны. Да и самъ Бенни, послѣ всѣхъ заданныхъ ему нравственныхъ встрепокъ, не бредилъ болѣе русскою революціею, хотя и послѣ всѣхъ этихъ данныхъ ему уроковъ не избѣгалъ вѣчныхъ тяготѣній къ революціоннымъ людямъ. Онъ никогда не прерывалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ своихъ сношеній, никогда не забывалъ о заботахъ оправдаться въ возведенномъ на него вздорѣ и, наконецъ, попалъ подъ уголовный судъ, по оговору того же Ничипоренки. Поводомъ къ этому было слѣдующее обстоятельство, тоже довольно комическаго свойства, но кончившееся для многихъ весьма трагически.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Раскаявшійся прощенный русскій эмигрантъ герценовской партіи, В. И. Кельсіевъ, считаясь тогда въ изгнаніи и именуясь «не осужденнымъ государственнымъ преступ-

---

узова, В. В. Толбина, І. Н. Шиля, К. П. Веселовскаго и меня, и никто изъ насъ не питалъ къ покойному Бенни никакихъ непріятныхъ чувствъ и ничего худого за нимъ не зналъ. Расположенность къ нему была такъ велика, что извѣстный своею деликатностью Павелъ Степановичъ Усовъ даже вида не подавалъ Бенни, что онъ, г. Усовъ, получалъ *внушенія* не держать Бенни въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Объ этомъ обстоятельствѣ, извѣстномъ очень многимъ живымъ до сего времени людямъ, стóитъ упомянуть въ доказательство, что Бенни никогда не былъ протежируемъ никакимъ особымъ вѣдомствомъ, а, напротивъ, изъ-за него выпадали хлопоты тѣмъ, кто съ нимъ водился. Такихъ хлопотъ, и подчасъ довольно серьезныхъ непріятностей, вволю выпадало на долю нѣсколькихъ лицъ, но болѣе всѣхъ досталось на мою. Помимо тѣхъ низкихъ клеветъ, которыя распускали на мой счетъ люстраторы Бенніевскихъ писемъ за то, что я не раздѣлялъ мнѣній, къ которымъ они настроивали всѣхъ, кого могли, и создали благородному юношѣ горестную славу и въ другихъ сферахъ, гдѣ Бенни тоже былъ на примѣтѣ, близость моя съ этимъ человѣкомъ казалась столь подозрительною, что самое невиннѣйшее мое желаніе, отправляясь за границу, проѣхать по Литвѣ и Галичинѣ подало поводъ къ наведенію обо мнѣ весьма курьезныхъ справокъ. Артуръ Бенни сталъ въ такую позицію, что къ нему даже не дозволялось питать самыя позволительныя чувства дружества по простымъ побужденіямъ, а, дружась съ нимъ, человѣкъ непремѣнно долженъ былъ попадать въ подозрѣніе или въ революціонерствѣ, или въ шпіонствѣ, или же и въ томъ и въ другомъ вмѣстѣ и разомъ, по пословицѣ: «гуртомъ выгоднѣй».

никомъ» *), проѣзжалъ изъ Англіи черезъ Петербургъ въ Москву для свиданія съ тамошними раскольниками, которымъ впослѣдствіи этотъ визитъ надѣлалъ кучу хлопотъ, а пріютившему Кельсіева московскому купцу, Ивану Ивановичу Шебаеву, стоилъ даже продолжительной потери свободы, чего старушка-мать Шебаева не перенесла и умерла, не дождавшись рѣшенія судьбы арестованнаго сына. Василій Кельсіевъ ѣхалъ въ Москву съ паспортомъ турецкаго подданнаго Яни, или Янини. Въ Петербургѣ Кельсіевъ останавливался, на короткое время, у Бенни, квартировавшаго въ то время на Гороховой близъ Каменнаго моста, въ домѣ № 29. Про то, что Кельсіевъ присталъ у Бенни, на несчастіе сего послѣдняго, случайно свѣдалъ Ничипоренко; онъ зналъ также и то, что когда Кельсіевъ опасался самъ идти для визированія своего паспорта, то Бенни взялъ всю эту рискованную процедуру на себя и благополучно получилъ визу на фальшивый паспортъ Кельсіева. Ничипоренко былъ въ восторгѣ отъ этой продѣлки и разронялъ эти новости повсюду, а вскорѣ послѣ секретной побывки Кельсіева въ Петербургѣ, онъ ѣздилъ съ упомянутымъ въ сенатскомъ рѣшеніи по этому дѣлу акцизнымъ чиновникомъ и театральнымъ писателемъ Николаемъ Антип. Потѣхинымъ въ Лондонъ къ Герцену, для тѣхъ сношеній, для которыхъ давно прочили Ничипоренку петербургскіе друзья Герцена. Покойному Герцену Ничипоренко необыкновенно понравился. Герценъ на немъ совершенно срѣзался; онъ нашелъ въ Ничипоренкѣ то, чего въ немъ не было ни слѣда, ни зачатка, именно онъ отыскалъ въ немъ «*большой характеръ*», и немедленно же отписалъ объ этомъ въ Петербургъ В. С. Курочкину и Н. Г. Чернышевскому. Ничипоренко, въ качествѣ «большого характера», снискалъ у Герцена огромное довѣріе и, получивъ отъ него полномочіе для дальнѣйшихъ негоціацій, взялся доставить какія-то важныя революціонныя бумаги къ бѣлокриницкому митрополиту Кириллу. Это была цвѣтущая, золотая пора Андрея Ив. Ничипоренко,—пора, когда онъ забылъ отъ счастія всѣ свои неудачи при нижегородскихъ «предпрія-

*) Такое *званіе* принадлежало не одному В. И. Кельсіеву, а его, въ офиціальныхъ бумагахъ, давали и покойному Алек. И. Герцену и многимъ другимъ, но что такое собственно значитъ «не осужденный государственный преступникъ», это пусть рѣшатъ гг. юристы.

тіяхъ». Теперь онъ былъ *особа*, а Николай Антипычъ Потѣхинъ (такъ читано въ рѣшеніи сената) только былъ при немъ въ качествѣ подначальнаго «добраго малаго и болтуна».

Получивъ отъ Герцена такъ-называемыя «важныя бумаги», скомпрометировавшія впослѣдствіи великое множество людей, Ничипоренко, однако, не довезъ ихъ къ митрополиту Кириллу. Онъ испугался угрожающаго ему обыска и бросилъ всѣ эти бумаги подъ прилавокъ въ одной изъ австрійскихъ таможенъ. Тамъ эти герценовскія бумаги безъ всякихъ хитростей были найдены убиравшимъ комнату сторожемъ, представлены по начальству, прочитаны и чрезъ кого слѣдуетъ доставлены русскому правительству. Ничипоренко во все это время пребывалъ въ совершенномъ спокойствіи. Безпечность и безразсудство этого человѣка были такъ велики, что онъ даже вовсе не придавалъ никакого значенія тому, что бросилъ въ таможнѣ, посреди фискальныхъ чиновниковъ, секретныя революціонныя бумаги. Онъ считалъ все это вздоромъ и благополучно пріѣхалъ въ свои родныя Прилуки, вступилъ въ должность, которую ему его петербургскіе друзья устроили по акцизному вѣдомству, и сѣлъ-было здѣсь спокойнымъ обывателемъ, какъ вдругъ былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Въ показаніяхъ своихъ, которыя Ничипоренко писалъ съ какимъ-то азартомъ покаянія и увлеченіемъ поклепа, онъ записывалъ все и всѣхъ, кого зналъ и что̀ помнилъ. Если бы теперь въ ходу были пытки, то можно бы подумать, что этого человѣка душили, жгли, рѣзали и пилили на части, заставляя его оговаривать людей на всѣ стороны и что онъ подъ тяжкими муками говорилъ что̀ попало, и правду, и неправду,—таковы его необъятнѣйшія воспоминанія, вписанныя имъ въ свое уголовное дѣло, гдѣ человѣческихъ именъ кишитъ, какъ блохъ въ собачьей шкурѣ. Среди такихъ воспоминаній онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вспомнилъ и о проѣздѣ черезъ Петербургъ В. И. Кельсіева, о томъ, что Кельсіевъ въ Петербургѣ былъ у Бенни. Все это Ничипоренко тотчасъ же собственноручно самымъ аккуратнымъ образомъ записалъ въ свое показаніе, замѣтивъ при этомъ кстати, что это онъ говоритъ «*о томъ самомъ*

Бенни, ѣздивши съ которымъ въ Орелъ, онъ заѣзжалъ съ нимъ по знакомству во Мценскую деревню Ив. Серг. Тургенева» *). Такимъ образомъ Ничипоренкѣ удалось пріобщить къ дѣлу разомъ двухъ своихъ добрыхъ знакомыхъ: Артура Бенни, который жилъ въ это время въ Петербургѣ, и Ив. Серг. Тургенева, который въ это время уже находился за границею, но по этому случаю тоже привлеченъ былъ къ отвѣту и пріѣзжалъ сюда изъ Парижа. Бенни тоже былъ, разумѣется, призванъ въ слѣдственную комиссію, и на вопросы, сдѣланные ему насчетъ указаннаго Ничипоренкомъ проѣзда г. Кельсіева черезъ Петербургъ съ паспортомъ Яни, крѣпко-на-крѣпко заперся, хотя слѣдователи и убѣждали Бенни не запираться, выставляя ему на видъ, что это уже безполезно, потому что Ничипоренко все расписалъ, но Артуру Бенни казалось, будто его выпытываютъ, что у членовъ комиссіи есть только подозрѣніе, что г. Кельсіевъ проѣзжалъ черезъ Петербургъ, но достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ, а потому Бенни и не видалъ побудительныхъ причинъ открывать это «событіе». Но въ дѣлѣ дѣйствительно было уже собственноручное показаніе Ничипоренки, въ которомъ подробнѣйшимъ образомъ описывалось пребываніе г. Кельсіева въ Петербургѣ и тѣмъ самымъ доказывалось преступное запирательство Бенни, вмѣненное ему впослѣдствіи въ число обстоятельствъ, усилившихъ его вину. Бенни была предложена очная ставка съ Ничипоренко,

---

*) Невозможно понять, съ какою цѣлью покойный Ничипоренко при слѣдствіи вызывалъ изъ своей памяти самыя пустыя событія, о которыхъ его никто не спрашивалъ, а иногда просто даже *сочинялъ*, чтобы только приписать въ свои показанія чье-нибудь новое имя. Такъ, онъ, напримѣръ, вспоминалъ, между прочимъ, и обо мнѣ и, описывая какой-то сторонній случай, вставлялъ кстати, что «въ это-де время я познакомился съ литераторомъ Лѣсковымъ, который своимъ образомъ мыслей имѣлъ вредное вліяніе на мои понятія», и далѣе опять о постороннемъ. Я самъ не читалъ этихъ касающихся меня строкъ, но слыхалъ о нихъ отъ Бенни и отъ Тургенева, которымъ я вполнѣ вѣрю, а они имѣли случай читать дѣло Ничипоренки. По этому поводу я тщательно припоминалъ себѣ всѣ мельчайшія подробности моихъ сношеній съ Ничипоренко, съ которымъ мы одно время жили вмѣстѣ у профессора И. В. Вернадскаго, но ничего не могъ припомнить, чѣмъ бы я его могъ совратить съ добраго пути? Развѣ тѣмъ, что мы съ проф. Вернадскимъ иногда позволили себѣ слегка воздерживать его отъ увлеченій революціею, да *предсказывали* ему его печальную судьбу, которая съ нимъ, на его несчастіе, вся и исполнилась?

который самъ вызвался уличить Бенни въ томъ, что Кельсіевъ дѣйствительно былъ въ Петербургѣ; но Бенни, не хотя доводить Ничипоренко до этого во всякомъ случаѣ малопріятнаго труда, удовольствовался однимъ представленнымъ ему собственноручнымъ показаніемъ Ничипоренки *и признался и въ передержательствѣ Кельсіева, и въ своемъ умышленномъ запирательствѣ на первомъ допросѣ.* Послѣ этого у Бенни былъ немедленно отобранъ паспортъ на прожитіе въ Россіи, и онъ попалъ подъ судъ. Правда, что у него никогда не былъ взятъ его англійскій паспортъ, съ которымъ онъ, во всякое время, могъ бы свободно перебѣжать за границу, какъ перебѣжалъ за границу Кельсіевъ съ паспортомъ Яни (что со всею откровенностію самимъ же г. Кельсіевымъ и разсказано въ книгѣ его покаяній и признаній). Бенни имѣлъ всѣ возможности уйти изъ Россіи даже безъ хлопотъ и безъ риска, но онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, опасаясь, что его побѣгъ дастъ дѣлу Ничипоренковскаго посольства къ Герцену характеръ важнаго заговора и увеличитъ въ глазахъ правительства вину несчастнаго Ничипоренко. Дѣло это шло очень долго. Бенни, во все время, тихо и мирно сотрудничалъ въ «*Сѣверной Пчелѣ*» и, вспоминая порою о своихъ попыткахъ произвести въ Россіи вдругъ общую революцію съ Ничипоренкомъ, искреннѣйшимъ образомъ надъ собою смѣялся, негодуя на тѣхъ русскихъ соціалистовъ, которыхъ нашелъ, но неуклонно стремясь отыскать другихъ, которые, по его великой вѣрѣ, непремѣнно должны гдѣ-то въ Россіи таиться... Иначе онъ никогда не думалъ, да и можно ли его винить, что онъ не зналъ Россіи, когда самъ хиротонисавшій его Герценъ былъ тѣхъ же самыхъ мнѣній и уповалъ и хвалился, что «онъ создалъ поколѣніе безповоротно соціалистическое»? Чего послѣ этого можно спрашивать съ человѣка, совершенно чуждаго русской почвѣ?

Между тѣмъ въ это же время Бенни, сталкиваясь съ различными людьми столицы, сдѣлалъ себѣ нѣсколько очень хорошихъ знакомствъ. Его отличали и любили въ весьма почтенныхъ домахъ, у людей, занимавшихъ въ то время видныя мѣста въ правительствѣ. У Бенни были хорошія юридическія способности и довольно большая начитанность въ юридической литературѣ. Зная это, два сенатора, въ домахъ которыхъ Бенни былъ принятъ, старались открыть

ему юридическую карьеру. Онъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній, согласился на это и началъ сдавать въ университетѣ кандидатскій экзаменъ. Казалось, вотъ-вотъ этотъ бѣдный молодой человѣкъ ускользнетъ отъ мелкихъ дрязгъ суетной жизни, выйдетъ на солидную дорогу, на которой его могутъ ждать и благодарный трудъ, и благодарная дѣятельность, и доброе имя, но ничему этому не суждено было совершиться. Горячій, какъ бы весь изъ одного сердца, нервъ и симпатій сотканный Бенни снова былъ увлеченъ круговоротомъ ежедневныхъ событій: благія намѣренія его замѣнились другими, хотя и не злыми, но эфемерными, и онъ снова попалъ въ положеніе, которое дало извѣстный поводъ еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ распространять о немъ вздорные слухи.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Поводомъ къ новымъ непріятностямъ для Бенни былъ извѣстный апраксинскій пожаръ, которому предшествовало нѣсколько меньшихъ, быстро одинъ за другимъ слѣдовавшихъ пожаровъ. Тогда вездѣ говорили, что эти пожары происходятъ будто отъ поджоговъ: даже утверждали, что это не простые грабительскіе поджоги, а поджоги, производимые «красными» съ цѣлію взбунтовать народъ. Объ этомъ есть свидѣтельства у романистовъ Писемскаго и у Крестовскаго (см. «Взбаламученное море» и «Панургово стадо»), да это, наконецъ, столь общеизвѣстно, что и не нуждается ни въ чьихъ свидѣтельствахъ. Бенни, работая въ редакціи газеты, куда, разумѣется, притекали подобные слухи, все это слышалъ и зналъ всѣ эти толки. Но, кромѣ того, въ самый день апраксинскаго пожара, Бенни былъ свидѣтелемъ ужаснаго событія: онъ видѣлъ, какъ по слуху, распространившемуся въ народѣ, что городъ жгутъ студенты, толпа разсвирѣпѣвшихъ людей схватила студента Чернявскаго (впослѣдствіи одинъ изъ секретарей правительствующаго сената) и потащила его съ тѣмъ, чтобы бросить въ огонь, гдѣ г. Чернявскій, конечно, и погибъ бы, если бы ему не спасъ жизнь подоспѣвшій на этотъ случай патруль (происшествіе это въ подробности описано въ первомъ томѣ моихъ разсказовъ). Другого студента, родомъ полака, г. К—го (товарища Бенни по Піотрковской гимназіи), избили до полусмерти, и онъ спасся лишь тѣмъ, что началъ креститься

по-православному и забожился, что онъ не студентъ, а «поваръ княгини Юсуповой». Какъ уже тутъ ему бѣдняку въ этомъ страхѣ пришла въ голову эта счастливая мысль— не знаю, но только она спасла его: ему дали еще нѣсколько толчковъ и прогнали *«тарелки лизать»*. Этого избитаго, въ разорванномъ платьѣ горюна, по просьбѣ одного изъ членовъ редакціи *«Сѣверной Пчелы»*, спряталъ дворникъ, нѣкогда служившій въ домѣ Н. И. Греча *). Энергичный Бенни, бывшій свидѣтелемъ этого событія, услышавъ злой ревъ: «въ огонь студентовъ! Студенты жгутъ!» выкрикнулъ громко: «Неправда, неправда! Студенты не жгутъ, а гасятъ», и съ этимъ вскочилъ на одну пожарную трубу, гдѣ качальщики видимо уставали, и началъ работать. За нимъ послѣдовали три знакомые ему университетскіе студенты и два литератора, и всѣ они начали качать воду. «Глядите, мы студенты, и мы гасимъ, а не поджигаемъ», бодро и смѣло крикнулъ Бенни въ толпу съ трубы. Толпѣ это понравилось, и изъ нея раздались одобрительные голоса: «Хорошо, баринъ, хорошо! молодецъ! работай!»

Нѣсколько мѣщанъ вскочили и начали качать вмѣстѣ со студентами. Такъ это и уладилось, благодаря энергіи и находчивости Бенни.

Возвратясь домой (Бенни жилъ въ редакціи, гдѣ всѣ въ это время заняты были обстоятельствами ужаснаго бѣдствія), Бенни раздѣлялъ общее мнѣніе, что вредныхъ толковъ, распространяющихся въ народѣ о томъ, что Петербургъ поджигаютъ студенты, скрывать не слѣдуетъ, а, напротивъ, должно немедленно и энергически заявить, что такіе толки не основательны и что, для прекращенія ихъ, полиція столицы обязана немедленно назвать настоящихъ поджигателей, буде они ей извѣстны. Такъ это, съ общаго согласія, и было *«Сѣверною Пчелою»* сдѣлано. Въ передо-

---

*) Судьба этого находчиваго сармата, спасшагося подъ именемъ юсуповскаго повара, тоже не безъ интереса. Отправленный «лизать тарелки», онъ и въ самомъ дѣлѣ прекрасно-было пристроился «при милости на кухнѣ большого барскаго дома, но повстаническимъ терроромъ былъ отторгнутъ отъ сытной трапезы (которую безмѣрно любилъ) и увлеченъ въ литовскіе лѣса, гдѣ и убитъ при стычкѣ банды съ русскими войсками, при чемъ представилась такая странность: на груди его чамарки нашли пришитою русскую медаль за крымскую войну... Вѣроятно, онъ это припасъ про всякій случай.

вой статьѣ номера, вышедшаго на другой день послѣ пожара, было отъ слова до слова сказано слѣдующее: *«Во время пожара въ толпахъ народа слышались нелѣпыя обвиненія въ поджогахъ противъ людей извѣстной корпораціи. Не допуская ни малѣйшаго основанія подобнымъ слухамъ, мы полагаемъ, что, для прекращенія ихъ, полиція столицы обязана назвать настоящихъ поджигателей, буде они ей извѣстны»*. Было сказано ни болѣе, ни менѣе, какъ именно то, что здѣсь приводится. Полиція, разумѣется, ничего этого, въ защиту чести студентовъ, не сдѣлала, а нѣкоторые смутьяны по злобѣ ли, или по глупости угораздились усмотрѣть въ приведенныхъ строкахъ не только какую-то обиду «молодому поколѣнію», но даже и обвиненіе его въ поджигательствѣ! И вотъ, утромъ, въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ пожара, къ Бенни, въ редакцію, явились два человѣка, называвшіе себя «депутаціею отъ молодого поколѣнія». Депутація эта предстала съ укоромъ Бенни (какъ будто онъ, а не другое лицо было редакторомъ газеты) и съ требованіемъ, чтобы Бенни заявилъ всѣмъ участвующимъ въ газетѣ, что это «обвиненіе молодого поколѣнія въ поджогахъ такъ не пройдетъ никому, а особенно тому, кто писалъ передовую статью». На имя этого угрожаемаго сотрудника были присланы два анонимныя письма, что онъ «будетъ убитъ близъ Египетскаго моста», чрезъ который тотъ, дѣйствительно, часто ходилъ въ одно знакомое ему семейство и возвращался оттуда ночью одинъ и бо̀льшею частью пѣшкомъ. Теперь, впрочемъ, кажется, можно уже безъ обиняковъ сказать, что этотъ угрожаемый сотрудникъ былъ не кто иной, какъ я самъ, пишущій эти строки.

Но возвращаемся къ Бенни. При всѣхъ этихъ допросахъ, угрозахъ и заявленіяхъ «депутатовъ молодого поколѣнія» Бенни опять вдругъ потерялъ свою деликатную выдержанность и забылся до рѣзкости. Послѣ попытки разъяснить «депутатамъ молодого поколѣнія», что они не умѣютъ читать по писанному, что взволновавшая ихъ статья самымъ искреннимъ образомъ направлена въ защиту студентовъ отъ клеветы, а не въ обвиненіе ихъ, Бенни назвалъ депутатовъ людьми, лишенными смысла и выпроводилъ ихъ отъ себя вонъ довольно безцеремоннымъ образомъ. Но тутъ, пылкій и неудержимый въ преслѣдованіи всѣхъ своихъ цѣ-

лей, Бенни опять выкинулъ штуку, очень благонамѣренную, но которая была понята Богъ знаетъ какъ и снова причинила ему много досады и горя.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Освободясь отъ депутатовъ молодого поколѣнія, Бенни немедленно же отправился къ бывшему въ то время с.-петербургскому оберъ-полицеймейстеру Анненкову съ самою странною и неожиданною просьбою, объясняемою единственно лишь только пылкостью характера Бенни и его относительнымъ незнаніемъ петербургскихъ нравовъ. Не упоминая, разумѣется, ни одного слова о приходившей къ нему съ угрозами депутаціи молодого поколѣнія, Бенни просилъ генерала Анненкова, во вниманіе къ распространившимся въ столицѣ ужаснымъ слухамъ, что въ поджогахъ Петербурга принимаютъ участіе молодые люди, обучающіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, дать этимъ молодымъ людямъ возможность разрушить эти нелѣпые и вредные толки, образовавъ изъ себя на это смутное время волонтеровъ для содѣйствія огнегасительной командѣ. Бенни доказывалъ оберъ-полицеймейстеру Анненкову, что мѣра эта совершенно безопасна и дозволяется почти вездѣ за границею, да и у насъ въ Ригѣ, а между тѣмъ она и усилитъ средства огнегасительной команды, когда будетъ являться въ помощь ей на пожары, и въ то же самое время докажетъ, что у молодыхъ людей, изъ которыхъ она будетъ навербована, нѣтъ ничего общаго съ зажигателями. Въ священной простотѣ своей Бенни, объясняя свой планъ генералу Анненкову, ни на минуту не сомнѣвался, что молодые люди, о которыхъ онъ хлопоталъ, такъ и кинутся въ волонтеры-гасители. Онъ и не подозрѣвалъ, что въ кружкахъ, гдѣ распоряжались отъ лица «молодого поколѣнія», не было и малѣйшаго поползновенія оправить и очистить студентовъ отъ подозрѣній, а напротивъ, вся забота состояла въ томъ, чтобы представлять самихъ себя въ *опасномъ положеніи*, чтобы только свирѣпѣть и злобствовать, выводя изъ всѣхъ этихъ пустяковъ необходимость непримиримой вражды... Съ кѣмъ и за что? — тогда разобрать было невозможно. Между же тѣмъ не совсѣмъ укладистая мысль Бенни не была вдругъ отвергнута оберъ-полицеймейстеромъ. Генералъ Анненковъ попросилъ Бенни изложить

его мысль о волонтерахъ на бумагѣ, и Бенни подалъ объ этомъ генералу обстоятельную записку, и, въ теченіе нѣкотораго времени, осуществленіе волонтерской команды казалось возможнымъ. Въ это время «*Пчела*» эту мысль поддерживала, а другія тогдашнія петербургскія газеты (впрочемъ не всѣ) вдругъ ополчились противъ хлопотъ Бенни и нашли въ нихъ нѣчто столь смѣшное и вредоносное, что не давали ему прохода. Всегда отличавшаяся близорукостью и полнымъ отсутствіемъ политическаго такта, сатирическая газета «*Искра*» хохотала надъ этою затѣею учредить волонтеровъ, и мало того, что издѣвалась надъ нею въ прозѣ и въ стихахъ, она еще рисовала Бенни разъѣзжающимъ на пожарной трубѣ вмѣстѣ съ другими сотрудниками «*Пчелы*», которые не принимали въ этихъ хлопотахъ Бенни ни малѣйшаго непосредственнаго участія. Дѣло было осмѣяно, студенты въ него теперь не пойдутъ. Все замущено и одурачено, никто не разберетъ, что̀ хорошо и что̀ дурно... Этого только и надо! Встрѣтивъ такое противодѣйствіе своей мысли не со стороны администраціи, а со стороны прессы—откуда Бенни, въ святой простотѣ сердца, ждалъ только одной поддержки, онъ даже растерялся отъ этой безтактности, казавшейся ему совершенно невозможною. Осмѣянный и обруганный, онъ бросилъ всѣ свои хлопоты о волонтерной командѣ и опять взялся за свой кандидатскій экзаменъ, съ цѣлію сдать его и, со временемъ, искать мѣста присяжнаго повѣреннаго при ожидавшихся тогда новыхъ судахъ. Съ этихъ поръ Бенни рѣшилъ-было совсѣмъ удалиться отъ всякихъ русскихъ революціонныхъ дѣятелей. Но живая, впечатлительная натура его, при полномъ отсутствіи всякой устойчивости, не позволяла ему и на этотъ разъ остаться въ сторонѣ отъ вопросовъ дня, волновавшихъ тогдашнихъ хлопотуновъ. Въ это время въ Петербургѣ разгорался такъ - называемый «*женскій вопросъ*». Бенни непремѣнно надо было попасть и сюда; надо было впутаться и въ этотъ «вопросъ», имѣвшій для него впослѣдствіи болѣе роковое значеніе, чѣмъ всѣ его прежнія предпріятія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Многимъ извѣстно, что какъ только здѣсь, въ Петербургѣ, былъ поднятъ «*женскій вопросъ*», онъ тотчасъ же

не избѣжалъ общей участи многихъ вопросовъ, обращенныхъ въ шутовство, съ которымъ дѣятелямъ того времени удалось сблизить и общественную благотворительность, и обученіе грамотѣ народа, и даже безстрастное преподаваніе естественныхъ наукъ и многое другое. Пока въ петербургскихъ журналахъ печатались разныя теоретическія соображенія насчетъ новаго устройства женскаго пола, въ жизни практической объявились нѣкоторые спеціалисты по женской части. Эти практиканты начали направлять бездомовныхъ и отбившихся отъ семействъ женщинъ въ типографіи. Что̀ за выгодную статью видѣли эти люди въ типографской работѣ и почему наборничество казалось имъ, напримѣръ, прибыльнѣе часовичества, гравированья, золоченья и другихъ ремеслъ, въ которыхъ женщина вполнѣ можетъ конкурировать съ мужчиной?—это такъ и остается ихъ тайною, а полицію это предпочтеніе типографскаго труда натолкнуло на подозрѣніе, что тутъ дѣло идетъ не о женскомъ трудѣ, не объ обезпеченіи женщинъ, но объ ихъ сообщничествѣ по прокламаторской части. Это была почти самая первая и едва ли не самая большая и вредная ошибка со стороны администраторовъ женскаго вопроса, по крайней мѣрѣ съ этого начинались подозрительные взгляды на трудъ женщинъ. Но теоретиковъ никакое подозрѣніе не образумливало, а только сердило, и они еще болѣе утверждались въ убѣжденіи, что пріученіемъ женщинъ работать въ типографіяхъ можно достичь благодѣтельной реформы въ судьбахъ русской женщины и положить начало практическому разрѣшенію женскаго вопроса. Спеціалисты-практиканты взялись все это осуществить. Здѣсь не мѣсто разсказывать, сколько тутъ было обличено лжи, безнравственности и притворства, и какъ не велико было число людей, искренно готовыхъ приносить какія бы то ни было жертвы на пользу женщинъ. Именно, ихъ можно бы даже безъ затрудненія всѣхъ пересчитать здѣсь по пальцамъ, и они давно отмѣчены отъ толпы шарлатановъ, искавшихъ въ этой суматохѣ только лишь случаевъ репетиловски «понумѣть» во имя женскаго вопроса (очень часто во вредъ дѣлу), или просто съ цѣлію пользоваться труднымъ положеніемъ женщинъ, когда тѣ, отбившись отъ семей и отъ преданій, охранявшихъ ихъ женственность, увидятъ себя на распутіи, безъ средствъ и безъ положенія. Къ сожалѣ-

нію, со стороны многихъ людей это было то же самое мірское лукавство, отъ котораго женщина страдаетъ повсюду. Волки только надѣли овечьи шкурки... Число искреннихъ людей, желавшихъ собственно облегчить тяжкій женскій заработокъ, въ столицѣ было самое маленькое, и Бенни былъ однимъ изъ первыхъ въ этомъ небольшомъ числѣ. Онъ началъ съ того, что ввелъ въ редакцію *«Сѣверной Пчелы»* нѣсколько дамъ и дѣвицъ въ качествѣ переводчицъ. Особы эти должны были работать подъ его надзоромъ, но работы, къ сожалѣнію, дѣлалось очень мало... Большое помѣщеніе, которое имѣлъ Бенни при редакціи, въ домѣ Греча, съ этихъ поръ каждый день было переполнено мужчинами, которые сюда были введены В. А. Слѣпцовымъ, чтобы могли видѣть, какъ онъ будетъ «учить и воспитывать дамъ». Съ этихъ поръ по всѣмъ комнатамъ, во всѣхъ углахъ раздавались жаркіе дебаты о правѣ женщинъ на трудъ, а на всѣхъ рабочихъ столахъ красовались курительный табакъ, папиросныя гильзы, чай и самыя спартанскія, но самыя употребительныя здѣсь яства: молоко и норвежскія сельди. Неисповѣдимымъ путямъ всехраняющаго Провидѣнія угодно было, чтобы селедки, плавая въ молокѣ, въ желудкахъ милыхъ дамъ и благородныхъ мужчинъ «гречевской фаланстеры» не причиняли ни малаго вреда питавшимся ими дѣятелямъ. Работою здѣсь серьезно никогда не занимались; ею только изрѣдка пошаливали двѣ изъ посѣщавшихъ редакцію дамъ, но и то работа эта, бо́льшею частію, была никуда негодная: Бенни все передѣлывалъ самъ и только отдавалъ работницамъ мнимо слѣдовавшій имъ гонораръ. Бенни вскорѣ же увидѣлъ, что изъ его усилій создать женскую atelier не выходитъ ничего похожаго на atelier, но терпѣлъ ее въ томъ видѣ, какой она принимала по волѣ и по вкусамъ приходившихъ развивателей. До чего это дошло бы?—это предсказать трудно; но, на счастье Бенни, atelier его скоро стала разсыпаться: двѣ изъ его работницъ, обладавшихъ бо́льшею противъ другихъ практичностію и миловидностію, вышли замужъ церковнымъ бракомъ за нигилистничавшихъ богатыхъ юношей (одна изъ нихъ теперь даже *княгиня*), а остальныя, обладавшія меньшею практичностію, устроились менѣе прочно, но все-таки и эти, наскучивъ такъ-называвшимся «бенніевымъ млекомъ», мало-по-малу оставили его atelier. Самъ же Бенни въ это время доду-

мался, что нужно заботиться о томъ, чтобы пріурочить къ труду *простыхъ* женщинъ, а не барышень и не барынь, въ которыхъ онъ разочаровался.

Бѣдный Бенни и не воображалъ, что «простая русская женщина» уже и безъ него давно такъ пріурочена къ труду, что на нее не только нельзя ничего накидывать, но, напротивъ, давно надо позаботиться, чтобы избавить эту женщину хотя отъ части ея трудовъ. Крайнее непониманіе жизни, врожденная легкомысленность и отвычка вдумываться въ дѣло, пріобрѣтенная двухлѣтнимъ вращеніемъ среди вопросовъ, не составляющихъ вопроса, пустила Бенни увлекаться по этому пути заблужденія. Да и это бы еще ничего, но онъ пошелъ увлекать на этотъ путь тѣхъ, которыя имѣли неосторожность на него полагаться. На зарабатываемыя своимъ литературнымъ трудомъ деньги, Артуръ Бенни пріобрѣлъ четыре типографскихъ реала и поставилъ за нихъ четырехъ наборщицъ. Дѣвушки, начавшія учиться за этими реалами типографскому дѣлу, были: одна—бѣдная швея, не имѣвшая о ту пору работы, другая—бѣдная полька, жившая субсидіями Огрызько, третья — бѣдная дворянка, дочь едва двигавшей ноги старушки, которую дочь содержала своими трудами, а четвертая—капризная подруга одного изъ мелкотравчатыхъ писателей. Но съ этими женщинами у Бенни тоже дѣло не пошло, да и не могло идти, какъ не шли всѣ его предпріятія, потому что Бенни, котораго простодушные люди считали хитрымъ, былъ легкомысленъ, какъ дитя. Онъ, этотъ траги-комическій, «натурализованный англійскій субъектъ», пришедшій къ намъ съ мыслію произвесть соціально-демократическій переворотъ въ Россіи, сдѣлавшись антрепренеромъ четырехъ типографскихъ реаловъ изъ чужой типографіи, выказалъ такую неспособность организовать работу, что это новое его серьезнѣйшее предпріятіе обратилось въ самый смѣшной анекдотъ. Оказалось, что Бенни не только не имѣлъ и такой основательности, какая непремѣнно бываетъ у каждаго мелкаго ремесленника, открывающаго маленькую собственную мастерскую, но что у него не было даже предусмотрительности босоногаго деревенскаго мальчишки, сажающаго, для своей потѣхи, въ клѣтку чижа или щегленка. Тотъ, сажая птичку, заботится принести для ея продовольствія горсть конопель или проса, а Бенни взялъ четырехъ совершенно

бѣдныхъ женщинъ съ условіемъ доставлять имъ содержаніе до тѣхъ поръ, пока онѣ выучатся и станутъ печатать книги, и упустилъ изъ виду, что это содержаніе вовсе не дебаты о трудѣ, а нѣчто вещественное, что его надо было своевременно пріобрѣсть и запасти. Онъ не сообразилъ, что ученицы, шедшія къ нему на опредѣленное готовое положеніе, были совсѣмъ не то, что прежнія его сотрудницы, барышни-переводчицы, хотя и получавшія задѣльную плату съ переведенной строчки, но имѣвшія все-таки кусокъ хлѣба и безъ этого заработка. Его новымъ, бѣднымъ работницамъ надо было давать четвертымъ восемьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, хотя бы онѣ не выработали и на восемьдесятъ копеекъ.

Имѣя возможность зарабатывать въ ежедневной газетѣ отъ 300 до 500 рублей въ мѣсяцъ, Бенни, конечно, не зарывался, считая себя въ силахъ давать своимъ ученицамъ ежемѣсячно восемьдесятъ рублей, — онъ могъ давать имъ эти деньги; но онъ упустилъ изъ вида одно важное условіе, что для полученія денегъ онъ долженъ былъ продолжать работать, а ему въ это время стало не до работы. Пока Бенни учреждалъ свою женскую типографію, другой литераторъ (имя котораго всецѣло принадлежитъ исторіи комическаго времени на Руси) учредилъ въ Петербургѣ упомянутую въ «Панурговомъ стадѣ» г. Крестовскаго «*коммуну*», гдѣ поселилось на общежительство нѣсколько молодыхъ дамъ, дѣвицъ и кавалеровъ. Въ числѣ пріѣхавшихъ въ эту коммуну изъ Москвы женскихъ членовъ была одна дѣвица изъ очень хорошаго московскаго дома. Ей суждено было произвести на Бенни то сильное и неотразимое впечатлѣніе, которое на человѣческомъ языкѣ называется любовью...

Дѣвушка эта, надѣленная отъ природы очень способною головою, но безпокойнѣйшимъ воображеніемъ, не поладивъ съ порядками родительскаго дома, пріѣхала изъ Москвы съ намѣреніемъ жить въ Петербургѣ своимъ трудомъ.

Справедливость требуетъ, упоминая здѣсь объ этой дѣвушкѣ, замѣтить, что тотъ бы очень погрѣшилъ, кто сталъ бы думать о ней, какъ позволяли о себѣ думать нѣкоторыя другія, шедшія тою дорогою, на которой показалась и она. Дѣвица К. была личность юная, чистая, увлекавшаяся пламенно, но по разуму своему скоро обнимавшая вопросъ съ разныхъ сторонъ и съ тѣхъ поръ страдавшая сомнѣніями,

обращавшимися для нея въ нравственныя пытки. Безукоризненная чистота ея образа мыслей и поведенія всегда были превыше всякихъ подозрѣній, но она несла разныя подозрѣнія и несла ихъ въ молчаливомъ и гордомъ покоѣ, въ которомъ эта «маленькая гражданка» (какъ мы ее называли) была чрезвычайно интересна. Она, подобно Бенни, глубоко и искренно вѣрила въ то, чѣмъ увлекалась, и Артуръ Бенни сразу же это отмѣтилъ въ ней и... полюбилъ ее. Бенни устремился угождать ей отыскиваніемъ для нея переводной работы, исправленіемъ ея переводовъ и ихъ продажею. Потомъ, когда уставщикъ коммуны однажды неосторожно оскорбилъ эту дѣвушку, явясь въ ея комнату въ костюмѣ, въ которомъ та не привыкла видѣть мужчинъ, живучи въ домѣ своего отца, — она заподозрила, что въ коммунѣ идетъ дѣло не объ усиленномъ трудѣ сообща и, возставъ противъ нравовъ коммуны, не захотѣла болѣе жить въ ней. Понадобились хлопоты Бенни объ устройствѣ оскорбленной дѣвушки въ какомъ-нибудь частномъ домѣ. Все это требовало времени и денегъ, а работа не дѣлалась; заработковъ у Бенни не было и четыре, засаженныя имъ въ типографію, пташки оставались безъ корма.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Такимъ образомъ, типографское предпріятіе Артура Бенни и его покровительство русскимъ женщинамъ постигла участь всѣхъ прежнихъ предпріятій этого увлекавшагося юноши: оно не годилось съ самаго начала. Ученицамъ нечего было ѣсть. Бенни дѣлился съ ними, онъ отдавалъ имъ, что было. А у него, при его бездѣйствіи, бывали ничтожные рублишки и то не во всякое время. Все это, разумѣется, ничего не помогало. Въ срединѣ ученицъ произошло нѣчто въ родѣ возстанія, которымъ въ качествѣ литературной дамы предводительствовала подруга писателя. Она не хотѣла слышать ни о какихъ отсрочкахъ и, на второмъ же мѣсяцѣ, шумно покинула кооперативное учрежденіе. Три остальныя были терпѣливѣе и выносливѣе, но однако, мало-по-малу, и онѣ отстали. Швея ушла шить; полька ушла «до familiy», а одна продолжала ходить и училась, питаясь Богъ вѣсть чѣмъ, какъ птица небесная. Она выдержала такъ четыре мѣсяца и поступила потомъ корректоромъ въ другую типографію. Засимъ исчезъ и слѣдъ женской типо-

графіи Артура Бенни и на мѣстѣ ея стала «мерзость запустѣнія».

Въ это время Бенни посѣтила тяжелая болѣзнь и нищета, къ которой онъ привелъ себя предшествовавшимъ своимъ поведеніемъ и изъ которой, упавъ духомъ, не могъ выбиться до самой высылки его, по рѣшенію сената, за русскую границу, въ качествѣ «англичанина». Средства, къ которымъ Артуръ Бенни прибѣгалъ для того, чтобы, имѣя нѣкоторый талантъ и знанія, при отмѣнной трезвости и добросовѣстности въ работѣ, доходить, порой, до неимѣнія хлѣба и носильнаго платья, были самыя оригинальныя.

Безкорыстное служеніе Бенни неспособнымъ переводчицамъ, его возня съ капризными жилицами коммуны, его женская типографія и вообще многіе другіе его поступки, свидѣтельствовавшіе о его безконечной простотѣ и добротѣ, обратили на него вниманіе нѣкоей литературной черни, рѣшившей себѣ, что *«онъ Филимонъ простота»*. У Бенни была большая квартира: у него былъ или бывалъ иногда кое-какой кредитъ: онъ одинъ, съ его начитанностію и съ знаніемъ нѣсколькихъ европейскихъ языковъ, могъ заработать втрое болѣе, чѣмъ пять человѣкъ, не приготовленныхъ къ литературной работѣ. Пятеро изъ людей такого сорта (одинъ неокончившій курса студентъ, одинъ вышедшій въ отставку кавалерійскій офицеръ, одинъ лѣкарь изъ малороссіянъ, одинъ чиновникъ и одинъ, впослѣдствіи убитый въ польской бандѣ, студентъ изъ поляковъ) устремились овладѣть священнѣйшею простотою Бенни, чтобы жить поспокойнѣе на его счетъ. Устремились они къ этому довольно одновременно, такъ что ни одному изъ нихъ не удалось обратить Бенни въ свою исключительную частную собственность. Понимая другъ друга, какъ рыбакъ рыбака, и боясь одинъ другого, какъ іезуитъ іезуита, достопочтенные люди эти рѣшились, скрѣпя сердца свои, владѣть Артуромъ Бенни сообща, въ компаніи, на коммунистическихъ началахъ. Они склоняли его къ мысли устроить у него мужскую atelier. Бенни и въ этомъ не отказалъ, и коммунисты поселились у него всѣ разомъ. Условіемъ этой однополой коммуны было, чтобы никому между собою ничѣмъ не считаться. Кто что̀ заработаетъ, кто что̀ принесетъ, кто что̀ истратитъ, чтобы все это было безъ контроля и безъ счета. Бенни вѣрилъ, что это гораздо болѣе по-русски, чѣмъ въ общежительной

коммунѣ, откуда бѣжала «маленькая гражданка», и гдѣ каждый бралъ заработки въ свои руки, а только лишь расходы велись сообща. Это и точно вышло по-русски. Наглости артельщиковъ Бенни не было и не можетъ быть ничего равнаго и подобнаго. Это ничего почти не выразитъ, если мы, по сущей справедливости, скажемъ, что сожители его обирали, объѣдали, опивали, брали его послѣднее бѣлье и платье, дѣлали на его имя долги, закладывали и продавали его завѣтныя материнскія вещи,—они лишали его возможности работать и выгоняли его изъ его же собственной квартиры. Чтобы передать хотя сотую долю того, что̀ продѣлывали съ этимъ добрѣйшимъ человѣкомъ поселившіеся у него лже-соціалисты, надо писать томы, а не одинъ очеркъ, и притомъ надо быть увѣреннымъ, что пишешь для читателя, который хотя сколько-нибудь знакомъ съ нравами подобныхъ дѣятелей, свирѣпствовавшихъ въ Петербургѣ въ эпоху комическаго времени на Руси. Иначе каждый человѣкъ, не видавшій подобныхъ вещей, подумаетъ, что ему разсказываютъ вымыселъ и сказку,—такъ все это, поистинѣ, чудно и невѣроятно. Если бы Бенни не велъ своего дневника и не оставь онъ никакихъ бумагъ, то трудно, можетъ-быть, было бы рѣшиться разсказать и то, что̀ до сихъ поръ разсказано въ этой «*Беннеидѣ*»; но, благодаря этимъ бумагамъ, когда-то объявятся міру еще не такія чудеса «комическаго времени» и, читая ихъ, конечно, не одинъ потомокъ вздохнетъ и покраснѣетъ за своего предка.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Еще разъ приходится упомянуть, что Артуръ Бенни былъ *дѣвственникъ*. Хотя собственно это его личное дѣло, но объ этомъ нельзя не упомянуть, потому что этимъ объясняется нѣчто такое, о чемъ наступаетъ очередь разсказывать. До высылки Бенни изъ Россіи, многіе, близко знавшіе этого юношу, знали и его цѣломудренность. Такой цѣломудренности лучшая изъ матерей могла бы пожелать своей нѣжно-любимой дочери, и дѣвушка эта имѣла бы право называться скромнѣйшею изъ дѣвицъ своего времени. Артуръ Бенни не только не любилъ никакого нескромнаго слова и смущался при видѣ обнаженной женщины на картинѣ, но онъ положительно *страдалъ* отъ всякаго нескромнаго разговора и не разъ горестно жаловался на это автору

настоящихъ записокъ. Говоря о женщинѣ (знакомой или незнакомой—это все равно), но говоря о ней цинично, какъ иные любятъ говорить, думая, что это очень интересно, Бенни можно было довести или до слезъ, или до столбняка, что̀ не разъ и случалось. Артельные сожители Артура Бенни знали за нимъ это и создали ему изъ его стыдливости нравственную пытку. Имъ претила его нравственная чистота и его несносная для нихъ цѣломудренность. Они начали толковать, что этотъ «*порокъ*» мѣшаетъ Бенни быть полезнымъ дѣятелемъ.

— Онъ не шпіонъ, а онъ мизрютка, не знающій, гдѣ раки зимуютъ,—сказалъ о немъ однажды всей его компаніи одинъ беллетристъ, имѣвшій одно время значеніе въ нѣкоторыхъ кружкахъ, примыкавшихъ къ «*общежительной коммунѣ*».—Оттого,—говорилъ беллетристъ,—и всѣ дѣйствія Бенни странныя, оттого-де онъ и выходитъ такимъ шутомъ. Это можно, молъ, доказать и съ физіологической точки зрѣнія: посмотрите-де только на старыхъ дѣвушекъ и монахинь, и т. п.

Беллетристъ резонировалъ бархатнымъ баскомъ; ему внимали его сателиты и нашли, что все имъ сказанное на эту тему, дѣйствительно, очень умно и резонно. Поощряемый такимъ сочувствіемъ, ораторъ и дѣятель заключилъ, что Бенни надо *перевоспитать*, что изъ него «надо выбить дурь англійской морали» и сдѣлать изъ него такого человѣка, какъ всѣ они. Рѣшеніе это тотчасъ же было принято всѣми сожителями Бенни, крайне заинтересовавшимися, на этотъ разъ, бѣдственною судьбою своего кормильца. Проживавшая на хлѣбахъ у Бенни артель давно тяготилась отсутствіемъ въ ихъ казармѣ женскаго элемента. Правда, приходили туда къ нимъ иногда въ гости нѣкоторыя дамы, но онѣ должны были и уходить оттуда съ чинностью, къ которой, волей-неволей, обязывало ихъ присутствіе скромнаго хозяина. Нахлѣбники Бенни находили, что это, со стороны ихъ хозяина, даже своего рода деспотизмъ, что такимъ образомъ, черезъ его чудачества ихъ собственная, дорогая имъ жизнь утрачиваетъ очень много своей прелести и «*гречевская фаланстера*» (какъ называли сами они квартиру Бенни), теперь, по его милости, скорѣе не фаланстера, а раскольничій скитъ, да еще съ скопцомъ игуменомъ. Теперь рѣшено было, что все это дѣйствительно не-

сносно, и что необходимо, чтобы съ этого же дня все здѣсь пошло по-другому. Составленъ былъ планъ, какъ дѣйствовать на Бенни. Молодецъ, руководившій всѣмъ этимъ дѣломъ, прежде всего вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ измѣнить свое обращеніе съ Бенни. До сихъ поръ всѣ знавшіе Бенни остерегались при немъ всякихъ скабрезныхъ разговоровъ, циническихъ выходокъ и словъ, которыхъ Бенни не переносилъ; теперь было рѣшено «ошколить его» и пріучить его *ко всему*. Начать это положено было немедленно же, даже съ сего же дня, если только Бенни сегодня возвратится, пока не улягутся спать. Бенни былъ легокъ на поминѣ и позвонилъ въ то самое время, когда его артель и гости закусывали. Заслышавъ его голосъ, нахлѣбники переглянулись, они оробѣли — почувствовали, что все-таки они, мимо воли своей, уважаютъ нравственную чистоту Бенни. Но устанщикъ-беллетристъ былъ гораздо нагліе и оживилъ своимъ примѣромъ смѣлыхъ на словахъ, но на самомъ дѣлѣ оробѣвшихъ, нахлѣбниковъ Бенни.

«Натурализованному англійскому субъекту» готовился всего менѣе имъ ожиданный русскій спектакль.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

— А, Бенья!—воскликнулъ беллетристъ навстрѣчу вошедшему хозяину, и запѣлъ: «Ахъ, гдѣ ты была, моя не чужая?» Хоръ смѣтилъ, что нужно поддержать, и подхватилъ:

«Ахъ, гдѣ-жъ ты была,
Завалилася?
На дырявомъ я мосту
Провалилася.
А чортъ тебя несъ
На дырявый мостъ!
А чортъ тебя несъ
На дырявый мостъ!»

Бенни сконфузился: его за это постыдили и завели съ нимъ срамной разговоръ. Онъ ушелъ, со слезами на глазахъ, въ другую комнату, сѣлъ надъ столомъ и закрылъ ладонями уши. Къ нему подошла вся компанія и хватила надъ нимъ:

«Ой ты куда, куда, ёжъ, ползешь?
Ты куда, куда, таковскій сынъ, идешь?»

Безстыдная пѣсня все развивалась, развивалась и, на-

конецъ, выговорила слова неистовѣйшаго разврата. Бенни вскочилъ, бѣгомъ бросился въ свою небольшую рабочую комнатку, схватилъ томикъ Лонгфелло и началъ читать, скоро и громко читать, чтобы не слыхать, что поютъ въ его квартирѣ, «въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ стоитъ портретъ его матери!» Это ему казалось ужасно. Это перевертывало въ немъ всѣ понятія о человѣкѣ и человѣческой натурѣ; а тутъ анекдотъ за анекдотомъ, пошлость за пошлостію, и воспитатели твердою стопою входятъ и въ послѣднее убѣжище Бенни. Книжка выпала у него изъ рукъ; онъ сѣлъ на кровать и устремилъ глаза на вошедшихъ. Тѣ стояли передъ нимъ и распѣвали, какъ шелъ съ кумою кумъ, и какъ оба они спотыкнулися, и что отъ того сдѣлалось. У Бенни не было уже энергіи, чтобы встать и выбросить за двери этихъ людей, нарушавшихъ его спокойствіе и отравлявшихъ его жизнь. Онъ только силился помнить слова Лонгфелло и не слыхать за его словами словъ пѣсни про кума и куму; но наша доморощенная русская муза одолѣла американскую. Бенни прослушалъ всѣ упреки кумы и многократно, на разные тоны, повторенное оправданіе передъ нею кума:

«А ты, кума Матрена,
Не подвертывайся.»

Пѣвцы, увлеченные своимъ пѣніемъ, не замѣчали остолбенѣлаго взгляда, который устремилъ на нихъ злополучный Бенни, и варьировали этотъ конецъ, долго и старательно выработывая:

«А ты, кума Матрена,
А т-ы, к-у-м-а М-а-т-р-е-н-а,
А т-ы, к-у-м-а М-а-т-р-е-н-а,
Не подвертывайся!»

Но когда раскатилась послѣдняя рулада и пѣсня была спѣта, оказалось, что она была пѣта истукану: Бенни не слыхалъ и не видалъ ничего—онъ былъ въ жесточайшемъ столбнякѣ.

Засимъ, разумѣется, понадобился докторъ, а воспитатели, удивленные нѣсколько страннымъ результатомъ своего перваго урока, разошлись, пожимая плечами и повторяя съ улыбкою:

«А ты, кума Матрена,
Не подвертывайся».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Но и на этомъ еще суждено было не кончиться злоключеніямъ Бенни. Непосредственно вслѣдъ за этою встрепкою онъ заболѣлъ очень серьезною болѣзнью и дошелъ до того крайняго обнищанія, въ которомъ тянулъ уже все послѣдующее время, пока его, по иску полковника Сверчкова и портного мастера Ѳедора Андреева Степанова, посадили за долгъ въ 369 р. въ долговую тюрьму, а изъ той перевели въ тюрьму политическую.

Едва Бенни оправился отъ своего столбняка и начиналъ понемногу входить въ себя, какъ однажды, ночью, въ его большую, одинокую квартиру (изъ которой артель его, лишась, во время болѣзни Бенни, всякаго провіанту, немедленно же разбѣжалась), является къ нему одна дама, бывшая у него въ ученицахъ типографскаго искусства. Она чѣмъ-то поразладила съ мужемъ и, въ порывѣ гнѣва и раздраженія, явилась къ Бенни, съ просьбою дать ей у него ночлегъ. Строгое понятіе Бенни о нравахъ и приличіи было шокировано этимъ до послѣдней степени; но, съ другой стороны, онъ чувствовалъ, что нельзя же отослать женщину, приходящую среди ночи искать себѣ пріюта. Бенни поручилъ свою гостью попеченіямъ своей горничной дѣвушки, нѣкогда многоизвѣстной здѣсь въ нѣкоторыхъ кружкахъ московской чудихи и добрячки Прасковьи, а самъ тотчасъ же одѣлся, взялъ у перевозчика, на сенатской набережной, яликъ и уѣхалъ на взморье. Цѣлую ночь онъ простоялъ противъ Екатерингофа, глядя, какъ рыбаки ловили рыбу, и возвратился домой, когда уже былъ день. Въ слѣдующую ночь онъ уже надѣялся имѣть возможность спать въ своей постели, ибо вчерашнее нашествіе считалъ возможнымъ только разъ, въ минуту крайней растерянности. Но, возвратясь на другой день домой, около двѣнадцати часовъ ночи, онъ опять засталъ у себя свою вчерашнюю гостью, и... *чтобы избавить ее отъ всякихъ подозрѣній*, опять, по-вчерашнему же, провелъ ночь на яликѣ, на взморьѣ, противъ Екатерингофа. Двое сутокъ безъ сна и двѣ ночи, проведенныя на водѣ, подъ свѣжимъ морскимъ вѣтромъ и сырыми зорями, сказались Бенни страшною простудою, которую онъ почувствовалъ на третій же день и въ тотъ же день слегъ въ постель, чтобы не вставать съ

нея очень долго. Болѣзнь у него была весьма серьезная и сложная, средствъ для лѣченія не было почти никакихъ; други и пріятели всѣ его оставили, и онъ лежалъ одинешенекъ, поддерживаемый единственною заботливостію той же его служанки, простой московской крестьянской женщины Прасковьи, да безкорыстнымъ участіемъ вступившагося въ его спасеніе нынѣ весьма извѣстнаго въ Петербургѣ доктора Веніамина Тарновскаго (въ ту пору еще молодого медика). Изъ всѣхъ людей, съ которыми Бенни съ полнымъ великодушіемъ дѣлился всѣмъ, чѣмъ могъ подѣлиться, его не вспомнилъ никто или, по крайней мѣрѣ, никто не вспомнилъ его съ тѣмъ, чтобы заплатить ему хотя малѣйшею внимательностію за его услуги, а вспомнили его одинъ разъ три друга, но только для того, чтобы забрать у больного послѣднія его вещи, имѣвшія хотя какую-нибудь цѣнность. Самое носильное платье его было со скандаломъ спасено отъ этого расхищенія тою же его служанкою Прасковьею. При самой постели тяжко больного Бенни эта московская баба Прасковья *дралась* съ соціалистами, отнимая у одного прежняго сожителя Бенни послѣднюю теплую вещь, которою она одѣвала стывшія ноги больного и которую тѣ сняли и хотѣли реализировать... Это не прикрасы: это истинное событіе, которое знаютъ многіе люди.

Такъ одинокій Бенни предоставленъ былъ своей роковой судьбѣ. Онъ обмогался медленно и плохо. Во время его болѣзни послѣднія вещи его, убереженныя отъ расхищенія, пошли въ залогъ; силы его почти не возвращались. Онъ постарѣлъ за эту болѣзнь на десять лѣтъ; лицо его получило рановременныя глубокія морщины, прекрасные черные глаза его потухли, изо рта выпали почти всѣ передніе зубы. Отъ бѣднаго бѣленькаго бабушкинаго козлика, дѣтство котораго такъ холили и нѣжили въ чистенькомъ домикѣ уважаемаго томашовскаго пастора, оставались лишь ножки да рожки. Онъ буквально слегъ юношею, всталъ старцемъ. Вдобавокъ же ко всему этому, чтобы не былъ нарушенъ непостижимый законъ, по которому бѣды не бродятъ въ одиночку, а ходятъ толпами, дѣла газеты, отъ которой Бенни хотя и отсталъ, но въ которую все-таки могъ бы работать снова, получили самый дурной оборотъ.

Воскресши изъ мертвыхъ послѣ своей болѣзни, Бенни

еще разъ тяжко сознавалъ свои ошибки и тяготился воспоминаніемъ о времени, убитомъ имъ съ русскими революціонерами и соціалистами. Его вѣра въ русскихъ предпринимателей получала ударъ за ударомъ: въ это время нѣкто ѣздилъ въ Москву и привезъ оттуда роковое извѣстіе, которому, кажется, невозможно бы и вѣрить: новость заключалась въ томъ, что извѣстный сотрудникъ «*Современника*» Г. З. Е—сѣевъ былъ у М. Н. Каткова и просилъ послѣдняго принять его въ число его сотрудниковъ, но... получилъ отъ г. Каткова отказъ. Бенни былъ этимъ жестоко смущенъ: онъ, говоря его словами, всегда вѣрилъ, что «если людишки и плохи, то между ними все-таки *два человѣка* есть». Эти два человѣка, по его мнѣнію, были г. Чернышевскій и г. Е—сѣевъ, изъ которыхъ съ послѣднимъ Бенни лично даже едва ли былъ знакомъ, но объ обоихъ имѣлъ самое высокое мнѣніе, и вотъ одинъ изъ нихъ, самый крѣпкій, г. Е — сѣевъ, — идетъ и предается Каткову, котораго имени Бенни не могъ переносить съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ являлся къ редактору «*Московскихъ Вѣдомостей*».

...Но этимъ еще все зло не исчерпывалось: помимо ввергавшаго Бенни въ отчаяніе обстоятельства, что Г. З. Е—сѣевъ искалъ сотрудничества при изданіяхъ М. Н. Каткова, оказалось, что этого же добивался у редакторовъ «*Московскихъ Вѣдомостей*» и самъ Н. Г. Чернышевскій и что искательства этого тоже были отклонены... Бенни бѣгалъ, освѣдомлялся, возможно ли, слыхано ли что-нибудь подобное, и узналъ, что все это и возможно, и слыхано. Съ этой поры его все поражало: онъ, напримѣръ, было «пораженъ», что Вас. Ст. Курочкинъ писалъ во время крымской обороны патріотическіе стихи, обращавшіе на него взыскующее вниманіе начальства, а Григорій Захарьевичъ Елисѣевъ сочинилъ «жизнеописаніе святителей Григорія, Германа и Варсонофія казанскихъ и свіяжскихъ» и посвятилъ эту книгу «Его Высокопреосвященству, Высокороднѣйшему Владиміру, Архіепископу казанскому и свіяжскому» *). Но что уже совсѣмъ срѣзало Бенни, такъ это

*) Такъ такъ книга эта, можетъ-быть, знакома далеко не всѣмъ, интересующимся разнообразіемъ дарованій ея автора, то я выписываю здѣсь обращеніе г. Елисѣева къ владыкѣ казанскому и свіяжскому при посвященіи ему сего сочиненія. Вотъ отъ слова до слова эти

нѣкоторыя стихотворенія столь извѣстнаго поэта Николая Алексѣевича Некрасова. Я говорю о тщательно изъятой Некрасовымъ изъ продажи книжечкѣ, носящей заглавіе «*Мечты и Звуки*». Я уберегъ у себя эту рѣдкость нынѣшняго времени, и Бенни переварить не могъ этой книги и негодовалъ за стихи, впрочемъ, еще не особенно несогласные съ позднѣйшими мечтами и звуками г. Некрасова. Таково, напримѣръ, тамъ стихотвореніе, въ которомъ г. Некрасовъ внушалъ, что:

«Отъ жажды знанья плодъ не сладокъ!
О, не кичись, средь гордыхъ думъ,
Толпой безсмысленныхъ догадокъ,
Мудрецъ: *безъ Бога прахъ твой умъ!*»

Поэтъ, совѣтуя «мудрецу» не упорствовать и не изнурять себя науками, пѣлъ:

«Не жди, не мучься, не грѣши:
Съ мольбой возьмись за трудъ по силѣ,
Путь къ знаньямъ *вѣрой* освяти
И съ этимъ факеломъ къ могилѣ,
Всего отгадчицѣ, гряди.»

Поучая «мудреца» идти этою дорогою, г. Некрасовъ былъ строгъ и сурово наказывалъ «мудрецу» даже не любить людей, которые думали бы иначе идти къ «отгадчицѣ»:

«И разлюби родного сына
За отступленье отъ Творца!»

Поэтической просьбы же г. Некрасова къ графу Михаилу Николаевичу Муравьеву, когда поэтъ боялся, чтобы графъ не былъ слабъ, и умолялъ его «не щадить виновныхъ»,

---

смущавшія Бенни строки: «Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Отецъ и Архипастырь! Съ Вашего архипастырскаго благословенія я началъ трудъ сей: при Вашемъ постоянномъ вниманіи продолжалъ его, Вамъ и приношу сію *малую лепту моего дѣланія*. Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Примите съ свойственнымъ Вамъ снисхожденіемъ мое скудное приношеніе, да Вашимъ снисхожденіемъ ободрится къ большимъ трудамъ недостойнство трудящагося. Вашего Высокопреосвященства, Милостивѣйшаго Отца и Архипастыря нижайшій послушникъ, казанской Духовной Академіи баккалавръ Григорій Елисѣевъ». Этотъ тонъ возмущалъ Бенни, и мнѣ кажется, что такое посвященіе въ самомъ дѣлѣ довольно любопытно, какъ для современниковъ автора, такъ особенно для будущаго историка литературы нашего времени, который по достоинству оцѣнитъ искренность литературныхъ трудовъ этого любопытнаго писателя и прозорливость «снисхожденія, одобрявшаго *недостоинства трудившагося*».

Артуръ Бенни не дождался, да и, по правдѣ сказать, съ него уже довольно было того, что̀ Богъ судилъ ему слышать и видѣть.

Бенни во всей этой нечистой игрѣ съ передержкой мыслей не могъ понять ничего, да и укоримъ ли мы въ этомъ его, чужеродца, если только вспомнимъ, что наши коренные и умные русскіе люди, какъ, напр., поэтъ Щербина, тогда до того терялись, что не знали уже, что оберегать и надъ чѣмъ потѣшаться? Припомнимъ только, что̀ считалъ смѣшнымъ и «комическимъ» Щербина, составитель весьма хорошей, если не самой лучшей книги для русскаго народа, стало-быть человѣкъ способный болѣе чѣмъ чужеземецъ проникать въ то, что̀ совершалось въ нашей жизни. Покойный Щербина написалъ:

«Когда былъ въ модѣ трубочистъ,
А генералы гнули выю;
Когда стремился гимназистъ
Преобразовывать Россію;
Когда, чуть выскочивъ изъ школъ
Въ судахъ мальчишки засѣдали;
Когда фразистый произволъ
«Либерализмомъ» величали;
Когда могъ Ольхинъ быть судьей,
Черняевъ же отъ дѣлъ отставленъ;
Катковъ преслѣдуемъ судьбой,
А Пискаревъ зѣло прославленъ;
Когда сталъ чиномъ генералъ
Служебный якобинецъ С—совъ
И Муравьева воспѣвалъ
Нашъ красный филантропъ Некрасовъ,—
Тогда въ бездѣйствіи влачилъ
Я жизни незамѣтной бремя
И счастливъ, что незнаемъ былъ
Въ сіе комическое время!»

Онъ былъ *счастливъ* тѣмъ, что стушевался и спрятался въ «сіе комическое время».

Чѣмъ онъ обстоятельнѣе Артура Бенни и много ли его солиднѣе относился по своему времени?

Но возвращаемся къ герою нашего разсказа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Бенни порою доходилъ то до нервныхъ слезъ, то до отчаянія, то до неоставлявшихъ его столбняковъ, изъ которыхъ два были особенно продолжительны и страшны. Онъ видѣлъ, что былъ кругомъ обманутъ, одураченъ, разбитъ,

оклеветанъ, смѣщенъ въ разрядъ мальчишекъ, обобранъ и брошенъ въ запоретъ.

Ради насущнаго хлѣба онъ бросался искать работы повсюду, и тутъ-то онъ увидалъ, что̀ именно было самаго существеннаго въ распространенной на его счетъ гнусной клеветѣ, что онъ будто бы агентъ тайной полиціи и шпіонъ. Въ либеральныя или либерально-фразерскія изданія онъ, разумѣется, уже и не покушался идти искать работы; но и изъ тихоструйныхъ петербургскихъ газетъ ни одна не давала ему надежды пристроиться. Онъ обратился къ журналамъ. Первую свою работу (это была очень интересная компиляція) онъ передалъ, черезъ одного изъ своихъ знакомыхъ, покойному редактору «Отечественныхъ Записокъ» С. С. Дудышкину. Но покойный Дудышкинъ, при всемъ его презрѣніи къ кружкамъ, изъ которыхъ шли толки о шпіонствѣ Бенни, однакоже усомнился принять его, и вѣжливо уклонился отъ помѣщенія его работы. Отказъ этотъ былъ сдѣланъ Бенни въ самой деликатной формѣ, подъ обыкновеннымъ редакціоннымъ предлогомъ; но до Бенни дошло, что Дудышкинъ сторонился отъ него по тѣмъ толкамъ, которые о немъ были распущены безцеремонными празднословами, и это для него было очень тяжелымъ ударомъ. Гораздо болѣе терпимости и великодушія оказали Бенни въ редакціяхъ: «*Эпохи*» и «*Библіотеки для чтенія*». Нѣкогда самъ много вытерпѣвшій Ѳ. М. Достоевскій принялъ компиляцію Бенни и заплатилъ за нее, а П. Д. Боборыкинъ даже предложилъ ему постоянные переводы въ «*Библіотекѣ*». Въ сотрудникахъ того и другого журнала Бенни тоже встрѣтилъ и мягкость, и довѣріе, и самъ обнаруживалъ теплыя тяготѣнія къ Н. Н. Страхову и Н. Н. Воскобойникову. Въ «*Библіотекѣ для чтенія*» всѣми силами хотѣли поддержать Бенни, но все это для него уже было поздно; онъ былъ уже истерзанъ и глядѣлъ не жильцомъ на этомъ свѣтѣ. Два послѣдніе года онъ жилъ въ какомъ-то отупѣніи: обидныя подозрѣнія его мучили и безпрестанно напоминали ему о глупо прожитомъ времени; силы его оставили; у него явилась ко всему глубокая апатія, которой не разсѣвала и его привязанность къ любимой имъ русской дѣвушкѣ, да и эта, полная глубокаго и трагическаго значенія для Бенни, любовь его также его не осчастливила. Напротивъ, полюбя, онъ какъ бы совсѣмъ

растерялся, и, если такъ можно понятно выразиться, какъ бы распался подъ натискомъ незнакомаго ему доселѣ чувства и потерялъ способность чѣмъ бы то ни было заниматься. Цѣлые мѣсяцы онъ не исполнялъ своихъ работъ въ журналъ, и редакція должна была передать эти работы въ другія, болѣе аккуратныя руки. Бенни остался безо всего и жилъ на счетъ займовъ; но, наконецъ, у него опять не стало ни кредита, ни платья, ни квартиры. Онъ проводилъ гдѣ день, гдѣ ночь въ теченіе цѣлаго мѣсяца и... Богъ его знаетъ въ какомъ состояніи была въ это время его голова и угнетенное несчастливою любовью сердце, но онъ часто говорилъ вздоръ, отвѣчалъ невпопадъ и во все это время мечталъ о томъ, какъ бы освободить изъ Сибири г. Чернышевскаго. Какими средствами надѣялся онъ располагать для исполненія этого плана, это осталось его тайною. Бенни, кажется, въ это время былъ, что называютъ, «не въ полномъ разсудкѣ» и часто много и много плакалъ и молился.

Рано утромъ, въ одинъ весенній день, ночуя у меня въ Коломнѣ, противъ Литовскаго рынка, Бенни былъ взятъ подъ арестъ за долгъ портному Степанову и какому-то г. Вигилянскому, отъ коего вексель Бенни перешелъ къ служившему чѣмъ-то по полиціи полковнику Сверчкову, представившему на него кормовые. Вакансій въ долговомъ отдѣленіи въ это время не было, и Бенни былъ заключенъ въ одиночный казематъ при Спасской части. Въ это время для него ударилъ роковой часъ разлуки съ Россіею; онъ не хотѣлъ уходить изъ нея честью,—она выгоняла его насильно.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Изъ-подъ ареста Бенни уже не суждено было выйти на свободу, потому что во время его ареста за долгъ г. Сверчкову и портному Степанову, въ правительствующемъ сенатѣ было рѣшено дѣло Ничипоренки, по оговору котораго Бенни былъ подъ судомъ, и, по сенатскому рѣшенію, состоявшемуся по этому дѣлу, Бенни, за передержательство Кельсіева (въ чемъ, какъ выше сказано, его уличилъ передъ судомъ Ничипоренко), было опредѣлено «подвергнуть его трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ и потомъ, *какъ иностраннаго подданнаго*, выслать за границу, съ воспреще-

ніемъ навсегда въѣзжать въ Россію». Самъ Ничипоренко умеръ прежде, чѣмъ состоялось о немъ рѣшеніе, а его сопутникъ въ поѣздкѣ въ Лондонъ, акцизный чиновникъ Николай Антипычъ Потѣхинъ, былъ освобожденъ, на основаніи отысканнаго въ какихъ-то бумагахъ собственноручнаго письма г. Герцена, въ которомъ было сказано, что все касающееся плановъ г. Герцена, извѣстно лишь только благонадежному Ничипоренкѣ, а г. Потѣхину ничего не открыто, потому что онъ (приводимъ подлинныя слова) «*добрый малый, но болтунъ*». Это выгодное мнѣніе г. Герцена отворило передъ г. Потѣхинымъ заключенныя двери его русской темницы.

Содержаніе подъ арестомъ въ казематѣ съѣзжаго дома Спасской части производило на Бенни ужасное дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ арестованъ больной. Подъ арестомъ нервное разстройство его достигло высочайшей степени. Въ маленькой, душной, узенькой каморкѣ, съ крошечнымъ окномъ подъ потолкомъ, онъ томился, жалуясь на недостатокъ воздуха и на безпокойство, которое переносилъ отъ безпрерывно привозимыхъ въ часть пьяницъ и дебошировъ. Въ госпиталь онъ не хотѣлъ идти, боясь, что тамъ будетъ лишенъ послѣдняго удобства — одиночества, и потому онъ постоянно скрывалъ свою болѣзнь отъ тюремнаго начальства. Въ тюрьмѣ Бенни помогалъ кое-чѣмъ извѣстный добрякъ, такъ же безвременно погибшій, покойный рождественскій священникъ Александръ Васильевичъ Гумилевскій, а на выкупъ несчастливца родной братъ Бенни, пасторъ Германъ Бенни, выслалъ деньги, но уже выкупомъ дѣла невозможно было поправить: арестъ перешелъ изъ долгового въ криминальный. Въ тюрьмѣ, во время своего заключенія, Бенни, отъ скуки, читалъ очень много русскихъ книгъ и, между прочимъ, прочелъ всего Гоголя. По прочтеніи «Мертвыхъ Душъ», онъ, возвращая эту книгу тому, кто ему ее доставилъ, сказалъ: «Представьте, что только теперь, когда меня выгоняютъ изъ Россіи, я вижу, что я никогда не зналъ ея. Мнѣ говорили, что нужно ее изучать то такъ, то этакъ, и всегда, изъ всѣхъ этихъ разговоровъ, выходилъ только одинъ вздоръ. Мои несчастія произошли просто отъ того, что я не прочиталъ въ свое время «Мертвыхъ Душъ». Если бы я это сдѣлалъ хотя не въ Лондонѣ, а въ Москвѣ, то я бы первый считалъ обяза-

тельствомъ чести доказывать, что въ Россіи никогда не можетъ быть такой революціи, о которой мечтаетъ Герценъ».

— Отчего вы такъ думаете?—спросили его.

— «Оттого, что никакіе благородные принципы не могутъ привиться среди этихъ Чичиковыхъ и Ноздревыхъ».

За симъ три мѣсяца заключенія Бенни окончились и русскіе жандармы отвезли его на ту самую пограничную съ Пруссіею станцію, откуда сибирскій купецъ совѣтовалъ ему уходить назадъ, чтобы сберечь свою жизнь, можетъ-быть, на гораздо болѣе дѣльное употребленіе, чѣмъ то, которое этотъ «натурализованный англійскій субъектъ» сдѣлалъ изъ нея, взявъ на себя непосильный трудъ научить Чичиковыхъ и Ноздревыхъ «любить ближняго, какъ самого себя». Такъ этимъ и заключилась карьера Бенни въ нашемъ отечествѣ. Суровое море русской жизни опять выбросило его на чужой берегъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Но и послѣ того, какъ этотъ бѣдный юноша, безплодно потративъ здѣсь лучшіе годы своей жизни, былъ осужденъ на вѣчное отсюда изгнаніе, и ни у народной, ни у государственной Россіи не осталось ничего, въ чемъ бы она хотѣла считаться съ отвергнутымъ ею искреннѣйшимъ соціалистомъ и демократомъ, извѣстная петербургская литературная партія еще не хотѣла покончить съ нимъ своихъ счетовъ. Самый арестъ его считали или по крайней мѣрѣ выдавали за *подвохъ* и послѣ высылки его предсказывали «второе его пришествіе во славѣ его»...

Но чей же былъ шпіонъ Артуръ Бенни и кто могъ убить его за шпіонство на поляхъ Ментаны?

Въ Петербургѣ утверждали вотъ что:

— «*Бенни, или Бениславскій, былъ при гарибальдійскомъ легіонѣ русскимъ шпіономъ, а убитъ за это поляками*».

Какія доказательства представлялись въ подтвержденіе этой нелѣпой сказки?

Никакихъ.—«Духъ анализа и изслѣдованій, духъ нашего времени» вовсе не нуженъ, когда люди хотятъ клеветать.

Кончина же Артура Бенни случилась дѣйствительно не такъ, какъ ее описывали нѣкоторыя газеты, и не такъ, какъ разсказываютъ о ней въ извѣстныхъ петербургскихъ кружкахъ.

Кромѣ короткихъ и отрывочныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ о смерти Бенни газетами, въ Петербургѣ, близкими покойнику людьми, интересовавшимися знать всѣ обстоятельства его кончины, получены сначала частнымъ путемъ слѣдующія извѣстія.

Артуръ Бенни, послѣ высылки его изъ Россіи, жилъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ будто бы вступилъ въ церковный бракъ съ тою самою русскою дѣвушкою, которую онъ узналъ и полюбилъ въ Петербургѣ въ эпоху существованія *Знаменской коммуны*. Въ то время Артуръ Бенни подалъ о себѣ слухъ одною статьею, напечатанною имъ въ одномъ англійскомъ журналѣ. Статья эта трактовала о Россіи и показывала, что Бенни, даже и послѣ прочтенія въ тюрьмѣ «*Мертвыхъ душъ*», все-таки нимало не научился понимать Россію, и все-таки думалъ, что соціалистическая революція въ ней не только неминуема, но и возможна теперь же, при наличномъ изобиліи Чичиковыхъ и Ноздревыхъ. Потомъ, незадолго до послѣдней попытки Гарибальди отнять у папы Римъ, Артуръ Бенни оставилъ въ Швейцаріи жену и отправился въ Италію *корреспондентомъ* одной англійской газеты.

Въ качествѣ корреспондента дружественнаго гарибальдійскому дѣлу изданія, Бенни находился въ самомъ лагерѣ гарибальдійцевъ. Въ день Ментанской битвы онъ выѣхалъ на маленькой телѣжкѣ, запряженной одною лошадью, и тащился вслѣдъ за шедшимъ въ дѣло отрядомъ. Когда началась роковая схватка, Бенни увлекся интересомъ сраженія и, забираясь все далѣе и далѣе впередъ, заѣхалъ въ самое жаркое мѣсто драки. Это случилось въ тѣ минуты, когда гарибальдійцы, послѣ ожесточенныхъ стычекъ съ папскими войсками, были внезапно окружены и смяты свѣжими силами французской кавалеріи. Изнемогавшій гарибальдійскій отрядъ, при которомъ находился Бенни, смѣшался, дрогнулъ и началъ отступать въ такомъ смятеніи и безпорядкѣ, которое правильнѣе слѣдуетъ назвать не отступленіемъ, а бѣгствомъ. Французская кавалерія, пришпоривъ коней, стремительно неслась въ погоню за измученными волонтерами и, нагоняя разстроенные ряды ихъ, усѣивала поля Ментаны изувѣченными трупами. Въ это время, слѣдуя за бѣгущимъ отрядомъ гарибальдійцевъ, Бенни увидалъ двухъ волонтеровъ, которые съ трудомъ уносили тя-

жело раненаго третьяго. За ними, махая обнаженными саблями, гнались три французскіе кавалериста. Бенни видѣлъ, что погибель всѣхъ этихъ людей неминуема. Онъ, долго не думая, соскочилъ съ своей повозки и предложилъ положить въ нее истекавшаго кровью раненаго и поскорѣе увезти его. Предложеніе это было принято и больного увезли, а *безоружный* Бенни, оставшись пѣшимъ, былъ настигнутъ преслѣдовавшими отрядъ кавалеристами, изъ которыхъ одинъ ударилъ по немъ саблею и отсѣкъ ему кисть лѣвой руки. Помочь Бенни и перевязать ему отрубленную руку было некому, и Бенни, истекая кровью, тащился, отыскивая одинъ изъ перевязочныхъ пунктовъ, но не могъ найти ни одного изъ этихъ пунктовъ, потому что всѣ они были сбиты. Ослабѣвъ отъ потери крови, Бенни палъ на полѣ битвы, гдѣ и былъ отысканъ въ безчувственномъ состояніи. Плохой уходъ въ подвижномъ гарибальдійскомъ госпиталѣ докончилъ остальное; легко излѣчимая вначалѣ, рана Бенни скоро приняла характеръ раны неизлѣчимой; у Бенни сдѣлался антоновъ огонь и быстро прекратилъ его молодую, восторженную и безчестно оклеветанную жизнь. (Таково первое сказаніе о его смерти,—ниже черезъ одну главу слѣдуетъ другое, принадлежащее г-жѣ Якоби и во многомъ представляющее дѣло иначе).

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Поляки Артура Бенни никогда шпіономъ русскимъ не считали, и если въ исторіи Бенни нѣкоторое время было что-нибудь способное вводить въ заблужденіе насчетъ его личности, то это у болѣе основательныхъ людей было подозрѣніе, не слѣдуетъ ли видѣть въ самомъ Бенни,—сынѣ томашовскаго пастора изъ Царства Польскаго, подосланнаго въ Россію эмиссара польскаго революціоннаго комитета? Это было единственное подозрѣніе, которое можно было имѣть на Бенни и которое, дѣйствительно, и имѣли нѣкоторые люди, настолько, впрочемъ, честные, что не рѣшались высказывать своихъ подозрѣній прежде, чѣмъ ихъ догадки получили бы какую-нибудь достовѣрность. Полагали, что Бенни подосланъ поляками къ русскимъ революціоннымъ кружкамъ для того, чтобы возбуждать глупенькихъ людей къ безпорядкамъ. Въ пользу этихъ подозрѣній были разсказы нѣсколькихъ вернувшихся въ Россію изъ-за границы

молодыхъ ученыхъ, которые, находясь въ Парижѣ до пріѣзда Бенни въ Петербургъ, знали его тамъ *за поляка* и, встрѣчая его потомъ здѣсь, между русскими предпринимателями, удивлялись быстрой перемѣнѣ въ его симпатіяхъ, потому что въ Парижѣ они знали его однимъ изъ пламеннѣйшихъ приверженцевъ польской революціи. Одинъ изъ такихъ молодыхъ ученыхъ (нынче профессоръ Ал—въ) говорилъ объ этомъ, не обинуясь, многимъ русскимъ знакомымъ Бенни, что и стало извѣстно самому Бенни, который на это отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно въ Парижѣ держался польскаго общества, но удивляется, какъ можно было отъ него требовать, чтобы, находясь въ средѣ парижскихъ поляковъ, онъ могъ высказывать симпатіи, противныя ихъ преобладающему чувству! Противъ же того, чтобы подозрѣвать Бенни въ польскомъ эмиссарствѣ, служила, во-первыхъ, его, съ самаго перваго шага, видимая неспособность къ политической интригѣ, къ которой въ польской партіи была надобность и были великіе мастера. Вновь напечатанная въ полнѣйшей редакціи книжка Гогеля «Іосафатъ Огрызко» (не существующая въ продажѣ, но бывшая въ рукахъ В. В. Крестовскаго) хранитъ имена такихъ польскихъ агентовъ въ Петербургѣ, что при нихъ никуда не могъ годиться молодой безъ положенія Бенни. Было бы черезчуръ странно, чтобы революціонный ржондъ отрядилъ для самой щекотливой миссіи въ Россію человѣка самаго неопытнаго и держалъ его здѣсь, послѣ того какъ онъ, съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Россіи, прослылъ шпіономъ и тѣмъ показалъ полнѣйшую свою неспособность къ интригѣ. Если же думать, что тонкіе и дальновидные члены ржонда игнорировали мнѣніе, родившееся насчетъ ихъ агента, и берегли Бенни для другихъ, высшихъ сферъ общества, куда благовоспитанный, приличный и образованный Бенни могъ бы проложить себѣ дорогу, то если допустить, что онъ въ тѣхъ именно слояхъ назначался служить польской интригѣ, такъ съ этимъ нельзя согласить ни поведеніе Бенни, ни поведеніе ржонда. Бенни только случайно попадалъ къ людямъ съ вѣсомъ и значеніемъ и не только не старался оріентироваться въ ихъ кругѣ, а даже тяготился этимъ кругомъ. Нельзя предполагать, чтобы Бенни такъ манкировалъ своими обязанностями, или чтобы ржондъ безучастливо оста-

влялъ его во всемъ ужасающемъ видѣ нищенскаго убожества, какъ извѣстно, вовсе не благопріятствующаго короткому сближенію съ богатыми и выгодно поставленными въ свѣтѣ людьми. Если же сдѣлать вопросомъ: были ли, однако, у Бенни какія-нибудь отношенія къ революціонному ржонду въ Польшѣ, или не было никакихъ, то пишущій эти строки можетъ отвѣчать, что они *были*, но это, сколько извѣстно, были вотъ какія отношенія. Однажды, когда авторъ этихъ записокъ и Артуръ Бенни жили вмѣстѣ, на одной квартирѣ, покойнаго Бенни посѣтилъ какой-то пожилой чиновникъ, весьма скромной наружности, съ владимірскимъ крестомъ на шеѣ. Бенни имѣлъ съ этимъ человѣкомъ довольно продолжительный разговоръ, шедшій съ глаза-на-глазъ. Проводивъ владимірскаго кавалера, Бенни былъ взволнованъ и сказалъ пишущему эти строки, что это приходилъ петербургскій комиссаръ народнаго ржонда. При этомъ Бенни разсказалъ также, что онъ уже получилъ изъ Варшавы три повѣстки, требующія, чтобы онъ явился туда къ революціонному начальству; но что онъ, не считая себя полякомъ, не считалъ себя и обязаннымъ исполнять это требованіе, а теперь онъ *долженъ поѣхать, чтобы навсегда отдѣлаться отъ притязаній, которыя на него простираютъ поляки за его рожденіе въ Польшѣ.* Свое «*я долженъ поѣхать*» Бенни мотивировалъ тѣмъ, что у него въ Польшѣ живутъ родные, и что онъ хочетъ честно разъяснить полякамъ, что онъ ихъ *политической* революціи не сочувствуетъ, а сочувствуетъ революціи международной,—*соціалистической*.

Въ эту пору Бенни былъ уже подъ судомъ по оговору Ничипоренки и могъ выѣхать изъ Петербурга или только тайно, съ тѣмъ, чтобы уже никогда сюда не возвращаться, или же испросивъ на это разрѣшенія начальства. Онъ предпочелъ послѣднее, подалъ просьбу о дозволеніи ему съѣздить въ Польшу «для свиданія съ умирающимъ отцомъ». Просимое разрѣшеніе ему было дано на самое короткое время съ обязательствомъ дорогою нигдѣ не останавливаться, а наблюденіе за возвращеніемъ его было поручено въ Томашовѣ какому-то начальству. Бенни все сдѣлалъ аккуратно и, возвратившись назадъ въ Петербургъ, говорилъ, что онъ теперь свободенъ и что ржондъ болѣе никакихъ претензій простирать на него не будетъ. Сколь

искренни были эти слова Бенни, — за то пишущій эти строки не отвѣтствуетъ, но, по привычкѣ всегда вѣрить честности Бенни, не имѣетъ основаній сомнѣваться, что онъ и на этотъ разъ говорилъ правду. Да и къ тому же, надо признаться, цѣль поѣздки Артура Бенни и его возвращеніе были гораздо менѣе загадочны, чѣмъ его отпускъ изъ Петербурга. Подсудимый Бенни считался здѣсь *англійскимъ подданнымъ*, а между тѣмъ правительственное учрежденіе, снабжавшее этого *великобританскаго подданнаго* Артура Бенни отпускомъ въ Польшу *для свиданія съ отцомъ его, подданнымъ русской короны, томашовскимъ пасторомъ*, ни на одну минуту не остановилось передъ разноподданностью этого отца съ сыномъ! Автору этихъ записокъ казалось, что Бенни, указавъ на свое родство съ томашовскимъ пасторомъ, можетъ утратить свои преимущества иностранца въ Россіи, что съ нимъ, хотя онъ и натурализованный англійскій субъектъ, могутъ пожелать раздѣлаться какъ съ русскимъ подданнымъ,—но этого ничего не случилось. Бенни черезъ нѣсколько времени и еще разъ съѣздилъ, точно такимъ же образомъ, въ Польшу, когда отецъ его въ самомъ дѣлѣ захворалъ и скончался, и начальство опять, и во второй разъ отпуская его, не находило ничего несоотвѣтственнаго между разноподданствомъ отца съ сыномъ. Тогда Бенни, видя, что учрежденія, съ которыми онъ имѣлъ дѣло по своей подсудности, неуклонно намѣрены трактовать его иностранцемъ, черезъ что его по суду могутъ выслать изъ Россіи за границу, *подалъ просьбу о дозволеніи ему принять русское подданство*. Людямъ, удивлявшимся этой новой странной выходкѣ Бенни, онъ отвѣчалъ, что не желаетъ пользоваться привилегіею своего иностраннаго подданства и хочетъ принять на себя ту же самую степень наказанія, какая будетъ опредѣлена всѣмъ русскимъ подданнымъ, осужденнымъ съ нимъ по одному дѣлу; но ходатайство Бенни о принятіи его въ русское подданство не удовлетворено, и онъ высланъ за границу, какъ иностранецъ. Вотъ развѣ одно это только и можетъ казаться въ судьбахъ Бенни загадочнымъ, но на это-то загадочное обстоятельство никто изъ много разсуждавшихъ о Бенни людей ни разу не обратилъ вниманія.

Бенни никогда не считалъ себя литераторомъ и очень не любилъ, если въ печати какъ-нибудь появлялось его имя.

— Имя мое,—говорилъ онъ:—не поздно будетъ назвать тогда, когда я умру, и когда кто-нибудь захочетъ сдѣлать *духу моему* дружескую услугу, снявъ съ меня тягостнѣйшія для меня обвиненія въ томъ, въ чемъ меня обвиняли и въ чемъ я не повиненъ ни передъ друзьями моими, ни передъ врагами, которыхъ прощаю отъ всего моего сердца.

Теперь это сдѣлано настолько, насколько казалось удобнымъ въ настоящее время. Гораздо большее, вѣроятно, будетъ раскрыто въ другую пору дневникомъ Бенни и его бумагами, а пока это сдѣлается удобнымъ (что, конечно, случится не при нашей жизни), человѣка, о которомъ мы говоримъ, можно укорить въ легкомысленности, но надо вѣрить ручательству Ивана Сергѣевича Тургенева, что «*Артуръ Бенни былъ человѣкъ честный*», и это ручательство авторъ настоящихъ записокъ призываетъ въ подкрѣпленіе своего искренняго разсказа объ Артурѣ Бенни, столь незаслуженно понесшемъ тягостнѣйшія оскорбленія отъ тѣхъ, за чьи идеи онъ хотѣлъ жить и не боялся умереть.

Но остается еще сказать о томъ, что̀ сдѣлалось извѣстно о его кончинѣ изъ другого, можетъ болѣе достовѣрнаго источника, именно изъ устъ одной очевидицы его смертнаго часа.

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

Свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Артура Бенни и о его кончинѣ въ печати довольно долгое время останавливались на извѣстіи «*Иллюстрированной газеты*» г. Зотова, что «Артуръ Бенни, о которомъ ходили разнорѣчивые и невыгодные слухи, убитъ при Ментанѣ». Извѣстіе это, какъ оно ни кратко, снова подало поводъ къ толкамъ: старинные клеветники Бенни заговорили, что Артуръ Бенни убитъ не какъ гарибальдіецъ, а какъ открытый гарибальдійцами русскій шпіонъ. Дѣятельные люди, на которыхъ всѣ несчастія Бенни должны лечь позорнымъ и тяжкимъ укоромъ, обнаружили неслыханную энергію въ поддержкѣ этой послѣдней клеветы на покойнаго несчастливца, и эта послѣдняя вещь была бы, кажется, еще горше первой, потому что не предвидѣлось уже никакого слѣда для возстановленія истины; но вдругъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1870 года, въ газетѣ «*Недѣля*», №№ 21, 22 и 23, появились воспоминанія госпожи Александры Якоби о ея пребываніи «между гари-

бальдійцами». Госпожа Якоби дала Артуру Бенни очень большое мѣсто въ своихъ воспоминаніяхъ и притомъ отнеслась къ нему въ своихъ строкахъ не только съ женскою теплотою, но и съ тѣмъ сочувствіемъ, которое возбуждалъ у всѣхъ честныхъ людей этотъ *искреннѣйшій* молодой страдалецъ.

Желаніе сдѣлать нашъ разсказъ объ Артурѣ Бенни по возможности полнымъ и яснымъ заставляетъ насъ сдѣлать небольшія позаимствованія изъ разсказа о немъ госпожи Якоби. Она встрѣтила его въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1867 года въ числѣ раненыхъ плѣнныхъ, сваленныхъ въ какомъ-то скверномъ углу. Вотъ подлинныя слова г-жи Якоби (газета «*Недѣля*» № 23, стр. 762): «Я заинтересовалась одною личностью, отъ которой не могла никогда добиться ни одного слова. Это былъ невысокаго роста господинъ съ темными волосами, довольно окладистой бородкой, немного рыжеватой посрединѣ. Одѣтъ онъ былъ въ лиловую гарибальдійскую рубашку. Лежалъ онъ бо́льшею частію къ стѣнѣ лицомъ и мало съ кѣмъ говорилъ. Съ виду ему было лѣтъ тридцать. Подлѣ него на столикѣ лежали номера «Times» и нѣсколько гидовъ Бедекера въ красныхъ обертках. Онъ былъ раненъ въ правую руку, и, повидимому, не особенно опасно. Разъ я увидѣла, что онъ долго разговаривалъ по-англійски съ протестантскимъ священникомъ Way. Когда мистеръ Way отошелъ отъ него, я спросила:

— Кто этотъ господинъ?

— Это Артуръ Бенни.

Тогда я прямо подошла къ нему и крѣпко пожала ему руку. Его я не знала, но была знакома въ Парижѣ съ его братомъ, Карломъ. Долго проговорили мы съ нимъ.

Все, что я буду говорить о немъ, я слышала отъ самого покойнаго, подлѣ котораго я была до послѣдней минуты.

Бенни во время сраженія находился въ лагерѣ Гарибальди, куда онъ прибылъ изъ Швейцаріи, въ качествѣ корреспондента. Когда командиръ девятаго полка былъ убитъ, тогда сынъ Гарибальди, Менотти, предложилъ Бенни команду, отъ которой онъ не отказался. Но командовать пришлось ему недолго, онъ былъ раненъ въ правую руку около большого пальца. Въ день 4-го ноября онъ вмѣстѣ съ другими ранеными былъ привезенъ въ госпиталь свя-

того Онуфрія. Вотъ, что онъ разсказывалъ мнѣ о ночи на 5-е ноября:

— Я никогда не забуду этой ночи. Вообразите, когда мы были привезены, ни постелей, ни даже соломы на полу не было. Сложивши насъ всѣхъ кое-какъ, всѣ удалились, кромѣ часовыхъ у дверей. Помню, подо мной умиралъ одинъ тяжело раненый, но у меня не было силъ сдвинуться, чтобы освободить его изъ-подъ моего груза. Около меня слышались голоса, просившіе пить. Часовые даже не двигались, сказавъ намъ: «до утра». Ночи этой не было конца. Напрасно я ждала разсвѣта,—черезъ окна, узкія, грязныя, закрытыя вѣчной паутиной, онъ пройти не могъ. Утромъ принесли лампы, начали носить кровати, мѣшки съ соломой вмѣсто тюфяковъ. Всѣхъ насъ освѣтили желтоватымъ свѣтомъ. Тутъ я увидалъ по угламъ многихъ моихъ товарищей, плавающихъ въ крови. Въ эту ночь умерло двѣнадцать человѣкъ. Что мы испытывали, трудно разсказать.

— Нельзя ли похлопотать перевести меня отсюда,—продолжалъ онъ:—здѣсь, несмотря на ничтожную рану, умру навѣрное. Вы, вѣдь, всего не видите, что здѣсь дѣлается.

— Отчего вы медлили такъ долго и не обратились ко мнѣ съ этимъ раньше? Вы бы давно уже были куда-нибудь переведены. Если бы мнѣ не позволили взять васъ къ себѣ на домъ, то мы бы выхлопотали перевести васъ въ другой госпиталь.

— У васъ и безъ меня много дѣла. Есть люди опаснѣе меня раненые. Да и потомъ, кто знаетъ, позволятъ ли?

— Вамъ можетъ то помочь, что вы по тѣмъ извѣстіямъ, которыя они имѣютъ, не были объявленнымъ гарибальдійцемъ; васъ считаютъ просто корреспондентомъ.

— Такъ похлопочите, пожалуйста.

Съ помощію мистера Way и генерала-канцлера, мы выхлопотали позволеніе перевести Бенни въ госпиталь святой Агаты.

Въ госпиталѣ святой Агаты была отведена ему особая комната. Вообще помѣщеніемъ онъ былъ доволенъ. Подлѣ него былъ докторъ французъ, Labord.

Разница въ положеніи Бенни, съ тѣхъ поръ, какъ онъ находился въ новомъ госпиталѣ, была довольно значительная. Онъ даже, спустя недѣлю, могъ подолгу сидѣть на

своей постели и помногу писалъ лѣвой рукой. У него была большая переписка съ однимъ швейцарскимъ городкомъ, гдѣ жила имъ любимая личность, о которой онъ, впрочемъ, мнѣ сказалъ лишь тогда, когда уже не могъ болѣе писать, и когда я принуждена была ему читать получаемыя имъ письма. Кромѣ этой переписки, онъ велъ дневникъ своего пребыванія въ Ментанѣ. Всѣ эти замѣтки, а также и частныя письма, оставшіяся послѣ него, были захвачены и, несмотря на мои убѣдительныя просьбы, не были мнѣ выданы. Итакъ, я отправлялась къ Бенни каждое утро, носила ему мясо и другую провизію и готовила ему обѣдъ сама, на небольшомъ столикѣ подлѣ его постели. Больничное кушанье пугало его. Видя его постоянно занятымъ, я убѣдительно просила его не писать много, не читать; когда у меня было время, я читала ему сама. Судя по чистому наружному виду комнаты, мнѣ казалось, что и уходъ за нимъ долженъ быть хорошъ. Но этого-то и не было».

Г-жа Якоби описываетъ слѣдующую сцену, которую она застала однажды, вступая въ комнату больного.

«Бенни лежалъ на постели со свѣсившейся головой, обручъ и окровавленныя тряпки валялись на полу, раздробленная рука, лежавшая постоянно въ вытянутомъ положеніи, содвинута съ мѣста. Стонъ раздавался по всей комнатѣ.

— Бенни,—кликнула я его:—Бенни!

Но отвѣта не было. Я взяла его голову, положила на подушку, дала ему нюхать спирту, обтерла лицо губкой, намоченной въ уксусѣ. Наконецъ онъ открылъ глаза.

— Затвори дверь, подойди поближе; вонъ видишь этотъ лѣсъ, сейчасъ оттуда выбѣгалъ тигръ и больно кусалъ мнѣ эту руку, но я его вотъ такъ!..

Онъ поднялъ другую руку и *ударилъ ею изо-всей силы по больной рукѣ.* Меня такъ и обдало холодомъ. Но что было дѣлать, я сѣла подлѣ него и стала дожидаться, когда онъ придетъ въ сознаніе.

Спустя нѣкоторое время онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Вы давно здѣсь? Что было со мной, не отрѣзали ли уже мнѣ руку? Что мнѣ дѣлать съ собою? Болѣзнь моя не улучшается. Не лучше ли дѣйствительно отрѣзать руку?

А что потомъ я буду дѣлать? Вѣдь эта рука только и поддерживаетъ мое существованіе.

Я спросила Танчони, который осматривалъ больныхъ, о состояніи Бенни.

— Да ему давно бы уже было нужно отнять кисть руки.»

Танчони г-жа Якоби не довѣряла и обратилась къ одному англичанину, доктору, и просила его черезъ посредство мистера Way прійти въ госпиталь.

«Когда пришелъ англичанинъ-докторъ, то онъ, осмотрѣвъ рану, нашелъ, что Бенни не спасетъ и ампутація. Но ампутацію все-таки сдѣлали тотчасъ, по уходѣ этого доктора. Меня не пропускали къ Бенни цѣлыхъ пять дней подъ предлогомъ, что ему вредно говорить. На такой резонъ я поневолѣ должна была сдаться и ходила только каждый день справляться о его здоровьѣ. Отвѣтъ былъ постоянно тотъ, что дѣло идетъ какъ нельзя лучше. Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, я вошла къ нему. Онъ былъ веселъ, показывалъ мнѣ свою коротенькую руку и говорилъ, что ему иногда хочется почесать себѣ пальцы, которыхъ нѣтъ.

— А что, какъ вы думаете, смерть теперь не догонитъ меня? Право, не хотѣлось бы умирать на полдорогѣ жизни, а, главное, жаль, что я ничего не сдѣлалъ.

Говоря это, онъ пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ будто видѣлъ въ нихъ сомнѣніе.

Дѣйствительно, онъ угадалъ: я при видѣ его сдерживала непріятное чувство, которое овладѣло мной. Появившаяся маленькая лихорадка пугала меня, лицо его очень измѣнилось, глаза ввалились, носъ заострился. Однимъ словомъ, я его считала покойникомъ. Въ этотъ самый день посѣтила госпиталь бывшая неаполитанская королева. Между тѣмъ изъ Швейцаріи давно писали, что хотѣли пріѣхать въ Римъ *). Онъ все отклонялъ.

Прежде онъ говорилъ: «Пусть тогда пріѣзжаетъ, когда ампутація будетъ уже сдѣлана».—А потомъ думалъ: «Нѣтъ, лучше тогда, когда поправлюсь. Что она будетъ дѣлать въ незнакомомъ городѣ, не зная языка».

---

*) Это «писали», очевидно, касается молодой особы М. Н. К., пользовавшейся глубочайшею привязанностію Артура Бенни.

Но она не ждала отвѣта и прислала депешу, что уже выѣхала. А ему, между тѣмъ, становилось все хуже. Телеграммами мы мѣнялись два раза въ день (она, къ несчастію, заболѣла на дорогѣ). Въ первый день Рождества, къ вечеру, ему сдѣлалось очень худо, такъ что *онъ потребовалъ къ себѣ священника и въ десять часовъ вечера причастился.* На другой день я пришла къ нему; онъ былъ очень слабъ и еле узналъ меня.

— А, вы снова здѣсь. Подойдите, вѣдь я не такъ еще страшенъ. Что̀ вы ей отвѣтили на депешу?

Перемолвясь объ этомъ, Бенни сказалъ г-жѣ Якоби:

— Только бы поправиться, какъ бы мнѣ хотѣлось вернуться въ Россію: *я радъ, что, встрѣтя васъ, могу говорить по-русски.*

27-го декабря я была у Бенни около десяти часовъ. Лихорадка била его страшно. Лицо совершенно осунулось. Подбородокъ какъ-то надвинулся къ носу.

— Бенни!—окликнула я его, проведя рукой по его уже совершенно холодному лбу.

Онъ губами прикоснулся къ моей рукѣ, и нѣсколько крупныхъ слезъ выкатились изъ глазъ.

— Теперь я, дѣйствительно, умираю. А она... вы сказали, что пріѣдетъ къ одиннадцати часамъ, ну, я и старался дожить, но не могу.

Это было его послѣднее слово. Агонія продолжалась до двухъ съ половиною часовъ пополудни. Тотчасъ послѣ смерти съ него былъ снятъ прекрасный портретъ масляными красками, который и былъ переданъ г-жѣ К... 29-го его похоронили на протестантскомъ кладбищѣ; въ могилу его, прежде чѣмъ засыпать ее землею, мы набросали красныхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ зеленью — то были національные цвѣта Италіи».

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Таковъ разсказъ очевидицы послѣдняго томленія и смерти Артура Бенни,—разсказъ, котораго, кажется, уже нѣтъ никакого повода заподозрѣвать въ несправедливости, пристрастіи или натяжкахъ, тѣмъ болѣе, что все это подтверждается по деталямъ разсказами извѣстныхъ людей, какъ Ивана Сергѣевича Тургенева и Петра Дмитріевича Боборыкина.

Покойный Бенни писалъ къ обоимъ этимъ лицамъ письма послѣ своего увѣчья лѣвою рукою и вообще выражалъ ту любовь къ русскимъ и къ Россіи, о какой свидѣтельствуетъ бывшая при его послѣднихъ минутахъ г-жа Якоби. Покойный Артуръ Бенни, испивъ до дна горькую чашу уксуса и жолчи, смѣшанныхъ для него пылкими увлеченіями его восторженной и альтруистической натуры и коварствомъ злыхъ людей, маскировавшихъ сочиняемыми на него клеветами собственную малость и ничтожество, пришелъ къ тѣмъ же самымъ разочарованіямъ, какія видимъ въ посмертныхъ запискахъ учителя его, Александра Герцена, человѣка даровитѣйшаго и тѣмъ не менѣе объявлявшаго, будто онъ «создалъ въ Россіи *поколѣніе безповоротно соціалистическое*». Опубликованныя посмертныя записки Герцена показали, что у него недоставало *смѣлости* сознаться, что онъ ошибся и что «поколѣнія безповоротно соціалистическаго» на Руси нѣтъ, а Скотинины, Чичиковы и Ноздревы живы. Покойный Бенни, оказывается, былъ гораздо его искреннѣе, и И. С. Тургеневу съ П. Д. Боборыкинымъ извѣстно, что Артуръ Бенни не только хотѣлъ просить у государя прощенія и дозволенія возвратиться въ Россію, но его даже видѣли уже занятымъ окончательною редакціею письма къ графу Петру Андреевичу Шувалову, черезъ котораго онъ намѣренъ былъ направить свое ходатайство къ императору. Судьба рѣшила все это иначе.

Дописывая эти послѣднія строки о моемъ усопшемъ другѣ, я хочу сказать короткій отвѣтъ тѣмъ, кто недоволенъ этою повѣстью и протестуетъ противъ ея появленія. Эти болѣзненно щекотливые люди, между прочимъ, говорятъ, что они не видятъ никакой надобности въ оглашеніи этой исторіи; я же вижу въ этомъ нѣсколько надобностей, изъ коихъ каждая одна настоятельнѣе другой: 1) я хочу изложеніемъ исторіи похожденій Артура Бенни очистить его собственную память отъ недостойныхъ клеветъ; 2) я желаю посредствомъ этой правдивой и удобной для повѣрки повѣсти освободить отъ порицанія и осужденія живыхъ лицъ, терпящихъ до сихъ поръ тяжелыя напраслины за пріязнь къ Бенни при его жизни; 3) я пытаюсь показать въ этой невымышленной повѣсти настоящую картину недавней эпохи, отнявшей у нашей не богатой просвѣщенными людьми родины наилучшихъ юношей, которые

при другихъ обстоятельствахъ могли бы быть полезнѣйшими дѣятелями, и 4) я имѣю намѣреніе дать этою живою исторіею всякому, кому попадется въ руки эта скромная книжка, такое чтеніе, въ коемъ старость найдетъ себѣ нѣчто на послушаніе, а молодость на поученіе. Ошибочны или нѣтъ мои соображенія, но худа эта книга никому сдѣлать не можетъ, а малую пользу можетъ принести хотя бы указаніемъ на слѣдствіе увлеченій, которыя будутъ повторяться до скончанія вѣка, точно такъ же какъ и человѣческое злословіе и клеветы.

Измѣняя съ лѣтами и съ событіями свои взгляды и убѣжденія, иногда не безполезно отойти и поглядѣть, съ кѣмъ мы продолжаемъ сидѣть — не безполезно вспомнить тѣхъ,

Кто истину искалъ,
И тѣхъ, кто побѣжденный палъ
Въ толпѣ безсмысленной, холодной,
Какъ жертва мысли благородной.

ЗИМНІЙ ДЕНЬ.

(ПЕЙЗАЖЪ И ЖАНРЪ.)

«Днемъ они срѣтаютъ тьму и въ полдень ходятъ ощупью, какъ ночью».
Іов. V, 14.

«У Спаса бьютъ, у Николы звонятъ, у стараго Егорья часы говорятъ». *В. Даль* (присловіе).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Зимній, сѣверный день съ небольшою оттепелью. Два часа. Разсвѣтъ не успѣлъ оглядѣться и опять смеркается.

Въ гостиной второй руки сидятъ за столомъ хозяйка и гостья. Хозяйка стара, и видъ ея можно бы назвать почтеннымъ, если бы на лицѣ ея не отпечатлѣлось слишкомъ много заботливости и искательности. Она зрѣла когда-то лучшіе дни и еще не потеряла надежды ихъ возвратить, но она не знаетъ, что̀ для этого надо сдѣлать. Чтобы ничего не упустить, она готова быть всѣмъ на свѣтѣ: это «сосудъ», сформованный «въ честь» и служащій нынѣ «сосудомъ въ поношеніе». Гостья, которую застаемъ у этой хозяйки, тоже не молода. Во всякомъ случаѣ, она уже дожила до тѣхъ лѣтъ, когда можно отказаться отъ игры въ чувства, но она, кажется, отъ этого еще не отказалась. Эта женщина, безъ сомнѣнія, была замѣчательно хороша собою, но теперь, когда она отцвѣла, отъ прежнихъ красотъ остались только «боресты»; фигура ея, однако, еще гибка и черты лица сохраняютъ правильность, а въ выраженіи преобладаетъ замѣчательная смѣшанность: то

она смотритъ тихою ланью, то вдругъ эта лань взметнется брыкливою козой.

Безкорыстно увлекаться этою дамой уже нельзя, но, быть-можетъ, что-нибудь въ этомъ родѣ еще возможно, если она поставитъ вопросъ иначе. Въ своей манерѣ держаться по отношенію къ солидной хозяйкѣ гостья оттѣняетъ что-то особенно теплое и почтительное, даже какъ бы дочернее, но эти дамы вовсе не родственницы. Ихъ соединяетъ дружба, основанная не на одномъ согласіи ихъ вкусовъ, но и на единствѣ цѣлей: ихъ объединяетъ «métier».

Теперь онѣ пьютъ чай, который поданъ на гарàховскомъ сервизѣ, покрытомъ вязанымъ одѣяльцемъ, и гостья сообщаетъ хозяйкѣ о томъ, что̀ случилось замѣчательнаго, и о томъ, что̀ «говорятъ». Говорятъ о соперничествѣ двухъ какихъ-то чудотворцевъ, а случилось нѣчто еще болѣе интересное и достойное вниманія: вчера совершенно неожиданно пріѣхала изъ-за границы кузина Олимпія. Это извѣстная особа, она съ давнихъ поръ посвятила себя «вопросамъ» и постоянно живетъ въ чужихъ краяхъ; но когда она пріѣзжаетъ сюда, она привозитъ съ собою кучу новостей и «дѣлаетъ оживленіе». Ея жизнь есть нѣчто удивительное: она не богата. О, совсѣмъ не богата! Она даже не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ, но при всемъ томъ она ни у кого не занимаетъ и не жалуется на свое положеніе, а еще приноситъ своей странѣ очень много пользы.

Такихъ дамъ теперь, слава Богу, есть нѣсколько, но Олимпія занимаетъ между ними самое видное мѣсто. У нея большое и прекрасное родство. Она родственница и тѣмъ двумъ дамамъ, которыя здѣсь о ней разговариваютъ. Во всѣхъ глазахъ Олимпія — величина очень большая, и всѣ ей вѣрятъ, несмотря на предостереженіе, которое Диккенсъ дѣлалъ противъ всѣхъ лицъ, живущихъ неизвѣстными средствами.

Домой, на родину, Олимпія навертывается всегда внезапно и на короткое время: пріѣдетъ, броситъ взглядъ, съ однимъ, съ другимъ повидается, «освѣжитъ рессурсы» и уѣдетъ снова. Многіе говорятъ, что она очень талантлива, но, что еще важнѣе всего, она совершенно необходима.

Хозяйка на нее немножко недовольна и обращаетъ вни-

маніе на то, какъ дуетъ въ окна. Кромѣ того, она сообщаетъ, что Викторъ Густавычъ сожалѣетъ еще, что Олимпія не хочетъ «ладить». Иначе она непремѣнно стала бы очень необходима.

— Впрочемъ, это нимало не мѣшаетъ Олимпіи отлично себя держать,—заключаетъ хозяйка: — такъ какъ Викторъ Густавычъ самъ ни въ чемъ не увѣренъ. Это не мало значитъ.

Гостья глядитъ глазами лани и этимъ взглядомъ отвѣчаетъ, что она согласна, при чемъ дѣлаетъ маленькое движеніе брыкливой козы и взглядываетъ на шез-лонгъ, помѣщающійся передъ каминомъ между трельяжемъ и экраномъ.

Въ сторонѣ отъ дамъ, въ очень глубокомъ креслѣ, за трельяжемъ, полулежитъ, скрестивъ на груди руки и закрывъ глаза, миловидная дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ. Она, повидимому, совсѣмъ не интересуется тѣмъ, о чемъ говорятъ дамы: она устала и отдыхаетъ, а можетъ-быть она даже спитъ. Эта дѣвушка—племянница хозяйки; родные называютъ ее просто Лидія, а чужіе—Лидія Павловна. Она не любима въ своей семьѣ, потому что ведетъ себя не такъ, какъ хочется матери и братьямъ. Братья ея—блестящіе офицеры, и одинъ изъ нихъ уже дрался на дуэли. Лидія не въ фаворѣ тоже и у тетки, которую она зашла теперь навѣстить въ кои-то вѣки, но и то не скрыла, что чувствуетъ себя здѣсь не на своемъ мѣстѣ.

Хозяйка посмотрѣла на Лидію и сказала:

— Она спитъ. Впрочемъ,—добавила она: — если бъ она и не спала, это ей все равно: она нимало не интересуется обществомъ. Что̀ не касается ихъ курсовъ, того ей и не надо. Но Олимпія, въ которой я не отрицаю ея ума и связей, все-таки, очень шлепнулась съ тѣхъ поръ, какъ она въ свой прошлый пріѣздъ хотѣла развести исторію съ этими высѣченными болгарами. Помните, какая тогда съ этимъ было вышла чепуха. Они тогда прознали, что она ѣдетъ, и сами наѣхали сюда въ большомъ множествѣ, и всѣ разсказывали, что у нихъ будто бы уже всѣхъ сѣкутъ, и что ихъ самихъ будто тоже всѣхъ высѣкли. Олимпія хотѣла этимъ воспользоваться, но увлеклась, и когда съ ней спорили, что они хвастаются, то она увѣряла, что ихъ будто здѣсь осматривали въ какой-то редакціи, и потомъ, чтобы поднять ихъ значеніе, она хотѣла нарочно открыть съ ними

балъ; но тогда стали говорить, что иностранки, пожалуй, не пойдутъ, потому что, знаете, съ сѣчеными вѣдь нѣкоторыя не танцуютъ.

— Я помню это. И, какъ хотите, танцовать съ сѣчеными... Это... это очень необыкновенно!

— Ну, да!—продолжала хозяйка: — а послѣ кто-то провѣдалъ, что это даже и затѣвать не надобно, потому что эти господа будто сами себя здѣсь сѣкутъ въ какомъ-то переулкѣ, для того, чтобы имъ удобнѣе было привлечь вниманіе... Говорили, что Олимпія будто это и знала... Это Богъ вѣсть что такое!.. А потомъ опять оказалось, будто и это неправда, потому что въ переулкѣ ихъ хоть и сѣкли, но совсѣмъ не для этого, а ихъ такъ лѣчилъ какой-то ихъ компатріотъ въ родѣ массажа... Богъ ужъ ихъ знаетъ, какъ и разобрать, что̀ правда и что̀ неправда.

— Да, это вышла какая-то путаница, въ которой нельзя было ничего разобрать, кромѣ того, что ихъ сѣкли тамъ и сѣкли здѣсь.

— Вотъ именно—разгордьяжъ! И это повело къ большой потерѣ, потому что братъ Лука разсердился и не только пересталъ давать денегъ на славянство, а даже не захотѣлъ и слушать. Онъ, вѣдь, знаете, какъ оселъ упрямъ, и прямо сказалъ: «Все обманъ!»—и не велѣлъ пускать къ себѣ не только славянъ, а и самоё Олимпію, и послалъ ей въ насмѣшку перо.

— Какое перо?

— Не знаю какое, — говорили, будто сорочье перо, въ шапочку.

— Да развѣ?

— Конечно! Вотъ, дескать, тебѣ, сорока, летай, и теперь никого не принимаетъ,

— На какомъ это основаніи Лука Семенычъ такъ дорого цѣнитъ свои пріемы?

— Богатъ и ни у кого ничего не ищетъ, — вотъ и можетъ не принимать кого не хочетъ видѣть.

— Но вѣдь у него никакого другого вліянія и нѣтъ?

— Никакого. Но всѣ боятся, что онъ ихъ не приметъ.

Гостья понизила тонъ и спросила:

— Вы у него этой зимой были?

Хозяйка сдѣлала отрицательный знакъ и проговорила:

— Онъ слишкомъ колокъ.

— И Аркадій тоже, кажется, у него не бываетъ?

— Ни Аркадій, ни Валерій: онъ моихъ обоихъ сыновей ненавидитъ.

— Сварливый старикъ! Кого же онъ, однако, теперь принимаетъ?

— Изъ всѣхъ родныхъ къ нему теперь вхожи только двое: братъ Захаръ и вотъ она—Лида.

Гостья кивнула головой на трельяжъ и улыбнулась.

— Что онъ принимаетъ Лидію Павловну—это я понимаю. Не принимать людей съ вѣсомъ и значеніемъ и ласкать племянницу-фельдшерицу, которая идетъ наперекоръ общественнымъ традиціямъ,—это въ его вкусѣ. Такъ Лука Семенычъ маникируетъ тѣмъ, кто желалъ бы быть у него принятъ. Но почему изъ всѣхъ родныхъ второе исключеніе предоставлено Захару Семенычу? Нашъ милый генералъ такой же, какъ и всѣ мы, бѣдный грѣшникъ.

— Старикъ Захарушку щадитъ: «онъ,—говоритъ,—нашъ братъ Захаръ, наказанъ въ сытость за якшательство съ дурными людьми. Пусть Богъ проститъ, что онъ себѣ устроилъ».

— Ахъ, вотъ что!

Дѣвушка за трельяжемъ пошевелилась. Дамы это замѣтили, и гостья, улыбнувшись, промолвила тихо:

— Неужели она опять уснетъ?

— Навѣрное,—отвѣчала хозяйка.—Она такъ повсемѣстно: придетъ, поспитъ и побѣжитъ въ свою вонючку «совершать свое дѣло — потрошить чье-то мертвое тѣло». Но, однако, надо сказать, что Бертенсонъ ихъ отлично держитъ въ рукахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онѣ его огорчили.

— Но вѣдь и онъ ихъ потомъ проучилъ...

— Это правда, но онѣ всѣ-таки отъ него много терпятъ.

— Но отчего же Лидіи Павловнѣ дома не спать?

— Хаосъ въ семьѣ, всѣ другъ другу не нравятся; ей непріятно слышать, что говорятъ ея братья о гипнических конкурсахъ и дуэляхъ, а тѣмъ непріятно, что она потрошитъ мертвое тѣло, да и матери непріятно слышать, чѣмъ она занята, — вотъ и идетъ весь домъ — кто въ лѣсъ, кто по дрова... Но зато братъ Лука ее очень ласкаетъ и даже посылаетъ ей цвѣты въ вонючку.

Гостья кивнула на спящую и тихо спросила:

— Она вѣдь скоро кончитъ и будетъ фельдшеричка?

— Да.

— Мнѣ помнится, она еще давно какъ будто бы училась перевязкамъ?

— Ахъ, ея ученьямъ нѣсть конца: и гимназіи, и педагогіи, и высшіе курсы,—все пройдено, и серьги изъ ушей вынуты, и корсетъ снятъ, и ходитъ дѣвица во всей простотѣ.

— По-толстовски?

— Мм... Ну, къ Толстому, знаете... молодежь къ нему теперь уже совсѣмъ охладѣваетъ. Я говорила всегда, что это такъ и будетъ, и нечего бояться: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютки».

Гостья улыбнулась и замѣтила:

— Эта правда: онъ надоѣлъ своею моралью; но вѣдь было время, что вы не держались этой пословицы, а раньше и сами къ нему были пристрастны.

— Я? Да, я перемѣнилась, и я этого и не скрываю. Я всегда очень любила чтеніе и тогда во всѣхъ отношеніяхъ была за Толстого. Его Наташа, напримѣръ! Да развѣ это не прелесть? Это былъ мой идолъ и мое божество! И это такъ увлекательно, что я не замѣтила, гдѣ тамъ излитъ этотъ весь его крайній реализмъ,—про эти пеленки съ дѣтскими пятнами. Что же такое? Дѣти мараются. Безъ этого имъ нельзя, и это не производило на меня ничего отвратительнаго, какъ на прочихъ. Или вспомните потомъ, какъ у него описанъ этотъ Александръ Первый.

— Какъ же! Онъ одѣвается?

— Да. Помните, какъ онъ пристегиваетъ помочи?

— Ахъ, это божественно!

— Да; но развѣ тамъ только однѣ помочи? Вѣдь онъ передъ вами тутъ же весь, какъ живой!.. Я его вижу, я его чувствую!..

— Тоже очень хорошъ и Наполеонъ съ его темными глазами.

— У Наполеона были сѣрые глаза.

— Но они давали такое впечатлѣніе...

— Объ этомъ не спорю; въ этомъ во всемъ Толстой несравненъ. Тутъ нѣтъ и спора; но когда онъ заумничался, бросилъ свое дѣло и сталъ писать глупости, въ родѣ того, чтобы запрещать людямъ ѣсть мясо и чтобы никто не женился, а дѣвушки чтобы зашивались по шею и не выхо-

дили замужъ, то я сразу же прямо сказала: «это вздоръ!» Тогда лучше всѣхъ свесть къ скопцамъ и конецъ; но я, какъ православная, я не хочу быть на его сторонѣ.

Тутъ гостья тихо замѣтила, что Толстой *собственно* никогда никому не *запрещалъ* ѣсть мясо и, кажется, говорилъ, что инымъ даже надо жениться.

— Да, я знаю, что *собственно* онъ еще ничего не запрещалъ, но, *однако*, для чего онъ объ этомъ писалъ такъ сильно-державно?

— Да, онъ, конечно, писалъ очень смѣло, но собственно онъ, слава Богу, у насъ еще даже не имѣетъ и права ничего запретить.

— Конечно, слава Богу! Но для чего онъ все это одно только и твердитъ? Вотъ это зачѣмъ? Онъ убѣждаетъ, что безъ вѣры нельзя служить, и все это очень мило, но вдругъ сорвется и опять начинаетъ писать глупости: напримѣръ, зачѣмъ мыло? Ну, скажите на милость: онъ не знаетъ, зачѣмъ мыло! Позвольте, но какъ же безъ мыла: какъ мыть руки, голову и, наконецъ, бѣлье? Въ золѣ его, что ли, золить? Но, однако, я бы ему еще и это простила за его прежнее. По совѣсти говоря, всѣ мужчины глупы, когда берутся не за свое дѣло; но мало ли что̀ говорится! Не всякое же лыко въ строку: вольному воля, а спаси насъ рай. То же и о мясѣ. Кто любитъ рыбное или мучное, пусть и не ѣстъ мяса. Какая форма правленія ни будь, а къ этому нигдѣ и никто никого не принуждаетъ... Сдѣлайте милость! Еще, можетъ-быть, отъ этого для насъ филейная вырѣзка дешевле будетъ. Не правда ли?

— Конечно.

— Ну, то-то и есть! Все равно и тѣ, кто не хочетъ жениться или которыя не хотятъ замужъ выходить, — они пусть такъ и остаются, какъ имъ угодно. Вѣдь о нихъ и въ Евангеліи сказано: «суть скопцы...» Понимаете, это безумцы!

Гостья сдѣлала согласный знакъ головой.

— У моихъ сыновей, когда они были мальчики, — продолжала хозяйка: — былъ репетиторъ изъ академистовъ, очень честолюбивый, но смѣшной, и все собирался въ монахи, а когда мы ему говорили: «Вы, monsieur, лучше женитесь!»—такъ онъ на это прямо отвѣчалъ: «Не вижу надобности».

Дама слегка полуоборотилась къ трельяжу и сказала:

— Лидія, ты проснулась, или спишь еще?

— Да, ma tante,—отвѣтилъ полусонный контральто.

— То-есть, что̀ же это значитъ: ты выспалась, или ты еще спишь?

— Вы, ma tante, вѣроятно, хотите говорить о чемъ-нибудь, чего я не должна понимать, и хотите, чтобъ я вышла?

— Я хотѣла бы, чтобы ты вышла, но только не изъ комнаты, а вышла бы, наконецъ, замужъ.

— А я тоже спрошу васъ, какъ вашъ семинаристъ: «для какой надобности?»

— А вотъ хотя бы для той надобности, чтобы при тебѣ можно было обо всемъ говорить, не стѣсняясь твоимъ присутствіемъ.

— Да мнѣ кажется, вы и такъ не стѣсняетесь.

— Ну, нѣтъ!

— Значитъ, я еще мало знаю; но считайте, что я замужемъ, и знаю все, что̀ вамъ извѣстно.

— Послушайте, пожалуйста, что̀ она говоритъ на себя! Но я вамъ что-то хотѣла сказать... Ахъ, да!.. Вы вѣдь, навѣрное, слышали, что всѣ разсказывали о томъ, какъ къ графу пріѣхалъ будто одинъ родной, какой-то гусаръ, въ своей формѣ, все въ обтяжку, а онъ будто взялъ и подвязалъ ему нянькинъ фартукъ, а иначе онъ не хотѣлъ его пустить въ салонъ.

— Да, объ этомъ говорили... и, говорятъ, это правда.

— Ну, да! И если хотите, по-моему, гусарская форма, въ самомъ дѣлѣ... не совсѣмъ скромно.

— Да, но очень красиво!

— Красиво — да. Но и этотъ фартукъ, вѣдь это тоже дерзость! Гусаръ—и въ фартукѣ! Но вотъ чего ему еще больше нельзя простить, — это его несносная проницательность. Отъ нея общественный вредъ.

— Вотъ, вотъ! Конечно, вредъ обществу нельзя позволить. Я слушаю, въ чемъ вы видите это дѣло?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— А дѣло въ томъ, что по какому праву господинъ графъ портитъ нашу прислугу? Если онъ себя пріучилъ, чтобы все за собою прибирать, то это для него и пре-

удобно; но мы къ этому пока еще вѣдь не стремимся. Не такъ ли?

— Конечно.

— Такъ для чего же онъ навязываетъ намъ невозможную жизнь панибратства съ прислугою, которая и груба, и порочна?

— Это глупо.

— Конечно, глупо. Я внушила Аркадію, чтобъ онъ сдѣлалъ это въ смѣшные стихи и прочиталъ. Вы знаете, его талантъ въ свѣтѣ вѣдь очень многимъ нравится.

— Да, это всѣ говорятъ, и онъ такой искательный... О, онъ пойдетъ!

— Можетъ-быть, и даже вѣроятно; но о будущемъ нельзя такъ судить: будущее, какъ говорятъ, «въ рукахъ всемогущаго Бога». Только, конечно, ему въ его успѣхѣ очень много помогаетъ его симпатичный талантъ. Второй мой сынъ, Валерій, совсѣмъ иной: это практикъ!

— О, разумѣется!—отвѣчала, немного смутившись, гостья и торопливо повернула вопросъ въ другую сторону. — Въ чемъ же именно Толстой портитъ съ прислугою? — спросила она.

— Извольте!—отвѣчала хозяйка.—Мы будемъ говорить о прислугѣ, какъ настоящія чиновницы; но это не пустой вопросъ: о прислугѣ говоритъ Шопенгауэръ. Прислуга можетъ васъ успокоить и можетъ разстроить. Я вамъ не буду приводить всѣхъ толстовскихъ рацей о прислугѣ, а прямо дамъ вамъ готовую иллюстрацію, какъ это отражается. У меня вышло разстройство съ моею камеристкой... Лидія мѣшаетъ вамъ *все* разсказать, но я не могу утерпѣть и кое-что разскажу.

— Пожалуйста, ma tante, говорите все, что̀ хотите! — отозвалась дѣвушка. — Я сейчасъ вотъ доспю послѣдній кусочекъ и уйду.

— Коротко скажу,—продолжала хозяйка:—пришлось передъ праздникомъ негодницу выгнать. Ну, а передъ праздниками, вы знаете, каковъ нашъ народъ и какъ трудно найти хорошую смѣну. Всѣ жадны, всѣ ждутъ подарковъ, а любви къ господамъ у нихъ никакой. На русскій народъ очень хорошо смотрѣть издали, особенно, когда онъ молится и вѣритъ. Вотъ, напримѣръ, у Рѣпина, въ *Крестномъ ходѣ*,

гдѣ, помните, изображено, какъ собрались всѣ эти сословные старосты...

— Да, или акварель Петра Соколова...

— Да, но тутъ немножко много синей краски.

— Это правда: онъ переложилъ.

— Наши художники вообще не знаютъ мѣры.

— Да, но вѣдь все дѣло въ впечатлѣніи... А у меня,— вы знаете ее,—есть одна знакомая: мы всѣ зовемъ ее «апостолица». Навѣрное, знаете!

— Конечно, знаю: вы говорите о Marie?

— О ней. Теперь есть нѣсколько подобныхъ ей печальницъ, но эту я съ другими не сравню. Эта на другихъ не похожа, и, притомъ, она уже относится къ доисторическимъ временамъ, когда еще всѣ мы говорили по-французски и не было въ модѣ ни Засѣцкой, ни Пейкеръ, и даже еще самъ Редстокъ не пріѣзжалъ... Ухъ, какая старина! Василій Пашковъ былъ еще въ военномъ, а Модестъ Корфъ обѣими руками крестился и при всѣхъ въ соборѣ молебны служилъ въ камергерскомъ мундирѣ. А что до Алексѣя Павловича Бобринскаго, такъ онъ тогда былъ еще совсѣмъ воинъ галицкій и такъ кричалъ, что окна въ министерствѣ дрожали. Сережа Куцелевъ даже очень мило нарисовалъ все это въ карикатурѣ и возилъ всѣмъ показывать, и всѣ очень смѣялись.

— Я все это помню.

— Да, это вѣдь несправедливость, что будто Толстой завелъ моду ходить пѣшкомъ и трудиться: Marie это раньше всѣхъ, первая стала дѣлать. Она и полы сама мыла, и выносила все за больными до гадости. Даже она нѣсколько разъ ходила съ Николаемъ Андреевичемъ въ портерныя, хотѣла спасать тамъ какихъ-то несчастныхъ дѣвчонокъ, которыя ихъ же и просмѣяли... Конечно, нельзя же ихъ всѣхъ спасать—это глупость: онѣ необходимы; но все-таки со стороны Marie было доброе желаніе... а какъ въ полиціи тогда былъ Анненковъ, то онъ все уладилъ и скандала не вышло.

— Я помню: это смѣшно разсказывали.

— О, это было преинтересно, но все равно Marie и теперь такая же осталась: «Мать Софья и о всѣхъ сохнетъ». Она ни Редстока не ревновала къ Богу, ни Пашкова, и Толстого теперь не ревнуетъ: ей какъ будто они всѣ сродни,

а о самой о ней иначе нельзя сказать, какъ то, что хотя она и сектантка, и заблудшая овца, а все-таки въ ней очень много доброты и жалости къ людямъ. Это лучше всей ея вѣры.

— Ахъ, кажется, это такъ!

— Конечно, что же ихъ вѣра? Вѣдь очень многія эти дѣвочки совершенно жалкіе мужчины ихъ сманятъ съ собой и бросятъ... Помните, какъ это сдѣлалъ Бэртонъ? Увезъ, бросилъ и живи какъ хочешь; а Marie проводитъ всю жизнь въ заботахъ о комъ-нибудь. Если хотите найти сердечнаго человѣка, идите къ ней: у нея всегда есть запасъ людей «униженныхъ и оскорбленныхъ». Я къ ней и обратилась съ просьбой порекомендовать мнѣ скромную и правдивую дѣвушку, чтобы не было въ домѣ дурного примѣра и фальши. Главное, чтобы не было фальши, такъ какъ я фальшь ненавижу. А Marie даже обрадовалась. «Ахъ, какъ мнѣ пріятно слышать,—говоритъ,—ваше разсужденіе! Ложь—это порокъ, которымъ сатана началъ порчу человѣка. Онъ вѣдь *обманулъ* Еву?» Да, да, да, думаю: ты очень начитана, но ты это далеко берешь о прародителяхъ и о сатанѣ, а я тебя просто прошу о горничной дѣвушкѣ.

«— Ну, да, есть и такая! — отвѣчаетъ Marie. — У меня теперь пріютилась въ ожиданіи мѣста какъ разъ такая превосходная дѣвушка.

«— Не притворщица и не побѣгушка?

«— О, какъ можно! Она христіанка!

«— Да вѣдь у насъ всѣ крещеные и даже православные, но нравы и правила у всѣхъ ужасные.

«— Нѣтъ, что вы: у христіанъ прекрасныя правила! Притомъ, это дѣвушка, которая всегда занята, работаетъ и читаетъ «посредственныя книжки».

«— Ага, значитъ, она толстовка! Ну, ничего: я всякія утопіи ненавижу, но прислугѣ вперять непротивленіе злу, по-моему, даже прекрасно. Давайте мнѣ вашу непротивленку! Я ее буду отпускать къ моленью. Гдѣ они собираются молиться? Или они совсѣмъ не молятся?

«— Не знаю,—говоритъ:—это дѣло совѣсти, объ этомъ не надо спрашивать.

«— Конечно, мнѣ Богъ съ ней, какъ она хочетъ. Но какъ ее звать?

«— Ѳедорушка.

«— Ай, какое неблагозвучное имя.

«— Отчего же? Очень хорошо! Вы зовите ее Ѳеодора, или даже Theodora. Чего же лучше?

«— Нѣтъ, это театрально, я буду звать ее Катя.

«— Зачѣмъ же?

«— Ну, это,—говорю,—у меня такой порядокъ».

Marie не стала возражать и прислала мнѣ свою непротивленку, и вообразите, дѣвушка мнѣ очень понравилась, и я ее наняла.

— Почемъ?—спросила гостья.

— Семь рублей въ мѣсяцъ.

— Какъ очень дешево.

— Да. Но она больше и не требовала. Она сама даже совсѣмъ ничего не просила, а сказала: «сколько буду стоить, столько и положите». Я и назначила. Но позвольте, это вѣдь не въ томъ дѣло; а она мнѣ тогда очень понравилась, потому что, дѣйствительно, она выглядѣла этакая опрятная и скромная! А я, признаться, когда услыхала, что она непротивленка, то я опасалась за ея опрятность, такъ какъ въ ихнихъ книжкахъ вѣдь есть противъ мыла, и я помню, няня читала, какъ на одну святую бросился безстыжій муринъ, но какъ она никогда мыломъ не мылась, то этотъ фоблазъ отъ нея такъ и отскочилъ.

— Это ужасно!

— Да, всѣ другія подверглись, а она нѣтъ; но я рѣшительно не понимаю, неужели Толстой изъ-за этого противъ мыла?

— Ахъ, нѣтъ же! Вы развѣ забыли, изъ чего мыло сгущаютъ?

— Изъ мясного сока.

— Ну, вотъ и разгадка.

— Тетя! — отозвалась изъ-за трельяжа дѣвушка. — Ну, какъ вамъ не стыдно говорить такіе вздоры!

— А что такое?

— Изъ мяса мыла не варятъ и, притомъ, очень много мыла дѣлаютъ не изъ животныхъ, а изъ растительныхъ жировъ. Наконецъ, есть яичное мыло, которое вы и покупаете.

— Ахъ, правда, правда! Точно, есть яичное мыло. Это въ Казани, гдѣ былъ губернаторъ Скарятинъ; но я его теперь не покупаю. Долго покупала и очень имъ мылась, но

съ тѣхъ поръ, когда былъ шахъ персидскій, и я узнала, что онъ этимъ мыломъ себѣ ноги моетъ, мнѣ стало непріятно, и я его больше не покупаю.

— Охота была вамъ объ этомъ и знать!

— Ну, отчего? Насъ въ институтахъ такой гордости не учили. И по-моему лучше интересоваться такими особами, чѣмъ неумойками. Я вѣдь помню, когда Аркадій оканчивалъ курсъ, тогда его посѣщали разные, и приходили и эти непротивленыши, и всѣ они были въ этой въ ихней формѣ, тусклые и въ нечищенныхъ сапогахъ.

— Ужасныя «малютки»!—сказала гостья.

— Да, какіе-то они... все съ курдючками. Подпояшутся и сзади непремѣнно у нихъ дѣлается курдючокъ, а лапки безъ калошъ—и натопчутъ. Это неопрятность! Но дѣвушка-непротивленка ко мнѣ пришла совсѣмъ въ опрятномъ видѣ и работала превосходно, но въ практической жизни все-таки она оказалась невозможна.

— Почему же?

— Да, да, да! Въ практической жизни много сторонъ, и она мнѣ оказалась хуже всѣхъ противленокъ!

— Появился какой-нибудь непротивленышъ?

— Куда тамъ! Нѣтъ! просто не отгадаете!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Начну хоть съ пустяковъ: пробѣгаю я ея паспортъ и наталкиваюсь опять на то, что тамъ стоитъ имя Ѳедора. Я говорю ей:

— Моя милая, мнѣ твое имя не нравится (я не люблю говорить людямъ *вы*), я буду звать тебя Катею. И она сразу же отвѣчаетъ разсужденіемъ: «Если вамъ такъ угодно, чтобы въ вашемъ домѣ служанка называлась иначе, то мнѣ это все равно: *это обычаи человѣческіе!*»

— Какъ это смѣшно!

— Ужасно смѣшно. «Обычаи человѣческіе...» А то еще у нихъ есть «непосредственныя обязанности къ Богу». Но я сама изъ деревенскихъ барышень и люблю иногда съ прислугой поразговаривать. Я и говорю: «Я буду звать тебя Катей, и ты должна откликаться». Отвѣчаетъ: «Слушаю-съ!» И еще,—говорю,—я тебѣ забыла сказать, что къ твоимъ обязанностямъ тоже должно относиться, чтобы ты помогала кухаркѣ убирать посуду и подтирала мокрою

тряпкой крашеные полы въ дальныхъ комнатахъ. Но что же-съ, полы она подтирала, и мнѣ на мой зовъ «Катею» откликалась, а если кто изъ моихъ знакомыхъ ее спроситъ, какъ ея имя, она всѣмъ упорно отвѣчаетъ: «Ѳедо̀ра». Я ей говорю: «Послушай, милая! Вѣдь тебѣ же сказано, и ты должна помнить, что ты теперь Катя! Зачѣмъ же ты противорѣчишь?» А она начинаетъ резонировать: «Я,—говоритъ,—сударыня, на ваше приказаніе откликаюсь, такъ какъ вы сказали, что это такой порядокъ въ вашемъ домѣ, и мнѣ это не вредитъ; но сама я лгать *не могу*»... Что̀ за вздоръ! «Нѣтъ,—говоритъ,—я лгать не могу, — мнѣ это вредитъ».

— Какова штучка!—воскликнула гостья.—Она себѣ вредить не желаетъ!

— О, не желаетъ!.. Да вѣдь еще и какъ!.. Это что-то пунктуальное, что-то узкое и упрямое, какъ самъ Мартынъ Иванычъ Лютеръ. Ахъ, какъ я не люблю это сухое лютеранство! И какъ хорошо, что теперь за нихъ у насъ взялись. Я спрашиваю: «Какой тебѣ вредъ? Животъ, что ли, у тебя заболитъ или голова?»

«— Нѣтъ, — говоритъ, — животъ, можетъ-быть, не заболитъ, но есть вещи, которыя важнѣе живота и головы.

«— Что же это именно?

«— Душа человѣка. Я желаю имѣть мою совѣсть всегда въ порядкѣ».

— Вѣдь, это шпилька-съ!

— Это прямо дерзость!

— Да; но, какъ братъ Захаръ говоритъ, «хотя это и непріятно, но послѣ благословеннаго девятнадцатаго февраля—это неизбѣжно».

— Да, послѣ этого февраля мы у нихъ въ рукахъ.

— Особенно передъ самымъ праздникомъ. Нельзя же самимъ стать у своихъ дверей и объявлять визитёрамъ, что насъ дома нѣтъ. До этого еще вообще не дошло, но, между тѣмъ, непротивленская малютка это-то именно у меня и устроила.

— Да что вы?

— Фактъ-съ!

— Право, вся надежда на градоначальника.

— Да, онъ ихъ возьметъ — «руки назадъ». Въ праздникъ я ей толкомъ растолковала: «Катя, будутъ гости, ты

должна всѣмъ говорить, что я дома и принимаю». И она принимала; но потомъ пріѣхалъ Викторъ Густавычъ. Вы знаете, человѣкъ съ его положеніемъ и въ его силѣ, а у меня два сына, и оба несходнаго характера: Аркадій — это совершенная рохля, а Валерій, вы его знаете, — живчикъ. Очень понятно, что я о нихъ забочусь, и я хотѣла съ нимъ немножко поговорить о Валеріи, который не попалъ за Аркадіемъ, а попалъ въ этотъ... университетъ и въ будущемъ году кончитъ безъ связей и безъ ничего...

Гостья сдѣлала едва замѣтное движеніе.

— И вотъ я посадила Виктора Густавыча, подбѣгаю къ ней и говорю: «Катя, а теперь если кто пріѣдетъ, ты должна говорить: *я уѣхала* и что *меня нѣтъ дома*». Кажется, всякая дура можетъ это понять и исполнить!

— Что же тутъ не исполнить!

— Да, самое обыкновенное. А она, вообразите, всѣмъ такъ и говорила, что «я ей *приказала говорить*, что я уѣхала и меня дома нѣтъ»!

— Ахъ, ты, Боже мой! — воскликнула гостья и расхохоталась.

— Но вы представьте себѣ, что и всѣ точно такъ же, какъ вы, на это только смѣялись, а никто не обидѣлся, потому что вѣдь всѣ же прекрасно знаютъ, что всегда въ этихъ случаяхъ лгутъ... Это такъ принято... Но молодежь стала мнѣ говорить: «Ma tante, ваша непротивленка, кажется, очень большая дура». Но я вѣрно поняла, что это дѣйствуетъ ея вѣра, и я разъяснила всѣмъ, что это изъ нея торчитъ графъ Толстой и сильно-державно показываетъ всѣмъ образованнымъ людямъ свой огромный шишъ. «Никакихъ-де визитовъ не надо! Все это глупости: лошадямъ хвосты трепать не для чего, а когда вамъ нуженъ моціонъ — мойте полы».

— Безъ мыла?

— Да, совершенно такъ просто!

— Но какъ же вы послѣ этого сдѣлали съ непротивленкой?

— Я съ ней объяснилась; я ей сказала: «Ты обдумай, тебя мнѣ рекомендовали, какъ очень хорошую дѣвушку и христіанку, а ты очень хитрая и упорная натура. Что это за выходка съ твоей стороны, чтобы выдать меня за лгунью?» А она простодушно извиняется:

«— Я не могла сказать иначе.

«— Отчего-о-о? Бѣдная ты, помраченная голова! Отчего-о ты не могла сказать иначе?

«— Потому что вы были дома.

«— Ну, такъ и что за бѣда?

«— Я бы солгала.

«— Ну, что же такое, если бы ты немножко и солгала?

«— Я нисколько лгать не могу.

«— Нисколько?

«— Нисколько.

«— Но вѣдь ты *служишь*! Ты нанимаешься, ты получаешь жалованье!.. Для чего ты съ такими фантазіями нанимаешься на мѣста?

«— Я нанимаюсь дѣлать работу, а не лгать: лгать я не могу».

Съ какихъ сторонъ съ ней ни заговори, она все дойдетъ до своего «я лгать не могу» и станетъ.

— Какая узость, узость!

— Страшно! «Да вѣдь надо же,—говорю: — умѣть отличать, что есть такая ложь, какой нельзя, а есть такая, которую сказать можно. Спроси у всякаго батюшки».

«— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчаетъ: — я не хочу этого различать: Богъ съ ними, я не буду ихъ и спрашивать. Въ Евангеліи объ этомъ ничего не сказано, чтобъ отличать. Что̀ неправда, то все ложь, — христіане ничего не должны лгать».

— Вотъ я тутъ и вспомнила, что, когда я ее нанимала, я думала, что въ прислугѣ и вообще въ низшемъ классѣ «непротивленіе» годится и не мѣшаетъ, и даже, можетъ-быть, имъ оно и полезно, но и это вышло совсѣмъ не такъ! Вышло, что и здѣсь оно не годится и что этому вездѣ надо противодѣйствовать!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хозяйка сдвинула серьезно брови и сказала, что она говорила о такой «запосчивости» съ батюшкой, и тотъ ей разъяснилъ, что это «плодъ свободнаго, *личнаго* пониманія».

— Да, но какая же свобода, когда это все ужасно узко?— вставила съ ученымъ видомъ гостья.

— Я съ вами и согласна, и, кромѣ того, не все для всѣхъ хорошо.

Хозяйка постучала съ угрозою по столу рукой, на пальцахъ которой запрыгали кольца съ бирюзой, и продолжала:

— Я вѣдь очень помню, когда были въ славѣ Европеусъ и Унковскій. Это было совсѣмъ не нынѣшнее время, и тогда случилось разъ, что мы вмѣстѣ въ одномъ домѣ ужинали и туда кто-то привелъ Шевченка... Помните, хохолъ... онъ что-то нашалилъ и много вытерпѣлъ; и онъ тутъ вдругъ выпилъ вина и хватилъ за ужиномъ такой экспромитъ, что никто не зналъ, куда дѣть глаза. Насилу кто-то прекрасно нашелся и сказалъ: «Повѣрьте, что̀ хорошо для немногихъ, то совсѣмъ можетъ не годиться для всѣхъ». И это всѣхъ спасло, хотя послѣ узнали, что это еще раньше сказалъ Пушкинъ, которому Шевченко совсѣмъ не чета.

— Ну, еще бы сталъ говорить этакъ Пушкинъ!..

— Конечно, онъ бы не сталъ, — перебила хозяйка: — онъ жилъ въ обществѣ, и декабристы знали, что съ нимъ нельзя затѣвать. А Шевченко со всѣми якшался, и Богъ его знаетъ, если даже и правда, что Перовскій самъ велѣлъ наказать его по-военному, то вѣдь тогда же было такое время: онъ былъ солдатъ—его и высѣкли, и это такъ слѣдовало. А Пушкинъ умѣлъ и это оттѣнить, когда сказалъ: «что̀ прекрасно для Лондона, то не годится въ Москвѣ». И какъ онъ сказалъ, такъ это и остается: «въ Лондонѣ хорошо, а въ Москвѣ не годится».

— Въ Москвѣ теперь уже никого и нѣтъ... Катковъ умеръ.

За трельяжемъ послышался сдержанный смѣхъ.

— Что вамъ смѣшно, Лида?

— «Катковъ умеръ». Вы это сказали такъ, какъ будто хотѣли сказать: «умеръ великій Панъ».

— А вы на это «сверкнули», какъ Діана.

— Я не помню, какъ сверкала Діана.

— А это такъ красиво!

— Не знаю ужъ, куда и дѣться отъ всякой красоты! Я, впрочемъ, помню, что Діана покровительствовала плебеямъ и рабамъ, и что у нея жрецомъ былъ бѣглый рабъ, убившій жреца, а сама она была дѣвушка, но помогала другимъ въ родахъ. Это прекрасно.

— Прекрасно!

А хозяйка покачала головою и замѣтила:

— Ты совершенно безъ стыда.

— Со стыдомъ, ma tante.

— Такъ что же ты говоришь! Чего жъ ты хочешь?

— Хочу, чтобъ дѣвушки не скучали въ своемъ дѣвичествѣ отъ бездѣлья и помогали тѣмъ, кому тяжело.

— Но для чего же въ родахъ?

— Да именно и въ родахъ, потому что это ужасно, и множество женщинъ мучатся безъ всякой помощи, а барышни играютъ глазками. Пусть онѣ помогаютъ другимъ и сами насмотрятся, что̀ ихъ ожидаетъ, когда онѣ перестанутъ блюсти себя какъ Діаны.

— Позвольте,—вмѣшалась гостья:—я не о той совсѣмъ Діанѣ: я о той, которая сверкнула въ лѣсу на островѣ, у котораго слышали съ корабля, что «умеръ великій Панъ». Кажется, вѣдь это такъ у Тургенева?

— Я позабыла, какъ это у Тургенева.

Хозяйка продолжала:

— Теперь опять забываютъ хорошее, а причитаютъ то, что говорятъ «посредственныя книжки».

— А вы не обращали на эти книжки вниманія Виктора Густавыча?—спросила гостья.

— О, онъ ихъ презираетъ; но, знаете, онъ вѣдь лютеранъ, и, по его мнѣнію, если гдѣ есть о добрѣ, то это все хорошо.

— Но, однако, ваша непротивленка въ самомъ-то дѣлѣ вѣдь и не была добра?

— Ну, такъ прямо я этого сказать не могу. Злою она ни съ кѣмъ не была, но когда ей долго возражаешь, то я замѣчала, что и у нея тоже что-то мелькало въ глазахъ.

— Да что вы?

— Я васъ увѣряю. Знаете, если шутя подтрунишь, такъ глазенки этакъ заискрятся... и... какое-то пламя.

— Боже мой! И для чего вы ее еще держали?

— Да, да! Я тоже разъ подумала: «эге-ге, — думаю себѣ,—да ты съ огонькомъ», и отпустила. Но, разумѣется, я прежде хотѣла знать, что̀ можно отъ такихъ людей ждать: я ее пощупала.

— Это интересно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

— Я спросила ее такъ: «Что же это, моя милая, стало-быть, если бы при тебѣ въ домѣ случилось что-нибудь та-

кое, что должно быть тайной, что отъ всѣхъ надо скрыть, стало-быть, ты и тогда не согласилась бы покрыть чей-нибудь стыдъ или грѣхъ?» Она сконфузилась и стала лепетать: «Я объ этомъ еще не думала... Я не знаю!» Я воспользовалась этимъ и говорю: «А если бы тебя призвали и стали спрашивать о твоихъ хозяевахъ, вѣдь ты должна же... Вѣдь какіе въ старину были хорошіе и вѣрные слуги, а и тѣ, когда приходило круто, говорили, что̀ отъ нихъ хотѣли». Вообразите же, что она отвѣтила:

«— Это тотъ виноватъ, кто ихъ до этого доводилъ.

«— А если это дѣлалось по приказу?

«— Это все равно».

— Какова!

— Да-съ! Я говорю: «за это можно страдать». А она отвѣчаетъ:

«— Лучше пострадать, чѣмъ испортить свой путь жизни».

— Каково непротивленіе!

— Ну, вотъ, какъ видите!

— Впрочемъ, если смотрѣть по-ихнему и держаться Евангелія, то она не совсѣмъ и не права...

— Да, она даже очень права; но вѣдь общество не такъ устроено, чтобы все по Евангелію, и нельзя отъ насъ разомъ всего этого требовать.

— Да, это очень печально: но если вы это сломаете, а потомъ исковеркаете, то что̀ же вы новое поставите на это мѣсто?

— Нигилисты говорили: *ничего*!

Хозяйка промолчала и сучила въ пальцахъ полоску бумаги, а умомъ какъ будто облетала что-то давно минувшее и потомъ молвила:

— Да, *ничего*, они только и умѣли сбивать съ толку женщинъ и обучать ихъ, не стыдясь, втроемъ чай пить.

— А какъ эта непротивленка вела себя въ этихъ отношеніяхъ?

— Вы, вѣрно, хотите спросить о тѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ не говорятъ при Лидѣ...

Но отдыхавшая за трельяжемъ Лидія къ этому времени, вѣрно, совсѣмъ подкрѣпилась и сама вмѣшалась въ разговоръ уже не сонною рѣчью.

— О такой женщинѣ, какъ Ѳедо̀рушка, можно при всѣхъ и все говорить,—сказала Лида. — И, притомъ, когда же вы

ma tante, привыкните, что я вѣдь не ребенокъ и лучше васъ знаю не только изъ чего варится мыло, но и какъ рождается ребенокъ?

— Лида!—замѣтила съ укоризной хозяйка.

— Да, конечно, ma tan'e. я это знаю.

— Господи!.. Какъ ты можешь это знать?.

— Вотъ удивленіе! Мнѣ двадцать пятый годъ. Я живу. читаю и, наконецъ, я должна быть фельдшерицей. Что же я буду притворяться глупою дѣвчонкой, которая лжетъ, будто она вѣритъ, что дѣтей людямъ приносятъ аисты въ носу?

Хозяйка обратилась къ гостьѣ и внушительно сказала:

— Вотъ вамъ Іона-циникъ въ женской формѣ. И, притомъ, она Діана, она пуританка, квакерка, она читаетъ и уважаетъ Толстого, но она не раздѣляетъ множества и его мнѣній и ни съ кѣмъ у нея нѣтъ ладу.

— Я, кажется, не часто ссорюсь.

— Зато и тѣсно не дружишь ни съ кѣмъ.

— Вы ошибаетесь, ma tante, у меня есть друзья.

— Но ты ихъ бросила. Вѣдь тоже и непротивленыши пользовались у тебя фаворомъ, а теперь ты къ нимъ охладѣла.

— Съ ними нечего дѣлать.

— Но ты, однако, любила ихъ слушать.

— Да, я ихъ слушала.

— И наслушалась до тошноты, вѣрно?

— Нѣтъ, отчего же? Я и теперь готова послушать, что̀ у нихъ хорошо обдумано.

— Прежде ты за нихъ заступалась до слезъ.

— Заступалась, когда ваши сыновья, а мои кузены, собирали ихъ и выпучивали. Я не могу переносить, когда надъ людьми издѣваются.

Хозяйка засмѣялась и сказала:

— Смѣяться не грѣшно надъ тѣмъ, что смѣшно.

— Нѣтъ, грѣшно, ma tante, и мнѣ ихъ было всегда ужасно жаль... Они сами добрые и хотятъ добра, и я о нихъ плакала...

— А потомъ сама на нихъ разсердилась.

— Не разсердилась, а увидала, что они все говорятъ. говорятъ и говорятъ, а дѣла съ воробьиный носъ не дѣлаютъ. Это очень скучно. Если противны дѣлались тѣ, которые все собирались «работать надъ Боклемъ», то про-

тивны и эти, когда видишь, что они умѣютъ только палочкой ручьи ковырять. Одни и другіе роняютъ то, къ чему поучаютъ относиться съ почтеніемъ.

— Нѣтъ, тебя уязвило то, что они идутъ противъ наукъ!

— Да, и это меня уязвляетъ.

— А я тутъ за нихъ! Для чего ты, въ самомъ дѣлѣ, продолжаешь столько лѣтъ все учиться и стоишь на своемъ, когда очевидно, что все твое ученье кончится тѣмъ, что ты будешь подначальной у какого-нибудь лѣкаришки, и онъ поставитъ тебя въ уголъ?

— Ma tante, вѣдь это опять вздоръ!

— Ну, онъ тебя въ передней посадитъ. Самъ пойдетъ въ комнаты пирогъ ѣсть, а тебѣ скажетъ: «Останьтесь, милая, въ передней».

— И этого не будетъ.

— А если это такъ случится, что̀ же ты сдѣлаешь?

— Я пожалѣю о человѣкѣ, который такъ грубо обойдется со мной за то, что я не имѣю лучшихъ правъ, и только потому, что мнѣ ихъ не дали.

— И тебѣ не будетъ обидно?

— За чужую глупость? Конечно, не будетъ.

— А не лучше ли выйти замужъ, какъ всѣ?

— Для меня—нѣтъ!

— А отчего?

— Мнѣ не хочется замужъ.

— Ты, однако, престранно выражаешься. Это законъ природы.

— Ну, такъ онъ, вѣрно, еще не дошелъ до меня.

— И религія того же требуетъ.

— Моя религія этого не требуетъ.

— Христосъ былъ, однако, за бракъ.

— Не читала объ этомъ.

— А для чего же Онъ благословлялъ жениха и невѣсту?

— Не знаю, когда это было.

Читай въ Евангеліи.

— Тамъ этого нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!

— Просто нѣтъ, да и конецъ!

— Господи! да что же это... вы все, значитъ, ужъ вымарали!

Дѣвушка тихо засмѣялась.

— Нечего хихикать: я знаю, что объ этомъ было, а если не въ Евангеліи, то въ премудрости Павлочтеніи. Во всякомъ случаѣ Онъ былъ въ Канѣ Галилейской.

— Ну, и что же изъ этого?

— Значитъ, Онъ одобрялъ бракъ.

— А Онъ тоже былъ и у мытаря?

— Да.

— И говорилъ съ блудницей? Неужто это значитъ, что Онъ одобрялъ и то, что̀ они дѣлали?

— Ты ужасная спорщица.

— Я только отвѣчаю вамъ.

— А теща Петрова! Вѣдь Христосъ ее, однако, вылѣчилъ!

— А вы развѣ думаете, что если бъ она не была чьею-нибудь тещей, такъ Онъ бы ее не вылѣчилъ?

— У тебя самый непренпріятный умъ.

— Да. Это многіе говорятъ, ma tante, и это все больше убѣждаетъ меня, что мнѣ нельзя выходить замужъ.

— Вѣдь вотъ ты рѣшительно и совершенно какъ змѣя вьешься такъ, что тебя нельзя притиснуть.

— Ma tante, да зачѣмъ же непремѣнно надо меня притиснуть?

— Мнѣ очень хочется!..

— Мой другъ, да что же дѣлать? Нельзя все устроить такъ, какъ вамъ хочется.

— Нѣтъ, я вѣдь не про то: я хотѣла бы знать, какой у васъ законоучитель, и какъ онъ не видитъ, что вы всѣ безбожницы?

— Мы получаемъ у него всѣ по пяти балловъ.

— Извольте! За что же онъ вамъ ставитъ по пяти балловъ?

— Онъ не можетъ иначе: мы всѣ отлично учимся.

— Вотъ вѣдь назрѣли какіе характеры!

— Полноте, ma tante, что̀ это еще за характеры! Характеры идутъ, характеры зрѣютъ, — они впереди и мы имъ въ подметки не годимся. И они придутъ, придутъ! «Придетъ весенній шумъ, веселый шумъ!» Здоровый умъ придетъ, ma tante! Придетъ! Мы живы этою вѣрой! Живите ею и вы и... вамъ будетъ хорошо, всегда хорошо, что̀ бы съ вами ни дѣлали!

— Спасибо, милая!

— Не сердитесь, ma tante, — и Лидія Павловна вдругъ

оборотилась къ теткиной гостьѣ и сказала ей: — А вы хотѣли знать, былъ ли у Ѳедоры романъ? Я вамъ объ этомъ могу разсказать. У нея былъ женихъ часовщикъ; но Ѳедорушка ему отказала, потому что у нея была сестра, которая «мирилась съ жизнью». У нея были «панье», брошь и серьги, и двое дѣтей. Она серьги и брошь берегла, а дѣтей хотѣла стащить въ воспитательный домъ; но Ѳедора надъ ними сжалилась и платила за нихъ почти все, что получала.

— А собственнаго увлеченія у нея не было?

— Вотъ это-то и было ея собственное увлеченіе!

— Да, но ей будетъ трудно платить: съ такимъ характеромъ и такими правилами, какъ у нея, она нигдѣ себѣ мѣста не нагрѣетъ.

— Другіе помогутъ.

— Видите!.. Настоящія сектантки, у нихъ все *міромъ*,— отозвалась хозяйка. — Гоните ихъ—онѣ не боятся и даже радуются.

— Вѣдь такъ и слѣдуетъ,—поддержала дѣвушка.

— Фантазіи!

— Однако, такъ сказано: надо радоваться, когда терпимъ гоненіе за правду, и, въ самомъ дѣлѣ, это очень помогаетъ распространенію идей. Насъ гонятъ, а мы идемъ дальше и все говоримъ про хорошее все новымъ и новымъ людямъ...

— Ну, ты, послушай, однако, сама: какая же, наконецъ, у самой тебя вѣра?

— А это такой деликатный вопросъ, ma tante, котораго я никому не позволю касаться.

— Вонъ какъ ужъ у насъ стали отвѣчать о вѣрѣ! Это, кажется, совсѣмъ не по-нашенски.

— Да, это не по-вашенски, — разсмѣявшись, отвѣтила Лидія. — По-вашенски, «подобаетъ вопросити входящаго: рцы, чадо, како вѣруеши?»

Хозяйка постучала по столу вѣеромъ и погрозила племянницѣ:

— Лида! Въ этотъ разъ... что ты сказала здѣсь, это еще ничего, пусть это такъ и пройдетъ, но впредь помни, что у тебя есть мать и ты не должна быть помѣхой своимъ братьямъ въ карьерѣ!

— Этого, ma tante, не забудешь!

— Ну, такъ и нечего либеральничать.

— А «како вѣруешн»—это развѣ либеральность?

— Это не по сезону.

— Ну, ma tante, извините: жизнь, въ самомъ дѣлѣ, дается всего одинъ разъ, и очень неразсчетливо ее приноравливать къ какому бы то ни было сезону... Это скоро мѣняется.

Сказавъ это, дѣвушка встала изъ-за трельяжа и вышла на середину комнаты. Теперь можно было видѣть, что она очень красива. У нея стройная, удивительной силы и ловкости фигура, въ самомъ дѣлѣ напоминающая статуэтку Діаны изъ Танагры, и милое цѣломудренное выраженіе лица съ умными и смѣлыми глазами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тетка на нее посмотрѣла и на лицѣ ея выразилось артистическое удовольствіе; она просіяла и тихо замѣтила:

— Желала бы я знать, гдѣ глаза у людей, которые смѣютъ что-нибудь говорить противъ породы? Лида, неужели ты безъ корсета?

— Я хожу такъ постоянно!

— И стройна, какъ богиня. Но Валеріанъ говорилъ мнѣ, что у васъ очень много урòдихъ, и *всѣ* теперь сняли кольца и рѣшили не носить ни серегъ и никакихъ другихъ украшеній.

— Ему какая забота?

— Отчего же, его интересуетъ все. Но развѣ это въ самомъ дѣлѣ правда?

— Правда.

— И вотъ вы увидите, что, навѣрное, многія не выдержатъ.

— Очень можетъ быть.

— Которой серьги къ лицу, та и не выдержитъ — надѣнетъ.

— Что же, если и не выдержитъ, то, по крайней мѣрѣ, поучится выдерживать, и это что-нибудь стòитъ. Прощайте, ma tante.

— И у кого пребезобразная фигура, той лучше корсетъ.

— Ма tante, ну, чтò намъ за дѣло до такихъ пустяковъ! До свиданія.

— До свиданія. Красота ты, моя красота! Я только все не могу быть покойна, что ты кончишь тѣмъ, что уйдешь жить съ какимъ-нибудь непротивленышемъ.

Лидія холодно, но ласково улыбнулась и молвила:

— Ma tante. какъ можно знать, что съ кѣмъ будетъ? Ну, зато я не сбѣгу съ оперным пѣвцомъ.

— Нѣтъ! Бога ради, нѣтъ! Лучше кто хочешь, но только чтобъ не непротивленышъ. Эти «малютки» и ихъ курдючки... это всего противнѣе.

— Ахъ, ma tante, я ужъ и не знаю, что не противно!

— Ну, пусть лучше будетъ все противно, но только не такъ, какъ эти, которые учатъ, чтобъ не вѣнчаться и не крестить. Обвѣнчайся и потомъ пусть Богъ тебя хранитъ какъ Ему угодно.

И тетка встала и начала ее крестить, а потомъ проводила ее въ переднюю и тутъ ей шепнула:

— Не осуждай меня, что я была съ тобой рѣзка. Я такъ должна при этой женщинѣ, да и тебѣ впередъ совѣтую при ней быть осторожной.

— О, пустяки, ma tante! Я никого не боюсь.

— Не боишься?.. Не говори о томъ, чего не знаешь.

— Ахъ, ma tante, я не хочу и знать: мнѣ *нечего бояться*.

Сказавъ это, дѣвушка заметалась, отыскивая рукою ручку двери, и вышла на лѣстницу смущенная, съ пылающимъ лицомъ, на котеромъ разомъ отражались стыдъ, гнѣвъ и сожалѣніе.

Проходя мимо швейцара, она опустила вуалетку, но зоркій, наблюдательный взоръ швейцара все-таки видѣлъ, что она плакала.

— Эту тутъ завсегда пробираютъ! — сказалъ онъ стоявшему у воротъ дворнику.

— Да, ей видать, что попало! — отвѣтилъ не менѣе наблюдательный дворникъ.

А хозяйка, между тѣмъ, возвратилась въ свой «салонъ» и спросила:

— Какъ вамъ нравится этотъ экземпляръ?

Гостья только опустила глаза кроткой лани и отвѣтила:

— Все уловить нельзя, но вездѣ и во всемъ сквозитъ живая красная нитка.

— О, да, сегодня она еще очень тиха, а въ прошлый разъ дѣло чуть не дошло до скандала. Кто-то вспомнилъ наше доброе время и сказалъ, какіе тогда бывали сваты, которымъ никто не смѣлъ отказать. Такъ она прямо отвѣтила: «Какъ хорошо, что теперь хоть это не дѣлается!»

— Онѣ, изъ гимназій, такъ реальны, что совсѣмъ не понимаютъ институтской теплоты.

— Нисколько! Я ее тогда прямо спросила, неужто ты бы не была тронута, если бы тебѣ подвели жениха?—такъ она даже вспыхнула и оторвала: «Я не крѣпостная дѣвка!»

— Я говорю вамъ, вездѣ красная нить. И какая заносчивость, съ какою она самоувѣренностью говоритъ о личномъ увлеченіи несчастной сестры этой Ѳедоры!

— Она очень сострадательна къ дѣтямъ.

— Но что же дѣлать, когда дѣти не наполняютъ женщинѣ всей ея жизни?

— Ахъ, съ дѣтьми очень много хлопотъ!

— Да, и даже простые, самые грубые люди при дѣтяхъ еще ищутъ забыться въ любви. У меня въ прачкахъ семь лѣтъ живетъ прекрасная женщина и всегда съ собой борется, а въ результатѣ все-таки всякій годъ посылаетъ новаго жильца въ воспитательный домъ. А анонимный авторъ все продолжаетъ, безъ подписи, и ничего знать не хочетъ: придетъ, отколотитъ ее, и что есть, все оберетъ. И таковы они всѣ. Альфонсизмъ въ нашихъ нравахъ. А когда я ей сказала: «Брось ихъ всѣхъ вонъ или обратись къ религіи: это поможетъ»,—она меня послушала и поѣхала въ Кронштадтъ, но оттуда на обратномъ пути купила выборгскихъ кренделей и заѣхала къ мерзавцу вмѣстѣ чай пить, и теперь опять съ коробкомъ ходитъ и очень счастлива. Что же тутъ сдѣлать? «Не могу, — говоритъ, — бѣсъ сильнѣе». Когда женщина сознаетъ свою слабость, то съ этимъ миришься.

— Да, миришься, потому что это наше простое, родное, русское.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Это она, наша бѣдная русская бабья плоть, а не то, что эти, какія-то куклы изъ англицкой клеенки. Чисты, но холодны.

— О, какъ холодны! Вѣдь она вотъ стоитъ за дѣтей, но она и ихъ, замѣтьте, не любитъ.

— Да что вы?

— Я васъ увѣряю, она вообще о дѣтяхъ заботится, но никогда ими не восхищается и даже ихъ не цѣлуетъ.

— Что не цѣлуетъ—это прекрасно.

— Положимъ, конечно, это, говорятъ, нездорово, но она это не любитъ!

— Неужели?.. Вѣдь это всѣмъ женщинамъ врожденно нѣжить дѣтей.

— Нѣжить, нѣтъ! Она допускаетъ только заботливость, а любить, по ея разсужденію, должно только того, кто самъ имѣетъ любовь къ людямъ. А дѣти къ тому не способны.

— Да развѣ извѣстно, что̀ изъ маленькаго выйдетъ?

— Такъ и она говоритъ: «Я не люблю *неизвѣстныхъ* величинъ, я люблю то, что̀ мнѣ извѣстно и понятно».

— Какое резонерство!

— Я и говорю: это отдастъ не сердцемъ, а математикой. Она даже не вѣритъ, что другіе любятъ дѣтей... «Иначе,— говоритъ,— не было бы такихъ негодяевъ, черезъ которыхъ русское имя въ посмѣяньи у умныхъ людей». Нашу славу и могущество они вѣдь не высоко ставятъ. И вообразите, они утверждаютъ это на Майковѣ:

«Величіе народа въ томъ,
Что̀ носитъ въ сердцѣ онъ своемъ».

Хозяйка и гостья обѣ переглянулись и сразу же обѣ задумались, и лица ихъ приняли не-женское, офиціальное выраженіе. У гостьи и это прошло прежде, и она замѣтила:

— Въ то время, какъ мы, русскія женщины, подписываемъ адресъ madame Adan, не худо бы, чтобы мы протестовали противъ учрежденій, гдѣ не внушаютъ уваженія къ русскимъ началамъ.

Хозяйка стала нервно сучить въ рукахъ бумажку и, сдвинувъ брови, прошептала въ раздумьи:

— Кто же это, однако, начнетъ?

— Не все ли равно кто?

— Но, однако... Бывало, братъ мой Лука... Онъ независимъ, и никогда не былъ либералъ, и ему нечего за себя бояться... Онъ, бывало, заговоритъ о чемъ угодно, но теперь онъ ни за что-съ! Онъ самымъ серьезнымъ образомъ отвернулся отъ насъ и благоволитъ къ Лидіи, и это ужасно, потому что у него все состояніе благопріобрѣтенное и онъ можетъ отдать его кому хочетъ.

— Неужто все это можетъ достаться Лидіи Павловнѣ?

— Всего легче! Братъ Лука къ моимъ сыновьямъ не благоволитъ, а брата Захарика считаетъ мотомъ и «провалъ-

ною ямой». Онъ содержитъ его семейство, но ему онъ ничего не оставитъ.

Гостья встала и отошла къ открытому піанино и черезъ минуту спросила:

— А гдѣ теперь супруга и дочери Захара Семеныча?

— Его жена.. не знаю въ точности... она въ Италіи или во Франціи.

— Ее держало что-то въ Вѣнѣ.

— Ахъ, это ужъ давно прошло! Такихъ державъ у нея не перечесть до вечера. Но съ ней теперь вѣдь только три дочери: вѣдь Нина, младшая, ужъ годъ, какъ вышла замужъ за графа Z. Богатъ ужасно.

— И ужасно старъ?

— Конечно, ему за семьдесятъ лѣтъ, а говорятъ, и больше, а ей лѣтъ двадцать. Много вѣдь ихъ, четыре дѣвки. А графъ, старикъ, женился на зло своимъ роднымъ. Надѣется еще имѣть дѣтей. Мы ѣздили просить ему благословеніе.

— Пусть Богъ поможетъ!

— Да. На свадьбѣ братъ Захаръ сказалъ ему: «Пью за ваше здоровье бокалъ, а когда моя дочь подаритъ вамъ рога, я тогда за ея здоровье цѣлую бутылку выпью».

Въ отвѣтъ на это гостья оборотилась отъ піанино лицомъ къ хозяйкѣ, и лицо ея уже не дышало милою кротостью лани, а имѣло выраженіе брыкливой козы, и она, повидимому, некстати, но, въ сущности, очень сообразительно сказала:

— Очевидно, что дѣло начать надо вамъ.

— Но Лидія мнѣ родная.

— Потому-то это и нужно: это покажетъ ваше безпристрастіе и готовность все принести въ жертву общественной пользѣ, а она будетъ устранена отъ наслѣдства.

Хозяйка смотрѣла на гостью околдованнымъ взглядомъ. Дѣло соображено было вѣрно, но въ душѣ у старухи что-то болталось туда и сюда, и она опять покрутила бумажку и шепнула:

— Не знаю... Дайте подумать. Я спрошу батюшку.

— Конечно, его и спросите.

— Хорошо, я спрошу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ это время распахнулась дверь и вошелъ сѣдой, бодрый и кругленькій генералъ съ ученымъ значкомъ и съ веселыми, сѣрыми, проницательными глазами на большомъ гладкомъ лицѣ, способномъ принимать разнообразныя выраженія.

Это и былъ братъ Захаръ.

Хозяйка протянула ему руку и сказала:

— Ты очень легокъ на поминѣ: мы сейчасъ о тебѣ говорили.

— За что же именно?—спросилъ генералъ, садясь и довольно сухо здороваясь съ гостьей.

— Какъ *за что?* Просто о тебѣ говорили.

— У насъ просто о людяхъ никогда не говорятъ, а всегда ихъ за что-нибудь ругаютъ.

— Но бываютъ и исключенія.

— Два только: это père Jean и père Onthon.

— Ты настаиваешь на томъ, что это надо произносить не Antoine, а *Onthon?*

— Такъ произносятъ тѣ, которые на этотъ счетъ больше меня знаютъ и теплѣе моего вѣруютъ. Я самъ вѣдь въ вѣрѣ слабъ.

— Это стыдно.

— Что-жъ дѣлать, когда ничего не вѣрится!

— Это огорчало нашу мать.

— Помню и повиновался, а притворяться не могъ. Она, бывало, скажетъ: «ангелъ-хранитель съ тобою»,—и я всюду ходилъ съ ангеломъ-хранителемъ, вотъ и все!

— Олимпія пріѣхала.

— Мнѣ всегда казалось, что ее зовутъ Олимпіада. Впрочемъ, я ею особенно не интересуюсь.

— У нея много новостей и нѣкоторыя касаются тебя. Твоя дочь, графиня Нина, беременна.

— Да, да! Разбойница, навѣрное, осуществляетъ «Волшебное дерево» изъ Бокаччіо. Я, однако, выпью сегодня бутылку шампанскаго и пошлю поздравительную телеграмму графу. Кстати, я встрѣтилъ на-дняхъ одного товарища своего зятя и узналъ, что онъ старше меня всего только на четырнадцать лѣтъ.

— Какія же подробности объ ихъ житьѣ?

— Я ничего не знаю.

— Ты развѣ не былъ еще у Олимпіи?

— Я? Нѣтъ, мой ангелъ-хранитель меня туда не завелъ. Я видѣлъ, что какая-то дама мчалась въ коляскѣ и передъ нею у кучера надъ турнюромъ сзади часы. Я подумалъ: что̀ это еще за пошлая баба тутъ появилась? И вдругъ догадался, что это она. А она сразу же устроила мнѣ непріятность: я хотѣлъ отъ нея спастись и прямо попалъ навстрѣчу еврею, которому долженъ чортову пропасть.

— Бѣдный Захарикъ!

— Но, слава Богу, что мой хранитель бдѣлъ надо мной и что это случилось противъ собора: я сейчасъ же бросился въ церковь и сталъ къ амвону, а жидъ оробѣлъ и не пошелъ дальше дверей. Но только какія теперь въ церквахъ удивительно неудобныя правила! Представь, они открываютъ всего только одну дверь, а другія закрыты. Для чего закрывать? Въ Парижѣ всѣ храмы весь день открыты.

— У насъ, другъ мой, часто крадутъ... Было нѣсколько кражъ.

— Какіе проказники! А я черезъ это, вообразите, нѣсколько молебновъ подъ рядъ отстоялъ, но жида, все-таки, надулъ. Онъ ждалъ меня у общей двери, а я съ знакомымъ батюшкой утёкъ черезъ святой алтарь и, кстати, встрѣтилъ Лиду. Она была разстроена, и я, чтобъ ее развеселить, все разсказалъ ей, какъ попался Олимпіи, а потомъ жидамъ и, наконецъ, насилу спасся черезъ храмъ убѣжища. Она развеселилась и зашла со мною выпить чашку шоколаду.

— Это ты старался ее утѣшить? Что за милый дядя!

— Да, но тутъ еще и другой былъ умыселъ. Тамъ была одна... балерина, которой никогда не удается изобразить богиню... Я ей показалъ Лиду и сказалъ: «Смотри, дура, вотъ богиня!» Но кто и гдѣ обидѣлъ Лиду?

— Вотъ не берусь тебѣ отвѣтить. Вѣрно, «нашла коса на камень»; но она, впрочемъ, сама здѣсь говорила, что ее будто даже и «*нельзя* обидѣть».

— Ахъ, это ничего болѣе какъ всѣмъ противныя толстовскія бетизы! Увѣряю васъ, что всѣми этими глупостями это все ихъ Левъ Толстой путаетъ! «Da ist der Hund begraben!» Рѣшительно не понимаю, чего этотъ старикъ хо-

четъ? Кричатъ ему со всѣхъ концовъ свѣта, что онъ первый мудрецъ, вотъ онъ и помѣшался. А я рѣшительно не нахожу, что̀ такое въ самомъ въ немъ находятъ мудрецовскаго.

— И я тоже.

— Да и никто не находитъ, а это все за границей. Мы съ нимъ когда-то разъ даже жили на одной улицѣ, и я ничего премудраго въ немъ не замѣчалъ. И помню, онъ былъ разъ и въ театрѣ, а потомъ у общихъ знакомыхъ, и когда всѣмъ подали чай, онъ сказалъ человѣку: «подай мнѣ, братецъ, рюмку водки».

— И выпилъ?

— Да, выпилъ и закусилъ, не помню, баранкой или корочкой хлѣба. И все это было самое обыкновенное, а потомъ вдругъ зачудилъ и въ мудрецы попалъ!.. Удача! Но я хотя и не раздѣляю его христіанства, которое несетъ смерть культурѣ, но самого его я уважаю.

— За что же?

— Конечно, не за его премудрости! Это пустяки! Но я этихъ его непротивленышей люблю, съ ними такъ хорошо поговорить за кофе.

— Я этого не нахожу.

— Ну, нѣтъ!.. На многое они оригинально смотрятъ. Я не признаю, чтобы это что-нибудь изъ ихъ фантазій было можно осуществить. Теперь не тотъ вѣкъ, но отчего не поболтать? Вѣдь, Бисмаркъ же любилъ поговорить съ соціалистами. «Малютки» же эти идутъ наперекоръ соціалистамъ.

— Какъ это наперекоръ?

— А такъ: непротивленыши вѣдь отказываются отъ наслѣдствъ всегда въ пользу родныхъ... Это то самое, чего Петръ Первый хотѣлъ достичь черезъ майораты... Это надо поощрять, чтобы не дробились состоянія. А самъ Толстой только чертовски самолюбивъ, но зато съ большимъ характеромъ. Это у насъ рѣдкость. Его нельзя согнуть въ бараній рогъ и заставить за какую-нибудь бляшку блеять по-бараньи: бя-я-я!

Генералъ потравилъ себя пальцами за горло и издалъ звуки, очень разсмѣшившіе хозяйку и гостью.

— Но зачѣмъ же у него эта несносная проницатель-

ность, и для чего онъ такъ толкуетъ, что будто ничего не нужно?

— А это скверность, но я успокоиваю себя твоею русскою пословицей: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютки».

— И я это говорю всегда: онъ тамъ я не знаю гдѣ, а эти Figaro çi—Figaro là разбрелись, какъ цыплята.

— Вотъ именно цыплята... Отчего это у нихъ такъ топорщится, какъ будто хвосты перятся?

— А ужъ это надо ихъ осмотрѣть и удостовѣриться.

— Ну, какъ можно ихъ смущать!

— А они не церемонятся смущать вѣру.

— Мою вѣру смутить нельзя: въ разсужденіи вѣры я байронистъ; я ѣмъ устрицъ и пью вино, а кто ихъ создалъ: Юпитеръ, Панъ или Нептунъ — это мнѣ все равно! И я объ этомъ и не богохульствую, но его несносная на нашъ счетъ проницательность—это скверно. И потомъ для чего онъ увѣряетъ, будто «не мечите бисера передъ свиньями» сказано не для того, чтобы предостеречь людей, чтобъ они не со всякою скотиной обо всемъ болтали — это глупость. Есть люди—ангелы, а есть и свиньи.

— Но только эти милыя животныя, надѣюсь, находятся въ своихъ мѣстечкахъ, гдѣ имъ надо быть.

— Да; имъ бы всѣмъ надо быть въ своихъ закутахъ, но случается и иначе: бываетъ, что свиньи садятся въ гостиныхъ.

— О, Господи! какіе ужасы!

— О, да! Есть много ужасовъ.

— Но, а есть ли зато гдѣ-нибудь ангелы?

— А есть... Вотъ, напримѣръ, хоть такіе, какъ наша Лида!

— Не нахожу: дѣвчонки, которыя не знаютъ, что̀ онѣ такое.

— Вы, господа, пребезбожно ихъ мучите и, можно сказать, истязаете!

— Какимъ это образомъ?

— Вы къ нимъ пристаете, ихъ злите, а когда бѣдныя дѣвочки въ нетерпѣніи что-нибудь вамъ брякнутъ, вы это разглашаете и имъ вредите. По правдѣ сказать, это подлость!

— Ни о чемъ такомъ не слыхала.

— А я, представь, слышалъ. Говорятъ, будто, когда Лида пришла къ тебѣ на балъ въ закрытомъ лифѣ, ты ей сдѣлала колкость.

— Нимало!

— Ты надъ ней обидно пошутила: ты сказала, что она, вѣроятно, когда будетъ дамой, то и своему будущему Адаму покажетъ себя «кармелиткой», въ двойномъ капюшонѣ, а она тебѣ будто отвѣчала, что къ *своему* Адаму она, можетъ-быть, придетъ даже «Евой», а постороннимъ на балу не хочетъ свои плечи показывать.

— И представь, это правда, она такъ и сказала!

— Сказала, потому что не надо было къ ней приставать. Байронъ прекрасно замѣтилъ, что «и кляча брыкается, если сбруя рѣжетъ ей тѣло», а вѣдь Лида не кляча, а молодая, смѣлая и прекрасная дѣвушка. Для этакой Евы, чортъ бы меня взялъ, очень стóитъ отдать всѣ свои преимущества и идти снова въ студенты.

— Ты за ней просто волочишься?

— Я не очень, а ты-бъ послушала, какого мнѣнія о ней нашъ старшій братъ Лука! Онъ говоритъ, что «провелъ съ нею самое счастливѣйшее лѣто въ своей жизни». А вѣдь ему скоро пойдетъ восьмой десятокъ. И въ самомъ дѣлѣ, какихъ она тамъ у него въ прошломъ году чудесъ надѣлала! Мужикъ у него есть Симка, медвѣдей все обходилъ. Человѣкъ сорока восьми лѣтъ и ишіасомъ заболѣлъ. Распотѣлъ и посидѣлъ на промерзломъ камнѣ,—вотъ и ишіасъ... болѣзнь сѣдалищнаго нерва... Понимаете, приходится въ какомъ мѣстѣ?

— Ты безъ подробностей.

— Такъ вотъ его три года врачи лѣчили, а братъ платилъ; и по разнымъ мѣстамъ цѣлители его исцѣляли, и тоже не исцѣлили, а только деньги на молитвы брали. И вся огромнѣйшая семья богатыря въ раззоръ пришла. А Лидія пріѣхала къ дядѣ гостить и говоритъ: «Этому можно попробовать помочь, только надо это съ терпѣніемъ».

— Ну, этого ей, дѣйствительно, не занимать стать!—замѣтила съ сдержанною ироніей хозяйка.

— Да, она и начала класть этого мужичищу мордой внизъ, да по два раза въ день его подъ поясницей разминала!.. Понимаете вы? Этакими-то ея удивительными античными руками, да по энтакому-то мужичьему мѣсту! Я по-

смотрѣлъ и говорю: «Какъ же теперь послѣ этого твою руку цѣловать?» Она говоритъ: «Руки даны не для того, чтобъ ихъ цѣловать, а для того, чтобъ онѣ служили людямъ на пользу». А братъ Лука... онъ вѣдь сталъ старикъ нѣжный и нервный: онъ какъ увидалъ это, такъ и зарыдалъ... Попъ приходилъ къ нему дровъ просить, такъ онъ схватилъ его и потащилъ, и показываетъ попу: «Смотри! — говоритъ,—видишь ли?» Тотъ отвѣчаетъ: «Вижу, ваше высокопревосходительство!»

«— А разумѣешь ли?

«— Разумѣю, — говоритъ: — ваше высокопревосходительство! Маловѣры только и ко храму лѣностны, но по дѣламъ очень изрядны.

«— То-то вотъ и есть «очень изрядны»! А ты, вотъ, и молись за нихъ въ храмѣ-то. Это твое дѣло. А я тебѣ велю за это дровъ дать.

«— Слушаю, — говоритъ: — ваше высокопревосходительство! Буду стараться!»

— И ничего, небось, не старался?

— Ну, разумѣется: дуракъ онъ, что ли, что будетъ стараться, когда дрова уже выданы? А только Симка-то теперь ходитъ и опять дѣтей своихъ кормитъ, а Лиду какъ увидитъ, сейчасъ плачетъ и пищитъ: «Не помирай, барышня! Лучше пусть я за тебя поколѣю... Ты намъ матка!» Нѣтъ, что̀ вы ни говорите, эти дѣвушки прелесть!

— Только съ ними человѣческій родъ прекратится.

— Отчего это?

— Не идутъ замужъ.

— Какой вздоръ! Посватается такой, какого имъ надо, и пойдутъ. А, впрочемъ, это бы еще и лучше, потому что, по правдѣ сказать, нашъ братъ мужчинишки-то стали такая по̀гань, что и не сто̀итъ за нихъ и выходить путной дѣвушкѣ.

— Пусть и сидятъ въ дѣвкахъ.

— И что за бѣда?

— Старыя дѣвки всѣ злы дѣлаются.

— Это только тѣ, которымъ очень хотѣлось замужъ и ихъ темпераментъ безпокоитъ.

— Дѣло совсѣмъ не въ темпераментѣ, а на старую дѣвушку смотрятъ, какъ на бракованную.

— Такъ смотрятъ дураки, а умные люди, наоборотъ,

даже съ уваженіемъ смотрятъ на пожилую дѣвушку, которая не захотѣла замужъ. Да вѣдь дѣвство, кажется, одобряетъ и церковь. Или я ошибаюсь? Можетъ-быть, это не такъ?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Хозяйка улыбнулась и отвѣчала:

— Нѣтъ, это такъ; но всего любопытнѣе, что за дѣвство вступаешься *ты*, мой грѣшный Захарикъ.

— А что, сестрица, дѣлать? Теперь и я уже не тотъ, и въ шестьдесятъ пять лѣтъ и ко мнѣ, вмѣсто жизнерадостной гризетки, порою забѣгаетъ мысль о смерти и заставляетъ задумываться. Ты не смѣйся надъ этимъ. Когда и самъ дьяволъ постарѣетъ, онъ сдѣлается пустынникомъ. Посмотри-ка на нашихъ старовѣровъ, не здѣсь, а въ захолустьяхъ! Всѣ вѣдь живутъ и согрѣшаютъ, а вонъ какая у нихъ есть отличная манера: какъ старичку стукнетъ шестьдесятъ лѣтъ, онъ отъ сожительницы изъ чулана прочь, и даже часто выселяется совсѣмъ изъ дому. Построитъ себѣ на огородѣ «хижину», подъ видомъ баньки, и поселяется тамъ съ нарочитымъ отрокомъ, своего рода «Гіезіемъ», и живетъ, читаетъ Богословца или *Ключъ разумѣнія*, а въ деньгахъ и въ дѣлахъ уже не участвуетъ, вообще не мотрошится на глазахъ у молодыхъ, которымъ надо еще въ жизни свой чередъ отвести. Я это, право, хвалю. Пускай тамъ и говорятъ, будто отшельнички-старички разъ въ недѣльку, въ субботу, по старой памяти, къ своимъ старушкамъ въ чуланъ заходятъ, но я вѣрю, что это они только приходятъ чистое бѣльецо взять... Милые старички и старушечки! Какъ имъ зато хорошо будетъ въ вѣчности!

— Бѣдный Захарикъ! Можетъ-быть, и ты такъ хотѣлъ бы?

— О, безъ сомнѣнія! Но только куда намъ, безвѣрнымъ! А кстати, что̀ это я замѣтилъ: у твоего Аркадія, кажется, опять новый отрокъ?

Хозяйка сдвинула брови и отвѣчала:

— Не понимаю, съ какой стати это тебя занимаетъ?

— Не занимаетъ, а я спросилъ къ слову о Гіезіи, а если объ этомъ нельзя говорить, то перейдемъ къ другому: какъ Валерій, благополучно ли доношиваетъ свой университетъ?

— А почему же онъ его «доннбаетъ»?

— Ну, да, кончаетъ, что ли! Будто не все равно? Не укусила ли его какая-нибудь якобинская бацилла?

— Мой сынъ воспитанъ на здоровой пищѣ и бациллъ не боится.

— Не возлагай на это излишнихъ надеждъ: домашнее воспитаніе все равно, что домашняя температура. Чѣмъ было въ комнатѣ теплѣе, тѣмъ опаснѣе, что дѣти простудятся, когда ихъ охватитъ.

— Типунъ тебѣ на языкъ. Но я за Валерія не боюсь: его Богъ бережетъ.

— Ахъ, да, да, да, вѣдь онъ «тепло-вѣрующій»!

— Такими вещами не шутятъ. Мы, русскіе, всѣ тепло вѣримъ.

— Да, мы теплые ребята! Но постойте, господа, я видѣлъ картину Ге!

— Опять яичница?

— Нѣтъ. Это просто *бойня!* Это ужасно видѣть-съ!

— Очень рада, что его прогоняютъ съ выставокъ. Мнѣ его самого показывали... Господи! Что̀ это за панталоны и что̀ за пальто!

— Пальто поглотило много лучей солнца, но это еще не серьезно.

— А ты находишь, что его мазня—это серьезно?

— Я говорю не о мазнѣ, а о фракѣ.

— Что за вздоръ!

— Это не вздоръ. Онъ долженъ былъ представиться и не могъ, потому что подарилъ свой фракъ знакомому лакею.

— Но почему это узнали?

— Онъ самъ такъ сказалъ.

— Какъ это глупо!

— И дерзко!—поддержала гостья.

А генералъ заключилъ:

— Это *замѣчательно!* Теперь просто говорятъ: «замѣчательно»!

— А почему замѣчательно?

— А потому замѣчательно, что эти,—какъ вы ихъ кличете,—«непротивленыши» или «малютки» все чему-то противятся, а мы, которые думаемъ, что мы *сопротивленцы* и взрослые,—мы, на самомъ дѣлѣ, ни на чорта не годны, кромѣ какъ съ тарелокъ подачки лизать.

— Ну,—пошутила хозяйка:—онъ опять договорится до того, что кого-нибудь зацѣпитъ!

И, проговоривъ это, она снисходительно вздохнула и вышла какъ бы по хозяйству.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ гостиной остались вдвоемъ генералъ и гостья, и тонъ бесѣды сразу же измѣнился.

Генералъ сдвинулъ брови и началъ отрывистую рѣчь къ гостьѣ:

— Я предпочелъ видѣться съ вами здѣсь, потому что вашъ больной мужъ вчера приходилъ ко мнѣ и былъ неотступенъ. Это съ вашей стороны, позвольте вамъ сказать, сверхъ всякой мѣры жестоко—разсылать больного старика по такимъ дѣламъ!

— По какимъ «такимъ дѣламъ»?

— Которымъ на языкѣ порядочныхъ людей нѣтъ имени.

— Я ничего не понимаю, но я писала вамъ письмо, а вы, какъ неаккуратный человѣкъ, на него не отвѣчали.

— Позвольте, но чтобы прислать вамъ удовлетворительный отвѣтъ на ваше письмо, надо было доставить вамъ тысячу рублей.

— Да.

— Вотъ то и есть! А я не шахъ персидскій, которому стòитъ зацѣпить горсть брильянтовъ и дѣло готово.

Дама позеленѣла и, сверкая злобой, спросила:

— Чтò это значитъ? Къ чему здѣсь при мнѣ второй разъ вспоминаютъ персидскаго шаха?

— А я почему могу знать, отчего его при васъ вспоминаютъ? Мнѣ только кажется, что есть люди, которымъ я уже давно сдѣлалъ все, чтò я могъ, и даже то, чего не могъ и чего ни за что не сталъ бы дѣлать, еслибъ это грозило непріятностями только одному мнѣ, а не другимъ людямъ.

Генералъ, видимо, сердился и говорилъ запальчиво.

— Минуло двадцать лѣтъ, какъ вашъ мужъ такъ удивительно узналъ, когда я былъ у васъ и... Я спасся и спасъ васъ, да не спасъ мою памятную книжку, и вотъ я берегу людей...

— О! вы все еще возитесь съ этою жалобною сказкой?

— Позвольте: я вожусь! Я не подлецъ и потому я во-

жусь и дѣлаю для васъ подлости, чтобы только перетерпѣть все на себѣ самомъ. Прошу за васъ особъ, съ которыми я не хотѣлъ бы знаться, но вамъ все *мало*. Скажите же, когда вамъ будетъ, наконецъ, довольно?

— Другіе получаютъ больше!

— Ахъ, вотъ зачѣмъ другіе больше? Ну, ужъ это вы меня простите! Я этихъ дѣлъ не знаю, за что̀ кого и по скольку у васъ одѣляютъ. Можетъ-быть, другіе искуснѣе васъ... или они усерднѣе и оказываютъ больше услугъ.

— Пустое! Никто ничѣмъ не можетъ услужить! Уху нельзя сварить безъ рыбы..

— Ну, я не знаю!.. «Безъ рыбы»! Господи! Неужто ужъ совсѣмъ не стало рыбы?

— Вообразите, да! Безрыбье!

— Ну, я теперь не знаю, что̀ заведете дѣлать!.. Я вамъ сказалъ, что этихъ вашихъ дѣлъ рѣшительно не знаю! Всѣмъ грѣшенъ, всѣмъ, но этою мерзостью не занимался!

Генералъ высоко поднялъ руку и истово перекрестился.

— Вотъ!—сказалъ онъ, нервно доставая изъ кармана конвертъ и подавая его дамѣ.—Вотъ-съ! Возьмите, пожалуйста, скорѣй! Здѣсь ровно тысяча рублей. Я бѣдный, прогорѣлый человѣкъ, но ничего изъ чужихъ денегъ не краду. Тысяча рублей. Это для васъ пособіе, которое я выпрашиваю второй разъ въ году. Только, пожалуйста, пожалуйста, не благодарите меня! Я дѣлаю это съ величайшимъ отвращеніемъ и прошу васъ...

Дама хотѣла что-то сказать, но онъ ее перебилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Прошу васъ, не присылайте больше ко мнѣ своего несчастнаго мужа! Увѣряю васъ, что у меня есть нервы и кое-какой остатокъ совѣсти. Мы его съ вами когда-то подло обманывали, но это было давно, и тогда я это могъ, потому что тогда онъ и самъ въ свой чередъ обманывалъ другихъ. Но теперь?.. Этотъ его рамолитическій видъ, эти его трясущіяся колѣни... О, Господи, избавьте! Бога ради избавьте! Иначе я самъ когда-нибудь брошусь передъ нимъ на колѣни и во всемъ ему признаюсь.

Дама разсмѣялась и сказала:

— Я увѣрена, что вы такой глупости никогда не сдѣлаете.

— Нѣтъ, сдѣлаю!

— Ну, такъ я ея не боюсь.

По лицу генерала скользнула улыбка, которую онъ, однако, удержалъ, и молвилъ:

— Ага! значитъ, это для него не было бы новостью! О, Господи! Разрази насъ, пожалуйста, чтобы былъ край нашему проклятому безпутству!

— А вы, въ самомъ дѣлѣ, болтунъ!

Улыбка опять проступила на лицѣ генерала, и онъ, вставъ, отвѣтилъ:

— Да, да, я большой болтунъ, это «замѣчательно»!

Онъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ къ гостьѣ надѣлъ въ комнатѣ фуражку и вышелъ, едва удостоивъ собесѣдницу чуть замѣтнаго кивка головою.

Въ передней къ его услугамъ выступила горничная съ китайскимъ разрѣзомъ глазъ и съ фигурою фарфоровой куклы; она ему тихо кивнула и подала пальто.

— Мерси, сердечный другъ! — сказалъ ей генералъ.— Доложите моей сестрѣ, что я не могъ ее ожидать, потому что... я сегодня принялъ лѣкарство. А это,—добавилъ онъ шопотомъ:—это вы возьмите себѣ на память.

И онъ опустилъ свернутый трубочкою десятирублевый билетъ дѣвушкѣ за лифъ ея платья, а когда она изогнулась, чтобы удержать бумажку, онъ поцѣловалъ ее въ шею и тихо молвилъ:

— Я старъ и не позволяю себѣ цѣловать женщинъ въ губки.

Съ этимъ онъ пожалъ ей руку, и она ему тоже.

Внизу у подъѣзда онъ надѣлъ калоши и, покопавшись въ карманѣ, досталъ оттуда два двугривенныхъ и подалъ швейцару.

— Возьми, братецъ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство!— благодарилъ швейцаръ, держа по-военному руку у козырька своего кокошника.

— Настоящіе, братецъ... Не на Пескахъ дѣланы... Смѣло можешь отнести ихъ въ лавочку и потребовать себѣ за нихъ фунтъ травленаго кофе. Но будь остороженъ: онъ портитъ желудочный сокъ!

— Слушаю, ваше превосходительство!—отвѣчалъ швейцаръ, застегивая генерала полостью извозчичьихъ саней. Но генералъ, пока такъ весело шутилъ, въ то же время, дѣлалъ руками вокругъ себя «повальный обыскъ» и убѣ-

дился, что у него нигдѣ нѣтъ ни гроша. Тогда онъ быстро остановилъ извозчика, выпрыгнулъ изъ саней и пошелъ пѣшкомъ.

— Пройдусь, — сказалъ онъ швейцару: — теперь прекрасно!

— Замѣчательно, ваше превосходительство!

— Именно, братецъ, «замѣчательно»! Считай за мной рубль въ долгу за остроуміе.

Онъ закрылся подъѣденнымъ молью бобромъ и завернулъ на своихъ усталыхъ и отслужившихъ ногахъ за уголъ улицы.

Когда онъ скрылся, швейцаръ махнулъ вслѣдъ ему головою и сказалъ дворнику:

— Третій мѣсяцъ занялъ два рубля на извозчика и все забываетъ.

— Протерть горькая! — отвѣчалъ, почесывая спину, дворникъ.

— Ничего... Когда есть, онъ во всѣ карманы разсуетъ.

— Тогда и взыщи.

— Безпримѣнно!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Гостья, какъ только осталась одна, сейчасъ же открыла свой бархатный мѣшокъ и, вытащивъ оттуда спѣшно сунутыя деньги, стала считать ихъ. Тысяча рублей была сполна. Дама сложила билеты поаккуратнѣе, и уже хотѣла снова закрыть мѣшокъ, какъ ее кто-то схватилъ за руку.

Она не замѣтила, какъ въ комнату неслышными шагами вошелъ хорошо упитанный, розовый молодой человѣкъ съ играющимъ кадыкомъ подъ шеей и съ откровенною улыбкой на устахъ. Онъ прямо ловкою хваткой положилъ руку на бронзовый замокъ бархатной сумки и сказалъ:

— Это арестовано!

Гостья сначала вздрогнула, но мгновенный испугъ сейчасъ же пропалъ и уступилъ мѣсто другому чувству. Она освѣтилась радостью и тихо произнесла:

— Valerian! Гдѣ былъ ты? Боже!

— Я? Какъ всегда: вездѣ и нигдѣ. Впрочемъ, теперь я прямо съ неба, для того, чтобы убрать къ себѣ вотъ этотъ мѣшочекъ земной грязи.

Дама хотѣла ему что-то сказать, но онъ показалъ ей пальцемъ на закрытую дверь смежной комнаты, взялъ у

нея изъ рукъ мѣшокъ и, вынувъ оттуда всѣ деньги, положилъ ихъ себѣ въ карманъ.

Гостья всего этого точно не замѣчала. Глядя на нее, приходилось бы думать, что такое обхожденіе ей давно въ привычку и что это ей даже пріятно. Она не выпускала изъ своихъ рукъ свободной руки Валеріана и, глядя ему въ лицо, тихо стонала:

— О, если бы ты зналъ!.. Если бы ты зналъ, какъ я истерзалась! Я не видала тебя трое сутокъ!.. Онѣ мнѣ показались за вѣчность!

— А-а! что дѣлать? Я этихъ деньковъ тоже не скоро забуду! Куда только я ни метался, чтобы достать эту глупую тысячу рублей! Нѣтъ, теперь я убѣжденъ, что самое вѣрное средство брать со всѣхъ деньги, это посвятить себя благодѣтельствованію бѣдныхъ! Еще милость Господня, что есть на землѣ дураки въ родѣ oncle Zacharie.

— Оставь о немъ!

— Э, нѣтъ! Я благодаренъ: онъ уже во второй разъ даетъ намъ передышку.

— Но не доведи себя до этого, мой милый, въ третій.

— Если я такъ же глупо проиграюсь еще разъ, то я удавлюсь.

— Какой вздоръ ты говоришь!

— Отчего же? Это, говорятъ, очень пріятная смерть. Что-то въ родѣ чего-то... Смотрите, вотъ у меня про всякій случай при себѣ въ карманѣ и сахарная бечевка. Я пробовалъ: она выдержитъ.

— О, Боже! Что ты говоришь!—и, понизивъ голосъ, она прошептала:—Avancez une chaise!..

Молодой человѣкъ сдѣлалъ комическую гримасу и опять молча показалъ на завѣшенную дверь.

Дама сморщила брови и спросила шопотомъ:

— Что?

Молодой человѣкъ приложилъ ко рту ладони и отвѣтилъ въ трубку:

— Maman здѣсь подслушиваетъ!

— И все это неправда! Ты очень часто клевещешь на свою мать!

Валеріанъ перекрестился и тихо увѣрилъ:

— Ей-Богу, правда: она всегда подслушиваетъ.

— Какъ тебѣ не стыдно!

— Нѣтъ, напротивъ, мнѣ за нее очень стыдно, но я ее и не осуждаю, а только предупреждаю другихъ. Я знаю, что она дѣлаетъ это изъ отличныхъ побужденій... Святыя чувства матери...

— Approchez vous de moi, милый!

— Значитъ, вы не вѣрите, что она слышитъ?.. Ну, я ее сейчасъ кликну...

— Пожалуйста, безъ этихъ опытовъ!

— Лучше поѣзжайте скорѣе домой, и черезъ двадцать минутъ...

— Ты будешь?

Онъ согласно кивнулъ головой.

Она сжала его руку и спросила:

— Это не ложь?

— Это правда, но не надо царапать ногтями мою руку.

— Когда же я не могу!

— Пустяки!

— Поцѣлуй меня хоть одинъ разъ!

— Еще что!

— Но отчего же!

— Ну, хорошо!

Молодой человѣкъ поцѣловалъ ее и всталъ съ мѣста: онъ очень хотѣлъ бы, чтобы его дама сейчасъ же встала и ушла, но она не поднималась и еще что-то шептала. Ея дальнѣйшее присутствіе здѣсь было ему мучительно, и это выразилось на его искаженномъ злостью лицѣ. И зато онъ взялъ ея руку и, приложивъ ее къ своимъ губамъ, сказалъ:

— Lilas de perse—это мило: я люблю этотъ запахъ!

Дама вспрыгнула и, сжавъ рукой лобъ, покачнулась.

— Что съ вами?—спросилъ ее Валеріанъ.—Спѣшите на воздухъ!

Она взглянула на него исподлобья и прошипѣла:

— Это низко!.. это подло!.. это безчестно!.. Послѣ того когда я тебѣ это откровенно объяснила... ты не имѣешь права... не имѣешь пра... ва. . пра... ва...

— Бога ради только безъ истерики!.. Вамъ нужно скорѣе на воздухъ!

— Воздухъ... Пустяки... Я все это должна была выполнить...

— Ну да... и выполнила... Поѣзжай скорѣй домой и все будетъ прекрасно.

При этомъ обрадованіи она опять взяла его руку и прошептала:

— Ну да... О, Боже! Но если жъ я тебѣ уже все разсказала, для чего это такъ было нужно, то для чего жъ говорить: «lilas de perse»! Вѣдь это низко!.. Я всѣмъ скажу... вотъ именно... какъ это низко... А я отсюда не уйду...

— Да, да! Пожалуйста останьтесь: maman сейчасъ придетъ.

И онъ всталъ съ мѣста, но она его удержала.

— Я вѣрно схожу съ ума!—произнесла она, приложивъ къ бьющимся вискамъ тыльную сторону своихъ стынувшихъ пальцевъ, и повторила:—Помогите! Я, право, схожу съ ума!

Валеріанъ испугался страдальческаго выраженія ея лица и началъ ее крестить. Она съ негодованіемъ его оттолкнула и прошептала:

— Креститель!

— Что жъ тебѣ надо?

— Мнѣ? Униженія и новыхъ обидъ! Мнѣ нужно, чтобы ты былъ со мною!

— Но я же съ тобою!

— О-о, конечно, не здѣсь!

— Ну, и поѣзжай скорѣе домой, и я сейчасъ буду, и тамъ падай, какъ хочешь.

— Какъ я хочу... Меня стоитъ убить!..

Она хотѣла сказать что-то еще, но, вмѣсто того, поцѣловала его руку, а онъ съ своей стороны нагнулся къ ней и прикоснулся губами къ вьющейся на ея шеѣ косичкѣ.

Искаженное лицо женщины озарилось румянцемъ чувственнаго экстаза, и она поспѣшно закрыла себя вуалью и вышла. По ея щекамъ текли крупныя, истерическія слезы, и ея глаза померкли, а губы и носъ покраснѣли и выпятились, и все лицо стало напоминать вытянутую морду опалѣвшей отъ страсти собаки.

Она догадалась, что она гадка, и закрылась вуалемъ.

Когда она проходила мимо швейцара, тотъ молча подалъ ей, хранившееся у него за обшлагомъ ливреи, письмо съ адресомъ «живчика», а она бросила ему трехрублевый билетъ и сѣла въ сани, тронувъ молча кучера пальцемъ.

— Инда земли не видитъ отъ слезъ! — замѣтилъ своему собесѣднику швейцаръ.—А ему хоть бы что!

— Да, поиче себя мужской полъ не теряютъ напрасно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Молодой Валеріанъ собственноручно заперъ дверь за дамою и, возвратясь въ гостиную, вынулъ изъ кармана панталонъ скомканныя деньги и началъ ихъ считать.

Изъ-за двери, на которую Валеріанъ указалъ гостьѣ, въ самомъ дѣлѣ послышался голосъ его матери. Она спросила:

— Ты что-то дѣлаешь?

— Да я ужъ сдѣлалъ.

— Ты можешь купить «промышленные»: всѣ увѣряютъ, что они къ веснѣ сыграютъ вдвое.

— Maman, я знаю кое-что повыгоднѣе.

— А что такое, напримѣръ?

— Ну, мало ли! Теперь вѣдь посыпаютъ персидскимъ порошкомъ ростовщиковъ и даже нашъ «взаимный другъ» Michel окочурился... Въ ихъ мѣсто нужно же нѣчто новое.

— Вотъ то и есть, но что же именно?

— Ахъ, maman! Это возможно только тому, кого, какъ меня, считаютъ беззаботнымъ мотомъ, у котораго нѣтъ ничего на душою.

За дверью что-то рѣзали и положили ножницы.

— Вы, maman, что-нибудь шьете?

— Да, мой сынъ, я зашиваю свои дыры, я чинюсь... подшиваю лохмотья, которыхъ не хочу показать моей горничной.

— Это, maman, очень благоразумно и благородно.

— Но непріятно.

Юноша хотѣлъ что-то отвѣтить, но промолчалъ, и только кадыкъ у него ходилъ клубясь яблокомъ.

За дверью опять послышалось, какъ что-то отрѣзали ножницами и снова положили ихъ на мѣсто, и, въ то же время, хозяйка сказала:

— Я думаю, что ты гораздо больше бы выигралъ, если бы помогъ дядѣ Захару поправить увлеченія его молодости. Лука это навѣрное бы оцѣнилъ и сталъ бы принимать насъ.

— Очень можетъ быть, maman, но я вѣдь не самолюбивъ и не падокъ на то, чтобы хвалиться, гдѣ меня принимаютъ.

— Но онъ бы тебѣ просто далъ много денегъ.

— Что-жъ, я очень радъ, но только какъ это сдѣлать?

— Надо взять бумагу, которой боится дядя Захаръ.

— То-есть, милая мама, ее вѣдь надо *украсть!*

— У тебя такая грубость, что съ тобой нельзя говорить.

— Maman, я ничего не грублю, а я только договариваю то, что̀ надо сдѣлать.

— Неправда. Эта женщина сама все тебѣ сдѣлаетъ.

— Э-э! ошибаетесь! Эта женщина есть превосходный агентъ и превосходный математикъ, но ея же не оплетеши.

— Однакоже, она считаетъ тебя игрокомъ и мотомъ.

— Да, maman, но я употребляю очень большія усилія, чтобы устроить себѣ такую репутацію, только изъ-за того, что это должно сослужить мнѣ службу при новомъ курсѣ.

— Сказать по совѣсти, я ничего не понимаю, для чего это нужно.

— А кажется, что̀ проще! Всѣ уже вкусили «добляго» житія, и оно, наконецъ, надоѣло... Что дѣлать? Родъ людской неблагодаренъ и злонравенъ... Felicitas temporum откланивается... Нуженъ реваншъ... есть потребность въ реакціи...

— И что же будетъ въ реакціи?

— Это, maman, еще не ясно, но извѣстно всѣмъ, что явленія не повторяются, а послѣ дождика бываетъ вёдро, и потому прослыть мотомъ и кутилой теперь, все-таки, выгодно—это значитъ обнаружить въ себѣ извѣстную благонадежность, которая пригодится очень скоро.

— А вы уже на все готовы!

— Какъ же вы хотите иначе? Вѣдь мы же такъ и натасканы, чтобъ быть на все готовыми.

— Скажи, однако, какъ немудрена ваша мудрость!

— Ахъ, maman, что̀ такое намъ мудрость? Ужъ фельетонисты, и тѣ гдѣ-то вычитали и повторяютъ, что «блага̀ мудрость съ наслѣдіемъ», а вѣдь вы съ папашею намъ наслѣдія не уготовили.

— Христіанскіе родители и не обязаны снабжать васъ наслѣдіемъ.

— Нѣтъ-съ, извините-съ, обязаны!

— Гдѣ же это сказано?

— А вотъ въ «премудрости Павла чтеніе», на которое любятъ ссылаться; тамъ это и сказано: «не дѣти *должны собирать* имѣніе для родителей, но родители для дѣтей».

— Это что-нибудь изъ толстовскаго, въ простомъ этого нѣтъ!

— Извините-съ! Не угодно ли посмотрѣть въ самомъ въ простомъ второе посланіе къ коринѳянамъ, двѣнадцатая глава?

— Откуда ты все это знаешь, гдѣ и какая глава?

— Га! Я интересуюсь-съ! Я хочу этимъ побить Толстого!

— Такъ и бей! Это прекрасно тебя выставитъ.

— Позвольте-съ,—придетъ время.

— Какого еще надо время: онъ надоѣлъ.

— Прекрасно-съ, но ничего не надо дѣлать даромъ... Изъ ихъ похвалъ не шубу шить. Съ тѣхъ поръ какъ изобрѣтены денежные знаки, за всякія услуги надо платить: я изъ руки выпускаю услугу, а ты клади объ это самое мѣсто денежный знакъ.

— Но ты бы могъ и получить наслѣдіе.

— Ахъ, вамъ все не идетъ изъ головы дядя Лука!

— Именно не идетъ.

— Ну, я васъ успокою: съ наслѣдствомъ этимъ все кончено: «оставь надежду навсегда!»

— Ты этого не можешь знать.

— Нѣтъ, знаю. Я это купилъ, родная, у нотаріальнаго писаря. Все отдано на «питательныя учрежденія» и «открытое наученіе».

— Ты шутишь!

— Нисколько-съ.

— А Лидія?

— Ей не нужно; она не хочетъ возбуждать зависти и ссоръ, и отказалась.

— Вотъ дура!

— И вредная! не отдала роднымъ!

— Но этого нельзя допустить!

— Не надо бы-съ!

— Что жъ дѣлать?

— Надобно спасаться, чѣмъ знаете, хоть даже чудомъ!

— Теперь ты вѣришь въ чудо?

— О, да, maman!.. Я вѣрю во все, во что угодно: я жить хочу.

И жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудомъ,—о, я вѣрю чуду!

Я вамъ даже нѣчто и больше скажу, но это между нами.

— Пожалуйста.

— Надо проводить новаго чудотворца.

— Какіе пустяки!

— Нѣтъ-съ: это надо. И у меня такой есть!

— Но что же онъ можетъ дѣлать?

— Не безпокойтесь!.. маленькія вещицы онъ уже дѣлаетъ, и очень не дурно, но надо его хорошо вывесть и хорошо рекомендовать. О, я знаю, что надо въ жизни!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Мать и сынъ умолкли. Казалось, они оба вдругъ устали отъ всѣхъ перебранныхъ ими впечатлѣній и тяжести такого рѣшенія, послѣ котораго каждымъ изъ нихъ ощущалась потребность въ какомъ-нибудь внѣшнемъ толчкѣ и отвлеченіи, и за этимъ дѣло не стало. Въ эти самыя минуты, когда мать и сынъ оставались въ молчаніи и ужасѣ отъ того, на что они рѣшились, съ улицы все надвигался сгущавшійся шумъ, который вдругъ перешелъ въ неистовый ревъ и отогналъ отъ нихъ муки сознанія. Валерій все еще былъ погруженъ въ соображенія, но хозяйка встревожилась и оживилась: она выбѣжала въ безпорядочномъ туалетѣ въ гостиную, бросилась къ окну и закричала:

— Смотри, какая толпа!

Валеріанъ лѣниво потянулся, какъ бы спросонья, и отвѣчалъ сквозь зубы:

— Нелѣпая толпа, maman, не стоитъ и смотрѣть!

— Да, но, однако, это трогательно!

— А я такъ думаю—нимало.

— Но да, но, все-таки, вѣдь это вѣра!

— Не знаю, право!

— А вообрази, панъ швейцаръ: онъ, должно-быть, совершенный нигилистъ.

— Онъ, кажется, когда-то славился другимъ.

— А именно?

— Онъ помогалъ переводить нигилистовъ. О немъ знаетъ вашъ генералъ.

— Но какъ же,—я его спрашиваю, — что это значитъ? А онъ отвѣчаетъ: «Необстоятельный народъ-съ мечется, а не знаю чего».

— Онъ, однако, умно вамъ отвѣтилъ.

— Ну, полно, пожалуйста! Но что за глупые, вправду, чего они всѣ разомъ хотятъ?

— Вѣроятно, они хотятъ, чтобъ ихъ вытолкали и побили.

— И какіе гадкіе: испитые, оборванные!

— Ну, да, труждающіеся и обремененные. Тутъ, вѣрно, гдѣ-нибудь Jean или Onthon.

— Гляди, пожалуйста: вотъ и эта бойкая женщина, на которую жалуются. Взаправду, смотри, какъ она ихъ царапаетъ!

Валеріанъ всталъ и оживился.

— А-а! — сказалъ онъ, улыбаясь: — вотъ къ этой я неравнодушенъ. Это личность съ характеромъ, ее зовутъ какъ-то въ родѣ Елизаветъ Воробей; она вывозитъ знаменитость въ свѣтъ, и бьетъ, и царапаетъ ту самую публику, которая сдѣлала имъ всю ихнюю славу. По-моему, она да Мещерскій только двое и постигли, что̀ нужно людямъ, которые не знаютъ, чего хотятъ. Пойду смотрѣть, какъ она этихъ олуховъ лупитъ!

Valerian вышелъ въ переднюю, гдѣ было темно, но у лампы возилась со спичками та самая красивая горничная съ китайскими глазами, которая нѣсколько времени назадъ ласково позволяла генералу цѣловать ее въ шейку. Увидавъ ее, Valerian поморщился и сталъ надѣвать перчатки.

Дѣвушка бросила спички и хотѣла уйти, но опять остановилась. Она была неспокойна и лицо ея разгоралось и принимало дерзкое выраженіе.

Молодой человѣкъ это замѣтилъ и, вскинувъ на голову фуражку, сталъ самъ надѣвать, безъ помощи, свое пальто.

Дѣвушка посмотрѣла на него искоса и рѣшилась ему помочь. Она взяла у него изъ рукъ пальто, но едва лишь онъ началъ вздѣвать его въ рукава, какъ она бросила пальто на полъ и исчезла за вѣшалкой, гдѣ была маленькая дверь въ каютку, служившую ей помѣщеніемъ. Изъ этой каютки на парадную лѣстницу выходило маленькое зеркальное окошечко, затянутое голубою тафтой.

— Свинья! — прошепталъ вслѣдъ ей Валеріанъ и, поднявъ съ полу пальто, отряхнулъ и надѣлъ его безъ посторонней помощи, а потомъ, выйдя на лѣстницу, торопливо побѣжалъ внизъ по ступенямъ. Но быстрота его не спасла и вслѣдъ ему изъ окна раздалось:

— Пшь, сгорбилъ какъ виноватую спину! Думаетъ, не знаю, куда поспѣшаетъ! Драть бы васъ съ вашимъ старухамъ-то!

Но Валеріанъ убѣгалъ и старался не слушать о томъ, чего, надо думать, онъ заслужилъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Внизу лѣстницы встрѣтились два брата: Аркадій и Валерій, «рохля» и «живчикъ». Аркадій (рохля) былъ старше Валерія (живчика) лѣтъ на шесть и гораздо его солиднѣе. Онъ былъ тоже породистый «полукровокъ»: какъ Валерій, пухлый и съ кадыкомъ, но какъ будто уже присѣлъ на ноги. Съ лица онъ походилъ разомъ на одутловатое дитя и на дрессированнаго волка. Отъ него пахло необыкновенными духами, напоминавшими ароматъ яблочныхъ зеренъ.

Дверь материной квартиры рохля нашелъ не закрытою. Такъ она оставалась послѣ недавняго выхода Валеріана. Аркадій презрительнымъ тономъ обратилъ на это материно вниманіе. Та пожала плечами и сказала:

— Что-жъ дѣлать? Мы, вѣдь, даже не вольны въ нашей прислугѣ. Принять и отпустить человѣка — цѣлая процедура, и люди это знаютъ и не боятся, а позволяютъ себѣ все, что̀ угодно.

Аркадій перебилъ:

— Надо, чтобы Валеріанъ не ставилъ себя въ такое положеніе, чтобы зависѣть отъ женщины!

Мать махнула рукой и сказала:

— Ахъ, ужъ оставь говорить противъ женщинъ!

Изъ комнатки за вѣшалкой какъ бы въ отвѣтъ на это слышалось тихое истерическое всхлипываніе.

Хозяйка встала и заперла эту дверь, и снова сѣла.

— Я всегда буду говорить, что женская прислуга никуда не годится,—произнесъ тихо Аркадій.

— Она дешевѣе и полезнѣе,—отвѣчала мать.

— Зато вотъ и терпите ея выходки.

— Ахъ, я ужъ и не знаю, отъ какихъ выходокъ хуже! Мнѣ кажется, отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній можно сойти съ ума.

— Это всегдашняя ваша пѣсня, maman... Но зачѣмъ вы за мной посылали?

— У меня былъ братъ Захаръ... Когда жъ это кончится?

— Да что такое? Дядя вѣчно болтаетъ... Онъ извѣстный болтунъ!

— Пусть онъ болтунъ, но ты не порть свою карьеру. Я за тебя дрожу!

— Да нечего вамъ дрожать, maman! То время, когда шантажъ былъ развитъ, прошло. Теперь всѣ въ низшемъ классѣ знаютъ, что за шантажъ есть наказаніе, и, къ тому же, я и самъ не хочу здѣсь больше оставаться, гдѣ этотъ fabulator elegantissimus не вѣсть что обо всѣхъ сочиняетъ. Тетя Олимпія сама взялась мнѣ уладить это съ Густавычемъ. Его зятя переведутъ на Западъ, а я получу самостоятельное назначеніе на Востокѣ.

— О, пусть бы она хоть этимъ загладила свой грѣхъ передо мной!

— Какой же это грѣхъ?

— Грѣхъ? Несчастье всей моей жизни.

— Ахъ, это что-нибудь такое, чего мы, какъ дѣти, не должны знать!

— Вы не знаете ничего, кромѣ того, что̀ васъ самихъ касается. Но когда же она тебя устроитъ?

— Сегодня... можетъ-быть, сейчасъ! Если я получу назначеніе, то тапта Олимпія сюда заѣдетъ... Да вотъ и она,— добавилъ онъ, взглянувъ въ окно на улицу: — я вижу, у подъѣзда ея коляска и кучеръ съ часами на поясницѣ.

Рохля пошелъ въ переднюю и открылъ дверь на лѣстницу, по которой поднималась пожилая, очень массивная дама въ тальмѣ дипломатическаго фасона, который, впрочемъ, очень любятъ и наши кухарки. Подъ мѣховою тальмой, представляющей какъ бы рыцарскую мантію, на могучей груди дамы сверкала бисерная кираса. Дама немножко тяжело дышала, но поднималась бодро и говорила, улыбаясь, «рохлѣ»:

— Смотри, мнѣ скоро шестьдесятъ пять лѣтъ, а мое сердце работаетъ еще какъ добрый кузнецъ.

При этомъ она взяла руку племянника и приложила ее къ своей кирасѣ, а потомъ, войдя въ переднюю, подставила хозяйкѣ свою щеку для поцѣлуя и продолжала:

— Прости, я къ вамъ на минуту: взойду, но не раздѣнусь. Я лишь затѣмъ, чтобы васъ обрадовать: Аркадій, ты назначенъ! Ступай, сейчасъ ступай благодари! Это его свяжетъ и отрѣжетъ ему путь къ отступленію.

— Сейчасъ, ma tante,—отвѣчалъ Аркадій и сталъ искать свое пальто.

Изъ-за вѣшалки показалась оправившаяся горничная, но Аркадій судорожно отъ нея уклонился и спѣшно вышелъ.

Олимпія это замѣтила и, входя въ гостиную, сказала съ улыбкой:

— Онъ все еще попрежнему... такой же шутъ... боится женщинъ!

— Ахъ!

Хозяйка махнула рукой.

— Э, милая, не стоитъ думать!.. Это теперь совсѣмъ не такъ необыкновенно! Но хорошо, однако, что il ne met plus de manchettes... Теперь онъ, все-таки, похожъ какъ всѣ люди. Но, однако, adieu! Я къ тебѣ, можетъ-быть, еще заверну поговорить по душѣ, а пока у меня милліонъ дѣлъ. Вы всѣ вѣдь здѣсь уснули! Такъ нельзя! Вы просто *дрыхнете*, какъ это говорятъ, и, притомъ, жуете опучъ... Васъ надо будить! Куда ни заглянешь, вездѣ всѣхъ надо будить. Вашъ сонъ ужасно затрудняетъ все славянство. Святая Русь есть сила міра, и это будетъ ея имя: *Silamira*! Но это еще пока спящая сила! Современемъ это будетъ не такъ! Тогда не надо будетъ приходить съ Запада и толкать васъ, какъ теперь, когда вы начинаете очень скандально сопѣть и храпѣть...

— Да, но у насъ теперь всѣ вѣруютъ!

— А по-моему, вы даже плохо и вѣруете: вы вѣруете все какъ-то сонно... точно во снѣ... точно вы насилу плывете и насилу вѣруете, и, того и гляди, сейчасъ куда-то опуститесь и все позабудете... Прощай! До свиданія!.. Ты, разумѣется, уже слышала, что сдѣлала Нина, Захарова дочь?

— Говорятъ, будто она... будетъ матерью.

— Чего тамъ: «говорятъ»! Это фактъ! Конечно! она будетъ матерью... Но какъ это случилось?.. Вѣдь графъ такъ старъ и такъ глупъ, что онъ женился только на зло своимъ дочерямъ Гонерильѣ и Реганѣ...

— Какая безнравственность!

— Нѣтъ, да ты, вѣроятно, еще не все знаешь? C'est un inceste!.. Ей поручили отвезти племянника, который еще до сихъ поръ кадетъ или что-то подобное...

— О, Боже! Боже!

— Да, именно ужъ это настоящій criminal conversation de Byzance!

И она замотала руками и головой и пошла къ двери, но хозяйка удержала ее у порога и сказала:

— Ты много сдѣлала, что устроила опять Аркадія, но я боюсь, что̀ если онъ взаправду сумасшедшій?

— Оставь и будь спокойна,—отвѣтила Олимпія:—помни, что̀ говорилъ Оксенштіерна: «не великъ умъ надо, чтобы дѣлать политику».

Олимпія прижала ладони къ своей кирасѣ и добавила:

— Это совсѣмъ не наша обязанность, чтобы поставлять умы для всего свѣта, а наше métier совсѣмъ иное, и оно все въ томъ, чтобы насыпать соли на хвостъ всѣмъ, кто рвется впередъ.

Объяснивъ свое призваніе, дама еще разъ щелкнула себя по кирасѣ и, встряхнувъ руку хозяйки англицкою встряской, сошла внизъ, сѣла въ коляску наискось противъ часовъ, торчавшихъ на поясницѣ кучера, и понеслась jouer un tour de son métier.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Хозяйка осталась одна и сейчасъ же спросила себѣ пальто и калоши, взяла въ карманъ флаконъ съ нюхательною солью и ушла изъ дома, сказавъ, что хочетъ сдѣлать покупки въ «бракованной лавкѣ».

Она чувствовала ту ужасную усталость, о какой можетъ имѣть понятіе только актриса, исполняющая роль, которая не спускаетъ ее цѣлый актъ со сцены.

Она была очень утомлена, почти измучена, но въ ней еще много силы для такихъ же бореній. Она скоро оправится на воздухѣ и будетъ въ состояніи дать наилучшій отчетъ на своемъ мѣстѣ.

А пока кошка въ отсутствіи, безъ нея начинаютъ шалить домашнія мыши.

По уходѣ хозяйки, горничная съ китайскими глазами и фигуркой фарфоровой куклы прошла по всѣмъ комнатамъ и вездѣ открыла форточки, а потомъ отдернула портьеру и отворила дверь изъ гостиной въ будуаръ, который служилъ тоже хозяйкѣ и ея кабинетомъ, и тайникомъ. Здѣсь дѣвушка убрала безпорядокъ, потомъ вынула изъ кармана подобранный ключикъ, открыла имъ столъ и, доставъ оттуда надушенный листокъ слоновой бумаги, зажгла свѣчи и начала выводить:

«Если предложенія ваши обстоятельны, то хотя ваши лѣта и не сходны, но за вѣжливость вашу я согласна имѣть для васъ полныя чувства, только никакъ не въ вашемъ собственномъ домѣ и не при вашихъ людевъ».

Она перечитала написанное и внизу послѣ своей подписи еще приписала:

«Только пожалуста съ отвѣтомъ по почтѣ».

Написавъ это письмо, дѣвушка достала изъ бювара своей госпожи конвертъ и начала тщательно выводить адресъ. Въ это время портьера раскрылась съ другой стороны будуара и въ комнату, выпятивъ зобъ, какъ гусыня, вошла рослая, бѣлая женщина лѣтъ сорока пяти, съ большимъ ртомъ и двухъэтажнымъ подбородкомъ. Это была домовая кухарка.

— Достань-ка мнѣ у нея пару папиросокъ,—сказала она горничной.

— Возьми сама,—отвѣчала дѣвушка и продолжала надписывать конвертъ.

Кухарка взяла изъ сердоликовой коробочки нѣсколько папиросъ, закурила одну изъ нихъ и, сѣвши на шелковомъ пуфѣ передъ зеркаломъ, начала выдавливать ногтями прыщикъ на подбородкѣ, а потомъ она запудрила это мѣсто барыниной пуховкой и сказала:

— Мочи нѣтъ, какъ прыщи одолѣли!

— Не лакай чернаго пива.

— И то ужъ не пью.

— Ну, такъ не тискай мальчонковъ, которые приносятъ покупки.

— Ты, что ли, это видала?

— Еще бы! Зеленщикова мальчонку вчера, думала, ты, какъ русалка, совсѣмъ защекочешь.

— Онъ ребенокъ, еще совсѣмъ безъ понятьевъ.

— Такъ ты и станешь дожидаться своиныхъ понятьевъ!

— Нѣтъ, я вѣдь, ей-Богу, я только всего и люблю баловать, да помять ихъ, красивыхъ дѣтишковъ. У меня крестникъ ужъ былъ шестнадцати лѣтъ, да вотъ померъ,— я и скучаю. А ты это на кого еще грѣхъ новый наводишь: кому это пишешь?

Дѣвушка не отвѣтила.

— Думаешь, я не знаю? А я знаю!

Китаянка опять промолчала.

— Хочешь, скажу?

— Ну, говори!

— Генерала ты путаешь, вотъ что!

— Ну, такъ и знай, что его самого!

Она стала наклеивать марку.

— Вотъ ты надо мною смѣешься, что я ласкаю дѣтишковъ, а сама хуже попалась.

— Ничего не попалась.

— А отчего жъ ты ревешь и некрасивая стала?

— Реву о томъ, что дура была,—въ вѣрности жить полагала.

— Вотъ то-то и есть: а теперь и видать—непорожня.

— И врешь, ничего еще пока не видать.

— Отчего же, когда батюшка былъ, онъ меня поблагословилъ и попить мнѣ чайку далъ съ своего блюдца, а тебѣ нѣтъ?

— У меня на лбу нѣтушки были натрёпаны: онъ не любитъ. Да и не надо: не все то и сбывается, что онъ говоритъ.

Кухарка покачала головой и, вздохнувши, сказала поучительнымъ тономъ:

— Да, ужъ это неизвѣстно, почему такъ онъ по купечеству много отмаливаетъ, а въ разныхъ званьяхъ не можетъ.

— Не потрафляетъ!

— Не надо, дружокъ, такъ говорить, потому что хотя онъ и не потрафляетъ, и не все пусть не сбывается, ну, а все мы должны вѣрить въ Божье посланье, хотя я и сама... этой драчихѣ, которая царапаетъ, такъ бы ей всѣ космы и выдрала!

— И отвели бы тебя подъ судъ, — сказала дѣвушка, у которой нравъ былъ шкодливый, но робкій. Но кухарка, женщина опытная, смѣло ей отвѣчала:

— Ничего не значитъ: «нарушеніе тишины безпорядка! Восемь дней на казачьемъ парадѣ!» Ей-Богу, вздую!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ это время внезапно раздался звонокъ. Кухарка и горничная обѣ быстро вскочили: дѣвушка проворно опустила письмо въ карманъ и побѣжала отворить парадный

входъ, а кухарка прошла въ коридоръ, соединяющій переднюю съ кухней, и притаилась у двери.

Вошелъ Валеріанъ и негромко спросилъ:

— Кто у насъ?

— Никого,—отвѣтила дѣвушка.

— А мама?

— Вышли.

— Не вышелъ ли, кстати, и изъ тебя твой дурацкій капризъ?

— Какъ не дурацкой! Скажите, пожалуйста... нечего мнѣ капризничать?

Дѣвушка забирала самую бранчивую ноту.

— Возьми, пожалуйста, вотъ это себѣ и не дуйся, какъ дама женскаго пола.

— Что это такое?

— Серьги.

— Мнѣ не серьги нужны, а добудь мнѣ средство.

— Послѣ, добуду.

— Нѣтъ, вы меня обманываете! Я вамъ не дура!

— Бери пока это!

— Не надо.

— Что̀ за глупость! Кому же я ихъ отдамъ?

— Мнѣ что за дѣло? Я не хочу! Ничего отъ васъ не хочу, потому что вы не благородный господинъ и студентъ, а самый низкій и подлый мужчина!

Валерій хотѣлъ ее остановить какою-то грубостью, но она дернулась и сказала:

— Смѣй-ка, посмѣй!—и ушла въ свою каютку.

Молодой человѣкъ юркнулъ туда же за нею и заговорилъ съ лаской:

— Послушай... Вѣдь ты же хотѣла... ты просила сережки... Бери же теперь, когда куплено!

— Куплено!.. Гдѣ?.. Въ чьемъ магазинѣ? Или, быть-можетъ, сдернулъ шутя у Савки на лавкѣ?

— Зачѣмъ ты этакія пошлости говоришь?

— А какъ же не спросить? Быть-можетъ, ихъ и носить нельзя?

— Это еще что̀ за глупость?

— А, можетъ-быть, эта жимолость увидитъ и съ ушами оторветъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— Какая «жимолость»? — вскричалъ онъ.

— Да старуха-то эта... ваша Камчатка... Вѣдь она... жимолостная...

— Какая Камчатка!

— Не знаешь!

— Разумѣется, не знаю!

— Полно дурака-то валять!

— Я тебѣ говорю, что не знаю: что́ такое Камчатка и почему Камчатка!

— Такъ ты у нея спроси, что это она сама Камчатка или за нее другихъ посылаютъ въ Камчатку, а только я ея не боюсь и говорю, что она самая преподлая-подлая и ужъ давно бы ей бы пора умирать, а не ребятъ нанимать, которые хуже самой болтущей дѣвчонки.

— Однако, ты дѣйствительно невыносимо забываешься!

— Что же? Мнѣ еще можно. Зато, когда старухой сдѣлаюсь, не позабудусь.

Валеріанъ бросилъ свой подарокъ на комодикъ дѣвицы и, сжавъ ея руку, прошепталъ:

— Я тебя ненавижу!

— Чего благороднѣе, какъ теперь ненавидѣть!

— Ты сама довела, что мнѣ стала противна.

— А противна, такъ зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Я только и хотѣлъ тебѣ это сказать, что ты скверна!

— Ну, да! Сдѣлайте одолженіе!.. Непремѣнно скверна!.. Для кого-нибудь не скверна, а ты сказалъ и уходи. Совсѣмъ напрасно ваши пульсы бьются...

— Ты врешь, мои пульсы не бьются?

— Ну, да!.. оно и видно!

— Ну, такъ я тебѣ это сейчасъ объясню, для чего они бьются.

— Э, нѣтъ, братъ, нѣтъ, нѣтъ! Я ужъ отъ этихъ вашихъ объясненьевъ-то вонъ какимъ уродомъ стала, что даже всѣ замѣчаютъ.

Онъ что-то сказалъ, но она отвѣчала: «нѣтъ», потомъ опять «нѣтъ» и потомъ еще:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Что-о?.. Ага!.. Нѣтъ!.. Подаренье мнѣ — это въ составъ не входитъ, а ты виноватъ и прощенья проси.

— И еще попроси!

— И еще!

— Ну, вотъ такъ! А то ступай вонъ... Вашего брата надо пробирать!

Подслушивавшая кухарка отъ этихъ послѣднихъ словъ пришла въ восторгъ и, озарившись радостной улыбкой, плюнула и прошептала:

— Ахъ, ты шельма! давно ли изъ деревни, а какъ умѣетъ! Это она опять на колѣни его поставила! Тьфу! Ей-Богу въ ее чортъ ложку меду кладетъ!

И кухарка еще сильнѣе затаила дыханіе, чтобы наблюдать, что̀ будетъ, но дальнѣйшей проборки уже не было слышно, потому что дверь маленькой каютки закрылась, а съ другого конца коридора, гдѣ своимъ чередомъ совершалась забота о пищѣ, поползъ невыносимый чадъ.

Кухарка бросилась къ своему бурливому алтарю и застала на плитѣ самый полный безпорядокъ: одно перекипѣло и било черезъ край, другое перегорѣло, пережарилось и все наполняло смрадомъ помѣщеніе, съ потолка и до пола.

Кухарка разсердилась и закричала:

— О, чортъ бы васъ взялъ, съ вашими пульсами и съ вашею проборкой! Всѣ, дьяволы, будете нынче безъ жратвы!

Съ этимъ, полная гнѣва, она вскочила на столъ, открыла форточку и размахнула настежь дверь съ чернаго хода; но едва она это сдѣлала, какъ вся просіяла; на ея концѣ улицы тоже заходилъ праздникъ: у самаго порога стоялъ румяный лавочный мальчикъ съ корзиною на головѣ и не рѣшался перешагнуть.

— А-а!—привѣтствовала его весело бѣлая баба: — то-то я, братцы, слышу: кто это съ такою великолѣпною гордостью ползетъ и катится, а это ты пишь-пыжь —лавочная мышь? Здорово, Петрунька!

Мальчикъ дулся и молчалъ, а кучерявая бабелина разсмѣялась и, потянувъ его за фартукъ въ кухню, бойко продолжала:

— Полно дуть губу!.. Дуракъ! Вѣдь живъ, чай, остался!

— Только и есть, что живъ вамъ достался! — отвѣтилъ плаксиво розовый мальчикъ и вразъ измѣнилъ голосъ, крикнувъ: — Принимай, что ли, скорѣе корзинку! Мнѣ не время!

— А мнѣ что̀ за дѣло? Тутъ не снимай!.. Видишь, здѣсь чадно! Неси вонъ туда, въ мою комнату.

Мальчикъ съ корзинкою тронулся и опять въ нерѣшительности остановился; но кухарка втолкнула его въ комнату, и оттуда сейчасъ же послышался жалостный пискъ.

Вечеръ густѣетъ. Все тихо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ кухнѣ прочистилось; чадъ унесло; изъ кухаркиной комнаты, озираясь, вышелъ робко лавочный мальчикъ; у него на головѣ опрокинута опорожненная корзина. Она закрываетъ ему все лицо, и въ этомъ для него, повидимому, есть удобство. Кухарка его провожаетъ и удерживаетъ еще на минуту у порога; она молча грозитъ ему пальцемъ, потомъ сыплетъ ему горсть сухого господскаго компота, и, наконецъ, приподнимаетъ у него надъ головою корзинку, беретъ руками за алыя щеки и цѣлуетъ въ губы. При этомъ оба цѣлующіеся смѣются.

Мальчикъ уже сбросилъ съ себя свою дѣтскую робость, а она ему шепчетъ:

— На гулянье пойдемъ вмѣстѣ. Гляди тамъ какое весельe!.. Я тебѣ къ празднику голубую рубашку сошью. Прибѣги только завтра примѣрить.

— Прибѣгу,—отвѣчаетъ мальчишка.

Она его еще обняла и, прижавъ къ груди его головенку, сказала ему съ материнскою нѣжностью:

— А когда тебя пошлютъ къ прачкѣ въ заведеніе, ты съ ея гладильщицами не разговаривай... Слышишь?.. Онѣ дѣвчонки вѣтреныя. Можешь пропасть...

— Нѣ-ѣтъ! — отвѣчалъ мальчикъ. — Мнѣ и такъ всѣхъ стыдно!

— Вотъ то-то и есть! Да всѣ, милка, ничего и не значитъ... А я всѣхъ дворниковъ подкуплю и мнѣ сейчасъ все и донесутъ.

Онъ посвистываетъ и спускается съ лѣстницы, обнаруживая въ самомъ дѣлѣ «великолѣпную гордость».

Дворницкій работникъ встрѣчаетъ его съ вязанкою дровъ и говоритъ:

— Пётра, сколько ты прожилъ лѣтъ?

— Тринадцать.

— Ишь, старикъ! А жить хорошо?

— Ничего.

— Ожидай, значитъ, лучшаго!

Пётра благодаритъ и уходитъ въ ожиданіи лучшаго.

Онъ будетъ на гуляньѣ, она ему подаритъ рубашку. Современемъ онъ попроситъ ее купить ему часы. А то ну ее къ чорту!

Въ передней и въ кухнѣ засвѣтились хорошо протертыя лампы. На плитѣ въ кастрюляхъ все подлито и подправлено, буря прошумѣла и отхлынула, наступаетъ снова чистота и порядокъ, какъ требуется. Надо и себя примундирить.

Кухарка повернула кранъ и спустила надъ раковиной воду до холодной струи. Этой воды она налила полный жестяной уполовникъ и всю ее выпила. Она пьетъ съ жадностью, какъ горячая лошадь, у которой за всякимъ глоткомъ даже уши прыгаютъ. Прежде чѣмъ она кончила свое умыванье, въ кухню входитъ тоже и горничная, и эта точно такъ же молча взяла уполовникъ, и такъ же налила его холодной водой, и такъ же пьетъ съ жадностью, и красныя уши ея вздрагиваютъ за каждымъ глоткомъ.

Затѣмъ и эта умылась холодною водой надъ тою же самою раковиной и замахала надъ головой мокрыми руками, потому что забыла взять съ собою утиральникъ.

Говорить ей не хочется.

Кухарка ее поняла, кинула ей чистый конецъ своего полотенца и, поклонившись ей наподобіе реверанса, сказала:

— Поздравляю съ пріятнымъ бонжуромъ!

Горничная сдѣлала шутливую гримасу и отвѣтила:

— И васъ съ тѣми же дѣлами!

Онѣ, кажется, признавали за настоящія «дѣла» — только одни дѣла природы, которая множитъ жизнь, не заботясь о томъ, въ чемъ ея смыслъ и значеніе.

Оглавленіе

XXVIII тома.

стр

Загадочный человѣкъ. Истинное событіе. (Съ письмомъ Н. С. Лѣскова къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу). . . 3

Зимній день. (Пейзажъ и жанръ) 112

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ГОРА.

ЕГИПЕТСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(По древнимъ преданіямъ.)

«Этотъ анекдотъ совершенно древній. Такой случай нынче не сбыточенъ, какъ сооруженіе пирамидъ, какъ римскія зрѣлища—игры гладіаторовъ и звѣрей».

(Египетскія ночи.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Очень давно въ Александріи египетской, при римскомъ господствѣ, жилъ знаменитый и славный художникъ, по имени Зенонъ. Онъ съ необыкновеннымъ, тонкимъ искусствомъ дѣлалъ изъ серебра и золота роскошную утварь и художественныя вещи для женскихъ уборовъ. По роду своихъ занятій онъ назывался «златокузнецъ». Происходило это въ то время, когда въ Александріи, въ тѣсномъ другъ съ другомъ сосѣдствѣ и въ близкомъ общеніи по дѣламъ, жило много людей разныхъ вѣръ, и всякій почиталъ свою вѣру за самую правильную и за самую лучшую, а чужую вѣру не уважалъ и порицалъ. Были также и такіе, которые, чтобы жить въ мирѣ и тишинѣ, не оказывали свою вѣру, а держали ее въ себѣ тайно и ни въ какіе споры не вступали.

Зенонъ златокузнецъ былъ потаенный христіанинъ, но община александрійскихъ христіанъ его своимъ не считала, и самъ онъ держался отъ нея въ отдаленіи. Ему было удобнѣе не сообщаться, потому что, наученный христіанству какимъ-то сирійскимъ зашельцемъ въ Египетъ, Зенонъ

не о всемъ мыслилъ совершенно такъ, какъ принято было безъ разсужденія другими христіанами въ Александріи. Поэтому и тѣ немногіе изъ открытыхъ христіанъ, которые знали Зенона, почитали его стоящимъ на ложномъ пути, онъ къ нимъ насильно не шелъ; но никогда съ ними и не спорилъ, а жилъ самъ по себѣ въ отдаленіи, въ тихомъ, прохладномъ загородномъ урочищѣ за палестрою, на дынныхъ огородахъ.

По художеству, которое тогда называлось «златокузнею», Зенону не было равнаго—не только въ Александріи и въ Ѳивахъ, но и въ цѣломъ Египтѣ. Браслеты, стяжки и головные уборы работы Зенона славны были даже въ Антіохіи. Всѣ именитыя женщины обоихъ этихъ роскошныхъ городовъ наперебой непремѣнно хотѣли имѣть украшенія, сдѣланныя этимъ искуснымъ мастеромъ. Евреи изъ Антіохіи дѣлали ему большіе заказы и, забирая себѣ его «златокузню», увозили его художественныя произведенія въ свой городъ и тамъ продавали по чрезвычайно высокой цѣнѣ и наживали большія выгоды. Зенонъ былъ очень досужъ и трудолюбивъ, но, при всемъ томъ, онъ не успѣвалъ исполнять всѣхъ дѣлаемыхъ ему заказовъ, и недосугъ его простирался до того, что онъ не имѣлъ даже времени ни для какихъ удовольствій и часто ему некогда было даже о себѣ обдумать. Ему шелъ уже тридцать первый годъ, и онъ имѣлъ хорошій достатокъ для того, чтобы жить безнуждно съ семьею, а онъ все еще ходилъ холостой, былъ совершенно одинокъ и жилъ въ своемъ уединенномъ, но хорошо устроенномъ домѣ за дынными огородами. Въ прислугѣ у него для помощи былъ одинъ непомѣрной силы персіянинъ, который былъ ему беззавѣтно преданнымъ и вѣрнымъ слугою, хотя самъ этотъ человѣкъ былъ язычникъ и ходилъ совершать таинства Митры.

Зенонъ былъ домосѣдъ и на свободѣ любилъ читать и размышлять о высокихъ вопросахъ. Проработавъ цѣлый день, онъ только вечерами выходилъ за порогъ своей мастерской, садился на каменную скамейку подъ широколистнымъ платановымъ деревомъ и отсюда любовался вечернимъ закатомъ краснаго солнца за купы деревьевъ, читалъ сочиненія о высокихъ предметахъ или катался по Нилу, самъ управляя своею баркой подъ клѣтчатымъ шелковымъ парусомъ. По всѣмъ домашнимъ дѣламъ Зенона въ городѣ

ходилъ и справлялъ ихъ персіянинъ, однако въ Александріи всѣ знали Зенона, не исключая лицъ именитыхъ, и многіе почитали за честь быть съ нимъ въ знакомствѣ, такъ какъ онъ въ своемъ родѣ тоже былъ знаменитъ,—но Зенонъ былъ скроменъ и отъ почета всегда удалялся. Богатыя щеголихи Александріи или наперебой одна передъ другою, чтобы имѣть Зенона себѣ для услугъ, и платили очень дорого, лишь бы только перещеголять другъ друга, но ихъ было много, а Зенонъ одинъ, и потому это не помогало. Всѣмъ Зенонъ не могъ услужить.

Тогда одна знатная дама вздумала присвоить себѣ искусство художника иначе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ Александрію пріѣхала изъ Антіохіи одна молодая и чрезвычайно красивая вдова, по имени Нефорисъ или Нефора. Она была очень богата и до того избалована, что не знала мѣры своимъ прихотямъ и не переносила никакого возраженія и отказа. Воздерживаться и останавливаться въ осуществленіи какихъ бы то ни было желаній было для нея такъ несносно, что она объ этомъ не хотѣла и думать, а цѣль ея, по пріѣздѣ въ Александрію, прежде всего, заключалась въ томъ, чтобы превзойти своею пышностью всѣхъ самыхъ роскошныхъ александрійскихъ красавицъ. Отказаться отъ этого суетнаго желанія Нефора не согласилась бы ни за что на свѣтѣ, такъ какъ вся Антіохія знала ее за самую изящную красавицу, которая своею роскошью и увлекательностью затмевала собою всѣхъ иныхъ прекрасныхъ женщинъ, блиставшихъ красой и нарядами на празднествахъ въ рощѣ Дафны. Наряды Нефоры были прелестны, но чтобы сдѣлать ихъ еще болѣе замѣчательными, она захотѣла имѣть самый лучшій выкованный изъ золота уборъ, какой носили щеголихи въ Александріи, но только непремѣнно, чтобы онъ былъ лучше, чѣмъ всѣ подобные уборы, какіе до сихъ поръ были сдѣланы. Она послала за Зенономъ, но Зенонъ отказался прійти, сказавъ, что ему недосужно. Нефора послала за нимъ второго посла и велѣла ему обѣщать Зенону такую плату, какую самъ онъ захочетъ, но Зенонъ отвѣтилъ послу: «Скажи твоей госпожѣ, что я работаю сколько могу и сверхъ силы моей не принимаю заказовъ. Всѣмъ угодить я не успѣю, а наблюдаю очередь, и никакая богачка не

можетъ предложить мнѣ ничего такого, что̀ заставило бы меня отступить отъ справедливаго порядка».

Когда посланные къ Зенону во второй разъ возвратились безъ успѣха и передали отвѣтъ художника Нефорѣ, то эта избалованная и непривычная ни къ какимъ возраженіямъ модница впала въ ужасную гнѣвность и дошла до такого безумія, что велѣла подвергнуть безжалостному наказанію рабовъ, которыхъ посылала къ Зенону, а для себя приказала сейчасъ же осѣдлать бѣлаго мула и приготовить ей длинное и густое покрывало, въ которое могла быть завернута вся ея фигура съ головою.

Нефорисъ рѣшилась сама отправиться къ Зенону и во что бы то ни стало принудить художника сдѣлать для нея самую красивую золотую діадему, съ самыми тонкими и изящными цѣпочками, скованными легко и усаженными перлами одной величины и одного цвѣта.

Оба приказанія Нефоры были исполнены въ точности: рабы ея, ходившіе безъ успѣха къ Зенону, были наказаны ударами воловьей жилы, а ей былъ поданъ бѣлый мулъ, покрытый роскошнымъ ковромъ, съ уздою изъ переплетенной широкой, зеленой и желтой, тесьмы, съ золотистою сѣткой на чолкѣ и съ длинными кистями вмѣсто вторыхъ поводьевъ. У этихъ поводьевъ стоялъ нѣмой сиріецъ изъ Тира, въ ярко-красной, до пятъ его достигавшей, длинной одеждѣ.

Нефора сѣла на своего мула, и красный сиріецъ повелъ красивое животное за поводья, не зная, куда его госпожа отправляется. Онъ только оглядывался на свою госпожу при поворотахъ и распутьяхъ и слѣдовалъ мановенію ея опахала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ сказано выше, Зенонъ, удаляясь отъ шума, жилъ за городомъ въ уединенной красивой мѣстности, до которой было весьма далеко отъ жилища Нефоры. Дорога сюда шла сначала городомъ, потомъ тѣнистою аллеей, по которой не затихало очень сильное движеніе. Нефорѣ встрѣчались рабы, несшіе въ паланкинахъ женщинъ, ее съ грохотомъ обгоняли парныя колесницы на мулахъ и на рослыхъ коняхъ съ подстриженными гривами, а потомъ путь становился безлюднѣй и тише. Тутъ Нефора почувствовала

свою неосторожность: она не знала дальше дороги къ жилищу Зенона.

Отъ аллеи начинались мелкіе свертки по тропинкамъ въ удолья, утонувшія въ платановыхъ рощахъ. У одного изъ этихъ свертковъ подъ вѣтвистымъ деревомъ сидѣлъ старый амаликитянинъ и ѣлъ дыню; возлѣ него жевалъ свою жвачку такой же старый верблюдъ. Нефора спросила у амаликитянина, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Зенонъ златокузнецъ.

— Я не здѣшній,—отвѣчалъ амаликитянинъ:—но поѣзжай далѣе и ты увидишь подъ деревомъ дѣвочку, которая пасетъ козъ,—та здѣсь живетъ и всѣхъ знаетъ,—она тебѣ можетъ сказать о томъ, кто тебѣ нуженъ.

Нефора дала знакъ сирійцу и тотъ повелъ ея мула дальше.

Вскорѣ они увидали широколиственное дерево, подъ которымъ паслись четыре желтыя козы и посреди ихъ сидѣла на травѣ простоволосая, босая дѣвочка въ грубой рубашкѣ изъ холста коричневаго цвѣта.

Нефора спросила ее о Зенонѣ.

Босоногая дѣвочка тряхнула своими синими кудрями и отвѣчала:

— Конечно, я знаю, гдѣ живетъ красивый и добрый Зенонъ. Я ношу ему молоко отъ нашихъ козъ, и онъ часто даритъ мнѣ дыни и виноградъ изъ своего сада. Ни добрѣй, ни красивѣй Зенона нѣтъ человѣка на свѣтѣ. Поверни вправо по третьей тропинкѣ и ты увидишь поляну, съ которой заблестятъ воды Нила, а передъ тобою прямо будетъ садъ, въ томъ саду бѣлый домъ, съ пестрою крышей, и большой мѣдный аистъ надъ входомъ,—это и есть жилище Зенона.

Нефора взяла указанное ей направленіе, но опять скоро смѣшалась въ извивахъ тропинъ и могла заблудиться. По счастію, ей встрѣтился человѣкъ, мрачнаго вида, съ треугольнымъ шрамомъ на лбу и съ большою корзиной, въ которой видны были плоды, фляга съ питьемъ и большая красная рыба. Нефора спросила его о Зенонѣ, а человѣкъ ей отвѣчалъ:

— Я служитель Зенона, но я не могу возвратиться, чтобы проводить тебя къ нему, потому что я поспѣшаю соединиться съ своими единовѣрцами,—мы идемъ справлять таинство Митры. Господинъ мой меня отпустилъ послужить

моей вѣрѣ и остался теперь одинъ въ своемъ домѣ. Обогни тотъ большой кустъ розъ, и ты увидишь дорожку, которая прямо приведетъ тебя къ его дому. Зенонъ теперь одинъ, онъ занятъ работой, но дверь въ его мастерскую открыта.

Сказавъ это, персъ показалъ ей, какъ надо проѣхать черезъ поляну, гдѣ зрѣли ароматныя дыни, и Нефора, проѣхавъ межъ сирени, жасминовъ и розъ, увидала вдали, какъ катилъ воды Нилъ, а вблизи, въ чащѣ кустовъ, стоялъ бѣлый домикъ и на немъ, какъ живой, мѣдный аистъ на бѣломъ фронтонѣ. Вокругъ было все тихо; синее небо разстилалось какъ ровно покрытый шатеръ; солнце горѣло, въ воздухѣ стоялъ зной; на бѣломъ карнизѣ рядкомъ сидѣли и пѣли черные дрозды. Вокругъ дома было множество лилій и розъ, а у самыхъ стѣнъ и у бѣлаго мраморнаго порога лежали цѣлые пласты зеленаго діарита. Здѣсь было свѣжо, тихо и цѣломудренно: здѣсь жилъ художникъ.

Усталая отъ далекаго переѣзда и отъ жара, Нефора сошла съ сѣдла и отослала мула и провожатаго вдаль подъ дерево, а сама осталась передъ открытою дверью Зенона. Теперь она, не переступая порога, могла видѣть всю его мастерскую. Это была очень большая и высокая квадратная комната безъ оконъ; мягкій свѣтъ проникалъ въ нее черезъ потолокъ, сквозь фіолетовую слюду, отчего всѣ вещи казались обвитыми какъ будто эѳирною дымкой. Посерединѣ комнаты на полированномъ красномъ порфирѣ красовался бронзовый ибисъ и изъ его клюва струилась свѣжая вода; стѣны окружены были колоннами и ровно окрашены красновато-коричневою краской, на которой рѣзко выдѣлялись бѣлыя мраморныя и лѣпныя фигуры, изображавшія людей и животныхъ. Здѣсь были и легкія маски женщинъ, и тяжелыя головы фараоновъ, и задумчивыя морды верблюдовъ, и хищныя пасти крокодиловъ. Зенонъ, какъ большинство художниковъ того давняго времени, зналъ не одну златокузню. Подобно извѣстному со временъ Амазиса художнику Ѳеодору, Зенонъ былъ и архитекторъ, и плавильщикъ, и лѣпщикъ, и ваятель, и во всемъ онъ былъ мастеръ и знатокъ, и любитель всякаго изящества, о чемъ и не мудрено было заключить по его жилищу, передъ которымъ теперь стояла Нефора, вдыхая оттуда прохладную свѣжесть и ароматъ, разливавшійся изъ красивыхъ, яркою поливой покрытыхъ тазовъ, въ которыхъ росъ золотистый мускусъ

и напоялъ всю атмосферу своимъ запахомъ. Посреди всѣхъ художественныхъ произведеній искусства, наполнявшихъ покой, стоялъ самъ художникъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Напомнимъ, что Зенону шелъ тридцать первый годъ. Онъ родился въ Милетѣ отъ красивой гречанки и галла. Природа дала ему стройный станъ, сильныя руки, огромную массу бѣлокурыхъ волосъ и огненные черные глаза, въ которыхъ свѣтилась самая плѣнительная доброта и благородная твердость. Онъ былъ въ длинномъ хитонѣ изъ мягкой шелковой матеріи сѣраго цвѣта, съ блѣдноорозовыми кружками по краю; ноги его были обуты въ легкія желтыя сандаліи, а буйные русые волосы схвачены тонкимъ золотымъ обручикомъ съ бирюзою на лбу.

Онъ стоялъ спиной къ двери, облокотясь на подставку, на которой лежала глыба глины для лѣпки, и разсматривалъ съ сосредоточенностью деталь своей модели.

— Зенонъ!—позвала его Нефора.

Онъ вздрогнулъ и оборотился. Нефора нашла, что лицо его прекрасно, и переступила къ нему за порогъ въ его мастерскую.

— Ты не долженъ сердиться, что я прихожу къ тебѣ, художникъ. Меня привлекла къ тебѣ твоя слава. Женщинъ влечетъ къ себѣ слава, а ты славный художникъ. Я не здѣсь рождена и никогда тебя не видала, но слава твоя мнѣ извѣстна. У меня есть тоже слава моя, которая не стóитъ твоей: въ Антіохіи меня называли «звѣздою между красавицъ», но я прихожу къ тебѣ за совѣтомъ: помоги мнѣ, художникъ!

— Въ чемъ нужна тебѣ моя помощь?

— Прежде всего, позволь мнѣ быть твоею гостьей и дай отдохнуть мнѣ у тебя отъ несноснаго зноя.

— Входи и будь моею гостьей.

Нефора вошла, сняла покрывало и сѣла въ широкое кресло, покрытое кожей пантеры.

Застигнутый такъ внезапно врасплохъ, «златокузнецъ» сразу ощутилъ себя какъ бы во власти посѣтившей его бойкой и настойчивой гостьи. Онъ подалъ воды ей и положилъ къ ея ногамъ мягкую подушку, а самъ сталъ передъ нею и смотрѣлъ на нее, сложивъ свои руки на груди среди

мягкихъ складокъ хитона. Его поразила замѣчательная красота Нефорисы, которая, спустивъ покрывало, явилась одѣтой такъ изящно къ лицу, что природная прелесть ея лица блистала еще ярче. Небольшая на круглой шеѣ головка Нефоры была покрыта широкимъ и тонкимъ кефье въ голубыхъ и бѣлыхъ полосахъ: мягкія складки этой искусно положенной, изящной повязки облегали, какъ воздухъ, ея лицо и черно-синіе кудри. Кефье было перевязано желтымъ шнуромъ. Уши, руки и пальцы Нефоры были украшены серьгами, кольцами и браслетами, а на стройной шеѣ лежало золотое ожерелья изъ множества мелкихъ цѣпочекъ и на концѣ каждой изъ нихъ дрожали жемчужные перлы. Рѣсницы Нефоры были подведены по египетской модѣ, концы пальцевъ слегка подрумянены, а тонкіе ногти напудрены розовымъ перламутромъ. Гибкій станъ Нефоры охватывала легкая туника полосатой матеріи — розовой съ бѣлымъ, а вмѣсто пояса ей служилъ золотистый шелковый шнуръ, у одной изъ кистей котораго висѣло маленькое зеркальце и такой же маленькій сверленый изъ самоцвѣтнаго камня флаконъ съ пахучею индійскою эссенціей. Но всего больше поражало необыкновенно живое и измѣнчивое выраженіе ея нѣжнаго и страстнаго лица, линіи котораго такъ часто мѣнялись, что, казалось, ихъ совсѣмъ уловить невозможно.

Усѣвшись небрежно въ кресло, Нефора, не ожидая разспросовъ хозяина, сама разсказала ему, въ чемъ ея надобность. Она сказала, что желаетъ, во что бы то ни стало, имѣть къ предстоящей палестрѣ самую изящную діадему работы Зенона, а онъ ей отвѣчалъ, что это невозможно, ибо все время его до предстоящей палестры уже распредѣлено имъ для исполненія другихъ, ранѣе полученныхъ заказовъ.

— А правду ли ты это говоришь? Можешь ли ты мнѣ сказать: для кого именно ты теперь взялся работать?

— Я думаю, что это я въ правѣ сказать,—отвѣчалъ неосторожно художникъ и назвалъ Родонисъ и Сефору, тѣхъ самыхъ, которыхъ всѣхъ сильнѣе Нефора желала превзойти своею красотой, появясь въ первый разъ на александрійской палестрѣ.

— Родонисъ и Сефора!—воскликнула Нефора.— Неужто же я меньше ихъ стою въ очахъ человѣка, который способенъ цѣнить изящное въ мірѣ?

— Человѣкъ прежде всего долженъ исполнять то, что составляетъ его долгъ.

— Долгъ художника служить красотѣ, и я тебѣ даю къ тому наилучшее средство. Зачѣмъ ты будешь напрасно тратить талантъ свой для плосколобой Родопись и скуластой Сефоры? Имъ все равно искусство твое не поможетъ и онѣ въ діадемахъ твоихъ не станутъ изящнѣй; но укрась ты Нефору, приложи красоту убора къ ея красотѣ—и палестра забудетъ ристанье, а заплещетъ моей красотѣ и твоему искусству, художникъ.

И когда Нефора увидала, что художникъ ей внимаетъ, то она, чтобы не дать ему опомниться и еще сильнѣе преклонить его на свою сторону, рѣшилась не выйти отъ него безъ того, чтобы не принудить Зенона измѣнить данному слову и тѣмъ болѣе восторжествовать надъ Родопись и Сефорой. Нефора рѣшила не только умолять Зенона и льстить ему вниманіемъ и лаской, но даже прямо прельщать его своею красотой съ тѣмъ, чтобы довести его до страстнаго увлеченія и купить у него предпочтеніе себѣ хотя бы даже цѣною своей чести.

«Тогда,—думала она: — онъ перестанетъ отказываться. и чего не хочетъ сдѣлать мнѣ за большія деньги, то сдѣлаетъ безъ всякой денежной платы, какъ для своей любовницы. Я этого желаю... У меня будетъ уборъ всѣхъ изящнѣе, а вреда чести моей отъ этого никакого не будетъ, потому что, навѣрное, никому даже и на мысль не придетъ, чтобы я, самая первая красавица, молодая и богатая вдова Нефорисъ, брака съ которой искало и ищетъ столько знаменитыхъ людей, отдалась изъ-за выгодъ уроженцу Милета... Никто не повѣритъ, что я отдала себя златокузнецу за то, чтобы имѣть его златокузню... чтобъ унизить ею соперницъ... Да, этому никто не повѣритъ, и я тѣмъ смѣлѣе на это рѣшаюсь».

Къ тому же... Зенонъ былъ красивъ и...

Нефора вдругъ ощутила надъ собой его обаянье.

Всѣ до сихъ поръ искали вниманія ея, — и вотъ человѣкъ, кого *она ищетъ*... Она предлагаетъ себя... Она себя *продаетъ*...

Это ей ново, и дико, и страстно желанно.

Нефора не размышляла, или ея разсудокъ былъ слишкомъ сговорчивъ и велъ ее къ достиженію того, чего ей желалось.

«Все равно я должна буду выйти замужъ за какого-нибудь вельможу, котораго я не буду любить, а пока я свободна, не вольна ли я сама располагать собой какъ хочу? Я хочу, я могу, я желаю здѣсь, въ этой тиши, внезапно купить себѣ цѣною своей красоты услуги красавца Зенона. Такъ, мой художникъ! тебя ничто не спасетъ отъ соблазна моей красоты, и торжество мое надъ тобой неизбѣжно».

И Нефора, нимало не медля, начала стремиться къ тому, чтобы осуществить свое намѣреніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Она сказала Зенону:

— Хорошо, я не хочу настаивать, чтобы ты портилъ твой честный обычай, но ты можешь помочь мнѣ, оставаясь господиномъ своихъ обѣщаній, которыя далъ Родонисъ и Сефорѣ.

— Я не вижу, какъ я могу это сдѣлать.

— Я тебя научу, если только ты хочешь у меня научиться, — сказала съ улыбкой Нефора.

— Учи, я охотно готовъ тебя слушать,—отвѣчалъ, также слегка улыбаясь, Зенонъ златокузнецъ.

— Сядь со мною рядомъ и слушай.

Зенонъ сѣлъ въ стоявшее рядомъ другое кресло, а она взяла его за руку и сказала:

— Ты вѣдь далъ слово не дѣлать лишь новыхъ уборовъ и не имѣешь досуга на это. Я и просить тебя больше объ этомъ не стану; но что̀ ты скажешь на то, если можешь мнѣ сдѣлать удовольствіе, не нарушая своего слова?

— Тогда я сдѣлаю все, чтобы не огорчить тебя понапрасну.

— Я не хочу ничего больше: здѣсь со мной мой пестрый персидскій ларецъ, въ которомъ лежатъ всѣ мои драгоцѣнности. Тамъ много есть разныхъ прекрасныхъ вещей, которыхъ здѣсь, въ Александріи, на мнѣ не видали. Я привезла ихъ для того, чтобы ты ихъ разсмотрѣлъ и обдумалъ: не возможно ли ихъ смѣшать и привести ихъ въ такое соединеніе, чтобы изъ нихъ, по изящному вкусу Зенона, вышелъ не худшій уборъ для Нефоры?

— Ты это очень хорошо придумала! — воскликнулъ Зенонъ златокузнецъ.

— Я очень рада, что ты меня одобряешь, и съ своей стороны награжу тебя всѣмъ, чего только захочешь.

Зенонъ понялъ смыслъ этихъ словъ о наградѣ и, вставъ съ мѣста, сказалъ:

— За простой совѣтъ и за легкую помощь по силамъ моимъ никакой мнѣ награды не нужно.

— Отчего же?.. Проси!.. Или... если ты гордъ, то довѣрь мнѣ самой оцѣнить, чѣмъ съ тобой расплачусь.

— Нѣтъ, оставь это!.. Мнѣ довольно будетъ того, что я могу доставить тебѣ радость...

— Хорошо, пусть будетъ по-твоему! Выйди же теперь къ моему рабу, возьми у него мой ларецъ и принеси его сюда.

Зенонъ вышелъ, а Нефора поглядѣлась въ свое ручное зеркальце, которое было у кистей ея пояса, и улыбнулась довольною улыбкой.

Зенонъ возвратился съ ларцемъ, который былъ не великъ, но изященъ и довольно тяжелъ.

— Благодарю,—сказала Нефора.—Теперь дай мнѣ сюда на колѣни подушку и станемъ на ней раскладывать вещи.

Зенонъ исполнилъ и это, и когда золотые уборы и самоцвѣтные камни въ оправахъ были вынуты маленькою рукой Нефоры изъ ея узорнаго ларца и разложены ею по темной ковровой подушкѣ, Зенонъ наклонился лицомъ къ колѣнямъ гостьи и сталъ серьезно разсматривать амулеты, шпильки, браслеты и цѣпи, а Нефора межъ тѣмъ разсматривала самого Зенона и любовалась граціозностью его движеній и нѣжною прелестью его свѣтлорусыхъ кудрей, подстриженныхъ и завитыхъ на лбу по греческой модѣ.

Долго Зенонъ не могъ ничего выбрать, но, наконецъ, взявъ въ руки одинъ золотой амулетъ, изображающій солнечный дискъ съ прямыми лучами, онъ задумался и потомъ соединилъ это съ другимъ меньшимъ дискомъ, на которомъ было изображеніе сладострастной богини Ма, съ ея закрытыми глазами. Зенонъ весело взглянулъ на Нефору и сказалъ ей:

— Ты совершенно права: изъ этихъ вещей можно составить такой прекрасный уборъ, который способенъ будетъ затмить всѣ другіе уборы. Ты надѣнь эти браслеты змѣями на голыя руки. Твои руки прекрасны.

— Ты находишь, что онѣ хороши?

— О, да, твои руки прекрасны, и я бы охотно слѣпилъ ихъ изъ воска.

— Что же, слѣпи. Я рада, что мое тѣло вдохновляетъ Зенона.

— Положи діадему съ маленькимъ дискомъ и богинею Ма на лобъ, а большой дискъ укрѣпи на груди, чтобы лучи его утопали и мѣстами бы вырывались изъ-подъ складокъ туники. Надѣнь свѣтло-зеленаго цвѣта тунику, или цвѣта зрѣющей вишни на солнцѣ... Вишневый цвѣтъ тебѣ, кажется, больше будетъ идти въ этомъ уборѣ... Жрецъ Ма всегда имѣетъ посохъ изъ вишни...

— Какъ ты хорошо это знаешь. Ма тебя за это должна наградить, какъ богиня.

— Сейчасъ мы все кончимъ: я тебѣ все разсказалъ, что̀ надо сдѣлать. Ты понимаешь: надо тончайшія рясны цѣпочекъ спустить съ діадемы къ лучамъ большого диска на груди и ими тебя, какъ богиню, бронеи опоясать.... И ты будешь сама, какъ Ма богиня, прекрасна.

— И ты мнѣ все это сдѣлаешь, Зенонъ?

— Нѣтъ, и тебѣ это не нужно. То, что нужно тебѣ, всякій другой сдѣлаетъ такъ же, какъ я, но я болѣе не господинъ моего времени,—я далъ слово не брать никакой другой работы и мнѣ жаль, что я долженъ тебя огорчить.

— Ты не хочешь, такъ прощай же, Зенонъ.

Съ этимъ Нефора такъ быстро встала, что подушка соскользнула съ ея колѣнъ и всѣ драгоцѣнности ея упали на коверъ и разсыпались къ ея ногамъ.

— Какъ ты неосторожна,—сказалъ Зенонъ и нагнулся къ полу, чтобы подобрать разсыпанныя вещи; но едва онъ началъ распутывать изъ покрывала маленькую, стройную ножку Нефоры, обутую въ темную кожаную сандалію съ золотымъ тисненіемъ по краю подошвы, какъ нога эта скользнула и судорожно вытянулась.

Зенонъ всклонился и, къ удивленію своему, увидалъ, что все лицо Нефоры быстро покрывалось страшною блѣдностью, а прекрасные глаза ея меркли.

— Что съ тобою?—вскричалъ онъ.

— Я не знаю, — тихо и медленно отвѣчала ему ослабѣвшимъ голосомъ Нефора. — Я ѣхала слишкомъ долго въ сѣдлѣ... я слишкомъ устала... меня черезчуръ долго

жгло палящее солнце, а здѣсь прохладно, я теперь вдругъ себя чувствую дурно... Помоги мнѣ, Зенонъ! Я задыхаюсь...

Она сдѣлала движеніе, чтобы подняться и заговорила еще скорѣе и тревожнѣе:

— Уведи меня! Здѣсь мускусъ... розы... жасминъ... Всѣ деревья здѣсь такъ сильно пахнутъ... Этотъ свѣтъ сквозь лиловую слюду раздражаетъ меня... я его не сношу... я не привыкла къ Египту... Свѣта мнѣ!... воздуха! . чистаго воздуха дай мнѣ скорѣе!

Вскрикнувъ это, она поднялась, взмахнула, какъ будто впотьмахъ чего-то искала, руками и съ меркнущимъ взоромъ тотчасъ же упала на руки Зенона.

Зенонъ подхватилъ ее, какъ дитя, на одну руку, а другою рукой дернулъ за шелковый шнуръ, и отъ движенія этого шнура одна панель въ красной стѣнѣ его мастерской сейчасъ же раздвинулась. За нею открылся входъ въ высокую, очень просторную комнату, куда встревоженный Зенонъ и пошелъ, держа на своихъ рукахъ сомлѣвшую Нефору. Глаза ея были теперь совершенно закрыты, голова опустилась и все тѣло ослабло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Комната, въ которую Зенонъ внесъ Нефору, была совсѣмъ не похожа на ту, изъ которой онъ ее вынесъ. Это была большая, высокая столовая, стѣны которой были гладко отдѣланы кедромъ, издававшимъ самый тонкій и едва замѣтный, здоровый, смолистый запахъ; въ ней были четыре большія окна, изъ которыхъ открывался широкій видъ на меланхолическій Нилъ, а по ту сторону водъ въ отдаленіи темнѣли спаржевыя поля.

Черезъ открытыя сверху до низу окна и отпертую дверь на террасу сюда обильно текъ чистый воздухъ, не насыщенный ничѣмъ раздражающимъ и наркотизирующимъ. Солнце не сверкало въ глаза и только синее небо да синія воды тихо отражали на всемъ свой ровный и спокойный оттѣнокъ.

Убранство покоя состояло изъ нѣсколькихъ низкихъ и широкихъ дивановъ, покрытыхъ мягкими стеганными матрацами изъ нѣжной овечьей шерсти, накинутыми сверху еще болѣе нѣжными двусторонними египетскими коврами. Передъ

каждымъ диваномъ были поставлены маленькіе столики и табуреты, а посерединѣ комнаты помѣщался большой столъ на львиныхъ лапахъ и на этомъ столѣ стоялъ завтракъ, который приготовилъ Зенону ушедшій праздновать таинства Митры служитель.

Зенонъ бережно опустилъ Нефору на одинъ изъ диваповъ, до котораго свободнѣе доходила струя воздуха, подложилъ ей подъ голову и подъ плечи подушки, разстегнулъ тунику на ея груди и выбѣжалъ въ смежную комнату, гдѣ была его спальня. Отсюда онъ принесъ флаконъ съ индійскою эссенціей и, капнувъ одну каплю этой эссенціи на предсердіе Нефоры, провелъ тихо рукою и подулъ, чтобъ эѳирная жидкость быстрѣе испарялась. Потомъ онъ облегчилъ голову гостьи и ослабилъ цвѣтные ремни у ея сандалій.

Попеченія его были успѣшны: едва онъ облегчилъ стяжки, стѣснявшія тѣло Нефоры, и сталъ повѣвать на нее ея же большимъ опахаломъ, къ ней начали возвращаться ея чувства и сознаніе,—вскорѣ длинныя рѣсницы ея стали шевелиться, а тонкія ноздри вздыматься дыханіемъ, и, наконецъ, оба ея измѣнчивые глаза неуловимаго цвѣта открылись. Она обвела въ недоумѣніи незнакомый покой и спросила:

— Гдѣ я?—и, получивъ отъ Зенона отвѣтъ о томъ, гдѣ она и какимъ случаемъ попала въ эту комнату, Нефора начала сожалѣть, что надѣлала Зенону столько хлопотъ. Она укоряла себя, зачѣмъ пустилась въ непривычный ей путь на мулѣ, а не въ носилкахъ и, протянувъ руку художнику, заключила:

— Прости мнѣ то безпокойство, которое я тебѣ сдѣлала.

Онъ просилъ ее, чтобъ она объ этомъ не думала, а она отвѣчала:

— Я не могу объ этомъ не думать, потому что въ этотъ несносный жаръ, мнѣ кажется, я буду не въ силахъ сдѣлать обратно далекій путь на сѣдлѣ.

— И это тоже пусть тебя не безпокоитъ,—отвѣчалъ ей Зенонъ.—Тебѣ нѣтъ нужды терзать себя въ такой жаръ на сѣдлѣ. Отдохни здѣсь у меня въ прохладѣ, сколько тебѣ угодно, а когда тѣни на землѣ станутъ длиннѣе, я самъ отвезу тебя спокойно до твоего дома на моей нильской

баркѣ, которая стоитъ здѣсь же у берега подъ моимъ садомъ.

Нефора благодарила его и осталась.

— Хотя мнѣ это и совѣстно,—сказала она:—но ты самъ видишь, какъ я ослабѣла. Я не могу ѣхать на своемъ мулѣ и не должна посылать за носилками, чтобы не возбудить этимъ многихъ напрасныхъ толковъ.

— Я все это понимаю, — отвѣчалъ Зенонъ: — и ты не безпокойся, ты не будешь предметомъ никакихъ толковъ. Моя пестрая барка со всѣхъ сторонъ окрыта густыми занавѣсами и тебя никто не увидитъ, а я самъ буду ею управлять.

— Это прекрасно, — отвѣчала Нефора: — но, въ такомъ случаѣ, пожалѣй и моего бѣднаго мула, и невольника, которые будутъ напрасно ждать меня на жарѣ у твоего дома.

— Это правда, — отвѣчалъ Зенонъ: — и если ты позволишь, я сейчасъ же отпущу домой и человѣка, и бѣдное животное.

— Не откажи мнѣ въ этомъ, я прошу тебя.

— Охотно,—отвѣчалъ Зенонъ, и сейчасъ же вышелъ, а Нефора приподнялась съ дивана и подошла къ одному изъ открытыхъ оконъ. Передъ нею открылся на пологомъ скатѣ къ рѣкѣ прекрасно содержанный садъ, разбитый по-египетски радіусами отъ центра, который обозначался фонтаномъ у небольшого обелиска изъ краснаго гранита, а въ концѣ одной изъ дорожекъ была такая же гранитная лѣстница. Къ одному изъ столбовъ этой лѣстницы была прикована бронзовою цѣпью роскошная, очень пестро, по-египетски, раскрашенная нильская барка. На носу ея красовался огненно-красный крылатый грифонъ, а на кормѣ завязанный въ узелъ хвостъ какого-то морского чудовища. Посрединѣ барки былъ паланкинъ, гдѣ на бронзовыхъ прутьяхъ висѣли въ густыхъ складкахъ полы мягкой полосатой матеріи—синей съ бѣлымъ.

Не трудно было понять, что это и есть нильская барка Зенона, на которой онъ любилъ вечерами кататься подъ клѣтчатыми шелковыми парусами по Нилу.

Она отличалась отъ всѣхъ другихъ барокъ, стоявшихъ у берега, не только по богатству, но и по изяществу отдѣлки, въ которомъ, какъ во всемъ окружающемъ Зенона, выражался его художественный вкусъ.

Онъ самъ и все, что при немъ есть,—все это было прекрасно и все плѣняло Нефору, и она все болѣе и болѣе волновалась отъ прилива страстныхъ ощущеній.

Придя просто съ тѣмъ, чтобы заставить художника сдѣлать себѣ уборъ и въ немъ превзойти на палестрѣ какихъ-то соперницъ, Нефора сама для себя непримѣтно увлеклась вспыхнувшимъ чувствомъ любви къ красавцу Зенону и, никого до сихъ поръ не любя, вся предалась необузданной страсти.

— Пусть, — говорила она, глядя на Нилъ, но Нила не видя: — пусть совершится судьба... Пусть, пусть это будетъ... Я собой не владѣю и владѣть не желаю... Всѣ, кто искалъ улыбки Нефоры,—судьба за васъ всѣхъ нынче мнѣ отомстила: я уязвлена страстью, я сегодня впервые люблю. Другой такой случай можетъ не быть: я остаюсь здѣсь одна съ нимъ и хочу здѣсь сгорѣть и сгорю въ объятіяхъ Зенона.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ то время, когда Нефора разсуждала такимъ образомъ, глядя въ открытое окно на картину, которая застилалась отъ нея ея влюбленною мечтой, возвратился Зенонъ; онъ сказалъ ей, что и мулъ, и нѣмой проводникъ имъ уже отправлены домой, а самой Нефорѣ Зенонъ предложилъ сѣсть за столъ и подкрѣпить себя пищей и прохладнымъ напиткомъ изъ воды и вина.

— Затѣмъ,—сказалъ онъ:—ты отдыхай здѣсь, въ покоѣ, пока схлынетъ жаръ, а я буду работать.

Нефора на все согласилась, и когда они сѣли съ Зенономъ къ столу и онъ просилъ ее испробовать мясо, фрукты и прохладное смѣшеніе изъ антильскаго вина съ водой и ягоднымъ сокомъ, Нефора, по эллинскому обычаю, предложила выслушать отъ нея, кто она и откуда и зачѣмъ появилась въ Египтѣ.

Зенонъ отъ этого не смѣлъ отказаться, и чтобы не показать себя невѣжливымъ передъ гостьей, отвѣчалъ ей:

— Повѣсть твоя усладитъ слухъ мой: говори, а я принесу воскъ и буду лѣпить изъ него то, что мнѣ нужно, — и онъ принесъ воскъ и началъ его мять на дощечкѣ, а Нефора близко сѣла съ нимъ рядомъ и начала говорить о себѣ.

Она упомянула Зенону сначала о своей родинѣ въ далекой Ѳракіи, откуда она была увезена въ дѣтствѣ въ Антіохію, и выросла тамъ при безпрестанныхъ тревогахъ по поводу быстрыхъ и частыхъ перемѣнъ въ положеніи ея родителей, а потомъ она разсказала, какъ была отдана замужъ за стараго и очень безнравственнаго византійскаго вельможу, который понуждалъ ее къ постыднымъ для женщины поступкамъ въ угоду высшаго вельможи, отъ котораго зависѣло его служебное повышеніе, и какъ она воспротивилась этому и много за то претерпѣла, а потомъ, когда мужъ ея умеръ, оставивъ ей большое богатство, она, по любви къ независимости и свободѣ, не захотѣла вернуться въ свою эллинскую семью, ибо ей противна подчиненность безгласныхъ въ семьѣ эллинскихъ женщинъ, а переселилась изъ Антіохіи въ Египетъ, гдѣ женщины не находятся въ такомъ порабощеніи, какъ у эллиновъ. Здѣсь она хочетъ быть госпожею своихъ поступковъ и сама надѣется выбрать себѣ достойнаго мужа.

— Ты хорошо сдѣлала, что соблюла свою непорочность,— отвѣчалъ ей уклончиво Зенонъ.

Она промолчала.

Зенонъ взглянулъ на нее и удивился, какъ измѣнчивый цвѣтъ ея глазъ то разгорался, то гасъ, обозначая быстроту душевныхъ движеній.

Она еще колебалась, но страсть одолѣла и стыдъ, и разсудокъ.

— Да,—сказала она:—но этихъ похвалъ я впередъ не желаю, я молода и не хочу быть «богиней», какъ ты меня назвалъ: теперь я хочу быть любима такъ просто, какъ смертную женщину можетъ любить простой, смертный мужчина. Да, я полюблю въ тотъ же мигъ, какъ только увижу того, который можетъ быть милъ мнѣ.

— Что же, ты, вѣрно, его и найдешь

Нефора опять замолчала: ноздри ея изящно выгнутаго носа быстро двигались, а уста открывали бѣлые зубы, но, наконецъ, она не выдержала и сказала:

— Я уже нашла его, Зенонъ.

— Вотъ и прекрасно: если онъ любитъ тебя, ты вступишь въ супружество, и я желаю тебѣ быть счастливой.

— Благодарю за желаніе,—живо сказала Нефора:—но я слишкомъ много страдала и слишкомъ долго ждала этого,

чтобы теперь ожидать еще дольше. Я томлюсь желаніемъ скорѣе, въ мгновенье. забыть мое горе въ объятіяхъ того, чьихъ лобзаній уста мои жаждутъ.

Она встала и съ дѣтскою, избалованною улыбкой бросилась къ Зенону и закричала:

— Къ тебѣ, Зенонъ, къ тебѣ, мой художникъ, влечетъ меня сердце и страшная сила рокочущей крови... Для чего ты встаешь? Куда ты отходишь? Дай мнѣ любви, дай мнѣ лобзаній, забвенья и счастья, или я потеряю разсудокъ!

Но Зенонъ ея не слушалъ; онъ отступилъ отъ нея и даже самый звукъ ея словъ удалялъ отъ своего слуха, устраняя рукой и повторяя:

— Ты не знаешь, что̀ ты говоришь. Опомнись! опомнись!..

— Я и знать не хочу ничего, кромѣ того, что я тебя полюбила!

Зенонъ вздвинулъ плечами и, сжавъ на груди свои руки, сказалъ:

— Несчастная женщина! ты въ себѣ разумъ и стыдъ женскій затмила!

— Возврати же скорѣе мнѣ мой разумъ! — прошептала Нефора и, положивъ на плечи ему свои обнаженныя руки, судорожно вздрогнула и замерла въ поцѣлуѣ.

Зенонъ хотѣлъ ее отстранить, но въ очахъ его помутилось, сердце упало, и онъ едва простоналъ:

— Нефора! Нефора!

А она межъ поцѣлуевъ ему отвѣчала:

— Я не богиня, Зенонъ... Я страстная смертная женщина, Зенонъ... Лобзай же меня и дай мнѣ скорѣй мигъ блаженства!

— Мигъ!—воскликнулъ Зенонъ.—Мигъ вмѣсто союза на цѣлую жизнь—это не честное дѣло, Нефора... Отбрось этотъ мигъ и не дай мнѣ несчастья унизить себя и тебя съ собой вмѣстѣ!

Нефора взглянула на него съ гнѣвомъ и сказала:

— Что это! ты оскорбляешь меня!

— Нѣтъ, я тебя возвышаю. Я чту въ тебѣ женщину больше, чѣмъ эллинъ и сынъ Мицраима.

— Я не хочу слушать ничьихъ разсужденій, когда мнѣ ихъ не надо!

— Нельзя жить безъ разсужденія.

— Отчего?

— Ты не поймешь.

— Нѣтъ, я уже все поняла... Ты любишь другую.

— Ты ошибаешься: я не люблю никого такъ, какъ ты хочешь.

— Такъ ты, значитъ, глупецъ!

— Нѣтъ, я—христіанинъ.

— Христіанинъ!.. Ахъ, ты христіанинъ! Такъ вотъ что!.. Христіане, это тѣ, которыхъ всѣ презираютъ и гонятъ!.. Это тѣ, которыхъ учитель хотѣлъ, чтобы люди отрекались отъ счастья любить; но вѣдь это, Зенонъ, безразсудно бороться съ природой. Ее одолѣть невозможно, да и зачѣмъ это нужно?.. Ты мой, Зенонъ, да? Ты пылаешь любовью ко мнѣ, ты не въ силахъ противиться мнѣ, я люблю тебя, Зенонъ, я тебя призываю! — и съ этимъ она рванулась къ нему, и уста ея соединились съ его устами.

Зенонъ почувствовалъ словно море зашумѣло въ его ушахъ и будто пламя блеснуло у него передъ глазами; его клонило въ ея объятіяхъ, какъ клонитъ трость подъ дыханіемъ бури, но вдругъ на кормѣ пробудился повелѣвающій волнамъ и бурѣ. Зенонъ увидалъ Его, отстранилъ отъ себя страстныя руки Нефоры, рванулся къ столу,—и теперь Нефорѣ какъ-будто блеснуло между нею и Зенономъ... что-то какъ ножъ и кровавое пламя, а Зенонъ уже стоялъ и шатался, держась сзади руками за столъ. По лицу его струилась кровь, а въ глазу его стремила рукоятка ножа. Лезвіе было въ глазѣ, а другой глазъ глядѣлъ на Нефору съ тихимъ укоромъ, а уста, блѣднѣя, шептали кому-то, но только не ей:

— Благодарю Тебя, что Ты не погнушался мной и явилъ Свою власть надъ моей страстной природой. Мой глазъ едва не соблазнилъ меня, но я сдѣлалъ то, что Ты повелѣлъ, и... теперь нѣтъ этого глаза.

Проговоривъ это, Зенонъ зашатался и упалъ, и ножъ вывалился изъ его раны, а кровь орошала его лицо и струилась на полъ.

Нефора не издала ни одного звука: глаза ея, устремленные на Зенона, остолбенѣли въ безмолвномъ ужасѣ, и она выбѣжала отсюда, оставивъ здѣсь и свое покрывало, и всѣ свои драгоцѣнности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вышеописанное происшествіе было дѣломъ самаго короткаго времени и случилось такъ неожиданно и было столь противоположно настроенію Нефоры, что она совершенно растерялась и обезумѣла. Когда она опомнилась на воздухѣ, то увидѣла, что теперешнее собственное ея положеніе было очень затруднительно. О своихъ драгоцѣнностяхъ Нефора не вспомнила, но къ ужасу, который охватилъ ее при видѣ того, что̀ съ ужасною твердостью сдѣлалъ надъ собою Зенонъ, сейчасъ же присоединилась забота: какъ бы ей скрыться отсюда и возвратиться домой незамѣченною? Она была далеко отъ своего дома, а проводникъ и мулъ были отпущены; слуги Зенона не было дома; пѣшкомъ къ себѣ Нефора не могла возвращаться потому, что ноги ея дрожали и подкашивались: кромѣ того, она стыдилась идти по улицамъ безъ покрывала въ своемъ слишкомъ красивомъ уборѣ.

Безотчетно, или, можетъ быть, только съ однимъ желаніемъ избѣжать встрѣчъ на улицахъ, она бросилась черезъ садъ къ берегу Нила, гдѣ стояла у пристани барка Зенона.

Здѣсь была полная тишина и безлюдье, но, окинувши глазомъ берегъ, Нефора замѣтила невдалекѣ низкую хижину, сбитую изъ тонтаннаго тростника, смѣшаннаго съ нильскою глиной. Она направилась къ этому убогому жилищу и постучала рукой въ окно. Оттуда выглянулъ человѣкъ, весь измаранный въ у̀гольной пыли. Онъ былъ египтянинъ.

Нефора дала ему золотой браслетъ съ своей руки и сказала, чтобъ онъ нашелъ какое-нибудь средство отвезти ее незамѣтно въ городъ.

— Пожалуй, я могу это сдѣлать,—отвѣчалъ египтянинъ, принимая ея даръ:—если только ты согласишься плыть со мною въ моей у̀гольной баркѣ.

— Хорошо, если нѣтъ другого способа, я согласна плыть въ у̀гольной баркѣ, но я не хочу, чтобы меня въ ней видѣли, а я потеряла мое покрывало.

— Тамъ есть у̀гольный мѣшокъ: я тебя прикрою.

— Но это ужасно.

— Да, онъ грязненекъ, и если ты его боишься, я положу на дно барки пустую кадку и ты можешь согнуться и скрыть подъ нею свою голову.

Нефора на это согласилась.

Угольщикъ исполнилъ все, за что взялся, и Нефора совершила продолжительное и неудобное передвиженіе по Нилу въ тяжелой и грязной угольной толстодонной баркѣ, лежа подъ угольною кадкой. Едва лишь къ вечеру достигла она своего жилища, куда взошла, дождавшись темноты, вся перемаранная грязью и угольною пылью. Нефора, разумѣется, удивила всѣхъ рабовъ и рабынь своимъ возвращеніемъ въ такомъ плачевно-бѣдственномъ видѣ и была въ ужасномъ разстройствѣ; она сейчасъ же вымылась и слегла въ постель, а ночью у нея началась горячка: она срывалась съ кровати и начинала неистово бѣгать и плакать, рвала на себѣ свои прекрасные черные кудри, царапала щеки и, забывъ осторожность, кричала:

— Мщенье Зенону! мщенье всѣмъ христіанамъ!

Испуганныя рабыни сочли ее за одержимую злымъ духомъ и призвали къ ней знатную египетскую вспомогательную бабу Бубасту, которая долго смотрѣла въ лицо ей и слушала ея безумные крики, а потомъ сказала Нефорѣ:

— Я вижу, какой-то змѣй уязвилъ твое сердце... Скажи мнѣ, кто смѣлъ пренебречь твоею красотой?

— О, да, я пренебрежена,—отвѣчала Нефора:—и я должна раздавить этого змѣя.

— Такъ и будетъ. Царь Амазисъ мудро изрекъ, что ядъ обиженной женщины острѣе змѣинаго яда. Кому хочешь мстить?

— Христіанскому Богу и всѣмъ христіанамъ въ Египтѣ.

— Хорошо. Я сама горю мщеніемъ ко всѣмъ пришельцамъ въ Египтѣ. Мое имя—баба Бубаста, я нынче старуха, лѣкарка; но я была молода и любила; мой мужъ томится давно въ каменоломняхъ Пилака, и сердце мое каждый день слышитъ, какъ онъ двигаетъ гранитныя глыбы, въ цѣпяхъ, которыя наложилъ на него жестокій правитель... О, я ненавижу пришельцевъ и новую вѣру, я рада имъ мстить: я пойду искать ядъ и приду къ тебѣ, госпожа, когда ядъ мой поспѣетъ.

Происшествіе съ Зеноном имѣло послѣдствіемъ то, что ни одна изъ женщинъ, для которыхъ онъ спѣшилъ окончить заказы, не получила ожидаемыхъ уборовъ къ палестрѣ. Это была первая неисправность съ его стороны, и

служитель Зенона, персъ, отнесъ щеголихамъ ихъ камни и золото, объявивъ, что его господинъ, славный художникъ Зенонъ, имѣлъ большое несчастіе потерять глазъ и теперь долго не надѣется возвратить себѣ способность къ работѣ. Потомъ персъ явился также къ Нефорѣ и доставилъ ей ея покрывало и ларецъ съ ея драгоцѣнностями.

Нефора была не рада возвращенію своихъ вещей, потому что это заставляло ее опасаться: не откроется ли ея участіе въ ослѣпленіи глаза Зенона, но персъ не сказалъ ей ни слова, и она больше ни откуда не слыхала ничего о Зенонѣ.

И художникъ, и слуга его хранили о всемъ происшедшемъ молчаніе. Слуга, по всей вѣроятности, и вовсе не зналъ, какъ это несчастіе случилось съ Зенономъ. Нефора никуда не выходила изъ своего дома, но въ душѣ ея попрежнему горѣли въ темномъ смѣшеніи обида отвергнутой страсти и жажда отомстить за себя Зенону. Она не знала только, какое бы измыслить ему самое жестокое мщеніе. Она не разъ вспоминала о той египетской знахаркѣ, бабѣ Бубастѣ, которая обѣщала ей дать страшное средство отомстить ненавистнымъ для нихъ христіанамъ, но думала, что Бубаста сказала это слово ей просто въ утѣху и потомъ позабыла о своемъ обѣщаніи. Но это было не такъ: старая египтянка ждала только времени и не упустила случая воспользоваться имъ, какъ только къ тому представилась возможность.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Прошелъ годъ. Въ это время много людей родилось и много умерло; одни дѣла людскія вновь замышлялись, другія были окончены и позабыты. Было забыто и то, какъ къ прошлымъ палестрамъ некстати и неизвѣстно отъ какого несчастія окривѣлъ всѣмъ въ Александріи извѣстный красавецъ художникъ Зенонъ златокузнецъ. Онъ долго болѣлъ, но потомъ поправился, и теперь носилъ черезъ голову на одномъ глазѣ голубую повязку, которая не только не безобразила его лица, но, казалось, придавала ему еще новую привлекательность. Зенонъ и при одномъ глазѣ работалъ такъ же изящно, какъ прежде, и опять все съ тою же неизмѣнною добросовѣстностью, которою дорожилъ ранѣе. Теперь онъ бы могъ успѣть сдѣлать желанный уборъ для Не-

форы, но антіохійка, разумѣется, не обращалась ни съ какимъ заказомъ къ Зенону.

Съ нею съ тѣхъ поръ тоже кое-что случилось. Красота и богатство Нефоры не оставляли ее въ затменіи, и старый правитель Александріи, человѣкъ жадный и исполненный многихъ низкихъ страстей, пожелалъ соединить Нефору бракомъ со своимъ старшимъ сыномъ, который имѣлъ столь малый умъ, что, побывавъ во многихъ отдаленныхъ странахъ и истративъ на это путешествіе большое богатство, по возвращеніи своемъ не умѣлъ разсказать ни о чемъ имъ видѣнномъ, кромѣ какъ о величинѣ яйца птицы строфокомила. Отецъ, не желая второй разъ награждать глупаго сына, искалъ обезпечить его огромнымъ богатствомъ Нефоры посредствомъ брака съ нею, и Нефора, къ совершенному удивленію многихъ, отвѣчала согласіемъ на это искательство; но вскорѣ затѣмъ, когда дала уже слово, она начала откладывать свадьбу день за день, и не только сказывалась нездоровою, но и въ самомъ дѣлѣ сильно разнемоглась и ни одинъ изъ лѣкарей, которыхъ присылалъ къ ней правитель, не могъ узнать, что у нея за болѣзнь и какими лѣкарствами можно помочь ей. Она ни на что особенно въ своемъ здоровьѣ не жаловалась, но вся изнемогала, лицо ея худѣло, глаза блекли,—она не занималась ни нарядами, ни плетеніемъ волосъ, не надѣвала драгоцѣнностей и не посѣщала знакомыхъ, и даже мало была въ своихъ комнатахъ. Ей было несносно подъ крышей, и она искала уединенія въ саду, гдѣ все подъ-стать ея расположенію было грустно и какъ бы дремало: фонтанъ билъ лѣниво, пестрыя бабочки перелетали съ одного цвѣтка на другой тоже лѣниво; но скоро и это начало безпокоить Нефору. Но вотъ настала еще иная пора. Садовые акантусы и желтыя мимозы, живыя ограды изъ разноцвѣтной сирени, жасмина и розъ, высокія пальмы, акаціи и бальзамовыя деревья,—все цвѣло, благоухало и жужжало, наполненное кипучей жизнью насѣкомыхъ. Этотъ приливъ жизни сталъ иначе смущать и тревожить Нефору; ей казалось даже, что золотыя рыбки въ каменномъ бассейнѣ фонтана слишкомъ живо и громко плескались. Нефора удалялась къ обширному огороду и тамъ, часто останавливаясь надъ грядами махроваго мака, срывала съ него пышные цвѣты и, обрывая лепестки ихъ, клала ихъ на ладонь, дула на нихъ и ударяла другою ладонью, шепча

тихо устами: «полюбитъ» или «нѣтъ»? И если маковый лепестокъ разрывался съ трескомъ, она улыбалась и расцвѣтала душою, была весела, ѣла, спала и дарила наряды служанкамъ, но жениха своего къ себѣ не пускала; если же лепестокъ вяло сжимался у ней между ладоней, она его сбрасывала съ рукъ и тутъ же сама садилась на землю, и долго, и горько плакала навзрыдъ, какъ ребенокъ. Служанки не разъ находили Нефору лежащею на черной землѣ между большихъ янтарныхъ шаровъ, какими казались созрѣвшія ароматныя дыни, и отсюда служанки приносили свою госпожу домой въ безчувственномъ состояніи. Сначала онѣ давали знать о тяжкихъ припадкахъ Нефоры правителю, и тотъ тотчасъ же присылалъ врачей и своего сына, но какъ искусство врачей оказывалось безсильнымъ, а сына правителя Нефора совсѣмъ не желала видѣть и даже тяготилась его приближеніемъ къ ней издалека, то женщины, по суевѣрію своему, при новомъ жестокомъ припадкѣ Нефоры опять призвали къ ней бородатую бабу Бабусту, съ плоскимъ лбомъ и большими ушами.

Баба омыла лицо ей нильскою водой и сказала:

— Ядъ, который змѣй излилъ въ твое сердце, жестокъ, но ты должна быть сильна, чтобъ отомстить и ему, и всѣмъ христіанамъ. Приближается время отомщенія: старые боги Египта приходятъ намъ на помощь, чтобы сгубить ненавистную новую вѣру. Мщеніе пришельцамъ пришло, близокъ конецъ для всѣхъ христіанъ въ Александріи.

— Всѣхъ?—задумчиво переспроси. а Нефора

— О, да, всѣхъ или какъ можно больше, въ томъ числѣ вѣдь будетъ раздавленъ и змѣй, который отравилъ твою жизнь.

Нефора посмотрѣла на плоскій лобъ и на уши бабы Бубасты и вспомнила другія лица старыхъ египтянъ, ненавидѣвшихъ христіанскую вѣру, и, содрогнувшись, сказала:

— Я желаю отомстить за себя; но когда ты говоришь со мной объ отомщеніи, мнѣ страшно слушать. Ты стара— за что тебѣ ихъ такъ ненавидѣть?

— Ого!.. Я стара!.. Это правда,—отвѣчала, покачавъ головой, Бубаста, причемъ длинныя и широкія серьги въ ея ушахъ запрыгали.—Я стара, но я сказала тебѣ, мой старый мужъ томится въ каменоломняхъ, я ѣмъ хлѣбъ, который зарабатываю себѣ моими руками, и мои сыновья, и сыновья

моихъ дочерей тоже трудятся,—изъ нихъ есть ткачи и канатчики, и кожевенники, и всѣ они едва питались своими трудами, а христіане теперь завели у себя мастерскія въ особыхъ огражденныхъ мѣстахъ, гдѣ они молятся, а другіе ихъ за это кормятъ, и они на даровомъ хлѣбѣ берутъ работу дешевле нашего... Наши руки не могутъ болѣе доставать работою столько, сколько нужно на пропитаніе... Проклятіе имъ, пора съ ними расчесться... Старый Неохъ видѣлъ, какъ черный ибисъ плясалъ на берегу, глядясь въ воду. Заплящутъ они,—скоро заплящутъ! Время отомщенія близко. Цари Египта проснутся и встанутъ въ своихъ пирамидахъ, скрѣпленныхъ кровавымъ пòтомъ своихъ прежнихъ рабовъ... Замѣчай... скоро ужъ водная ночь, а нашъ Нилъ не хочетъ поднять своихъ водъ, чтобы оросить въ этотъ годъ нивы Египта *). Глаза всѣхъ людей напрасно слѣдятъ на раскаленномъ небѣ за полетомъ голубя съ радостною вѣстью съ верховьевъ, что вода начинаетъ подниматься въ Мемфисѣ...

— Да,—продолжала Бубаста, схватывая нѣжную руку Нефорисъ своею сильною и грубою рукой: — да, вода не поднимается. Цари Египта, которые спятъ въ пирамидахъ Гизеха, не пускаютъ къ намъ Нилъ за то, что мы дали волю жить у насъ пришельцамъ, людямъ разныхъ вѣръ и особенно христіанамъ, у которыхъ лѣнивые люди находятъ себѣ пропитаніе въ ихъ общинахъ... Имъ хорошо и они мѣшаютъ намъ дѣлать работу за настоящую цѣну. Смерть имъ,—смерть безъ пощады всѣмъ имъ, спускающимъ цѣну! Они слишкомъ усилились, они завели здѣсь старѣйшинъ,—называютъ одного патріархомъ, другого епископомъ,—вѣра ихъ входитъ въ моду и скоро, быть-можетъ, всѣ знатные люди станутъ держаться ихъ вѣры... но ты меня вовсе не слушаешь,—тебѣ все равно, какіе боги управляютъ Египтомъ, но народу нужно, чтобы съ нимъ въ добромъ согласіи жилъ старый Нилъ. Когда Нилъ разольется и оросить нивы Египта, тогда исчезнетъ унылость народа: тогда всѣ пристани въ устьяхъ заблещутъ яркими флагами чужихъ кораблей; войдутъ большія египетскія суда съ отрадными изображеніями ибисовыхъ головъ и понесутся далеко пѣсни звонкоголосыхъ пѣвцовъ съ Дельты; для нашихъ красавицъ привезутъ роскошныя ткани изъ Мальты, изъ Сардиніи

*) «Водная ночь» 27 іюня.

камни, съ Кипра медъ и вино, отъ эллиновъ масло, мастику и издѣлія изъ бронзы, и пестрые паруса изъ веселаго Тира, и ливанскіе кедры, безъ которыхъ нѣтъ матеріала для строекъ въ безлѣсномъ Египтѣ; а отъ насъ купятъ дорогою цѣной хлѣбъ и тонкій папирусъ, и кружева изъ Саиса, и мемфисскія колесницы, которыхъ нѣтъ прочнѣе и легче на свѣтѣ... Но не разливается Нилъ и вотъ, вмѣсто всего этого оживленія, нынче все охватило сномъ смерти: рѣка, что день, больше мелѣетъ, — начинается общій страхъ голода, и люди уже стали болѣть за Мемфисомъ. Вчера еще прилетѣлъ голубь съ извѣстіемъ, что за Сауномъ и въ Ѳивахъ пошли темныя пятна на людяхъ,—страшное бѣдствіе близится; черезъ три дня настанетъ водная ночь, и если въ эти три дня и три ночи не захочетъ священный нашъ Нилъ подниматься, то мы поднимемъ народъ и всѣ пойдемъ къ правителю, чтобы онъ повелѣлъ выйти отъ насъ христіанамъ, или мы бросимъ ихъ въ Нилъ; и тогда это будетъ для всѣхъ для нихъ отмщеніе. Но вѣдь ты, можетъ-быть, не хотѣла бы, чтобы они всѣ до одного потонули? Ты одного, можетъ-быть, хотѣла-бъ оставить на свѣтѣ?

— Да,—отвѣчала Нефора:—я бы хотѣла оставить одного изъ христіанъ дольше другихъ на землѣ, но для того только, чтобы онъ видѣлъ посрамленіе и гибель другихъ, и только тогда бы погибъ, когда я наслажусь надъ нимъ моимъ мщеніемъ.

— Разскажи мнѣ, чѣмъ онъ оскорбилъ тебя, и я пойду къ тайнымъ жрецамъ и мы тогда изберемъ ему страшное мщеніе, а твоимъ словомъ дорожитъ правитель; ты изукрась себя лучшимъ уборомъ, пойди къ нему, плачь за народъ нашъ и проси его сдѣлать, что̀ мы тебѣ скажемъ, и мщеніе твое совершится надъ тѣмъ, кто тебя оскорбилъ, и надъ всѣми людьми его вѣры.

Нефора же находилась въ такомъ страшномъ разстройствѣ, что какъ бы въ забытьѣ разсказала бабѣ Бубастѣ все, что̀ было у ней годъ назадъ въ жилищѣ Зенона.

Баба Бубаста, выслушавъ повѣсть, всплеснула руками, и серьги у ней опять зазвенѣли, болтаясь по щекамъ.

— Боги!—воскликнула баба: — виданное ли дѣло, чтобы человѣкъ - чужевѣрецъ смѣлъ бы такъ дерзко отвергнуть квитовое яблоко, которое подала ему такая красивая жен-

щина? Отказаться отъ этого для какого-то учителя, который отнимаетъ у людей лучшія сладости жизни! Это безуміе! Ты отмщена будешь страшно, Нефора, и едва только три дня пройдетъ, какъ это случится. Будь дома и вѣрь мнѣ, что, какъ я сказала, такъ и будетъ.

Съ этимъ баба Бубаста покрылась темнымъ коричневымъ платомъ и удалилась.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Баба Бубаста простилась съ Нефорой и, опираясь на палку, прошла черезъ Ворота Луны и Хентастаду на островъ Фарросъ, гдѣ на сѣверномъ берегу у пристани Морскихъ Разбойниковъ жили звѣздочеты — любители всякой мудрости, о которыхъ говорили, что̀ они знаютъ тайныя науки и могутъ видѣть то, что̀ отъ прочихъ обыкновенныхъ людей сокрыто въ природѣ. Здѣсь, на этомъ Фарросѣ, ближе къ молу Александра, жили тѣ, которые переводили на греческій языкъ священныя книги евреевъ, и здѣсь же ближе къ пристани разбойниковъ жили тѣ, которые считали библейскія книги за собраніе недостойныхъ жидовскихъ выдумокъ. И вотъ тутъ-то, въ отдаленіи, у самаго сѣвернаго берега жилъ одиноко, въ просторной пещерѣ, темнолицый мемфистъ, по имени Неохъ. Это былъ старый, типическій египтянинъ — старый потомокъ старыхъ понтифовъ, человѣкъ съ плоскимъ лбомъ, выдающимися скулами и очень большими ушами. Онъ былъ больной человѣкъ: его сводилъ въ комокъ ревматизмъ и безобразилъ катаръ вѣкъ; глаза его слезились и впали, а рѣсницы растопырились и бѣловатый кругъ отдѣлялъ яблоко глаза отъ вѣкъ. Современные египтяне изъ черни считали Неоха за большого ревнителя вѣры и ходили къ нему за совѣтами, какъ къ человѣку, надѣленному остротою проницательнаго ума, изощреннаго непримиримою ненавистью ко всему, что̀ несогласно со стариною. Неохъ одинаково непримиримо ненавидѣлъ всѣ вѣры, которыя были несогласны съ вѣрой древнихъ египтянъ, и готовъ былъ вредить каждому иновѣрцу; но какъ въ то время, о которомъ идетъ нашъ разсказъ, охотнѣе всѣхъ прочихъ преслѣдовали христіанъ, то Неохъ изощрилъ себя и на то, какъ можно на всякомъ шагу и на всякій разъ сдѣлать досаду и зло христіанамъ. Это же тогда было и не трудно, ибо поводы

къ тому, чтобы нападать на христіанъ и грабить ихъ, находились ежечасно. Какія бы гдѣ ни случились общественныя бѣдствія: пожары или землетрясенія, потопленіе судовъ и обвалы путей, неурожаи или повальныя болѣзни,— все это считали случившимся по винѣ христіанъ. Къ ихъ обвиненію равно удобно служили и сильные разливы Тибра въ Римѣ, и недостаточный подъемъ водъ въ Нилѣ, въ Египтѣ; равно къ ихъ же винамъ относили и всякія иныя рѣдкія и необыкновенныя явленія въ природѣ. Все неблагопріятное принимали какъ знакъ неудовольствія боговъ, обижавшихся будто на то, что теперь среди ихъ давнихъ поклонниковъ живутъ иновѣрные люди, которые не воздаютъ старымъ богамъ поклоненія, а молятся какъ-то иначе, посвоему,—почитаютъ какого-то распятаго Назареянина и совершаютъ что-то таинственное Его кровью. На что нужна имъ эта кровь? Они говорятъ, будто они ею спасаются отъ своихъ враговъ. Тогда кто враги ихъ? Очевидно это тѣ, кто не раздѣляетъ ихъ странной вѣры. Слѣдовательно, вотъ кого они и хотятъ пересилить и погублять кровью Распятаго. И имъ это удается: говорятъ, что они брызгаютъ кровь по вѣтру и оттого на людяхъ выступаютъ прыщи и сыпи, гноятся глаза, пухнутъ подшейныя железы и гніетъ въ глоткахъ; они капнутъ каплю крови на землю и подымется мошкара, которая точитъ всѣ огурцы и дыни и набивается дѣтямъ во рты и въ глаза, и всѣ огурцы и дыни пропадаютъ и тлѣютъ, и цыплята, которые ихъ наклюются, — шелудивѣютъ, теряютъ перья и зачичкаются, а у людей глаза заслезятся и станутъ слѣпнуть...

И когда только случались обычныя здѣсь несчастія въ такомъ родѣ, сейчасъ всѣхъ охватывалъ суевѣрный страхъ и всѣ искали причины несчастія на христіанахъ и затѣвали на нихъ погромы,—людей били, а имущество расхищали и разбрасывали. Правители знали, что христіане только терпимы, но никому не желанны, и потому смотрѣли на безчинства надъ ними сквозь пальцы, они не только не заступали горячо людей христіанской вѣры, но даже нерѣдко радовались, что нищіе и раздраженные невѣжды, вмѣсто того, чтобъ негодовать на безучастное правительство, срывали на христіанахъ свой гнѣвъ и тѣмъ утоляли свое раздраженіе. Если же случалось, что христіанъ успѣвали сильно побить и разорить, тогда правители унимали

побѣдителей и ссылали ихъ заточниковъ въ каменоломни, а отъ награбленнаго ими имущества сами пользовались доброю частью. Отъ высшихъ же и далекихъ властей мѣстные правители строгой отвѣтственности за христіанъ не опасались, потому что люди эти были въ презрѣніи. Если и были случаи, что за обиды, сдѣланныя христіанамъ, спрашивали объясненій, то областные правители всегда находили много причинъ для оправданія, а чаще всего представляли, что христіане сами виноваты, что они имѣютъ какіе-то таинственные обряды, особятся отъ всѣхъ прочихъ и возбуждаютъ тѣмъ противъ себя всеобщую ненависть. Такимъ образомъ, снисхожденіе къ народнымъ безчинствамъ надъ христіанами часто принималось за благоразумную государственную терпимость, которою областной намѣстникъ предотвращалъ будто бо̀льшее бѣдствіе, способное, пожалуй, перейти въ угрожающее политическое возстаніе.

Христіане не считались столь драгоцѣнными, чтобы изъ-за нихъ строго взыскивать, и потому погромы, случавшіеся въ общинахъ отдаленныхъ христіанъ, нерѣдко съ тяжкими мучительствами, убійствами и съ самымъ обиднымъ издѣвательствомъ надъ ихъ вѣрою, проходили безъ всякихъ наказаній или съ наказаніями столь легкими, что надъ ними смѣялись. Чаще же погромы даже совсѣмъ оставались неизвѣстными въ Византіи и въ Римѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Бунты и возстанія всего легче затѣваются при уныніи и страхѣ.

Когда вода въ Нилѣ стояла низко въ ту пору года, когда ей уже было время разлиться, тогда по всей странѣ Египетской отъ Филэ до Александріи ощущалось повсемѣстное терзательное безпокойство: всѣ страшились безхлѣбья и ходили унылые и раздраженные, многіе надѣвали печальныя одежды съ неподрубленными краями, передвигали пояса съ чреслъ высоко на грудь — къ мѣсту вздоховъ, нетерпѣливыя женщины рвали на себѣ волосы, а задумчивые мужчины безмолвно смотрѣли унылыми глазами съ повисшими на рѣсницахъ слезами.

При мрачномъ настроеніи египетскихъ характеровъ, все это облекало страну въ ужасъ. То самое было и теперь, въ пору нашей повѣсти. Къ тому же, положеніе, какъ раз-

сказала Бубаста, осложнялось появленіемъ множества болѣзней. Почтовые голуби, пущенные съ верховьевъ теченія рѣки изъ Геліополя, Мемфиса и Оивъ. приносили въ Александрію самыя удручающія извѣстія: вся Ѳивада и Гептаноммида и Нижній Египетъ слились въ одну скорбь и въ одинъ стонъ,—люди голодали, слѣпли, боялись другъ друга и искали, кого бы сдѣлать отвѣтственнымъ за претерпѣваемое бѣдствіе.

Наконецъ, къ удовольствію многихъ, виновные были найдены, и это, какъ всегда, были христіане. Правовѣрные египтяне уже побили въ Геліополѣ христіанскихъ ткачей и то же досталось колесникамъ и стекольнымъ выдувальщикамъ въ Мемфисѣ. И они этого заслужили за то, что они испортили цѣны ткачамъ и колесникамъ, взявшись работать дешевле, чѣмъ работаютъ всѣ вольные люди въ Египтѣ. Имъ было можно дешевить, потому что они живутъ общинами и получаютъ приношенія отъ богатыхъ людей одной съ ними вѣры, но кто живетъ своимъ трудомъ и приношеній не получаетъ, тому по такой дешевой цѣнѣ ни пряcть, ни ткать, ни ободья гнуть невозможно. А потому этого терпѣть нельзя, это надо остановить, а для того, чтобы остановить, самое простое дѣло—избить христіанъ, отнять ихъ имущество, поломать ихъ станки и самихъ ихъ бросить въ воду. Священный Нилъ, кстати, принимаетъ это за жертвоприношеніе, и у старыхъ людей есть примѣты, что вода въ Нилѣ тогда начинаетъ подниматься.

Теперь было прекрасное время играть на этихъ страстяхъ.

Баба Бубаста пошла къ мемфиту Пеоху за тѣмъ, чтобы возвѣстить ему, что народъ въ негодованіи и что у нея есть лицо, которое пылаетъ местью противъ христіанина и можетъ поставить правителя въ такое благопріятное положеніе, что тотъ вынужденъ будетъ мирволить народнымъ безчинствамъ. Пеохъ сидѣлъ въ тѣни, прислонясь спиною къ скалѣ, и выслушивалъ то, что̀, стоя передъ нимъ, говорила ему Бубаста. Онъ, впрочемъ, и самъ уже зналъ о всеобщемъ уныніи отъ того, что долго не начинается разливъ Нила, но его обрадовало, что Бубаста заручилась содѣйствіемъ Пефоры, которая можетъ обезоружить правителя и всякія издѣвки надъ христіанами сойдутъ у египтянъ съ рукъ, не причиня имъ никакихъ жестокихъ возмездій.

— Ты умная женщина, — отвѣчалъ Пеохъ. — Эти люди должны пострадать за наши несчастія.

— Да; но какъ это начать? Ты, вѣдь, повсюду славенъ, мудрый Пеохъ; ты за своею лампадой прочелъ всѣ священные свитки; ты знаешь и свѣтъ нашей истинной вѣры, и знаешь тоже всю ложь всѣхъ прочихъ ученій, а мы чужихъ вѣръ не знаемъ,—мы только отъ чистаго сердца ихъ ненавидимъ. Будь головой на плечахъ, подъ которыми трепещетъ и поетъ народное сердце священнаго Кемми: научи насъ, что̀ надобно дѣлать, чтобы христіане получили всесвѣтный позоръ и безвозвратную гибель? Скажи намъ, что̀ такое мы могли бы требовать отъ христіанъ, чтобы это было въ ихъ же законѣ и что̀ бы могло показать всѣмъ безсиліе ихъ вѣры и посрамить ихъ?

Пеохъ улыбнулся, погладилъ грязною рукой прирученнаго ихневмона и сказалъ:

— Хорошо, я вамъ покажу, какъ посадить лягушку на дерево; но смотрите вы: уже долой съ дерева ее не спустите!

— О, мы ее не спустимъ!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Старый Пеохъ посмотрѣлъ въ молчаніи въ свою лампаду и сказалъ бабѣ Бубастѣ:

— Ты не ложно сказала, Бубаста: я, дѣйствительно, знаю и свою правую вѣру, и всѣ суевѣрія чужія, и всѣхъ боговъ суевѣрныхъ. Я могу судить и объ эллинскомъ Зевсѣ, и объ Ормуздѣ и Ориманѣ фарсійскихъ, и объ Еговѣ, мстительномъ Богѣ бывшихъ рабовъ нашихъ — евреевъ, а также и о Томъ бѣднякѣ, Который былъ распятъ и Котораго почитаютъ за Бога себѣ христіане. Мы ихъ уловимъ на Его же словахъ: Онъ говорилъ, что кто будетъ вѣрить, какъ Онъ училъ, то такой человѣкъ, если скажетъ горѣ: «сдвинься», то будто гора тронется съ мѣста и бросится въ воду. Съ кровли правителя вашего по направленію къ закату видна гора Адеръ. Если христіане добры, то пусть они для спасенія всѣхъ умолятъ своего Бога, чтобы Адеръ сошла съ своего мѣста и, погрузившись въ Нилъ, стала плотиной теченію. Тогда воды Нила подымутся вверхъ и оросятъ изгорѣвшія нивы. Если же христіане не сдѣлаютъ такъ, чтобы стронулась гора Адеръ и загородила теченіе Нила,

это имъ будетъ вина. Тогда всякому видно станетъ, что или вѣра ихъ—ложь, или они не хотятъ отвратить общаго бѣдствія, и тогда пусть пронесутся въ Александріи римскіе крики: christianos ad leones!

— Ты мудрый, ты очень мудрый, Пеохъ, — отвѣчала, простерши къ Пеоху руки и опять зазвонивши серьгами, баба Бубаста. — Народъ нашъ завтра же пойдетъ къ правителю требовать, чтобы онъ заставилъ христіанъ сдвинуть гору.

И съ этими словами баба Бубаста простилась съ мемфитомъ Пеохомъ и побѣжала къ тѣмъ изъ египтянъ, кого знала за самыхъ большихъ коноводовъ народныхъ, и подбивала ихъ, чтобы они внушали народу, что въ неразлитіи Нила виновны христіане.

Скоро отъ этого сдѣлалось всеобщее волненіе, о которомъ тотчасъ же узналъ правитель, и оно его очень обезпокоило, такъ какъ онъ не зналъ, чѣмъ его утишить. Баба же Бубаста побѣжала къ Нефорѣ и, распаливъ въ ней хитрыми словами оскорбленіе и ревность, убѣдила ее итти къ правителю и просить его, чтобы онъ снизошелъ къ горю народа и къ его надеждѣ получить облегченіе черезъ молитву христіанъ, которая можетъ двинуть гору и запрудить ею Нилъ, чтобы вода поднялась и оросила нажити.

Нефора, въ которой быстро воспламенялись страсти и смѣнялись движенія, легко поддалась этимъ словамъ и, скоро одѣвшись съ большою пышностью, поспѣшила въ домъ правителя, чтобы исполнить то, чему ее научила баба Бубаста.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Правитель въ это время находился въ смущеніи отъ дошедшихъ до него слуховъ о волненіи въ народѣ. Бубаста успѣла взбунтовать всю александрійскую чернь разсказами о винѣ христіанъ, и многіе, по ея наученію, побѣжали на Фарросъ къ мемфиту Пеоху, чтобы услыхать отъ него подтвержденіе словъ Бубасты, а другіе собрались въ огромномъ числѣ и двинулись къ дому правителя.

Когда Нефора приблизилась къ дому этого вельможи, она увидѣла густую толпу людей, окружившихъ плотною массой его палаты. Огромная толпа поражала своею массой и своею пестротой: она состояла изъ купцовъ въ бѣ-

лыхъ одеждахъ съ разноцвѣтною бахромой и страшнаго множества полунагихъ кирпичниковъ, горшечниковъ, рыбаковъ, лодочниковъ, ткачей, шерстобитовъ, благовонщиковъ, листопродавцевъ, рогожниковъ, зернечистителей, масленниковъ, мусорщиковъ, омывателей ногъ, опахальщиковъ и стекольныхъ выдувальщиковъ. У большинства этихъ людей все одѣяніе состояло изъ однихъ короткихъ фартуковъ или кое-какихъ лохмотковъ, подвѣшенныхъ на узенькихъ поясочкахъ. Это были люди, страшные своею рѣшимостью и тѣмъ, что имъ терять нечего. Съ ними здѣсь было ихъ *все*,—при нихъ находились и ихъ жены, пряхи, въ короткихъ накидкахъ, и совсѣмъ голыя дѣти, и собаки, и кошки. Особенно много было дѣтей. Изъ нихъ однихъ, которыя меньше, женщины несли на своихъ плечахъ или у груди, а другихъ, постарше, тащили за собою за руки. Между маленькими дѣтьми у многихъ глаза были залиты гноемъ и всѣ эти дѣти жалобно кричали и плакали, а тѣ, которыя были постарше, безпрестанно толкались, ссорились и дрались между собою за объѣдки. Множество собакъ и кошекъ, которыя не отставали отъ своихъ хозяевъ, дѣлали то же самое: онѣ шныряли подъ ногами и ощетинивались другъ на друга, то завывая, то фыркая и заводя между собою ожесточенныя схватки. Но и этого было мало: какъ бы нарочно, для увеличенія шума и усиленія тревожности, въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ толпы раздавались призывные звуки: здѣсь хрипѣла бактрійская боевая труба, на нее откликался гудѣніемъ сирійскій бубенъ, а въ третьемъ мѣстѣ колотилъ арійскій барабанъ. Все это и перекликалось, и сзывало еще бо́льшее скопленіе народа. Биченосцы правителя въ желтыхъ туникахъ и въ высокихъ колпакахъ напрасно махали своими раскрашенными въ клѣтку палками. Сильные шерстобиты или не обращали на нихъ никакого вниманія, или даже переламывали ихъ палки и швыряли обломки въ лицо биченосцамъ.

Все это волненіе покрывалось общимъ воплемъ, въ которомъ только иногда можно было уловить отдѣльныя слова:

— Нилъ не поднимаетъ водъ!.. Мы погибаемъ отъ голода... Христіане перебиваютъ работы... Хорошо имъ дешевить, когда они живутъ подаяніемъ!.. Пускай же они за насъ молятся... Пошли ихъ сдвинуть въ Нилъ гору, чтобы рѣка разлилась!

Нефора съ величайшимъ трудомъ едва могла проникнуть въ своихъ носилкахъ черезъ эту толпу. Главный входъ въ домъ былъ закрытъ, и она вошла въ чертоги правителя черезъ извѣстную ей потаенную дверь, которую открылъ ей хорошо знавшій ее привратникъ, послѣ чего и эта дверь опять тотчасъ же была заперта. Стража со всѣхъ сторонъ охраняла всѣ входы.

Правитель находился въ большомъ смущеніи и перепугѣ. Онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать: отражать народъ силою онъ не могъ, а снизойти къ неблагоразумному требованію черни считалъ за недостойное. Правителя окружала вся его семья и тутъ же въ среднемъ покоѣ былъ его глупый сынъ, толстоносый Дуназъ, и его ближайшія подначальныя лица: всѣ они подавали ему различные совѣты, но онъ всѣ ихъ мнѣнія слушалъ, но ни на что не рѣшался. Увидѣвъ же входящую Нефору, онъ обрадовался ея приходу и живо воскликнулъ:

— Вотъ дорогая, нежданная гостья, чей пріятный приходъ приноситъ мнѣ радость! О, какъ я тебѣ благодаренъ, Нефора, что ты рѣшилась навѣстить домъ мой въ такую тревожную и досадительную минуту! Этимъ ты доказала мнѣ свою дружбу, и я прошу тебя сказать мнѣ: что̀ ты думаешь обо всемъ происходящемъ среди глупой и презрѣнной черни? Я знаю, что тебѣ данъ острый умъ, и я хочу на него полагаться: я даю тебѣ при всѣхъ мое слово, что я рѣшусь только на то, что̀ ты мнѣ присовѣтуешь.

Нефора отвѣчала, что ей извѣстно все, что̀ происходитъ, и что она не находитъ въ этомъ положеніи ничего безысходнаго.

— Что же бы ты сдѣлала на моемъ мѣстѣ?

— Я бы ихъ всѣхъ обманула.

— Прекрасно; но какъ это сдѣлать?

— Исполни ихъ желаніе: вопроси христіанъ, могутъ ли они своею вѣрой сдвинуть гору и положить ее въ Нилъ, пока онъ разольется отъ Филэ и до моря?

— Полно, Нефора, кто жъ можетъ заставить двигаться горы?

— Христіане, правитель, могутъ. Старый Неохъ, который знаетъ всѣ вѣры, самъ это читалъ въ ихъ христіанскомъ ученіи.

— Старый Неохъ!.. Онъ это все и надѣлалъ въ глупомъ

народѣ и, клянусь, онъ достоинъ настоящаго египетскаго удара деревяннымъ коломъ въ упрямый затылокъ.

— Тебѣ что за дѣло? Пускай и Неохъ получитъ свое въ свое время.

— А если христіане не сдвинутъ горы?

— Что жъ за бѣда? Народъ надъ ними слегка посмѣется, можетъ-быть, ихъ даже немножко и поколотитъ. Имъ это будетъ урокъ, чтобы они не кичились... Они станутъ скромнѣе, а ни въ Византіи, ни въ Римѣ за нихъ не станутъ сильно вступаться. Народъ въ огорченіи своемъ ищетъ, на комъ бы сорвать это горе, и на мысль ему пришли христіане... Ихъ вѣдь пока здѣсь немного и они не въ великомъ почетѣ... Дай ихъ народу! Ты даже долженъ такъ сдѣлать, чтобы не вызвать бунтъ повсемѣстно, потому что теперь почтовые голуби, конечно, полетѣли уже въ Онъ, въ Мемфисъ и въ Аканоъ, и въ Гермополь, и въ Абидъ, и въ Ѳивы. Повѣрь мнѣ, что вскорѣ возстаніе охватитъ цѣлый Египетъ и тогда будутъ большія несчастія, которыхъ тебѣ не проститъ императоръ, и ты будешь смѣщенъ. Предотврати же малою уступкой и малою жертвой очень великія бѣды. А если ты этого не хочешь, то и я не хочу исполнять даннаго слова и не пойду за твоего сына Дуназа.

Разсужденіе Нефоры было согласно съ тѣмъ, что̀ думалъ и самъ правитель. Онъ и самъ не видалъ никакого другого выхода и готовъ былъ на уступку, но еще продолжалъ немножко колебаться, какъ вдругъ случилось новое обстоятельство, которое понудило правителя подчиниться внушеніямъ Нефоры. Въ то самое время, какъ Нефора съ нимъ говорила, на площади, со стороны Иглъ Клеопатры, показались три замѣчательныя фигуры, которыхъ и видъ, и движенія,—все было необыкновенно.

Это были три человѣка, изъ которыхъ двое очень высокаго роста, а третій толстякъ. Всѣ они были въ длинныхъ и тонкихъ бѣлыхъ одеждахъ, въ широкихъ шейныхъ украшеніяхъ и головныхъ повязкахъ, гладко прилегающихъ ко лбу, къ вискамъ и къ пышнымъ, чернымъ фальшивымъ локонамъ, достигавшимъ до самыхъ ихъ спинъ. Темныя лица ихъ были спокойны и серьезны, а походка ихъ тверда и величественна. Въ рукахъ у каждаго изъ трехъ были длинные посохи; у двухъ, которые шли по краямъ, посохи были изъ пахучаго дерева съ неочищенною корой и на каж-

домъ посохѣ наверху бѣлый и голубой цвѣтокъ лотоса; но у того, который шелъ въ серединѣ, посохъ былъ изъ серебра, а наверху изъ золота изображеніе нильскаго крокодила съ раскрытою пастью и съ перьями страуса. Кромѣ того, на груди у него сіялъ священный амулетъ изъ сафира. Отъ ихъ длинныхъ одеждъ, фальшивыхъ волосъ и отъ всего, что было при нихъ, распространялся чрезмѣрно сильный запахъ мускуса.

Это были жрецы, «столпы нерушимой вѣры народной», надъ которой отовсюду надвигались давленія чужеземной образованности. Вавилоняне и римляне имъ были ненавистны почти вровнѣ такъ же, какъ греки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Толпа, увидѣвъ жрецовъ, тотчасъ же разступилась передъ ними, и они прошли черезъ нее совершенно свободно. Чего никакими усиліями не могли достичь правительскіе биченосцы, то вдругъ сдѣлалось само собою при появленіи длинноволосыхъ париковъ и костыля съ разинутою пастью крокодила. Жрецы шли черезъ толпу, какъ по улицѣ, ни до кого не касаясь; они даже не поднимали кверху своихъ опущенныхъ и полуприкрытыхъ вѣками глазъ. Движенія ихъ были сурово-сдержанны и исполнены удивительной плавности: жрецы точно не входили, а вплыли на широкое мраморное крыльцо правителевыхъ палатъ и прямо приткнулись вплотную тѣломъ и лицами къ его тяжелымъ бронзовымъ дверямъ. Всѣ трое въ-разъ они ударили въ эти двери своими посохами и остановились, не шевелясь и не повторяя удара. Они точно влили въ мѣдь и какъ будто знали, что они должны вскорѣ ее проникнуть на какой-то всенизвергающей волнѣ. Волна эта неслась за ними и несла ихъ. Народъ хлынулъ за своими жрецами и наперъ такъ сильно, что мгновенно сдавилъ и себя, и жрецовъ. Раздались страшные крики однихъ, которые наступали, и другихъ, которыхъ въ толпѣ давили.

Этотъ крикъ не то ужаснулъ, не то ободрилъ бывшихъ въ домѣ правителя. Глупый сынъ правителя, толстолобый Дуназъ, даже широко оскалилъ зубы и, смѣясь, сказалъ:

— Ага! Вотъ имъ и конецъ!

— Кому?—спросила Нефора.

— Тѣмъ, отъ которыхъ такъ сильно пахнетъ мускусомъ,

что я даже здѣсь слышу черезъ окна этотъ запахъ. Гдѣ мускусъ, тамъ всегда не далека колесница смерти.

— Да, это правда,—отвѣчала Нефора и указала рукою въ окно, изъ котораго теперь можно было видѣть, что въ томъ концѣ площади, между Иглъ Клеопатры, гдѣ за минуту стояли жрецы, теперь показался стѣнобойный таранъ на колесахъ, и народъ бросился, чтобы подпрягаться къ канатамъ и тащить стѣнобой къ правительскимъ бронзовымъ дверямъ.

Дуназъ и его отецъ, и всѣ остолбенѣли, а Нефора махнула изъ окна своимъ голубымъ покрываломъ, и когда послѣ этого знака крикъ на мгновеніе затихъ, она сказала народу:

— Отступите съ крыльца!.. Правитель сейчасъ приметъ вашихъ жрецовъ и сдѣлаетъ все, что можно сдѣлать, чтобы Нилъ скорѣе разлился.

Народъ отступилъ отъ крыльца, а жрецы вошли въ открытыя для нихъ двери и черезъ малое время вышли изъ дома правителя и объявили собравшимся людямъ, что правитель сейчасъ же пошлетъ къ христіанскому патріарху и повелитъ ему исполнить то, о чемъ проситъ встревоженный народъ, т. е. сдѣлать общее моленіе о томъ, чтобы сдвинуть гору.

Люди послушались жрецовъ; опять на иной ладъ захрипѣла труба, загудѣлъ бубенъ и залопоталъ барабанъ, и бунтовщики стали расходиться. Площадь опустѣла, и толпы отодвинулись къ окраинамъ за Некропольскія ворота и къ Лохіасу, но возбужденіе въ духѣ оставалось попрежнему и ежеминутно снова готово было ожесточиться и проявить себя. Люди сидѣли кучками за ристалищемъ и по берегамъ канала и ожидали вѣстей, что будетъ сдѣлано по ихъ просьбѣ. Почтовые голуби, дѣйствительно, были пущены жрецами, какъ предполагала Нефора, и несли возбудительныя полоски тонкаго папируса въ Онъ, Мемфисъ, Абидъ и Ѳивы, до Карнака и Луксора. Александрійскія вѣсти быстро долетѣли до ушей вѣщей статуи Мемнона, и Амгиотенъ заговорилъ на разсвѣтѣ.

Возбужденіе въ Александріи только временно было сдержано уступчивостью правителя, но оно не было угашено, и правитель теперь находилъ за самое лучшее дѣйствовать не прямо, а съ хитростью: онъ, въ одно и то же время,

послалъ императору донесеніе о безпорядкахъ, которые произвела чернь, и просилъ поддержать его присылкою вспомогательной военной силы, а въ ожиданіи этого пособія рѣшился мирволить народнымъ требованіямъ настолько, чтобы пожертвовать имъ спокойствіемъ и, можетъ-быть, жизнью нѣсколькихъ христіанъ. Онъ зналъ, что христіане не пользовались особымъ расположеніемъ у правительства, которое еще склонно было почитать ихъ за людей, вредныхъ общественному благоустройству, самъ же правитель ненавидѣлъ александрійскаго патріарха, который былъ очень умный и ловкій человѣкъ, имѣлъ въ столицѣ могущественныхъ друзей и крѣпко удерживалъ ихъ расположеніе посредствомъ такихъ александрійскихъ пурпуровыхъ ковровъ, о которыхъ еще Ѳеокритъ писалъ, что они «нѣжнѣе сна и легче пуха».

Эти ковры дѣлались руками христіанъ, жившихъ въ общинѣ на общественныя приношенія, и потому обходились патріарху гораздо дешевле, чѣмъ могъ имѣть ихъ отъ вольныхъ мастеровъ правитель. Поэтому имъ было трудно равняться въ приношеніяхъ и въ жертвахъ.

Вообще, правитель давно опасался возраставшихъ средствъ патріарха и, завидуя ему, досадовалъ, что въ его рукахъ не было никакихъ средствъ превзойти патріарха, располагавшаго такими дарами, которые высоко цѣнили завоеватели Египта.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Чтобы дать удовлетвореніе взбунтовавшейся черни и сдѣлать затруднительнымъ положеніе патріарха, правитель тотчасъ же позвалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, велѣлъ ему взять въ руки букетъ цвѣтовъ и идти къ христіанскому патріарху съ порученіемъ разсказать ему все, что случилось, и вопросить его: дѣйствительно ли есть въ ученіи христіанъ такое увѣреніе, что по вѣрѣ ихъ гора можетъ сдвинуться и идти въ воду? Если же патріархъ скажетъ, что это есть, то просить патріарха, чтобы онъ, для всеобщаго блага всѣхъ жителей Египетской страны, повелѣлъ своимъ пресвитерамъ начать объ этомъ общее моленіе и самъ принялъ въ томъ участіе.

Патріархъ же еще ранѣе зналъ обо всемъ, что происходитъ въ городѣ, и, имѣя въ свитѣ правителя подкупныхъ людей, которые тоже любили ковры «нѣжнѣе сна и легче

пуха», постоянно былъ ими обо всемъ извѣщаемъ. Такъ извѣстился онъ также заранѣе и о наряженномъ къ нему посольствѣ и, въ ожиданіи посла съ букетомъ, удалился въ свою пышную баню и, раздѣвшись, сѣлъ въ широкую круглую ванну, надъ которою въ потолкѣ пестрымъ мраморомъ были выложены слова: «Мы вѣруемъ въ единое божество Іисуса Христа и въ воскресеніе тѣла».

Правительскій посолъ засталъ его въ ваннѣ, окруженнаго аколуѳами и отроками, которые держали въ рукахъ небольшіе сосуды съ ароматнымъ нардомъ и большія легкія опахала изъ павлиновыхъ перьевъ, и потому посолъ былъ принятъ не скоро, а ждалъ долго, стоя въ пріемной съ своимъ букетомъ. Когда же это показалось послу слишкомъ продолжительнымъ, то онъ просилъ доложить патріарху, что присланъ наспѣхъ, и угрожалъ возвратиться къ правителю, не дождавшись отвѣта.

Патріархъ тогда вышелъ изъ ванны, вытерся нардомъ, надѣлъ золотыя сандаліи и, покрывшись бѣлымъ хитономъ, принялъ посланнаго, сидя на диванѣ и освѣжая лицо прохладною водой съ ароматомъ фіалки. Вокругъ патріарха стояли его аколуѳы и отроки, махавшіе опахалами. Отъ посла взяли принесенный имъ, по обычаю, букетъ «говорящихъ цвѣтовъ», въ знакъ миролюбивости посольства, и писаніе, въ которомъ правитель изъяснялъ ему, въ чемъ заключается дѣло, и потомъ тутъ же укорялъ его за то, что христіане-ткачи и коверщики раздражаютъ рабочихъ, принимая въ свои общины всякихъ лѣнивыхъ и ничтожныхъ людей, которые приходятъ просить крещенія безъ всякихъ убѣжденій, единственно изъ-за одного того, чтобы жить въ общинѣ на счетъ вѣрующихъ и потомъ, пользуясь общественными приношеніями въ видѣ хлѣба, и мяса, и рыбъ, эти даромъ накормленные люди могутъ работать дешевле, чѣмъ прочіе трудолюбивые мастера, имѣющіе на своемъ содержаніи цѣлыя семейства. Изъ этого правитель выводилъ всю народную ненависть къ христіанамъ, которую онъ хотя и осуждалъ въ лицѣ бунтовщиковъ, но не находилъ у себя средствъ теперь твердою рукой подавить этотъ бунтъ, прежде чѣмъ къ нему придетъ подкрѣпленіе. А потому, пока обстоятельства измѣнятся, онъ просилъ патріарха, если вѣра христіанская даетъ средство сдвинуть гору, то назначить для успокоенія волнующихся людей обществен-

ное моленіе у подножія горы Адеръ, чтобы она пошла съ мѣста и, ставъ поперекъ теченія Нила, сдѣлала запруду, отъ которой бы образовался повсемѣстный разливъ.

Патріархъ же еще раньше обмыслилъ, что затѣю, которую выдумалъ хитрый Пеохъ, прямо отклонить невозможно; а пока онъ сидѣлъ въ своей ваннѣ. на дворѣ его слуги все приготовили къ тому, чтобы онъ могъ сейчасъ же уѣхать изъ города. Послу же онъ отвѣчалъ, что хотя и самъ Гомеръ ошибался, но что для вѣры нѣтъ ничего невозможнаго, онъ же, патріархъ, имѣетъ только общее, высшее попеченіе, а въ Александріи имъ поставленъ отдѣльный епископъ и потому пусть къ тому и идутъ, и ему пусть скажутъ, чтобы онъ сдѣлалъ все, что нужно.

Аколуѳъ скоро написалъ отъ патріарха правителю грамоту въ этомъ смыслѣ и вручилъ это писаніе послу вмѣстѣ съ букетомъ изъ бѣлыхъ розъ и персидской сирени изъ патріаршаго сада. Посолъ взялъ отвѣтъ и цвѣты и отправился съ тѣмъ отвѣтомъ къ правителю, а патріархъ сію же минуту одѣлся, взялъ свои драгоцѣнности и свою свиту и поскакалъ на быстрыхъ мулахъ вонъ изъ города черезъ Ворота Солнца, а за стѣною повернулъ къ востоку, надѣясь въ какомъ-либо изъ семи нильскихъ гирлъ найти греческую трирему или быстроходный чужеземный корабль и бѣжать на немъ отъ возмущенной страны и отъ коварнаго правителя, съ надеждою отплатить ему издали за его издѣвательство.

Правитель почти немедленно же узналъ объ отбытіи патріарха и страшно разгнѣвался: онъ послалъ за нимъ погоню, но это было безполезно, потому что никто не зналъ, куда патріархъ повернулъ за Воротами Солнца. Тогда правитель вскричалъ:

— Онъ не даромъ привелъ въ отвѣтѣ своемъ, что «и Гомеръ ошибался»: я никакъ не ожидалъ того, что̀ онъ сдѣлалъ, и ошибся не хуже Гомера.

И затѣмъ онъ позвалъ воиновъ и велѣлъ имъ взять епископа и привести его къ себѣ.

Епископъ жилъ далеко на окраинѣ и не зналъ, что̀ сдѣлалъ патріархъ.

Когда воины пришли за епископомъ, то онъ спокойно игралъ въ шахматы съ одной знатной прихожанкой и удивился всему, что услыхалъ, и началъ говорить, что онъ лицо

подчиненное и ничего не смѣетъ безъ патріарха; но когда ему сказали, что патріархъ выставилъ его лицомъ самостоятельнымъ въ Александріи, а самъ неизвѣстно куда уѣхалъ, то епископъ заплакалъ.

Послы же не дали ему долго сокрушаться; они взяли и повезли его въ закрытой колесницѣ къ правителю, который прямо и безцеремонно вопросилъ его, дѣйствительно ли въ ученіи христіанскомъ сказано, что съ христіанскою вѣрой возможно сдвинуть гору? И когда правитель получилъ въ отвѣтъ, что упоминаніе объ этомъ, дѣйствительно, есть, то онъ не захотѣлъ ничего больше слушать, а сказалъ:

— Вотъ я тебѣ назначаю сроку три дня. Въ эти три дня я дамъ всѣмъ неимущимъ работу и буду платить имъ за то, что они станутъ строить скамьи для сидѣній и лавки для продавцовъ вокругъ горы Адеръ, а для васъ, христіанъ, я оставлю свободное мѣсто среди всѣхъ скамей отъ горы и до самаго Нила. Собери всѣхъ своихъ самыхъ лучшихъ людей, у которыхъ ты знаешь самую крѣпкую вѣру, и явитесь тамъ рано утромъ отнынѣ на третій день. Смотрите. Молитесь, какъ вамъ по вѣрѣ вашей надо молиться, но чтобы гора непремѣнно сошла съ своего мѣста и опустилась въ воду; а если вы этого не сдѣлаете, вамъ будетъ худо. Весь народъ изъ Александріи выйдетъ, чтобы смотрѣть на васъ, и ваше дѣло—сдѣлать такъ, чтобы отъ этого вышло торжество вашей вѣры или стыдъ. Если гора пойдетъ и рѣка поднимется, народъ оцѣнитъ помощь, какую вы окажете всей странѣ этою услугой. Если же вы гору Адеръ не сдвинете, то всѣмъ ясно будетъ, что вы не хотѣли сдѣлать добра, которое можете сдѣлать, и, стало-быть, вы не друзья людямъ, среди которыхъ живете. Тогда я васъ защищать не могу и пусть съ вами будетъ то, чего вы въ глазахъ народа достойны. Теперь я велю тебя и другихъ старѣйшихъ вашихъ до времени строго стеречь, и если вы сами добровольно не пойдете дѣлать моленіе къ горѣ, то я прикажу васъ привести туда подневольно. За ослушаніе вы испытаете на себѣ силу гнѣва скорбящихъ людей, которыхъ вы раздражили, а я приложу на васъ всю строгость кары законной: я возьму все, что вы имѣете, въ казну императора, а самихъ васъ всѣхъ взрослыхъ пошлю въ цѣпяхъ и съ колесами на шеяхъ на вѣчныя работы въ каменоломни. Да, изъ васъ ни одинъ не будетъ забытъ,—вы всѣ безъ

исключенія пойдете съ связанными руками на югъ, ближе къ землѣ глупаго народа Кушъ, и за поясомъ у каждаго изъ васъ будетъ заткнутъ приговоръ, которымъ будетъ опредѣлено, по скольку ударовъ воловьею жилой этого человѣка будутъ бить эѳіопы каждый день трижды—поутру, въ полдень и на ночь. Итакъ, всѣ вы останетесь тамъ въ каменоломняхъ, пока каменистая пыль сотлитъ ваше тѣло.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Окончивъ эту обидную рѣчь, правитель велѣлъ подать въ руки епископа очиненную для писанія трость и приказалъ ему написать ею имена всѣхъ извѣстныхъ ему христіанъ, живущихъ въ Александріи, при чемъ пригрозилъ, что если хотя одно имя будетъ утаено, то онъ поступитъ съ епископомъ такъ, какъ будто онъ былъ уже узникъ въ каменоломняхъ.

Епископъ оробѣлъ, принялъ дрожащею рукой трость и въ испугѣ начерталъ имена всѣхъ, кого имѣлъ основаніе почитать христіанами, но, несмотря на то, что онъ старался не позабыть ни одного надежнаго человѣка, правитель ему не повѣрилъ и заставилъ его поклясться, что онъ никого не укрылъ. Опасаясь отвѣтственности, епископъ еще вспоминалъ и еще много дописывалъ, но боялся поклясться, не надѣясь на свою старую память, и сталъ плакать. Имени Зенона не было въ епископскомъ спискѣ.

Правитель сжалился надъ епископомъ и отпустилъ его, строго сказавъ:

— Не рыдай. Если ты ошибся и не всѣхъ записалъ, то я тебѣ это прощу: и Гомеръ ошибался. Оставь здѣсь списанье именъ твоихъ христіанъ и иди собирай этихъ и другихъ, которыхъ ты могъ позабыть; я по три раза на день буду присылать къ тебѣ на дворъ узнавать, сколько васъ соберется, чтобы идти сдвинуть гору. А сейчасъ пошлю во всѣ концы города глашатаевъ съ трещотками объявить всему народу, что общее желаніе будетъ исполнено и пусть никто не унываетъ, а всѣ пусть собираются итти къ горѣ Адеръ смотрѣть, какъ она сойдетъ съ своего мѣста и запрудитъ Нилъ.

Правитель понялъ свою выгоду и заботился только о поддержаніи веселыхъ надеждъ въ умахъ встревоженнаго

и упавшаго духомъ населенія; но положеніе епископа было другое.

Епископъ поклонился, сложивъ въ знакъ покорности на груди свои руки, и вышелъ, обливаясь слезами. Онъ не въ состояніи былъ и думать о томъ, что̀ ему задано и что̀ надо начать дѣлать? Какъ ему выходить самому и какъ выводить всѣхъ записанныхъ въ списокъ на такое испытаніе, которое коварный и мстивый Неохъ выдумалъ, конечно, только за тѣмъ, чтобы получить возможность осмѣять христіанскую вѣру всенародно въ глазахъ тысячъ зрителей?

Волею и неволею прежде всего ему приходило на мысль то, что̀ почелъ за самое лучшее выше надъ нимъ стоящій патріархъ, и это притомъ казалось самымъ благоразумнымъ и легкимъ; но вѣдь тотъ же самый патріархъ всѣмъ совѣтовалъ помнить, что «и Гомеръ ошибался».

Епископъ рѣшился искать совѣта самыхъ преданныхъ ему людей и, возвратясь домой, сейчасъ же разсказалъ ужасную новость ожидавшей его знатной прихожанкѣ. Эта именитая женщина очень встревожилась и сейчасъ же разослала рабовъ къ другимъ знатнымъ прихожанамъ просить ихъ притти немедленно въ домъ ея на необходимый совѣтъ. Знатные прихожане скоро собрались и, выслушавъ разсказъ, всѣ пришли въ большой ужасъ; но вмѣсто того, чтобы ободрить епископа благоразумными и острыми совѣтами, они стали укорять его, для чего онъ написалъ имена ихъ. Онъ же отвѣчалъ имъ:

— Неужто вы лучше хотѣли бы, чтобы я лгалъ или явился ослушникомъ власти?

Они на это коротко отвѣтили, что это не ихъ дѣло, и всѣ были унылы и толковали только о томъ, что коварная выдумка Неоха грозитъ ущербомъ и разореніемъ для всѣхъ ихъ имущественныхъ дѣлъ и даже самую жизнь ихъ ставитъ въ опасность отъ разъяреннаго народа. Кончили же они тѣмъ, что стали укорять епископа:

— Съ какой стати ты переписалъ однихъ насъ, людей именитыхъ, и теперь однихъ насъ сюда собралъ? Это противно вѣрѣ: передъ Богомъ всѣ люди равны, какъ знатные, такъ и незнатные. Мы не хотимъ гордиться передъ незнатными и бѣдными и ослушаться Божьей воли. Оставь рѣшеніе до завтраго утра, и когда у тебя завтра утромъ

на зарѣ ударятъ въ мѣдную доску, мы хотимъ собраться всѣ вмѣстѣ съ простолюдинами христіанской вѣры, — можетъ-быть, въ ихъ простыхъ умахъ найдется больше, чѣмъ у насъ, и вѣры, и разума, и смѣлости.

Епископъ на это согласился, и когда, послѣ тревожно проведенной засимъ ночи, ударилъ утромъ въ доску, то увидѣлъ, что дворъ его сталъ наполняться чернородьемъ изъ Малой Гавани и другихъ отдаленныхъ предмѣстій, но изъ вчерашней знати, которая хотѣла здѣсь сойтись съ чернородьемъ, теперь не было ни одно человѣка.

Епископъ узналъ въ толпѣ рабовъ нѣкоторыхъ изъ этихъ отсутствующихъ и спросилъ: скоро ли господа ихъ прибудутъ; но рабы только качали головами и тихо шептали:

— Не жди ихъ напрасно; они не придутъ. Они теперь уже далеко.

Но епископъ все-таки ждалъ, пока люди на его дворѣ стали томиться голодомъ и, подтягивая туже и выше свои пояса, начали щелкать зубами и, уныло глядя на епископа, всѣ стали просить хлѣба. Епископъ разослалъ всѣхъ своихъ аколуѳовъ и опахальщиковъ, чтобы торопить знатныхъ, но аколуѳы и опахальщики возвратились и сказали, что знатныхъ нѣтъ никого въ городѣ. Тогда, при такомъ ужасномъ извѣстіи и при видѣ томленій народа отъ голода, епископъ послалъ самаго любимаго своего опахальщика къ знатной прихожанкѣ просить ее, чтобы она приходила сама и прислала, какъ можно скорѣе, корзины съ хлѣбомъ для простонародья, но опахальщикъ вернулся назадъ съ пустыми руками и сказалъ, что не засталъ въ домѣ знатной прихожанки никого, кромѣ одного болѣзненнаго раба, который сообщилъ ему, что госпожа его минувшею ночью, какъ только осталась одна, сейчасъ же собралась и со всѣми лучшими изъ слугъ своихъ выѣхала ночью на шести колесницахъ по Канопской улицѣ.

Епископъ сдвинулъ платъ, покрывавшій его голову, себѣ на лицо и, всплеснувъ руками, воскликнулъ:

— О, какое коварство! Я такъ ошибся, какъ и Гомеръ не могъ ошибаться!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Скорбь епископа о побѣгѣ всѣхъ именитыхъ друзей была велика, но онъ не могъ предаваться ей долго въ отчаяніи:

собранный на его дворѣ черный народъ настойчиво требовалъ пищи, и епископъ поспѣшилъ немедленно распустить со двора народъ, пригласивъ всѣхъ опять придти завтра и обѣщаясь всѣмъ, что съ утра на дворѣ будетъ для всѣхъ изготовлена въ изобиліи пища и питье съ растворенымъ виномъ. Самъ же епископъ спѣшно вышелъ другимъ выходомъ, которымъ дворъ его соединялся съ домомъ знатной прихожанки, и обошелъ всѣ ея покои, но нигдѣ не находилъ никого живого, а вездѣ замѣчалъ въ покинутыхъ вещахъ безпорядокъ и слѣды торопливыхъ сборовъ къ побѣгу. Наконецъ, на ларцѣ, въ которомъ лежали шахматы, епископъ нашелъ связанный лентой папирусъ, а въ немъ извѣщеніе, что госпожа, опасаясь тревожныхъ событій, отбываетъ на время въ Пелузу и увозитъ съ собою свои удобоподвижныя драгоцѣнности; а всѣ запасы житницъ своихъ и дома оставляетъ епископу въ его полную власть и употребленіе.

Тутъ же въ шахматномъ ларцѣ были положены и ключи отъ скарбницъ и житницъ съ надписями на слоновыхъ дощечкахъ, подъ какимъ ключомъ что̀ сохраняется.

Это теперь было кстати, потому что отпущенный народъ по особымъ причинамъ не могъ оставить епископскій дворъ. Епископъ взялъ ключи и отослалъ ихъ домой съ опахальщикомъ, а самъ пошелъ къ другимъ изъ тѣхъ знатныхъ прихожанъ, которые вчера вечеромъ обидѣлись, зачѣмъ епископъ ихъ записалъ, и разошлись, обѣщаясь собраться поутру вмѣстѣ съ простолюдинами, но не собрались. Но изъ нихъ тоже никого не было дома: всѣ они побросали дома и ключи отъ скарбницъ и отъ житницъ на волю епископа, а сами извѣщали оставленными записками, что отбывали къ портамъ, кто въ Канопъ, кто въ Саисъ, кто въ Мендесъ, кто въ Пелузу, куда всѣхъ раньше устремилась прихожанка.

Обойдя всѣ дома людей знатныхъ, епископъ вездѣ заставалъ одно и то же и набралъ такое множество ключей, что едва могъ нести ихъ, а опахальщики не спѣшили къ нему на помощь, и, когда епископъ пришелъ домой, то уже не могъ нигдѣ отыскать ни одного ни аколуѳа, ни опахальщика. Такъ заразительно и быстро распространялся страхъ и влеченіе къ побѣгу, начатое знатными, имѣвшими наготовѣ муловъ и колесницы, и дома за городомъ, и дру-

зей, и родственниковъ въ Саисѣ и Пелузѣ, и свои корабли во всѣхъ семи нильскихъ гирлахъ. Зато черный народъ: всѣ ткачи, шерстобиты, кирпичники и стекольные выдувальщики были попрежнему на дворѣ и кричали, что они голодны и не могутъ выйти, потому что ворота съ улицы заперты и къ нимъ приставлена стража.

Епископъ вдругъ становился богатымъ обладателемъ всего, что покинули ему бѣжавшіе знатные люди; но на что теперь ему было все это богатство, когда оставалось всего лишь два дня до того, когда надо итти сдвигать гору Адеръ и заграждать ею Нилъ?

Епископъ бросилъ ткачамъ и шерстобитамъ ключи отъ съѣстныхъ амбаровъ и показалъ потаенный ходъ на сосѣдній дворъ, а когда народъ устремился туда, чтобы утолять свой голодъ, епископъ швырнулъ и другіе ключи отъ другихъ скарбницъ и житницъ на каменный полъ и оттолкнулъ ихъ ногою.

«На что,—думалъ онъ: — мнѣ теперь все это изобиліе, когда я оставленъ всѣми именитыми людьми и скоро долженъ буду претерпѣть муку съ одними невѣждами рыбаками, ткачами и шерстобитами?»

Но вскорѣ онъ оправился, всталъ и быстро пошелъ въ свою конюшню посмотрѣть, напоенъ ли и не стоитъ ли безъ пищи его мулъ и крѣпки ли у его копытъ мѣдныя подковы.

Стойло было пусто.

Епископъ только развелъ руками... Мулъ вѣдь, конечно, не самъ своею волей бросилъ спокойно стойло и ясли, полныя сочнаго корма... Кто ему наложилъ и епископское сѣдло съ бахромой, и уздечку съ кистями, и не позабылъ даже шелковой плетки?

Епископъ, однако, недолго оставался въ этомъ состояніи, потому что кто-то неожиданно коснулся рукою до его плеча и чей-то безпечный и насмѣшливый голосъ сказалъ ему:

— Ты, вѣрно, пришелъ сюда посмотрѣть, крѣпки ли подковы у твоего мула?

— А тебѣ что за дѣло?—отозвался епископъ.

— Мнѣ до тебя есть дѣло, потому что я присланъ за тобою отъ правителя и при мнѣ здѣсь есть воины и биченосцы. Правитель разгнѣванъ, что ты не доставилъ ему въ

теченіе для донесеній о томъ, какъ идетъ у васъ приготовленіе къ тому, чтобы передвинуть вѣрою гору.

Епископъ же отвѣчалъ:

— Я не имѣю о чемъ доносить, потому что отъ меня всѣ бѣгутъ и, мнѣ кажется, я скоро останусь совершенно одинъ.

— Это не наше дѣло, — отвѣчалъ правительскій посолъ. — Мы пришли за тобой, иди объясняться съ правителемъ.

Сказавъ это, посолъ указалъ мановеніемъ глазъ на епископа биченосцамъ, и тѣ сейчасъ же положили шнуры на запястья его рукъ и повели его подъ охраною къ правителю.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Правитель, согласившись дозволить сдѣлать зрѣлище изъ того, какъ христіане выйдутъ сдвигать гору, былъ самъ недоволенъ, что онъ уступилъ волненію взбунтовавшейся черни, и искалъ средства заглушить въ себѣ досаду. Онъ старался веселиться въ сообществѣ своихъ пріятелей, и въ то время, когда къ нему повели епископа, правитель вкушалъ вечернюю трапезу съ своею семьей и съ именитыми гостями, въ числѣ которыхъ была и Нефора. Всѣ они помѣщались въ большой столовой комнатѣ, которая представляла собою соединеніе эллинской красоты формы съ египетскою пестротой и яркостью красокъ. Стѣны были выложены изразцами, раздѣланными живописью по греческой модѣ. Краски были изумительно живы. Столовая была совсѣмъ безъ потолка. Онъ замѣнялся подвижною шелковою тканью, которая сдвигалась и раздвигалась на кольцахъ, ходившихъ на бронзовыхъ прутьяхъ. Днемъ, когда солнце горѣло на небѣ, это полотно было задернуто, а къ вечерней трапезѣ его открывали. Теперь, послѣ знойнаго дня, ткань была отдернута и надъ головами людей, вкушавшихъ яства въ этой роскошной столовой, величественно синѣло высокое небо со множествомъ звѣздъ. Свѣтъ луны заходилъ сюда только откосомъ, серебря одинъ уголъ покоя.

Отъ канделябровъ и лампъ, горѣвшихъ на столѣ, далекое безконечное пространство вверху казалось черною бездной, въ которой звѣзды висѣли какъ огненные шары. Внизу, на столѣ были разнообразныя яства и питья: тутъ стояли и, дымясь, распространяли аппетитный запахъ огром-

нѣйшія жаркія изъ верблюжьяго мяса, краснoперыя рыбы, драгоцѣнные хіосскіе подносы и вазы, на которыхъ были красиво уложены отборные фрукты: винныя ягоды, финики, виноградъ и янтарныя дыни; нѣжный сыръ на фигурныхъ тарелкахъ изъ поливанной глины; два превосходно исполненные серебряные улья работы Зенона, наполненные медомъ, и посерединѣ этихъ двухъ ульевъ, работы того же Зенона, высокое серебряное украшеніе, похожее на жертвенникъ греческихъ храмовъ,—все обвитое миртами и розами. Наверху жертвенника дымилась ароматная курильница и тутъ же стояла большая серебряная чаша съ виномъ, растворенным водою. Вокругъ этой чаши стояли кубки въ видѣ звѣриныхъ и птичьихъ головъ. Общество было веселое. Были изящныя женщины и молодые мужчины; всѣ находились въ веселомъ, остроумномъ настроеніи и шутили насчетъ того празднества, которое такъ неожиданно устраивается послѣзавтра; оно послужитъ и для успокоенія народа, и для ихъ развлеченія. Христіане, которые осуждены принять страдательную роль, могутъ себя чувствовать, какъ имъ придется. Одинъ кто-то сказалъ:

— Кто бы какое мнѣніе ни имѣлъ о презрѣнныхъ людяхъ, къ которымъ принадлежатъ наши ткачи и шерстобиты, но должно признаться, что они должны будутъ доставить для насъ самое необыкновенное увеселеніе. Ристалища, безъ сомнѣнія, представляютъ много изящества и граціозной отваги; но всѣ мы это уже много разъ видѣли, и это утратило новизну. Между тѣмъ, сдвинуть гору одною вѣрой—это совершенно ново и необыкновенно. и я поднимаю фіалъ за остроумныхъ ткачей и шерстобитовъ.

Другой отвѣчалъ:

— Чернь всегда останется чернью, и похвалы, которыя сейчасъ сказаны, принадлежатъ не ей, а старому Неоху, который живетъ на Фарросѣ.

— И это еще не такъ,—вмѣшался сынъ правителя, толстый Дуназъ: — всѣмъ удовольствіемъ, которое ожидаетъ насъ, мы обязаны прекрасной невѣстѣ моей Нефорѣ, потому что это она уговорила моего отца согласиться сдѣлать уступку требованіямъ черни и вывести христіанъ къ горѣ Адеръ. Какая счастливая мысль! Два дня назадъ чернь была безъ работы, а теперь тысячи рукъ строятъ тамъ наскоро прекрасный амфитеатръ для зрителей, и въ городѣ

оживленіе: всѣ мулы наняты, всѣ пирожники и фруктовщики, рыбаки и продавцы вина въ городѣ готовятъ въ страшномъ изобиліи свои произведенія для публики. Завтра туда собираются цвѣточницы, пѣвцы и фокусники, — тамъ будетъ множество веселыхъ шатровъ съ цвѣтами, питьемъ и ѣдою, а послѣзавтра, утромъ, на ранней зарѣ, тамъ будетъ все населеніе Александріи, чтобы смотрѣть, какъ эти смѣшные люди съ ихъ вѣрою въ распятаго Бога будутъ сдвигать съ мѣста гору и поведутъ ее въ Нилъ.

— Да, сынъ мой Дуназъ въ своихъ словахъ приблизился къ правдѣ,—отозвался правитель: — но Дуназъ еще недостаточно оцѣнилъ все, что̀ сдѣлала прекрасная Нефора, которую я нетерпѣливо жду назвать моею дочерью. Ея умъ поистинѣ равенъ ея чрезвычайной красотѣ и потому только не превосходитъ ее, что это ужъ невозможно. Мы обязаны прелестной Нефорѣ не только тѣмъ, что она доставляетъ намъ и всему народу веселое препровожденіе времени на счетъ христіанъ, но мы ей обязаны и нашею безопасностью. До сихъ поръ у насъ былъ бы всеобщій бунтъ, которому я не могъ бы воспрепятствовать съ тѣмъ малымъ числомъ воиновъ и биченосцевъ, которыхъ имѣю въ моемъ распоряженіи. Они едва въ состояніи сдерживать порядокъ только при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, а при такомъ народномъ волненіи, какое вдругъ обнаружилось третьяго дня и, безъ сомнѣнія, съ быстротою развилось бы повсемѣстно, эти силы оказались бы ничтожными. Къ тому же, мои разстилатели ковровъ сегодня утромъ перехватили голубей, на которыхъ нашли извѣщенія, что огромныя толпы рабочаго народа двинулись къ Александріи изъ Гермополя, и завтра, безъ сомнѣнія, мы уже увидимъ ихъ толстодонныя барки. Толпы эти выйдутъ на берегъ и ринутся къ моимъ палатамъ; но скамьи, которыя строятъ теперь амфитеатромъ у Адера, остановятъ ихъ и измѣнятъ ихъ направленіе. Гермопольцы не увидятъ того, что̀ ожидаютъ: въ городѣ нашемъ нѣтъ ни унынія, ни воплей. Люди работаютъ топорами и обойными инструментами: всѣмъ имъ дается высокая плата; ковры и всѣ обойныя матеріи вздорожали вдвое противъ своей цѣны; всѣ люди оживились, веселы и работаютъ, а впереди ожидаютъ еще бо̀льшаго веселья, и оно для нихъ будетъ если не въ томъ, что христіане въ самомъ дѣлѣ сдвинутъ для нихъ гору и положатъ ее попе-

рекъ Нила, то, по крайней мѣрѣ, всѣмъ будетъ весело смотрѣть, какъ эти самохвалы будутъ напрасно молиться по своему обычаю и потомъ къ вечеру должны будутъ сознаться въ своемъ безсиліи...

— Но тогда народъ можетъ броситься на этихъ людей и произведетъ кровопролитіе, а послѣ опять начнется волненіе, которое будетъ угрожать гибелью всѣмъ намъ, состоятельнымъ людямъ,—перебилъ одинъ изъ гостей.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ спокойно правитель:—это могло бы случиться въ такомъ разѣ, если бы къ мудрости и богатой жертвѣ великодушной Нефоры не было присоединено частицы и моей старческой опытности въ управленіи народомъ. Я не хочу скрыть здѣсь отъ васъ, что Нефора сдѣлала болѣе, чѣмъ вы знаете: она не только убѣдила меня въ благоразуміи этой мѣры, но и дала средства для ея исполненія: казна моя была пуста, и я не могъ бы предпринять всѣхъ расходовъ, которые потребовались на то, чтобы дать щедрый заработокъ всѣмъ занятымъ теперь перестройками людямъ, но Нефора дала на это средства.

— Возможно ли? Мы этого не знали! — воскликнули гости, обращаясь къ Нефорѣ, которая сидѣла межъ ними въ задумчивости и хранила молчаніе.

— Да, вы этого не знали, — продолжалъ правитель: — но я вамъ теперь выдаю ея тайну и вмѣстѣ съ тѣмъ открываю мою собственную тайну, которая должна успокоить васъ за вашу безопасность и великодушную Нефору за цѣлость истраченныхъ ею на общую пользу значительныхъ денегъ.

— Я не заботусь объ ихъ возвращеніи, — проронила Нефора.

— Да, ты объ этомъ не думаешь, — я вѣрю тебѣ, — но я, къ удивленію моему, замѣчаю, однако, что ты сегодня печальна.

— Мое настроеніе не зависитъ отъ денегъ.

— Вѣрю тебѣ, но ты скоро будешь моею семьянкой, и я ни за что не допустилъ бы тебя изнурять свое богатство, если бы не имѣлъ твердой надежды возвратить тебѣ съ лихвою все, что̀ ты дала мнѣ на эти издержки. Посрамленіе, которому подвергнутся у Адера христіане, не принесетъ гибели никому, кромѣ самихъ этихъ ненавистныхъ суевѣровъ. Народъ не будетъ имѣть никакой возможности

грабить богатыхъ людей, потому что мною потребованъ флотъ съ вспомогательнымъ войскомъ, и десять судовъ въ полдень сегодня прошли уже въ виду Балбетинскаго гирла. Паруса ихъ велики и имъ вѣтеръ попутенъ, — они идутъ скоро, и завтра они будутъ у Канопа, а въ то время, когда весь народъ изъ города выйдетъ смотрѣть, какъ христіане пойдутъ двигать гору, войска обогнутъ Лохіасъ и войдутъ въ городъ. Возвращающіяся толпы, — каковъ бы ни былъ исходъ дѣла съ горою, — будутъ остановлены и обезоружены; на другой день надъ ними будетъ произведенъ судъ; всѣ главные виновники возстанія будутъ выведены съ смертными приговорами за поясомъ на Гепту и преданы казни, а ихъ имущество взято въ казну, и отъ него отдѣлится то, что̀ нужно, чтобы возвратить издержанныя сегодня деньги Нефоры.

— Это прекрасно! Ты мудрый и справедливый правитель! — воскликнули многіе разомъ: — и намъ теперь ничто болѣе не мѣшаетъ предаваться безмятежному веселію въ твоемъ домѣ, въ этой прекрасной столовой, въ которую съ высоты неба смотрятъ звѣзды и, вѣрно, завидуютъ яснымъ очамъ прекрасной Нефоры. Поднимаемъ фіалы за очи Нефоры и за счастье Дуназа.

Когда же тостъ былъ выпитъ, правитель, улыбнувшись, сказалъ:

— Веселитесь и пейте, славьте красу и разумъ Нефоры: никому никакой опасности нѣтъ, а смѣшное для общей забавы уже началось: патріархъ и всѣ сколько-нибудь богатые люди изъ содержавшихъ христіанскую вѣру бѣжали; ловкій предатель изъ епископскихъ слугъ извѣстилъ моего жезлоносца, что и епископъ сейчасъ самъ приходилъ на свою конюшню, чтобы осмотрѣть подковы у своего мула... Конечно, и онъ хотѣлъ потребовать наступающею ночью услугъ отъ этого животнаго, но я этого не допустилъ, потому что это угрожало опасностью — оставить зрителей безъ актеровъ. Я послалъ людей, чтобъ епископа привели сюда, а изъ города не велѣлъ выпускать ни одного христіанина, но всѣхъ ихъ собирать на епископскій дворъ, откуда всѣ они разомъ должны будутъ идти совершать моленіе у Адера.

Въ это время жезлоносецъ доложилъ правителю о приходѣ епископа, котораго всѣ пировавшіе пожелали видѣть.

и онъ былъ введенъ въ столовую и оставленъ стоять на ногахъ передъ пирующими за столомъ гостями, въ числѣ которыхъ была и Нефора. Молодая женщина быстро устремила на старика острые и проницающіе взгляды, какъ будто она хотѣла прочесть по его лицу что-то такое, на что не давали отвѣта обстоятельныя объясненія правителя.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Епископъ чувствовалъ свое унизительное положеніе и отвѣчалъ коротко и неохотно, что̀ и было понятно, такъ какъ всѣ вопросы, которые ему предлагали самъ правитель и его гости, очевидно, клонились къ тому, чтобы усилить и безъ того затруднительное положеніе вопрошаемаго и сдѣлать предметомъ насмѣшекъ и шутокъ какъ его самого, такъ и тѣхъ людей, за вѣру и упованіе которыхъ онъ былъ здѣсь представителемъ. Особенно въ этомъ отличался Дуназъ, искавшій возможности понравиться Нефорѣ своею наглостью надъ беззащитнымъ и потерявшимся старикомъ; но Дуназъ достигъ этимъ совершенно противоположнаго: Нефорѣ не нравились его издѣвательства, можетъ-быть, особенно потому, что въ нихъ старался отличиться противный ей женихъ, и она сказала:

— У этого человѣка на рукахъ строгое дѣло и онъ долженъ имѣть въ сборѣ всѣ свои силы, а потому, если я смѣю просить, то я бы просила отпустить его къ его мѣсту, такъ какъ его видъ и воображеніе объ участи, ожидающей людей его вѣры, совсѣмъ не располагаютъ меня къ веселью.

Епископъ услыхалъ эти слова, взглянулъ на Нефору и произнесъ съ достоинствомъ:

— Благодарю тебя, сострадательная госпожа, и молюсь, чтобы Богъ милосердія совершилъ для тебя самое благое изъ твоихъ желаній.

А Нефора встала съ мѣста, позвала свою рабыню, опустила руку въ висѣвшій у ея пояса длинный желтый шелковый кисетъ и, доставъ оттуда горсть золота, подала ее епископу съ словами:

— Возьми отъ меня для своихъ бѣдныхъ.

— Не безпокойся, — отвѣчалъ благодарно, отстраняя ея руку, епископъ:—тѣ, которые идутъ со мною, всѣ приготовились скоро умереть, и намъ теперь не надо золота.

— Значитъ, вы не надѣетесь сдвинуть гору? — спросилъ Дуназъ.

Епископъ молчалъ.

— Ты, однако, еще не отчаивайся, — вмѣшался правитель.—Ты помни слова, что «иногда и Гомеръ ошибался».

— Я ни въ чемъ не отчаиваюсь.

— Вотъ это прекрасно; но прослушай, пожалуйста, списокъ, въ который ты самъ записалъ всѣхъ лучшихъ людей вашей вѣры, и скажи мнѣ: неужто они всѣ до одного такъ единомысленны, что разомъ успѣли оставить Александрію? Гдѣ всѣ они дѣлись?

— Я ихъ не видѣлъ, и знаю только одно, что дома ихъ пусты.

— Иди же и береги тѣхъ остальныхъ, кто остался; ты мнѣ за нихъ отвѣчаешь. Завтра я пришлю къ твоему дому отрядъ биченосцевъ, чтобы сопровождать васъ къ горѣ Адеръ. Иди!

Епископъ поклонился и вышелъ, но Нефора, давъ ему отдалиться отъ прочихъ, нагнала его у двери и сказала:

— Старикъ! я должна тебя предупредить: ты ошибся.

— Въ чемъ?

— Ты поименовалъ не всѣхъ надежныхъ и достойныхъ вниманія людей твоей вѣры!

Епископъ подумалъ, стараясь припомнить, и отвѣтилъ:

— Ручаюсь тебѣ, что я никого съ умысломъ не скрывалъ и другихъ христіанъ не помню.

— Нѣтъ, я вижу, что ты одного укрываешь!

— Скажи мнѣ, какъ его имя?

— Его имя Зенонъ.

— Зенонъ!

— Да!.. Онъ знаменитый художникъ... Его всякій знаетъ въ Александріи и не знать его невозможно.

— Ахъ, это кривой Зенонъ, златокузнецъ?

— Ты какъ будто насилу вспомнилъ его?

— Конечно, такъ это и есть: я его едва знаю.

— Какъ! ты едва знаешь Зенона, котораго знаетъ вся Александрія?

— Языческая Александрія!

— Почему же только одна «языческая»?

— Онъ дѣлаетъ ваятельныя изображенія.

— Но развѣ это дурно?

— Христіанину непристойно этимъ заниматься.

— Почему же? Развѣ искусство унижаетъ христіанина?

— Такъ постановилъ отецъ Агапитъ.

— Но, вѣдь, это безумно!

— Такъ постановилъ отецъ Агапитъ.

— Однако, все жъ Зенонъ вашей вѣры?

— Нѣтъ, мы его своимъ не считаемъ.

— Какъ нѣтъ? Развѣ онъ не вѣритъ ученію Распятаго?

— Ты, госпожа, не можешь объ этомъ судить.

— Я сужу по тому, что̀ видѣла, а я видѣла большое доказательство тому, что Зенонъ — христіанинъ. Посылай скорѣе за Зенономъ, спѣши за нимъ самъ, зови его съ собою.

— Онъ не пойдетъ.

— Нѣтъ, онъ пойдетъ, и если только гора можетъ сдвинуться и пойти, то одинъ Зенонъ ее и сдвинетъ. Но чтобы тебя убѣдить, жди меня: я приду къ тебѣ и разскажу тебѣ больше.

Епископъ ушелъ и не послалъ за Зенономъ, а знатные гости продолжали пировать, пока въ темномъ небѣ начали блѣднѣть звѣзды и посеребренный луною уголъ пропалъ, слившись въ одинъ полумракъ съ остальными частями верхняго карниза. Гости хотя пили хіосское и фалернское вино въ смѣшеніи съ водой, но чувства ихъ быстро отяжелѣли. Дуназу показалось разъ, что луна исчезла. Онъ объ этомъ сказалъ и надъ нимъ посмѣялись. Правителю тоже показалось, будто на его лысый черепъ, разгоряченный виномъ, капнула холодная капля, но онъ только посмотрѣлъ на небо и, боясь быть смѣшнымъ, никому не сказалъ объ этомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Утро слѣдующаго дня, который предшествовалъ сдвиганію горы христіанами и вступленію войскъ для усмиренія жителей, было пасмурное, что рѣдко случается въ эту пору года въ Египтѣ. Дулъ вѣтерокъ и по небу слегка обозначались зачатки перистыхъ облачковъ. Людямъ, которые собирались къ Адеру, было легко и удобно отправляться туда и тамъ устраиваться.

Отъ города до Адера, по направленію къ Канопскому гирлу Нила, было день пути. Путь этотъ совершали какъ прогулку для большого удовольствія. Въ огромной толпѣ

чисто египетскаго народа было множество заѣзжихъ разностранцевъ и осѣдлыхъ чужеземныхъ пашельцевъ. По дорогѣ люди подвигались безконечною вереницей; одни ѣхали на ослахъ, другіе на верблюдахъ, третьи въ колесницахъ, запряженныхъ мулами, но всего болѣе было пѣшеходовъ. Шли старцы и взрослые мужчины и женщины. Послѣднія тащили съ собою нагихъ дѣтей. Торговцы несли или везли на ручныхъ тележкахъ тяжелыя корзины съ рыбами, съ пряным, испеченнымъ мясомъ, съ душистыми пряничными орѣхами и съ овощами, состоявшими бо́льшею частью изъ огромнѣйшихъ огурцовъ до фута длиною и изъ громадныхъ дынь, достигавшихъ до пуда вѣсомъ. Плоды эти были переложены листьями крапивы величиною въ двѣ человѣческія ладони. Другіе несли на головахъ огромные поливные сосуды почти въ ростъ человѣка. Узкія горла этихъ сосудовъ были заткнуты тоже свѣжими листьями крапивы и обвязаны пузыремъ. Въ этихъ сосудахъ содержалось сирійское вино, которое хотя было и грубо, но на простой вкусъ нравилось не хуже, чѣмъ людямъ высшаго класса нравилось вино изъ Хіоса или отъ подошвы Везувія. Пекаря двигали передъ собою длинныя ручныя телѣжки съ хлѣбами, у иныхъ наверху были привязы таганы и котлы, и мѣшки съ рисомъ и чеснокомъ, чтобы варить на мѣстѣ похлебку. Все собиралось пить и веселиться, и торопилось на мѣсто, чтобы занять лучшую позицію. Съ нѣкоторыми были легкіе переносные шатры. Для богачей шатры были уже устроены ранѣе высланною къ Адеру прислугой, а большинство тащило свои легкіе шатры на ослахъ за собою. Особенно выдѣлялись группы, состоявшія изъ полунагихъ плясуновъ на канатѣ и фокусниковъ, которые тутъ же на ходу глотали живыхъ змѣй и дѣлали мимоходомъ другія удобныя представленія; но всѣхъ больше интересовали собою нарядныя цвѣточницы, вокругъ которыхъ неотступно вилась рѣзвая молодежь, увлекаясь прелестями и весельемъ этихъ пестрогихъ и прелестныхъ красавицъ. Самые знатные юноши, вырвавшись изъ города, гдѣ ихъ стѣсняли приличія, здѣсь чувствовали себя на свободѣ и не хотѣли уже ничѣмъ стѣсняться, а, напротивъ, предавались самымъ необузданнымъ увлеченіямъ своего возраста и темперамента. Цвѣточницы всѣ были молодыя женщины египетскаго типа, съ плосковатыми лбами, но живыя, веселыя,

иногда остроумныя, красивыя, съ стройнымъ станомъ, пріятно округленными формами и замѣчательно упругимъ тѣломъ. Всѣ онѣ, какъ жрицы одного сладострастнаго культа, были въ бѣлыхъ полупрозрачныхъ одеждахъ съ яркими цвѣтными каймами, и одежды эти держались у нихъ только на одномъ лѣвомъ плечѣ, оставляя всѣ руки и правую грудь вовсе открытыми. Но, впрочемъ, и все остальное ихъ тѣло сквозило изъ-подъ легкой прозрачной матеріи и раздражало взглядъ молодежи, рыскавшей среди нихъ на своихъ панонскихъ коняхъ, украшенныхъ перьями. Когда приближались къ нимъ эти блестящіе молодые люди, цвѣточницы имъ улыбались и предлагали имъ купить у нихъ вѣнки и букеты изъ апельсинныхъ цвѣтовъ и фіалокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подбрасывали передъ ними квитовое яблоко, служившее символомъ любви. Юноши плескали отъ восторга руками и покупали цвѣты, и старались поймать и разломить брошенное имъ квитовое яблоко. Цвѣточницы подвигались впередъ не спѣша, останавливались, разбивали наскоро маленькіе и очень легкіе шелковые шатры, изъ которыхъ каждый могъ укрыть только двухъ человѣкъ. Подъ этими шатрами оставались на столько времени, сколько нужно было, чтобы съѣсть вдвоемъ квитовое яблоко.

Потомъ маленькій шатеръ снова свертывали и клали на спину осла, юноша отъѣзжалъ въ сторону на своемъ панонскомъ конѣ съ остриженною гривой, а цвѣточница присоединялась къ своему табору, гдѣ подруги ее встрѣчали рукоплесканіями и снабжали ее новыми цвѣтами и новымъ цѣлымъ квитовымъ яблокомъ.

Такъ весело шли, подвигаясь къ горѣ Адеръ, несмѣтныя толпы всякаго рода жителей Александріи, поспѣшавшія стать у Канопскаго гирла Нила накануне дня, за которымъ должна наступить послѣдняя водная ночь. Это люди хотѣли притти заблаговременно, устроиться таборомъ и пропировать долгій вечеръ въ свѣжей атмосферѣ рѣки и вкусить здѣсь все, что имъ могли предоставить свобода и покровъ темной ночи.

Знатные люди, которымъ ихъ положеніе не дозволяло смѣшаться съ толпою въ этомъ веселомъ канунѣ, должны были выѣхать сюда только вечеромъ, чтобы прибыть на зарѣ и прямо занять мѣста на огромномъ амфитеатрѣ, построенномъ изъ бревенъ и досокъ, обитыхъ пестрыми тка-

пями и коврами. Христіанъ же предположено было выслать подъ прикрытіемъ воиновъ и биченосцевъ въ полдень, такъ чтобы они прибыли къ горѣ Адеръ ранѣе правителя и знатныхъ особъ и не имѣли возможности устроить какой-нибудь фальши, а равно не имѣли бы основанія и жаловаться на то, что имъ недостаточно дано времени помолиться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

По возвращеніи домой послѣ пира у правителя, гдѣ Нефора видѣлась и говорила съ епископомъ, она бросилась въ постель, но, несмотря на поздній часъ ночи, не могла заснуть: извѣстіе о томъ, что отвергнаго ее художника Зенона нѣтъ въ числѣ христіанъ, которые должны явиться передвигателями горы и подвергнуться, по всѣмъ вѣроятіямъ, всеобщему посмѣянію, поразило Нефору и отогнало отъ нея покой. Значитъ, все, что она затѣяла и устроила для отмщенія Зенону, сдѣлано напрасно; Зенона это ничто не коснется, а причинитъ тревогу и гибель только другимъ людямъ, совсѣмъ постороннимъ, которые лично передъ Нефорою ни въ чемъ не виноваты, а художникъ Зенонъ останется жить въ прежнемъ покоѣ!.. И Неохъ, и Бубаста своего достигнутъ, но Нефора ничего не достигнетъ,—она кругомъ обманута и все черезъ свою собственную необстоятельность. Проклятіе! Могла ли она этого ожидать? И что̀ это у нихъ за различія, которыхъ невозможно понять?.. Рабыня-христіанка, которая была нянькой Нефоры, много говорила ей въ дѣтствѣ о своемъ Богѣ, Который распятъ въ Іерусалимѣ. Нефора любила слушать, какъ Онъ *всѣмъ* сожалѣлъ и *всѣмъ* завѣщалъ, чтобы никто не дѣлалъ другому зла. Нефора плакала вмѣстѣ съ рабыней, когда та говорила, какъ Его выгоняли, много разъ хотѣли убить и, наконецъ-таки, убили. Онъ былъ цѣломудренъ и добръ, и завѣщалъ, чтобы всѣ любили другъ друга и прощали обиды. Она думала, что въ томъ все и дѣло. Кажется, такъ живетъ и Зенонъ: что Тотъ сказалъ, этотъ Его завѣта слушается. То же, о чемъ говорилъ епископъ, ей совсѣмъ ново и непонятно. Это какъ будто что-то другое и, между тѣмъ, это портитъ весь планъ Нефоры. Зенонъ ускользаетъ... Завтра послѣдній день. Завтра подъ вечеръ надо ѣхать къ Адеру. Нефора отдала уже приказаніе своему домоправителю изготовить ей колесницы и ея рабыни разостлали на широкихъ коврахъ

роскошный нарядъ, который будетъ украшать ее на одномъ изъ переднихъ мѣстъ амфитеатра. Нефора хотѣла перехитрить всѣхъ: и Пеоха, и Дуназа, и Бубасту, и самого правителя. Увѣренная въ томъ, что гора не сойдетъ съ своего мѣста и не пойдетъ въ воду, она была, несомнѣнно, увѣрена и въ томъ, что когда вѣра христіанъ будетъ этимъ унижена, то раздраженный и отчаянный народъ бросится на христіанъ и станетъ бросать ихъ въ Нилъ. Пеохъ и Бубаста дадутъ къ этому знакъ, и дѣло будетъ сдѣлано, а въ то самое время, какъ эти погибнутъ умилостивительною жертвой, Зенонъ будетъ спасенъ, потому что Нефора купила для него тайную охрану и помощь главы биченосцевъ. Его увезутъ къ ней въ ея имѣніе, дальше Пелузы, и она его найдетъ тамъ. Вѣдь она его любитъ, она хочетъ только унизить его вѣру, для которой онъ оскорбилъ ее, отвергнувъ предложенную ему любовь. У нея никто не отыщетъ Зенона; она его утаитъ отъ всѣхъ; онъ будетъ ея невольникъ, ея рабъ и... ея любовникъ... Или она будетъ его томить, терзать, мучить и... Она не знаетъ сама, чѣмъ это кончится, но это дастъ цѣну всей ея жизни... И вотъ гдѣ-то и совершенно неожиданно послѣ того, что она узнала отъ епископа, все это выйдетъ не такъ. Напрасно утонятъ много людей, а Зенонъ останется съ своею особенною вѣрой, которая, по увѣренію епископа, совсѣмъ даже и не то, что ихъ настоящая христіанская вѣра. И эта ошибка непоправима,—времени нѣтъ... Теперь и природа, и люди уснули, и Нефора должна тоже уснуть, чтобы завтра тѣло ея было бодро и сильно, а лицо ея ясно... Она должна скрыть отъ всѣхъ свою досадную ошибку и... она будетъ спать. Она обняла рукой любимую кошку, закрыла глаза и перестала обо всемъ думать. Въ мысляхъ Нефоры наступила минута бездѣятельности и пустоты, но сейчасъ же опять прорѣзалось опредѣленное понятіе: ей жарко, — кошка слишкомъ сильно согрѣла ей грудь. Нефора отстранила рукой кошку и изъ пушистой шерсти звѣрка сверкнули и тихо щелкнули двѣ маленькія красныя искры. Молодая женщина переложила кошку къ своимъ ногамъ, и искры снова блеснули. Нефора обернулась лицомъ къ стѣнѣ и снова старалась заснуть, но въ стѣнѣ подъ ковромъ что-то шуршало. Духота увеличивалась; откуда-то доносилось докучное блеяніе верблюжонка и въ отвѣтъ ему слышались трескучіе крики ста-

раго верблюда. Не то, такъ другое постоянно мѣшало Нефорѣ заснуть. Едва умолкли верблюды, раздался противный голосъ павлина. Нефора протянула руку къ шелковому шнуру и отдернула занавѣсу; серебряные колокольчики, подшитые на бахромѣ, мелодически пророкотали и открыли широкое окно съ каменною рамой. На небѣ уже разсвѣтало. Утренній воздухъ сообщилъ Нефорѣ бодрость и у нея явилась смѣлая мысль еще разъ попытаться сдѣлать Зенона причастнымъ и тому, что̀ ожидалось. Она позвала служанку, быстро одѣлась и велѣла какъ можно скорѣе подвести ей къ крыльцу осѣдланнаго мула.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Когда Нефора вышла и сѣла въ сѣдло, было еще сѣро и въ городѣ не слышно было никакого движенія, только глинистые голуби оправлялись спросонья на пестрой голубятнѣ и тоскливо ворковали, какъ будто они были чѣмъ-то недовольны.

Нефора покрылась темнымъ покрываломъ и велѣла проводнику вести мула по дорогѣ къ Мареотидскому озеру, гдѣ на берегу, въ извѣстной ей мѣстности, жилъ христіанскій епископъ.

На одномъ поворотѣ мимо глазъ Нефоры что-то мелькнуло и въ то же время проводникъ на нее оглянулся значительнымъ взглядомъ.

— Что это?—спросила Нефора.

— Это нильскія ласточки.

— Такъ что же?

— Онѣ поспѣшаютъ... и держатся близко къ землѣ...

— Что-жъ это значитъ?

— Это бываетъ, когда... Но позволь, госпожа, я слышу большое движеніе... Позволь переждать здѣсь минуту... Народъ нынче ночью принесъ въ жертву чернаго ягненка у фарроской пещеры Неоха и теперь провожаетъ старца... Смотри, вонъ уже видно—тамъ изъ-за угла выступаетъ высокій бѣлый верблюдъ подъ роскошнымъ ковромъ, на немъ ѣдетъ темный старикъ — это Неохъ. Смотри, какъ онъ видимо святъ, какъ изнеможденo его тѣло. Обрати вниманіе: лоскуты у его преноясья подвязаны тростникомъ и осокой, но и этотъ утлый поясъ на немъ не порвется. Неохъ много лѣтъ уже не выходилъ изъ своей фарроской пещеры, и те-

перь ѣдетъ, конечно, къ Канопскому гирлу, куда удаляется вся Александрія, чтобы смотрѣть, какъ суевѣрные люди, вѣрующіе въ распятаго Бога, будутъ сдвигать гору Адеръ. Народъ ночевалъ у пещеры Пеоха и теперь сопровождаетъ его толпою: тебя могутъ обидѣть, если ты не повелишь мнѣ остановиться и подождать, чтобы не переходить дороги святому человѣку.

— Остановись и пропусти ихъ.

И Нефора видѣла, какъ передъ нею прослѣдовалъ на бѣломъ верблюдѣ темнолицый, исхудалый, лобастый мемфитъ, окруженный несмѣтною толпой самой набожной черни. Здѣсь были люди, которые не искали легкомысленныхъ увеселеній въ ранѣе вышедшемъ таборѣ. Въ этой суровой толпѣ не было ни назойливыхъ продавцовъ рыбы, ни веселыхъ канатныхъ плясуновъ, ни фокусниковъ, ни красивыхъ цвѣточницъ, съ ихъ легкими ширмами на маленькихъ осликахъ. Пеоха провожала фанатическая толпа мрачно глядѣвшихъ полунагихъ мужчинъ и женщинъ, которыя безпрестанно поднимали надъ своими головами грудныхъ дѣтей, чтобы они могли видѣть Пеоха. Черезъ это дѣти должны исцѣлиться отъ боли глазъ и отъ грыжъ, которыми многія изъ нихъ страдали отъ крика.

Нефора видѣла и изнеможденное темное тѣло нагого мемфита, и страшный взглядъ его глазъ съ больными вѣками и сверкавшими бѣлками.

Въ этой толпѣ опять тоже много собакъ и кошекъ, а сзади всѣхъ, верхомъ на старомъ верблюдѣ, сидѣла баба Бубаста; передъ нею на сѣдлѣ былъ взвязанъ еще живой черный баранъ съ вызолоченными рогами, среди которыхъ сверкалъ привязанный жертвенный ножъ.

Это было животное для второй, благодарственной жертвы, когда месть совершится у Канопскаго гирла.

Баба Бубаста узнала Нефору, показала ей рукою на ножъ и сказала:

— Мсти за себя, а въ каменоломнѣ услышатъ о мщеніи Бубасты.

Глядя на бабу Бубасту, всякій могъ бы признать справедливое замѣчаніе египетскаго царя Амазиса: «жены Египта мстивы и смѣлы: легче имѣть дѣло съ раздраженною львицей, чѣмъ съ обиженной египтянкой».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Нефора, пропустивъ шествіе, достигла жилища епископа, которое охраняли воины, имѣвшіе приказаніе отъ правителя: впускать только тѣхъ, кто самъ назоветъ себя христіаниномъ, или же тѣхъ, кого доставятъ сюда подъ надзоромъ полицейскіе биченосцы, которымъ приказано было вездѣ разыскать христіанъ, чтобы у Адера кружокъ ихъ не былъ малъ и незамѣтенъ. И биченосцы исполняли данное имъ повелѣніе. Хотя добровольно объявляться христіанами никто не приходилъ, но дворъ епископскій былъ полонъ насильно согнанныхъ людей обоего пола, которые страшно сѣтовали и плакали, и бранили епископа. Онъ же сидѣлъ, склонивъ голову, и не только не отвѣчалъ на обиды, но даже, казалось, и не замѣчалъ, что̀ вокругъ него происходитъ. Лицо его было насмурно и горько. Онъ такъ же, какъ Нефора, совсѣмъ не спалъ минувшую ночь, и нервы его послѣ сильнаго возбужденія пришли въ состояніе притупленности. Въ такомъ же приблизительно состояніи были и сидѣвшіе близъ него пресвитеры и діаконы, изъ которыхъ послѣдніе безпрестанно отлучались, чтобы давать людямъ пищу.

Чтобы пройти на дворъ епископа, Нефорѣ оставалось одно средство — назвать себя христіанкой, что̀ она и сдѣлала, и воины, стороживше входъ во дворъ, тотчасъ же ее пропустили, оставивъ снаружи подъ деревомъ ея мула и провожатаго.

Пробиваясь черезъ толпу людей, тѣснившихся въ неопредѣленномъ и раздраженномъ состояніи на дворѣ, Нефора видѣла множество плачущихъ женщинъ и дѣтей, и сердце ея сжалось; но когда она съ усиліемъ достигла въ покои епископа и увидала его окаменѣлое равнодушіе, это ее даже удивило. Увидѣвъ Нефору, онъ не выразилъ никакого особеннаго движенія и тотчасъ же перевелъ глаза на другой предметъ и сталъ потирать одну о другую свои старческія руки.

— Я пришла къ тебѣ по важному дѣлу,—заговорила, нѣсколько поспѣшая и оглядываясь по сторонамъ, Нефора.

Епископъ молчалъ.

— Я хотѣла бы сказать тебѣ что-то наединѣ.

— Развѣ ты христіанка?

— Да, я христіанка.

— Но... мнѣ кажется... я видѣлъ тебя вчера на пиру у правителя... Ты была его гостьей.

— Да, ты меня видѣлъ. Я тамъ была... я хотѣла все знать, что̀ они думаютъ сдѣлать.

— Что же ты хочешь?

— Я страшусь за то, что̀ съ вами случится, если вы не сдвинете гору.

Окружавшіе епископа пресвитеры, услыхавъ такія сердобольныя слова, тихо толкнули другъ друга и прошептали:

— Ее надо выслушать.

— Говори же при нихъ; они всѣ хотятъ тебя слушать!— отозвался епископъ.

Нефора, увидавъ, что епископъ не избѣгаетъ присутствующихъ, и сама не стала таиться, и заго̀ворила открыто:

— Я удивляюсь тому, что не вижу между вами человѣка, который вамъ могъ бы оказать всего болѣе пользы въ эту пору.

— Кто же онъ такой? Вѣроятно, онъ не нашъ, или онъ теперь отрекся?

— Нѣтъ, онъ преданъ христіанскому ученію и онъ не таковъ, чтобы отречься.

— Назови же скорѣй его имя.

— Художникъ Зенонъ.

И едва лишь Нефора произнесла это имя, какъ всѣ заговорили наперебой:

— Какъ! знаменитый Зенонъ—златокузнецъ!

— Зенонъ, пріятель знатныхъ людей!

— Первый мастеръ въ Египтѣ! Зенонъ, въ которомъ живетъ душа Ѳеодора, скульптора царя Амазиса!

— Зенонъ, кривой, съ повязкой на лѣвомъ глазу, который онъ потерялъ вдругъ, отъ неизвѣстной причины!

— Да, да, да; это онъ, тотъ самый Зенонъ,—Зенонъ златокузнецъ, котораго знаетъ и привѣчаетъ вся знать, въ которомъ воскресло искусство скульптора царя Амазиса; это Зенонъ съ голубою повязкой на лѣвомъ глазу, который онъ утратилъ вдругъ и отъ никому неизвѣстной причины. Онъ скрываетъ эту причину...

— Да, да; онъ не говоритъ о ней никому.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! Онъ долженъ ее скрывать... А я ее знаю!— сказала Нефора.

— Она знаетъ причину, которую отъ всѣхъ скрываетъ Зенонъ! Слушайте!

— Это любопытно.

— Но это не идетъ теперь къ нашему положенію и къ нашему дѣлу.

— Нѣтъ, именно это идетъ теперь къ вашему дѣлу. Зенонъ—тотъ человѣкъ, который вамъ нуженъ... Зенонъ васъ можетъ спасти!

— Что она говоритъ? Что̀ говоритъ вамъ госпожа?—закричали на дворѣ люди, толпившіеся у веранды, на которой Нефора говорила съ епископомъ и пресвитерами, и многіе стали всходить на ступени.

— Не толпитесь сюда, иначе вы всѣхъ насъ собьете съ мѣста!—закричалъ одинъ изъ пресвитеровъ. — Стойте смирно, и я разскажу вамъ, въ чемъ дѣло. Эта госпожа—христіанка; она пришла сюда къ намъ сама, безъ принужденія, и говоритъ, что знаетъ человѣка, который можетъ сдѣлать, чтобы гора сдвинулась съ мѣста и пошла въ воду...

Но едва лишь пресвитеръ сказалъ это, послышался гулъ голосовъ, и всѣ люди бросились на террасу, и закричали:

— Пусть она всѣмъ намъ говоритъ!.. Мы не хотимъ погибать, мы всѣ хотимъ слышать, что̀ она скажетъ!

Терраса покрылась людьми, пресвитеры были смяты, а епископъ, покинувъ свое кресло съ высокой спинкой, поспѣшно скрылся въ двери внутреннихъ комнатъ. Нефора же мгновенно встала на его опустѣвшее кресло и, взявшись одною рукой за верхнее украшеніе его спинки, подняла другую свою руку кверху и громко сказала:

— Молчите!

Гулъ народа утихъ и всѣ замолчали.

— Хороша я?—спросила Нефора.

Ей никто ничего не отвѣтилъ.

— Я не прельщать васъ пришла, но хочу разсказывать вамъ о дѣлѣ.

— Ты прекрасна!

— Ты прельстишь кого хочешь!—раздались голоса изъ народа.

— Ты даже можешь заставить забыть страхъ въ виду неминуемой смерти,—произнесъ голосъ вблизи самаго кресла, на которомъ стояла Нефора.

— Но все это безсильно было надъ тѣмъ, кого я назову вамъ: Зенонъ художникъ пренебрегъ моею красотой для словъ вашего Бога... Онъ оттолкнулъ меня и, чтобы не видѣть моей красоты, которую я ему отдавала, онъ вонзилъ при мнѣ ножъ себѣ въ глазъ. Вотъ отчего окривѣлъ вашъ великій Зенонъ-златокузнецъ, вотъ какъ сильна его вѣра! Зовите скорѣе его, и если не ложно, что человѣкъ съ вѣрою можетъ сдвинуть гору, то Зенонъ сдвинетъ гору.

— Да, да, кто такъ твердъ, какъ Зенонъ, тотъ сдвинетъ гору!.. Гдѣ же онъ, гдѣ? Мы призываемъ Зенона!

Тогда Нефора сказала дьякону:

— Напиши поскорѣе извѣстіе Зенону и брось свитокъ со стѣны моему рабу, который стоитъ съ осѣдланнымъ муломъ подъ деревомъ по ту сторону запертыхъ воротъ. Пусть онъ спѣшитъ къ Зенону, не жалѣя мула, и вы увидите, что прежде чѣмъ придутъ биченосцы, чтобы гнать васъ оцѣпленными веревкою къ Адеру, Зенонъ будетъ здѣсь, и сердца ваши утѣшатся, а я остаюсь съ вами залогомъ моего обѣщанія.

Все такъ и сдѣлалось, какъ сказала Нефора. Волненіе народа было такъ велико, что ни епископъ, ни пресвитеры уже ни во что не вступались и надъ всѣмъ положеніемъ царила Нефора, на которую всѣ хотѣли смотрѣть и ее слушали. Дьяконъ нашелъ трость и папирусъ и написалъ дрожащею рукой: «Зенонъ! Люди въ смертной бѣдѣ тебя призываютъ. Приди, облегчи или раздѣли съ ними ихъ участь». Рабъ Нефоры съ этою запиской поѣхалъ къ Зенону, и всѣ стали ждать: придетъ ли художникъ и будетъ ли приходъ его во-время, прежде чѣмъ прибудетъ отрядъ биченосцевъ, которые выгонятъ ихъ къ горѣ Адеръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Встревоженные люди безпрестанно мѣняли свое настроеніе, переходя отъ надежды къ отчаянію: то они вѣрили, что Зенонъ придетъ, и при немъ, какъ при человѣкѣ, который хорошо знакомъ всѣмъ знатнымъ людямъ, суровость правителя измѣнится; то говорили: «что можетъ заставить Зенона покинуть спокойную жизнь и отдать себя добровольно нашей печальной судьбѣ?» Епископъ и его приближенные люди тоже считали это совсѣмъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что они и не считали Зенона за христіанина.

— Онъ,—разсуждали они:—знаетъ, что мы съ нимъ несогласны. Ему нѣтъ дѣла до чуда, котораго отъ насъ требуютъ. Онъ не пойдетъ съ нами на муки.

Въ этихъ сомнѣніяхъ прошло довольно времени и уныніе усиливалось, а за часъ до полудня люди, глядѣвшіе въ городъ со стѣны, замахали руками и закричали:

— Идутъ биченосцы!..—и многіе упали въ страхѣ на землю.

Но одинъ человѣкъ, который не успѣлъ соскочить вмѣстѣ съ другими, замѣтилъ, что съ другой стороны во весь скокъ несся верхомъ на красногнѣдомъ конѣ молодой статный всадникъ съ непокрытою головой, остриженною по греческой модѣ, и съ повязкой черезъ лѣвое око.

— Братья! — воскликнулъ увидѣвшій всадника человѣкъ:—мы спасены: къ намъ скачетъ Зенонъ-златокузнецъ.

И Зенонъ въ самомъ дѣлѣ опередилъ биченосцевъ, бросилъ поводья коня, соскочилъ и вскричалъ громко стражѣ:

— Откройте двери и впустите меня: я христіанинъ; я хочу быть съ тѣми, которые будутъ страдать!

Ворота раскрылись, и стража впустила Зенона.

Толпа христіанъ мгновенно его окружила и всѣ старались ему наперерывъ говорить, а онъ не могъ никому отвѣчать и шелъ между ними спокойно и тихо всѣмъ повторялъ:

— Не бойтесь!.. Христосъ среди насъ... Почтимъ слова Его послушаньемъ... Умремъ за нашего Учителя!

— Умремъ, если нужно, умремъ!—прокатило въ народѣ.

Зенонъ сталъ обнимать и цѣловать людей направо и налѣво.

Нефора смотрѣла на Зенона съ высоты террасы и любовалась спокойствіемъ его походки и движеній его рукъ, которыми онъ то обнималъ, то ласкалъ людей, бросавшихся къ нему со стенаньемъ и воплями.

Душа этого человѣка точно не знала страха, и Нефорѣ казалось, что она видитъ не мученика, который готовится встрѣтить скоро униженіе и смерть, а актера,—такъ всякое движеніе Зенона было красиво и нѣжно, а въ то же время исполнено достоинства и силы.

Увидѣвъ Нефору, Зенонъ на мгновенье остановился. Присутствіе ея здѣсь удивило его, но онъ тотчасъ же оправился, поднялъ руку къ своему выколотому глазу, поправилъ повязку и пошелъ безостановочно дальше въ по-

кои, гдѣ былъ епископъ. Тамъ Зенонъ оставался минуту и, снова выйдя на террасу, сказалъ:

— Братья и сестры! если силенъ и бодръ духъ, въ васъ живущій, пусть насъ не ведутъ,—пойдемъ лучше сами. Я извѣстенъ правителю и сейчасъ пойду къ нему и упрошу его, чтобы онъ дозволилъ намъ идти къ горѣ Адеру однимъ, безъ надзора его биченосцевъ.

— Это зачѣмъ же?—проговорило нѣсколько голосовъ.

— Для того, чтобы всѣ видѣли, что мы идемъ доброю волей, а не по принужденію.

Люди молчали, но изъ толпы вышелъ одинъ шерстобитъ, по имени Малафей, и, лукаво взглянувши въ лицо Зенона, сказалъ:

— Я тебя понимаю. Иди и проси. Поклянись, что мы пойдемъ сами.

— Я не знаю, какъ ты меня понимаешь, но я клясться не стану. Намъ не дозволено клясться, но я скажу, что мы не унизимъ имени Христова.

Тогда всѣ закричали:

— Да, да! прекрасно! Иди, братъ нашъ Зенонъ, иди и давай за насъ слово, что мы не посрамимъ имени Христова.

— Но только вернешься ли ты самъ къ намъ? — спросилъ Малафей шерстобитъ.

Зенонъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ:

— У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, которыхъ бы я могъ вамъ оставить заложниками; но я не лгу: я — христіанинъ.

— Страхъ дѣйствуетъ на всякаго, и было бы лучше, если бы ты оставилъ заложника.

— Я остаюсь залогомъ, что Зенонъ вернется! — вскричала Нефора.

Зенонъ на нее оглянулся и молвилъ:

— Благодарю тебя. Мнѣ нуженъ всего только одинъ часъ времени. Но если случится...

— Если ты черезъ часъ не вернешься, пусть они растерзаютъ меня на этомъ помостѣ,—досказала Нефора.

Зенонъ протянулъ ей руку и пожалъ ее сердечнымъ пожатіемъ.

Стража выпустила Зенона съ однимъ изъ биченосцевъ, но еще до истеченія часа художникъ вернулся одинъ, имѣя

въ рукахъ папирусъ, на которомъ для христіанъ написанъ былъ пропускъ къ горѣ безъ всякаго караула.

Биченосцы предъ нимъ раскрыли ворота, и они вышли свободно. Впереди шелъ больной епископъ, а его подъ руки поддерживали Зенонъ и женщина въ темномъ покровѣ.

Это была Нефора.

Пока они шли городомъ, она не поднимала съ головы своего покрывала, и многіе спрашивали: кто это такая? Христіане же, проходя, отвѣчали: это новая христіанка! Но потомъ сами себя вопрошали: гдѣ и когда эта женщина крестилась? Какъ ея христіанское имя? Зенонъ долженъ знать о ней все, но неизвѣстно и то, гдѣ принялъ вѣру Зенонъ... Только теперь неудобно было ихъ разспрашивать, такъ какъ они идутъ впереди бодрѣе всѣхъ и на ихъ плечи опирается ослабѣвшій епископъ...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Межъ тѣмъ какъ свободно вышедшіе христіане пошли къ Адеру, передъ вечеромъ изъ Александріи выступала въ томъ же направленіи къ Каноскому гирлу третья группа путешественниковъ. Эта опять представляла собою совсѣмъ не то, что̀ шумный таборъ ткачей и шерстобитовъ и веселыхъ зрителей съ фокусниками, плясунами и цвѣточницами, и не то, что̀ представляла собою вышедшая вторая кучка пріунывшихъ христіанъ. Теперешняя группа отличалась важностью: это были знатныя лица и ихъ свита.

Впереди всѣхъ показались изъ воротъ на каноской дорогѣ египетскіе и греческіе воины, взаимно ненавидѣвшіе другъ друга; за ними купцы въ однообразныхъ одеждахъ съ пестрою бахромой. За купцами египетскіе жрецы, въ болѣе длинныхъ, но тоже однообразныхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ драгоцѣнными перевязями, въ однообразныхъ же широкихъ шейныхъ украшеніяхъ, въ повязкахъ и съ фальшивыми черными локонами, ниспадавшими на ихъ шеи и на спины. За длинноволосыми жрецами, также въ строгомъ порядкѣ, шли другіе жрецы, у которыхъ головы были тщательно выбриты. За этими, отступя, шелъ старшій жрецъ, у котораго сіялъ на груди сафирный амулетъ.

У всѣхъ жрецовъ въ рукахъ были длинные серебряные посохи съ бѣлыми цвѣтами лотоса въ набалдашникѣ; у старшаго жреца посохъ былъ золотой и серебряный цвѣтокъ

лотоса окруженъ пукомъ страусовыхъ перьевъ. Отъ ихъ одеждъ и париковъ далеко разносился запахъ мускуса. За жрецами или чиновники, а потомъ факелоносцы, биченосцы, разстилатели ковровъ, жезлоносцы, виночерпіи и хлѣбодары, а за этими слѣдовали на мулахъ однообразно раскрашенныя двухколески, на которыхъ помѣщались ярко-расцвѣченныя корзины и боченки; за хлѣбодарами выступали, въ огромныхъ высокихъ колпакахъ, родовспомогатели и глазные врачи, за ними — одѣватели и раздѣватели, потомъ торжественные пѣвцы и народныя танцовщицы, болѣе скромныя, чѣмъ цвѣточницы, но одѣтыя, впрочемъ, безъ лифовъ, въ однѣхъ лишь прозрачныхъ и легкихъ коротенькихъ юбкахъ; потомъ сотрапезники вмѣстѣ обоего пола, въ свободныхъ и разнообразныхъ нарядахъ и съ иною свободой движеній, но съ однообразіемъ вѣявшей около нихъ атмосферы мускуса. За этою чрезвычайно большою вереницей пѣшихъ людей слѣдовалъ самъ правитель на прекрасномъ низейскомъ конѣ, у котораго хвостъ и грива были подстрижены, а самъ конь весь искусно выкрашенъ голубою краской.

Самъ правитель былъ въ красномъ съ золотомъ широкомъ и длинномъ плащѣ, а сѣдло, и узда, и поводья его коня всѣ тиснены золотомъ и съ золотою бахромой.

За нимъ слѣдовала его колесница изъ чернаго дерева съ слоновою костью, съ серебрянымъ дышломъ и такою же серебряною оковкой колесъ. Въ эту колесницу была впряжена четверка вороныхъ коней—прямыхъ и чистокровныхъ потомковъ коней фараоновъ. Ихъ сбруя была изъ золотистаго шелка, а ихъ остриженныя гривы и челки покрыты тончайшими золотыми сѣтками работы Зенона. Эта колесница была пуста, потому что она была приготовлена для Нефоры, но Нефоры никто не могъ отыскать передъ выѣздомъ, и ея внезапное исчезновеніе смущало правителя и было предметомъ толковъ у знати. За пустою колесницей Нефоры слѣдовало множество другихъ, также парадныхъ закрытыхъ колесницъ, въ которыхъ ѣхали женщины, и потомъ музыканты и барабанщики, и сзади всѣхъ опять въ высокихъ колпакахъ биченосцы, которые равнодушно щелкали своими длинными палками направо и налѣво, гдѣ шелъ какой-нибудь споръ или просто раздавался сколько-нибудь оживленный говоръ въ толпѣ, собравшейся посмотрѣть на шествіе знатныхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Огромный городъ теперь казался почти опустѣвшимъ. Многіе дома совсѣмъ были заперты, въ другихъ оставались только больные да слуги, оставленные для присмотра. Огни вездѣ рано погасли и скоро настала повсемѣстная тишина. Луна свѣтила надъ совершенно опустѣвшими улицами; въ созвѣздіи Пса ярко горѣлъ Сиріусъ. На круглую площадь между Воротами Солнца и Воротами Луны вышли три звѣздочета въ длинныхъ желтыхъ хитонахъ. Двое изъ нихъ были глубокіе старцы, а третій немного моложе. Они долго смотрѣли на небо, гдѣ сверкалъ Сиріусъ, потомъ на принесенныя съ собою таблицы, и потомъ всѣ въ-разъ хлопнули ладонями и вытянули впередъ свои руки, какъ будто бы что-то отъ себя отстраняли. Такъ обыкновенно египтяне молились. Затѣмъ звѣздочеты вздохнули, произнесли слово: «поздно» и, подхвативъ полы своихъ одеждъ, пошли быстро къ своимъ домамъ и крѣпко закрыли за собой свои двери.

Въ обширныхъ, опустѣлыхъ палатахъ правителя отдавало теперь чѣмъ-то невыносимо жуткимъ. Когда оставшійся при домѣ правителя хлѣбодаръ, старый рабъ изъ Вавилона, вошелъ въ столовую, чтобы убирать несъѣденныя гостями кушанья и недопитыя вина, ему показалось, что по стѣнамъ открытой столовой движутся тѣни. Или это луна свѣтитъ нынче совсѣмъ необыкновенно.

— Да,—сказалъ онъ себѣ:—что-то неладно на небѣ. Не это ли самое и служитъ причиной, что я чувствую тяжесть и ощущаю во рту горькій вкусъ хрѣна? Или, быть-можетъ, это оттого, что я всѣ эти дни очень много хлопоталъ и сегодня всталъ очень рано?.. Какіе ненавистные люди эти христіане! Для чего въ самомъ дѣлѣ они сбавляютъ цѣны на работу и дѣлаютъ тѣмъ непріятности намъ, серьезно занятымъ людямъ? Впрочемъ, теперь я могу о нихъ позабыть и попировать одинъ на свободѣ: вино, особенно хорошее, цѣльное вино отъ Везувія вкусно, только никогда бы не надобно портить его водою по греческой модѣ. Хорошее вино должно помогать во всѣхъ случаяхъ жизни. Я сяду на мѣсто моего господина и буду пробовать хорошія вина изъ его чаши.

И онъ не сталъ портить водою вина по греческой модѣ, а, усѣвшись въ спокойное кресло своего господина, подви-

нулъ къ себѣ сосуды съ фалернскимъ, хіосскимъ, антильскимъ и кипрскимъ виномъ и началъ лѣчиться отъ горькаго вкуса. Предавшись сравненію достоинства разныхъ винъ, онъ не замѣтилъ, какъ въ этомъ занятіи время быстро летѣло и безпорядокъ на небѣ усиливался. Серебристый свѣтъ луны все слабѣлъ и вдругъ совершенно исчезъ, и на темя хлѣбодара, которое было такъ же голо, какъ темя его господина, капнула холодная капля. Хлѣбодаръ отеръ рукой эту каплю и шутливо подумалъ: «О, Ариманъ, Ариманъ, для чего ты такъ сердишься? Не плюй на меня, дай мнѣ насладиться моимъ положеніемъ. И тоже выпусти, пожалуйста, опять луну на небо... Я еще совершу въ твою честь возліяніе... Вотъ и хорошо!..»

Луна, въ самомъ дѣлѣ, снова свѣтила. Хлѣбодаръ это видѣлъ, но зато въ головѣ у него стоялъ звонъ, а въ воздухѣ что-то шумѣло. Чтобы поправить свое состояніе, хлѣбодаръ выпилъ еще большой кубокъ вина, и это его такъ успокоило, что онъ склонилъ голову на руки и, зѣвнувъ крѣпко, уснулъ сразу. И хорошо ему спалось! Ему снилось веселое дѣтство, знойное солнце долины Евфрата, Кунакай, путь десяти тысячъ грековъ, красивые отроки съ открытыми шеями и веселыми глазками, онъ бѣгалъ съ ними, ловилъ ихъ, но они смѣялись надъ нимъ и отъ него убѣгали, но вдругъ ихъ игры увидала его жена египтянка и кинулась на него въ неистовомъ безуміи. Властолюбивая и ничѣмъ не сдерживаемая, какъ всѣ египтянки, она совершаетъ надъ нимъ что-то ужасное: онъ чувствуетъ какъ она его треплетъ, такъ, что и земля колеблется подъ его ногами, и столъ дрожитъ подъ его головою, а кругомъ все грохочетъ, все полно огня и воды, огонь смѣшался съ водою и въ такомъ неестественномъ соединеніи вмѣстѣ наполняютъ открытую комнату, а мокрое небо, какъ гигантская тряпка, то нависнетъ, то вздуется, то рвется, то треплетъ, хлопая и по немъ, и по сосудамъ съ виномъ, и все разбиваетъ вдребезги, все швыряетъ впотьмахъ—и блюда, и кубки, и сопровождаетъ свое неистовство звономъ колокольчиковъ, пришитыхъ къ краямъ сдвижной занавѣски, и трескомъ лопающейся мокрой шелковой матеріи.

Къ сожалѣнію, все это не былъ сонъ: все это происходило на дѣлѣ, хотя не совсѣмъ такъ, какъ казалось въ опьянѣвшей головѣ хлѣбодара. Страшнѣйшая гроза и ужаснѣй-

шій ливень, о какихъ люди не имѣютъ понятія въ Европѣ и которые составляютъ рѣдчайшія явленія въ Египтѣ, разразились надъ Александріей. Ужасная туча примчалась на крыльяхъ разрушительной бури, — молніи рѣяли во всѣхъ направленіяхъ, а въ промежуткахъ ихъ не было видно ни зги. Хлѣбодаръ не могъ различить: была ли теперь ночь или утро; вода лилась потокомъ, было темно, и вѣтеръ хлесталъ по всей комнатѣ сорванною съ прутьевъ потолочною занавѣсой. На плитахъ пола бушевала вода по колѣно и въ ней плавали подушки съ сидѣній и разная домашняя утварь. Подъ мокрою занавѣсой можно было задохнуться. Хлѣбодаръ взвылъ отчаяннымъ голосомъ и бросился искать спасенія подъ крытымъ порталомъ.

Здѣсь онъ спрятался за колонны и замеръ, снова утративъ сознаніе отъ страха.

Недаромъ, значитъ, вчера въ пьяныхъ глазахъ Дуназа исчезала луна; недаромъ капнула капля воды на голову пировавшаго правителя; недаромъ безпокойно перекликались ночью верблюды, мѣшавшіе спать спокойно Нефорѣ; не безъ причины ея проводникъ обратилъ вниманіе на низко летѣвшихъ нильскихъ ласточекъ. Всѣ они чувствовали приближеніе могущественнаго явленія, котораго не ожидали люди и которое звѣздочеты отмѣтили «поздно» и поспѣшили запереть свои двери.

Когда пронесся ужасный ураганъ и ливень сталъ утихать, хлѣбодаръ очнулся, вышелъ на дворъ и сталъ, прислонясь на колеблющихся ногахъ къ стѣнѣ, и такъ оставался долгое время, глядя вокругъ помутившимися глазами и оттопыривъ впередъ толстыя губы.

Ничего онъ не узнавалъ изъ того, что привыкъ видѣть, выходя по утрамъ обозрѣвать домовитый дворъ своего именитаго господина: всегда обыкновенно стройное хозяйство представляло теперь полный хаосъ. На дворѣ плавали скамьи, двери, запасныя колесницы и разная рухлядь, а также забитыя дождемъ и утонувшія куры и павлины, и въ числѣ этихъ разныхъ плавающихъ мертвыхъ птицъ хлѣбодаръ замѣтилъ тоже письмоноснаго голубя.

Хлѣбодаръ по вдохновенію почувствовалъ что-то недоброе: онъ сейчасъ же спустился по колѣно въ воду, взялъ птицу въ руки, отыскалъ у нея подъ шейкою слюдяную трубку и, доставъ изъ нея крошечную полоску папируса,

прочиталъ ее и, закричавъ благимъ матомъ, кинулся бѣжать къ домику, гдѣ было его жилище.

Здѣсь онъ нашелъ помощь у своей жены, которая съ перепуга и радости, что видитъ мужа живого, изо всей силы ударила его по головѣ и, вырвавъ изъ его рукъ слюдяную цедулку, прочла въ ней очень короткое, но роковое извѣстіе: «Суда разбиты въ виду Лохіаса».

Теперь и жена оттопырила губы точно такъ же, какъ мужъ, и точно такъ же, какъ онъ, сѣла противъ него на скамейку, и оба шептали другъ другу:

— Что теперь будетъ?

Наконецъ, на хлѣбодара нашло осѣненіе, онъ всталъ, приложилъ ко лбу палецъ и, подумавъ, отвѣтилъ:

— Я не знаю, что̀ будетъ, но я догадался, что это было!

— А что именно было?—спросила жена.

— Было то, что христіане сдвинули гору!

— Ты, вѣрно, до сихъ поръ еще пьянъ?

— Да. Ты въ этомъ совершенно такъ же не ошибаешься, какъ я не ошибаюсь въ томъ, что они сдвинули гору.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Толпы народа, выступившія раньше, чѣмъ вышелъ великолѣпный дворъ правителя, пришли къ назначенной горѣ не одновременно и расположились различно. Веселая толпа, имѣвшая среди себя цвѣточницъ, музыкантовъ, продавцовъ рыбы и фокусниковъ, пришла не первая. Ее опередили люди, приплывшіе сюда на судахъ, которыя стояли уже на рѣкѣ въ виду горы Адеръ. Богатые люди, приплывшіе на ярко-раскрашенныхъ судахъ, съ крокодилами на носахъ и подъ парусами пурпурнаго и голубого цвѣта, размѣстились въ амфитеатрѣ; а бѣдные люди, приплывшіе на толстодонныхъ ладьяхъ подъ парусами изъ сѣраго или коричневаго полотна, расположились прямо на землѣ. Это былъ огромный чернорабочій лагерь, въ сторонѣ отъ обитыхъ коврами деревянныхъ скамей и навѣсовъ, устроенныхъ для ожидаемой большой публики. Чернь и гуляки, которые дошли сюда таборомъ, не искали сближенія со знатью. Они находили въ самихъ себѣ довольно всего, что̀ нужно было для ихъ забавы и радости. Таборъ ихъ теперь представлялъ чрезвычайно большое оживленіе: здѣсь пылали костры, кипѣли котлы съ рыбой, пили вино и плясали; фокусники

лили изъ одного сосуда воду и кровь, пускали изъ рукава лебедей, а когда народъ слишкомъ надвигалъ на нихъ и стѣснялъ ихъ арену, они бросали на землю вишневые жезлы, собранные изъ мелкихъ штучекъ, искусно нанизанныхъ на тонкую струну, и когда брали эти жезлы искусною рукой за конецъ, то жезлы изгибались и вертѣлись какъ змѣи. Народъ разбѣгался съ крикомъ и хохотомъ. Два или три эоіона изъ «дрянного народа Кушъ» водили красивыхъ и проворныхъ верблюдовъ изъ породы «мегари» и заставляли ихъ танцовать. На тѣхъ, кто не умѣлъ оцѣнить искусства верблюдовъ, эти ученыя животныя умѣли плюнуть, и это тоже возбуждало всеобщій хохотъ. Но танцы мегари больше всего привлекали только дѣтей и женщинъ. Мужчины всякаго возраста наперебой рвались къ палаткамъ цвѣточницъ. Въ широко раскинувшемся таборѣ слышались самые разнообразные музыкальные звуки: здѣсь гудѣли сильныя мидійскія трубы, тамъ раздавалась нѣжная фригійская флейта; въ третьемъ мѣстѣ бряцали іудейскіе кимвалы и рокотали арфы; можно было отличать также звуки пафлагонскихъ тамбуриновъ, сирійскихъ бубновъ, индійскихъ раковинъ и арійскихъ барабановъ. Среди пришлыхъ горожанъ ходили крестьяне изъ ближнихъ мѣстъ: эти были одѣты въ неподпоясанныя длинныя рубашки, и носили въ кувшинахъ на продажу свѣжую воду. Появились также, какъ на ристалищѣ, закладчики: они тихо разъѣзжали на старыхъ ослахъ съ мѣшками монетъ и съ таблицами, на которыхъ спорщики, державшіе пари за ту или другую сторону, записывали предлагаемые заклады. Между закладчиками были эллины, персы и евреи; всѣ они были совершенно равнодушны къ тому, что̀ случится, и предлагали идти объ закладъ и за то, что гора двинется, и за то, что она не двинется. Записывали и другіе заклады: за то, напримѣръ, разрѣшитъ ли правитель избить всѣхъ христіанъ, когда гора не пойдетъ, или онъ велитъ бросить въ Нилъ только одного изъ нихъ — самаго главнаго, а остальныхъ всѣхъ пошлетъ съ приговорами за поясами въ гранитныя каменоломни Ассуна. Одни держали заклады за одно, а другіе—за другое. Портовый, международный городъ выдвинулъ весь свой пестрый сбродъ, и все это, вмѣстѣ съ сверканіемъ огней, конскимъ ржаніемъ и съ криками разгулявшагося на просторѣ народа, производило опьяняющее

впечатлѣніе. Все это поднималось и рдѣло, какъ воспаленный нарывъ, которому нужно гдѣ-то прорваться. Ночь улетала въ дикомъ разгулѣ; многіе, упившись виномъ, спали у догоравшихъ костровъ; другіе еще не спали, но и не замѣчали, какъ на небѣ нѣсколько разъ скралась луна. Надо было еще что-нибудь, чтобы совсѣмъ отвести глаза въ темный уголъ. И вотъ это случилось. Подъ шелковою палаткой одной изъ цвѣточницъ послышался раздирающій вопль и вслѣдъ затѣмъ что-то тяжелое рухнуло между палатокъ. Это одинъ человѣкъ могучею рукой убилъ другого и выбросилъ на землю его мертвое тѣло. Послышался крикъ: «убиваютъ эллины!» — другимъ показалось, будто «убиваютъ эллиновъ». Мгновенно призывные крики покрыли всѣ музыкальные звуки, сверкнули ножи, люди бросились другъ на друга; биченосцы спросонья напрасно старались возстановить покой и порядокъ. Безпощадно убиваемые люди падали подъ ударами эллинскихъ ножей и еще больше подъ ударами тупыхъ египетскихъ копьевъ. И все это произошло въ густой тьмѣ, при сильномъ шумѣ налетѣвшей внезапно бури и при ужасномъ, необыкновенномъ трескѣ, который раздался съ рѣки, гдѣ стояли прибывшія плоскодонныя суда съ ибисовыми носами и длинными рыбьими хвостами вмѣсто кормы. Страшный вѣтеръ развелъ большое волненіе, и суда взметались, ударяясь одно о другое: ихъ ибисовые носы и рыбьи хвосты ломались, а высокія мачты, качаясь, махали неубранными парусами, какъ сражающіеся великаны. Наконецъ зарѣяли молоньи, загремѣлъ громъ и ударилъ ливень, какъ будто цѣлый океанъ упалъ съ неба на землю. Съ горъ помчались сокрушительные потоки, въ долинахъ все обхватило и залило водою.

Неохъ и его изувѣры, которые обошли общее мѣсто и удалились въ ровъ, гдѣ хотѣли быть скрыты до времени, когда христіане примутъ тотъ срамъ, для котораго Неохъ научилъ ихъ вывести, подверглись самой большой опасности. Ихъ черный ягненокъ съ жертвеннымъ ножомъ между рогами былъ у нихъ отнятъ мутными волнами, и самимъ имъ угрожала смерть въ тѣхъ же волнахъ, хлынувшихъ со всей горы Адеръ.

Знатные путники еще не достигли горы, когда разразилась буря. Ливень засталъ ихъ на открытомъ полѣ, гдѣ они были облиты и лежали въ водѣ, не чая конца наводненію.

Въ положеніи христіанъ было нѣчто гораздо болѣе сложное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Отрядъ христіанъ шелъ, такъ сказать, истаевая. Отъ самыхъ Канопскихъ воротъ, черезъ которыя они вышли изъ города, число слѣдующихъ за епископомъ все уменьшалось, а число отстающихъ увеличивалось. Одни падали на землю и говорили, что не могутъ дальше идти отъ болей въ ногахъ или отъ рѣзи въ желудкѣ, а другіе просто садились и плакали. Не было никакой возможности заставить ихъ идти далѣе. Шерстобитъ Малафей подалъ мнѣніе, чтобы для страха другимъ пришибить притворщиковъ камнемъ, но Зенонъ за нихъ заступался и говорилъ, что никого не надо неволить. Онъ говорилъ, что дѣло не во множествѣ людей, а въ силѣ духа, который движетъ ими, приводилъ въ примѣръ, какъ Гедеонъ оставилъ всѣхъ пившихъ пригоршнями, а взялъ съ собой только однихъ лакавшихъ воду по-песьи.

Тогда Малафей шерстобитъ повернулся и пошелъ назадъ, а съ нимъ вмѣстѣ то же самое сдѣлали и другіе, незадолго передъ этимъ стремившіеся побивать камнями тѣхъ, которые, ослабѣвая отъ страха, отставали ранѣе. Въ числѣ возвратившихся съ Малафеемъ были также нѣкоторые пресвитеры. Остальные же христіане въ небольшомъ числѣ шли цѣлый день и къ ночи достигли Канопскаго гирла. Тутъ и стоитъ гора Адеръ. Она съ одной стороны возвышается холмистымъ плоскогорьемъ, а съ другой, обращенной къ рѣкѣ, у нея крутой гребень, выступы, рвы и обрывы. Точно какъ будто она когда-то уже ползла въ рѣку, но остановилась. Съ пологой стороны она покрыта рѣдкою порослью по сушеску, а сторона, обращенная къ рѣкѣ, вся совершенно безжизненна. Здѣсь пластами лежитъ плитнякъ, глина, мелкій кремень и черная галька, а мѣстами есть также прослойки и другихъ землистыхъ породъ, то темныя, то изсѣра-желтыя, то совсѣмъ бѣловатыя. Мѣстами изнутри выпираетъ крошистый камень, а мѣстами, будто какъ ребра, рядами наставились гранитныя глыбы. Ихъ основанія утонули въ темно-красной глинѣ, а верхи ихъ присыпаны пескомъ и въ щепы распавшимся камнемъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, когда-то происходило какое-то

сильное передвиженіе веществъ, — все куда-то поползло и остановилось.

Когда христіане пришли, Зенонъ спросилъ епископа: что онъ посовѣтуетъ дѣлать?—но епископъ ему отвѣчалъ:

— Ага! Какой ты почтительный, Зенонъ! ты обращаешься ко мнѣ, какъ къ пастырю. Жалко, что я избѣгалъ тебя ранѣе; но теперь я самъ, сынъ мой, похожъ на овцу, и вдобавокъ еще на такую, которую посерединѣ зимы взяли и остригли. Одни меня оставили, а другіе кое-какъ еще идутъ съ нами, но совсѣмъ не за мною, а за тобою. Я дрожу отъ изнеможенія и ужаса; въ груди моей холодъ, а голова моя горитъ какъ у пекаря, который стоитъ передъ печкой. Что ты меня спрашиваешь?.. Я такъ слабъ, что ребенокъ можетъ меня свалить съ ногъ... Ты считай такъ, что я уже умеръ, и дѣлай что знаешь, и если окажутся люди, которые захотятъ тебя слушать, то пусть они тебя и слушаютъ, а я буду, какъ мертвый.

— Ты позабудь обо мнѣ, и ради этихъ упылыхъ людей дай имъ скорѣй вразумленіе, какъ укрѣпить себя въ духѣ и что начать дѣлать. Иначе ты можешь увидѣть, что и они разбѣгутся.

Но епископъ отвѣтилъ:

— Ты напрасно меня пугаешь тѣмъ, что я могу увидѣть. Я уже умеръ. Малафей шерстобитъ мнѣ шепталъ, что я могъ увидѣть тебя мертвымъ; но я не такой,—я не захотѣлъ это видѣть и теперь всего охотнѣе закрою мои глаза, чтобы совсѣмъ ничего не видѣть. Я уже умеръ: я отойду въ сторону и буду молиться.

Три оставшіеся пресвитера хотѣли подражать епископу: они тоже чувствовали себя умершими и намѣревались удалиться для молитвы; но народъ окружилъ ихъ и въ смятеніи требовалъ, чтобы они молились при всѣхъ и научили бы всѣхъ остальныхъ какъ лучше молиться, чтобы гора непремѣнно сдвинулась и пошла, а если она не пойдетъ, такъ чтобы были налицо виноватые. Тутъ и пошли разномыслы и споры: одни люди говорили, что всего лучше стоять распростерши руки въ воздухѣ, изображая собою распятыхъ, а другіе утверждали, что лучше всего пѣть молитвенныя слова нараспѣвъ и стоять по греческой, языческой привычкѣ, воздѣвъ руки кверху, въ готовности принять съ неба просимую милость. Но и тутъ опять нашлись несогласія: были такіе, которымъ

казалось, что надо воздѣвать вверхъ обѣ ладони, а другимъ казалось, что вверхъ надо воздѣвать только одну правую ладонь, а лѣвую надо преклонять вниз къ землѣ въ знакъ того, что полученное съ небесъ въ правую руку будетъ передано землѣ лѣвою; но инымъ память измѣняла, или они были нехорошо научены, и эти вводили совсѣмъ противное и настаивали, что правую руку надо преклонять къ землѣ, а лѣвую — воздѣвать къ небу. Увидавъ, что въ такую роковую минуту людьми овладѣлъ безпокойный и неразрѣшимый споръ, Зенонъ поспѣшилъ поскорѣе къ епископу въ ту сторону, куда тотъ отдалился, и хотѣлъ просить его разрѣшить всѣ недоумѣнія; но ночь была темна, и онъ не нашелъ молившагося въ темнотѣ епископа, а когда шелъ назадъ, то спорившіе и ссорившіеся люди окружили его и стали кричать:

— Ну, если ты святъ, то скажи намъ, какъ надо молиться.

— Кто вамъ сказалъ, что я святъ? Я вовсе не святъ и даже, наоборотъ, я очень грѣшенъ.

— Нѣтъ, мы тебѣ въ этомъ не вѣримъ: ты себѣ выкололъ глазъ и теперь ты одинъ среди всѣхъ здѣсь спокоенъ. Ты не пугаешься смерти. Скажи-ка намъ, какъ молиться? Если нужно враспѣвъ, то мы всѣ станемъ пѣть, а если говоромъ выговаривать, то будемъ говоромъ читать молитвы. Говори скорѣе, ждать некогда, мало ужъ времени осталось, чтобъ молиться.

Тогда Зенонъ, не желая ничѣмъ прибавлять розни, коротко отвѣтилъ ближе стоявшимъ, что онъ имѣетъ обычай молиться въ благоговѣйномъ молчаніи, но не осуждаетъ и тѣхъ, которые любятъ поднимать къ небу и глаза, и руки, нужно только, чтобы руки молящихся были чисты отъ корысти, а душа—свободна отъ всякаго зла и возносилась бы къ небу съ мыслью о вѣчности. Тогда въ ней исчезаетъ страхъ за утрату кратковременной земной жизни и гора начинаетъ двигаться...

— Вотъ намъ теперь это и надо, чтобы не было страха, пока гора двинется съ мѣста.

Самъ же Зенонъ тихо отдѣлился отъ толпы и, скрываемый темнотою египетской ночи, пошелъ къ вершинѣ горы.

Отойдя такъ далеко, какъ можно сильною рукой два

раза перебросить швырковый камень, онъ сѣлъ на землю и, обнявъ руками колѣна, сталъ призывать въ свою душу необходимое въ рѣшительную минуту спокойствіе. Онъ вспоминалъ Христа, Петра, Стефана и своего учителя, какъ они проводили свои предсмертныя минуты, и укрѣплялъ себя въ рѣшимости завтра ранѣе всѣхъ взойти одному на гребень горы, призвать мужество въ душу свою, стать на виду собравшагося народа и ожидать, что̀ будетъ.

«Пусть меня поразитъ стрѣла, — подумалъ Зенонъ: — и, можетъ-быть, тогда имъ довольно будетъ моей смерти, и другіе будутъ свободны, а я буду счастливъ: я совершу свое дѣло».

Отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ теперь Зенонъ, до самаго верха горы, откуда былъ виденъ таборъ, амфитеатръ и рѣка Нилъ, осталось тоже не больше, какъ два переброса.

Оттуда доносился до слуха его звукъ музыкальныхъ инструментовъ и трещотокъ и пиршественные нетрезвые клики, а съ другой стороны, оттуда, гдѣ остались христіане, вѣтерокъ наносилъ греческій напѣвъ молитвъ, которыя тянули пресвитеры.

Вдругъ Зенонъ, погруженный въ глубокую думу, вздрогнулъ отъ неожиданнаго прикосновенія нѣжной руки къ его волосамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Зенонъ поднялъ голову и увидалъ возлѣ себя Нефору.

— Что̀ тебѣ опять отъ меня нужно?—спросилъ ее Зенонъ.

— Раньше мнѣ нужна была твоя любовь, а съ той поры, когда ты отвергъ меня, мнѣ стала нужна твоя гибель.

— Да проститъ тебѣ Небо злое желаніе; но если тебѣ нужна была *моя* гибель, для чего ты губишь не меня одного, а такое множество другихъ людей?

— Я ненавижу всѣхъ людей твоей вѣры: я хочу, чтобы всѣ вы сразу были осмѣяны въ томъ, во что вы вѣрите, и это уже достигнуто.

— Можетъ-быть, ты еще ошибешься.

— Ну, оставь вздоръ! Развѣ всѣ самые лучшіе люди ваши не сомнѣваются? развѣ они не разбѣжались, а остальные не ищутъ возможности скрыться? И ты самъ теперь отдалился развѣ не съ тою же цѣлью, чтобы скрыться отъ прочихъ и спасти свою жизнь? Я тебя понимаю,—ты дол-

женъ сильно страдать, видя свою ошибку и слабость своихъ единовѣрцевъ, и я рада, что дождалась этого и могу спасти тебя: слѣдуй скорѣе за мною. Я приготовила все, чтобы спасти тебя отъ позора и смерти.

— А тебѣ развѣ извѣстно, что насъ непремѣнно ждетъ смерть и позоръ?

— Безъ сомнѣнія! — отвѣчала Нефора: — вѣдь гора не пойдетъ съ своего мѣста и не загородитъ Нила, чтобы поднять его воды, а разгнѣванный народъ побьетъ васъ камнями или побросаетъ въ рѣку. Бѣжимъ, слѣдуй за мною: любовь моя скроетъ тебя и будетъ твоимъ утѣшеніемъ!

И она сильно тянула за руку Зенона.

— Я не намѣренъ бѣжать! — отвѣтилъ Зенонъ, отстраняя руку Нефоры.

Она остановилась.

— Что же ты хочешь дѣлать?

— Я исполню мой долгъ и умру, если нужно.

Нефора опустилась и сѣла возлѣ него на землю и проговорила:

— Тогда и я здѣсь останусь съ тобою.

— Для чего?

— Для того, что я люблю тебя, — жизнь безъ тебя мнѣ несносна. Знай: я въ отчаяніи обѣщала правителю выйти замужъ за его сына, а между тѣмъ, я не въ силахъ исполнить это обѣщаніе. Умереть съ тобою мнѣ отраднѣе, чѣмъ жить съ ненавистнымъ Дуназомъ. Пусть берутъ мое богатство, но себя я не отдамъ и умру вмѣстѣ съ тобою.

Зенонъ взялъ ея руку и тихо сказалъ:

— Я долженъ бы благодарить тебя за такія чувства; но если ты любишь меня, то я стану просить тебя сдѣлать другое.

— Говори, я все для тебя сдѣлаю!

Въ голосѣ Нефоры стали слышаться слезы.

— Если Небу угодно, чтобы черезъ часъ мы погибли, то умоляю тебя не губи себя вмѣстѣ со мною и не выходи замужъ за человѣка, въ которомъ нѣтъ ни разсудка, ни добраго сердца. Сдѣлай другое.

— Что же я должна сдѣлать?

— Послѣ насъ останется много сиротъ и старцевъ, которыхъ пошлютъ въ цѣпяхъ въ каменоломни, — останься жить и живи долго для нихъ. Подай мнѣ эту милостыню...

обѣщай мнѣ это, Нефора, и я счастливо умру, передавъ тебѣ любовь мою къ страдающимъ людямъ!

При словѣ «любовь» Нефора вздрогнула и прошептала:

— Повтори.

— Что?

— Еще разъ повтори это слово. О, Зенонъ! Если бъ ты зналъ, какъ для меня сильно слово «любовь»!

— Конечно, я это знаю, Нефора. Любовь обнимаетъ всѣхъ въ одномъ сердцѣ.

— Отчего же ты не любилъ меня, Зенонъ?

— Я не могъ принять той любви, которая принуждала меня пренебречь послушаніемъ къ словамъ моего Учителя и забыть Его просьбы для удовольствій плоти; но теперь, когда ты не та, какою была, а иная, когда ты укрѣпляешь, а не разслабляешь духъ мой, и обѣщаешь отдать себя дѣламъ любви, — теперь я люблю тебя, сострадательная Нефора.

Нефора схватила обѣими руками руки Зенона и вскричала:

— Ты взялъ мое сердце... Я сдѣлаю все, чего ты желаешь, я стану жить съ тобой для добра... но лучше всего, все-таки бѣжимъ отсюда: въ толпѣ есть люди, которые насъ укроютъ, мы уйдемъ и я буду твоею рабой.

— Рабой? Для чего же, Нефора? Ты теперь любишь людей безъ различія ихъ породы и вѣры; ты готова служить имъ, ты одного со мной духа, ты сестра мнѣ, мой другъ... Если хочешь, будь моя невѣста... Я счастливъ, я не боюсь ничего и умру, благословляя тебя за то, что ты восхитила меня твоимъ чуднымъ порывомъ, но я не побѣгу, я не скроюсь отъ тѣхъ, кто несчастливъ, и... я скажу тебѣ больше: я не дамъ унизить насмѣшкой Его... Того, Кого я зову моимъ Учителемъ и моимъ Господиномъ... Довольно Его унижали! Если я даже останусь одинъ — что, быть-можетъ, случится,—я одинъ взойду на гребень горы: пусть видятъ, что кто Его любитъ, тотъ Ему вѣритъ.

— Но для чего это нужно?

— Это нужно *для счастья людей*, потому что въ ученіи Его сокрытъ путь ко всеобщему счастію, но чтобы идти этимъ путемъ... надо вѣрить, Нефора, — надо сдвинуть въ жизни что̀ тяжелѣе и крѣпче горы, и для того надо быть готовымъ на все, не считая, сколько насъ: одинъ или много.

— Ты не будешь одинъ, — отвѣчала Нефора, и въ ея голосѣ почувствовалось волненіе и слезы.

Зенонъ опять взялъ ее за руку и сказалъ ей:

— Но отчего ты смутна и зачѣмъ грусть въ твоемъ голосѣ?

— Я боюсь отвѣчать тебѣ правду.

— Не бойся, отвѣть.

— Онъ... этотъ твой Учитель сталъ и стоитъ между мною и тобою... Ты Его любишь больше меня... Онъ меня отъ тебя отстраняетъ...

Зенонъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, Нефора,—сказалъ онъ:—Тотъ, Кого я люблю, Тотъ, Кто могъ быть знатенъ и предпочелъ быть нищимъ, могъ уничтожить своихъ враговъ и вмѣсто того молился за нихъ,—Онъ никого не разлучаетъ,—Онъ соединитъ насъ и научитъ любви, возвышающей душу и сердце!

— Я не хочу такой любви.

— Отчего?

— Она никогда не можетъ удовлетворить сердце женщины.

— Ты ошибаешься. Слушай меня терпѣливо. Мы съ тобою въ землѣ фараоновъ. Ночь сокрываетъ отъ насъ мѣста, на которыя я могъ бы тебѣ указать и сказать: тамъ городъ Онъ, тамъ пирамиды Гизеха, которыя видѣли Юзуфъ и Зулейка*). Зулейка любила Юзуфа мятежною страстью, такою же, какой ты дала надъ собою волю однажды. Она не боялась уронить себя и своего мужа этою любовью. Юзуфъ былъ прекрасенъ. Онъ былъ, конечно, красивѣй меня. Объ этомъ дошла до насъ ихъ чудесная повѣсть. Когда знатныя женщины укоряли Зулейку за то, что она любитъ Юзуфа, она дала этимъ женщинамъ по ножу и по апельсину, и когда онѣ стали чистить свои апельсины, Зулейка кликнула своего «раба». Юзуфъ вошелъ, и всѣ женщины обрѣзали себѣ руки и уронили свои апельсины... Но Юзуфъ тогда не любилъ прекрасную Зулейку и его не влекло къ ней потому, что Юзуфъ не любилъ лжи и обмана. Зулейка отмстила ему и погубила его. Ему это стоило болѣе глаза. Юзуфа сокрыла темница, а

*) Зенонъ разсказываетъ исторію Іосифа и жены Поитифара такъ, какъ она передается въ египетскихъ преданіяхъ и въ «*Коранѣ*» Магомета (*Коранъ*, гл. XII, стр. 21—111).

Зулейка стала томиться и плакать, и когда умеръ ея мужъ, она бросила домъ свой и жила въ шалашѣ, оплакивая свою жестокость и повторяя имя Юзуфа... И когда объ этомъ услышалъ Юзуфъ, тогда согрѣлось сердце его и онъ пришелъ къ Зулейкѣ въ ея тростниковый шалашъ и сказалъ: «Ты добра, голубица моя, и будь мнѣ женой». Неужто такая любовь, по-твоему, хуже угарнаго чада туманящей страсти, которая быстро пройдетъ и оставитъ одно сожалѣніе? Любовь же того, кто можетъ сказать: «всѣмъ ты добра, моя голубица», — обѣщаетъ разумную жизнь, а не пылъ... Суди же, что̀ лучше? Вотъ и ты теперь... кротка и добра... ты не мятешься о томъ, чтобы всѣхъ превзойти на собраніи уборомъ; ты меня слушаешь тихо и, можетъ-быть... скажешь: «Другъ мой, Зенонъ! я въ себѣ чувствую новое сердце. Будь спленъ и ничѣмъ не смущайся. Пусть будетъ, что̀ будетъ: иди, куда тебя повлекутъ — на смерть или въ каменоломни, — Нефора твой другъ: она останется жить, она будетъ матерью всѣхъ несчастныхъ сиротъ, которыхъ оставятъ погубленные христіане...»

— Оставь! о, оставь! я все это сдѣлаю и все для тебя.

— Нѣтъ, для Того, Кого я люблю больше себя и Кому я хочу быть послушенъ во всемъ, что̀ мнѣ ясно и что̀ непонятно.

— Пусть будетъ и такъ! Твой другъ я и раба твоего Господина!

Зенонъ привсталъ, тихо поцѣловалъ Нефору въ голову и сказалъ:

— Теперь все совершилось, гора тронулась съ мѣста.

— Да, — отвѣчала Нефора: — и мнѣ показалось, что земля подъ ногами какъ будто качнулась...

— Ты очень устала, намъ время разстаться. Разсвѣтъ долженъ быть близко. Сѣрѣетъ, и я замѣчаю вдали крестьянина на спаржевомъ полѣ. Прощай, другъ мой, Нефора, — возвратись скорѣй въ городъ и обо мнѣ не заботься: я дѣлаю то, что̀ я долженъ дѣлать; я не боюсь каменоломенъ: я художникъ, и меня не заставятъ катать гранитъ, а я буду выдѣлывать гаторовы головы... и я буду счастливъ тамъ, далеко въ изгнаніи, я буду вспоминать о тебѣ и буду радоваться, что ты стала не та, какою была, что ты любишь людей и живешь для того, чтобы дѣлать добро людямъ. Еще разъ прощай и не слѣдуй за

мною... Но что это такое?.. Теперь вдругъ и мнѣ показалось, что вправду земля подъ ногами вогнулась и опять поднялась!

— Да, да! трясется земля!

— И я слышу гулъ... что-то трещитъ въ глубинѣ подъ горою... И когда собрались эти тучи! Огонь и вода падаютъ съ неба!..

Это была гроза, — столь рѣдкое явленіе подъ безоблачнымъ небомъ Египта, что Нефора ее даже не могла представить; но Зенонъ читалъ Страбона и сейчасъ же узналъ это явленіе и вспомнилъ, какъ оно при своей рѣдкости въ Египтѣ бываетъ сильно и страшно. Да и размышлять ни о чемъ не оставалось времени, потому что на нихъ полилъ такой сплошной ливень, подъ которымъ только и осталось скорѣе упасть ницъ. Вода лилась не каплями и не ручьями, а цѣльнымъ, сплошнымъ потокомъ, молніи рѣяли, громъ грохоталъ и земля содрогалась, пухла и вновь вздымалась и гудѣла.

Кричавшій верблюдъ, и ночныя капли въ домѣ правителя, и танцовавшій на берегу черный ибисъ, — всѣ оправдали свои примѣты: надъ землей Мицраима повторилась гроза и ливень Страбона...

Зенонъ, поверженный ницъ, помышлялъ только о томъ: если таково здѣсь на горѣ, что нельзя встать и нельзя сдѣлать шага, то что же теперь должно происходить въ долинахъ, куда должны устремиться сбѣгающія съ горъ воды!..

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Болѣе часа водный океанъ изъ воздуха переливался страшнымъ потокомъ на землю; но едва стало тише, Зенонъ всталъ, поднялъ подъ локти безчувственную Нефору, прислонилъ ее къ камню и самъ бросился на гребень горы. Онъ опасался, чтобы не опоздать и не придти послѣднимъ туда, гдѣ всѣмъ было должно собраться; но когда онъ взбѣжалъ, то увидалъ, что никого изъ христіанъ еще не было, а самъ онъ не узналъ внизу знакомой картины: земля вся исчезла, а Нилъ былъ необъятенъ, какъ безбрежное море. По мутнымъ волнамъ неслись опрокинутые челноки, плыли хижины и цѣлыя пальмы, вывороченныя съ корнями, а у самой подошвы горы множество человѣческихъ существъ

боролись и лѣзли одинъ на плечи другого, какъ раки въ глиняномъ горшкѣ...

Зенонъ упалъ на колѣни и вскрикнулъ:

— Небесный Отецъ! пощади всѣхъ живущихъ! Ты далъ имъ понять, что Тебѣ все возможно, низведи же въ сердца ихъ любовь къ другимъ людямъ!

И когда онъ молился, онъ почувствовалъ, что гора взбухала, какъ губка, кремнистыя ребра ея впадали, а мягкая осыпь выпячивалась и покрывавшія ее плиты лопались и кропились... И вдругъ все всколебалось, оскретки мелкихъ камней брызнули, какъ изъ пращи, и сыпучіе оползни сунулись и поползли внизъ цѣлыми пластами.

— Зенонъ, гора движется!—услыхалъ Зенонъ у себя за плечами, и на руки его съ высоты упала Нефора.

Зенонъ оглянулся и увидалъ, что огромный отломокъ горы, на которомъ стоялъ онъ, отдѣлился и летитъ по скользкому склону въ воду.

— Будь Твоя воля надъ нами! — прошепталъ Зенонъ и прижалъ къ своей груди сомлѣвшую Нефору.

И глыба съ обоими съ ними катилась, а изъ волнъ и изъ расщелинъ горы люди кричали:

— Гора идетъ!.. Гора идетъ! Великъ Богъ христіанскій! Сдвинулъ гору художникъ Зенонъ златокузнецъ!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Какъ только ударилъ громъ и полилъ страшный ливень, всѣ расположившіеся у горы люди, чувства которыхъ не были совсѣмъ омрачены пьянствомъ, мгновенно вскочили и бросились бѣжать въ обходъ горы и здѣсь на ея тыловой сторонѣ встрѣтили кучку христіанъ, мимо которыхъ потоки сбѣгали обширнымъ рвомъ. Правитель убѣгалъ впереди всѣхъ, несясь вскачь на своей колесницѣ, въ которую былъ впряженъ одинъ конь его, а другой неизвѣстно чей. У одной изъ расщелинъ онъ увидалъ вылѣзавшаго изъ оврага Пеоха и закричалъ ему:

— Ты видишь—гора идетъ!

— Вижу,—мрачно отвѣтилъ Пеохъ.

— Говори же скорѣе: какъ въ христіанскомъ ученіи сказано, что надо сдѣлать, чтобы остановить гору?

— Увы, въ ихъ ученіи сказано только, какъ «сдвинуть гору», но ничего не сказано, какъ ее остановить.

— Зачѣмъ же ты этого не сказалъ намъ раньѣ?

Всѣ подхватили слово правителя и закричали:

— Да, зачѣмъ ты не сказалъ намъ объ этомъ? Проклятый мудрецъ! ты погубилъ насъ!

Неохъ засверкалъ воспаленными глазами и поднялъ руку, чтобы швырнуть въ оскорбителей своею палкой, но въ то же мгновеніе покатился къ ногамъ правителя, пораженный ударомъ кола въ затылокъ...

Правитель испугался и погналъ скорѣе своихъ разномастныхъ коней къ христіанскому стану и закричалъ имъ:

— Друзья мои! молитесь, чтобы гора стала!

Христіане же были въ растерянности и, оставаясь до сихъ поръ съ другой стороны горы, противоположной той гдѣ появились Зенонъ и Нефора, не видали ничего того, что̀ произошло у обрывовъ, и отвѣчали:

— Ахъ, господинъ, для чего ты къ намъ все придираешься? Мы еще не совсѣмъ согласились какъ молиться, чтобы гора двинулась, а ты уже требуешь новое, чтобы мы остановили гору.

Правитель махнулъ на нихъ рукою и поѣхалъ далѣе, сказавъ имъ:

— Гора уже идетъ, бѣгите скорѣе вверхъ и вы увидите оттуда, что̀ совершилось.

Тогда всѣ христіане устремились на верхъ горы, откуда раньше спустились Зенонъ и Нефора, и увидѣли удивительную и совершенно новую картину, вовсе не ту, которую видѣлъ правитель, а иную: гора съ водой встрѣтились... глинистый оползень, на которомъ спустились Зенонъ и Нефора, сталъ надъ самою поверхностью воды... Къ нимъ подплыла барка съ шелковымъ парусомъ, на которой стоялъ персіянинъ, служитель Зенона. Онъ взялъ въ барку Зенона и Нефору, и барка снова отплыла. Поверхность воды болѣе уже не бурлила, а была спокойна и гладка. Кромѣ барки Зенона, по рѣкѣ плавали голубые и бѣлые цвѣты лотоса, а надъ водою, ближе къ берегамъ, носились стаи птицъ, чайки и морскія вороны и жадно выхватывали во множествѣ нагнанныхъ рыбъ; ближе къ берегамъ плыли и толкались золотые шары огромнѣйшихъ дынь... и вдругъ всѣ сразу замѣтили продолговатый плесъ, въ срединѣ котораго казалось что-то похожее на ивовое бревно въ кожурѣ... Крокодилъ!..

Появленіе крокодила было вѣрною примѣтой, что Нилъ полонъ, крокодилъ всегда приходитъ вѣстникомъ отъ болотъ Филэ и Сіуна.

И дѣйствительно, навстрѣчу правителю скакалъ изъ города вѣстникъ съ письмомъ, которое еще до грозы принесъ голубь изъ Мемфиса: Нилъ разлился и жители Ѳивъ уже вышли на кровли.

Оставалось веселиться и радоваться: урожай обезпеченъ и вина христіанъ была позабыта на-время. Станъ весь снимался. Слуги въ топкой грязи, какъ могли, ловили и запрягали коней и сѣдлали ословъ и верблюдовъ. Всѣ перемокшіе и измученные люди при взошедшемъ яркомъ солнцѣ ободрились и стали снова шутить и смѣяться, и потянулись къ городу...

Всѣ остатки погибшихъ шатровъ и людей, и животныхъ убиралъ Нилъ... Зенона и Нефоры здѣсь уже не было, и о нихъ не вспоминалъ и не справлялся никто. Всѣ спѣшили домой... Христіане были успокоены и, къ довершенію радости, по возвращеніи въ Александрію, нашли своего патріарха, который еще ранѣе ихъ успѣлъ возвратиться въ свои палаты. Правитель захотѣлъ его увидѣть и послалъ за нимъ колесницу, но патріархъ отвѣчалъ:

— Колесница такъ же удобно можетъ доставить ко мнѣ правителя, какъ и меня къ нему, а дорога отъ меня до него такъ же длинна, какъ отъ него до меня. Пусть онъ придетъ ко мнѣ, если хочетъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Правитель тотчасъ же сѣлъ на колесницу, пріѣхалъ къ патріарху и сказалъ ему:

— Извини меня, я не былъ увѣренъ, что твоя святость уже дома.

— Наше смиреніе всегда близко и всегда далеко отъ того, кто чего заслуживаетъ,—отвѣтилъ патріархъ.

— Знаетъ, конечно, твоя святость, какой все приняло оборотъ? Вѣра ваша теперь здѣсь у всѣхъ въ почтеніи.

— Воскресъ Богъ и враги Его таятъ.

— Да, коварный Пеохъ убитъ тупымъ коломъ отъ руки своихъ же единовѣрцевъ, бабу Бубасту задушили.

Патріархъ промолчалъ: его слова не стоила баба Бубаста; но правитель о ней продолжалъ, что ей забили ротъ

и носъ глиною, и что теперь много разновѣрныхъ людей просятся къ сдвинувшимъ гору.

— Я этого ожидалъ,—сказалъ патріархъ.

— А я не ожидалъ этого, и сознаюсь со стыдомъ, что я очень ошибся.

Патріархъ улыбнулся и тихо замѣтилъ:

— Что дѣлать? и Гомеръ ошибался.

— Да, я ошибся, и теперь прошу твою святость—давай помиримся: мы можемъ быть очень полезны другъ другу.

— Ну, мнѣ кажется, что нашему смиренію теперь уже никто не нуженъ.

— А пусть твое всеблаженство вспомнитъ, что и Гомеръ ошибался.

Патріархъ это вспомнилъ.

И они остались вдвоемъ изрядное время, бесѣдуя безъ аколуѳовъ и опахальщиковъ.

Въ этотъ же день къ пресвитерамъ приходило много людей, желавшихъ креститься, и епископъ не зналъ, какъ ему поступить: ждать ли, когда ихъ, по обыкновенному порядку, наставятъ катехизаторы, или, въ виду необыкновенныхъ обстоятельствъ, крестить нимало не медля, всѣхъ, кто пожелаетъ.

— Въ этомъ я предоставляю тебѣ избирать то, что̀ полезнѣе,—отвѣчалъ патріархъ.

Народъ толпами шелъ къ пресвитерамъ, прося ихъ крестить. Крѣпкіе же суевѣры, настоящіе «Ремъ-ен-Кеми», смотрѣли на это сумрачно и тихо шептали другъ другу, что «это должно быть... Распятый Богъ побѣдитъ всѣхъ боговъ Кеми *) и имя пророка Палестины пронесется по волнамъ священнаго Яро **)... Это слышали птицы, которыя ночуютъ въ гнѣздахъ, устроенныхъ ими въ ушахъ говорящей статуи Аменготепа» ***).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Ошибся въ своихъ расчетахъ и толстый Дуназъ. Нефора измѣнила свое рѣшеніе и не пошла за него замужъ, да она и не была ему больше желанна, потому что богатство ея

---

*) *Кеми*—древнее названіе Египта. *Ремъ-ен-Кеми*—человѣкъ изъ Египта.

**) *Яро*—Нилъ.

***) *Аменготепъ*—Мемнонъ.

истощилось: она отпустила всѣхъ своихъ рабовъ на волю и все свое состояніе, которое было нужно Дуназу, она раздала тѣмъ, которые обѣднѣли и не могли содержать свои семьи. Дуназъ сталъ искать другую невѣсту съ большимъ состояніемъ и нашелъ ее. Нефора же жила въ скромной долѣ, благотворя бѣднымъ и учреждая школы для дѣтей, гдѣ ихъ учили полезнымъ наукамъ и ремесламъ. Слухъ о поступкахъ ея скоро достигъ до Зенона, и тогда художникъ снова пришелъ къ ней и сказалъ:

— Съ тобою миръ Божій, который превыше всего: ты возлюбила добро; зачѣмъ намъ быть розно? Иди въ домъ мой и будемъ вмѣстѣ жить для пользы тѣхъ, кому можемъ оказать помощь. Будь женою моей, Нефора!

И это такъ сдѣлалось. Зенонъ и Нефора стали супругами и жили долго и были людямъ полезны и Богу любезны. Зенонъ попрежнему занимался своимъ художествомъ и никогда не порицалъ ничьей вѣры и своею вѣрою не возносился. Однажды, когда онъ былъ призванъ для нѣкоторыхъ работъ въ патріархію—патріархъ, сдѣлавъ ему заказы, спросилъ его:

— Кѣмъ ты, Зенонъ, наставленъ и утвержденъ въ твоей вѣрѣ?

— Я въ ней еще совсѣмъ не наставленъ, — отвѣтилъ Зенонъ.

— Какъ это такъ?

— Она мнѣ открывается мало-по-малу и не всегда во мнѣ равномѣрна: порою она едва брезжитъ, какъ мерцаніе разсвѣта, а порою ярко горитъ и тогда все мнѣ освѣтитъ.

— Значитъ, ты слабъ еще въ вѣрѣ.

— О, весьма слабъ.

— Что же ты не стараешься сдѣлать ее постоянно крѣпкою?

Зенонъ задумался.

— Скажи: о чемъ ты думаешь?—вопросилъ его патріархъ.

— Я вспомнилъ слова Амазиса: «Тетива на лукѣ слаба, пока на нее не наложатъ стрѣлу и рукой ее не натянутъ. Когда же нужно, чтобы она напряглась, она напряжется и сильно ударитъ; но если ее постоянно тянуть и держать въ напряженіи, она истончаетъ и сила ея ослабѣетъ». Я боюсь, чтобы мнѣ не утратить и то, что̀ хоть порою мнѣ дается отъ Неба.

ПОВѢСТЬ О БОГОУГОДНОМЪ ДРОВОКОЛѢ.

Въ очень отдаленныя времена, въ кипрскихъ окрестностяхъ была однажды ужасная и продолжительная засуха. Всѣ плоды и полевые злаки погибли, и люди, видя неминуемое бѣдствіе отъ угрожающаго имъ голода, пришли въ самое тягостное уныніе. Всѣ молились и просили дождя, но дождя не было.

Во главѣ тамошняго мѣстнаго духовенства находился тогда епископъ, человѣкъ, надо полагать, очень добрый, участливый и чистосердечный. Онъ принималъ скорбь народа близко къ своему сердцу и самъ усердно молился, чтобы Богъ послалъ дождь на землю, но дождя все-таки не было.

Раскаленное небо оставалось безоблачно и солнце сожигало безъ милосердія все, что̀ осталось въ несчастной странѣ еще несожженнымъ.

Народъ пришелъ въ ужасъ, близкій къ отчаянію.

Гдѣ же еще искать спасенія? На что̀ еще уповать и надѣяться, когда и моленіе епископа не помогаетъ?

Кто же еще можетъ помолиться лучше, чѣмъ епископъ, и чья молитва можетъ быть доходнѣе до Бога? Епископъ— развѣ это не первое лицо во всемъ духовенствѣ и развѣ кромѣ него есть кто-нибудь другой, кто бы лучше его зналъ, какъ надо умолить Бога дать людямъ то, чего они у Него просятъ?

Тогда былъ къ епископу «гласъ съ неба»:

— «Иди послѣ утрени ко вратамъ города и перваго человѣка, который будетъ подходить къ городу черезъ тѣ ворота, ты сейчасъ же удержи, и *пусть онъ помолится*, и тогда будетъ вамъ дождь».

Епископъ разсказалъ людямъ о томъ, что̀ онъ слышалъ

«съ неба», и всѣ положили сойтись завтра утромъ рано въ церковь, а оттуда идти къ воротамъ смотрѣть того, кто подойдетъ, и сдѣлать все такъ, какъ велѣлъ пришедшій съ неба голосъ.

На слѣдующій день, отслуживъ рано утреню, епископъ со всѣмъ своимъ клиромъ пошли къ городскимъ воротамъ.

Съ ними, разумѣется, пошли и всѣ люди, ожидавшіе благодѣтельнаго чуда для ихъ истомленной и жаждущей земли. И такъ, всѣ большимъ обществомъ вышли за городскія ворота и стали здѣсь станомъ ожидать избранника, на котораго самъ Богъ укажетъ, какъ на лучшаго молитвенника.

Люди раскинули посреди дороги складное стуло и посадили на него епископа, а клиръ и всѣ прихожане стали вокругъ его и начали смотрѣть вдаль: кого имъ пошлетъ Господь? Всѣ нетерпѣливо желаютъ скорѣе увидать того человѣка, который помолится за нихъ о дождѣ и будетъ услышанъ въ своемъ моленіи?

И вотъ, долго или коротко послѣ ихъ томительнаго ожиданія, вдали на опаленныхъ поляхъ что-то показалося...

Сначала невозможно было разобрать: идетъ ли это пѣшій человѣкъ, или кто-то на ослѣ ѣдетъ... Разстояніе было далекое, да и сверканіе отъ палящаго зноя дѣлало въ глазахъ мреяніе... Но вотъ предметъ приближается и становится яснѣе. Теперь уже видно, что это самый простой пѣшій человѣкъ и притомъ старый, изнеможденный простолюдинъ, весь согнутый и едва передвигающій свои ноги подъ большимъ и очень тяжелымъ оберемкомъ сухого хвороста...

Такъ неужто вотъ это онъ и будетъ тотъ молитвенникъ, молитва котораго взойдетъ къ Богу лучше, чѣмъ молитва цѣлаго клира и самого епископа?

Епископъ и люди всѣ переглянулись другъ съ другомъ и въ недоумѣніи пожали плечами. Удивительно, чтобы еле двигающійся подъ вязанкою дровъ мужикъ былъ всѣхъ лучше для вознесенія Богу молитвы объ общественномъ бѣдствіи? Но, однако, какъ никого другого, кромѣ этого старика, не показывалось, то выбирать было не изъ кого, и епископъ рѣшился остановить дровокола и просить его вознести къ Богу моленіе, о чемъ клиръ и епископъ возсылали свои молитвы безуспѣшно.

А старикъ, кряхтя и спотыкаясь, все помаленьку подходилъ ближе къ воротамъ города и, сколько зной и усталость ему позволяли, онъ тоже удивлялся: по какому случаю и для какой цѣли собралось у воротъ необыкновенное множество людей и почему съ ними впереди всѣхъ сидитъ на стулѣ самъ кипрскій епископъ?!

Конечно, удрученный тяжелою ношею, старикъ не имѣлъ и самой отдаленной мысли, что все это большое собраніе людей съ епископомъ вышли за тѣмъ, чтобы встрѣтить именно его, согбеннаго нищаго, и просить его молитвъ за весь край.

Подходитъ старикъ еще ближе и видитъ, что всѣ на него смотрятъ и что самъ епископъ встаетъ предъ нимъ съ своего мѣста и ему, простому, бѣдному работнику, *кланяется*.

Старикъ оторопѣлъ, сбросилъ поскорѣе со спины на землю оберемокъ хворосту и говоритъ:

— Прости мя, отче!—и попросилъ у епископа благословенія.

Но епископъ опять *поклонился* ему и сказалъ:

— «Авво» (sic), Господа ради помолися о насъ, да пошлетъ намъ Господь свою милость и да будетъ сегодня дождь на землѣ.

Старикъ изумился тому, что̀ слышитъ. Къ чему это статочно, чтобы его, ненаученнаго простого человѣка, епископъ просилъ молиться? И онъ отвѣчалъ:

— Я недостоинъ, отче, чтобы въ твоемъ присутствіи слова молитвы восходили изъ моихъ устъ. Это тебѣ, отче, всѣхъ болѣе прилично помолиться объ общемъ бѣдствіи, ты и помолись, а я не смѣю.

Но старику стали говорить, что епископъ уже молился, но что Богъ не исполнилъ его молитвы и не низвелъ дождя на землю. «А теперь,—говорятъ,—на тебя вышло указаніе епископу и ты не долженъ отказываться, а долженъ сейчасъ же стать и молиться».

Старикъ все еще и тогда не рѣшался, и потому, чтобы преодолѣть застѣнчивость этого дровокола, его «принужденіемъ» поставили на колѣни на его хворостъ и заставили молиться.

Старикъ болѣе не спорилъ, и какъ умѣлъ, такъ и началъ молиться, а съ неба сейчасъ же заросило и пошелъ благодатный дождь...

Всѣ не знали, какъ довольно нарадоваться объ этакой благодати, и не знали, какъ имъ и возблагодарить за нее Бога и пріятнаго ему молитвенника, котораго «голосъ съ неба» указалъ, какъ *наилучшаго богомольца.*

А какъ только долго жданный дождь обильно оросилъ и до-сыта напоилъ жаждавшую землю и все въ поляхъ и въ садахъ освѣжилось, то повеселѣло и на сердцахъ у людей и сейчасъ пошли прохладныя бесѣды у каждаго съ ближнимъ своимъ. Тогда наступило время и епископу поговорить съ дровоколомъ, и онъ захотѣлъ узнать: какое житіе проводитъ этотъ человѣкъ, который Богу такъ угоденъ и пріятенъ?

Епископъ такъ прямо его объ этомъ и спросилъ, но старикъ не умѣлъ сказать ему о себѣ ничего замѣчательнаго и епископу показалось, какъ будто онъ отъ него что-нибудь утаиваетъ.

— Яви мнѣ любовь, отче (sic), сталъ его упрашивать епископъ. — Я не для своего любопытства, а *ради пользы* многихъ людей прошу тебя: открой намъ, чѣмъ ты такъ угодилъ Богу, что Онъ твою молитву лучше всѣхъ слушаетъ и даетъ просимое по твоему моленію.

А старецъ отвѣчаетъ:

— Ей, отче, не вѣдаю.

— Ну, для того-то и разскажи намъ, какъ ты живешь,— и мы всѣ тебѣ поревнуемъ, чтобы стать такими же, какъ ты, чтобы и наши молитвы шли прямо въ пріемъ Богу. Не таи ничего,—скорѣе сказывай!

Тогда старикъ проговорилъ епископу:

— Повѣрь мнѣ, господинъ, что я все бы вамъ съ охотою разсказалъ, да въ томъ дѣло, что мнѣ, право, разсказать-то вамъ совсѣмъ нечего. Я самый обыкновенный грѣшникъ и провожу мою жизнь въ ежедневной житейской суетѣ и въ хлопотахъ. Мнѣ выпала такая доля, что даже и раздумать о богоугодныхъ дѣлахъ мнѣ некогда, потому что я себѣ до старости ничего во всю жизнь не припасъ и теперь, уже слабый и немощный, не имѣю ни отдыха, ни покоя.

— Однако, въ чемъ же проходитъ твоя жизнь?

— Да вотъ она въ чемъ проходитъ: просыпаюсь я рано и выхожу изъ города и иду съ топоромъ въ лѣсъ. Тамъ я

нарублю хорошій оберемокъ валежнику, который всякому собирать дозволено, и тащу мою связку въ городъ, какъ всѣ вы сегодня видѣли, когда меня встрѣтили у воротъ.

— Ну, а далѣе?

— А далѣе,—въ городѣ я продаю свой хворостъ на топливо, а за тѣ деньги, которыя выручу за хворостъ, покупаю себѣ хлѣба и съѣдаю его.

— И другого у тебя занятія нѣтъ никакого?

— Нѣтъ никакого, отче.

— А гдѣ же твое жилище?

— Да вотъ жилища-то у меня тоже никакого нѣтъ и никогда не было. А когда я устану и мнѣ надо отдохнуть или переночевать, то я залѣзу подъ церковь и тамъ подъ поломъ свернуся и высплюсь.

Было это давно и въ то время церкви были маленькія, деревянныя и строили ихъ на «стоянахъ» или, проще сказать, на столбикахъ, и подъ полъ такихъ малыхъ церквей можно было, согнувшись, входить и тамъ прятаться отъ стужи и дождя. Такія церкви были и въ Россіи, да еще и по сіе время встрѣчаются кое-гдѣ въ бѣдныхъ мѣстахъ на сѣверѣ. Подъ поломъ ихъ находятъ отдыхъ овцы, телята и нищіе.

— Ну, а когда холодно или если подымется такая непогода, что нельзя собирать дровъ,—спросилъ епископъ:— что̀ же ты тогда дѣлаешь?

— А тогда я, хоть и день и два, все жду, сидя тамъ же подъ церковнымъ поломъ.

— А что же ты тогда кушаешь?

— Зачѣмъ же не трудяся кушать? я тогда поголодую, пока опять Господь дастъ ведрышко, а когда станетъ хорошая погода, я благодарю Господа, встаю и опять иду за хворостомъ. Вотъ тебѣ и вся моя жизнь.

Отъ этого простого разсказа—Прологъ говоритъ:—«пользу пріимъ не малу епископъ съ клиросомъ его. Тако и вси прославиша Бога о трудѣ старче, и рекоша ему: воистину ты еси совершилъ Писаніе, глаголющее: яко рече пришлецъ есмь азъ на землѣ».

Епископъ взялъ этого собирателя хвороста къ себѣ и «питалъ его, и далъ ему покой, дондеже представися къ Богу».

ПРЕКРАСНАЯ АЗА.

«Любовь покрываетъ множество грѣховъ».
I Петра IV. 8.

Въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ Александріи египетской жила одна очень молодая и очень красивая дѣвушка, египтянка, по имени Аза. За ея красоту ее называли «Прекрасною Азой». Она была круглая сирота. Родители ея умерли едва только она вышла изъ дѣтства и оставили ей большое богатство. Аза имѣла благоустроенный домъ и обширный виноградный садъ по скату къ рѣкѣ Нилу. Наслѣдства, которое получила Аза, достаточно было бы, чтобы ей прожить цѣлую жизнь въ полномъ довольствѣ, но молодая египтянка была чрезвычайно добра и участлива ко всякому человѣческому горю и ничего не жалѣла для того, чтобы помочь людямъ, которые находились въ бѣдствіи. Черезъ это съ нею произошелъ слѣдующій роковой случай.

Разъ передъ вечеромъ, когда схлынулъ палящій египетскій жаръ, Аза пошла съ своими служанками купаться къ Нилу. Она выкупалась и, освѣженная, покрывшись легкимъ покрываломъ, тихо возвращалась къ себѣ назадъ черезъ свой виноградникъ. Служанки ея этимъ временемъ оставались еще на рѣкѣ, чтобы убрать купальныя вещи.

Вечеръ послѣ знойнаго дня былъ прелестный; работники, окончивъ свое дѣло, ушли, и виноградникъ былъ пустъ. Аза могла быть увѣрена, что она одна въ своемъ саду, но вдругъ, къ удивленію своему, она замѣтила въ одной кур-

тинѣ присутствіе какого-то незнакомаго ей человѣка. Онъ какъ будто скрывался и въ то же время торопливо дѣлалъ что-то у одного плодовитаго дерева. Можно было подумать, что онъ рвалъ плоды и оглядывался, боясь, какъ бы его не поймали вертоградари.

Египтянкѣ пришло на мысль подойти ближе къ незнакомцу съ тѣмъ, чтобы помочь ему скорѣе нарвать больше плодовъ и потомъ тихо проводить его черезъ ходъ, выводившій на берегъ Нила, къ купальнѣ. Съ этою цѣлью Аза и пошла къ незнакомцу.

Но когда египтянка подошла ближе, то она увидала, что этотъ незнакомецъ не срывалъ плоды, а дѣлалъ что-то совсѣмъ другое: онъ закрѣплялъ для чего-то шнуръ къ суку стараго дерева. Это показалось Азѣ непонятно, и она притаилась, чтобы видѣть, что̀ будетъ дальше, а незнакомецъ сдѣлалъ изъ шнура петлю и вложилъ въ нее свою голову.. Еще одно мгновеніе и онъ удавился бы въ этой петлѣ, изъ которой слабой дѣвушкѣ не по силамъ было бы его вынуть, а пока она успѣла бы позвать на помощь людей—удавленникъ успѣлъ бы умереть... Надо было помѣшать этому немедленно.

Египтянка закричала: «остановись!» и, бросясь къ самоубійцѣ, схватилась руками за петлю веревки.

Незнакомецъ былъ пожилой человѣкъ, эллинъ, съ печальнымъ лицомъ и въ печальной одеждѣ, съ неподрубленнымъ краемъ. Увидавъ египтянку, онъ не столько испугался, сколько пришелъ въ досаду и сказалъ ей:

— Какое несчастіе! Злой демонъ, что ли, выслалъ тебя сюда, чтобы остановить мою рѣшимость?

— Для чего ты хочешь умереть, когда жизнь такъ прекрасна?—отвѣчала ему египтянка.

— Можетъ-быть жизнь и прекрасна для тебя и для подобныхъ тебѣ, которые живутъ въ полномъ довольствѣ. Раньше и я находилъ въ ней хорошее, но нынче судьба отъ меня отвернулась и жизнь моя составляетъ мнѣ несносное бремя: ты не права, что мѣшаешь мнѣ умереть. Иди отсюда своею дорогою и оставь мнѣ возможность вылѣзть по моей веревкѣ вонъ изъ этой житейской ямы, гдѣ я не хочу болѣе терзаться между грязью и калеными угольями.

Дѣвушка не соглашалась его оставить и сказала:

— Я не позволю тебѣ удавиться: я закричу и сейчасъ прибѣгутъ мои люди. Лучше возьми свой шнурокъ подъ одежду и поди за мною въ мой домъ: разскажи мнѣ тамъ твое горе, и если есть возможность облегчить его, то я это сдѣлаю, а если оно въ самомъ дѣлѣ такъ безпомощно, какъ ты думаешь, тогда... выходи отъ меня съ своимъ шнуромъ куда хочешь: я тебѣ ни въ чемъ не помѣшаю, и ты еще не опоздаешь тогда повиснуть на деревѣ.

— Хорошо, — отвѣчалъ незнакомецъ: — и какъ мнѣ ни тяжело медлить на землѣ, но ты мнѣ кажешься такою участливою, въ глазахъ твоихъ столько ума, а въ голосѣ ласки, что я тебѣ хочу повиноваться. Вотъ уже шнуръ мой спрятанъ подъ моею одеждой и я готовъ идти за тобою.

Египтянка привела отчаяннаго незнакомца въ свой благоустроенный домъ, приказала служанкѣ подать фрукты и прохладительное питье и, усадивъ гостя среди мягкихъ подушекъ на пышномъ коврѣ, вышла, чтобы перемѣнить свое купальное платье на другое. Когда же Аза возвратилась, то она сѣла тутъ же рядомъ съ гостемъ, а за ними стали двѣ черныя служанки и легкимъ движеніемъ шелковыхъ кистей начали приводить въ колебаніе спускавшееся съ потолка огромное напитанное ароматами опахало изъ большихъ пестрыхъ перьевъ.

Египтянка желала какъ можно скорѣе узнать горестную исторію незнакомца, что онъ и исполнилъ. Разсказъ его былъ простъ и немногосложенъ. Покусившійся на самоубійство эллинъ недавно еще имѣлъ большое состояніе, но потерпѣлъ неудачи въ дѣлахъ и до того задолжалъ, что не могъ разсчитаться съ своимъ заимодавцемъ. Въ этомъ затрудненіи онъ прибѣгнулъ къ состраданію заимодавца, но это было напрасно: богачъ соглашался оказать ему снисхожденіе, только не иначе, какъ на одномъ ужасномъ условіи.

— Въ чемъ же заключается это условіе?—спросила египтянка.

— Я не могу сказать тебѣ этого при твоихъ слугахъ.

Аза велѣла служанкамъ удалиться.

— У меня есть дочь, дѣвушка твоихъ лѣтъ, по имени Іо. Она такъ же, какъ ты, стройна станомъ и прекрасна лицомъ, а о сердцѣ ея суди какъ можешь по слѣдующему. Заимодавецъ мой, больной и безнравственный сластолю-

бецъ, сказалъ мнѣ: «отдай мнѣ твою Іо на ложе и тогда я освобожу тебя отъ темницы, иначе ты задохнешься въ колодкѣ». Я оскорбился и не хотѣлъ слышать объ этомъ. Это было мнѣ тѣмъ болѣе тяжко, что у моей бѣдной Іо есть женихъ. Онъ бѣденъ, но имѣетъ возвышенный умъ и и дочь моя горячо его любитъ съ самаго дѣтства; кромѣ того, и жена моя не снесетъ такого безчестья, чтобы дочь наша стала наложницею. Но бѣда настигаетъ бѣду: представь себѣ новое горе: дочь моя все это узнала и сегодня сказала мнѣ тихо:

— «Отецъ, я все знаю... я уже не ребенокъ... я рѣшилась, отецъ... Чтобы на твою старую шею не набили колодку... Прости, мнѣ, отецъ... я рѣшилась...»

Іо зарыдала и я вмѣстѣ съ нею рыдалъ еще больше и сталъ ее отговаривать, но она отвѣчала:

— «Любовь къ тебѣ и къ матери, которая не снесетъ твоего униженія, во мнѣ теперь говоритъ сильнѣй любви къ моему жениху: онъ молодъ, — продолжала она, глотая бѣжавшія слезы: — онъ полюбитъ другую и съ ней пусть узнаетъ счастье супружеской жизни, а я... я твоя дочь... я дочь моей матери... вы меня воспитали... вы стары... Не говори мнѣ больше ни слова, отецъ, потому что я твердо рѣшилась».

Притомъ она пригрозила, что если я буду ей противорѣчить, то она не станетъ ждать завтрашняго дня, когда заимодавецъ назначилъ мнѣ срокъ, а уйдетъ къ нему сію же минуту.

Незнакомецъ отеръ набѣжавшія на лицо его слезы и кончилъ:

— Что̀ еще скажу тебѣ дальше. Іо имѣетъ рѣшительный нравъ и нѣжно насъ съ матерью любитъ... Что̀ она порѣшила, противъ того напрасно съ ней спорить... Я упросилъ ее только подождать до завтра и солгалъ ей, будто имѣю еще на кого-то надежду... День цѣлый я ходилъ какъ безумный, потомъ возвратился домой, обнялъ мою жену, обнялъ нѣжную Іо и оставилъ ихъ вмѣстѣ, взявъ тихонько шнурокъ, и побѣжалъ искать уединеннаго мѣста, гдѣ могъ бы покончить мои страданія. Ты мнѣ помѣшала, но зато облегчила горе мое своимъ сердобольнымъ участіемъ. Мнѣ мило видѣть лицо твое, прекрасное и доброе, какъ лицо моей Іо. Пусть благословитъ тебя Небо, а теперь прощай

и не мѣшай мнѣ: я пойду и окончу съ собою. Когда я не буду въ живыхъ, Іо не станетъ бояться колодки, которую могутъ набить на шею ея отцу, и она выйдетъ замужъ за своего жениха, а не продастъ себя, ради отца, богачу на безчестное ложе.

Египтянка внимательно выслушала весь разсказъ незнакомца, а потомъ сказала, глядя ему твердо въ лицо:

— Я понимаю во всемъ твою милую дочь и мнѣ нравится Іо—она добрая дѣвушка.

— Тѣмъ это тяжелѣй для меня,—отвѣчалъ незнакомецъ.

— Я понимаю и это; но скажи мнѣ, сколько ты долженъ заимодавцу?

— О, очень много, — отвѣчалъ незнакомецъ, и назвалъ очень знатную сумму.

Это равнялось всему состоянію египтянки.

— Приди ко мнѣ завтра—я дамъ тебѣ эту сумму.

Незнакомецъ изумился: онъ и радовался, и не могъ вѣрить тому, что̀ слышитъ, а потомъ сталъ ей говорить, что онъ даже не смѣетъ принять отъ нея такую огромную помощь. Онъ напомнилъ ей, что долгъ его составляетъ слишкомъ значительную сумму, и просилъ ее подумать, не подвергаетъ ли она себя слишкомъ большой жертвѣ, которой онъ даже не въ состояніи и обѣщать возвратить ей.

— Это не твое дѣло,—отвѣчала египтянка.

— Притомъ же, — сказалъ онъ:—припомни и то, что я изъ другого народа—я эллинъ, и другой съ тобой вѣры.

Аза на мгновенье опустила рѣсницы своихъ длинныхъ, какъ миндалины, глазъ и отвѣчала ему:

— Я не знаю, въ чемъ твоя вѣра: это касается нашихъ жрецовъ; но я вѣрю, что грязь такъ же маретъ ногу гречанки, какъ и ногу всякой иной, и одинаково каждую жжетъ уголь каленый. Не смущай меня, грекъ; Іо покорила себѣ мое сердце,—иди обними твою дочь и жену и приди ко мнѣ завтра.

А когда незнакомецъ ушелъ, Аза тотчасъ же опять взяла свое покрывало и пошла къ богатому ростовщику. Она заложила ему за высокую цѣну все свое имущество и взятое золото отдала на другой день незнакомцу.

Черезъ малое же время, когда прошелъ срокъ сдѣлан-

наго заклада, ростовщикъ пришелъ съ закладною и взялъ за себя все имущество Азы, а она должна была оставить свой домъ и виноградникъ и выйти въ одномъ бѣдномъ носильномъ платьѣ. Теперь у нея не было ни средствъ, ни пріюта.

Скоро увидѣли ее въ этомъ положеніи прежніе знакомые ея родителей и стали говорить ей:

— Ты безумная дѣвушка, Аза: смотри, до чего тебя довела твоя безразсудная доброта!

Аза отвѣчала, что ея доброта не была безразсудна, потому что теперь она лишь одна потеритъ несчастье, а безъ этого погибало цѣлое семейство. Она разсказала имъ все о несчастьи эллина.

— Такъ ты вдвое безумна, если сдѣлала это все для людей чужой вѣры!

— Не порода и вѣра, а люди страдали,—отвѣтила Аза.

Услыхавъ такой отвѣтъ, знакомые почувствовали противъ Азы еще большее раздраженіе.

— Ты хочешь блистать своей добротою къ чужевѣрнымъ пришельцамъ, ну, такъ живи же, какъ знаешь, — и всѣ предоставили ее судьбѣ, а судьба приготовила ей жестокое испытаніе.

Аза не могла избѣжать тяжкихъ бѣдствій по причинамъ, которыя крылись въ ея испытаніи: она совсѣмъ не была приготовлена къ тому, чтобы добывать себѣ средства своими трудами. Она имѣла молодость, красоту и свѣтлый, даже проницающій умъ и возвышенную душу, но не была обучена никакому ремеслу. Прелестное, дѣвственное тѣло ея было слабо для того, чтобы исполнять грубыя работы— береговыя поденщицы ее отгоняли; она не могла носить ни корзинъ съ плодами, ни кирпичи на постройки, и когда она хотѣла мыть бѣлье на рѣкѣ, то зола изъ сгорѣвшаго нильскаго тростника разъѣдала ея нѣжныя руки, а текучая вода производила на нее головокруженіе, такъ что она упала въ воду и ее, полуживую, безъ чувствъ, вытащили изъ Нила.

Аза очутилась въ отчаянномъ положеніи. Она была въ мокромъ платьѣ и голодная. Съ ней подѣлилась сухою ячменной лепешкой береговая блудница, — одна изъ тѣхъ, которыя во множествѣ бродили по берегу Нила, поджидая

проходившихъ здѣсь вечеромъ чужеземныхъ матросовъ (навклировъ); одна эта женщина подѣлилась съ Азой на ночь своею цыновкой, она же прикрыла ее и отъ стужи ночной своею сухою одеждой, а потомъ... Аза стала такою же, какъ эта—прибрежной блудницей.

Всѣ знавшіе Азу отъ нея отвратились—она погибала. Иногда она приходила въ свой бывшій виноградникъ, подъ то самое дерево, на вѣтвяхъ котораго хотѣлъ удавиться избавленный ею незнакомецъ, и вспоминала его разсказъ, и всегда находила, что не могла поступить иначе, какъ она поступила: пусть страдаетъ она, но зато Іо и ея старики спасены!.. Это радовало Азу и давало ей силу терпѣть ея униженіе; но въ другія минуты она была близка къ отчаянію и готова была броситься въ Нилъ. Тогда она садилась надъ кручей на красномъ, какъ огустѣлый комъ крови, песчаномъ холмѣ и размышляла о томъ: неизбѣжно ли такъ всегда должно быть, чтобы добрые были между грязью и калеными угольями?

— Или будь безучастенъ къ горю людскому, или утони въ горѣ самъ? Третій выборъ — плетись между грязью и углемъ. Для чего же тогда нашимъ сердцамъ дано знать состраданіе? Или небо жестоко? Зачѣмъ оттуда никто не сойдетъ и не укажетъ, какъ людямъ сдѣлать жизнь свою лучше, чтобъ отверженныхъ не было и чтобъ не было гордыхъ, пресыщенныхъ и нищихъ? О, еслибъ снизошелъ оттуда такой великій учитель! если былъ бы такой человѣкъ, какъ бы она, бѣдная Аза, хотѣла рыдать у его ногъ и во всю жизнь исполнять все, что онъ ей прикажетъ.

Въ такомъ настроеніи Аза однажды тихо брела вдоль берега Нила, по уединенному мѣсту, и не встрѣчала сегодня даже буйныхъ мореходцевъ. Она уже два дня не ѣла и чувствовала мучительный голодъ. Въ глазахъ у Азы мутилось. Она подошла къ рѣкѣ и нагнулась, чтобы напиться, но сейчасъ же отскочила въ испугѣ: такъ самой ей показалось страшно ея изнуренное лицо, съ померкнувшимъ взглядомъ. А такъ недавно еще никто не рѣшался ее иначе назвать, какъ «прекрасная Аза».

— О, я понимаю теперь, что это значитъ. Я уже больше не «прекрасная Аза», — я страшна даже самымъ потеря-

нымъ людямъ!.. Голодъ приблизился, мучительный голодъ... но я не ропщу... Я посылаю послѣдній привѣтъ мой Небу, которое внушило мнѣ рѣшеніе любить другихъ больше себя, и съ тѣмъ умираю!

Она бросилась къ рѣкѣ, чтобы утонуть, и непремѣнно бы исполнила это, но ее неожиданно кто-то удержалъ за плечо, и она, оглянувшись, увидала передъ собою пожилого человѣка, скромнаго вида и въ чужестранной одеждѣ.

Аза приняла его за одного изъ чужестранцевъ, приходящихъ на это мѣсто съ цѣлями, о которыхъ ей было извѣстно, и сказала ему:

— Оставь меня въ покоѣ: я не хочу идти сегодня съ тобою.

Но чужеземецъ не отошелъ, а взглянулъ на нее ласково и сказалъ ей:

— Напрасно думаешь, сестра моя, что я былъ намѣренъ сказать тебѣ что-либо дурное. Мнѣ показалось, что ты въ какомъ-то бореньи съ собою.

— Да; я вынимаю ноги изъ грязи и хочу ступить на горячія уголья. Это требуетъ силы.

— Ты очень слаба.

— Я два дня не ѣла.

— Такъ ѣшь же скорѣе: со мною есть хлѣбъ и печеная рыба.

Чужеземецъ поспѣшно перебросилъ изъ-за спины холщевую сумку и подалъ Азѣ рыбу и хлѣбъ, и флягу воды, стращенной съ виномъ.

Аза стала ѣсть, запивая глотками воды, стращенной съ виномъ, а когда первый мучительный голодъ ея былъ утоленъ, она повела глазами на незнакомца и тихо сказала:

— Не хорошо, что я ѣмъ твою пищу: ты путешествуешь и тебѣ нуженъ запасъ для себя.

— Не безпокойся, сестра,—я могу потерпѣть.—и повѣрь, что терпѣть гораздо отраднѣй, чѣмъ видѣть терпящихъ.

Аза вздрогнула.

— Чужестранецъ!—сказала она:—ты меня накормилъ и хорошо говоришь... но зачѣмъ ты два раза уже назвалъ меня своею *сестрою?* Развѣ не понимаешь ты, кто я такая?

— Ты такое жъ созданіе Бога, какъ я, и сестра мнѣ. Какое мнѣ дѣло, чѣмъ житейское горе и жестокость людей тебя теперь сдѣлали.

Аза вперила въ него свои глаза, опять засверкавшіе бывалымъ огнемъ, и вскричала:

— Ты жжешь меня своими словами: ты, быть-можетъ, посланникъ боговъ?

— Я такой же простой человѣкъ, какъ и ты, но всѣ мы посланы сюда Богомъ, чтобы оказывать другъ другу любовь и помогать другъ другу въ горѣ.

— Но если ты простой человѣкъ, то кто научилъ тебя такъ говорить, что сердце мое горитъ и трепещетъ?

— Сядемъ здѣсь вмѣстѣ, и я разскажу тебѣ, кто научилъ меня такъ говорить.

Несчастная Аза еще больше смутилась.

— Какъ?—сказала она:—ты хочешь сидѣть со мной рядомъ! тебя могутъ увидѣть съ блудницей почтенные люди, и что̀ ты имъ скажешь тогда въ оправданіе?

— Я скажу имъ, что Тотъ, Который всѣхъ ихъ почтеннѣй, не гнушался такою, о какой ты вспоминаешь.

— Кто жъ это былъ *Онъ?*.. Я о такомъ не слыхала... но ты о Немъ говоришь и слова твои льютъ новую жизнь въ мое сердце... Можетъ-быть, Онъ-то и есть твой учитель!?

— Ты не ошиблась: это *Онъ* мой учитель.

Аза заплакала.

— Какъ ты счастливъ, какъ ты счастливъ, чужестранецъ! Гдѣ же Онъ, гдѣ этотъ небесный посланникъ?

— Онъ съ нами.

— Съ нами!.. со мною!.. Не смѣйся надъ бѣдною Азой!.. Аза несчастна... Скажи мнѣ, гдѣ Онъ—я побѣгу... Я стану Его умолять... и, быть-можетъ, Онъ дастъ мнѣ новую жизнь.

Чужеземецъ самъ взволновался.

— Успокойся, сказалъ онъ:—ты ее будешь имѣть—новую жизнь, — развяжись только со старой, — развяжись скорѣй съ тѣмъ, что̀ гнететъ тебя въ прошломъ.

— Слушай же, кто я такая!—воскликнула съ оживленіемъ Аза, и разсказала все, что̀ съ ней было, и когда повѣсть ея была окончена, она добавила въ свое оправданіе:

— Говорятъ, будто мнѣ надлежало иначе размыслить, но я не могла: мое сердце тогда одолѣло разсудокъ.

— Кто кладетъ руку на плугъ и самъ озирается вспять, тотъ не пахарь. Не жалѣй о томъ, какъ ты поступила.

Аза потупила взоръ и сказала:

— Я не о томъ сожалѣю... но мнѣ тягостно думать о томъ, что̀ было послѣ...

— Послѣ того, когда ты совершила святѣйшее дѣло любви,—прервалъ ее чужестранецъ:—послѣ того, когда ты позабыла себя для спасенья другихъ... оставь сокрушенія эти!.. Когда каленое уголье жжетъ ноги, ноги ползутъ въ холодную грязь, но любовь покрываетъ много грѣховъ и багровыя пятна бѣлитъ, какъ волну на ягненкѣ. Подними лицо твое вверхъ... Прими отъ меня привѣтъ христіанскій и знай, что *Онъ*, къ Кому душа твоя рвется, перстомъ на сыпучемъ пескѣ твой грѣхъ написалъ и оставилъ смести его вѣтру.

Аза подняла лицо свое и плакала, а христіанинъ глядѣлъ на нее, колѣни его незамѣтно согнулись, онъ поклонился ей въ ноги и тихо промолвилъ:

— Живая! живая!

Утѣшенье совершилось, — пришла новая жизнь въ смущенную душу Азы. Христіанинъ раскрылъ ей въ короткихъ словахъ ученье Христово и снова закончилъ похвалой ея сердцу, но Аза непремѣнно хотѣла знать: есть ли люди, живущіе по этому ученію, во взаимной любви, при которой нѣтъ ни осужденія, ни зла, ни нищеты.

— Они были,—отвѣчалъ христіанинъ.

— Отчего же не всѣ таковы и теперь?

— Это трудно, сестра.

— Въ чемъ же тутъ трудность?

— Слушай, какъ они жили.

Христіанинъ прочелъ ей на память мѣста изъ Дѣяній:

«У множества увѣровавшихъ въ спасительность Его ученія было одно сердце и одна душа,—никто изъ имѣнія своего ничего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее и все, что̀ у нихъ было, они раздѣляли по нуждѣ каждаго и каждый день собирались вмѣстѣ и вмѣстѣ принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца» (Дѣян. IV, 32).

— Какъ это прекрасно!—воскликнула Аза.

— Но какъ это трудно.

«Такъ Іоссія, прозванный отъ апостоловъ Варнавою, что значитъ «сынъ утѣшенія», — левитъ, родомъ изъ Кипра, у котораго было свое помѣстье,—продалъ его и принесъ деньги къ ногамъ апостоловъ» (37).

Послѣ многихъ сумрачныхъ дней лицо Азы освѣтилось отрадной улыбкой: Варнава отдалъ помѣстье и назвали его: «сынъ утѣшенія»...

Аза выше подняла лицо и сказала:

— Это не трудно.

— Такъ иди же отсюда, куда я тебя научу, и разскажи тѣмъ людямъ, къ которымъ придешь, все, что̀ ты мнѣ разсказала.

Чужеземецъ назвалъ ей мѣсто, гдѣ сходятся христіане Александріи, и кто ихъ епископъ.

Аза, ни минуты не медля, встала и пошла по его указанію.

Когда Аза пришла, ее сейчасъ же узналъ одинъ клирикъ и сказалъ ей:

— Мнѣ знакомо лицо твое: ты очень похожа на блудницу, которая часто ходила по берегу Нила?

— Я сама и есть та блудница,—отвѣчала Аза:—но я не хочу возвращаться туда, гдѣ ты могъ меня видѣть,—я хочу быть христіанкой.

— Это прекрасно, но ты должна прежде очистить себя постомъ и раскаяніемъ.

— Я все готова исполнить, что̀ нужно.

Ей сказали, какъ надо поститься; она пошла и долго постилась, питаясь тѣмъ, что̀ ей давали изъ состраданія. Наконецъ она изнемогла и пришла снова съ просьбой крестить ее и принять со всѣми въ общеніе. Клирики сказали ей: ты должна принести при всѣхъ покаяніе.

— Да, я затѣмъ и пришла, чтобы сказать всѣмъ, какъ дурна моя жизнь, но я изнемогаю и боюсь, что скоро умру. Прошу васъ: скажите епископу, что я прошу скорѣе принять меня въ общеніе.

Клирики сказали епископу, а тотъ велѣлъ назначить Азѣ катехизатора, который долженъ былъ протолковать ей символъ и всѣ догматы вѣры и потомъ удостовѣрить ея познанія, и тогда Азу будутъ крестить.

Но Аза этого не дождалась; нетерпѣливое желаніе ея получить христіанское имя и жить съ христіанами вмѣстѣ спѣдало ее; она жаловалась и плакала, «а всѣ пренебрегали ею».

Тогда совершилось чудо: когда отверженная египтянка

лежала больная «въ малой хлѣвинѣ», туда къ ней среди ночи вошли «два свѣтлые мужа» и одѣли ее въ бѣлыя, «крестильныя ризы». Въ нихъ и осталось на землѣ мертвое тѣло Азы, а живой духъ ея отлетѣлъ въ обитель живыхъ.

Кончина Азы, одѣтой въ крестильныя ризы, сдѣлала затрудненіе клирикамъ: они недоумѣвали, по какому обряду надо похоронить эту женщину, но неожиданно пришелъ тотъ чужестранецъ, который говорилъ съ усопшею Азою у берега Нила. Онъ былъ философъ и пресвитеръ сирійскій, другъ Исаака-сирійца — онъ вернулся сюда съ дороги по внушенію духа. Онъ наклонился надъ Азой и сталъ читать христіанскія молитвы, а пока онъ молился, тѣло Азы зарыли въ землю, но сирієцъ еще долго стоялъ и смотрѣлъ вдаль — онъ что-то думалъ, онъ былъ въ восторгѣ и двигалъ устами.

Его спросили:

— Вѣрно ты видишь что-нибудь чудное?

— Да,—отвѣчалъ онъ: — я вижу, какъ будто бы небо отверсто... и туда... кто-то входитъ...

— Неужто блудница?

— О, нѣтъ!.. блудницу вы закопали въ грязи—я вижу... какъ легкая струйка съ каленаго угля сливается съ свѣтомъ—мнѣ кажется, это восходитъ *дочь утѣшенья*.

СКОМОРОХЪ ПАМФАЛОНЪ.

«Слабость велика. сила ничтожна. Когда человѣкъ родится, онъ слабъ и гибокъ; когда онъ умираетъ, онъ крѣпокъ и черствъ. Когда дерево произрастаетъ, оно гибко и нѣжно, и когда оно сухо и жестоко, оно умираетъ. Черствость и сила — спутники смерти. Гибкость и слабость выражаютъ свѣжесть бытія. Поэтому, что отвердѣло, то не побѣдитъ».

Лао—тзы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ царствованіе императора Ѳеодосія Великаго жилъ въ Константинополѣ одинъ знатный человѣкъ «патрикій и епархъ», по имени Ермій. Онъ былъ богатъ, благороденъ и знатенъ; имѣлъ прямой и честный характеръ; любилъ правду и ненавидѣлъ притворство, а это совсѣмъ не шло подъ-стать тому времени, въ которомъ онъ жилъ.

Въ то отдаленное время въ Византіи, или въ нынѣшнемъ Константинополѣ, и во всемъ царствѣ Византійскомъ было много споровъ о вѣрѣ и благочестіи, и за этими спорами у людей разгорались страсти, возникали распри и ссоры, а отъ этого выходило, что хотя всѣ заботились о благочестіи, но на самомъ дѣлѣ не было ни мира, ни благочестія. Напротивъ того, въ низшихъ людяхъ тогда было много самыхъ скверныхъ пороковъ, про которые и говорить стыдно, а въ высшихъ лицахъ царило всеобщее страшное лицемѣріе. Всѣ притворялись богобоязненными, а сами жили совсѣмъ не по-христіански: всѣ злопамятствовали, другъ друга ненавидѣли, а къ низшимъ, бѣднымъ лю-

дямъ не имѣли состраданія; сами утопали въ роскоши и нимало не стыдились того, что простой народъ въ это самое время терзался въ мучительныхъ нуждахъ. Обѣднявшихъ брали въ кабалу или въ рабство, и нерѣдко случалось, что бѣдные люди даже умирали съ голода у самыхъ дверей пировавшихъ вельможъ. При этомъ простолюдины знали, что именитые люди и сами между собой безпрестанно враждовали и часто губили другъ друга. Они не только клеветали одинъ на другого царю, но даже и отравляли другъ друга отравами на званыхъ пирахъ или въ собственныхъ домахъ, черезъ подкупъ кухарей и иныхъ приспѣшниковъ.

Какъ сверху, такъ и снизу все общество было исполнено порчей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

У упомянутаго Ермія душа была *мирная* и къ тому же онъ ее укрѣпилъ въ любви къ людямъ, какъ заповѣдалъ Христосъ по Евангелію. Ермій желалъ видѣть благочестіе настоящее, а не притворное, которое не приноситъ никому блага, а служитъ только для одного величанія и обмана. Ермій говорилъ: если вѣрить, что Евангеліе божественно и открываетъ какъ надо жить, чтобы уничтожить зло въ мірѣ. то надо все такъ и дѣлать, какъ показано въ Евангеліи, а не такъ, чтобы считать его хорошимъ и правильнымъ, а самимъ заводить наперекоръ тому совсѣмъ другое: читать: «оставь намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ», а замѣсто того ничего никому не оставлять, а за всякую обиду злобиться и донимать съ ближняго долги, не щадя его ни силы, ни живота.

Надъ Ерміемъ за это всѣ другіе вельможи стали шутить и подсмѣиваться; говорили ему: «вѣрно ты хочешь, чтобы всѣ сдѣлались нищими и стояли бы нагишомъ да другъ дружкѣ рубашку перешвыривали. Такъ нельзя въ государствѣ». Онъ же отвѣчалъ: «Я не говорю про государство, а говорю только про то, какъ надо жить по ученію Христову, которое всѣ вы зовете божественнымъ». А они отвѣчали: «Мало ли что хорошо, да невозможно'» И спорили, а потомъ начали его выставлять передъ царемъ, какъ будто онъ оглупѣлъ и не годится на своемъ мѣстѣ.

Ермій началъ это замѣчать и сталъ раздумывать: какъ

въ самомъ дѣлѣ трудно, чтобы и въ почести остаться, и самому вести жизнь по Христову ученію?

И какъ только началъ Ермій сильнѣе вникать въ это, то стало ему казаться, что этого даже и нельзя совсѣмъ вмѣстѣ соединить, а надо выбирать изъ двухъ одно любое: или оставить Христово ученіе, или оставить знатность, потому что вмѣстѣ они никакъ не сходятся, а если и сведешь ихъ насильно на какой-нибудь часъ, то они недолго поладятъ и опять разойдутся дальше прежняго. «Уйдетъ одинъ бѣсъ и опять воротится, и приведетъ еще семерыхъ съ собою». А съ другой стороны глядя, Ермій соображалъ и то, что если онъ станетъ всѣхъ обличать и со всѣми спорить, то войдетъ онъ черезъ то всѣмъ въ остылицу, и другіе вельможи обнесутъ его тогда передъ царемъ клеветами, назовутъ измѣнникомъ государству и погубятъ.

«Угожу однимъ, думаетъ, — не угожу другимъ: если съ хитрыми пойду — омрачу свою душу, а если за нехитрыхъ стану—то имъ не пособлю, а себѣ бѣду наживу. Представятъ меня какъ человѣка злоумышленнаго, который сѣетъ неспокойствіе, а я могу не стерпѣть напраслины, да стану оправдываться, и тогда душа моя озвѣрѣетъ, и я стану обвинять моихъ обвинителей и сдѣлаюсь самъ такой же злой, какъ они. Нѣтъ, пусть такъ не будетъ. Не хочу я никого ни срамить, ни упрекать, потому что все это противно душѣ моей; а лучше я совсѣмъ съ этимъ покончу: пойду къ царю и упрошу его дозволить мнѣ сложить съ себя всякую власть и доживу вѣкъ мой мирно гдѣ-нибудь простымъ человѣкомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ Ермій задумалъ, такъ онъ и сдѣлалъ по своему разсужденію. Царю Ѳеодосію онъ ни на что не жаловался и никого передъ нимъ не обвинялъ, а только просился отставить его отъ дѣлъ. Царь уговаривалъ Ермія остаться при должности, но потомъ отпустилъ. Ермій получилъ полную отставку («отложи отъ себя всяку власть»). А въ это же самое время скончалась жена Ермія, и бывшій вельможа, оставшись одинъ, началъ разсуждать еще иначе:

«Не указаніе ли мнѣ это свыше? — подумалъ Ермій. — Царь меня отпустилъ отъ служебныхъ заботъ, а Господь разрѣшилъ отъ супружества. Жена моя умерла и нѣтъ у

меня никого такого въ родствѣ моемъ, для котораго мнѣ надо было бы стараться по своимъ имѣніямъ. Теперь я могу идти рѣзвѣе и дальше къ цѣли евангельской. На что мнѣ богатство? Съ нимъ всегда неминучія заботы, и хоть я отъ служебныхъ дѣлъ отошелъ въ сторону, а, однако, богатство заставитъ меня о немъ заботиться и опять меня втравитъ въ такія дѣла, которыя не годятся тому, кто хочетъ быть ученикомъ Христовымъ».

А богатства у Ермія было очень много («бѣ бо ему богатство многосущное») — были у него и дома, и села, и рабы, и всякія драгоцѣнности.

Ермій всѣхъ своихъ рабовъ отпустилъ на волю, а все прочее «богатство многосущное» продалъ и деньги раздѣлилъ между нуждавшимися бѣдными людьми.

Поступилъ онъ такъ потому, что хотѣлъ «совершенъ быть», а тому, кто желаетъ достичь совершенства, Христосъ коротко и ясно указалъ одинъ путь: «Отдай все, что имѣешь, и иди за Мною».

Ермій все это исполнилъ въ точности, такъ что даже никакой малости себѣ не оставилъ, и радовался тому, что это совсѣмъ не показалось ему жалко и трудно. Только начало было дорого сдѣлать, а потомъ самому пріятно стало раздавать все, чтобы ничто не путало и ничто не мѣшало идти налегкѣ къ высшей цѣли евангельской.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Освободясь и отъ власти, и отъ богатства, Ермій покинулъ тайно столицу и пошелъ искать себѣ уединеннаго мѣста, гдѣ бы ему никто не мѣшалъ уберечь себя въ чистотѣ и святости для прохожденія богоугодной жизни.

Послѣ долгаго пути, совершеннаго пѣшими и босыми ногами, Ермій пришелъ къ отдаленному городу Едессу, и совсѣмъ нежданно для себя нашелъ здѣсь «нѣкій столпъ». Это была высокая каменная скала и съ расщелиной, и въ серединѣ расщелины было мѣсто, какъ только можно одному человѣку установиться.

«Вотъ,—подумалъ Ермій:—это мнѣ готовое мѣсто». — И сейчасъ же влѣзъ на этотъ столпъ по ветхому бревнушку, которое кѣмъ-то было къ скалѣ приставлено, и бревно оттолкнулъ. Бревно откатилось далеко въ пропасть и переломилось, а Ермій остался стоять и простоялъ на столбѣ

тридцать лѣтъ. Во все это время онъ молился Богу и желалъ позабыть о лицемѣріи и о другихъ злобахъ, которыя онъ видѣлъ и которыми до боли возмущался.

Съ собою Ермій взялъ на скалу только одну длинную бечевку, которою онъ цѣплялся, когда лѣзъ, и бечевка эта ему пригодилась.

На первыхъ дняхъ, какъ еще Ермій забылъ убрать эту бечевку, замѣтилъ ее пастухъ-мальчикъ, который пришелъ сюда пасти козлятъ. Пастухъ началъ эту бечевку подергивать, а Ермій его сталъ звать и проговорилъ ему:

— Принеси мнѣ воды: я очень жажду.

Мальчикъ подцѣпилъ ему свою тыквенную пустышку съ водой и говоритъ:

— Испей и оставь себѣ тыкву.

Также онъ далъ ему и корзинку съ горстью черныхъ, терпкихъ ягодъ.

Ермій поѣлъ ягодъ и сказалъ:

— Богъ послалъ мнѣ кормильца.

А мальчикъ, какъ только пригналъ вечеромъ въ село стадо козлятъ, такъ сейчасъ же разсказалъ своей матери, что видѣлъ на скалѣ старика, а пастухова мать пошла на колодецъ и стала о томъ говорить другимъ женщинамъ, и такъ сдѣлалось извѣстно людямъ о новомъ столпникѣ, и люди изъ села побѣжали къ Ермію и принесли ему чечевицы и бобовъ больше, чѣмъ онъ могъ съѣсть. Такъ и пошло далѣе.

Только Ермій спускалъ сверху на длинной бечевѣ плетеную корзину и выдолбленную тыкву, а люди уже клали ему въ эту корзину листьевъ капусты и сухихъ, невареныхъ сѣмянъ, а тыкву его наполняли водою. И этимъ бывшій византійскій вельможа и богачъ Ермій питался тридцать лѣтъ. Ни хлѣба и ничего готовленнаго на огнѣ онъ не ѣлъ и позабылъ и вкусъ вареной пищи. По тогдашнимъ понятіямъ находили, будто это пріятно и угодно Богу. О своемъ розданномъ богатствѣ Ермій не жалѣлъ и даже не вспоминалъ о немъ. Разговоровъ онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ никакихъ и казался строгъ и суровъ, подражая въ молчаніи своемъ Иліи.

Поселяне считали Ермія способнымъ творить чудеса. Онъ имъ этого не говорилъ, но они такъ вѣрили. Больные приходили, становились въ тѣни его, которую солнце бросало

отъ столпа на землю, и отходили, находя, что чувствуютъ облегченіе. А онъ все молчалъ, вперяя умъ въ молитву или читая на память три милліона стиховъ Оригена и двѣсти пятьдесятъ тысячъ стиховъ Григорія, Піерія и Стефана.

Такъ проводилъ Ермій дни, а вечеромъ, когда сваливалъ неклый жаръ и лицо Ермія освѣжала прохлада, онъ, окончивъ свои молитвы и размышленія о Богѣ, думалъ иногда и о людяхъ. Онъ размышлялъ о томъ: какъ за эти тридцать лѣтъ зло въ свѣтѣ должно было умножиться и какъ подъ покровомъ ханжества и пустосвятства, замѣняющаго настоящее ученіе своими выдумками, теперь навѣрно изсякла уже въ людяхъ всякая истинная добродѣтель и осталась одна форма безъ содержанія.

Впечатлѣнія, вынесенныя столпникомъ изъ покинутой имъ лицемѣрной столицы, были такъ неблагопріятны, что онъ отчаялся за весь міръ и не замѣчалъ того, что черезъ это отчаяніе онъ унижалъ и планъ, и цѣль творенія, и себя одного почиталъ совершеннѣйшимъ.

Повторяетъ онъ наизусть Оригена, а самъ думаетъ: «ну, пусть такъ,—пусть земной міръ весь стоитъ для вѣчности, и люди въ немъ, какъ школяры въ школѣ, готовятся, чтобы явиться въ вѣчности и тамъ показать свои успѣхи въ здѣшней школѣ. Но какіе же успѣхи они покажутъ, когда живутъ себялюбиво и злобно и ничему отъ Христа не учатся и языческихъ навыковъ не позабываютъ? Не будетъ ли вѣчность впустѣ? Пусть утѣшаетъ Оригенъ, что не могъ же впасть въ ошибку Творецъ, узрѣвъ, «яко все добро зѣло», если оно на самомъ дѣлѣ никуда не годится, а Ермію все-таки кажется, что «весь міръ лежитъ во злѣ», и умъ его напрасно старается прозрѣть: «кацы суть Богу угождающіе и вѣчность улучившіе?»

Никакъ не можетъ Ермій представить себѣ таковыхъ, кои были бы достойны вѣчности, всѣ ему кажутся худы, всѣ съ злою наклонностію въ жизнь пришли, а здѣсь, живучи на землѣ, еще хуже перепортились.

И окончательно взяло столпника отчаяніе, что вѣчность запустѣетъ, потому что нѣтъ людей, достойныхъ перейти въ оную.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

И вотъ однажды, когда, при опускающемся покровѣ

ночи, столпникъ «усильно подвигся мыслію увѣдѣти: кацы суть иже Богу угожающи», онъ приклонился головою къ краю расщелины своей скалы, и съ нимъ случилась необыкновенная вещь: повѣяло на него тихое, ровное дыханіе воздуха, и съ тѣмъ принеслись къ его слуху слѣдующія слова:

— Напрасно ты, Ермій, скорбишь и ужасаешься: есть тацы, иже добре Богу угожаютъ и въ книгу жизни вѣчной вписаны.

Столпникъ обрадовался сладкому голосу и говоритъ:

— Господи, если я обрѣлъ милость въ очахъ Твоихъ, то дозволь, чтобы мнѣ былъ явленъ хоть одинъ такой, и тогда духъ мой успокоится за все земное сотвореніе.

А тонкое дыханіе снова дышитъ на ухо старцу:

— Для этого тебѣ надо забыть о тѣхъ, коихъ ты зналъ, и сойти со столпа да посмотрѣть на человѣка Памфалона.

Съ этимъ дыханіе сникло, а старецъ восклонился и думаетъ: взаправду ли онъ это слышалъ или это ему навѣяно мечтою? И вотъ опять проходитъ холодная ночь, проходитъ и знойный день, и наступили новыя сумерки, и опять поникъ головой Ермій и слышитъ:

— Спускайся внизъ, Ермій, на землю, тебѣ надо пойти посмотрѣть на Памфалона.

— Да кто онъ такой, этотъ Памфалонъ?

— А вотъ онъ-то и есть одинъ изъ тѣхъ, какихъ ты желаешь видѣть.

— И гдѣ же обитаетъ этотъ Памфалонъ?

— Онъ обитаетъ въ Дамаскѣ.

Ермій опять встрепенулся и опять не былъ увѣренъ, что это ему слышно не въ мечтѣ. И тогда онъ положилъ въ своемъ умѣ испытать это дѣло еще до трехъ разъ, и ежели и въ третій разъ будетъ къ нему такая же внятная рѣчь про Памфалона, тогда уже болѣе не сомнѣваться, а слѣзать со скалы и идти въ Дамаскъ.

Но только онъ рѣшилъ обстоятельно дознаться, что̀ это за Памфалонъ и какъ его по Дамаску разыскивать.

Прошелъ опять знойный день, и съ вечернею прохладою снова зазвучало въ духѣ хлада тонка имя Памфалона.

Невѣдомый голосъ опять говоритъ:

— Для чего ты, старецъ, медлишь, для чего не слѣзаешь на землю и не идешь въ Дамаскъ смотрѣть Памфалона?

А старецъ отвѣчаетъ:

— Какъ же могу я идти и искать человѣка мнѣ неизвѣстнаго?

— Человѣкъ тебѣ названъ.

— Названъ мнѣ человѣкъ Памфалономъ, а въ такомъ великомъ городѣ, какъ Дамаскъ, развѣ одинъ есть Памфалонъ? Котораго же изъ нихъ я стану спрашивать?

А въ духѣ хлада тонка опять звучитъ:

— Это не твоя забота. Ты только скорѣе слѣзай внизъ да иди въ Дамаскъ, а тамъ уже всѣ знаютъ этого Памфалона, котораго тебѣ надо. Спроси у перваго встрѣчнаго, его тебѣ всякъ покажетъ. Онъ всѣмъ извѣстенъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Теперь, послѣ третьяго такого переговора, Ермій болѣе уже не сомнѣвался, что это такой голосъ, котораго надо слушаться. А насчетъ того, къ какому именно Памфалону въ Дамаскѣ ему надо идти, Ермій болѣе не безпокоился. Памфалонъ, котораго «всѣ знаютъ», безъ сомнѣнія, есть какой-либо прославленный поэтъ, или воинъ, или всѣмъ извѣстный вельможа. Словомъ, Ермію размышлять болѣе было не о чемъ, а на что онъ самъ напросился, то надо идти исполнять.

И вотъ пришлось Ермію послѣ тридцати лѣтъ стоянія на одномъ мѣстѣ вылѣзать изъ каменной расщелины и идти въ Дамаскъ...

Странно, конечно, было такому совершенному отшельнику, какъ Ермій, идти смотрѣть человѣка, живущаго въ Дамаскѣ, ибо городъ Дамаскъ по тогдашнему, въ отношеніи чистоты нравственной, былъ все равно, что теперь сказать Парижъ или Вѣна, — города, которые святостію жизни не славятся, а слывутъ за гнѣздилища грѣха и пороковъ; но, однако, въ древности бывали и не такія странности, и бывало, что послы благочестія посылались именно въ мѣста самыя злочестивыя.

Надо идти въ Дамаскъ. Но тутъ вспомянулъ Ермій, что онъ нагъ, ибо рубище его, въ которомъ онъ пришелъ тридцать лѣтъ тому назадъ, все истлѣло и спало съ его костей. Кожа его изгорѣла и почернѣла, глаза одичали, волосы подлѣзли и выцвѣли, а когти отросли, какъ у хищной

птицы... Какъ въ такомъ видѣ показаться въ большомъ и роскошномъ городѣ?

Но голосъ его не переставалъ руководствовать и раздается издали:

— Ничего, Ермій, иди: нагота твоя найдетъ тебѣ покрывало.

Взялъ Ермій свою корзиночку съ сухими зернами и тыкву и кинулъ ихъ внизъ на землю, а затѣмъ и самъ спустился со столпа по той самой веревочкѣ, по которой таскалъ себѣ снизу приносимую пищу.

Тѣло столпника уже такъ исхудало, что его могла сдержать тонкая и полусгнившая веревочка. Она, правда, потрескивала, но Ермій этого не испугался: онъ благополучно сталъ на землю, и пошелъ, колеблясь какъ ребенокъ, ибо ноги его отвыкли отъ движенія и потеряли твердость.

И шелъ Ермій по безлюдной, знойной пустынѣ очень долго и во весь переходъ ни разу никого не встрѣтилъ, а потому и не имѣлъ причины стыдиться своей наготы; приближаясь же къ Дамаску, онъ нашелъ въ пескахъ вывѣтрившійся сухой трупъ и возлѣ него ветхую «козью милоть», какія носили тогда иноки, жившіе въ общежитіяхъ. Ермій засыпалъ пескомъ кости, а козью милоть надѣлъ на свои плечи и обрадовался, увидѣвъ въ этомъ особое о немъ промышленіе.

Къ городу Дамаску Ермій сталъ приближаться, когда солнце уже начало садиться. Старецъ немножко не соразмѣрилъ хода, и теперь не зналъ, что̀ ему сдѣлать: поспѣшать ли скорѣе идти, или не торопиться и подождать лучше утра. Очамъ казалось близко видно, а ногамъ пришлось обидно. Поспѣшалъ Ермій дойти засвѣтло, а поспѣлъ въ то самое время, когда красное солнце падаетъ, сумракъ густѣетъ и городъ весь обвиваетъ мглой. Точно онъ весь въ безпроглядный грѣхъ погружается.

Страшно сдѣлалось Ермію,—хоть назадъ бѣги... И опять ему пришла въ голову дума: не было ли все, что̀ онъ слышалъ о своемъ путешествіи, одною мечтою или даже искушеніемъ? Какого праведника можно искать въ этомъ шумномъ городѣ? Откуда тутъ можетъ быть праведность? Не лучше ли будетъ бѣжать отсюда назадъ, влѣзть опять въ свою каменную щелку да и стоять, не трогаясь съ мѣста.

Онъ было уже и повернулся, да ноги не идутъ, а въ ушахъ опять «дыханіе тонко»:

— Иди же, скорѣй лобызай Памфалона въ Дамаскѣ.

Старикъ снова обернулся къ Дамаску, и ноги его пошли.

Пришелъ Ермій къ городской стѣнѣ какъ разъ въ ту минуту, когда городской стражъ на половину ворота захлопнулъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Насилу успѣлъ бѣдный старикъ упросить сторожа, чтобы онъ позволилъ ему пройти въ ворота, и то отдалъ за это свою корзину и тыкву; а теперь самъ совсѣмъ безо всего очутился въ совершенно ему незнакомомъ и ужасно многогрѣшномъ городѣ.

Ночи на югѣ спускаются скоро, сумерекъ почти нѣтъ и темнота бываетъ такъ густа, что ничего нельзя видѣть. Улицы въ то время, когда было это происшествіе, въ восточныхъ городахъ еще не освѣщались, а жители запирали свои дома рано. Тогда на улицахъ бывало очень небезопасно, и потому обыватели крѣпко закрывали всѣ входы въ домъ, чтобы впотьмахъ не забрался какой-нибудь лихой человѣкъ и не обокралъ бы или бы не убилъ и не сжегъ домъ. Ночью же входовъ или совсѣмъ не отпирали, или же отпирали только запоздавшимъ своимъ домашнимъ, или друзьямъ, и то не иначе, какъ удостовѣрясь, что стучится именно тотъ человѣкъ, котораго впустить надо.

Отворенными поздно оставались только двери развратницъ, къ которымъ путь открытъ всѣмъ, и чѣмъ больше идутъ къ нимъ на свѣтъ, тѣмъ имъ лучше.

Старецъ Ермій, попавъ въ Дамаскъ, среди густой тьмы, рѣшительно не зналъ: гдѣ ему пріютиться до утра. Были, конечно, въ Дамаскѣ гостинницы, но Ермій не могъ ни въ одну изъ нихъ постучаться, потому что тамъ спросятъ съ него платы за ночлегъ, а онъ не имѣлъ у себя никакихъ денегъ.

Остановился Ермій и, размысливъ, что̀ бы такое въ его положеніи возможно сдѣлать, рѣшился попроситься ночевать въ первый домъ, какой попадется.

Такъ онъ и сдѣлалъ: подошелъ къ ближайшему дому и постучался.

Его опросили изъ-за двери:

— Кто тамъ стучится?

Ермій отвѣчаетъ:

— Я, бѣдный странникъ.

— Ахъ, бѣдный странникъ! Не мало васъ шляется. Чего же тебѣ надо?

— Прошу пріюта.

— Такъ ты не туда попалъ. Иди за этимъ въ гостинницу.

— Я бѣденъ и не могу платить въ гостиницѣ.

— Это плохо, но иди въ такомъ случаѣ къ тѣмъ, кто тебя знаетъ: они тебя, можетъ-быть, пустятъ.

— Да меня здѣсь никто не знаетъ.

— А если тебя здѣсь никто не знаетъ, то не стучи и у насъ понапрасну, а уходи скорѣй прочь.

— Я прошусь во имя Христа.

— Оставь, пожалуйста, оставь это имя. Много васъ тутъ ходитъ, все Христа вспоминаете, а на мѣсто того лжете и этимъ именемъ послѣ всякое зло прикрываете. Уходи прочь, нѣтъ у насъ для тебя пріюта.

Ермій подошелъ къ другому дому и здѣсь опять сталъ стучать и проситься.

И здѣсь тоже опять спрашиваютъ его изъ-за закрытыхъ дверей:

— Что тебѣ надо?

— Изнемогаю, я бѣдный странникъ... пустите отдохнуть въ домѣ!

Но опять и тутъ ему тотъ же отвѣтъ: иди въ гостинницу.

— У меня денегъ нѣтъ, — отвѣчалъ Ермій и произнесъ Христово имя, но оно вызвало только укоры.

— Полно, полно выкликать это имя, — отвѣчали ему изъ-за дверей второго дома:—всѣ лѣнивцы и злодѣи нынче этимъ именемъ прикрываются.

— Ахъ,—отозвался Ермій:—повѣрьте, что я никому никакого зла не сдѣлалъ и не дѣлаю: я пришелъ прямо изъ пустыни.

— Ну, если ты изъ пустыни, то тамъ бы тебѣ и оставаться. Напрасно ты сюда и пришелъ.

— Я не своею волею пришелъ, а имѣлъ повелѣніе.

— Ну, такъ иди къ тому, куда позванъ, а насъ оставь въ покоѣ; мы тѣхъ, кои старцами сказываются и въ козьихъ милотяхъ ходятъ, боимся: вы сами очень святы, а за вами за каждымъ седмь приставныхъ бѣсовъ ходитъ.

«Ого!—подумалъ Ермій: — какъ время измѣнило обычаи. Вѣрно нынѣ совсѣмъ уже нѣтъ стараго привѣта страннымъ. Всѣ уже знаютъ пустынное преданіе, что за аскетомъ вслѣдъ болѣе бѣсовъ ходитъ, чѣмъ за простымъ грѣшникомъ, а черезъ это не лучше, а хуже стало. И вотъ я—пустынникъ, простоявшій тридцать лѣтъ,—въ тѣни столпа моего люди получали исцѣленія, а меня никто не пускаетъ подъ крышу, и я не только могу быть убитъ отъ злодѣевъ, но еще горче смерти могу быть оскорбленъ и обезчещенъ отъ извратившихъ природу безстыдниковъ. Нѣтъ, теперь я уже ясно вижу, что я поддался насмѣшкѣ сатаны, что я былъ посланъ сюда не для пользы души моей, а для всецѣлой моей пагубы какъ въ Содомъ и Гоморру.

А въ это самое время Ермій тоже замѣчаетъ, что кто-то во тьмѣ спѣшно перебѣгаетъ улицу и, смѣясь, говоритъ:

— Ну, насмѣшилъ ты меня, старичина!

— Чѣмъ это?—спросилъ Ермій.

— Да какъ же ты такъ глупъ, что проснишься, чтобы тебя пустили ночевать въ дома людей высокородныхъ и богатыхъ! Видно, ты и въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, ничего въ жизни не понимаешь.

Столпникъ подумалъ: это, пожалуй, воръ или блудодѣй, а все-таки онъ разговорчивъ: дай я его разспрошу, что̀ мнѣ сдѣлать, гдѣ найти пріютъ.

— Ну, ты постой-ка,—сказалъ Ермій:—и кто бы ты ни былъ, скажи мнѣ, нѣтъ ли здѣсь такихъ людей, которые извѣстны за человѣколюбцевъ?

— Какъ же,—отвѣчаетъ:—есть здѣсь и таковые.

— Гдѣ же они?

— А вотъ ты сейчасъ у ихъ домовъ стучался и съ нимъ разговаривалъ.

— Ну, значитъ, ихъ человѣколюбство плохо.

— Таковы всѣ показные человѣколюбцы.

— А неизвѣстны ли тебѣ, кои боголюбивы?

— И таковые извѣстны.

— Гдѣ же они?

— Эти теперь, по заходѣ солнечномъ, на молитву стали.

— Пойду же я къ нимъ.

— Ну, не совѣтую. Боже тебя сохрани, если ты своимъ стукомъ помѣшаешь ихъ стоянію на молитвѣ, тогда слуги ихъ за то свалятъ тебя на землю и нанесутъ тебѣ раны.

Старецъ всплеснулъ руками:

— Что же это,—говоритъ,—человѣколюбцевъ никакъ въ своей нуждѣ не увѣришь, а набожныхъ отъ стоянія не отзовешь, ночь же ваша темна и обычаи ваши ужасны. Увы мнѣ! увы!

— А ты вмѣсто того, чтобы унывать и боголюбцевъ разыскивать,—*иди къ Памфалону.*

— Какъ ты сказалъ?—переспросилъ отшельникъ, и опять получилъ тотъ же отвѣтъ:

— *Иди къ Памфалону.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Радъ былъ отшельникъ услыхать про Памфалона. Сталобыть, шелъ онъ недаромъ. Но кто, однако, самъ этотъ во тьмѣ говорящій: хорошо, если это путеводительный ангелъ, а можетъ-быть это самый худшій бѣсъ.

— Мнѣ,—говоритъ Ермій:—Памфалона и нужно, потому что я къ нему посланъ, но только я не знаю: тотъ ли это Памфалонъ, о которомъ ты говоришь?

— А тебѣ что о твоемъ Памфалонѣ сказано?

— Сказано много, чего я не стану всякому пересказывать, а примѣта дана такая, что его здѣсь всѣ *знаютъ.*

— Ну, а если такъ, то я говорю о томъ самомъ Памфалонѣ, про котораго тебѣ сказано. Онъ одинъ только и есть такой Памфалонъ, котораго всѣ знаютъ.

— Почему же онъ всѣмъ такъ извѣстенъ?

— А потому, что онъ пріятный человѣкъ и всюду съ собою веселье ведетъ. Безъ него нѣтъ здѣсь ни пира, ни потѣхи, и всѣмъ онъ любезенъ. Чуть гдѣ пса его сѣраго съ длинной мордой заслышатъ, когда онъ бѣжитъ, гремя позвонцами, всѣ радостно говорятъ: «вотъ Памфалонова Акра бѣжитъ! сейчасъ, значитъ, самъ Памфалонъ придетъ, и веселый смѣхъ будетъ».

— А для чего же онъ пса при себѣ водитъ?

— Для бо̀льшаго смѣха. Его Акра чудесная, умная и вѣрная собака, она ему людей веселить помогаетъ. А то еще у него есть разноперая птица, которую онъ на длинномъ шестѣ въ обручѣ носитъ; тоже и эта дорогого сто̀итъ: она и свистомъ свиститъ, и шипитъ по-змѣиному.

— Зачѣмъ же Памфалону все это нужно—и песъ, и разноперая птица?

— Какъ же, — Памфалону безъ смѣшныхъ вещей быть невозможно.

— Да кто же такой у васъ этотъ Памфалонъ?

— А развѣ ты самъ этого не знаешь?

— Не знаю. Я только слышалъ о немъ въ пустынѣ.

Собесѣдникъ удивился.

— Вотъ какъ! — воскликнулъ онъ. — Значитъ, уже не только въ Дамаскѣ и въ другихъ городахъ, а и далеко въ пустынѣ знаютъ нашего Памфалона! Ну, да такъ тому и слѣдовало быть, потому что такого другого весельчака нѣтъ, какъ нашъ Памфалонъ: никто не можетъ безъ смѣха глядѣть, какъ онъ шутитъ свои веселыя шутки, какъ онъ мигаетъ глазами, двигаетъ ушами, перебираетъ ногами и свиститъ, и языкомъ щелкаетъ, и вертитъ завитой головой.

— Перебираетъ ногами и вертитъ головою, — повторилъ пустынникъ: — лицедѣйство, тѣлодвиженіе и скоки... Да кто же онъ такой, наконецъ!?

— Скоморохъ.

— Какъ?.. этотъ Памфалонъ!.. Къ кому я иду!.. Онъ *скоморохъ!*

— Ну, да, Памфалонъ скоморохъ, его потому всѣ и знаютъ, что онъ по улицамъ скачетъ, на площади колесомъ вертится и мигаетъ глазами, и перебираетъ ногами, и вертитъ головой.

Ермій даже свой пустынническій посохъ изъ рукъ уронилъ и проговорилъ:

— Сгинь! сгинь, дьяволъ, полно тебѣ надо мной издѣваться!

А во тьмѣ говорившій не разслышалъ этого заклинанія и добавилъ:

— Памфалоновъ домъ сейчасъ здѣсь за угломъ, и у него навѣрно теперь въ окнѣ еще свѣтъ свѣтится, потому что онъ вечеромъ приготовляетъ свои скоморошьи снаряды, чтобы дѣлать у гетеръ представленія. А если у него огня нѣтъ, такъ ты впотьмахъ отсчитай за угломъ направо третій маленькій домъ, входи и ночуй. У Памфалона всегда двери отворены.

И съ тѣмъ говорившій во тьмѣ сникъ куда-то, какъ будто его и не бывало.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ермій, пораженный тѣмъ, что онъ услыхалъ о Памфалонѣ, остался впотьмахъ и думаетъ:

«Что же мнѣ теперь дѣлать? Это невозможно, чтобы человѣкъ, для свиданія съ которымъ я снятъ съ моего камня и выведенъ изъ пустыни, былъ скоморохъ! Какія такія добродѣтели, достойныя вѣчной жизни, можно заимствовать у комедіанта, у лицедѣя, у фокусника, который кривляется на площадяхъ и потѣшаетъ гулякъ въ домахъ, гдѣ пьютъ вино и предаются безпутствамъ?»

Непонятно это, а ночь темна, дѣться некуда и — надо идти къ скомороху.

Ночной пріютъ пустыннику былъ необходимъ, потому что хотя онъ и привыкъ ко всѣмъ непогодамъ, но на улицѣ, въ городѣ въ тогдашнее время остаться ночью было гораздо опаснѣе, чѣмъ въ нынѣшнее. Тогда и воры грабили, и ходили такіе отчаянные люди, какихъ видали только предъ сожженіемъ Содома и Гоморры. Эти были хуже животныхъ и не щадили никого, и всякъ могъ ожидать себѣ отъ нихъ самаго гнуснаго оскорбленія.

Ермій все это помнилъ и потому очень обрадовался, когда только-что завернулъ за уголъ, какъ сейчасъ же увидалъ привѣтный огонекъ. Свѣтъ выходилъ изъ одного маленькаго домика и ярко горѣлъ во тьмѣ, какъ звѣздочка. Вѣроятно, тутъ и живетъ скоморохъ.

Ермій пошелъ на свѣтъ и видитъ: дѣйствительно стоитъ очень маленькій, низенькій домикъ, а въ немъ растворенная дверь и надъ нею поднята тростниковая цыновка, такъ что все внутрь этого жилья видно.

Жилье не велико, — всего одинъ покой, и притомъ не высокій, но довольно просторный, и въ немъ все на виду— и хозяинъ, и хозяйство, и все его рукомесло. И по всему тому, что видно, не трудно было отгадать, что здѣсь живетъ не степенный человѣкъ, а именно скоморохъ.

На сѣрой стѣнѣ, какъ разъ насупротивъ раскрытой двери, висѣла глиняная лампа съ длиннымъ рожкомъ, на концѣ котораго горѣлъ краснымъ огнемъ фитиль, напитанный жиромъ. Фитиль этотъ сильно коптилъ и внизъ съ него падали огненныя капли кипящаго жира. Вдоль всей стѣны висѣли разныя странныя вещи, которыя, впрочемъ,

точнѣе можно бы назвать хламомъ. Тутъ были уборы и сарацынскіе, и греческіе, и египетскіе, а также были и разнопестрыя перья, и звонцы, и трещотки, и накры, и красные шесты, и золоченые обручи. Въ одномъ углу вбитъ былъ крюкъ въ потолокъ, а къ нему подцѣпленъ тонкій шестъ, похожій на большое удилище, а на концѣ того шеста на веревкѣ другой деревянный обручъ, а въ обручѣ спитъ, загнувъ голову подъ крыло, пестрая птица. На ногѣ у нея тонкая цѣпь, которою она прикована къ обручу. Въ другомъ же углу загнуты полуколесомъ гнуткія дранницы и за ними задѣты бубны, накры, сопѣли и еще болѣе странныя венцы, которыхъ и назначенія даже не могъ придумать давно не видавшій суеты городской жизни пустынникъ.

На полу въ одномъ углу постель изъ цыновки, а въ другомъ сундукъ; на этомъ сундукѣ передъ скамьею, замѣняющею столъ, сидитъ и что-то мастеритъ самъ хозяинъ жилища.

Видъ его страненъ: онъ уже человѣкъ не молодой, а подстароватъ, имѣетъ лицо смуглое, добродушное и веселое, съ постояннымъ, умѣреннымъ выраженіемъ и легкимъ блескомъ глазъ, но лицо это раскрашено, а полусѣдая голова вся завита въ мелкіе кудри и на нихъ надѣтъ тонкій мѣдный ободокъ, съ котораго внизъ висятъ и бренчатъ блестящіе кружочки и звѣздочки. Таковъ Памфалонъ. Сидитъ онъ, нагнувшись надъ скамьею, на которой разбросаны разные скоморошьи приборы, а передъ лицомъ его маленькая глиняная жаровня и паяло. Онъ дуетъ ртомъ черезъ паяльную трубку въ жаркіе угли и закрѣпляетъ одно за другое какія-то мелкія кольца, и не замѣчаетъ того, что на него снаружи давно пристально смотритъ строгій отшельникъ.

Но вотъ лежавшая въ тѣни у ногъ Памфалона длинномордая сѣрая собака чутьемъ почуяла близость стороннаго человѣка, подняла свою голову и, заворчавъ, встала на ноги, а съ этимъ ея движеніемъ на ея мѣдномъ ошейникѣ зазвонили звонцы и отъ нихъ сейчасъ же проснулась и вынула изъ-подъ крыла голову разноперая птица. Она встрепенулась и не то свистнула, не то какъ-то рѣзко проскрипѣла клювомъ. Памфалонъ разогнулся, отнялъ на минуту губы отъ паяла и крикнулъ:

— Молчи, Акра! И ты, Зоя, молчи! Не пугайте досужаго человѣка, который приходитъ звать насъ смѣшить заскучавшихъ богачей. А ты, легкій посолъ,—добавилъ онъ, возвыся голосъ:—отъ кого ты ни жалуешь, подходи скорѣй и говори сразу: что̀ тебѣ нужно?

На это Ермій ему отвѣтилъ со вздохомъ:

— О, Памфалонъ!

— Да, да, да, я давно Памфалонъ—плясунъ, скоморохъ, пѣвецъ, гадатель и все, что̀ кому угодно. Какое изъ моихъ дарованій тебѣ надобно?

— Ты ошибся, Памфалонъ.

— Въ чемъ я ошибся, пріятель.

— Человѣку, который стоитъ у твоего дома, совсѣмъ не нужно этихъ дарованій: я пришелъ совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы звать тебя на скоморошное игрище.

— Ну, что жъ за бѣда! Ночь еще впереди, — придетъ кто-нибудь другой и покличетъ насъ и на игрище, и у меня будетъ назавтра заработокъ для меня и для моей собаки. А тебѣ-то, однако, что же такое угодно?

— Я прошу у тебя пріюта на ночь и желаю съ тобою бесѣдовать.

Услышавъ эти слова, скоморохъ оглянулся, положилъ на сундукъ дротяныя кольца и паяло и, разставивъ надъ глазами ладонь, проговорилъ:

— Я не вижу тебя, кто ты такой, да и голосъ твой незнакомъ мнѣ... Впрочемъ, въ домѣ моемъ и въ добрѣ будь воленъ, какъ въ своемъ, а насчетъ бесѣдъ... Это ты, должно-быть, смѣешься надо мною.

— Нѣтъ, я не смѣюсь,—отвѣчалъ Ермій.—Я здѣсь всѣмъ чужой человѣкъ и пришелъ издалека для бесѣды съ тобою. Свѣтъ твоей лампы привлекъ меня къ твоей двери, и я прошу пріюта.

— Что же, я радъ, что свѣтъ моей лампы свѣтитъ не для однихъ гулякъ. Какой ты ни есть—не стой больше на улицѣ, и если у тебя нѣтъ въ Дамаскѣ лучшаго ночлега, то я прошу тебя—войди ко мнѣ, чтобы я могъ тебя успокоить.

— Благодарю,—отвѣчалъ Ермій:—и за привѣтъ твой пусть благословитъ тебя Богъ, благословившій страннопріимный кровъ Авраама.

— Ну, ну, перестань многословить! Совсѣмъ не о чемъ

говорить, а ужъ ты и за Авраама хватаешься. Бери, старина, дѣло проще. Много будетъ, если ты благословишь меня, выходя изъ моего дома, когда отдохнешь съ дороги и успокоишься, а теперь входи скорѣе: пока я дома, я тебѣ помогу умыться, а то меня кто-нибудь кликнетъ на ночную потѣху, и мнѣ тогда будетъ некогда за тобой ухаживать. У насъ нынче въ упадкѣ дѣлишки: къ намъ стали заходить чужіе скоморохи изъ Сиракузъ; такъ сладко поютъ и играютъ на арфахъ, что перебили у насъ всю самую лучшую работу. Ничего нельзя упускать: надо сразу бѣжать, куда кликнутъ, а теперь какъ разъ такой часъ, когда богатые и знатные гости приходятъ попировать къ веселымъ гетерамъ.

«Проклятый часъ»,—подумалъ Ермій.

А Памфалонъ продолжалъ:

— Ну, входи же, сдѣлай милость, и не обращай вниманья на мою собаку: это Акра, это мой вѣрный песъ, мой товарищъ, — Акра живетъ не для страха, а такъ же, какъ я—для потѣхи. Входи ко мнѣ, путникъ.

Съ этимъ Памфалонъ протянулъ гостю обѣ руки и, сведя его по ступенькамъ съ уличной тьмы въ освѣщенную комнату, мгновенно отскочилъ отъ него въ ужасѣ.

Такъ страшенъ и дикъ показался ему вошедшій пустынникъ.

Прежній вельможа, простоявъ тридцать лѣтъ подъ вѣтромъ и пламеннымъ солнцемъ, изнеможилъ въ себѣ видъ человѣческій. Глаза его совсѣмъ обезцвѣтились, изгорѣвшее тѣло его все почернѣло и присохло къ остову, руки и ноги его изсохли и отросшіе ногти загнулись и вились въ ладони, а на головѣ остался одинъ клокъ волосъ, и цвѣтъ этихъ волосъ былъ не бѣлый и не желтый, и даже не празеленъ, а голубоватый, какъ утиное яйцо, и этотъ клокъ торчалъ на самой серединѣ головы, точно хохолъ на селезнѣ.

Въ изумленіи стояли другъ передъ другомъ два эти совсѣмъ несходные человѣка: одинъ скоморохъ, скрывшій свой натуральный видъ лица подъ красками, а другой — весь излинявшій пустынникъ. На нихъ смотрѣла длинномордая собака и разноперая птица. И всѣ молчали. А Ермій пришелъ къ Памфалону не для молчанія, а для бесѣды, и для великой бесѣды.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Оправился первый Памфалонъ.

Замѣтивъ, что Ермій не имѣлъ на себѣ никакой ноши, Памфалонъ съ недоумѣніемъ спросилъ его:

— Гдѣ же твоя кошница и тыква?

— Со мной нѣтъ ничего,—отвѣчалъ отшельникъ.

— Ну, слава Богу, что у меня сегодня есть чѣмъ тебя угостить.

— Мнѣ ничего и не надо,—перебилъ старецъ: — я пришелъ не за угощеніемъ. Мнѣ нужно знать, какъ ты угождаешь Богу?

— Что такое?

— Какъ ты угождаешь Богу?

— Что ты, что ты, старецъ! Какое отъ меня угожденіе Богу! Да мнѣ объ этомъ даже и думать нельзя.

— Отчего тебѣ нельзя думать? О своемъ спасеніи всякъ долженъ думать. Ничего для человѣка не можетъ быть такъ дорого, какъ его спасеніе. А спасеніе невозможно безъ того, чтобы угодить Богу.

Памфалонъ его выслушалъ, улыбнулся и отвѣчалъ:

— Эхъ, отецъ, отецъ! Если бы ты зналъ, какъ мнѣ смѣшно тебя слушать. Видно и вправду давно ты изъ міра.

— Да, я изъ міра давно; я тридцать лѣтъ уже не былъ между людьми, но, все-таки, что̀ я говорю, то истинно и согласно съ вѣрой.

— А я,—отвѣчалъ Памфалонъ:—съ тобою не спорю, но говорю тебѣ, что я человѣкъ очень непостоянной жизни, я ремесломъ скоморохъ, и не о благочестіи размышляю, а я скачу, верчусь, играю, руками плещу, глазами мигаю, выкручиваю ногами и трясу головой, чтобы мнѣ дали что-нибудь за мое посмѣшище. О какомъ богоугожденіи я могу думать въ такой жизни!

— Отчего же ты не оставишь эту жизнь и не начнешь вести лучшую?

— А, другъ любезный, я уже это пробовалъ.

— И что же?

— Не удается.

— Еще разъ попробуй.

— Нѣтъ, ужъ теперь и пробовать нечего.

— Отчего?

— Оттого, что я на сихъ дняхъ упустилъ такой случай для исправленія моей жизни, какого уже лучше и быть не можетъ.

— Почему ты знаешь? По-твоему не можетъ быть, а у Бога все возможно.

— Нѣтъ, ты про это со мною, пожалуйста, лучше не говори, потому что я даже и не хочу болѣе искушать Бога, если я не умѣю пользоваться Его милостями. Я себя самъ оставилъ безъ спасенія, и пусть такъ и будетъ.

— Такъ ты, значитъ, отчаянный?

— Нѣтъ, я не отчаянный, а только я беззаботный и веселый человѣкъ и разговаривать со мною о вѣрѣ... просто даже некстати.

Ермій покачалъ головой и говоритъ:

— Въ чемъ же, однако, состоитъ твоя вѣра, веселый, беззаботный человѣкъ?

— Я вѣрю, что я самъ изъ себя ничего хорошаго сдѣлать не сумѣю, а если создавшій меня Самъ что-нибудь лучшее изъ меня современемъ сдѣлаетъ, ну такъ это Его дѣло. Онъ всѣхъ удивить можетъ.

— А отчего же ты самъ о себѣ не заботишься?

— Некогда.

— Какъ это некогда?

— Да такъ, я живу въ суетѣ, а когда нарочито соберусь спасаться, то на меня нападетъ тоска, и вмѣсто хорошаго еще хуже выходитъ.

— Ты говоришь несообразное.

— Нѣтъ, это правда. Когда я размыслюсь, то отъ моего слабаго характера стану тревоженъ и опять самъ все разрушу и стану на свою скоморошью степень.

— Ну, такъ ты человѣкъ пропащій.

— Очень можетъ быть.

— И я думаю, что ты совсѣмъ не тотъ Памфалонъ, котораго мнѣ надобно.

— Я не могу тебѣ на это отвѣтить,—отвѣчалъ скоморохъ:—но только мнѣ кажется, что на этотъ часъ, когда я такъ счастливъ, что могу послужить твоей страннической нуждѣ, я теперь, пожалуй, какъ разъ тотъ Памфалонъ, который тебѣ нуженъ, а что тебѣ дальше нужно будетъ, о томъ завтра узнаемъ. Теперь же я умою твои ноги, и ты

покушай, что̀ у меня есть, и ложись спать, а я пойду скоморошить.

— Мнѣ нужно бесѣдъ твоихъ.

— Бесѣдъ!—опять воскликнулъ Памфалонъ.

— Да, мнѣ нужно бесѣдъ твоихъ, я для нихъ пришелъ и не отступлю отъ тебя.

Памфалонъ поглядѣлъ на старца, потрогалъ его за его синій хохолокъ и потомъ вдругъ расхохотался.

— Что̀ же это тебѣ, весельчакъ, такъ смѣшно въ словахъ моихъ?—спросилъ Ермій.

А Памфалонъ отвѣчалъ:

— Прости мнѣ мое безумство. Я это по привычкѣ шутить разсмѣялся. Ты хочешь не отступить отъ меня, а я подумалъ, что мнѣ, пожалуй, и хорошо бы взять тебя и поводить съ собою по городу. Мнѣ бы было выгодно водить тебя напоказъ по Дамаску,—на тебя бы всѣ глядѣть собирались; но мнѣ стыдно, что я такъ о тебѣ подумалъ, и пусть же и тебѣ будетъ стыдно надо мною смѣяться.

— Я ни надъ кѣмъ не смѣюсь, Памфалонъ.

— Такъ зачѣмъ же ты говоришь, что хочешь отъ меня бесѣдъ для своего наученія? Какія наученія могу дать я, дрянной скоморохъ, тебѣ, мужу, имѣвшему силу разсуждать о Богѣ и о людяхъ въ святомъ безмолвіи пустыни? Господь меня не лишилъ совсѣмъ святѣйшаго дара своего—разума, и я знаю разницу, какая есть между мною и тобою. Не оскорбляй же меня, старикъ, позволь мнѣ омыть твои ноги и почивай на моей постели.

— Хорошо,—сказалъ Ермій:—ты хозяинъ въ своемъ домѣ и дѣлай, что̀ хочешь.

Памфалонъ принесъ лахань свѣжей воды и, омывъ ноги гостя, подалъ ему ѣсть, а потомъ уложилъ въ постель и промолвилъ:

— Завтра будемъ говорить съ тобою. А теперь объ одномъ тебя прошу: не тревожься, если кто-нибудь изъ подгулявшихъ людей станетъ стучать ко мнѣ въ дверь или бросать что-нибудь въ стѣну. Это ничего другого не значитъ, какъ празднолюбцы зовутъ меня потѣшать ихъ.

— И ты встаешь и уходишь?

— Да, я иду во всякое время.

— И неужто ты входишь повсюду?

— Конечно, повсюду: я вѣдь скоморохъ и не могу разбирать мѣста.

— Бѣдный Памфалонъ!

— Какъ быть, мой отецъ! Мудрецы и философы моего мастерства не требуютъ, а требуютъ его праздполюбцы. Я хожу на площади, стою у ристалищъ, верчусь на пирахъ, бываю въ загородныхъ рощахъ, гдѣ гуляютъ молодые богачи, а больше все по ночамъ бываю въ домахъ у веселыхъ гетеръ...

При послѣднемъ словѣ Ермій едва не заплакалъ и еще жалостнѣе воскликнулъ:

— Бѣдный Памфалонъ!

— Что дѣлать,—отвѣчалъ скоморохъ:—я, дѣйствительно, очень бѣденъ. Я вѣдь сынъ грѣха и какъ во грѣхѣ зачатъ, такъ съ грѣшниками и выросъ. Ничему другому я, кромѣ скоморошества, не наученъ, а въ мірѣ долженъ былъ жить потому, что здѣсь жила во грѣхѣ зачавшая и родившая меня мать моя. Я не могъ снести, чтобы мать моя протянула къ чужому человѣку руку за хлѣбомъ, и кормилъ ее своимъ скоморошествомъ.

— А гдѣ же теперь твоя мать?

— Я вѣрю, что она у Бога. Она умерла на той же постели, гдѣ ты лежишь теперь.

— Тебя любятъ въ Дамаскѣ?

— Не знаю, что есть слово «любятъ», но меня, пожалуй, и любятъ, и кидаютъ мнѣ деньги за мои забавы и угощаютъ меня за своими столами. Я пью на чужой счетъ дорогое вино и плачу за него моими шутками.

— Ты пьешь вино?

— О, да, что я пью вино и люблю его пить, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Да безъ этого и нельзя для человѣка, который держится веселой компаніи.

— Кто же тебя пріучилъ къ этой компаніи?

— Случай, или, лучше тебѣ сказать, я не умѣю объяснить этого твоему благочестію. Мать моя въ молодости была весела и прекрасна. Отецъ мой былъ знатный человѣкъ. Онъ меня бросилъ, а другіе изъ степенныхъ людей никто меня не взяли, взялъ меня такой же, какъ я, скоморохъ, и много меня билъ и ломалъ, но, все-таки, спасибо ему—онъ меня выучилъ своему дѣлу, и теперь никто лучше меня не кинетъ вверхъ колецъ, чтобы они на лету со-

шлися; никто такъ не щелкаетъ языкомъ, не строитъ рожъ, не плещетъ руками и не мятушуетъ ногами, и не троститъ головой.

— И тебѣ это ремесло еще не омерзѣло?

— Нѣтъ, оно часто мнѣ не нравится, особенно когда я вижу, какъ проводятъ у гетеръ время вельможи, которымъ надо бы думать о счастьи народа, и когда въ веселые дома приводятъ цвѣтущую юность, но я въ этомъ воспитанъ, и этимъ однимъ только умѣю добывать себѣ хлѣбъ.

— Бѣдный, бѣдный Памфалонъ! Смотри, вотъ уже и голова твоя забѣлѣлась, а ты все до сей поры плещешь руками, и сѣменишь ногами, и тростишь головой у погибшихъ блудницъ. Ты самъ погибнешь съ ними.

А Памфалонъ отвѣчалъ:

— Не жалѣй меня, что я выкручиваю ногами и верчусь у гетеръ. Гетеры—грѣшницы, но бываютъ къ намъ, слабымъ людямъ, жалостливы. Когда ихъ гости упьются, онѣ сами ходятъ и сами для насъ отъ гулякъ собираютъ даянье, и даже порою съ излишкомъ и съ ласкою для насъ просятъ.

И замѣтивъ, что Ермій отвернулся, Памфалонъ тронулъ его ласково за плечо и молвилъ съ увѣтомъ:

— Вѣрь мнѣ, почтенный старикъ, что живое всегда живымъ остается, и у гетеръ часто бьется въ груди прекрасное сердце. А печально намъ быть на пирахъ у богатыхъ господъ. Вотъ тамъ часто встрѣчаются скверные люди; они горды, надменны и веселья хотятъ, а свободнаго смѣха и шутокъ не терпятъ. Тамъ требуютъ того, чего естество человѣческое стыдится, тамъ угрожаютъ удареніемъ и ранами, тамъ щипаютъ мою разноперую птицу, тамъ дуютъ и плюютъ въ носъ моей собакѣ Акрѣ. Тамъ ни во что вмѣняютъ всѣ обиды для низшихъ, и на утро... ходятъ молиться для вида.

— О горе! о горе!—прошепталъ Ермій:—вижу, что онъ даже совсѣмъ еще далекъ отъ того, чтобы понимать, въ чемъ погрязъ; но его умъ и его естество, можетъ-быть, добры... Потому я вѣрно для того къ нему и посланъ, чтобы вывесть его одаренную душу на иную путину.

И сказалъ онъ ему вдохновенно:

— Брось свое гадкое ремесло, Памфалонъ.

А тотъ ему спокойно отвѣтилъ:

— Очень бы радъ, да не могу.

— Произнеси глаголъ къ Богу, и Онъ тебѣ поможетъ.

Памфалонъ вздрогнулъ и упавшимъ голосомъ молвилъ:

— Глаголъ!.. зачѣмъ ты читаешь въ душѣ моей то, о чемъ я хочу позабыть!

— Ага! ты вѣрно уже давалъ обѣтъ, и опять его нарушилъ?

— Да, ты отгадалъ: я сдѣлалъ это дурное дѣло — я давалъ обѣтъ.

— Почему же ты называешь обѣтъ дурнымъ дѣломъ?

— Потому что христіанамъ запрещено клясться и обѣщаться, а я, какой ни есть, все же христіанинъ, и, однако, я давалъ обѣтъ и его нарушилъ. А теперь я знаю, что развѣ можетъ слабый человѣкъ давать обѣтъ Всемогущему, Который предуставилъ, чѣмъ ему быть, и мнетъ его, какъ горшечникъ мнетъ глину на кружалѣ? Да, знай, старичокъ, знай, что я имѣлъ возможность бросить скоморошество и не бросилъ.

— И почему же ты не бросилъ?

— Не могъ.

— Что у тебя за отвѣтъ: все ты «не могъ»! Почему ты и могъ, и не могъ?

— Да, и могъ, и не могъ, потому что... я небрежливъ,— я не могу о своей душѣ думать, когда есть кто-нибудь, кому надо помочь.

Старецъ приподнялся на ложѣ и, вперивъ глаза въ скомороха, воскликнулъ:

— Что ты сказалъ?! Ты ни во что считаешь погубить свою душу на безконечные вѣки вѣковъ, лишь бы сдѣлать что-нибудь въ сей быстрой жизни для другого! Да ты имѣешь ли понятіе о ярящемся пламени ада и о глубинѣ вѣчной ночи?

Скоморохъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Нѣтъ, я ничего не знаю объ этомъ. Да и какъ я могу знать о жизни мертвыхъ, когда я не знаю даже всего о живыхъ? А ты знаешь о тартарѣ, старецъ?

— Конечно!

— А между тѣмъ, я вижу, и ты не знаешь о многомъ, что есть на землѣ. Мнѣ это странно. Я тебѣ говорю, что я человѣкъ негодный, а ты мнѣ не вѣришь. А я не повѣрю тебѣ, что ты знаешь о мертвыхъ.

— Несчастный! да ты имѣешь ли даже понятіе о самомъ Божествѣ?

— Имѣю, только очень малыя понятія, но въ томъ не ожидаю себѣ великаго осужденія, потому что я вѣдь не выросъ въ благородной семьѣ, я не слушалъ уроковъ у схоластиковъ въ Византіи.

— Бога можно знать и служить Ему безъ науки схоластиковъ!

— Я съ тобою согласенъ и такъ всегда говорилъ въ умѣ съ Богомъ: Ты Творецъ, а я тварь—мнѣ Тебя не понять, Ты меня всунулъ для чего въ эту кожаную ризу и бросилъ сюда на землю трудиться, я и таскаюсь по землѣ, ползаю, тружусь. Хотѣлъ бы узнать: для чего это все такъ мудрено сотворено, да я не хочу быть какъ лѣнивый рабъ, чтобы о Тебѣ со всѣми пересуживать. Я буду Тебѣ просто покоренъ и не стану разузнавать, что̀ Ты думаешь, а просто возьму и исполню, что̀ Твой перстъ начерталъ въ моемъ сердцѣ! А если дурно сдѣлаю, — Ты прости, потому что вѣдь это Ты меня создалъ съ жалостнымъ сердцемъ. Я съ нимъ и живу.

— И ты на этомъ надѣешься оправдаться?

— Ахъ, я ни на что не надѣюсь, а я просто ничего не боюсь.

— Какъ! ты и Бога не боишься?!

Памфалонъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Право, не боюсь: я Его люблю.

— Лучше трепещи!

— Зачѣмъ? Ты развѣ трепещешь?

— Трепеталъ.

— И нынче усталъ?

— Я уже не тотъ, что былъ прежде когда-то.

— Навѣрно ты сдѣлался лучше?

— Не знаю.

— Это ты хорошо сказалъ. Знаетъ тотъ, кто со стороны смотритъ, а не тотъ, кто свое дѣло дѣлаетъ. Кто дѣлаетъ, тому на себя не видно.

— А ты себя когда-нибудь чувствовалъ хорошо?

Памфалонъ промолчалъ.

— Я умоляю тебя,—повторилъ Ермій:—скажи мнѣ, ты когда-нибудь чувствовалъ себя хорошо?

— Да,—отвѣчалъ скоморохъ:—я чувствовалъ.

— А когда это было?

— Представь, это было именно въ тотъ самый часъ, когда я себя отъ Него удалилъ...

— Боже! что̀ говоритъ этотъ безумецъ!

— Я говорю сущую правду.

— Но чѣмъ и какъ ты отдалилъ себя отъ Бога.

— Я это сдѣлалъ за единый вздохъ.

— Отвѣть же мнѣ, что̀ ты сдѣлалъ?

Памфалонъ хотѣлъ отвѣчать, что̀ съ нимъ было, но въ это самое мгновеніе цыновку, которою была завѣшана дверь, откинули двѣ молодыя смуглыя женскія руки въ запястьяхъ, и два звонкіе женскіе голоса сразу наперебой заговорили:

— Памфалонъ, смѣхотворный Памфалонъ! скорѣй поднимайся и иди съ нами. Мы бѣжали впотьмахъ бѣгомъ за тобою отъ нашей гетеры... Спѣши скорѣй, у насъ полонъ гротъ и аллеи богатыхъ гостей изъ Коринѳа. Бери съ собой кольца, и струны, и Акру, и птицу. Ты нынче въ ночь можешь много заработать за свое смѣхотворство и хоть немножко вернешь свою большую потерю.

Ермій взглянулъ на этихъ женщинъ, и ихъ лоснящаяся, теплая кожа, ихъ полурастворенные рты и замутившіеся глаза съ обращеннымъ въ пространство взоромъ, совершенное отсутствіе мысли на лицахъ и запахъ ихъ страстнаго тѣла ошибли его. Пустыннику показалось, что онъ слышитъ даже глухой рокотъ крови въ ихъ жилахъ, и въ отдаленіи топотъ копытъ и сопѣнье, и запахъ остраго пота Силена.

Ермій затрясся отъ страха, завернулся къ стѣнѣ и закрылъ свою голову рогожей.

А Памфалонъ тихо молвилъ, нагнувшись въ его сторону:

— Вотъ видишь, досугъ ли мнѣ размышлять о высокомъ! — и, сразу же перемѣнивъ тонъ на громкій и веселый, онъ отвѣчалъ женщинамъ:

— Сейчасъ, сейчасъ иду къ вамъ, мои нильскія змѣйки.

Памфалонъ свистнулъ свою Акру, взялъ шестъ, на которомъ въ обручѣ сидѣла его пестрая птица, и, захвативъ другіе свои скоморошьи снаряды, ушелъ, загасивъ лампу.

Ермій остался одинъ въ пустомъ жилищѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Ермій не скоро позабылся сномъ. Онъ долго размышлялъ,

какъ ему согласить въ своемъ понятіи то, для чего онъ шелъ сюда, съ тѣмъ, что здѣсь находитъ. Конечно, можно сразу видѣть, что скоморохъ человѣкъ добраго сердца, но все же онъ человѣкъ легкомысленный: онъ потѣхи множитъ, руками плещетъ, ногами танцуетъ и тростить головой, а оставить эти бѣсовскія потѣхи не желаетъ. Да и можетъ ли онъ сдѣлать это, такъ далеко затянувшись въ разгульную жизнь? Вотъ гдѣ онъ, напримѣръ, находится теперь, послѣ того, какъ ушелъ съ этими безстыжими женщинами, послѣ которыхъ еще стоитъ въ воздухѣ рокотанье ихъ крови и вѣянье страстнаго пота Силена?

Если таковы были посланницы, то какова же должна быть та, которой онѣ служатъ въ ея развращенномъ домѣ!..

Отшельникъ содрогнулся.

Для чего же было ему, послѣ тридцати лѣтъ стоянія, слѣзать со скалы, идти многіе дни съ страшной истомой, чтобы прійти и увидѣть въ Дамаскѣ... ту же темную скверну грѣха, отъ которой онъ бѣжалъ изъ Византіи? Нѣтъ, вѣрно не ангелъ Божій его сюда послалъ, а искусительный демонъ! Нечего больше и думать объ этомъ, надо сейчасъ же встать и бѣжать.

Тяжело было старцу подняться, — ноги его устали, путь далекъ, пустыня жарка и исполнена страховъ: но онъ не пощадилъ своего тѣла... онъ встаетъ, онъ бредетъ во тьмѣ по стогнамъ Дамаска, пробѣгаетъ ихъ: пѣсни, пьяный звонъ чашъ изъ домовъ и страстные вздохи нимфъ и самый Силенъ — все напротивъ его, какъ волны прибоя; но ногамъ его дана небывалая сила и бодрость. Онъ бѣжитъ, бѣжитъ, видитъ свою скалу, хватается за ея кремнистыя ребра, хочетъ влѣзть въ свою расщелину, но чья-то страшно могучая рука срываетъ его за ноги внизъ и ставитъ на землю, а незримый голосъ грозно говоритъ ему:

— Не отступай отъ Памфалона, проси его разсказать тебѣ, какъ онъ совершилъ дѣло своего спасенія.

И съ этимъ Ермія такъ дунуло вспять, что онъ едва не задохся отъ бури, и, открывъ глаза, видитъ день, и онъ опять въ жилищѣ Памфалона, и самъ скоморохъ тутъ лежитъ, упавъ на голомъ полу, и спитъ, а его песъ и разноперая птица дремлютъ...

Возлѣ изголовья Ермія стояли два сосуда изъ глины —

одинъ съ водою, другой съ молокомъ, и на свѣжихъ зеленыхъ листахъ мягкій козій сыръ и сочные фрукты.

Ничего этого съ вечера здѣсь не было...

Значитъ, пустынникъ спалъ крѣпко, а его усталый хозяинъ, когда возвратился, еще не прямо легъ спать, а прежде послужилъ своему гостю.

Скоморохъ поставилъ гостю все, что гдѣ-то досталъ, чтобы гость утромъ всталъ и могъ подкрѣпиться...

Ни сыру, ни плодовъ въ домѣ у Памфалона не было, а все это, очевидно, ему было дано тамъ, гдѣ онъ вертѣлся и тѣшилъ гулякъ у гетеры.

Онъ взялъ подачку отъ гетеры и принесъ это странпику.

«Чудакъ мой хозяинъ», — подумалъ Ермій и, вставъ съ постели, подошелъ къ Памфалону, взглянулъ въ лицо его и засмотрѣлся. Вчера вечеромъ онъ видѣлъ Памфалона при лампѣ и готоваго на скоморошество, съ завитою головою и съ лицомъ, разрисованнымъ красками, а теперь скоморохъ спалъ, смывъ съ себя скоморошье мазанье, и лицо у него было тихое и прекрасное. Ермію казалось, будто это совсѣмъ не человѣкъ, а ангелъ.

«Что же! — подумалъ Ермій: — можетъ-быть, я не обманутъ; можетъ-быть, не было надо мной искушенія, а это именно тотъ самый Памфалонъ, который совершеннѣе меня и у котораго мнѣ надо чему-то научиться. Боже! какъ это узнать? Какъ разрѣшить это сомнѣнье?»

И старикъ заплакалъ, опустился передъ скоморохомъ на колѣни и, обнявъ его голову, сталъ звать со слезами его по имени.

Памфалонъ проснулся и спросилъ:

— Что тебѣ угодно отъ меня, мой отецъ?

Но, увидѣвъ, что старецъ плачетъ, Памфалонъ встревожился, спѣшно всталъ и началъ говорить:

— Зачѣмъ я вижу слезы на старомъ лицѣ твоемъ? Не обидѣлъ ли тебя кто-нибудь?

А Ермій ему отвѣчаетъ:

— Никто меня не обидѣлъ, кромѣ тебя, потому что я пришелъ къ тебѣ изъ моей пустыни, чтобы узнать отъ тебя для себя полезное, а ты не хочешь сказать мнѣ, чѣмъ ты угождаешь Богу; не скрывайся и не мучь меня: я вижу, что живешь ты въ жизни суетной, но мнѣ о тебѣ явлено, что ты Богу любезенъ.

Памфалонъ задумался, и потомъ говоритъ:

— Повѣрь, старикъ, что въ моей жизни нѣтъ ничего такого, что̀ бы можно взять въ похвалу, а, напротивъ, все скверно.

— Да ты, можетъ-быть, самъ не знаешь?

— Ну, какъ не знать! Я знаю, что живу, какъ ты самъ видишь, въ суетѣ, и вдобавокъ еще имѣю такое дрянное сердце, которое даже не допускаетъ меня стать на лучшую степень.

— Ну, вотъ скажи мнѣ хоть объ этомъ: какой вредъ сдѣлало тебѣ твое сердце и какъ оно не допускаетъ тебя стать на иной степень? Какъ это было, что ты почувствовалъ себя хорошо, когда сдѣлалъ дурно?

— Ага! про это изволь, — отвѣчалъ Памфалонъ: — если ты такъ уже непремѣнно этого требуешь, то я тебѣ разскажу этотъ случай, но только ты послѣ моего разсказа навѣрно не захочешь ко мнѣ возвратиться. Возстанемъ же лучше и пойдемъ отсюда за городъ, въ поле: тамъ на свободѣ я разскажу тебѣ про то происшествіе, которое совсѣмъ меня отдалило отъ надежды исправленія.

— Пойдемъ, Бога ради, скорѣе, — отвѣчалъ Ермій, покрываясь своими ветхими лохмотьями.

Они оба вышли за городъ, сѣли надъ дикимъ, обрывистымъ рвомъ, у ногъ ихъ легла Акра, и Памфалонъ началъ сказывать.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

— Ни за что я не сталъ бы тебѣ разсказывать, — началъ Памфалонъ: — о чемъ ты меня просишь; но какъ ты непремѣнно хочешь считать меня за хорошаго человѣка, а мнѣ отъ этого стыдно, потому что я этого не стою, а стою одного лишь презрѣнья, то я разскажу. Я большой грѣшникъ и бражникъ, но, что̀ всего хуже еще, — я обманщикъ, и не простой обманщикъ, а я обманулъ Бога въ данномъ Ему обѣтѣ какъ разъ въ то самое время, когда получилъ невѣроятнымъ образомъ возможность обѣтъ свой исполнить. Слушай, пожалуйста, и суди меня строго. Я желаю въ твоемъ судѣ получить цѣлебную рану, какую заслужилъ себѣ въ наказаніе.

Нечистоту моей скоморошьей жизни ты видѣлъ и все дальнѣйшее посему понять можешь. Кругомъ я грязенъ и

скверенъ. Я тебѣ правду сказалъ, что разсуждать о божественномъ я не наученъ и по жизни моей мнѣ рѣдко когда это приходитъ на мысль; но ты прозорливъ, — бывали случаи, что и я о своей душѣ думалъ. Вертишься ночь бражникамъ на потѣху, а когда передъ утромъ домой возвращаешься и задумаешься: стóитъ ли этакъ жить? Грѣшишь для того, чтобъ пропитаться, а питаешься для того, чтобъ грѣшить. Все такъ и вертится. Но человѣкъ вѣдь, отче, лукавъ, и во всякомъ своемъ положеніи ищетъ себѣ смоковничьи листья, чтобы прикрыть свою срамоту. Таковъ же и я; и я себѣ не разъ думалъ: я въ грѣхѣ погрязъ отъ нужды, я что добуду, тѣмъ едва пропитаюсь; вотъ если бы у меня сразу случились такія деньги, чтобы я могъ купить хоть очень малое поле и работать на немъ, такъ тогда бы я сейчасъ же оставилъ свое скоморошье и сталъ бы жить какъ другіе степенные люди. Да не могъ я этого достичь, и не потому, чтобы никогда въ мои руки денегъ не попадало—нѣтъ, деньги бывали, а всегда что-нибудь такое случалось, что я не успѣю собрать сколько нужно, какъ уже все собранное и растрачу; случится кто-нибудь въ горѣ, и мнѣ его станетъ жаль, и я промотаюсь. Если бы мнѣ вразъ пришло въ руки много денегъ, тогда бы я навѣрно скоморошество оставилъ и перешелъ на степенность, а шить лоскутъ къ лоскуту я не умѣю. Зачѣмъ меня Богъ такъ устроилъ? Но если Онъ щедрой рукой когда-нибудь вразъ мнѣ поможетъ, — ну, тогда я воздержусь и стану жить хорошо, какъ прочіе благородные люди, которыхъ почитаютъ и монахи, и клирики, и всѣ ожидающіе себѣ царствія небеснаго.

И что же ты думаешь! точно какъ съ того будто слова случилось: вдругъ выпалъ мнѣ такой удивительный случай, о какомъ, казалось, невозможно было и думать. Слушай прилежно меня и суди меня строго.

Вотъ что было разъ въ моей жизни.

Былъ я позванъ однажды тѣшить гостей у одной здѣшней гетеры Азеллы. Она немолода, но ея красота долголѣтня, и Азелла всѣхъ здѣсь красивѣй, пышнѣй и умнѣе. Гостей было много, и все чужеземцы изъ Рима и хвастуны-богачи изъ Коринѳа. Всѣ упивались виномъ и меня безпрестанно заставляли играть имъ и пѣть. Другіе хотѣли, чтобы я смѣшилъ ихъ, и я всѣмъ угождалъ, какъ хотѣли.

А когда я уставалъ, они не желали этого знать и надо мною обидно смѣялись, толкали, насильно поили виномъ, въ которое сыпали непріятную подмѣсь; обливали меня и злили мою бѣдную Акру. Они дергали ее за ляжки и плевали ей въ носъ, а когда Акра рычала, они ее били и даже грозились убить; я все это сносилъ, лишь бы побольше отъ нихъ заработать, потому что, признаюсь тебѣ, мнѣ надобно было тогда отправить на родину одного калѣку-воина. Зато умная гетера Азелла, видя какъ меня обижали, обратила это все въ мою пользу: она раскрыла свою тунику и заставила всѣхъ кинуть мнѣ нѣсколько денегъ, гости же сиьяну набросали мнѣ много, а особенно одинъ горделивый и тучный Оръ коринѳянинъ, съ надутымъ брюхомъ, безъ шеи. Оръ громко сказалъ:

— Покажи мнѣ, Азелла, много ли золота всѣ положили въ твою тунику.

Она показала.

Оръ же взглянулъ и, скосивши лицо съ надменной усмѣшкой на римлянъ, добавилъ:

— Слушай меня, что̀ скажу я, Азелла: прогони сейчасъ отъ себя всѣхъ этихъ гостей и возьми за то у слуги моего вдесятеро противъ того, что они всѣ положили твоему скомороху.

Азелла сказала гостямъ:

— Мудрые люди: Фортуна спускается къ смертнымъ не часто, а къ Памфалону она еще во всю жизнь не сходила. Дайте ей мѣсто, а сами идите спокойно ко сну.

Недовольные гости ушли, а Азелла проводила меня послѣдняго и дала мнѣ такъ много денегъ, что я не могъ счесть ихъ, а утромъ, когда сталъ сосчитывать, насчиталъ двѣсти тридцать златницъ. Я и обрадовался, и вмѣстѣ съ тѣмъ испугался.

«Вотъ, — подумалъ я: — случай, послѣ котораго я уже не долженъ болѣе служить скоморошьимъ потѣхамъ. Это точно Богъ внялъ моему обѣщанью. Никогда еще у меня не бывало за разъ столько денегъ. Довольно же меня всѣмъ обижать и надо мной насмѣхаться. Теперь я не бѣдникъ. За эти деньги я вчера снесъ большія обиды, но зато впередъ этого больше не будетъ. Конецъ скоморошью! Я отыщу себѣ небольшое поле, съ ключомъ чистой воды и съ многолиственной пальмой. Куплю это поле и стану жить честно,

какъ всѣ люди, съ которыми не стыдятся вести знакомство ни клиръ, ни монахи».

И я предался разнороднымъ мечтаньямъ, сталъ любоваться собою, какъ я буду жить достойною жизнью: буду рано утромъ вставать, а не то что теперь,—только утромъ ложиться; не буду свистать, а стану пѣть псалмы; буду днемъ работать въ *своемъ* виноградникѣ, а вечеромъ сяду у *своего* ручья подъ *своей* пальмой и стану размышлять о *своей* душѣ да выглядывать путника. А покажется путникъ, я поднимусь и пойду ему навстрѣчу, приглашу его къ себѣ, приму его въ домъ, успокою, угощу и потомъ поведу съ нимъ въ тишинѣ подъ звѣзднымъ небомъ бесѣду о Богѣ. Перемѣнится совсѣмъ къ лучшему жизнь моя и не буду я скоморохомъ въ старости, когда оскудѣютъ мои силы. А чтобы рѣшеніе мое еще болѣе окрѣпло и слабость ко мнѣ ни отколь не подкралась, я завязалъ себѣ руки неразрывною цѣпью... Я сдѣлалъ то, о чемъ ты говорилъ, я поклялся съ этого раза стать совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Но послушай же, что̀ затѣмъ сталось и передъ чѣмъ я не устоялъ въ клятвѣ и обѣщаніи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Чтобы ничего не истратить, я не пошелъ отправлять домой убогаго воина, а зарылъ всѣ мои деньги въ землю у себя подъ изголовьемъ и утромъ не поднималъ моей цыновки. Я притворился больнымъ и не хотѣлъ ни одного раза больше идти на гульбу съ бражниками. Всѣмъ, кто приходилъ меня звать, я отвѣчалъ, что я боленъ и пойду за городъ въ горы подышать свѣжимъ воздухомъ и поискать на болѣзнь мою цѣлебную траву. А самъ пробрался потихоньку къ сводчику, къ жиду Капитону, который знаетъ все, гдѣ что продается, и просилъ его отыскать мнѣ хорошее поле съ водою и съ пальмовой тѣнью. Капитонъ-сводчикъ меня сразу обрадовалъ.

— Есть,—говоритъ:—у меня на виду какъ разъ то, что̀ тебѣ нужно.

И описалъ мнѣ продажное поле такъ хорошо, какъ я самъ не умѣлъ о немъ и подумать. Есть тамъ и ключъ, и пальма, да еще и бальзамный кустъ, отъ котораго струитъ ароматомъ на цѣлое поприще.

— Иди,—говорю:—и купи мнѣ скорѣй это поле.

Жидъ обѣщалъ все устроить.

«Вотъ,—думалъ я:—теперь уже совсѣмъ наступаетъ конецъ моей безпорядочной жизни, теперь я брошу всѣ мои крики и свисты, сниму всѣ смѣшные наряды, надѣну на себя степенный левитонъ, покрою голову платомъ и буду работать день на полѣ, а вечеромъ стану сидѣть у своей кущи и подражать гостепріимству Авраама».

Но не скрою отъ себя, — во все это время я ощущалъ безпокойство. Все мнѣ казалось, что ничего того, что̀ я затѣялъ, не будетъ.

На обратномъ пути отъ Капитона объялъ меня страхъ: не узналъ ли кто, что я получилъ деньги отъ гордаго коринѳянина, и не пришелъ ли безъ меня и не укралъ ли моихъ денегъ изъ того мѣста, гдѣ я ихъ зарылъ у себя подъ постелью?.. Побѣжалъ я домой шибко, въ тревогѣ, какой ранѣе никогда еще не зналъ, а прибѣжавъ, сейчасъ же прилегъ на землю, раскопалъ свою похоронку и пересчиталъ деньги: всѣ двѣсти тридцать златницъ, которыя бросилъ мнѣ гордый Оръ коринѳянинъ, были цѣлы, и я взялъ и опять ихъ зарылъ и самъ легъ на нихъ какъ собака.

И хочешь ли знать, кого я боялся? Мнѣ страшно было не однихъ тѣхъ воровъ, что ходятъ и крадутъ, а я боялся и того вора, что жилъ вѣчно со мной въ моемъ сердцѣ. Я не хотѣлъ знать ни о чьемъ несчастьи, чтобы оно не лишило меня той твердости, которая нужна человѣку, желающему исправить путь своей собственной жизни, не обращая вниманія на то, что̀ гдѣ-нибудь дѣлается съ другими. Я не виноватъ въ ихъ несчастіяхъ.

А такъ какъ я, ходя къ Капитону и возвращаясь назадъ, изрядно усталъ, то меня одолѣлъ сонъ, но и сонъ этотъ былъ тоже исполненъ тревоги: то я видѣлъ, что давно уже купилъ себѣ сказанное Капитономъ поле и живу уже въ свѣтломъ домѣ и близко меня журчитъ родникъ свѣжей воды, и бальзамный кустъ мнѣ точитъ ароматъ, и вѣтвистая пальма меня отѣняетъ. То во всей этой красотѣ все что-то портитъ: въ родникѣ я вижу бездну пiявицъ, вокругъ пальмы прыгаютъ огромныя жабы, а подъ самымъ бальзамнымъ кустомъ извивается аспидъ. Увидавъ аспида, я такъ испугался, что даже проснулся, и сейчасъ подумалъ: цѣлы ли мои деньги? Онѣ были цѣлы—я лежалъ на

нихъ, и никто ихъ не могъ взять безъ насилія. И вотъ мнѣ пришла мысль, что богатство, которое мнѣ бросилъ Оръ у Азеллы, вѣроятно, не осталось до сихъ поръ тайной въ Дамаскѣ. Не съ тѣмъ кинулъ мнѣ деньги на пиру у гетеры гордый коринѳянинъ Оръ, чтобы это оставалось въ тайнѣ. Онъ, конечно, для того только это и сдѣлалъ, чтобы всѣ завидовали его богатству и распускали молву, которая лестна для его гордости. И вотъ теперь люди узнаютъ, что у меня есть деньги, и придутъ ко мнѣ ночью и меня ограбятъ, и изобьютъ, а если я стану имъ сопротивляться, то они совсѣмъ убьютъ меня.

А какъ у меня цыновка была опущена, то въ горницѣ стало нестерпимо душно, и я подошелъ приподнять цыновку и вижу, что по улицѣ идутъ два малолѣтнихъ мальчика съ корзинами, полными хлѣба, а передъ ними оселъ, который тоже нагруженъ такими же корзинами съ хлѣбомъ. Мальчики погоняютъ осла и разговариваютъ между собою... обо мнѣ!

— Вотъ,—говоритъ одинъ:—нашъ Памфалонъ нынче уже и цыновки своей не открываетъ.

— Да зачѣмъ ему теперь открывать ее,—отвѣчаетъ другой:—ему больше не нужно кривляться: онъ богачъ—можетъ спать сколько захочетъ. Ты вѣдь, я думаю, слышалъ, что̀ разсказывали всѣ, которые приходили сегодня къ намъ въ пекарню за хлѣбомъ.

— Какъ же, какъ же, я даже такъ заслушался, что хозяинъ далъ мнѣ за это во всю ладонь подзатыльникъ. Какой-то гордецъ изъ Коринѳа, чтобы унизить нашихъ дамасскихъ богачей, бросилъ Памфалону у гетеры Азеллы десять тысячъ златницъ. Онъ теперь купитъ домъ и сады, и невольницъ, и будетъ лежать у фонтана.

— Не десять, а двадцать тысячъ златницъ,—поправилъ другой:—и притомъ деньги эти были еще въ ящикѣ, осыпанномъ перлами. Онъ купитъ навѣрное поле съ чертогомъ, поставитъ вокругъ себя самыхъ красивыхъ мальчиковъ съ опахалами и станетъ сбирать разныхъ ученыхъ и заставлять ихъ разсуждать на разныхъ языкахъ о Святомъ Духѣ.

Изъ этого разговора мальчиковъ, развозившихъ хлѣбъ изъ пекарни, я узналъ, что случай моего неожиданнаго обогащенія уже извѣстенъ всему Дамаску, а притомъ и са-

пая сумма, которою я обладалъ по прихоти горделиваго Ора, была болѣе чѣмъ въ десять разъ преувеличена.

Да и кто могъ навѣрно знать, что сумма, брошенная мнѣ гордецомъ Оромъ, заключалась менѣе чѣмъ въ трехстахъ литрахъ, а совсѣмъ не въ двадцати тысячахъ златницъ? Конечно, это зналъ только одинъ я, потому что и самъ Оръ, безъ сомнѣнія, не считалъ того, что онъ мнѣ кинулъ.

Но и это было еще маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ закончили свой разговоръ проходившіе мальчики. Одинъ изъ нихъ продолжалъ, будто всѣхъ очень занимаетъ, куда я спряталъ теперь такое богатство, какъ двадцать тысячъ златницъ. Особенно же этимъ будто интересовался флейтщикъ Аммунъ, отчаянный головорѣзъ, который прежде былъ воиномъ въ двухъ взаимно враждовавшихъ арміяхъ, потомъ разбойникомъ, убивавшимъ богомольцевъ, а послѣ еще монахомъ въ Нитрійской пустынѣ и, наконецъ, явился сюда къ намъ въ Дамаскъ съ флейтою и черной блудницей, завернутой въ милоть нитрійскаго брата. Брата онъ, вѣрно, убилъ, а блудницу продалъ въ веселый домъ нагишомъ, а милотью обтиралъ долго пыль и грязь съ ногъ гулякъ, подходящихъ вечерами къ порогамъ гетеръ. Онъ также часто игралъ на своей флейтѣ при моихъ представленіяхъ, но еще чаще гетеры отгоняли его. Аммунъ самъ былъ виноватъ, потому что онъ безъ стыда началъ румянить себѣ щеки и наводить брови, какъ особа обоего пола. Этимъ онъ сдѣлался мерзокъ для женщинъ, какъ ихъ соперникъ. Меня Аммунъ страшно ненавидѣлъ. Я даже зналъ, что онъ уже нѣсколько разъ научалъ пьяныхъ людей напасть на меня ночью и сдѣлать мнѣ вредъ.

Теперь желанье сдѣлать мнѣ вредъ въ Аммунѣ, конечно, должно было усилиться, а его старинные разбойничьи навыки могли помочь ему привести задуманное имъ злодѣйство въ исполненіе. У него уже было золото, и онъ бралъ себѣ людей въ кабалу и заставлялъ ихъ дѣлать, что скажетъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Мысль объ опасности, угрожающей мнѣ отъ Аммуна, пролетѣла въ моей головѣ, какъ молнія, и такъ овладѣла мною, что даже помѣшала мнѣ отнять рогожу отъ окна и воро-

тить прошедшихъ мимо мальчиковъ, у которыхъ мнѣ надо было купить для себя свѣжихъ хлѣбовъ.

Скача и вертясь за то, что мнѣ кинутъ, я всегда былъ сытъ и даже очень нерѣдко подкрѣплялъ себя вволю виномъ, а теперь, когда у меня было золото, я впервые провелъ весь день и безъ пищи, и безъ глотка вина, а притомъ еще и въ тревогѣ, которая возрастала такъ же быстро, какъ быстро сгущаются наши сумерки, переходящія въ темную ночь.

Мнѣ было не до пищи: я страшился за цѣлость моего богатства и за мою жизнь. Флейтщикъ Аммунъ такъ и стоялъ съ своими кабальными передъ глазами напуганной души моей. Я думалъ, это непремѣнно такъ и есть: вотъ онъ днемъ обѣгалъ уже всѣхъ подобныхъ ему, согласныхъ на злодѣйства, и теперь, при наступающей темнотѣ, всѣ они собрались въ какой-нибудь пещерѣ или корчемницѣ, а какъ совсѣмъ стемнѣетъ, они придутъ сюда, чтобы взять отъ меня двадцать тысячъ златницъ. Когда же они не найдутъ у меня столько, сколько думаютъ, то они не повѣрятъ, что корнюоянинъ Оръ не дарилъ мнѣ такой суммы, и станутъ меня жечь и пытать.

И тутъ вдругъ я, къ ужасу своему, вспомнилъ, что я никогда какъ слѣдуетъ не заботился о крѣпости запоровъ для своего бѣднаго жилища... Я закрывалъ его на время моего отсутствія болѣе только для вида, а ночью часто спалъ, даже совсѣмъ не положивъ болтовъ ни на двери мои, ни на окна.

Теперь это не годилось, и какъ время уже совсѣмъ приблизилось къ ночи, то надо было поспѣшить все пересмотрѣть, и что можно поскорѣе приладить, чтобы не такъ легко было ко мнѣ ворваться.

Я придумалъ, какъ можно подпереть изнутри мою дверь; но только-что сталъ это подстраивать, какъ вдругъ неожиданно, передъ самыми глазами моими, моя цыновка распахнулась и ко мнѣ не взошелъ, а точно чужою сильною рукою былъ вброшенъ весь закутанный человѣкъ. Онъ, какъ впалъ ко мнѣ, такъ обвилъ мою шею и замеръ, простонавъ отчаяннымъ голосомъ:

— Спаси меня, Памфалонъ!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Съ тѣми мыслями, какихъ я былъ полонъ въ эту минуту и чего въ тревогѣ опасался отъ Аммуна, я прежде всего заподозрѣлъ, что это начинается его дѣло, затѣянное съ какою-нибудь хитростію, въ которыхъ разбойничій умъ Аммуна былъ очень искусенъ.

Я уже ждалъ боли, которую долженъ былъ ощутить отъ погруженія въ мою грудь остраго ножа рукою впавшаго ко мнѣ гостя, и, охраняя жизнь свою, съ такою силою оттолкнулъ отъ себя этого незнакомца, что онъ отлетѣлъ отъ меня къ стѣнѣ и, споткнувшись на обрубокъ, упалъ въ уголъ. А я тотчасъ же сообразилъ, что мнѣ легче будетъ управиться съ однимъ человѣкомъ, который притомъ показался мнѣ слабымъ, чѣмъ съ нѣсколькими за нимъ слѣдующими, и потому я поскорѣе примкнулъ заставицу и задвинулъ крѣпкій засовъ, а потомъ взялъ въ руки сѣкиру и сталъ прислушиваться. Я твердо рѣшился ударить сѣкирою всякаго, кто бы ни показался въ мое жилище, а въ то же время не сводилъ глазъ съ того пришельца, котораго отшвырнулъ отъ себя въ уголъ.

Онъ сталъ мнѣ казаться страненъ тѣмъ, что неподвижно лежалъ въ углу, куда упалъ, и занималъ такъ мало мѣста, какъ ребенокъ, а въ то же время онъ совсѣмъ не обнаруживалъ ничего противъ меня ухищреннаго, а напротивъ, былъ будто заодно со мною. Онъ зорко слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ и, учащенно дыша, шепталъ:

— Запрись!.. скорѣй запрись!.. скорѣй запрись, Памфалонъ!

Меня это удивило, и я сурово сказалъ:

— Хорошо, я запрусь, но тебѣ что̀ отъ меня нужно?

— Подай мнѣ поскорѣе твою руку, дай мнѣ испить и посади меня у твоей лампы. Тогда я скажу тебѣ, что̀ мнѣ нужно.

— Хорошо,—отвѣчалъ я:—каковы бы ни были твои замыслы, но вотъ тебѣ моя рука и вотъ чаша воды и мѣсто у моей лампы.

Съ этимъ я протянулъ гостю руку, и передо мною вспорхнуло легкое дѣтское тѣло.

— Ты не мужчина, а женщина!—вскричалъ я.

А гость мой, говорившій до сей поры шопотомъ, отвѣчаетъ мнѣ женскимъ голосомъ:

— Да, Памфалонъ, я женщина,—и съ этимъ она распахнула на себѣ темную епанчу, въ которую была завернута, и я увидалъ молодую, прекрасную женщину, съ лицомъ, которое мнѣ было знакомо. На немъ вмѣстѣ съ красотою отражалось ужасное горе. Голова ея была покрыта дробнымъ плетеніемъ волосъ и тѣло умащено сильнымъ запахомъ амбры, но она не имѣла безстыдства, хотя говорила ужасныя вещи.

— Посмотри, хороша или нѣтъ я?—спросила она, отѣняясь одною рукою отъ лампы.

— Да,—отвѣчалъ я:—ты безспорно красива, и тебѣ лучше не терять своего времени со мною. Что̀ тебѣ нужно?

А она говоритъ:

— Ты не узналъ меня вѣрно. Я Магна, дочь Птоломея съ Альбиной. Купи меня, купи, Памфалонъ-скоморохъ, дочь Птоломея—у тебя теперь много богатства, а Магнѣ золото нужно, чтобъ спасти мужа и избавить дѣтей изъ неволи.

И, орошая щеки слезами, Магна стала торопливой рукой разрѣшать на себѣ поясъ туники.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Старикъ! я видалъ много людей, но такой странной гостьи у меня еще никогда не случалось... Она и продавала себя, и страдала, и все это вмѣстѣ меня какъ будто сдавило за сердце.

Имя *Магна* принадлежало самой прекрасной, именитой и несчастной женщинѣ въ Дамаскѣ. Я зналъ ее еще въ дѣтствѣ, но не видалъ ее съ тѣхъ поръ, какъ Магна удалилась отъ насъ съ византійцемъ Руфиномъ, за которого вышла замужъ по волѣ своего отца и своей матери, гордой Альбины.

— Остановись!—вскричалъ я:—я тебя узнаю: ты въ самомъ дѣлѣ благородная Магна, дочь Птоломея, въ садахъ котораго я съ позволенія твоего отца не разъ забавлялъ тебя въ дѣтствѣ моими играми и получалъ изъ твоихъ ласковыхъ рукъ монеты и пшеничный хлѣбъ, изюмъ и гранатовыя яблоки! Говори мнѣ скорѣе, что̀ съ тобой сдѣлалось, гдѣ твой супругъ, роскошный богачъ-византіецъ Руфинъ, котораго ты такъ любила? Неужто его поглотили волны моря, или молодую жизнь его пресѣкъ мечъ переплывшаго Понтъ скиоскаго варвара? Гдѣ же твоя семья, гдѣ твои дѣти?

Магна, потупясь, молчала.

— Скажи же, по крайней мѣрѣ, когда ты явилась въ Дамаскъ и зачѣмъ ты не у своихъ здѣшнихъ родныхъ или не у прежнихъ богатыхъ подругъ—у умной Фотины, у ученой Таоры или у цѣломудренной Сильвіи-дѣвы? Зачѣмъ быстрыя ноги твои принесли тебя къ бѣдному жилищу безславнаго скомороха, надъ которымъ ты сейчасъ такъ жестоко посмѣялась, сдѣлавъ мнѣ въ шутку такое нестаточное предложеніе?

Но Магна грустно покачала головою и проговорила въ отвѣтъ:

— Ты, Памфалонъ, не знаешь всѣхъ моихъ ужасныхъ несчастій! Я не смѣюсь: я пришла продать себя не для шутки. Мужъ мой и дѣти!.. Мужъ мой и дѣти мои всѣ въ неволѣ. Мое горе ужасно!

— Ну, такъ скорѣе скажи мнѣ, что̀ это за горе, и если я могу тебѣ пособить, я все съ радостью тотчасъ исполню.

— Хорошо, я все скажу тебѣ,—отвѣчала Магна.

И тутъ-то, пустынникъ, постигло меня то искушеніе, за которымъ я позабылъ и обѣтъ мой, и клятву, и самую вѣчную жизнь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Я зналъ Магну съ раннихъ дней ея юности. Я не былъ въ домѣ ея отца, а былъ только въ саду, какъ скоморохъ, когда меня звали, чтобы потѣшить ребенка. Гостей вхожихъ къ нимъ было мало, потому что великолѣпный Птоломей держалъ себя гордо и съ людьми нестрогой жизни не знался. Въ его домѣ не было такихъ сборищъ, при которыхъ былъ нуженъ скоморохъ, а тамъ собирались ученые богословы и изрекали о разныхъ высокихъ предметахъ и о самомъ Святомъ Духѣ. Жена Птоломея, Альбина, мать красавицы Магны, была подъ-стать своему мужу. Всѣ самыя пышныя жены Дамаска не любили ея, но всѣ признавали ея непорочность. Вѣрность Альбины для всѣхъ могла быть урокомъ. Превосходная Магна уродилась въ мать, на которую походила и прекраснымъ лицомъ, но молодость ея заставляла ее быть милосердной. Прекрасный садъ ея отца, Птоломея, примыкалъ къ большому рву, за которымъ начиналось широкое поле. Мнѣ часто приходилось проходить этимъ полемъ, чтобы миновать дальній обходъ къ загородному дому гетеры

Азеллы. Я всегда шелъ съ моей скоморошьею ношей и съ этой самой собакою. Акра тогда была молода и не знала всего. что̀ должна знать скоморошья собака.

Выходя въ поле, я останавливался на полпути, какъ разъ противъ садовъ Птоломея, чтобы отдохнуть, съѣсть мою ячменную лепешку и поучить мою Акру. Я обыкновенно садился надъ обрывомъ оврага, ѣлъ, и заставлялъ Акру повторять на широкомъ просторѣ уроки, которые давалъ ей у себя, въ моемъ тѣсномъ жилищѣ. Среди этихъ занятій я и увидалъ одинъ разъ прекрасное лицо взрослой Магны. Закрывшись вѣтвями, она любопытно смотрѣла изъ зелени на веселыя штуки, которыя продѣлывала моя Акра. Я это примѣтилъ и, не давая Магнѣ замѣтить, что я ее вижу, хотѣлъ доставить ей представленіями моего пса болѣе удовольствія, чѣмъ Акра могла показать по тогдашней своей выучкѣ. Чтобы побудить собаку къ проворству, я нѣсколько разъ хлеснулъ ее ремнемъ, но въ ту самую минуту, когда собака взвизгнула, я замѣтилъ, что зелень, скрывавшая Магну, всколыхнулась и прекрасное лицо дѣвушки исчезло...

Это привело меня въ такое озлобленіе, что я еще ударилъ Акру два раза, и когда она подняла жалобный визгъ, то изъ-за ограды сада до меня донеслись слова:

— Жестокій человѣкъ! за что ты мучишь это бѣдное животное! для чего ты принуждаешь собаку дѣлать то, что̀ несвойственно ея природѣ!

Я оборотился и увидалъ Магну, которая вышла изъ своего древеснаго закрытія, и, стоя по перси надъ низкой, заросшей листами оградой, говорила мнѣ съ лицомъ, пылающимъ гнѣвомъ.

— Не осуждай меня, юная госпожа,—отвѣчалъ я:—я не жестокій человѣкъ, а выучка этого пса относится къ моему ремеслу, которымъ мы съ нимъ оба питаемся.

— Презрѣнно твое ремесло, которое нужно только презрѣннымъ празднолюбцамъ,—отвѣтила мнѣ Магна.

— О, госпожа!—отвѣчалъ я:—всякій питается тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ добыть себѣ пищу, и хорошо, если онъ живетъ не на счетъ другого и не дѣлаетъ несчастія ближнихъ.

— Это не идетъ къ тебѣ, ты развращаешь своихъ ближнихъ,—молвила Магна, и въ глазахъ ея я могъ видѣть ту же строгость, которою отличался всегда взоръ ея матери.

— Нѣтъ, юная госпожа,—отвѣчалъ я:—ты судишь строго и говоришь такъ потому, что мало сама испытала. Я простолюдинъ и не могу развращать людей высшаго званія.

И я повернулся и хотѣлъ уходить, какъ она остановила меня однимъ звукомъ и сказала:

— Не идетъ тебѣ разсуждать о людяхъ высокаго званія. Лучше вотъ... лови мой кошелекъ: я бросаю это тебѣ, чтобы ты далъ вволю пищи твоей жалкой собакѣ.

Съ этимъ она бросила шелковый мѣшочекъ, который не долетѣлъ на мою сторону, а я потянулся, чтобы его подхватить, и, оборвавшись, упалъ на дно оврага.

Въ этомъ паденіи я страшно расшибся.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Въ бѣдствіи моемъ мнѣ было утѣшеніемъ, что во всѣ десять дней, которые я провелъ въ малой пещеркѣ на днѣ оврага, ко мнѣ всякій день спускалась благородная Магна. Она приносила мнѣ столько роскошной пищи, что ея съ излишкомъ доставало для меня и для Акры, а Магна сама, своими дѣвственными руками, смачивала у ручья платъ, который прилагала къ моему больному плечу, стараясь унять въ немъ несносный жаръ отъ ушиба. При этомъ мы съ ней вели отрадные для меня разговоры, и я наслаждался какъ чистотой ея сердца, такъ и яснымъ свѣтомъ разсудка. Одно мнѣ въ ней было досадно, что она не снисходила ничьимъ слабостямъ и слишкомъ на себя во всемъ полагалась.

— Отчего,—говорила она:—всѣ не живутъ, какъ живетъ моя мать и мои подруги Таора, Фотина и Сильвія, которыхъ вся жизнь чиста какъ кристаллъ.

И я видѣлъ, что она ихъ весьма уважала и во всемъ хотѣла имъ слѣдовать. Несмотря на свою молодость, она и меня хотѣла исправить и оторвать отъ моей жизни, а когда я не рѣшался ей этого обѣщать, то она сердилась.

Я же ей говорилъ то, что и есть въ самомъ дѣлѣ.

— Развѣ ты не знаешь,—говорилъ я:—что нуженъ сосудъ въ честь и нуженъ сосудъ въ поношеніе? Живи ты для чести, а я опредѣленъ жить для поношенія, и какъ глина, я не спорю съ моимъ горшечникомъ. Жизнь меня заставила быть скоморохомъ, и я иду своею дорогой, какъ быкъ на веревкѣ.

Магна не умѣла понять простыхъ словъ моихъ и все относила къ привычкѣ.

— Сказано мудрымъ, — отвѣчала она: — что привычка приходитъ какъ странникъ, остается какъ гость и потомъ сама становится хозяиномъ. Деготь, побывавъ въ чистой бочкѣ, дѣлаетъ ее ни къ чему больше негодною, какъ опять же для дегтя.

Не трудно мнѣ было понять, что она становится нетерпѣлива, и я въ глазахъ ея—теперь все равно, что дегтярная бочка, и я умолкалъ и сожалѣлъ, что не могу уйти скорѣй изъ оврага. Тяжело стало мнѣ отъ ея сомнѣнья, да и сама она стала заботиться, какъ меня вынуть изъ рва и доставить въ мое жилище.

Сдѣлать это было трудно, потому что самъ я идти не могъ, а дѣвушка была слишкомъ слаба, чтобы помочь мнѣ въ этомъ. Дома же она не смѣла признаться своимъ гордымъ родителямъ въ томъ, что говорила съ человѣкомъ моего презрѣннаго званія.

И какъ одинъ проступокъ часто влечетъ человѣка къ другому, такъ же случилось и здѣсь съ достойною Магной. Для того, чтобы помочь мнѣ, презрѣнному скомороху, который не стоилъ ея вниманія по своему недостоинству, она нашла себя вынужденной довѣриться еще нѣкоторому юношѣ по имени Магистріану.

Магистріанъ былъ молодой живописецъ, который прекрасно расписывалъ стѣны роскошныхъ домовъ. Онъ шелъ однажды съ своими кистями къ той же гетерѣ Азеллѣ, которая велѣла ему изобразить на стѣнахъ новой бесѣдки, въ ея саду, пиръ сатировъ и нимфъ, и когда Магистріанъ проходилъ полемъ близъ того мѣста, гдѣ лежалъ я во рву, моя Акра узнала его и стала жалостно выть.

Магистріанъ остановился, но, подумавъ, что на днѣ рва, вѣроятно, лежитъ кто-нибудь убитый, хотѣлъ поскорѣй удалиться. Безъ сомнѣнія, онъ и ушелъ бы, если бы наблюдавшая все это Магна его не остановила.

Магна увлеклась состраданіемъ ко мнѣ, раскрыла густую зелень листвы и сказала:

— Прохожій! не удаляйся, не оказавъ помощи ближнему. Здѣсь на днѣ рва лежитъ человѣкъ, который упалъ и расшибся. Я не могу пособить ему выйти, но ты сильный мужчина, и ты можешь оказать ему эту помощь.

Магистріанъ тотчасъ спустился въ ровъ, осмотрѣлъ меня и побѣжалъ въ городъ за носильщиками, чтобы перенести меня въ мое жилище.

Вскорѣ онъ все это исполнилъ и, оставшись со мною наединѣ, сталъ меня спрашивать, какъ это со мною случилось, что я упалъ въ ровъ и расшибся, и какъ я могъ жить двѣ недѣли безъ пищи?

А какъ мы съ Магистріаномъ были давно знакомы и дружны, то я не хотѣлъ ему говорить что-нибудь выдуманное, а разсказалъ чистую правду, какъ было.

И едва я дошелъ до того, какъ питала меня Магна, и какъ она своими руками смачивала въ водѣ платъ и прикладывала его къ моему расшибленному плечу, юный Магистріанъ весь озарился въ лицѣ и воскликнулъ въ восторгѣ:

— О, Памфалонъ! сколь ты счастливъ и какъ мнѣ завиденъ твой жребій! Я бы охотно позволилъ себѣ изломать мои руки и ноги, лишь бы видѣть возлѣ себя эту нимфу, эту великодушную Магну.

Я сейчасъ же уразумѣлъ, что сердце художника поразило сильное чувство, которое зовется любовью, и я поспѣшилъ его образумить.

— Ты малодушникъ,— сказалъ я. — Дочь Птоломея прекрасна, объ этомъ ни слова, но здоровье для всякаго человѣка есть самое высшее благо, а притомъ Птоломей такъ суровъ, а мать Магны, Альбина, такъ надменна, что если душа твоя чувствуетъ пламень красотъ этой дѣвушки, то изъ этого ничего для тебя хорошаго выйти не можетъ.

Магистріанъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ:

— Чему жъ еще надобно выйти! Развѣ мнѣ не довольно, что она меня вдохновляетъ.

И онъ ею продолжалъ вдохновляться.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Когда я оправился и пришелъ въ первый вечеръ къ Азеллѣ, Магистріанъ повелъ меня показать картины, которыя онъ написалъ на стѣнахъ въ бесѣдкѣ гетеры. Обширное зданіе бесѣдки было раздѣлено на «часы», изъ которыхъ слагается каждый день жизнь человѣка. Всякое отдѣленіе назначалось къ тому, чтобы приносить въ свой часъ свои радости жизни. Вся бесѣдка въ цѣломъ была посвящена Сатурну, изображеніе котораго и блестѣло подъ куполомъ. У главнаго круга было

два крыла въ честь Горъ, дочерей Юпитера и Өемиды, а эти отдѣленія еще раздѣлялись: тутъ были покои Ауге, откуда виднѣлась заря; Анатоло, откуда былъ виденъ восходъ солнца; Музія, гдѣ можно было заниматься науками; Нимфея, гдѣ купались; Спондея, гдѣ обливались; Киприда, гдѣ вкушали удовольствія, и Элетія, гдѣ молились... И вотъ здѣсь-то, въ одномъ отдаленномъ уголкѣ, который назначался для уединенныхъ мечтаній, живописецъ изобразилъ легкою кистью благочестивое сновидѣніе... Нарисованъ былъ пиръ; нарядныя и роскошныя женщины, которыхъ я всѣхъ могъ бы назвать поименно. Это все были наши гетеры. Онѣ возлежали съ гостями, въ цвѣтахъ, за пышнымъ столомъ, а нѣкто юный спалъ, уткнувшись лицомъ въ корзину съ цвѣтами. Лицо его не было видно, но я по его тогѣ узналъ, что это былъ самъ художникъ Магистріанъ. А надъ нимъ виднѣлася травля: львы въ циркѣ неслися на юную дѣвушку... а та твердо стояла и шептала молитвы. Она была Магна.

Я его потрепалъ по плечу и сказалъ:

— Хорошо!.. ты ее написалъ очень схоже; но почему ты полагаешь, что ей звѣри не страшны? Я знаю ихъ родъ: Птоломей и Альбина извѣстны своимъ благородствомъ и гордостію тоже, но вѣдь рокъ ихъ щадилъ, и ихъ дочери тоже до сихъ поръ не касалось никакое испытаніе.

— Что же изъ этого?

— А то, что прекрасная Магна никакихъ бѣдствій жизни не знаетъ, и я не понимаю, почему ты отмѣтилъ въ ней такую черту, какъ безстрашіе и стойкость передъ яростью звѣря? Если это иносказаніе, то жизнь вѣдь гораздо страшнѣе всякаго звѣря и можетъ заставить сробѣть кого хочешь.

— *Только* не Магну!

— Ахъ, я думаю *даже* и Магну!

Я говорилъ такъ для того, чтобы онъ излишне не увлекался Магной; но онъ перебилъ меня и прошепталъ мнѣ:

— Меня звали дѣлать ширмы для ея дѣвственной спальни, и пока я чертилъ моимъ углемъ, я съ ней говорилъ. Она меня спросила о тебѣ...

Живописецъ остановился.

— Она сожалѣетъ, что ты занимаешься такимъ ремесломъ, какъ скоморошество! Я ей сказалъ: «Госпожа! не всякій въ своей жизни такъ счастливъ, чтобы проводить

жизнь своею по избранію. Неодолима судьба: она можетъ заставить смертнаго напиться изъ самаго мутнаго источника, гдѣ и піявки, и аспидъ на днѣ». Она пренебрежительно улыбнулась.

— Улыбнулась?—спросилъ я...—Узнаю въ этомъ дочь Птоломея и гордой Альбины. Мнѣ, знаешь ли... мнѣ больше понравилось бы, если бы она промолчала, а еще лучше—съ состраданіемъ тихо вздохнула бъ.

— Да,—произнесъ Магистріанъ:—но она также сказала: «Смерть лучше безславія», и я вѣрю, что она на это способна.

— Ты скоро судишь,—отвѣчалъ я:—смерть лучше безславія—это неспорно; но можетъ ли это сказать мать, у которой есть дѣти?

— Отчего же? ты только вспомни, что̀ сдѣлала мать Маккавеевъ?

— Да. Маккавеевъ убили. А если бы матери ихъ погрозили сдѣлать дѣтей такими скоморохами, какъ я, или обмывщиками ногъ въ домѣ гетеры... Что? я думаю, если бы мать ихъ была сама Магна, — то, Богъ вѣсть, что̀ бы она предпочла: позоръ или смерть за ихъ избавленіе?

— Зачѣмъ говорить это!—воскликнулъ, отходя отъ меня, Магистріанъ:—пусть не коснется ея во вѣкъ никакое зло.

— О, говорю я: — отъ всей души присоединяюсь къ твоему желанію всего добраго Магнѣ.

А на другой же день послѣ этого разговора Магистріанъ пришелъ ко мнѣ передъ вечеромъ очень печальный и говоритъ:

— Слышалъ ли ты, Памфалонъ, самую грустную новость? Птоломей и Альбина выдаютъ дочь свою замужъ!

— А почему ты называешь это грустною новостью?—отвѣчалъ я.—Съ какихъ это поръ союзъ двухъ сердецъ сталъ печалью, а не радостью?

— Это было всегда, когда сердце соединяютъ съ безсердечіемъ.

— Магистріанъ!—остановилъ я живописца:—въ тебѣ говоритъ безпокойное чувство: его зовутъ ревность. Ты долженъ его въ себѣ уничтожить.

— О, я уже давно его уничтожилъ,—отвѣчалъ живописецъ:—Магна мнѣ не невѣста и я ей не женихъ; но ужасно, что женихъ ея пріѣзжій Руфинъ-византіецъ.

Это имя мнѣ такъ было извѣстно, что я вздрогнулъ и пустилъ изъ рукъ мое дѣло.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Руфинъ-византіецъ былъ изъ знатнаго рода и очень изященъ собою, но странно хитеръ и лицемѣръ столь искусный, что его считали черезмѣрнымъ даже въ самой Византіи. Тщеславный коринѳянинъ Оръ и всѣ, кто тратили деньги и силы на пирахъ у гетеры Азеллы, были, на мое разсужденіе, лучше Руфина. Онъ прибылъ въ Дамаскъ съ открытымъ посланіемъ и былъ принятъ здѣсь Птоломеемъ отмѣнно. Руфинъ, какъ притворщикъ, цѣлые дни проводилъ во снѣ дома, а говорилъ, будто читаетъ богословскія книги, а ввечеру удалялся, еще для полезныхъ бесѣдъ, за городъ, гдѣ у насъ о ту пору жилъ близъ Дамаска старый отшельникъ, стоя днемъ на скалѣ, а ночью стеная въ открытой могилѣ. Руфинъ ходилъ къ нему, чтобы молиться, стоя въ его тѣни при закатѣ солнца; но отсюда крылатый Эолъ его заносилъ постоянно подъ кровлю Азеллы, всегда, впрочемъ, съ лицомъ измѣненнымъ, благодаря Магистріанову искусству. А потому мы хорошо его знали, ибо Магистріанъ, какъ другъ мой, не дѣлалъ отъ меня тайны, что онъ рисовалъ другое лицо на лицѣ Руфина, и мы не разъ вмѣстѣ смѣялись надъ этимъ византійскимъ двуличьемъ. Знала объ этомъ и гетера Азелла, такъ какъ гетеры, закрывъ двери свои за гостями, часто бесѣдуютъ съ нами и, находя въ насъ, въ простыхъ людяхъ, и разумъ, и сердце, любятъ въ насъ то, чего не встрѣчаютъ порою въ людяхъ богатыхъ и знатныхъ.

Азелла же, надо сказать, любила моего живописца, и любила его безнадежно, потому что Магистріанъ думалъ объ одной Магнѣ, чистый образъ который былъ съ нимъ неразлучно. Азелла чуткимъ сердцемъ узнала всю эту тайну, и тѣмъ нѣжнѣй и изящнѣй держала себя съ Магистріаномъ. Когда я и Магистріанъ оставались въ домѣ Азеллы, при восходѣ солнца, она, проводивъ своихъ гостей, часто говорила намъ, какъ она котораго изъ нихъ разумѣетъ, и не скрывала отъ насъ своего особеннаго презрѣнія къ Руфину. Она называла его гнуснымъ притворщикомъ, способнымъ обмануть всякаго и сдѣлать самую подлую низость, а Азелла всѣхъ хорошо понимала. Одинъ разъ послѣ безумныхъ тратъ коринѳянина Ора она намъ сказала:

— Это бѣдный павлинъ... Всѣ его щиплютъ, и когда здѣсь бываетъ съ нимъ вмѣстѣ византіецъ Руфинъ, хорошо бы встряхивать Руфинову епанчу.

Это значило, что Руфинъ могъ быть и воръ... Азелла никогда не ошибалась, и я и Магистріанъ это знали.

Но Птоломей и Альбина глядѣли на византійца своими глазами, а добрая дочь ихъ была покорна родительской волѣ, и жребій ея былъ совершенъ. Магна сдѣлалась женою Руфина, который взялъ ее вмѣстѣ съ богатымъ приданымъ, даннымъ ей Птоломеемъ, и увезъ въ Византію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Птоломей и Альбина были скоро наказаны рокомъ. Лицемѣрный Руфинъ оказался и не богатъ, и не столь именитъ, какъ выдавалъ себя въ Дамаскѣ, а главное, онъ совсѣмъ не былъ честенъ и имѣлъ такіе большіе долги, что богатое приданое Магны все пошло на раздѣлку съ тѣснившими его заимодавцами. Скоро Магна очутилась въ бѣдности, и приходили слухи, будто она терпитъ жестокую долю отъ мужа. Руфинъ заставлялъ ее снова выпрашивать серебро и золото у ея родителей, а когда она не хотѣла этого дѣлать, онъ обращался съ нею сурово. Все же, что̀ присылали Магнѣ ея родители, Руфинъ издерживалъ безславно, совсѣмъ не думая объ уменьшеніи долга и о двухъ дѣтяхъ, которыя ему родились отъ Магны. Онъ такъ же, какъ многіе знатные византійцы, имѣлъ въ Византіи еще и другую привязанность, въ угоду которой обиралъ и унижалъ свою жену.

Это такъ огорчило гордаго Птоломея, что онъ сталъ часто болѣть и вскорѣ умеръ, оставя своей вдовѣ только самые небольшіе достатки. Альбина все повезла къ дочери: она надѣялась спасти ее, и потеряла всѣ свои деньги на дары приближеннымъ епарха Валента, который самъ былъ алчный сластолюбецъ и искалъ случая обладать красивою Магной. Кажется, онъ имѣлъ на это согласіе самого Руфина. Говорили, будто Руфинъ даже понуждалъ свою жену отвѣчать на исканье Валента, заклиная ее согласиться на это для спасенія семейства, потому что иначе Валентъ угрожалъ отдать Руфина со всею его семьею во власть его заимодавцевъ.

Альбина не вынесла этого и скоро переселилась въ вѣч-

ность, а Магна осталась съ дѣтьми въ самой горестной бѣдности, но не предалась развращеннымъ исканьямъ Валента. Тогда гнѣвный вельможа Валентъ распорядился отдать всѣхъ ихъ во власть заимодавцевъ.

Заимодавцы посадили Руфина въ тюрьму, а дѣтей его и бѣдную Магну взяли въ рабство. А чтобы сдѣлать это рабство еще тяжелѣе, они разлучили Магну съ дѣтьми и малютокъ ея отослали въ село къ скопцу-селянину, а ее отдали содержателю безчестнаго дома, который обязался платить имъ за нее въ каждыя сутки по три златницы.

Напрасно вопіяла ко всѣмъ бѣдная Магна и у всѣхъ искала защиты. Ей отвѣчали: «надъ нами надъ всѣми законъ. Законъ нашъ охраняетъ многоимущихъ. Они всѣхъ сильнѣй въ государствѣ. Если бы былъ теперь на своемъ мѣстѣ нашъ прежній правитель Ермій, то онъ, какъ человѣкъ справедливый и милосердный, можетъ-быть, вступился бы и не допустилъ бы этого; но онъ очудачѣлъ: оставилъ свѣтъ, чтобы думать только объ одной своей душѣ. Жестокій старикъ! Пусть Небо проститъ ему его отшельничье самолюбіе».

Произнеся эти слова, скоморохъ замѣтилъ, что сидѣвшій возлѣ него пустынникъ вздрогнулъ и схватилъ Памфалона за руку. Памфалонъ спросилъ его:

— Что ты о нихъ сожалѣешь, что ли?

— Да, я сожалѣю... сожалѣю... И о нихъ, и о себѣ сожалѣю,—отвѣчалъ Ермій.—Продолжай твою повѣсть.

Памфалонъ сталъ продолжать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Содержатель безчестнаго дома, чтобы избѣжать непріятнаго шума въ столицѣ и надежнѣе взять свои деньги, не сталъ держать Магну въ Византіи, а отправилъ ее въ Дамаскъ, гдѣ ее всѣ знали какъ самую благородную и недоступную женщину, а потому, безъ сомнѣнія, теперь всѣ устремятся обладать ею.

Магну, какъ рабыню, стерегли зорко, и у нея были отняты всѣ средства бѣжать. Она не могла и лишить себя жизни, да она о самоубійствѣ и не помышляла, потому что она была мать и стремилась найти и спасти своихъ дѣтей отъ скопца изъ неволи.

Такъ она подъ карауломъ и въ закрытости была при-

везена въ Дамаскъ, и на другой день, то-есть именно въ тотъ день, когда я скрывался, лежа на моемъ золотѣ, огласилось, что продающій Магну содержитъ ее у себя за плату по пяти златницъ за каждыя сутки. Получить ее можетъ всякій, кто заплатитъ златницы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Тотъ, кто взялся выручать за Магну златницы, конечно, не медлилъ, чтобы собирать ихъ съ хорошимъ прибыткомъ, и для того разослалъ зазывальщицу по всѣмъ богатымъ людямъ Дамаска, чтобы оповѣстить имъ, какимъ онъ роскошнымъ владѣетъ товаромъ.

Развращенные люди кинулись въ домъ продавца, и Магна весь день едва лишь спасалась слезами. Но къ вечеру продавецъ сталъ угрожать снестись съ тѣмъ, кто взялъ ея дѣтей, чтобы ихъ оскопить, и она рѣшилась ему покориться... И послѣ этого силы ее оставили, и она крѣпко заснула и увидѣла сонъ: къ ней кто-то тихо вошелъ и сказалъ ей: «Радуйся, Магна! ты сегодня обрѣла то одно, чего тебѣ во всю твою жизнь недоставало. Ты была чиста, но гордилась своей непорочностью, какъ твоя мать; ты осуждала другихъ падшихъ женщинъ, не внимая, чѣмъ онѣ доведены были до паденія. Это было ужасно, и вотъ теперь, когда ты сама готова пасть, и знаешь, какъ это тяжко, теперь твоя противная Богу гордость сокрушилась, и теперь Богъ сохранитъ тебя чистой».

И въ это же самое время въ домъ, гдѣ заключалась Магна, постучался одинъ застѣнчивый гость, который закрывалъ лицо свое простой епанчею, и, тихо позвавъ хозяина, сказалъ ему шопотомъ:

— Ахъ, я очень стыдливъ, но умираю отъ страсти. Скорѣе введи меня къ Магнѣ—даю тебѣ десять златницъ.

Продавецъ былъ радъ, но прежде чѣмъ ввести незнакомца къ Магнѣ, сказалъ ему:

— Я долженъ сказать тебѣ, господинъ, что эта женщина изъ знатнаго рода и она стоитъ мнѣ по кабалѣ большихъ денегъ, которыхъ я черезъ нее не выручилъ, потому что она умѣла разжалобить всѣхъ, кого я вводилъ къ ней. Не мое будетъ дѣло, если ты станешь слушать ея слова и тебя размягчатъ ея рѣчи. Я свое золото дол-

женъ имѣть, потому что я человѣкъ бѣдный и взялъ ее за дорогую цѣну.

— Не безпокойся,—отвѣчалъ, продолжая скрывать лицо, незнакомецъ: — вотъ получи свои десять златницъ, а я не таковскій: я знаю, что̀ значатъ женскія слезы.

Продавецъ взялъ у него десять златницъ и дернулъ шнуръ, который опрокинулъ мѣдную чашу, содержавшую мѣдный же шаръ. Шаръ покатился по холщевую жолобу и, докатившись до шатроваго отдѣленія Магны, звонко упалъ въ мѣдный тазъ, стоявшій у изголовья ея постели. Послѣ чего продавецъ сейчасъ же повелъ гостя къ Магнѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Незнакомецъ вошелъ въ отдаленный покой, накуренный пистикомъ и амброй, и увидалъ здѣсь при цвѣтномъ фонарѣ лежащую Магну. Ея не разбудилъ ударъ въ тазъ, потому что какъ-разъ въ это время ей снился тотъ сонъ, гдѣ открывалось, что надменная сила ея отлетѣла и теперь она спасена за признаніе своей немощи.

Продавецъ упрекнулъ Магну, что она не слыхала удара шара по тазу и, указавъ ей на незнакомца, сказалъ грубо:

— Не притворяйся, будто не слышишь, что къ тебѣ пущенъ шаръ! Вотъ кому я уступилъ всякую власть надъ тобою до утра. Будь умна и покорна. А если ты еще заставишь меня терпѣть убытки, я передамъ тебя туда, гдѣ къ тебѣ будутъ входить суровые воины, и отъ тѣхъ ты уже не дождешься пощады.

И, сказавъ это, продавецъ взялъ шаръ и вышелъ, а гость затворилъ за нимъ дверь и, оборотясь, тихо молвилъ Магнѣ:

— Не бойся, злополучная Магна, я пришелъ, чтобы спасти тебя.—И онъ сбросилъ свой плащъ.

Магна узнала Магистріана и зарыдала.

— Оставь слезы, прекрасная Магна. Теперь не время, чтобъ лить ихъ и отчаиваться. Успокойся и вѣрь, что если Небо спасало тебя до сего часа, то теперь твое избавленіе уже несомнѣнно, если ты только согласна сама помогать мнѣ, чтобы я могъ тебя выручить и возвратить тебя дѣтямъ и мужу.

— Согласна ли я! — воскликнула Магна. — О, добрый юноша, развѣ въ этомъ возможно сомнѣніе!

— Такъ поспѣши же скорѣе дѣлать, что̀ я тебѣ скажу: теперь я отвернусь отъ тебя,—и давай какъ можно скорѣе перемѣнимся платьемъ.

И вотъ Магна надѣла на себя тунику и епанчу, и все, что имѣлъ на себѣ мужское Магистріанъ, а онъ сказалъ ей:

— Не медли, спасайся! закрой епанчой твое лицо точно такъ, какъ вошелъ сюда я, и смѣло иди изъ этого дома! Твой презрѣнный хозяинъ самъ тебя выведетъ за свои проклятыя двери.

Магна такъ сдѣлала и благополучно вышла, но тотчасъ же, выйдя, стала сокрушаться: куда ей бѣжать, гдѣ скрыться и что̀ будетъ съ бѣднымъ юношей, когда завтра обманъ ихъ откроютъ? Магистріанъ подвергнется истязаньямъ, какъ разрушитель заимодавнаго права; онъ, конечно, не имѣетъ столько, чтобы заплатить весь долгъ, за который отдана въ кабалу Магна, и его навѣки посадятъ въ тюрьму, и будутъ его мучить, а она, все равно, не можетъ явиться къ своимъ дѣтямъ, потому что ей нечѣмъ выкупить ихъ изъ кабалы.

И вотъ тутъ этой женщинѣ пришла въ голову мысль, которая навсегда лишила меня возможности исправить мой путь и вести впередъ добропорядочную жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Когда Магна открыла мнѣ свои бѣдствія и разсказала объ опасности, которой подвергался за нее Магистріанъ, передо мною точно разверзлась бездна. Я зналъ, что у Магистріана не могло быть десяти литръ золота, которые взнесъ онъ за Магну и которые все равно не могли избавить ее отъ ея униженія, ибо не составляли цѣны всей ея кабалы и ничего не оставляли на выкупъ ея дѣтей отъ скопца въ Византіи. Но гдѣ, однако, Магистріанъ могъ взять и эти златницы? Онъ работалъ въ домѣ Азеллы, гдѣ всегда былъ ларецъ съ сокровищами этой безъ ума влюбленной въ него гетеры... И ужасъ объялъ мою душу... Я подумалъ: что если любовь къ бѣдной Магнѣ довела его до безумья и онъ похитилъ ларецъ, и имя Магистріана отнынѣ безчестно: *онъ воръ!*

А бѣдная Магна, продолжая оглашать воздухъ стонами, возвратилась опять къ тѣмъ же словамъ, съ которыхъ начала когда неожиданно вошла въ мое жилище.

— Памфалонъ!—вопіяла она:—я слышала, что ты разбогатѣлъ, что какой-то гордый коринѳянинъ далъ тебѣ несмѣтныя деньги. Я пришла продать себя тебѣ, возьми меня къ себѣ въ рабыни, но дай мнѣ денегъ, чтобъ выкупить изъ неволи моихъ дѣтей и спасти погибающаго за меня Магистріана.

Отшельникъ! ты отжилъ жизнь въ пустынѣ и тебѣ, быть можетъ, непонятно, какое я чувствовалъ горе, слушая, что̀ отчаяніе говоритъ устами этой женщины, которую я зналъ столь чистой и гордой своею непорочностію! Ты уже взялъ верхъ надъ всѣми страстями, и онѣ не могутъ поколебать тебя, но я всегда былъ слабъ сердцемъ, и при видѣ такихъ страшныхъ бѣдствій другого человѣка я промотался... я опять легкомысленно позабылъ о спасеніи своей души.

Я зарыдалъ и сквозь рыданія молвилъ:

— Ради милости Божіей умолкни, несчастная Магна! Сердце мое не можетъ этого вынесть! Я простой человѣкъ, я скоморохъ, я провожу мою жизнь среди гетеръ, праздно-любцевъ и мотовъ, я дегтярная бочка, но я не куплю себѣ того, что̀ ты предлагаешь мнѣ въ безумьи отъ горя.

Но Магна такъ ужасно страдала, что не поняла меня вовсе.

— Ты отвергаешь меня!—воскликнула она съ ужасомъ.— О, я несчастная! гдѣ мнѣ взять золота, чтобы избавить отъ изуродованія моихъ дѣтей?—и она заломила надъ головою руки и упала на землю.

Это исполнило меня еще большаго ужаса... Я задрожалъ, увидя, какъ ее унизило горе до того, что она, уже словно счастья, искала, чтобы кто-нибудь купилъ у нея ея ласки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Я поспѣшилъ ее утѣшить.

— Нѣтъ,—закричалъ я:—это вовсе не то, что будто я тебя отвергаю. Я тебѣ другъ и докажу тебѣ это моею готовностью помочь твоему горю. Только не говори болѣе, для чего ты пришла сюда. Разрушь скорѣй это плетеніе волосъ, черезъ которое ты стала походить на гетеру; смой съ своихъ плечъ чистой водою этотъ ароматъ благовоннаго нарда, которымъ ихъ покрыли люди, желавшіе твоего позора, а потомъ скажи мнѣ: сколько именно долженъ мужъ твой?

Она вздохнула и тихо промолвила:

— Десять тысячъ златницъ.

Я видѣлъ, что ее обманули: богатство, которое бросилъ мнѣ расточительный Оръ, было ничтожно для того, чтобы заплатить долгъ ея и выкупить дѣтей.

Магна молча встала и, поднявъ рукою сброшенную епанчу Магистріана, хотѣла снова покрыть свою голову.

Я догадался, что она хочетъ уйти отъ меня съ нехорошею цѣлью, и воскликнулъ:

— Ты хочешь уйти, госпожа Магна?

— Да, я возвращусь снова туда, откуда пришла.

— Ты хочешь освободить Магистріана?

Она только молча кивнула головой въ знакъ согласья.

Я ее остановилъ насильно.

— Не дѣлай этого,—сказалъ я. — Это будетъ напрасно. Магистріанъ такъ благороденъ и такъ тебѣ преданъ, что онъ оттуда не выйдетъ, а ты своимъ возвращеніемъ только увеличишь смятенье. У меня всего есть двѣсти тридцать златницъ... Это все, что̀ я получилъ отъ корноянина Ора. Если думаютъ, что у меня есть болѣе, то это или сочинила молва, или нахвасталъ самъ Оръ пустохвальный. Но всѣ двѣсти тридцать златницъ ты должна считать за свои. Не возражай мнѣ, госпожа Магна, не возражай мнѣ противъ этого ни одного слова! Это золото твое; но надо достать еще много, чтобы составило долгъ твоего мужа. Я не знаю, гдѣ больше взять, но ночь пока еще только въ началѣ... Магистріанъ до утра безопасенъ. Твой продавецъ увѣренъ, что вы теперь слились въ объятьяхъ. Ты оставайся у меня и будь спокойна. Моя Акра до тебя никого безъ меня не допуститъ, а я сейчасъ извѣщу о твоемъ несчастьѣ твоихъ именитыхъ подругъ: Таору, Фотину и Сильвію - дѣву, благочестье которой извѣстно Дамаску... Ихъ слуги всѣ меня знаютъ и за дары меня пустятъ къ своимъ госпожамъ. Онѣ богаты и цѣломудренны, и онѣ не пожалѣютъ золота, и дѣти твои будутъ выкуплены.

Но Магна живо меня перебила:

— Не тревожь, Памфалонъ, ни Таоры, ни Фотины, ни дѣвственной Сильвіи,—всѣ онѣ ничего для твоей просьбы не сдѣлаютъ.

— Ты ошибаешься,—возразилъ я.—Таора, Сильвія и Фотина благочестивыя женщины, онѣ преслѣдуютъ всякій раз-

вратъ, и по ихъ слову у насъ уже выслали многихъ гетеръ изъ Дамаска.

— Это ничего не значитъ,—отвѣчала Магна, и открыла мнѣ, что прежде, чѣмъ бѣдствія ея семейства достигли до нынѣшней мѣры, она уже обращалась съ просьбою къ названнымъ мною высокимъ гражданкамъ, но что всѣ онѣ оставили ея просьбы втуне.

— А какъ теперь,—прибавила она:—ко всему этому присоединился еще позоръ, до котораго дошла я, то всякія просьбы къ нимъ имъ будутъ даже обидны. Я сама была такова жъ, какъ онѣ, и знаю, что не отъ нихъ можетъ прійти избавленіе падшей.

— Ну, все равно, жди у меня, что̀ намъ пошлетъ милосердное Небо, — сказалъ я и, погасивъ лампу, заперъ входъ въ мое жилище, въ которомъ Магна осталась подъ защитою Акры, а я во всю силу бѣгомъ понесся по темнымъ проходамъ Дамаска.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Я не послушался Магны и проникъ, съ помощію слугъ, къ Таорѣ, Сильвіи и къ Фотинѣ... И стыжуся вспоминать, что̀ я отъ нихъ слышалъ... Магна была права во всемъ, что̀ мнѣ о нихъ говорила. Слова мои только приводили въ пламенный гнѣвъ этихъ женщинъ, и я былъ изгоняемъ за то, что смѣлъ приходить въ ихъ дома съ такою просьбой... Двѣ изъ нихъ, Таора и Фотина, велѣли прогнать меня съ однимъ только напоминаніемъ, что я стоилъ бы хорошихъ ударовъ; но Сильвія-дѣва, та повелѣла бить меня передъ ея лицомъ, и слуги ея били меня мѣднымъ прутомъ до того, что я вышелъ отъ нея съ окровавленнымъ тѣломъ и съ запекшимся горломъ. Такъ, томимый жаждою, вбѣжалъ я на кухню гетеры Азеллы, чтобы попросить глотокъ воды съ виномъ и идти далѣе. А куда идти,—я самъ не зналъ этого.

Но тутъ, едва я явился, подъ крытымъ переходомъ меня встрѣтила наперсница гетеры бѣлокурая Ада. Она какъ будто нарочно пила съ кувшиномъ прохладительнаго напитка, и я сказалъ ей:

— Будь милосердна, прекрасная Ада, освѣжи уста мои — я умираю отъ жажды.

Она улыбнулась и молвила съ шуткой:

— Тебѣ ли теперь умирать, *господинъ* Памфалонъ, ты больше не бѣденъ и можешь имѣть рабовъ, которые станутъ прохлаждать для тебя воду.

А я ей отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Ада, я, славу Богу, опять уже не богатъ,—я опять такъ же бѣденъ, какъ прежде, и вдобавокъ... долженъ признаться,—я сильно израненъ.

Она мнѣ нагнула сосудъ, а я припалъ къ питью, и въ то время, когда я пилъ, а Ада стояла, склонившись ко мнѣ, она замѣтила на моихъ плечахъ кровь, которая сочилась изъ рубцовъ, нанесенныхъ мнѣ мѣднымъ прутомъ предъ лицомъ дѣвственной Сильвіи. Кровь проступала сквозь тонкую тунику, и Ада въ испугѣ вскричала:

— О, несчастный! ты взаправду въ крови! На тебя, вѣрно, напали ночные воры!.. О, несчастный! Хорошо, что ты спасся отъ нихъ подъ нашею кровлей. Останься здѣсь и подожди меня немного: я сейчасъ отнесу это охлажденное питье гостямъ, и вмигъ возвращусь, чтобъ обмыть твои раны...

— Хорошо,—сказалъ я:—я тебя подожду.

А она добавила:

— Можетъ-быть, ты хочешь, чтобъ я шепнула объ этомъ Азеллѣ? У нея теперь пируетъ съ друзьями градоправитель Дамаска: онъ пошлетъ отыскать тѣхъ, кто тебя обидѣлъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я:—это не нужно. Принеси мнѣ только воды и какую-нибудь чистую тунику.

Надѣвъ чистую одежду, я хотѣлъ идти къ бывшему Аммуну, который занимался всякими дѣлами, и закабалить ему себя на цѣлую жизнь, лишь бы взять сразу деньги и отдать ихъ на выкупъ отъ сконца дѣтей Магны.

Ада скоро возвратилась и принесла все, что мнѣ было нужно.

Но она также сказала обо мнѣ и своей госпожѣ, а это повело къ тому, что едва Ада обтерла прохладною губкою мои раны и покрыла мои плечи принесенною ею льняной туникой, какъ въ переходѣ, гдѣ я лежалъ на полу, прислонясь бокомъ къ дереву, показалась въ роскошномъ убранствѣ Азелла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Азелла вся была въ золотѣ и въ перлахъ, изъ которыхъ одинъ стòилъ огромной цѣны. Этотъ рѣдкостный перлъ былъ подаренъ ей большимъ богачомъ изъ Египта.

Азелла подошла съ участьемъ ко мнѣ и заставила меня разсказать ей все, чтò со мною случилось. Я ей сталъ разсказывать вкратцѣ, и когда дошелъ до бѣдствія Магны, то замѣтилъ, что глаза Азеллы стали серьезны, а Ада начала глядѣть вдаль и по лицу ея тоже заструились слезы.

Тогда я подумалъ: вотъ теперь время, чтобы открыть Магистріанову тайну, и вдругъ неожиданно молвилъ:

— Азелла, это ли всѣ драгоцѣнности, которыя ты имѣешь?

— Нѣтъ, это не всѣ, — отвѣчала Азелла.—Но какое тебѣ до этого дѣло?

— Мнѣ большое есть дѣло, и я тебя умоляю: скажи мнѣ, гдѣ ты ихъ сохраняешь и всѣ ли онѣ цѣлы?

— Я храню ихъ въ драгоцѣнномъ ларцѣ, и всѣ онѣ цѣлы.

— О, радость!—вскричалъ я, позабывъ всю мою боль.— Все цѣло! Но гдѣ жъ взялъ десять литръ золота Магистріанъ?

— Магистріанъ!?

— Да.

И когда я сталъ разсказывать, чтò сдѣлалъ Магистріанъ, Азелла стала шептать:

— Вотъ кто истинно любитъ! Моя Ада видѣла, какъ онъ вышелъ изъ дома Аммуна... Я все понимаю: онъ продалъ Аммуну себя въ кабалу, чтобы выпустить Магну!

И гетера Азелла начала тихо рыдать и обирать съ своихъ рукъ золотыя запястья, ожерелья и огромный перлъ изъ Египта, и сказала:

— Возьми все это, возьми и бѣги, какъ можно скорѣе возьми отъ сконца дѣтей бѣдной Магны, пока онъ ихъ не изуродовалъ!

Я такъ и сдѣлалъ: я соединилъ всѣ мои деньги, которыя далъ мнѣ Оръ коринѳянинъ, съ тѣмъ, чтò получилъ отъ гетеры, и отправилъ съ ними Магну выкупать изъ неволи ся мужа и двухъ сыновей. И все это совершилось успѣшно, но зато исправленіе жизни моей, и съ ней вся надежда моя на блаженную вѣчность навсегда разлетѣлись. Такъ я

теперь и остаюсь скоморохомъ — я смѣхотворъ, я безпутникъ,—я скачу, я играю, я бью въ накры, свищу, перебираю ногами и трясу головой. Словомъ: я бочка, я дегтярная бочка, я негодная дрянь, которую ничѣмъ уже не исправишь. Вотъ тебѣ и весь сказъ мой, отшельникъ, о томъ, какъ я утратилъ улучшеніе жизни и какъ нарушилъ обѣтъ, данный Богу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Ермій всталъ, протянулъ руку къ своей козьей милоти и молвилъ скомороху:

— Ты меня успокоилъ.

— Полно шутить!

— Ты далъ мнѣ радость.

— Въ чемъ она?

— Вѣчность впустѣ не будетъ.

— Конечно!

— А почему?

— Не знаю.

— Потому, что перейдутъ въ нее путемъ милосердія много изъ тѣхъ, кого свѣтъ презираетъ и о которыхъ и я, гордый отшельникъ, забылъ, залюбовавшись собою. Иди къ себѣ въ домъ, Памфалонъ, и дѣлай, что дѣлалъ, а я пойду дальше.

Они поклонились другъ другу и разошлись. Ермій пришелъ въ свою пустыню и удивился, увидавъ въ той расщелинѣ, гдѣ онъ стоялъ, гнѣздо вороновъ. Жители деревни говорили ему, что они отпугивали этихъ птицъ, но онѣ не оставляютъ скалы.

— Это такъ и должно быть,—отвѣтилъ имъ Ермій.—Не мѣшайте имъ вить свои гнѣзда. Птицы должны жить въ скалѣ, а человѣкъ долженъ служить человѣку. У васъ много заботъ; я хочу помогать вамъ. Хилъ я, но стану дѣлать по силамъ. Довѣрьте мнѣ вашихъ козъ, я буду ихъ выгонять и пасти, а когда возвращусь со стадомъ, вы дайте мнѣ тогда хлѣба и сыра.

Жители согласились, и Ермій началъ гонять козье стадо и учить на свободѣ дѣтей поселянъ. А когда все село засыпало, онъ выходилъ, садился на холмъ и обращалъ свои глаза въ сторону Дамаска, гдѣ онъ узналъ Памфалона. Старецъ теперь любилъ думать о добромъ Памфалонѣ, и

всякій разъ, когда Ермій переносился мыслью въ Дамаскъ, мнилось ему, что онъ будто видитъ, какъ скоморохъ бѣжитъ по улицамъ съ своей Акрой и на лбу у него мѣдный вѣнецъ, но съ этимъ вѣнцомъ заводилося чудное дѣло: день ото дня этотъ вѣнецъ все становился ярче и ярче и, наконецъ, въ одну ночь онъ такъ засіялъ, что у Ермія не хватило силы смотрѣть на него. Старикъ въ изумленіи закрылъ даже рукою глаза, но блескъ проникаетъ отовсюду. И сквозь опущенныя вѣки Ермій видитъ, что скоморохъ не только сіяетъ, но воздымается вверхъ все выше и выше, — взлетаетъ отъ земли на воздухъ и несется прямо къ пылающей алой зарѣ.

Куда онъ несется! Онъ испепелится, онъ тамъ сгоритъ. Ермій рванулся за Памфалономъ, чтобы удержать его, или, чтобы, по крайней мѣрѣ, съ нимъ не разстаться, но въ жаркомъ разсвѣтѣ зари между ними вдругъ стала преграда... Это какъ бы частоколъ, или рѣшетка, въ которой каждая жердь одна съ другою не схожи. Ермій видитъ, что это какіе-то знаки, — во весь небосклонъ большими еврейскими литерами, словно углемъ и сажей, напачкано слово: «самомнѣнье».

«Тутъ мой предѣлъ!» — подумалъ Ермій и остановился, но Памфалонъ взялъ свою скоморошью епанчу, махнулъ ею и въ-разъ стеръ это слово на всемъ огромномъ пространствѣ, и Ермій тотчасъ увидалъ себя въ несказанномъ свѣтѣ и почувствовалъ, что онъ летитъ на высотѣ, держась рука за руку съ Памфалономъ, и оба бесѣдуютъ.

— Какъ ты могъ стереть грѣхъ моей жизни?—спросилъ Памфалона на полетѣ Ермій.

А Памфалонъ ему отвѣчалъ:

— Я не знаю, какъ я это сдѣлалъ: я только видѣлъ, что ты затруднялся, а я захотѣлъ тебѣ пособить какъ умѣлъ. Я всегда все такъ дѣлалъ, пока былъ на землѣ, и съ этимъ иду я теперь въ другую обитель.

Дальнѣйшихъ рѣчей ихъ не слышалъ уже списатель сказанья. Прохладное облако густою тѣнью застлало дальнѣйшій ихъ слѣдъ отъ земли, и съ румяной зарею заката вмѣстѣ слились ихъ отшедшія души.

ЧАСЪ ВОЛИ БОЖІЕЙ.

(СКАЗКА.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ очень древніе годы, стародавніе, былъ въ нѣкоторомъ незнатномъ царствѣ премудрый король по имени Доброхотъ. Величали его такъ за то, что онъ не любилъ воевать, а всѣмъ людямъ добра хотѣлъ. Жить онъ любилъ по-старинному и управлялъ своимъ королевствомъ съ большимъ благочестіемъ, по всѣмъ памятямъ по отцовскимъ и дѣдовскимъ, и изо всѣхъ силъ хлопоталъ и заботился, чтобы въ его землѣ правда надъ кривдою верхъ взяла и всѣмъ людямъ хорошо было у него подъ державою, но только все это дѣло у него не спорилося. Только-что начнетъ Доброхотъ съ одного конца свое дѣло налаживать, какъ — глядитъ — оно у него на другомъ концѣ расплетается. Долго бился Доброхотъ всякимъ родомъ и способомъ и умаялся въ хлопотахъ до семи потовъ, а успѣха ему все-таки нѣтъ какъ нѣтъ. И потерялъ, наконецъ, Доброхотъ всякую надежду устроиться, и взяло его отъ этого такое горе и отчаяніе, что не стали его веселить ни скоморошьи потѣхи, ни пляски, ни женины ласки умильныя; опостылѣли ему звѣриные ловы и птичья охота наскучила. Сталъ король вянуть и къ гробу посунулся.

Замѣтила это жена Доброхота-премудраго — Милолика, королева прекрасная, и начала его обнимать и просить съ нѣжностью, чтобъ онъ пожалѣлъ себя и ее, и своихъ малыхъ дѣтушекъ, и не трудилъ бы себя долгою тяжкою заботой, а созвалъ бы скорѣе со всего королевства самыхъ сановитыхъ бояръ и велѣлъ бы имъ всю премудрость обдумать въ большой думѣ засвѣтло и подать себѣ предъ сумерки все дѣло чистое — на ладошечкѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Король Доброхотъ въ сей послѣдній разъ нѣжныхъ ласокъ своей прекрасной королевы Милолики послушался и созвалъ своихъ думныхъ бояръ со всей земли и началъ у нихъ спрашивать:

— Все ли у насъ подъ моею державой идетъ такъ, какъ слѣдуетъ?

Совѣтчики отвѣчали:

— Съ нашей руки видать, будто идетъ у насъ все какъ слѣдуетъ. Будь только ты у насъ многолѣтне здравъ, а для насъ ничего окромя сего и не надобно.

— Если всѣ вы не врете, то, пожалуй, быть-можетъ, и вправду такъ,—отвѣчалъ король:—хорошо, молодцы, я для васъ постараюсь подольше жить, а только мнѣ то огорчительно, отчего у меня подъ державою не все такъ, какъ я хочу: для чего у насъ есть холодные и голодные и отчего не для всѣхъ равно все спорится и ладится?

А бояре Доброхоту отвѣтили:

— Что̀ тебѣ этимъ пустымъ дѣломъ тревожиться! Не прогнѣвайся, посмотри вокругъ, вѣдь оно и по всей землѣ повсемѣстно такъ—не у насъ однихъ все хорошее не спорится, не ладится!

— Ну, пускай повсемѣстно такъ, — отвѣчалъ король:—а мнѣ это не нравится, я хочу у себя это вывести. Учредимте примѣръ на цѣлый свѣтъ, чтобъ отъ насъ всѣмъ людямъ хорошо стало. Я за тѣмъ васъ къ себѣ и потребовалъ, чтобы вы мнѣ скорѣй это дѣло обдумали. Подите-ка сядьте честь-честью въ большой сборнѣ вдоль лавокъ за столъ, да не спите, поклавъ другъ другу головы на плечи, и обо всемъ мнѣ до сумерекъ обдумайте на̀-крѣпко, а сутемень придите и выложьте.

Совѣтчики засѣли совѣтъ держать и кой часъ поспали, а послѣ, проснувшись, всѣ между собою заспорили: одни стали говорить, будто всѣмъ хорошо было только въ старину-стародавнюю; а для того и теперь будто надо опять изъ могилы на свѣтъ старину поднять и начать жить всѣмъ по-старинному, какъ было въ прошлое время, при дѣдахъ и при прадѣдахъ, когда будто бы снѣгъ горѣлъ, а соломой тушили. А другіе стояли за то, что и въ ту старину-стародавнюю тоже не всѣмъ подъ-рядъ равно хорошо было; а что станетъ, молъ, для всѣхъ поравнѣй и порадостнѣй

только въ будущемъ. А потому не надо-де нынѣшнимъ днемъ очень сильно печалиться и заниматься до устали: нонче, молъ, какъ ни прожить — это все равно, — хоть и пострадать, такъ не важно стать: нашъ народишко терпѣливый, выносливый — ему ужъ не первый снѣгъ стелетъ головы, и ему ничего отъ бѣды не подѣется; а надо намъ половчѣй учредиться на предбудущее, чтобы во вѣки-вѣковъ было наше имя прославлено.

Провели въ этихъ рѣчахъ все время засвѣтло, а въ сумерки встали съ мѣстъ, запахнулися и принесли сутеменъ свои суды къ королю въ теремъ и все готовьемъ предъ нимъ и выложили.

Слушалъ долго король всѣ разводы совѣтчиковъ и всѣ ихъ слова ему не понравились: покачалъ онъ на нихъ головой и прогналъ ихъ всѣхъ ко своимъ дворамъ на полатяхъ спать, а самъ еще въ два раза смутнѣй закручинился.

— Мнѣ, — говоритъ, — отъ этого ихъ совѣта совсѣмъ нѣтъ ни корысти, ни радости, и сказали они несуразное, потому что не я дамъ Богу отвѣтъ за то время, когда меня не было, и не отвѣчу я и за то, что̀ послѣ меня въ свѣтѣ станется. А я хочу знать, какъ я самъ теперь долженъ державствовать, чтобы сейчасъ всѣмъ людямъ стало полегостнѣй; а вотъ это-то у меня какъ разъ и не спорится, не ладится.

И началъ король одинъ въ сумеркахъ по палатѣ изъ угла въ уголъ ходить, и какъ до угла дойдетъ да повернется, то вздохнетъ глубоко изъ всей груди, такъ что вездѣ слыхать во всемъ теремѣ.

Тогда подошла къ нему тихо въ потемочкахъ старая его мамка, чуждянка, изъ чужихъ земель полоненая, и говоритъ ему попросту:

— Ты чего, мое дитятко, все вздыхаешь да охаешь? Ты вѣдь самъ виноватъ, — для чего ты задумалъ искать на бѣдную долю совѣта и разума у своихъ у бояръ и совѣтчиковъ? Имъ вѣдь только и дѣло—особиться, а до общихъ заботъ имъ и нужды нѣтъ, потому что всѣ они только себѣ добра хотятъ, а ты повели привести къ себѣ старцевъ божьихъ, пустынничковъ, тамихъ, которымъ уже свѣтъ не милъ и земля имъ давно опостылѣла. Вотъ ты ихъ спроси, — имъ врать нечего, имъ уже ничего въ этомъ

свѣтѣ не надобно,—такъ они тебѣ, можетъ-быть, правду и выскажутъ.

Королю это слово понравилось.

— Хорошо,—онъ сказалъ:—я тебя очень послушать радъ, но только гдѣ же могу я такихъ божьихъ людей достать?

А старуха отвѣчаетъ:

— Ты объ этомъ не крушися ни малости: слово сказано, что три праведныхъ въ каждомъ царствѣ есть, и у насъ они, милый, водятся. Вотъ мнѣ помнится, что слыхала я про трехъ угодныхъ пустынниковъ, которые стоятъ уже много лѣтъ на однихъ мѣстахъ и отъ всего земного они ужъ давно отстоялися, а теперь только въ то живутъ, что втроемъ въ одинъ голосъ за твое царство молятся. Если хочешь ты, чтобы всю правду знать, то скажу тебѣ, не прогнѣвайся: можетъ-быть, только по ихъ молитвамъ до сихъ поръ Господь Богъ твое царство и милуетъ.

— Хорошо, — отвѣчалъ король:—я сейчасъ хочу видѣть этихъ угодничковъ.

— Вотъ таковъ же и мой совѣтъ: пошли, чтобы ихъ сыскать и привести сюда съ бережью, и спроси у нихъ самъ, отчего у тебя ничто не спорится, не ладится: имъ все явлено, и они тебѣ всю правду, какъ солнышко, на ладоночку выложатъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Король Доброхотъ совѣта своей мамки послушался, и повелѣлъ поставить для него при пути стулъ со спинкою, да и сѣлъ на него рано утречкомъ, чтобы видѣть людей, когда они въ городъ идутъ, да у всѣхъ у калѣкъ-перехожихъ сталъ спрашивать: не видали ли гдѣ трехъ пустынниковъ, которые отбыли все земное, что имъ было назначено, а теперь только въ то и живутъ, что за одно его царство Господу молятся, и черезъ тѣ ихъ молитвы священныя держава его выше всѣхъ на землѣ стоитъ.

Калѣки-перехожіе, тѣ, что всѣ чудеса въ свѣтѣ Божіемъ видѣли, разсказали королю, что такіе праведные пустынники точно есть, но процвѣли они не въ одномъ мѣстѣ, а стоятъ они уже много лѣтъ, всѣ порознь спасаются. Одинъ, тотъ, что постарше всѣхъ, просіялъ въ самомъ дикомъ тѣсномъ лѣсу, гдѣ онъ сталъ давно на дубу на макушечкѣ, а теперь тотъ дубъ уже высоко возросъ и уперся въ

поднебесье, и старца и солнце жжетъ, и буйные вѣтры бьютъ; — этотъ называется старикъ-Дубовикъ, а вѣку ему давно лѣтъ за тысячу. Другой старичокъ — этому средній братъ—процвѣлъ въ безбрежной степи посреди ковыля, гдѣ и журавли и драхвы съ головами хоронятся, и верхового латника съ копьемъ вмѣстѣ не видно; тамъ закопалъ себя старичокъ въ землю по-поясъ и терпитъ, какъ его гложетъ сыпучій червь, а самъ кушаетъ только козявочекъ, которыя сами ему въ ротъ вползутъ: — и этотъ пустынникъ называется старикъ-Полевикъ, а вѣку ему пятьсотъ годовъ. Третій же старичокъ — этимъ обоимъ самый младшій братъ— потопилъ себя по самую шею посреди невылазныхъ рамедныхъ болотъ и живетъ тамъ съ лягушками, съ змѣями, а въ лицо его жалитъ несья муха, и пискунъ-комаръ давно изъ него уже и кровь всю выпилъ, а старикъ все стоитъ, не шевелится;—имя ему Водовикъ, а вѣкъ его триста лѣтъ безъ единаго. И всѣ эти дивные старцы теперь уже чуть живы, такъ что надо ихъ брать съ большою опаской и бережью, потому что отъ самаго малаго встрясу всѣ они могутъ разсыпаться.

И дали калѣки Доброхоту совѣтъ, чтобы послать за старичками самыхъ учтивыхъ людей, полированныхъ, и чтобы взяли послы каждый съ собою по мягкой плетушкѣ соломенной, въ какихъ носятъ гусей предъ царскимъ теремомъ на льду драться. А въ каждую плетушечку наказали калѣки настлать на донышко сѣна пахучаго и мягкаго, волокнистаго мху съ старой сосны, а сверху присыпать слегка пухомъ и драными перьями, чтобы было во что закопаться пустынничкамъ. И всадить старичковъ надо вѣжливо, поучтивому, и нести во всю дорогу посмѣшно въ плетушечкахъ, потому что свои ножки у нихъ отстоялися и ходить они разучилися, а тѣла у нихъ такъ изветшилися, что нести ихъ посыльнымъ нимало не тягостно.

Разослалъ король пятьдесятъ пословъ во всѣ стороны и велѣлъ, чтобы нашли, гдѣ хотятъ, старцевъ: Дубовика, Полевика и Водовика и чтобы сняли ихъ съ насиженныхъ мѣстъ бережно, посадили половчѣе въ плетушечки и принесли бы къ королю на закорочкахъ. И которые изъ полсотни людей не найдутъ старичковъ, а безъ пользы даромъ проходятъ, тѣмъ большого наказанія пужаться не надобно и домой идти весело; а которые счастливы будутъ и пра-

вединыхъ старичковъ принесутъ, тѣмъ ждать себѣ большихъ почестей: тѣмъ поставятъ каждому у двора по кресту и по шесту, а наверхъ шеста вздѣнутъ цвѣтной колпакъ, чтобы всѣ, кто мимо пойдетъ, вверхъ глаза бы дралъ да имъ бы завидовалъ. А дорогой чтобы ни о чемъ старичковъ не смѣть спрашивать, а сказать только имъ, чтобъ они не боялись для себя ни битья, ни бритья, ни горячаго укропа, потому что зоветъ ихъ самъ король къ себѣ на-очи и хочетъ узнать отъ нихъ только одно: отчего у него все не спорится и не ладится? И какъ только они ему объ этомъ скажутъ, такъ онъ ихъ ни о чемъ больше не станетъ разспрашивать, а наградитъ всѣмъ, что имъ надобно, и въ какой чинъ они захотятъ—въ тотъ онъ ихъ и пожалуетъ. Если они захотятъ при королѣ чтобы быть, то онъ оставитъ ихъ жить у себя на застольницѣ и дастъ имъ супротивъ другихъ кормы вдоволѣ; а если они, одичавши чрезъ долгій вѣкъ, не поймутъ, какъ въ столицѣ жить и какъ при какихъ церемоніяхъ надо ухмыляться иль морщиться, то король ихъ за то не сказнитъ, а опять назадъ въ свою глушь сошлетъ на тотъ манеръ, какъ самимъ имъ понравится, — хоть въ колымагахъ на тавреной, пушной конмѣ, хоть опять на мхѣ и на сѣнѣ въ плетушкахъ соломенныхъ.

Пошли послы королевскіе, какъ имъ было указано, и во всѣ концы королевства разсыпались, — въ каждый слѣдъ все по парочкѣ, для того, чтобы какъ найдутъ старичковъ, такъ нести ихъ на закоркахъ, не безъ отдыха, а другъ съ дружкою въ перемѣночку.

Шли они шли, не считая сколько дней, очень долго, и все еще безъ толку, и зашли уже на самый край королевства, — дальше чего и идти нельзя, потому что стоятъ тутъ чужіе стражники, на плечахъ несьи головы. Но чуть только три пары пословъ завернулися, вскорѣ же обрѣли всѣхъ трехъ старичковъ, — одного въ лѣсу, другого въ полѣ, а третьяго посреди рамедныхъ болотъ. Сказали имъ посланцы отъ своего короля поклонъ вѣжливо и стали звать ихъ съ собой по-учтивому; но старички имъ ничего ни въ отвѣтъ, ни въ привѣтъ не промолвили, а только какъ пыплятки начали себѣ тонкими вѣками глазки зацуривать. Тогда посланцы сняли ихъ съ насиженныхъ мѣстъ и стали на нихъ грозиться и спрашивать:

— Ну-ка, вы, безсѣмянники: нѣтъ ли подъ вами на

вашихъ мѣстахъ серебра или золота, или самоцвѣтныхъ камней? Лучше вы, дохлая братія, сами честью откройтеся, а то вѣдь мы вамъ не таковскіе, — запытаемъ, замучаемъ до-смерти.

Поняли старички слова ихъ или не поняли, но только опять ничего не отвѣтили, а послы ихъ за то переворотили на ловкую сторону и на обѣ корки отхлопали, и опять стали спрашивать, и опять ничего не добились,—и такъ до трехъ разъ отхлопали, а послѣ того посадили ихъ на сѣно въ плетушечки и наказали, чтобы ни одинъ не смѣлъ королю на нихъ жаловаться. Потомъ прикрыли ихъ сверху лопушинымъ листомъ, чтобы перелетныя птицы ихъ не запачкали, и понесли къ королю на закорочкахъ, другъ съ дружкою ношей мѣняючись.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сошлися всѣ три пары обрѣтшихъ пословъ въ столицу королевскую въ одинъ день на утренней зоречкѣ, когда король шелъ изъ опочивальни королевиной въ свою теплую мыленку. Посланцы, какъ несли старичковъ дорогой въ плетушечкахъ, такъ ихъ у предбанника на землю поставили, а сами въ рядъ позади становилися. Помылся король майораннымъ мыломъ и щелокомъ съ кучерявою мятой, съ душицею, расчесалъ кудри и бороду и вышелъ изъ мыльни показаться народушку, а послы тутъ за-разъ лопухи съ плетушечекъ сняли прочь и Доброхоту старичками челомъ въ землю ударили.

Король сдѣлался радостенъ: велѣлъ пословъ накормить, напоить и въ его собственной банѣ отмыть и хорошенечко выпарить, а самъ подошелъ къ старцамъ съ улыбкой привѣтною; но какъ увидалъ, какіе они сидятъ испитые, тщедушные — въ чемъ душа въ тѣлѣ держится, то отъ страха и руки врозь.

Однакоже, поглядѣвъ на нихъ окомъ благостнымъ, король осмѣлѣлъ и сталъ надъ ихъ надъ плетушками разговаривать, что вотъ такъ и такъ, наученъ онъ сызмлада наукамъ и мудростямъ и очень хочетъ, чтобы всѣмъ въ его королевствѣ хорошо было, а никакъ это у него не спорится, не ладится.

— Спрашивалъ,—говоритъ:—я объ этомъ моихъ мудрыхъ бояръ и совѣтчиковъ, да ничего не дошелъ отъ нихъ

умнаго: или они не знаютъ, или таятся, а говорятъ все такое, что уже тридцать разъ слышано. Ну те-ка, вы,— вы вотъ много лѣтъ все молчали и устремляли умы на высокое, — прошу я васъ честію: скажите вы мнѣ, отчего у меня не спорится и не ладится?

А старики какъ сидѣли, такъ и сидятъ по плетушечкахъ, и какъ молчали они много лѣтъ, такъ и теперь молчатъ и своего слова не сказываютъ.

Терпѣливъ былъ и ласковъ король, но за это разгнѣвался.

— Что же,—говоритъ,—вы молчите, какъ истуканы и чучела? Я посылалъ за вами много людей полированныхъ во всѣ стороны, а вы мнѣ и по одному слову не сказываете. Вы теперь не въ лѣсу и не въ болотѣ, а въ моемъ стольномъ городѣ: здѣсь молчать, когда спрашиваю, — значитъ грубительство и за это отъ моего утвержденія по закону васъ будутъ наказывать. Смекните, что я говорю съ вами не ради забавы и прибыли, а для пользы въ великихъ дѣлахъ государственныхъ. Для чего же вы мнѣ противляетесь? Не забудьте, что вы мнѣ вѣрноподданные, и я могу повелѣть, чтобы при мнѣ васъ поломя разсѣчь, или привязать васъ къ конскимъ хвостамъ, да и размыкать васъ по полю.

Но смутился король, что если старичковъ казни предать, тогда ничего отъ нихъ не довѣдаешь, а если сдать ихъ честь-честью съ рукъ на руки палачамъ-молодцамъ и велѣть развести по застѣночкамъ да на дыбѣ потрясти да разспрашивать, то они и одной встряски не выдержатъ — всѣ разсыплются въ прахъ и разлетятся пылью по потолкамъ да по стѣночкамъ.

И опять созвалъ Доброхотъ на совѣтъ всѣхъ своихъ мудрыхъ совѣтчиковъ и спросилъ ихъ: отчего передъ нимъ справедливые старцы упрямятся и что̀ ему съ ними надо сдѣлать, — какъ ихъ понудить, чтобъ они по одному важному слову высловили?

Вельможи отвѣчаютъ:

— Мы бы знали, что̀ дѣлать, да ты это дѣло самъ испортилъ.

— А чѣмъ я испортилъ?—вопросилъ король.

— А испортилъ ты тѣмъ, что понизилъ высокій санъ— сталъ съ простыми людьми вровняхъ разговаривать: вотъ они черезъ это теперь и зазнались. Тебѣ, кромѣ насъ да

стрѣльцовъ, ни съ кѣмъ говорить не пригоже, потому что твое дѣло средь всѣхъ людей особливое. Чтобъ исправить теперь ихъ какъ слѣдуетъ, дай ихъ намъ — мы отъ нихъ всю ихъ премудрость довѣдаемъ.

Король, было, совсѣмъ согласился отдать старцевъ боярамъ; но прослышала опять объ этомъ мамка-полонянка доплица и пришла съ клюкой къ королю, чтобъ его отговаривать.

— Не сердись,—говоритъ,—ты на бѣдныхъ пустынниковъ: вѣдь они одичали и молчатъ уже много лѣтъ. Не хотятъ они и тебѣ говорить не по грубости, потому будто дѣло твое особливое, а они—не прогнѣвайся—опростилися и тебя мнятъ не выше всѣхъ прочихъ въ созданіи, и въ особину на тебя не надѣются!

— Значитъ, глупы они, — отвѣчалъ король: — въ семъ вина тебѣ: вѣдь они сюда съ твоего совѣта и позваны.

— Нѣтъ, не глупы они, а неопытны: лгать стыдятся, а прямить боятся. Подожди, они при твоемъ дворѣ поживутъ — сполируются и тогда ухитрятся, какъ сказать про все неразберихою, — скажутъ такъ, что ничего не будетъ тебѣ и другимъ непріятнаго и все будетъ то, что̀ твоему могуществу надобно. А только ты потерпи и не давай ихъ на допросъ своимъ боярамъ-совѣтчикамъ: видишь самъ, чай, что старички они очень слабые, — а бояре твои противъ слабыхъ усиліе творить очень усердные: они ихъ возьмутъ да съ большого усердія запытаютъ и замучаютъ до-смерти. Мой совѣтъ тебѣ—будь обходительнѣй: призови ты сейчасъ лучше всего своего гусляра Разлюляя-гудошника — онъ измигулъ-мужиченко, лядащенькій, ни на міръ, ни въ семью ничего не работаетъ, а однимъ своимъ пустобрехомъ на свѣтѣ живъ; но зато знаетъ онъ всѣ разныя хитрости и всѣ ходы съ подходами. Посмотри-ка, онъ чего занесетъ пустолайкой и въ-разъ у старичковъ правды допросится—обойдетъ ихъ если не лаской, такъ хитростью.

Доброхотъ позвалъ своего плясуна, гусляра Разлюляя-гудошника, и сказалъ ему:

— Ты лядащій мужикъ-измигулъ не работистый, только хари гнешь, да врешь ни знать что̀ пустолайкой, — здѣсь отъ тебя до сей поры никакой пользы не было, а теперь я тебя хочу поставить совсѣмъ на другую стать. Полно тебѣ въ дуракахъ ходить да ерошиться: я теперь тебѣ свое государево великое дѣло приказываю, чтобы ты, какъ

умѣешь и вѣдаешь, допытался у старичковъ ихъ откровенія премудрости: отчего у насъ въ королевствѣ не спорится, не ладится?

И закончилъ король Разлюляю рѣшеніемъ:

— Узнаешь премудрость — дамъ тебѣ сто рублей, а не узнаешь — велю дать сто плетей. Помни, что мое слово королевское твердо, какъ Богъ въ небеси,—что̀ я сказалъ, то̀ и станется.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разлюляй-измигулъ, гулевой мужиченко, шершавенькій, повсегда онъ одѣтъ въ зипунишечкѣ въ пестренькомъ,— одинъ рукавъ кармазинный, а другой лазоревый, на головѣ у него суконный колпакъ съ бубенчикомъ, штаны пестрядинные, а подпоясочка лыковая,—не жнетъ онъ и не сѣетъ, а живетъ не знамо чѣмъ, и питаетъ еще хозяйку красивую да шестерку дѣтей, — на котораго ни глянь, сразу знать, что всѣ — Разлюляевичи. Ходитъ онъ повсюду болтается и никто разобрать не можетъ: видитъ ли онъ добро въ той темнотѣ, что была до Гороха-царя, или свѣтится ему лучшее въ тѣхъ смыслахъ, какіе открылися людямъ послѣ время Горохова. Никто его не чуждается, а всѣ зовутъ его «пустолайкою»; но измигулъ Разлюляй ни на чьи слова не обижается и за легкимъ тычкомъ не гоняется, а людей потѣшаетъ, и какъ устанетъ врать пустолайкою, то соловьемъ свиститъ, то лопочетъ варакушкой, на рукахъ идетъ, бокомъ катится и на всякій на разный манеръ притворяется.

Но какъ выслушалъ Разлюляй королевъ приказъ, позабылъ онъ всѣ свои забавы и шуточки, и началъ проситься отъ этого дѣла прочь,—что «не мнѣ-де такое важное дѣло вѣдати»; но король топнулъ ножкой, и пошелъ Разлюляй къ старикамъ и началъ вокругъ нихъ, по обычаю, измигульничать: митусить ногами и кланяться да притворно сквозь слезы приговаривать:

— Охъ вы, гой еси, старички справедливые, треблаженные. Божьи молчальнички, разомкните уста свои благовѣстныя и скажите скорѣй, не потайте отъ короля отъ нашего милосерднаго батюшки, отчего у него подъ державой все добро не спорится, не ладится?

А старички какъ молчали, такъ и теперь молчатъ, только, знай себѣ, въ копполочкахъ гнѣздятся.

Тогда Разлюляй сталъ на другой манеръ измигульничать и началъ ихъ пробовать жалостью.

— Мнѣ нужда есть узнать это страшная: потому что если вы мнѣ скажете, отчего не спорится добро, то король обѣщалъ мнѣ дать сто рублей, а если не скажете, то онъ дастъ мнѣ тогда сто плетей. Его слово королевское крѣпко, и сбудется—не забудется. Да вамъ и самимъ, старичкамъ, для себя молчать не совѣтую, потому что король васъ тогда не отпуститъ назадъ ни въ степь, ни въ лѣсъ, ни въ болото, а велитъ васъ подвѣсить въ кошолочкахъ подъ полати въ большой избѣ, гдѣ онъ держитъ частый совѣтъ со своими вельможами. Что̀ тамъ по всѣ дни наслышитесь — спаси только Господи. Вотъ вы на этотъ счетъ пораздумайте: каково-то вамъ тамъ придется слушать совсѣмъ непривычныя рѣчи до самаго до-вѣку! Выручайте и меня, и себя, отцы, а то нагрѣшите вы съ ними три короба и не годится послѣ того ни къ стру, ни къ смотру, ни въ рай, ни въ адъ, ни въ царство небесное, а такъ и останетесь висѣть подъ полатями.

Такъ напугалъ этимъ Разлюляй старичковъ, что они стали глазами водить во всѣ стороны и изгорѣвшими устами своими начали пошевеливать, а измигулъ Разлюляй-пустобрехъ, какъ увидалъ, что успѣлъ имъ загнать во лбы загвоздку здоровую,—сейчасъ побѣжалъ къ королю и говоритъ:

— Что̀ мнѣ отъ твоей милости сказано, я все это уже выполнилъ: старички уже теперь полируются, — стали уже губами двигать и скоро шептать начнутъ, — одѣвайся скорѣй, да иди-ка ихъ слушать, что̀ они высловятъ, какія премудрости.

Какъ пришелъ король да нагнулся къ первой плетушечкѣ, такъ и стало слышно ему, что старикъ-Дубовикъ и впрямь полируется,—объ ивовое плетеніе, какъ поросенокъ, всѣми боками трется, а самъ робко пыхтитъ и тихо покрехтываетъ.

Король его и спросилъ: «Отчего на свѣтѣ доброе не спорится и не ладится?»

Старикъ-Дубовикъ прошепталъ:

— *Оттого, что люди не знаютъ: какой часъ сажене всѣхъ.*

Доброхотъ нагнулся къ другому, къ Полевику, и того спросилъ, а тотъ шепчетъ:

— *Оттого, что не знаютъ: какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ.*

Нагнулся Доброхотъ и къ третьему старичку, а тотъ ему сказалъ:

— *Оттого, что не знаютъ: какое дѣло дороже всѣхъ.*

И такъ молчальникамъ трудно это было проговорить съ отвычки, что они какъ только сказали, такъ и ослабѣли, и больше не полируются, а лежатъ, едва дышатъ, на донышкахъ. Ничего отъ нихъ король больше никакъ не могъ допытаться-довѣдаться, и еще больше разсердился, потому что сказанныя ими слова стали ему загадками, которыя понимать можно на-дное. Король же привыкъ такъ все брать, чтобы было ему все какъ на ладонкѣ положено, и оттого ему теперь еще больше досада пришла, и приказалъ онъ сдѣлать съ старичками точь-въ-точь такъ, какъ имъ Разлюляй пригрозилъ: указалъ Доброхотъ, чтобъ ихъ не носить ни въ лѣсъ, ни въ болото, а подвѣсить ихъ въ коношкахъ въ большой совѣтной избѣ подъ полатями и держать ихъ тамъ, пока они не скажутъ: «какой самый важный часъ, кто самый нужный человѣкъ и какое дѣло дороже всѣхъ».

Отнесли старичковъ въ совѣтную избу и подвѣсили подъ полатями въ ихъ плетушечкахъ, посыпали имъ пшенной кашки, чтобъ они въ просоночкахъ зоблили, и поставили на верхнемъ полу ведерцо воды съ мѣднымъ ковшикомъ, а сами всѣ спать пошли и разоспались до одури самымъ крѣпкимъ сномъ до самаго до свѣту.

Но однако спали не всѣ люди во всю ночь безъ просыпу, — проснулся въ первые пѣтухи сынокъ кравчаго, побѣжалъ въ избу незапертую и укралъ изъ ведра съ водой красный мѣдный ковшъ, чтобы промѣнять его на подторжьѣ на пряники. А потомъ еще не посналось самому королю Доброхоту-премудрому: все казалось ему, будто его закожныя блошки покусываютъ. Провалялся онъ такъ безъ сна до послѣднихъ пѣтуховъ, и надоѣло ему въ постели барахтаться — безъ сна лежать, только маяться; всталъ онъ горошкомъ, распрямился, нахватилъ себѣ на плечи королевскую глубоньку и пошелъ старичковъ посмотрѣть: живы ли они и здоровы ли, и чего они черезъ ночь, полируясь, надумались?

Пришелъ король въ избу, подставилъ себѣ къ полатямъ приставную скамеечку, но только-что глянулъ въ плетушечки,—такъ и ротъ раскрылъ, и завопилъ благимъ голосомъ, и со скамьи на полъ навзничь треснулся. Всѣ пле-

тушечки были пусты-пустёхоньки, и ни отъ одного старичка ничего не осталося, кромѣ смятаго мѣста да насѣдней. Разлетѣлись ли они легкою пылью по стѣнкамъ да по полу, или унесло ихъ по воздуху, но только тутъ, гдѣ они сохранялися, ничего не осталося.

Король такъ испугался, что какъ со скамьи упалъ, такъ и не становится на ноги, а катается по полу и такъ бьется, что вся земля трясется. Стало страшно ему, что когда ни есть, благимъ временемъ, уберегутъ самого его слуги вѣрные, такъ что, пожалуй, лиходѣи и его со двора сведутъ и растрясутъ гдѣ-нибудь безъ остаточка!.. Услыхали караульщики, какъ земля дрожитъ, и стали спросонья бить громкій всполохъ по чугунной доскѣ на цѣлый дворъ и кричать благимъ голосомъ: «Ай земля сотрясается—мы насилу за колышки держимся!»

Перепугались всполоха и крика королевскіе спальники и застольники и начали со страху вокругъ себя на корачкахъ ползать, а потомъ пришли и вылили королю все ведро воды за воротъ, и насилу нашли королевскаго доктора-нѣмчина, который одинъ зналъ, что̀ сдѣлать надобно: онъ поднесъ Доброхоту подъ самый носъ стеклянную столбушечку, а въ столбушечкѣ тертый крѣпкій хрѣнъ, и защекоталъ ему перстами въ подмышечкахъ.

Отъ хрѣну и щёкота королю сразу полегчало: онъ сталъ похохатывать и въ-разъ возвратились ему всѣ его чувства нѣжныя и большія заботы о подданныхъ. Созвалъ онъ опять къ себѣ всѣхъ бояръ и совѣтчиковъ и сталъ спрашивать ихъ: гдѣ дѣлись пустынички, не извелъ ли ихъ кто какою отравой, боясь ихъ правдивыхъ словъ, или не продалъ ли ихъ съ ненасытной душою куда-нибудь въ чужое царство безбожное, гдѣ ихъ станутъ неволить въ римскій костелъ ходить и ѣсть скоромное по середамъ и по пятницамъ.

Бояре, какъ могли, постарались короля успокоивать, и стали ему доводить, что никакого тутъ зла съ умысломъ не случилось, а что просто жилъ, вѣрно, въ палатѣ подъ поломъ жадный хорь, и поѣлъ этотъ жадный хорь старичковъ безъ остаточка.

И стали всѣ короля отвлекать и разсѣевать, — что убиваться ему о такой пустой пропажѣ долго не слѣдуетъ, что «старички были люди ветхіе и свой вѣкъ давно уже отжили».

— Пропоемъ о нихъ панихидочку, вспомянемъ ихъ кануномъ на паперти, да у себя по домамъ блинками съ

приневою, и будемъ править всѣмъ опять по-старинному, какъ было при дѣдахъ нашихъ и прадѣдахъ. А что никакъ не спорится и не ладится — про то, значитъ, и думать не слѣдуетъ: на землѣ бѣднякамъ всегда будетъ жить тяжело, да никуда они не подѣнутся: вѣдь на небо взлетѣть крыльевъ имъ не дано. Поскулятъ и на томъ успокоятся!

Королю же, однако, эти слова не понравились, и не повѣрилъ онъ тому, чтобы старичковъ у него въ избѣ хорь изъѣлъ,—а сказалъ онъ такъ:

— Если хорь изъѣлъ, то гдѣ же ихъ косточки? Панихиду о нихъ я согласенъ пѣть, да вѣдь надо пѣть ее надъ могилами.

Тогда приступилъ къ королю судный дьякъ, во всѣхъ дѣлахъ многоопытный, и сказалъ королю, что бояре болтаютъ негожее: не хорь изъѣлъ старичковъ, а ушли они не иначе, какъ своею колдовскою хитростью: пролили изъ ведра воду на полъ, а сами сѣли въ мѣдный ковшикъ и уплыли. Ихъ теперь нигдѣ не сыскать никакими манерами. Отъ лихихъ колдовскихъ людей таковыя дѣла не разъ были во всѣхъ земляхъ, и при всѣхъ дѣдахъ и при прадѣдахъ, и вездѣ на телячьихъ на шкурахъ записаны чертами и рѣзами, со брегами широкими, и въ самыхъ глубокихъ подвалахъ тѣ шкуры положены, чтобы хранить въ поученіе внукамъ и правнукамъ.

А король говоритъ: «хорошо, чему вѣрили дѣды и прадѣды, тому я всему съ охотою вѣрую; но вѣдь не грѣхъ и то узнать: что какъ устроено? Вотъ я хочу, чтобы вы показали мнѣ: черезъ какое подполье старцы въ мѣдномъ ковшѣ сквозь землю въ океанъ-море спустилися? Согнать сейчасъ со всего королевства плотниковъ и чтобы взломали они въ-разъ всѣ полы во всѣхъ домахъ. Не ломать только въ моемъ теремѣ, да у сѣрыхъ сельскихъ людей, у которыхъ въ жильяхъ полы не стланы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пошли бояре не веселы: не хотѣлось имъ посылать людей, чтобы сгонять со всего королевства плотниковъ и ломать половицы въ жилыхъ домахъ, а не смѣли ослушаться короля и не знали, какъ своему горю помочь. Но на ихъ счастье узнала опять обо всемъ объ этомъ королевская мама-чуждянка-доилица, и пришла она къ королю съ прежней смѣлостью и начала говорить ему по-учтивому:

— Ты прости меня, неразумную: я хоть и стара и глуха, а кое-что слышала, и могу тебѣ разсказать, куда дѣлися старчики. Ихъ не хорь изъѣлъ и не сплыли они въ мѣдномъ ковшикѣ, а настращалъ ты ихъ до смерти самъ, что велѣлъ ихъ подвѣсить къ полатямъ въ избѣ, гдѣ держишь совѣтъ свой съ своими боярами. Старчики вѣкъ сидѣть и все слушать васъ забоялись. Я не спала всю эту ночь отъ лихого отъ вереда и слышала, какъ они другъ со дружкой въ потемкахъ скликнулись. По началу всѣ они сразу чирикнули точно будто сверчки подъ загнеточкой, а потомъ зачали въ своихъ плетушечкахъ покачиваться и такъ раскачались во всѣ стороны, что въ-разъ опрокинулись и съ сѣнцомъ вмѣстѣ на полъ и выпали.

— Гдѣ же они теперь?—закричалъ король.

— А теперь ихъ и слѣдъ простылъ: уползли на корачкахъ съ твоего двора и всѣ въ буйной травѣ безъ слѣдочка и скрылися. Теперь ихъ тебѣ ни за что не найти, потому что трава у насъ этотъ годъ очень рослая; да и дѣло до нихъ ужъ теперь не касается.

— Отчего же оно не касается?

— Оттого, что приснился мнѣ вѣщій сонъ, и былъ слышенъ во снѣ таковой глаголъ, что отгадать ихъ премудрость можетъ только одна чистая жалостница, которая всѣхъ равно сожалѣетъ, а сама о себѣ ничего вовсе не думаетъ. Такъ вотъ ты теперь оставь старичковъ, а посылай искать эту дѣвицу.

Король свою маму-чуждянку послушался и сейчасъ же разослалъ дворянъ и боярскихъ дѣтей дѣвицу разыскивать, а на кормы имъ повелѣлъ собрать по всѣмъ дворамъ съ каждаго дыма по шелегу.

Съ неохотой большою и съ тугою боярскія дѣти и дворяне въ подневольный отъѣздъ собиралися; перво-наперво всѣ они взяли шелеги, а потомъ зачали у себя по домамъ печи топить и въ баняхъ париться. А потомъ долго справляли себѣ лубяныя зобёнки раскрашенныя, да укладывали въ нихъ пироги съ ветчинной начинкой, медовыя оладьи да колобки въ жиру кипяченые, да блины съ разною съ приправой, и когда, наконецъ, напосудились, то кое-какъ съ трудомъ за ворота повыползли и поѣхали въ путь со своими стремянными. А какъ за околицу выѣхали, такъ сейчасъ взяли съ прямого пути въ стороны и разъѣхались

къ роднымъ да къ пріятелямъ, и начали тамъ ѣсть досыта, пить до-пьяна, а напившись — кости и зернь метать, и игравъ — подрались и другъ дружкѣ подъ очи синявы намѣтили, а потомъ помирилися, на синія мѣста муки съ медомъ намазали и легли, крѣпко выспались, а какъ хмель прошелъ и синяки позаиндивѣли — послы всѣ назадъ возвратилися и почали разные страхи разсказывать про то, гдѣ будто были и что видѣли, и, предъ иконами ставъ, забожилися, что хоть много на свѣтѣ есть непонятнаго, но нѣтъ нигдѣ такой дѣвушки, которая бы всѣхъ сожалѣла, а о себѣ объ одной не заботилась.

— Къ этакой,—говорятъ:—если бъ была она, весь народъ на одинъ край свѣта сбѣжался бы, и весь свѣтъ бы тогда перекувыркнулся.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Услыхавъ такой сказъ, король такъ опечалился, какъ до сихъ поръ и не было: не сталъ онъ совсѣмъ ни ѣсть, ни пить, ни по галлереѣ гулять, дышать чистымъ воздухомъ, а залегъ какъ медвѣдь на зимовочку. И вотъ лежитъ онъ такимъ манеромъ разъ въ сумеркахъ, совсѣмъ тонцій, у себя въ верхней горницѣ на лежаночкѣ, и едва черезъ силу говоритъ своей бабѣ-доилицѣ:

— Неужели же я такъ и умру, не довѣдавшись: какой часъ важнѣе всѣхъ, какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ и какое дѣло дороже всѣхъ?

А баба ему отвѣчаетъ:

— Если будешь все бояръ разсылать, — пожалуй, что такъ и не дознаешься, а попробуй пошли опять отыскать дѣвицу-разгадчицу своего Разлюляя-гудошника. Пусть онъ ее хоть и вѣкъ ищетъ, но безъ нея чтобы не шелъ назадъ. Онъ мужичонко корявый, ледащенькій, говоритъ пустолайкою, и за нимъ никакія дѣла не задержатся, а кормовъ ему отъ казны супротивъ бояръ можно дать всего одну долечку, да и то почитай, что не надобно: онъ и такъ пропитается какъ-нибудь одною своею вѣрностью. Вѣрныхъ псовъ-то добрый народушка и весь вѣкъ держитъ на безкормицѣ. Пусть и онъ при всей вѣрности свое счастье испробуетъ. Пускай высѣчетъ себѣ топоромъ въ заказномъ лѣсу хоть костыль съ клюкой, хоть дубинку здоровую, а на плечо перекинетъ непечную обрать конскую, и довольно

ему принадлежностей. Пусть идетъ, будто надо ему коней искать: «на росу, молъ, пустили, а они съ росы разбѣжалися». И пусть такъ идетъ куда знаетъ самъ, и проходитъ хоть сквозь цѣлый бѣлый свѣтъ: гдѣ-жъ-нибудь на краю свѣта разыщетъ онъ дѣвицу-отгадчицу. Вѣдь сквозь тарьтара-ры она, небось, не провалится.

— Хорошо, — отвѣчалъ король: — всѣ твои разсужденія умныя, и они мнѣ всегда очень нравятся: пошлемъ Разлюляя во мѣсто большихъ бояръ; а только не вздумаю, какое ему посулить за его службу жалованье?

— Обѣщай, что̀ больше, то лучше. Пусть больше зарится, а тамъ, что взаправду дашь — будетъ видно, по его по старанію. И совсѣмъ ничего не дашь — тоже стерпится: на тебя вѣдь ни въ судъ не пойдетъ просить, ни въ полицію. На тебя одинъ Богъ судья: твое дѣло совсѣмъ особливое.

— Это правда, — отвѣчалъ король: — на землѣ мы не судимся, ну, а все-таки надо и намъ межъ людей вести себя съ честностью: что̀ королевскимъ словомъ обѣщано, то ужъ надо и выплатить, все равно какъ по бирочкѣ.

— Ну, такъ пожалуй его опять и въ этотъ разъ въ одностай противъ прежняго: если онъ исполнитъ свою службу и найдетъ дѣвицу-разгадчицу, дай ему въ тѣ поры полныхъ сто рублей, а если не исполнитъ — не сыщетъ дѣвицы, вели дать ему полностью сто плетей, да и отпусти его тогда, Богъ съ нимъ, пусть идетъ опосля къ своему двору, а ты на него больше не гнѣвайся и пожалѣй его за стараніе.

— А какъ онъ и дѣвицы не найдетъ, и сюда къ намъ со страху совсѣмъ не воротится? Онъ вѣдь пустой человѣкъ, ему вездѣ все равно — въ цѣломъ мірѣ отечество.

— Ну, про это, — сказала старуха: — я, другъ мой, не свѣдуща. Позови къ себѣ изъ приказа посольскаго судового дьяка, который посламъ ярлыки дастъ за печатями; дьякъ тебѣ это дѣло все оборудуетъ.

Пришелъ дьякъ и привелъ съ собою самаго хитраго подьячаго съ приписью и подали королю такой совѣтъ, что ярлыка Разлюляю вовсе не надобно, а какъ станетъ король отпускать Разлюляя въ послѣдній разъ, то сказать ему, что идетъ онъ посломъ не на цѣлый вѣкъ, а дается ему сроку ходить по свѣту всего три года, и если онъ къ концу третьяго года своей службы не выполнитъ, то ему самому зла не послѣдуетъ на чужой землѣ, а тутъ, дома, его дѣти

съ ихъ матерью каждую недѣлю будутъ ставлены на площадь по три утра и будутъ биты въ три прута, а при томъ битьѣ у нихъ будутъ спрашивать: знаютъ ли, гдѣ ихъ отецъ и когда передъ свѣтлыя королевскія очи воротится?

— Пригрози-ка такъ,—сказалъ дьякъ:—Разлюляй хотя и пустой человѣкъ, а дѣти всякому своя кровь: небось и онъ пожалѣетъ ребятъ и жену, и назадъ придетъ. Таковые разы уже не разъ были и на шкурѣ телячьей записаны чертами и рѣзами, со брегами широкими, и въ подвалъ подъ избой на сохрану положены.

Король молвилъ втишь, что ему самого Разлюляя жаль, но и дьякъ и подьячій съ приписью его успокоили.

— Нельзя никого сожалѣть намъ въ особину, пока все вообще еще не устроилось. До всеобщей устройки кто-нибудь пусть потерпитъ, для другихъ постарается и за то будетъ всѣмъ польза въ будущемъ, а ему это зачтется на тотъ свѣтъ душевнымъ спасеніемъ.

И изволилъ сказать король, чтобы собрать Разлюляя въ путь, а кормовъ ему присудили дать небольшимъ положеніемъ: толоконца за пазуху да узелокъ соли въ тряпочкѣ, а дальше пусть чѣмъ самъ знаетъ, тѣмъ пусть и кормится.

Сытѣе его снаряжать и не стоило, потому что дѣло, за которымъ шелъ онъ посломъ, совсѣмъ ненадежное. Весь народъ о томъ зналъ отъ бояръ сановитыхъ доподлинно. Да кромѣ того Разлюляю нигдѣ кормовъ и не надобно. Оголодаетъ, такъ можетъ либо пѣсню спѣть, либо ударить хорошенечко вприсядку, и вездѣ себѣ хлѣба онъ выпляшетъ, а не выпляшетъ, такъ и самъ возьметъ потихонечку. Вѣдь съѣстное тайно взять не грѣхъ, а благородиться Разлюляю не для чего: на немъ чина большого не кладено; ударятъ по шеѣ—согнется, а запрутъ гдѣ-нибудь—выерзнетъ подворотнею и опять пойдетъ веселехонекъ.

Измигулъ же и нетягъ Разлюляй Разлюляевичъ не дуракъ тоже былъ: не взманила его большая честь, чтобы быть въ послахъ, и началъ онъ сильно отпрашиваться, и до той поры предъ трономъ въ половицу лбомъ стучалъ, что набѣжала у него на лбу шишка, какъ грибъ, что зовется волвянкою. Представлялъ онъ королю Доброхоту всѣ доводы, что и не уменъ, и не знатенъ онъ, и на всѣ языки не выученъ, и не съ каждымъ вровняхъ говорить можетъ,

а здѣсь безъ него дома ребятъ кормить некому и некому ихъ учить уму-разуму и почтенію королевскому.

Только просьбы его ни король, ни бояре не слушали, а сказали ему, чтобъ о дѣтяхъ своихъ нимало не плакался, потому что ихъ сошлютъ до его возвращенія къ самому королю на птичный дворъ и приставятъ утятъ стеречь, и будутъ имъ тамъ и кормъ вдоволѣ, и во всѣхъ смыслахъ наученіе; а самого Разлюляя выпихнули за ворота, какъ онъ дома былъ, въ одномъ зипунишкѣ съ заплатами, въ рукѣ дубиночка, а на плечахъ обрать конская,—будто онъ ходитъ да сбѣглыхъ коней ищетъ.

Нечего было больше дѣлать Разлюляю, и пошелъ онъ искать дѣвицу-разгадчицу. И шелъ онъ все честь-честью самымъ смирнымъ обычаемъ, нигдѣ ничего, кромѣ съѣстного, не кралъ, и когда не давали вина—не пьянствовалъ, а все шелъ впередъ; долго ли, коротко ли, и зашелъ онъ страсть какъ далеко, на самый почти край свѣта. Встрѣчалъ онъ на своемъ пути много разныхъ людей, и звѣролововъ, и коробейниковъ, и пахарей, и у всѣхъ, кого встрѣчалъ, всѣхъ разспрашивалъ, какой часъ важнѣе всѣхъ, какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ и какое дѣло дороже всѣхъ; но никто этого разгадать не могъ. А обратно тѣ, кого онъ разспрашивалъ, сами хотѣли знать отъ него: отчего у него на лбу выскочила шишка волвянкою? А Разлюляй говорилъ про волвянку всякому разное: то будто онъ своему королю у Бога довѣчнаго живота просилъ и все въ землю кланялся, то будто самъ за свои грѣхи каялся. Наконецъ, повстрѣчался онъ разъ съ воровскимъ цыганомъ, подъ самую Пасху великую, и тоже сталъ у того цыгана про свое дѣло спрашивать; но цыганъ ему засвисталъ и показалъ въ перстахъ загогулину и говоритъ:

— Ты мнѣ прежде самъ скажи: хорошо ли жить у васъ подъ державою и отчего у тебя на лбу вспухла шишка волвянкою?

Разлюляй ему разсказалъ, что жить у нихъ очень сладостно, а что шишка у него сдѣлалась отъ большихъ молитвъ; но цыганъ говоритъ:

— Не обманешь, братъ, я и самъ богомоленъ, и посты держу, когда нечего ѣсть, а на лбу у меня нѣтъ еще шишки волвянкою. Признавайся поистинѣ.

— А поистинѣ, — говоритъ Разлюляй:—я въ банѣ мылся да съ полка свалился.

— Что же ты за полокъ-то не уцѣпился?

— Очень угорѣвши былъ.

— Вотъ, я вижу теперь, ты говоришь мнѣ все по совѣсти: ишь, какіе вы, братцы, счастливые—васъ и кормятъ, и поятъ, и спины вамъ порютъ—чего еще надобно! Теперь мнѣ съ тобою вдвоемъ ночевать не страшно,—отвѣчалъ цыганъ, зубы скалючи, и обѣщалъ ему завтра натощѣ отгадать всѣ три загадки. Такъ легли они и покрылись зипуномъ Разлюляевымъ, а въ ночи всталъ цыганъ, съѣлъ все толокно, укралъ обрать, надѣлъ зипунъ, да и былъ таковъ.

Остался Разлюляй въ однихъ порткахъ да въ рубахѣ и поплелся въ пустынный скитъ, гдѣ жилъ высокій попъ Сирахъ, у котораго была одна ряса въ дырахъ, а читалъ онъ все книгу Премудрости; но только оказалось, что Сираха попа давно уже и на свѣтѣ нѣтъ, а на его мѣстѣ живетъ новый попъ, хотя ростомъ и низокъ, да зато на немъ сорокъ ризокъ, и онъ постъ и читаетъ молебны съ акаѳистами, а въ Сирахову книгу Премудрости не заглядываетъ. Ни откудова нѣтъ Разлюляю ни совѣта, ни помощи, только все ему бѣдства множатся, и идетъ онъ, самъ подъ собой земли не видитъ и проливаетъ слезы горючія. Тутъ-то надъ нимъ наконецъ Богъ и сжалился—даровалъ ему встрѣчу желанную.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Самъ не свой Разлюляй шелъ все далѣе и зашелъ въ самый темный лѣсъ и заснулъ на мху на полянокѣ и проспалъ съ полдня до полночи, а въ полночь прокинулся и увидѣлъ онъ тамъ при лунѣ старичка очень стараго, въ долгой рубахѣ до пяточекъ—стоитъ да съ липъ лычко деретъ, а устами постъ тихо Спасовъ стихъ.

Разлюляй думаетъ: что это—либо сонъ снится мнѣ, либо видѣніе, или такой заправскій старикъ, которому въ ночи спать не хочется? А не лучше ли мнѣ, на всякій разъ, съ старичкомъ поздороваться?..—Взялъ и сказалъ ему по-учтивому:

— Помогай Господь тебѣ, дѣдушка!

Старикъ отвѣчаетъ:

— Будь и ты здоровъ, Какойто Какойтовичъ, и скажи, какъ тебя зовутъ иначе?

Разлюляй ему назвался.

— Хорошо,—говоритъ старичокъ:—Разлюляй—имя веселое; да скажи-ка мнѣ, Разлюляй, для чего ты здѣсь из-

мигульничаешь, зачѣмъ у насъ по лѣсу шляешься? Или вы ужъ свои-то лѣса всѣ повывели?

Разлюляй ему отвѣчалъ, какъ лѣса свели, да притомъ разсказалъ и зачѣмъ посланъ, и что претерпѣлъ, и какъ потерялъ всѣ свои принадлежности; а старикъ ему говоритъ:

— Твое дѣло, братъ, для меня непонятное, ну а только сдается мнѣ, будто я тебѣ въ этомъ дѣлѣ помочь могу.

— Помоги, ради Господа, дѣдушка, а тебѣ Господь Богъ заплатитъ сторицей.

— Да, Господь-то, Господь, всѣмъ намъ батюшка, а по Немъ и всѣ братья мы, а ты, молодецъ, не зѣвай-ка, а полѣзай-ка вотъ этой глухою тропиночкой; теперь ужъ гораздъ ночи убыло, уже волкъ умылся и кочетокъ пропѣлъ. Да иди не борзясь, а съ терпѣніемъ, и не бранись никакъ дурнымъ словомъ, не гони отъ себя своего сохранителя-ангела. Такъ пройди ты черезъ весь долгій черный лѣсъ и придетъ тебѣ тамъ впоперекъ пути холодная балочка; ты переплынь вплавь безъ страху черезъ холодную балочку, да пройди опять весь красный сосновый боръ и увидишь прогалинку, а на ней посрединѣ примѣтный калиновъ кустъ и отъ того куста поворотъ будетъ на полдень, и тамъ ты увидишь поляночку, а посреди той поляны стоитъ больной журавель окалѣченный: одно крыло у него все какъ слѣдуетъ, а другое повисши мотается, и одна нога тоже здоровая, а другая въ лубочекъ увязана. Не то его въ небѣ орелъ подшибъ, не то не знать для чего подстрѣлили княжьи охотники: они убивать и звѣрковъ и птицъ, спаси Господи, какіе досужіе! А у меня есть внучка-дѣвчурочка, тутъ въ лѣсу со мной и выросла, да такая, Богъ далъ, до всѣхъ сердобольная, что не обидитъ козявочку, — вотъ она того журавля нашла, да въ лубочекъ ему хворую ножку и повила. Ну, теперь ей заботы и прибыло: доглядаетъ его и даетъ ему зернышки, пока журавелько поправится, да дождетъ себѣ по поднебесью въ теплые краи попутчиковъ. Тамъ и сама она, моя внучка-то, отъ поляны отъ той въ сторонокѣ на сухомъ взлобкѣ нашихъ овецъ пасетъ. Ты узнаешь ее: такая дѣвица пригожая, глазомъ посмотришь — вѣкъ не забудешь, сколько свѣтитъ добра изъ ней. Она тамъ либо волну разбираетъ, либо шерсть прядетъ... Все сиротинкамъ готовитъ къ студеной порѣ на наглинки... Не гордись предъ ней, что ты королевскій посолъ, а спроси ее:

она тебѣ можетъ все разсудить, потому что данъ ей отъ Бога свѣтлый даръ разумѣнія.

Разлюляй такъ и вскрикнулъ отъ радости.

— Боже мой!—говоритъ,—вѣдь ее-то мнѣ только и надобно! Про нее, про дѣвицу, мнѣ только и сказано; мнѣ другихъ никого бы не надо и спрашивать.

— Вѣстимо, не надобно. Кто въ суетѣ живетъ, тѣмъ развѣ могутъ быть явлены тайны сердечныя!

— А кто же еще тамъ съ твоею внучкой, какіе люди живутъ вмѣстѣ, дѣдушка?

— Господь съ ней одинъ тамъ, одинъ Господь-Батюшка. Онъ одинъ ее бережетъ, а людей съ ней никакихъ, милый, нѣтути.

— Какъ же она не боится одна въ глухой дебри жить?

Тутъ старикъ слегка понасупился.

— Полно-ка,—говоритъ, — заводить намъ про боязнь да про страхъ рѣчи негожія! Что ей за страхъ, когда она про себя совсѣмъ и не думаетъ!

— Господи! Вотъ это она и есть!—завопилъ Разлюляй.— Вотъ это ее-то одну мнѣ и надобно!

И забылъ Разлюляй про всю усталь свою, побѣжалъ шибко къ дѣвушкѣ. И на долю свою онъ больше не плачется, и на радости не свиститъ соловьемъ, и не прыгаетъ, и не лопочетъ варакушкой, а поетъ благочестный стихъ:

«Какъ шелъ по пути слабый путничекъ,
«А навстрѣчу ему Самъ Исусъ Христосъ».

Пробѣжалъ такъ Разлюляй безъ устали весь и черный и красный лѣсъ, переплылъ безъ боязни холодную балочку, опозналъ и примѣтный калиновъ кустъ на поляночкѣ и увидѣлъ, что тамъ въ самомъ дѣлѣ стоитъ хромой журавль, одна нога въ лубочкѣ увязана, а самъ тихо поводитъ головой во всѣ стороны и глазами вверхъ на небо смотритъ и крыломъ шевелитъ, ожидаетъ попутныхъ товарищей. Но едва увидалъ журавль, что идетъ Разлюляй — чужой человѣкъ, вдругъ закурлюкалъ и замахалъ живымъ крыломъ и запрыгалъ на здоровой ногѣ ко взлобочку. А тамъ, прислонившись у дерева, стоитъ вѣтвяной шалашъ, а предъ тѣмъ шалашомъ старый пень, а на пнѣ сидитъ молодая, пригожая дѣвушка, съ большою русою косою, въ самотканной сорочкѣ, и прядетъ овечью шерсть, а лицо ея добротою все свѣтится. Вокругъ нея ходитъ небольшое стадо овецъ,

а у самыхъ у ея ногъ пріютился старый, подлѣзлый заяцъ, рваныя уши мотаются, а самъ лапками, какъ котъ, умывается.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Разлюляй подошелъ къ дѣвицѣ не борзо, не съ наскоку, а сталъ смотрѣть на нее издали, и лицо ея ему черезчуръ свѣтло показалось—все добра полно и вмѣстѣ разума, и нѣтъ въ ней ни соблазна, ни страха заботнаго — точно все, что̀ для ней надобно, ею внутри себя уготовано. И вотъ видно ему, что встала она при его глазахъ съ ненушка, заткнула недопряденную шерстяную куделю за вѣточку и пошла тихо къ кустику, за которымъ стоялъ Разлюляй, тайно спрятавшись, и взяла тутъ изъ ямки мазничку дегтярную и стала мазать драный бокъ дикой козѣ, которая тутъ же лежала прикрыта за кустикомъ, такъ что до этого Разлюляй и не видалъ ея. Тутъ уже Разлюляй и не вытерпѣлъ—вышелъ онъ навстрѣчу къ дѣвушкѣ и поклонился ей по-вѣжливому и заговорилъ съ ней по-учтивому:

— Здравствуй, красная дѣвица, до другихъ до всѣхъ ласковая, до себя беззаботная. Я пришелъ къ тебѣ изъ далекихъ странъ и принесъ поклонъ отъ короля нашего батюшки: онъ меня послалъ къ тебѣ за большимъ дѣломъ, которое для всего царства надобно.

Дѣвица поглядѣла на Разлюляя чистымъ взоромъ и отвѣчала:

— Будь и тебѣ здѣсь добро у насъ. Что есть въ свѣтѣ «король» — не знаю я, и изъ какихъ ты людей — это мнѣ все равно, а за какимъ дѣломъ ко мнѣ пришелъ —не теряй время, про то дѣло прямо и сказывай.

Въ-разъ понялъ Разлюляй, что съ ней кучерявыхъ словъ сыпать не надобно, и не сталъ онъ дробить пустолайкою, а повелъ сразу рѣчь коротко и все на̀-чисто.

— Такъ и такъ, — говоритъ, — вотъ что у насъ въ королевствѣ случилося: захотѣлъ нашъ король сдѣлать, чтобы всѣмъ хорошо было жить, а ничего это у насъ не спорится, не ладится, и говорятъ, будто все будетъ неладиться до той поры, пока не откроемъ премудрости: *какой часъ сажнье всѣхъ*, и *какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ*, и *какое дѣло дороже всѣхъ?* Вотъ за этимъ-то дѣломъ и посланъ я: и обѣщано мнѣ королемъ моимъ ласковымъ, что если я принесу отгадку, то онъ пожалуетъ мнѣ сто рублей, а если не принесу, то не миновать мнѣ тогда счетныхъ ста плетей

Ты до всѣхъ добра и жалостна, вотъ даже и звѣрки, и птицы къ тебѣ льнутъ, какъ къ матери; пожалѣй же и меня, бѣдняка, красна-дѣвица, отгадай мнѣ премудрость, чтобы не пришлось мнѣ терпѣть на своемъ тѣлѣ ста плетей, мнѣ и безъ бойла теперь уже мочи нѣтъ.

Выслушала дѣвица Разлюляеву рѣчь и не стала его ни измигульникомъ звать, ни разспрашивать: какъ набилъ онъ себѣ на лбу волдырь волвянкою, а сорвала у своихъ ногъ придорожной травки, скрутила ее въ рукахъ и сокъ выжала, да тѣмъ сокомъ лобъ Разлюляю помазала, отчего въ ту же минуту у него во лбу жаръ прошелъ и волвянка принизилась. А потомъ дѣвица подошла опять къ своей шерстяной кудели и отвела нить пряжи длинную, и когда нить вела, замѣтно все думала, а какъ стала на веретено спускать—улыбнулась и молвила:

— Хорошо, что ты не задалъ мнѣ дѣло трудное, сверхъ моего простого понятія, а загадалъ дѣло Божіе, самое простое и легкое, на которое въ прямой душѣ отвѣтъ ясенъ, какъ солнышко. Изволь же ты меня теперь про эту простую премудрость твою по порядку разспрашивать, а я о ней по тому же порядку тебѣ и отвѣты дамъ.

Разлюляй говоритъ:

— Молви, дѣвица, какой часъ важнѣе всѣхъ?

— *Теперешній*,—отвѣчала дѣвица.

— А почему?

— А потому, что всякій человѣкъ только въ одномъ въ теперешнемъ своемъ часѣ властенъ.

— Правда! А какой человѣкъ нужнѣе всѣхъ?

— *Тотъ, съ которымъ сейчасъ дѣло имѣешь.*

— Это почему?

— Это потому, что отъ тебя сейчасъ зависитъ, какъ ему отвѣтить, чтобъ онъ радъ или печаленъ сталъ.

— А какое же дѣло дороже всѣхъ?

— *Добро, которое ты въ сей же часъ этому человѣку поспѣшь сдѣлать.* Если станете всѣ жить по этому, то все у васъ заспорится и сладится. А не захотите такъ, то и не сладите.

— Отгадала все!—вскричалъ Разлюляй, и хотѣлъ сразу въ обратный путь къ королю бѣжать, но дѣвушка его назадъ на минуточку вскликала и спросила:

— А чѣмъ ты, посолъ, увѣришь пославшаго, что отвѣтъ ему отъ меня принесъ, а не самъ собой это выдумалъ?

Разлюляй зачесалъ въ головѣ и задумался:

— Я,—говоритъ,—объ этомъ, признаться, не взгадывалъ.

А дѣвица ему говоритъ:

— Ничего, не робѣй, я тебѣ дамъ для увѣренья его доказательство.

И научила Разлюляя дѣвица такъ учредить, что когда онъ придетъ къ своему королю, то чтобы сказалъ ему смѣло все, не боясь ни лихихъ людей и не ста плетей, а когда скажетъ все, то чтобы не бралъ себѣ ста рублей, а попросилъ ихъ въ тотъ же часъ раздать на хлѣбъ сиротамъ, да вдовамъ, и всей нищей братіи, для которыхъ Христосъ просилъ милосердія. И если король кромѣ ста рублей еще что̀ посулитъ или пожалуетъ, то и того чтобы тоже ничего не взялъ, а сказалъ бы ему, что «я, молъ, принесъ тебѣ свѣтлый Божій даръ — простоту разумѣнія, такъ за Божій даръ платы не надобно».

Отвѣчалъ Разлюляй:

— Хорошо; я такъ все и сдѣлаю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ тѣмъ отошелъ Разлюляй отъ дѣвушки, и какъ она его научила, такъ онъ все и сдѣлалъ: пришелъ онъ и сталъ говорить съ королемъ все поистинѣ, не боясь ни дьяка, ни бояръ, ни обѣщанныхъ ему ста плетей; а потомъ не принялъ отъ него пріобѣщанныхъ ста рублей, а сказалъ ему слово про Божій даръ разумѣнія, за который нельзя ничьей платы брать и не надобно, потому что разумѣнье дано намъ отъ Господа.

Тутъ бояре, и дьяки, и подьячіе всѣ поднялися съ свистомъ и съ хохотомъ, и всѣ въ-разъ надъ отвѣтами Разлюляя смѣялися и старалися сбить короля, чтобы онъ не вѣрилъ словамъ Разлюляевымъ, потому что скоморохъ будто самъ эти слова всѣ повыдумалъ. Но, однако, король Доброхотъ показалъ и свое разумѣніе и на ихъ наученья не подался. Онъ сказалъ имъ:

— Вы въ людяхъ еще различать не умѣете, а я вижу, что эти слова Разлюляй самъ не выдумалъ. Если бы самъ онъ ихъ сложилъ пустолайкою, такъ просилъ бы, чтобъ дать ему пріобѣщанныхъ сто рублей, а онъ, какъ я вижу, мнѣ вѣрный слуга: онъ не хочетъ отъ меня за свою службу ни креста, ни шеста, ни корысти, ни милости. Такихъ

слугъ, какъ онъ, у меня до сихъ поръ еще не случалося. Издаю впередъ повелѣнье, чтобы по всей землѣ не смѣть звать Разлюляя измигульникомъ: онъ мнѣ лучше всѣхъ васъ старается. А вотъ васъ бы я всѣхъ распустилъ отъ себя съ большою бы радостью, да нельзя моему двору оставаться безъ челяди. Для того только вы мнѣ и надобны.

И захотѣлъ-было король Доброхотъ править по всей этой простой, явленной ему мудрости, чтобы было въ его землѣ добро каждому въ настоящій часъ, въ теперешній, безъ метанья очей въ непроглядныя отдаленности, да вступилъ ему въ мысли страхъ, что «а ну, какъ другіе въ сосѣднихъ земляхъ такъ не сдѣлаютъ? Вѣдь тогда одному-то мнѣ у себя на такой манеръ не управиться посреди другихъ временителей». И рѣшилъ онъ, что лучше ему сидѣть, какъ сидѣлъ, на престолѣ своемъ по-старинному, какъ и всѣ временители, и держать въ одной рукѣ мечъ, а въ другой золотое яблоко. Разлюляю же онъ указалъ, чтобъ отъѣхать далеко отъ стольнаго города и поселиться жить навсегда тамъ на пасѣкѣ, въ тепломъ амшанникѣ, и ѣсть сотовый медъ съ огурцами и съ рѣпою, сколько похочется, а на базаръ не ходить и въ село не заглядывать, и у себя ввечеру за воротами не садиться на лавочкѣ, и про то, что слыхалъ отъ ласковой дѣвушки, ни встрѣчному, ни поперечному не разсказывать.

Но зато, когда сталъ Доброхотъ завѣщать свой престолъ королевичу, повелѣлъ онъ дьяку, чтобы списали всю эту исторію безъ одной безъ ошибочки золотою тростію на мѣхѣ и кожѣ, чертами и рѣзами, почертивъ строки безъ зализей, со брегами широкими въ всѣ стороны, и прикладать ко былымъ словамъ въ стать письмена небылишныя, гласныя и согласныя. И указалъ Доброхотъ завернуть этотъ списокъ въ парчу и въ камку, и въ холстиночку, и положить на дно въ золотой ларецъ, и убрать въ теремной въ подвалъ подъ семь замковъ и за семью же печатями: пусть лежитъ тамъ до времени, пока перейдутъ временители.

Такъ это все въ аккуратѣ и сдѣлано, и списаніе до сихъ поръ лежитъ подъ печатями, а дѣла въ королевствѣ идутъ все опять по-старинному, и все тамъ опять не спорится, не ладится, а идетъ все, какъ было при дѣдахъ и прадѣдахъ. Не пришелъ еще, видно, часъ воли Божіей.

На томъ старая сказка и кончена.

Оглавленіе

XXIX ТОМА.

стр.
Гора. Египетская повѣсть. (По древнимъ преданіямъ) 3
Повѣсть о богоугодномъ дровоколѣ 91
Прекрасная Аза. 96
Скоморохъ Памфалонъ. 108
Часъ воли Божіей. Сказка 166

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ЛЕГЕНДА О СОВѢСТНОМЪ ДАНИЛѢ.

«Пристрастіе не дальновидно, а ненависть вовсе ничего не видитъ».

Исидоръ Пелусіотъ (письмо къ Кириллу).

«Легко тому, чье сердце не знаетъ состраданья, но пусть онъ, однако, не радуется, ибо его постигнетъ жестокое мученіе и оно начнетъ терзать его тогда, когда онъ будетъ уже не въ состояніи исправить свою вину. Огонь гіенскій, по моему сужденію, есть не что иное, какъ позднее раскаяніе».

Исаакъ Сиринъ (сл. XVIII).

Полторы тысячи лѣтъ тому назадъ на Востокѣ, близъ Синайской горы, жилъ въ маленькомъ скитѣ молодой человѣкъ, по имени Данила. Скитъ въ тогдашнее время не былъ похожъ на нынѣшніе русскіе скиты, гдѣ живутъ монахи, у которыхъ есть храмы и готовое содержаніе. Въ старое время на Востокѣ скитомъ называли нѣсколько хижинокъ,— чаще нѣсколько пещерокъ въ горѣ, да вокругъ тѣсное огражденное мѣсто, гдѣ ютились три или четыре человѣка, собравшіеся по единомыслію, чтобы жить вдали отъ соблазновъ. Люди эти вели строгую жизнь и питались трудами своихъ рукъ. Церквей у нихъ не было и не было тоже и священниковъ, и долгое время скитниками не управляло никакое начальство.

Скиты устраивались легко и не скрывали въ себѣ никакихъ драгоцѣнностей, а располагались они часто близко къ самому рубежу крещеной земли, чтобы имѣть возможность научать христіанской вѣрѣ «варваровъ». Варварами называли некрещеныхъ людей, которыхъ было еще много

повсюду. Много ихъ кочевало и въ жаркихъ степяхъ близъ Синая.

Порубежные скитники отъ варваровъ не скрывались, а, напротивъ, сами искали случая встрѣчаться съ ними, чтобы говорить имъ о благѣ, которое можетъ міру дать Христово ученіе. Они старались убѣдить варваровъ, что Богъ есть Отецъ всѣхъ людей и что воля Его заключается въ томъ, чтобы всѣ люди жили въ любви и чтобы никто не дѣлалъ другъ другу никакого зла, а если кого обидятъ, чтобы онъ не мстилъ, но старался бы заплатить за обиду добромъ и побѣдилъ зло любовью, ибо только одна любовь обезоруживаетъ зло и побѣждаетъ его. Варвары же по дикости своей не понимали и не вѣрили, что всѣ люди равно достойны состраданія и что прощеніе обидъ можетъ привести миръ на землю. Они надѣялись на силу и часто нападали на ближайшихъ скитниковъ, а какъ скитники были бѣдны и взять у нихъ было нечего, то варвары забирали самихъ ихъ къ себѣ въ неволю, угоняли въ степи и тамъ заставляли плѣнниковъ стеречь своихъ коней, ословъ и верблюдовъ, стричь овецъ и сушить навозъ съ бурьяномъ на топливо.

Случилось, что варвары напали и на тотъ скитъ на Синаѣ, гдѣ жилъ Данила. Сколько здѣсь было старыхъ людей—они всѣхъ перебили, а Данилу, какъ человѣка молодого и годнаго къ работѣ, взяли съ собою, связали ему ноги, посадили на верблюда и увезли очень далеко въ степь, а тамъ приставили его караулить стада отъ звѣрей и отъ хищниковъ.

Данила служилъ своимъ плѣнителямъ долго, научился ихнему языку и перекочевывалъ съ ними съ мѣста на мѣсто нѣсколько лѣтъ. Онъ ихъ вѣру не порочилъ, а они не мѣшали ему вѣрить по-своему и, замѣчая, какъ онъ живетъ съ ними честно, до того въ немъ увѣрились, что совсѣмъ не стали за нимъ смотрѣть, а во всемъ на него полагались, будто какъ на своего человѣка. Данила нѣсколько разъ могъ бросить порученныя ему стада, сѣсть на коня и ускакать, но ни разу на это не покусился. А потомъ Данила сталъ замѣчать, что варвары какъ-будто стали любить слушать, какъ онъ разсуждаетъ по-христіански, и во многихъ сужденіяхъ начали сами и говорить, и дѣлать съ нимъ согласно. Стало Данилѣ и жить хорошо, и началъ онъ раз-

умѣть, что онъ живетъ съ чужими людьми не безъ пользы, потому что наводитъ ихъ на хорошее послѣдованіе доброму ученію. Но разъ прискакалъ на своемъ конѣ одинъ варваръ, бывшій на рубежѣ, и объявилъ, что крещеные прислали черезъ него за Данилу выкупъ и что теперь Данилу надо отпустить.

Данила очень обрадовался, что можетъ вернуться къ своимъ, но какъ остался онъ послѣднюю ночь въ степи подъ шатромъ, стало ему жалко и варваровъ. «Вотъ,—думалось ему,—только-что нѣкоторые изъ нихъ начали-было по-доброму разсуждать и поступать съ другими милостивѣе, а вотъ я теперь уйду—они опять все позабудутъ и обратятся къ старинной злобѣ. Мнѣ бы ихъ беречь въ добрѣ, а я ухожу... Вѣдь это и есть мое дѣло, для котораго я оставилъ домъ и сталъ жить въ скитѣ, откуда плѣненъ былъ». Но желаніе жить въ обществѣ своихъ людей христіанской вѣры все-таки стало сильнѣе этихъ сужденій, и Данила рѣшился уйти. А варвары подѣлили между собою присланный выкупъ, дали Данилѣ тыкву воды и бѣлаго пшена и послали двухъ верховыхъ, чтобы проводить его до рубежа, откуда онъ безъ опасенія можетъ одинъ идти къ крещенымъ.

Данила благополучно воротился къ себѣ за рубежъ и сталъ жить прежнею скитскою жизнью. Но это недолго продолжалось: черезъ полгода наскакали на ихъ скитъ другіе темнолицые варвары и опять угнали Данилу въ плѣнъ и заставили его сушить навозъ для огня и сторожить овецъ, коней и верблюдовъ.

Данилѣ теперь гораздо досаднѣе сдѣлалось, чѣмъ въ первый разъ, да и жить ему съ этими варварами показалось хуже, потому что съ прежними онъ былъ уже обвыкшись и они съ нимъ были ласковѣе, а эти его не знали и не заботились о немъ, а показали, что̀ дѣлать, и оставили безъ присмотра.

Онъ сталъ все больше скучать и разсуждать, что варвары владѣютъ имъ совсѣмъ неправильно, потому что онъ уже разъ выкупленъ, и, улучивъ удобное время, покинулъ все, что ему довѣрено, и убѣжалъ. И опять благополучно перебрался за рубежъ крещеной земли и пришелъ въ скитъ; но варвары скоро его хватились, вскочили на коней, при-

скакали къ скиту, всю огорожу развалили, всѣ пещерки поразметали и старыхъ людей побили, а Данилу опять въ плѣнъ повели пѣшимъ, прицѣпивъ его веревкою за шею къ верблюжьему сѣдлу. Для того же, чтобы Данила не останавливался, а скорѣе поспѣвалъ за верблюдомъ, сзади его ѣхалъ молодой варваръ и кололъ Данилу острымъ копьемъ въ спину. Подвигался Данила немощными ногами, стеная, и на слѣдъ его по пескамъ капала его кровь.

Идучи за этимъ караваномъ, Данила вспоминалъ свои два прежніе плѣна и плакалъ, что ни въ первый, ни во второй разъ надъ нимъ никогда такого свирѣпаго тиранства не было, и почувствовалъ онъ въ себѣ противъ своихъ мучителей несносное озлобленіе, особенно противъ того молодого сильнаго варвара, который былъ черенъ какъ муринъ *) и ѣхалъ верхомъ на ворономъ конѣ въ самомъ хвостѣ каравана и подгонялъ Данилу копьемъ въ спину.

Поднимался противъ него въ Данилѣ послѣ каждаго пораненія такой духъ мести, что если бы сила его взяла, то онъ такъ бы на этого варвара и бросился и убилъ бы его.

А озлобляющій Данилу молодой эѳіопъ все ѣдетъ въ высокомъ сѣдлѣ и бѣлыми зубами скрипитъ, а глазами ворочаетъ и все Данилу копьемъ колетъ.

Привели варвары Данилу на свое становище, гдѣ у нихъ шатры раскинуты и большой и мелкій скотъ пасется. Тутъ они слѣзли съ коней, и жены, и дѣти къ нимъ изъ-подъ шатровъ выбѣжали, одни у нихъ стали коней и верблюдовъ принимать и разсѣдлывать, а другія пшено въ котлахъ заварили, и вотъ всѣ стали ѣсть и Данилѣ вареннаго пшена на лопухѣ бросили, а сами разговариваютъ, что надо имъ это становище завтра кинуть и на другое идти, потому что здѣсь вокругъ трава жаромъ спалена и скоту голодно.

Данила же, долго живъ между варварами, понималъ ихъ разговоръ и думалъ: «ну, если завтра меня опять идти на ногахъ погонятъ, то я не могу, и пусть они лучше сразу убьютъ меня мечомъ или пикою».

Но за ночь вышла перемѣна: тотъ самый черный варваръ, который гналъ Данилу, разболѣлся страшной горяч-

---

*) Муринъ — черный человѣкъ, эѳіопъ. Въ нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ муринами называются также бѣсы. (Іерем. 46, 9).

кой, такъ что жена его копала руками холодную глину и обкладывала ему голову. Тогда другіе сказали:

— Оставимъ ихъ одинъ шатеръ здѣсь и плѣнника съ ними. Прикуемъ ему на ногу колодку и пусть онъ имъ тутъ работаетъ, а жена пусть за мужемъ смотритъ, пока онъ поправится.

Данила же радовался, что онъ отдохнетъ и раны его хоть немножко заживутъ.

Такъ караванъ и отбылъ, а одинъ шатеръ остался на старомъ мѣстѣ и при немъ конь, верблюдъ и оселъ, и при нихъ на-сторожѣ Данила, а къ нему за ногу прикленали на цѣпи толстое и тяжелое полѣно, съ которымъ насилу можно было ноги двигать.

Между варварами, какъ и между крещеными, но непросвѣщенными людьми, есть такіе суевѣрные, которые будто въ Бога вѣрятъ, а сами любятъ примѣчать примѣты и выводить отъ нихъ причины вещей по своимъ догадкамъ. Женѣ варвара привидѣлось во снѣ, будто Данила принесъ имъ несчастіе, и она сказала это мужу и дѣтямъ, и стали вмѣстѣ еще жесточе озлоблять Данилу А напослѣдъ эта варварка сказала своему мужу:

— Только ему и жить на свѣтѣ, что до твоей смерти. Если же ты умрешь, — то, обѣщаюсь тебѣ, — что я убью этого плѣнника, который принесъ намъ несчастіе, и зарою его въ пескѣ у ногъ твоихъ. Это и будетъ за тебя отомщеніе.

Данила, какъ услыхалъ это, такъ сталъ думать, что̀ теперь ему дѣлать? Время для размышленія было очень коротко, а мечъ на его погубленіе близокъ и отточенъ на обѣ стороны. Прошелъ еще день и больному стало хуже, а вдобавокъ, въ шатрѣ не хватало воды. Только больному давали пить и то понемножку, а эоіонка сама не пила и Данилѣ пить не давала, но при всемъ томъ все-таки къ вечеру осталось воды въ запасномъ кубанѣ на самомъ донышкѣ. Данилу не хотѣли послать по воду, чтобы онъ не ушелъ, да онъ и не зналъ, гдѣ надо искать колодецъ, а потому поднялась сама эоіонка. Взяла она горластый муравленый кубанъ на плечо, а грудного мальчишку подцѣпила покромкой за спину и пошла къ колодцу, а колодецъ отъ шатра былъ на полдня пути. За собою она повела

также осленка съ пустыми мѣхами, а за мѣхами къ хвосту посадила на кострецѣ старшую дѣвочку. Данила остался одинъ при шатрѣ, чтобы стеречь коня и верблюда и помочь повернуться больному варвару. Больной же метался въ жару и гнѣвался безъ порядка, спрашивая съ Данилы то одно, то другое, и прежде чѣмъ плѣнникъ успѣвалъ исполнить одинъ его приказъ, онъ ему заказывалъ другое наново. Данило и за верблюдомъ, и за конемъ смотрѣлъ, и отмахивалъ камышевымъ листомъ острыхъ желтыхъ мухъ, которыя садились на покрытое болѣзненнымъ потомъ лицо эѳіопа, и пекъ для него въ раскаленныхъ камняхъ у поднятой полы шатра катышки изъ просяной муки. А жаръ палестинскій такой, что и здоровому его нѣтъ силы вытерпѣть, не только больному, и эѳіопъ все проситъ пить, и когда всю послѣднюю воду выпилъ, то сталъ говорить, будто ее выпилъ Данила.

Въ большомъ раздраженіи варваръ потянулся, досталъ изъ накаленныхъ камней одинъ и бросилъ его горячій Данилѣ въ лицо, а Данила же, не стерпѣвъ боли, схватилъ другой камень и такъ треснулъ имъ эѳіопа по головѣ, что тотъ и не вскрикнулъ, а протянулся ничкомъ и руки, и ноги врозь растопырилъ. Данила его приподнялъ и увидалъ, что у него уже языкъ въ зубахъ закусился и одинъ глазъ выскочилъ и у виска на жилѣ мотается и на Данилу смотритъ.

Данила понялъ, что эѳіопъ убитъ, и сейчасъ же подумалъ: «Ну, теперь мнѣ пропасть, если я не скроюсь прежде, чѣмъ вернется эѳіопка!»

Хоть она женщина, но, однако, для Данилы она была страшна, потому что у него на ногахъ прикована колодка и ему несвободно защищаться.

Онъ положилъ колодную цѣпь на одинъ камень, а другимъ сталъ колотить по звеньямъ, и цѣпь разбилъ, а мотавшееся на ней тяжелое полѣно съ ноги сбросилъ; и сначала зарѣзалъ ножемъ верблюда, досталъ у него въ брюхѣ воды. Вода была не мутная, но склизкая, какъ слюна, но Данила, однако, напился ею, а потомъ сѣлъ на варварова коня и помчался по пустынѣ. Несся онъ на конѣ въ томъ направленіи, въ какомъ по его примѣтамъ надо было держать къ крещеной землѣ.

Проскакалъ Данила по знойной степи весь день до вечера, не щадя скакуна, и самъ ничего не ѣлъ и все боялся: въ ту ли онъ сторону ѣдетъ, куда нужно? Ночью, когда вызвѣздило, онъ поднялъ лицо къ небу и сталъ соображать по созвѣздію Ремфана: гдѣ рубежъ крещеной земли, но въ это время добрый конь аравійскій подъ нимъ храпнулъ, затрясся и упалъ на землю, придавивъ Данилѣ голень ноги.

Данила едва выпутался и сталъ побуждать коня подняться, но онъ не поднимался. Зашелъ Данила ему съ головы и видитъ, что у него ясный мѣсяцъ въ утомленныхъ большихъ глазахъ играетъ и отражаетъ, какъ одинъ братъ убиваетъ другого.

Данила понялъ, что конь уже никогда больше не встанетъ, и пошелъ дальше пѣшій.

Шелъ онъ всю ночь и, мало заснувъ, на зарѣ опять поднялся и шелъ до полуденнаго зноя, и вдругъ сталъ чувствовать, что ностъ у него придавленная голень и изнемогаютъ всѣ его силы отъ усталости, отъ жажды и голода.

Пошелъ онъ еще черезъ большую потугу, разнемогся еще болѣе и упалъ съ ногъ долой, и все передъ нимъ помутилось и въ очахъ, и въ разумѣ, и пролежалъ онъ такъ незнаемый часъ, доколѣ почувствовалъ прохладу и, раскрывъ глаза, увидалъ надъ собою созвѣздіе Ремфана и всѣ другія звѣзды въ густой синевѣ ночного аравійскаго неба.

Шевельнулъ Данила руками и ногами, а ни ноги, ни руки его не слушаютъ,—только одна память ясно свѣтитъ. Вспомнилъ Данила, откуда онъ ушелъ и куда стремится, и какъ онъ шелъ изъ перваго и изо второго плѣна, и насколько послѣдній, третій плѣнъ, былъ для него тягостнѣе; въ первый разъ онъ могъ научить людей доброму, да ушелъ и не научилъ, а во второй разъ довѣрія лишился, а въ третій съ нимъ уже обращались немилостиво и все ему шло хуже до той поры, пока онъ убилъ камнемъ варвара, зарѣзалъ ножемъ верблюда, задушилъ усталостью чужого коня и теперь вотъ онъ самъ въ такомъ положеніи, что его или хищный звѣрь растерзаетъ, или встрѣчный варваръ опять въ новый плѣнъ возьметъ, а тамъ, когда эѳіопка возвратится въ шатеръ и увидитъ убитаго мужа, то какъ она начнетъ ужасно стенать, какъ будетъ биться и проклинать его, который сдѣлалъ ее вдовою, а дѣтей ея—сиротами... А самъ эѳіопъ лежитъ передъ нимъ, какъ и прежде, растопыривъ

руки и ноги, и коситъ на Данилу оторваннымъ глазомъ. И сдѣлалось отъ этого взгляда Данилѣ такъ жутко и страшно, что онъ поспѣшилъ закрыть свои глаза, но темный эѳіопъ въ немъ внутри отражается. Не грозится, не ропщетъ и о дѣтяхъ не тоскуетъ, а только тихо устами двигаетъ.

«Что такое онъ мнѣ говоритъ?» подумалъ Данила, а эѳіопъ въ немъ отвѣчаетъ:

— Я, братъ, теперь въ тебѣ поживу.

Послѣ того опять забылся и опять черезъ неизвѣстное время пришелъ въ себя Данила, и было это на вечерней зарѣ, а первое, что̀ онъ ощутилъ, это съ нимъ вмѣстѣ пробудился въ немъ и эѳіопъ.

Данила сталъ осуждать себя, зачѣмъ онъ убилъ эѳіопа?

— Если бы не было это противно духу Божію, не болѣлъ бы во мнѣ духъ мой и черный эѳіопъ не простерся бы во всю мою совѣсть. Заповѣдь Божія пряма: «не убей». Она не говоритъ: «не убей искренняго твоего, но убей врага твоего», а просто говоритъ «не убей», а я ее нарушилъ, убилъ человѣка и не могу поправить вины моей. Училъ я другихъ, что всѣ люди братья, а самъ поступилъ какъ извергъ,—освирѣпѣлъ какъ звѣрь и пошелъ громоздить зло противъ зла, и сдѣлалъ и убійство, и хищничество, и разореніе, и содѣлалъ, что жена человѣка стала вдовой, а дѣти его сиротами... И зато я чувствую, что осужденъ я въ духѣ моемъ и приставленъ ко мнѣ простирающійся во мнѣ истязатель. Встану скорѣй и пойду назадъ въ пустыню, откуда бѣжалъ, найду шатеръ варвара и его вдову и сиротъ, — повинюся передъ нею въ убійствѣ и отдамъ себя на ея волю: если хочетъ, пусть обратитъ меня въ раба, и я буду вѣчно трудиться для нея и ея сиротъ, а если хочетъ— пусть отдастъ меня на судъ кровныхъ своихъ, и приму отъ нихъ отмщеніе.

Сказавъ это себѣ, Данила поднялся и пошелъ на дрожащихъ ногахъ въ обратную сторону, а эѳіопъ былъ съ нимъ и говорилъ:

— Иди, Данила, на рабство и на казнь,—иди, не опаздывай, чтобы не было тебѣ еще что-нибудь худшее, потому что ты убилъ человѣка, ты расхитилъ его имѣніе и сдѣлалъ жену его вдовою, а дѣтей его сиротами. Не ищи оправданія ни въ какой хитрости, потому что не дозволено убивать никого.

И еще шелъ Данила и увидалъ падаль загнаннаго имъ варварскаго коня, надъ которымъ теперь сидѣли орлы и рвали его внутренности...

Но сколько онъ дальше ни шелъ—не находилъ ни шатра, ни верблюда, а сталъ чувствовать, что силы его оставляютъ и всѣ слѣды и примѣты пустыни въ глазахъ его путаются.

Видитъ Данила вокругъ себя махровые крины и бѣлоснѣжныя лиліи, а между нихъ человѣчьи и верблюжьи слѣды и туда и сюда по степи перекрещены во всѣ стороны, и надо всѣмъ то свѣтъ сверкнетъ, то вихорь завьется, а въ немъ самомъ, въ глубинѣ его духа, будто тьма застилаетъ все и обнимаетъ его эѳіонъ и валитъ его какъ комъ въ извѣтренную горячую пыль и самъ въ немъ ложится и засыпаетъ...

«О, горе!—подумалъ Данила:—это вѣдь ангелъ тьмы посылается въ плоть мнѣ! Какое есть отъ него избавленье?»

Не придумалъ онъ себѣ избавленія и не скоро послѣ этого открылъ опять свои глаза Данила, а открывши, долго не могъ опознаться: въ какомъ онъ мѣстѣ находится. Чувствуетъ онъ въ воздухѣ палящій зной, на небѣ горитъ огнемъ жгучее солнце, но онъ заслоненъ отъ припека,—кто-то прибралъ его въ тѣнь,—онъ лежитъ на сухомъ тростникѣ подъ окопцемъ. Въ окопцѣ прохладно за оградой изъ сложенныхъ камней, по камнямъ ползутъ желтыя плети тыквы, а какъ разъ противъ его глазъ бѣлый мѣловой срѣзъ и въ немъ узкій входъ въ мѣловую пещерку, возлѣ входа сидитъ на колѣняхъ старичокъ и плететъ руками корзинку.

Старичокъ какъ замѣтилъ его пробужденіе — сейчасъ и заговорилъ ласковымъ голосомъ:

— Будь благословенъ Господь, возвращающій тебя къ жизни. Сейчасъ я подамъ тебѣ воды.

Данила спросилъ:

— Какъ твое имя, авва?

— Имя мое «грѣшникъ»,—отвѣчалъ старичокъ:—но не тревожь себя разговоромъ, укрѣпись и тогда побесѣдуемъ. А пока знай, что ты находишься среди христіанъ на богошественной горѣ Синаѣ, а это моя пещерка, гдѣ я прожилъ уже сорокъ лѣтъ, а привезъ тебя сюда христіанскій караванъ, который поднялъ тебя сожженнаго солнцемъ и лишеннаго чувствъ въ дикой пустынѣ.

Когда же Данила обмогнулся, онъ разсказалъ пустыннику все, что съ нимъ было, ничего не утаивъ, и выразилъ скорбь свою и жалобу: какъ мучитъ его совѣсть за убійство человѣка, и сталъ просить у старца совѣта. Старецъ же ему отвѣчалъ:

— Я простой, бѣдный грѣшникъ, и не умудренъ, чтобы подавать совѣты, гдѣ нужно большое познанье. Насъ, неученыхъ, стали теперь вразумлять патріархи. Иди въ Александрію къ Тимоѳею—онъ въ санѣ великомъ и знаетъ какъ судить всякое дѣло.

Данила всталъ и пошелъ въ далекій путь въ Александрію, гдѣ въ ту пору сидѣлъ на патріаршемъ престолѣ Тимоѳей Элуръ *).

Данила пошелъ къ патріарху.

Патріархъ былъ занятъ тѣмъ, какъ въ это время стояли церковные споры Византіи съ римскимъ папою, и, выслушавъ бѣднаго пришлеца, сказалъ ему:

— Что ты напрасно нудишь себя и безъ дѣла докучаешь пустяками нашему смиренію. Ты былъ въ неволѣ насиліемъ и въ томъ, что ты убилъ некрещенаго варвара, тебѣ нѣтъ никакого грѣха.

— Но меня мучитъ моя совѣсть—я заповѣдь помню, которою никого убивать не позволено.

— Убійство варвара къ тому не подходитъ. Это не то, что убійство человѣка, а все равно, что убійство звѣря; а если боишься отвѣта—иди въ храмъ убѣжный.

Но Данила искалъ не того и не утѣшили его слова Тимоѳея.

— Можетъ быть правду о немъ говорятъ, что онъ не право держитъ ученіе Христово. Не пощажу трудовъ моихъ у пойду въ Римъ къ папѣ,—онъ вѣрно иначе разсудитъ и научитъ меня, что мнѣ сдѣлать.

Пришелъ Данила въ Римъ и удостоился предстать папѣ, который собирался тогда въ Византію и обдумывалъ: какъ согласить то, что ранѣе объявили за несогласное **).

---

*) Αἰλοῦρος—вертунъ, переметчикъ, вертихвостъ. Онъ былъ монофизитъ, но поддѣлывался по обстоятельствамъ къ чему выгоднѣе представлялось (См. Церк. Ист. Гассе).

**) Папа римскій упоминается въ старыхъ книгахъ, употребляемыхъ въ русскомъ старовѣріи, которое къ «старому Риму» относится съ уваженіемъ.

Папа его выслушалъ и говоритъ:

— Тебѣ хорошо сказалъ патріархъ александрійскій,— я съ нимъ въ другомъ не соглашаюсь, а въ этомъ согласенъ: убійство варвара—это совсѣмъ не то, что запрещено заповѣдью. Иди съ миромъ.

— Благодарю, твое святѣйшество, но только яви мнѣ милость—укажи во святомъ Христовомъ Евангеліи то мѣсто, гдѣ это такъ изъясняется?

— Для чего это тебѣ? Какъ ты смѣешь не вѣрить папѣ!

— Прости мнѣ,—отвѣтилъ Данила:—слухъ мой слова твои слышитъ и хочу тебѣ вѣрить, но совѣсть не принимаетъ: съ часа убійства я вижу ее въ чернотѣ эѳіопа и черезъ то не могу быть въ мирѣ.

Папа опалился на Данилу и сказалъ ему выйти вонъ.

Данила удалился, но все чувствовалъ, что мира въ немъ нѣтъ,—что совѣсть его попрежнему говоритъ то же самое, что̀ внималъ съ перваго раза въ пустынѣ, и ни папа, ни патріархъ его эѳіопа не умыли.

— Нельзя мнѣ такъ это дѣло оставить,—подумалъ Данила: — эти оба священства теперь сильно заняты другимъ—какъ имъ другъ друга оспорить, но вѣдь, кромѣ ихъ, есть еще и другіе патріархи, которые, можетъ-быть, иначе умствуютъ. Мнѣ не сладить съ собою и я себя не пожалѣю: пойду ко всѣмъ патріархамъ, въ Ефесъ и въ Ерусалимъ, въ Царьградъ и въ Антіохію. Который-нибудь изъ сидящихъ на престолахъ патріарховъ умудритъ меня и скажетъ, какъ я могу убѣлить терзающаго меня эѳіопа.

Пошелъ Данила въ Ефесъ, добился свиданія съ тамошнимъ патріархомъ и открылъ ему объ убійствѣ варвара и объ отвѣтахъ александрійскаго патріарха и римскаго папы и, кланяясь, сказалъ ему:

— Помилуй меня, святой отецъ,—дай мнѣ средство утолить муки моей совѣсти. Папа и святѣйшій Тимоѳей тебѣ не указъ, ты самъ наполнъ божественной мудрости и зришь въ тайны Божіи: капни каплю благоразумія твоего въ мой бѣдный разумъ; скажи, что̀ мнѣ дѣлать?

Ефесскій патріархъ отвѣчалъ, что онъ, конечно, имѣетъ свой даръ проницать въ тайны смотрѣнія, не пытая ума у Тимоѳея и папы, но на тотъ счетъ, о чемъ Данила проситъ,

онъ согласенъ и съ Тимоѳеемъ, и съ папою: убить варвара вовсе не противно ученію христіанскому.

— Вотъ я только въ этомъ и хочу удостовѣренія: покажи мнѣ это въ словѣ Христовомъ?

Патріархъ ефесскій не показалъ, а сказалъ: «Что тебѣ еще надо! Ты невѣжда», — и не захотѣлъ съ Данилою больше разговаривать, а отпустилъ его, какъ и прежніе,— съ миромъ.

Отправился Данила въ Царьградъ, въ Іерусалимъ и въ Антіохію и исповѣдывалъ свою совѣсть патріархамъ цареградскому, іерусалимскому и антіохійскому, и всѣ они, хотя объ иномъ, чего Данила и понять не старался, разсуждали другъ съ другомъ не сходно, но насчетъ убійства человѣка другой вѣры всѣ были одного мнѣнія: всѣ сказали, что убить иновѣрца и обидчика это вовсе не грѣхъ, и что Данилѣ совсѣмъ не о чемъ скорбѣть, что онъ убилъ варвара.

— Но что же мнѣ сдѣлать съ эѳіопомъ! Вы не знаете, какъ черенъ и смраденъ эѳіопъ, который живетъ въ моей совѣсти,—говорилъ имъ Данила.

А они ему отвѣчали:

— Перестань мыть этого эѳіопа,—это все равно, что бороздить огонь и варить камни.

Данила не зналъ больше высокоосвященныхъ владыкъ и съ горя рѣшился идти въ свой городъ, откуда былъ родомъ, чтобы предстать тамъ своему князю и просить надъ собою суда за убійство.

И когда Данила легъ спать въ эту ночь, онъ увидѣлъ въ полуснѣ совѣсть свою: она уже не была такъ черна, какъ муринъ, а показалась ему смуглою какъ дитя, рожденное отъ эѳіопки и эллина.

Добрался Данила до своего города и, не разыскивая сродниковъ, сталъ похаживать около княжаго терема, съ надеждою увидать кого-нибудь изъ княжескихъ отроковъ и просить ихъ привести его передъ лицо князя.

Отроки спали, а замѣтилъ Данилу княжій приспѣшникъ и закричалъ на него:

— Что ты здѣсь, нѣтягъ лѣнивый, болтаешься. Вѣрно усталъ и оголодалъ отъ праздности и пришелъ сюда обнюхивать кухонные очаги у князя! Здѣсь нѣтъ для тебя лакомыхъ снѣдей!

А Данила отвѣтилъ:

— Я не ищу обонять очаги, чтобы насытиться лакомыхъ снѣдей, и совсѣмъ не забочусь о моемъ внутреннемъ мѣшкѣ. Если бы я хотѣлъ откармливать себя какъ птицу, жирѣющую въ потьмахъ невѣдѣнія, я не обошелъ бы столько, сколько обошли мои ноги.

Приспѣшникъ подумалъ: быть-можетъ, это отецъ Мартіанъ, который въ два года обѣжалъ сто шестьдесятъ четыре города, скрываясь отъ женщинъ, и все-таки вездѣ ихъ находилъ,—и онъ закинулъ за плечи свой фартукъ и положилъ ложку, которою снималъ пѣну, и сказалъ:

— Я, пожалуй, налью тебѣ сочнаго варева и отрѣжу печенаго мяса, а ты съѣшь поскорѣй и разскажи мнѣ: какъ ты отъ женщинъ бѣжалъ и какъ онѣ за тобой гнались, и какимъ родомъ тебя соблазняли.

Данила отвѣтилъ, что онъ ни взвара, ни мяса не хочетъ и женщины ему нигдѣ жить не мѣшали.

— Такъ чего-жъ тебѣ нужно и зачѣмъ ты пришелъ?

— Я убилъ человѣка и мучаюсь отъ этого въ совѣсти. Я уже обошелъ всѣхъ патріарховъ и папу и всѣмъ каялся.

— Вотъ ты счастливецъ, сколько ты видѣлъ святыни. Это не то, что я, несчастный, верчусь у моего очага. Хочешь я тебя угощу крыломъ красной птицы, а ты мнѣ скажи поскорѣй, что̀ сказали тебѣ патріархи и папа?

— Они мнѣ сказали, что на мнѣ нѣтъ грѣха за убійство, но я этого не чувствую, и пришелъ теперь къ князю.

— А это ты и напрасно сдѣлалъ, — сказалъ приспѣшникъ. — Я отъ природы охотникъ все знать, и скажу тебѣ прямо, что если тебѣ не удовольнилъ своимъ прощеніемъ патріархъ, носящій образъ великаго Марка, то можетъ ли князь что-нибудь тебѣ сдѣлать. Онъ тебѣ не проститъ убійства.

— Вотъ я того-то и желаю,—отвѣчалъ Данила.

— Ты хочешь получить смертное наказаніе?

— Я хочу получить то, чего я достоинъ, чтобы духъ мой отстрадалъ свою вину и очистился.

— А это тоже любопытное дѣло: у князя есть судбищное мѣсто, гдѣ онъ садится и разбираетъ народъ. Ты погложи здѣсь вотъ эту лепешку, а я разбужу княжьихъ отроковъ и приду послушать, когда князь разберетъ твое дѣло: велитъ ли онъ тебя распять на деревѣ, или прикажетъ тебя отвести на потраву въ звѣринецъ.

Приспѣшникъ побѣжалъ сказать о Данилѣ княжьимъ отрокамъ, а тѣ взяли его, отвели къ темничному стражу и велѣли держать подъ крѣпкимъ карауломъ, пока князь захочетъ судить людей и тогда его потребуетъ.

Набили Данилѣ на шею тяжелую колодку и бросили его въ яму надолго.

Дожидался Данила въ ямѣ княжьяго суда не день, не два и не мѣсяцъ, а много лѣтъ; во все это время князь былъ то на ловахъ, то въ бояхъ, на пирахъ и въ ристаньяхъ, но, наконецъ, разъ онъ воротился въ свой стольный городъ и, всѣми иными дѣлами наскучивъ, захотѣлъ разсудить ожидавшихъ его связней. Вышелъ для этого князь изъ терема и сѣлъ на свое мѣсто, а отроки начали подводить къ нему одного за другимъ виноватыхъ и сказывать на нихъ вины, какими кто преступился.

Князь всѣхъ разсудилъ и приказалъ, кто кому долженъ заплатить и кого за какую провинность чѣмъ наказать надо, а когда дѣло дошло до Данила, то отроки о немъ сказали:

— Этотъ старый человѣкъ, котораго видишь (ибо Данила уже состарѣлся)—явился самъ на твой судъ по своей доброй волѣ. Онъ сказываетъ на себя убійство человѣка, а гдѣ и надъ кѣмъ онъ то убійство сдѣлалъ, это онъ тебѣ одному откроетъ.

Князь удивился, что Данила уже старъ и слабъ—такъ, что едва ли онъ могъ съ кѣмъ-нибудь сильничать и кого-нибудь убить?

А Данила ему отвѣчаетъ:

— Это я состарѣлся, княже, отъ моего грѣха. Истерзала меня совѣсть, въ которой я много лѣтъ волочу эѳіопа, но когда я сдѣлалъ убійство, я тогда былъ еще молодъ. Дозволь разсказать тебѣ все и разсуди меня, какъ бы я только вчера сдѣлалъ мой грѣхъ.

— Хорошо,—сказалъ князь:—я тебѣ это обѣщаю.

Данила и разсказалъ князю все и прибавилъ, какъ онъ ходилъ ко всѣмъ патріархамъ и къ папѣ, и что̀ они ему отвѣчали.

— Что же: неужели тебя это не облегчило?—вопросилъ князь.

— Нѣтъ, мнѣ стало еще тяжелѣе.

— Отчего?

— Оттого, княже, что я началъ думать: не закрыли бъ отъ глазъ нашихъ слово Христово слова человѣческія, тогда отбѣжитъ отъ людей справедливость и законъ христіанской любви будетъ имъ все равно какъ бы неизвѣстенъ. Я боюсь соблазна и не ищу далѣе вразумленія отъ освященныхъ, а предсталъ предъ тобою и прошу себѣ кары за смерть человѣка.

И Данила упалъ и простерся передъ княземъ на землю.

Князь же, взглянувъ на Данилу пристальнымъ взглядомъ и видя на лицѣ его слезы и терзающую скорбь, отвѣчалъ:

— Старикъ, ты смутилъ меня. Давно не видалъ я того, что̀ на лицѣ твоемъ вижу: вотъ ты имѣешь добрую совѣсть и я вижу, что ее носить не легко. Радъ бы тебѣ я помочь, но суда патріарховъ я отмѣнять не могу, а, какъ князь, въ своемъ смыслѣ еще нѣчто добавлю. Если бы ты убилъ человѣка нашего княжества и святой вѣры нашей, тогда я бы тебя осудилъ къ платежу, или къ казни на смерть, но какъ же я тебя осужу, когда ты убилъ врага-супостата, некрещенаго варвара! Не они ли, скажи, дѣлаютъ изъ-за рубежа набѣги на княжество наше, не они ли угоняютъ нашъ скотъ и уводятъ людей? Какъ же намъ ихъ жалѣть?.. По-моему, ты хорошо сдѣлалъ, что убилъ одного варвара, а еще бы лучше сдѣлалъ, если бы убилъ семерыхъ варваровъ, тогда бы ты отъ меня еще большей хвалы былъ бы достоинъ.

Данила же, услыхавъ это княжее слово, ощутилъ въ груди своей живую бодрость и сказалъ:

— О, князь! хорошо ты говоришь объ угнатомъ скотѣ, но жалко, что о забытомъ Христѣ плохо знаешь: мечъ изощряешь, мечомъ погубляешь и самъ отъ меча можешь погибнуть.

И сталъ Данила вдругъ горячо говорить изъ Христовыхъ словесъ о врагахъ, и такъ пронялъ всѣхъ, что князь поникъ головою и все его слушалъ, а потомъ сказалъ:

— Иди, авва, слово твое вѣрно, да въ насъ не мѣстится, ибо наше благочестіе со властію сопряжено и страхомъ ограждается, — и, не глядя на Данилу, князь поднялся и пошелъ къ себѣ въ теремъ, а отрокамъ своимъ велѣлъ хорошо накормить Данилу, дать ему одежду и отпустить, куда хочетъ. Но Данила велѣлъ сказать поклонъ князю, но ни хлѣба, ни соли ѣсть не сталъ и одежды не принялъ, и не

пошелъ въ городъ, потому что тамъ всѣ въ заботахъ какъ въ волнахъ на тонувшемъ кораблѣ заливаются, а пошелъ за городъ, какъ былъ, въ своемъ рубищѣ. Пройдя много, онъ очутился въ далекомъ, безмолвномъ и возвышенномъ мѣстѣ, откуда передъ нимъ открывалась безбрежная степь. Душѣ Данилы здѣсь стало легче, чѣмъ было въ Римѣ и въ Византіи, и передъ судилищемъ князя; жизнь его быстро пробѣгала теперь передъ нимъ, какъ скороходъ на площади, и онъ всю ее снова увидѣлъ. Онъ припомнилъ, какъ отбѣжалъ бодрый отъ рукъ матери, а до теперешней черты достигъ утомленный, и на зло себѣ слышитъ, что все его горе совсѣмъ будто и не горе, никто его не осуждаетъ за то, что онъ убилъ человѣка иной вѣры и иной державы, а еще всѣ ему въ ладоши плещутъ, но зато эѳіопъ его своего мѣста держится: онъ только мало посвѣтлѣлъ, но сидитъ въ немъ попрежнему.

— Немилосердный ты! — воскликнулъ, ударивъ себя въ грудь, Данила. — Куда я тебя ни носилъ, кому я тебя ни показывалъ, никто мнѣ не далъ средства убѣлить твое безобразіе: чего же ты отъ меня хочешь?

А эѳіопъ ему отвѣчалъ:

— Слѣпецъ ты, бѣдный Данила! Какъ это ты во столько лѣтъ не умѣлъ узнать: кто тебѣ другъ и кто недругъ? Я твой другъ, потому что я не даю тебѣ покоя, а ты себѣ врагъ, потому что ты ищешь забыть меня. Безъ меня ты могъ бы остаться съ обольщеніемъ, которое бы тебя погубило.

Данила подумалъ и понялъ, что гнетущую его совѣсть взаправду надо считать не за кару неумолимаго Бога, а за доброе напоминаніе, не допустившее Данилу до легкаго усыпленія себя, и онъ обрадовался и, заплакавъ отъ счастія, воскликнулъ:

— Какъ благъ Ты, о Боже, меня наказуя! Но гдѣ же, о гдѣ взять исцѣленья тому, кто угасилъ свѣтильникъ жизни, не имъ запаленной?

— Какъ пролитой на землю воды не сберешь обратно въ кувшинъ, такъ не возвратишь и жизнь тому, у кого ее отнялъ, — прозвучалъ эѳіопъ. — И ты долженъ былъ это знать и, сдѣлавъ зло, не тратить силы и время на разговоры, а долженъ былъ дѣлать дѣло.

— Но что же я могу дѣлать?

— Смотри не такъ высоко, а пониже.

Данила встрепенулся и сталъ вглядываться въ даль по землѣ. Опять онъ видитъ ту же сухую степь, но за то впереди себя, и невдалекѣ, замѣчаетъ что-то ни на что не похожее. Лежитъ что-то такое не имѣющее вида,—что-то одного цвѣта съ пылью, не живое и не мертвое,—будто какъ комъ земли, а межъ тѣмъ содрогается.

Данила всталъ и пошелъ къ этому исподобію и увидѣлъ зловоннаго прокаженнаго человѣка, у котораго уши и носъ, и персты на рукахъ и ногахъ—все отпало, и черепъ обнажился, и глаза выпали,—а зіяла только одна пустая пасть на мѣстѣ рта и оттуда исходитъ невыразимый смрадъ и сильное шипѣніе.

«Кто его сюда занесъ и кто его здѣсь поитъ и кормитъ? — подумалъ Данила. — Но пока не вижу того, кто о немъ заботится, пойду, принесу для него пищи и напою его водою».

Отыскалъ Данила воды и принесъ въ пригориняхъ и съ ужасомъ сталъ вливать ее въ пасть прокаженному, а потомъ остался ждать того, кто придетъ и уберетъ его на ночь. Но никто не приходилъ, а межъ тѣмъ спустилася тьма и сдѣлался рѣзкій холодъ, и прокаженный началъ ежиться и щелкать пастью. Это было такъ страшно, что не только сердце, но всѣ кости въ Данилѣ затрепетали, и онъ вдругъ понялъ, что̀ ему надо дѣлать, и сказалъ себѣ:

— Вотъ мнѣ урокъ и работа. За то, что я смѣлъ считать Бога безсильнымъ измѣнить къ добру живую душу варвара и убилъ его, я долженъ отдать мою жизнь тому, кто безъ надежды страдаетъ. Стану служить этому безнадежному трупу, доколѣ въ немъ тлѣетъ угасающій уголь его жизни.

И Данила снялъ съ себя, какое на немъ было, ветхое лохмотье и одѣлъ имъ прокаженнаго, а самъ остался голый. Потомъ онъ опять нашелъ воду и еще разъ напоилъ больного изъ своихъ ладоней; потомъ отыскалъ въ глинѣ ущелинку, раскопалъ ее пошире руками и снесъ туда прокаженнаго. Къ тѣлу Данилы прилипали струпья и гной прокаженнаго, но ему не было скверно и онъ не боялся заразиться. Онъ нашелъ дѣло и сталъ жить около прокаженнаго, ходя днемъ на торгъ, на поденщину, а ввечеру приносилъ прокаженному пищу. Такъ и шло, пока узнали, что онъ сообщается съ прокаженнымъ и не стали его пу-

скать въ городъ. Тогда онъ насѣялъ бобовъ, они скоро взросли, и Данила, и прокаженный—оба ими питались.

Когда же прокаженный совсѣмъ распался и жизнь его оставила, тогда Данила понялъ, что ему надлежало бы начать съ первой минуты. когда онъ совершилъ грѣхъ, убивъ варвара, но теперь онъ былъ уже старъ и не могъ принести людямъ такой пользы, какую могъ бы приносить въ хорошей порѣ своей.

— О, Данила! Данила,—сказалъ онъ себѣ:—не драть бы тебѣ взоры высоко, а давно глядѣть бы по землѣ, да искать, кому ты могъ быть полезенъ. А теперь вотъ и издыхай какъ старый песъ: ты уже никому ни на что не годишься.

— О. авва, авва! Какъ я тебя ищу, и какъ ты мнѣ нуженъ!—прозвучалъ къ нему голосъ, и Данила увидалъ передъ собою юношу въ пышной одеждѣ.

— Авва,—началъ онъ:—я пришелъ къ тебѣ издалече: я былъ большой грѣшникъ.

— Что же дѣлать. Исправься.

— Да, я узналъ, въ чемъ ученье Христа, и хочу жить по его примѣру.

— Ты блаженъ,—отвѣчалъ Данила.

— Я разстался съ людьми и пришелъ къ тебѣ, чтобы быть твоимъ ученикомъ.

— Если тебя коснулася любовь Христа, то тебѣ уже непристойно быть ни чьимъ ученикомъ.

— Такъ ты, по крайней мѣрѣ, хоть однажды поруководи меня.

— Хорошо. Только будь мнѣ послушенъ.

— Ей, авва, буду.

— Оставайся при одномъ ученьи Христа и иди служить людямъ.

ЛЕВЪ СТАРЦА ГЕРАСИМА.

ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА.

Триста лѣтъ послѣ Іисуса Христа жилъ на Востокѣ богатый человѣкъ, по имени Герасимъ. У него были свои дома, сады, болѣе тысячи рабовъ и рабынь и очень много всякихъ драгоцѣнностей. Герасимъ думалъ: «мнѣ ничто не страшно», но когда онъ одинъ разъ сильно заболѣлъ и едва не умеръ, тогда онъ началъ размышлять иначе, потому что увидалъ, какъ жизнь человѣческая коротка и что болѣзни нападаютъ отовсюду, а отъ смерти не спасетъ никакое богатство, а потому не умнѣе ли будетъ заранѣе такъ распорядиться богатствомъ, чтобы оно на старости лѣтъ не путало, а потомъ бы изъ-за него никто не ссорился.

Сталъ Герасимъ съ разными людьми совѣтоваться: какъ ему лучше сдѣлать. Одни говорили одно, а другіе другое, но все это было Герасиму не по мыслямъ.

Тогда одинъ христіанинъ сказалъ ему:

— Ты хорошо сдѣлаешь, если поступишь съ своимъ богатствомъ, какъ совѣтуетъ Іисусъ Христосъ: — ты отпусти своихъ рабовъ на волю, а имущество раздай тѣмъ, кто страдаетъ отъ бѣдности. Когда ты сдѣлаешь такъ, ты будешь спокоенъ.

Герасимъ послушался, — онъ сдѣлался христіаниномъ и роздалъ все свое богатство бѣднымъ, но вскорѣ увидѣлъ, что, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ надѣлилъ, осталось еще много неимущихъ, которымъ онъ уже ничего не могъ дать, и эти стали его укорять, что онъ не умѣлъ раздѣлить свое богатство такъ, чтобы на всѣхъ достало.

Герасимъ огорчился: ему было прискорбно, что одни его бранятъ, а другіе надъ нимъ смѣются, что онъ прежде жилъ достаточно, а теперь, все раздавши, и самъ бѣдствуетъ,

и всѣхъ наслѣдниковъ обидѣлъ, а всѣхъ нищихъ все-таки не поправилъ.

Стало отъ этого Герасиму очень смутительно, и чтобы не терпѣть досажденій отъ наслѣдниковъ, Герасимъ поднялся и ушелъ изъ людного мѣста въ пустыню. А пустыня была дикая, гдѣ не жилъ ни одинъ человѣкъ, а только рыскали звѣри, да ползали змѣи.

Походилъ Герасимъ по жаркой пустынѣ и почувствовалъ, что здѣсь ему лучше. Тутъ хоть глухо и страшно, но зато наслѣдники его не бранятъ и не проклинаютъ, и никто надъ нимъ не смѣется и не осуждаетъ его, что онъ такъ, а не этакъ сдѣлалъ. А онъ самъ спокоенъ, потому что поступилъ по слову Христову: «отдай все и иди за Мною»,— и больше не о чемъ безпокоиться.

Нашелъ Герасимъ норку подъ мѣловымъ камнемъ, натаскалъ туда тростника и сталъ жить здѣсь.

Жить Герасиму было тихо, а ѣсть и пить нечего. Онъ съ трудомъ находилъ кое-какіе съѣдобные коренья, а за водою ходилъ на ручей. Ключъ воды былъ далеко отъ пещерки, и пока Герасимъ напьется да подойдетъ назадъ къ своей норкѣ, его опять всего опалитъ; и звѣрей ему страшно, и силы слабѣютъ, и снова пить хочется. А ближе, возлѣ воды, нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы можно спрятаться.

— Ну,—думаетъ разъ въ большой жаръ Герасимъ:—мнѣ этой муки не снесть: вылѣзешь изъ моей мѣловой норки, надо сгорѣть подъ солнцемъ; а здѣсь безъ воды я долженъ умереть отъ жажды, а ни кувшина, ни тыквы, никакой другой посуды, чтобы носить воду, у меня нѣтъ. Что мнѣ дѣлать? Пойду,—думаетъ Герасимъ,—въ послѣдній разъ къ ключу, напьюсь и умру тамъ.

Пошелъ Герасимъ съ такимъ рѣшеніемъ къ водѣ, и видитъ на пескѣ слѣды, — какъ будто бы здѣсь прошелъ караванъ на ослахъ и верблюдахъ... Смотритъ онъ дальше и видитъ, что лежитъ тутъ одинъ растерзанный звѣремъ верблюдъ, а не вдалекѣ отъ него валяется еще живой, но только сильно ослабѣвшій, осликъ и тяжко вздыхаетъ, и ножонками дрыгаетъ, и губами смокчетъ.

Герасимъ оставилъ безжизненнаго верблюда валяться, а объ осликѣ подумалъ: этотъ еще жить можетъ. Онъ только отъ жажды затомился, потому что караванщики не знали,

гдѣ найти воду. Прежде чѣмъ мнѣ самому помереть, попробую облегчить страданіе этого бѣднаго животнаго.

Герасимъ приподнялъ ослика на ноги, подцѣпилъ его подъ брюхо своимъ поясомъ и сталъ волочь его, и доволокъ до ключа свѣжей воды. Тутъ онъ обтеръ ослу мокрой ладонью запекшуюся морду и сталъ его изъ рукъ поправать, чтобы онъ сразу не опился.

Осликъ ожилъ и поднялся на ножки.

Герасиму жаль стало его тутъ бросить, и онъ повелъ его къ себѣ, и думалъ:

— Помучусь я еще съ нимъ—окажу ему пользу.

Пошли они вмѣстѣ назадъ, а тѣмъ временемъ огромный верблюдъ уже совсѣмъ почти былъ съѣденъ; и въ одной сторонѣ валялся большой лохмотъ его кожи. Герасимъ пошелъ взять эту кожу, чтобы таскать въ ней воду, но увидѣлъ, что за верблюдомъ лежитъ большой желтый левъ съ гривою, — отъ сытости валяется и хвостомъ по землѣ хлопаетъ.

Герасимъ подумалъ: «ну, должно-быть, мой конецъ: навѣрно этотъ левъ сейчасъ вскочитъ и растерзаетъ и меня, и осленка». А левъ ихъ не тронулъ, и Герасимъ благополучно унесъ съ собой лохмотъ верблюжьей кожи, чтобы сдѣлать изъ нея мѣшокъ, въ который можно наливать воду.

Набралъ тоже Герасимъ по пути острыхъ сучьевъ и сдѣлалъ изъ нихъ ослику загородочку, у самой своей норки.

«— Тутъ ему будетъ ночью свѣжо и спокойно»,—думалъ старецъ, да и не угадалъ.

Какъ только на дворѣ стемнѣло, вдругъ что-то будто съ неба упало надъ пещеркой, и раздался страшный ревъ и ослиный крикъ.

Герасимъ выглянулъ и видитъ, что давешній страшный левъ протрясъ первую сытость и пришелъ съѣсть его осла, но это ему не удалось: прыгнувъ съ разбѣга, левъ не замѣтилъ ограды и воткнулъ себѣ въ пахъ острый сукъ и взревѣлъ отъ невыносимой боли.

Герасимъ выскочилъ и началъ вынимать изъ раны звѣря острыя спицы.

Левъ отъ боли весь трясся и страшно ревѣлъ и норовилъ хватить Герасима за руку, но Герасимъ его не пугался и всѣ колючки повынулъ, а потомъ взялъ верблюжью

кожу, взвалилъ ее на ослика и погналъ къ роднику за свѣжей водою. Тамъ у родника онъ связалъ кожу мѣшкомъ, набралъ ее полну воды и пошелъ опять къ своей норѣ.

Левъ во все это время не тронулся съ мѣста, потому что раны его страшно болѣли.

— —

Герасимъ сталъ омывать раны льва, а самъ подносилъ къ его разинутой пасти воду въ пригоршнѣ, и левъ лакалъ ее воспаленнымъ языкомъ съ ладони, а Герасиму было не страшно, такъ что онъ самъ надъ собой удивлялся.

Повторилось то же на другой день и на третій, стало льву легче, а на четвертый день, какъ пошелъ Герасимъ съ осломъ къ роднику,—смотритъ,—приподнялся и левъ и тоже вслѣдъ за ними поплелся.

Герасимъ положилъ льву руку на голову, и такъ и пошли рядомъ трое: старикъ, левъ и осленокъ.

У ключа старецъ свободной рукою омылъ раны льва на вольной водѣ, и левъ совсѣмъ освѣжѣлъ, а когда Герасимъ пошелъ назадъ, и левъ опять пошелъ за нимъ.

Сталъ старикъ жить со своими звѣрями.

У старца выросли тыквы, онъ началъ ихъ сушить и дѣлать изъ нихъ кувшины, а потомъ сталъ относить эти кувшины къ источнику, чтобы они годились тѣмъ, у кого не во что захватить съ собою воды. Такъ жилъ Герасимъ и самъ питался, и другимъ людямъ по силѣ своей былъ полезенъ. И левъ тоже нашелъ себѣ службу: когда Герасимъ въ самый зной отдыхалъ, левъ стерегъ его осла. Жили они такъ изрядное время, и некому было на нихъ удивляться, но разъ увидали эту компанію проходившіе караваномъ путники и разсказали про нихъ въ жилыхъ мѣстахъ по дорогамъ, и сейчасъ изъ разныхъ мѣстъ стали приходить любопытные люди: всѣмъ хотѣлось смотрѣть, какъ живетъ бѣдный старикъ и съ нимъ осликъ и левъ, который ихъ не терзаетъ. Всѣ этому стали удивляться, и спрашивали у Герасима:

— Открой намъ, пожалуйста: какою ты силою это дѣлаешь? вѣрно ты не простой человѣкъ, а необыкновенный, что при тебѣ происходитъ Исаево чудо: левъ лежитъ рядомъ съ осликомъ.

А Герасимъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я самый обыкновенный человѣкъ, — и даже, признаюсь вамъ, что я еще очень глупъ: я вотъ съ звѣрями живу, а съ людьми совсѣмъ жить не умѣлъ: всѣ они на меня обидѣлись, и я ушелъ изъ города въ пустыню.

— Чѣмъ же ты обидѣлъ?

— Хотѣлъ раздѣлить между всѣми свое богатство, чтобы всѣ были счастливы, а намѣсто того они всѣ перессорились.

— Зачѣмъ же ты ихъ умнѣе не поровнялъ?

— Да вотъ то-то оно и есть, что ровнять-то трудно тѣхъ, кои сами не ровняются; я сдѣлалъ ошибку, когда забралъ себѣ много сначала. Не надо бы мнѣ забирать себѣ ничего противъ другихъ лишняго, — вотъ и спокойно было бы.

Люди закивали головами:

— Эге!—сказали,—да это старикъ-то дурасливый, а между тѣмъ все-таки же удивительно, что у него левъ осленка караулитъ и не съѣстъ ихъ обоихъ. Давайте, поживемъ мы съ нимъ нѣсколько дней и посмотримъ, какъ это у нихъ выходитъ.

Остались съ ними три человѣка.

Герасимъ ихъ не прогонялъ, только сказалъ:

— Вмѣстѣ жить надо не такъ, чтобы троимъ на одного смотрѣть, а надо всѣмъ работать, а то придетъ несогласіе, и я васъ тогда забоюсь и уйду.

Три согласились, но на другой же день при нихъ случилась бѣда: когда они спали, заснулъ тоже и левъ и не слыхалъ, какъ проходившіе караваномъ разбойники накинули на ослика петлю и увели его съ собою.

Утромъ люди проснулись и видятъ: левъ спитъ, а ослика и слѣда нѣтъ.

Три и говорятъ старцу Герасиму:

— Вотъ ты и въ самомъ дѣлѣ дождался того, что тебѣ давно слѣдовало: звѣрь всегда звѣремъ будетъ, вставай скорѣй,—твой левъ съѣлъ, наконецъ, твоего осла, и вѣрно зарылъ гдѣ-нибудь въ песокъ его кости.

Вылѣзъ Герасимъ изъ своей мѣловой норы и видитъ, что дѣло похоже на то, какъ ему трое сказываютъ. Огорчился старикъ, но не сталъ спорить, а взвалилъ на себя верблюжій мѣхъ и пошелъ за водою.

Идетъ, тяжко переступаетъ, а смотритъ — за нимъ вдалекѣ его левъ плетется; хвостъ опустилъ до земли и головою понурился.

«— Можетъ-быть, онъ и меня хочетъ съѣсть,—подумалъ старикъ.—Но не все ли равно мнѣ какъ умереть? Поступлю лучше по Божью завѣту и не стану рабствовать страху?»

И пришелъ онъ и опустился къ ключу и набралъ воды, а когда восклонился,—видитъ, левъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ всегда становился оселъ, пока старецъ укрѣплялъ ему на спину мѣхъ съ водою.

Герасимъ положилъ льву на спину мѣхъ съ водою и самъ на него сѣлъ и сказалъ:

— Неси, виноватый.

Левъ и понесъ воду и старца, а три пришельца, какъ увидѣли, что Герасимъ ѣдетъ на львѣ, еще пуще дивились. Одинъ тутъ остался, а двое изъ нихъ сейчасъ же побѣжали въ жилое мѣсто и возвратились со многими людьми. Всѣмъ захотѣлось видѣть, какъ свирѣпый левъ таскаетъ на себѣ мѣхъ съ водою и дряхлаго старца.

Пришли многіе и стали говорить Герасиму:

— Признайся намъ,—ты или волшебникъ, или въ тебѣ есть особливая сила, какой нѣтъ въ другихъ людяхъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Герасимъ:—я совсѣмъ обыкновенный человѣкъ и сила во мнѣ такая же, какъ у васъ у всѣхъ. Если вы захотите, вы всѣ можете это сдѣлать.

— А какъ же этого можно достигнуть?

— Поступайте со всѣми добромъ да ласкою.

— Какъ же съ лютымъ быть ласково,—онъ погубитъ.

— Эко горе какое, а вы объ этомъ не думайте и за себя не бойтесь.

— Какъ же можно за себя не бояться?

— А вотъ такъ же, какъ вы сидите теперь со мной и моего льва не боитеся.

— Это потому намъ здѣсь смѣло, что ты самъ съ нами.

— Пустяки,—что̀ я отъ льва за защита.

— Ты отъ звѣря средство знаешь и за насъ заступишься.

А Герасимъ опять отвѣчалъ:

— Пустяки вы себѣ выдумали, что я будто на льва средство знаю. Богъ свою благость далъ мнѣ — чтобы въ себѣ

страхъ побѣдить—я звѣря обласкалъ, а теперь онъ мнѣ зла и не дѣлаетъ. Спите, не бойтесь.

Всѣ полегли спать вокругъ мѣловой норки Герасима, и левъ легъ тутъ же, а когда утромъ встали, то увидѣли, что льва нѣтъ на его мѣстѣ!.. Или его кто отпугнулъ, или убилъ и зарылъ трупъ его ночью.

Всѣ очень смутились, а старецъ Герасимъ сказалъ:

— Ничего, онъ вѣрно за дѣломъ пошелъ и вернется.

Разговариваютъ они такъ и видятъ, что въ пустынѣ вдругъ закурилась столбомъ пыль и въ этой пронизанной солнцемъ пыли вѣятся странныя чудища съ горбами, съ крыльями: одно поднимается вверхъ, а другое внизъ падаетъ, и все это мечется, и все это стучитъ и гремитъ, и несется прямо къ Герасиму, и вразъ все упало и повалилося, какъ кольцомъ, вокругъ всѣхъ стоявшихъ; а позади старый левъ хвостомъ по землѣ бьетъ.

Когда осмотрѣлись, то увидали, что это вереница огромныхъ верблюдовъ, которые всѣ другъ за друга привязаны, а впереди всѣхъ ихъ—навьюченный Герасимовъ осликъ.

— Что̀ это такое сдѣлалось и какимъ случаемъ?

А было это вотъ какимъ случаемъ: шелъ черезъ пустыню купеческій караванъ; на него напали разбойники, которые ранѣе угнали къ себѣ Герасимова ослика. Разбойники всѣхъ купцовъ перебили, а верблюдовъ съ товарами взяли и поѣхали дѣлиться. Ослика же они привязали къ самому заднему верблюду. Левъ почуялъ по вѣтру, гдѣ идетъ осликъ, и бросился догонять разбойниковъ. Онъ настигъ ихъ, схватилъ за веревку, которою верблюды были связаны и пошелъ скакать, а верблюды со страха передъ нимъ прыгаютъ и ослика подкидываютъ. Такъ левъ и пригналъ весь караванъ къ старцу, а разбойники всѣ съ сѣделъ свалились, потому что перепуганные верблюды очень сильно прыгали и невозможно было на нихъ удержаться. Самъ же левъ обливался кровью, потому что въ плечѣ у него стремила стрѣла.

Всѣ люди всплеснули руками и закричали:

— Ахъ, старецъ Герасимъ! Твой левъ имѣетъ удивительный разумъ!

— Мой левъ имѣетъ плохой разумъ, — отвѣчалъ, улы-

баясь, старецъ: — онъ мнѣ привелъ то, что̀ мнѣ вовсе не нужно! На этихъ верблюдахъ товары великой цѣны. Это огонь! Прошу васъ, пусть кто-нибудь сядетъ на моего осла и отведетъ этихъ испуганныхъ верблюдовъ на большой путь. Тамъ, я увѣренъ, теперь сидятъ ихъ огорченные хозяева. Отдайте имъ все ихъ богатство и моего осла на придачу, а я поведу къ водѣ моего льва и тамъ постараюсь вынуть стрѣлу изъ его раны.

И половина людей пошли отводить верблюдовъ, а другіе остались съ Герасимомъ и его львомъ, и видѣли, какъ Герасимъ долго вытягивалъ и вынулъ изъ плеча звѣря зазубренное остріе.

Когда же возвратились отводившіе караванъ, то съ ними пришелъ еще одинъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ пышномъ нарядѣ и со многимъ оружіемъ и, завидя Герасима, издали бросился ему въ ноги.

— Знаешь ли, кто я?—сказалъ онъ.

— Знаю,—отвѣчалъ Герасимъ:—ты несчастный бѣднякъ.

— Я страшный разбойникъ Амру!

— Ты мнѣ не страшенъ.

— Меня трепещутъ въ городахъ и въ пустынѣ,—я перебилъ много людей, я отнялъ много богатствъ, и вдругъ твой удивительный левъ сразу умчалъ весь нашъ караванъ

— Онъ звѣрь, и потому отнимаетъ.

— Да, но ты намъ все возвратилъ и прислалъ еще намъ своего осла на придачу... Возьми отъ меня, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ шатеръ и раскинь его, гдѣ хочешь, ближе къ водѣ, для твоего покоя.

— Не надо,—отвѣчалъ старецъ.

— Отчего же? Для чего же ты такъ гордъ?

— Я не гордъ, но шатеръ слишкомъ хорошъ и можетъ возбуждать зависть, а я не сумѣю его раздѣлить со всѣми безъ обиды, и увижу опять неровность, и стану бояться. Тогда левъ мой уйдетъ отъ меня, а ко мнѣ придетъ другой жадный звѣрь и опять приведетъ съ собой безпокойство и зависть, и дѣлежъ, и упреки. Нѣтъ, не хочу я твоихъ прохладныхъ шатровъ, я хочу жить безъ страха.

АСКАЛОНСКІЙ ЗЛОДѢЙ.

ПРОИСШЕСТВІЕ ВЪ ИРОДОВОЙ ТЕМНИЦѢ.

(Изъ сирійскихъ преданій).

«Мужчина, любви котораго женщина отказываетъ, становится дикимъ и жестокимъ». *Лукрецій.*

«Наши отдаленные предки въ припадкахъ любви не довольствовались вздохами или золотомъ, какъ это принято теперь, а они доходили до жестокой борьбы, въ которой тѣ и другіе падали мертвыми,—будь это для уничтоженія сопротивленія одной женщины или для удаленія соперника. Ихъ грубая любовь, на нашъ современный взглядъ, есть карикатура любви».

Ц. Ломброзо

Въ Сиріи, на восточномъ берегу Средиземнаго моря, сѣвернѣе Газы и южнѣе Азота, стоялъ городъ Аскалонъ, котораго нынче нѣтъ. По-еврейски онъ назывался Джора. Аскалонъ, или Джора, былъ основанъ въ глубокой древности филистимлянами и разрушенъ турецкимъ султаномъ Салладиномъ. Въ долгій вѣкъ этого города ему привелось быть языческимъ, христіанскимъ и мусульманскимъ. Въ одинъ изъ этихъ періодовъ или, лучше сказать, въ одинъ изъ переходовъ отъ одного положенія къ другому, тамъ случилось слѣдующее характерное происшествіе, отмѣченное отчасти въ писаніяхъ Евсевія изъ Аскалона.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ то время, какъ въ Аскалонѣ устанавливалось христіанство, жилъ тамъ одинъ богатый купецъ-корабельщикъ,

по имени Ѳалалей. Онъ узналъ объ ученіи Христовомъ въ чужихъ краяхъ и захотѣлъ ему слѣдовать, но не хорошо его понялъ,—жена же его, по имени Тенія, еще оставалась въ язычествѣ. Оба супруга были въ цвѣтущей порѣ жизни: Ѳалалей имѣлъ тридцать пять лѣтъ, а жена его Тенія двадцать четыре года. Ѳалалей былъ отважный и искусный мореходецъ, а Тенія обладала замѣчательною женскою красотой и превосходною кротостью добраго характера. Ласковое обхожденіе Теніи съ людьми дѣлало эту женщину пріятною для всѣхъ, кто ее зналъ, и всѣ аскалонскіе граждане, которымъ было извѣстно это супружество, считали ихъ за людей, достойныхъ уваженія, и притомъ почитали Ѳалалея-морехода человѣкомъ необыкновенно счастливымъ черезъ то, что онъ имѣлъ жену, исполненную всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ изяществъ.

Тенія происходила изъ семейства, которое пользовалось почетною извѣстностью: отецъ ея, Полифронъ, былъ языческій жрецъ, имѣвшій хорошія познанія въ наукахъ и непреклонный нравъ, повинуясь которому, незадолго передъ этимъ сдѣлался жертвою переходныхъ порядковъ при царѣ Іустиніанѣ и женѣ его Ѳеодорѣ. Тенія получила въ домѣ отца хорошее воспитаніе и по тогдашнему времени могла считаться женщиною отлично образованною для житья въ обществѣ, при хорошихъ достаткахъ: она была бережливая и старательная хозяйка и обладала пріятнымъ искусствомъ прекрасно пѣть и играть на многострунной арфѣ. При этомъ ей также не чуждъ былъ даръ стихотворства: она могла очень быстро слагать въ умѣ своемъ тѣ самыя пѣсни, которыя пѣла.

По красотѣ и по стройности жены корабельщика, а равно какъ и по пріятности ея нрава и обхожденія ей не было равной въ Аскалонѣ и всѣ называли ее здѣсь не иначе, какъ «изящная Тенія».

Супруги жили въ полномъ между собою согласіи, въ наслѣдственномъ домѣ, при которомъ былъ обширный садъ съ фруктовыми деревьями: садъ этотъ, доходившій до самаго берега моря, давалъ въ знойные дни тѣнь и прохладу. Семья у Ѳалалея и Теніи была не велика: они имѣли только двухъ маленькихъ дѣтей — сына, по имени Витта, и дочь, которую звали Вирина. Еще съ ними же вмѣстѣ въ одномъ домѣ жила мать Ѳалалея, старая вдова, по имени Пуплія,

которая посѣщала съ своимъ мужемъ Византію и Римъ и, подобно сыну, тоже приняла христіанство, но тоже не хорошо его понимала.

Домъ Ѳалалея и Теніи былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ Аскалонѣ. Онъ былъ просторенъ и свѣтелъ и содержался въ отмѣнной чистотѣ. Въ глубинѣ отѣненнаго двора былъ помостъ изъ пахучаго дерева, гдѣ въ самый неклый зной мирно и тихо играли Виттъ и Вирина подъ надзоромъ бабы ихъ Пуплін. Весь дворъ окружали рѣзныя колонны изъ того же пахучаго дерева; рѣзныя двери были украшены жемчугомъ и бирюзою, а окна завѣшаны пурпуромъ и индійскими вышивками, а посерединѣ билъ фонтанъ прозрачной и свѣжей воды. Но главное богатство Ѳалалея состояло не столько въ домѣ, какъ въ десяти большихъ корабляхъ, на которыхъ онъ возилъ сандалъ, камфару, мушкатный орѣхъ и иные продукты и товары въ Александрію и къ другимъ извѣстнымъ тогда портамъ Востока. Торговыя дѣла шли у Ѳалалея очень удачно, но невѣрно понятое христіанство не измѣнило его языческихъ взглядовъ, а излишнее богатство сдѣлало его безразсуднымъ: такъ, чѣмъ онъ больше богатѣлъ, тѣмъ сильнѣе увеличивалась въ немъ алчность и ему хотѣлось имѣть еще болѣе золота и, казалось, будто это непремѣнно такъ и нужно.

Такая жадность мужа къ богатству причиняла кроткой Теніи большое безпокойство и она не разъ предостерегала Ѳалалея, чтобы онъ не поддавался этой страсти и жилъ спокойнѣе, потому что и того, что онъ уже успѣлъ пріобрѣсти, было довольно для жизни безъ нужды и лишеній, но Ѳалалей не хотѣлъ послушаться Теніи, и въ жаждѣ новыхъ добытковъ онъ все продолжалъ довѣряться непостоянному морю, лишь бы только разбогатѣть еще болѣе, такъ чтобы богаче его уже не было никого въ Аскалонѣ. Напрасно Тенія указывала ему и на то, что желаніе большого богатства не только не отвѣчаетъ ученію избранной имъ христіанской вѣры, но даже запрещено ею,—ничто это не останавливало Ѳалалея. Напоминаніе о христіанской вѣрѣ даже заставило мореходца разсердиться на останавливавшую его благоразумную жену, и онъ сказалъ ей:

— Ты никогда не должна говорить мнѣ объ этомъ.

— Почему ты это мнѣ запрещаешь?

— Потому, что ты, выросшая въ язычествѣ и въ немъ пребывающая, не можешь понимать христіанскую вѣру и не въ состояніи разсуждать о ней какъ должно.

— Я знаю одно, что вашъ Учитель просилъ дѣлать добро и не собирать богатства.

Ѳалалей отвѣчалъ:

— Да; ты знаешь одно, но не знаешь другого. Въ нашей вѣрѣ есть то, что̀ тебѣ непонятно: чтобы быть добрымъ, надо имѣть чѣмъ людямъ помогать: я хочу быть не только кротокъ, какъ голубь, но и разуменъ, какъ змѣй. Я наживаю богатство и хочу имѣть еще болѣе — это все правда; но это вовсе не съ тѣмъ, чтобы кичиться богатствомъ, какъ дѣлаютъ ваши язычники и вообще гордые люди, а я богатѣю съ тѣмъ, чтобы, собравъ много въ своихъ рукахъ, потомъ излить это на всѣхъ и начать благотворить своимъ по вѣрѣ. Повѣрь, что когда въ моихъ рукахъ соберется столько богатства, что всѣ будутъ бѣднѣе меня, тогда я сумѣю быть болѣе добрымъ, чѣмъ могу сдѣлать теперь, а ты лучше не мѣшайся не въ свое дѣло и не осуждай меня за то, что я хочу быть очень богатымъ.

Тенія умолкла, но оставалась при своемъ мнѣніи, а Ѳалалей, почитая слова жены за пустое, продолжалъ все изыскивать новые способы для расширенія своей торговли: онъ умножилъ свою флотилію даже до тридцати кораблей и снялъ во всѣхъ портахъ всю торговлю сандаломъ, камфарой и мушкатнымъ орѣхомъ. Нѣкоторое время дѣло у него шло хорошо, но разъ случилось дурно; Ѳалалей, кромѣ камфары и сандала, набралъ много другихъ драгоцѣнныхъ товаровъ у постороннихъ торговцевъ, нагрузилъ все это на свои корабли и поплылъ въ море. Сначала плаваніе было благопріятно, но когда корабли Ѳалалея проходили противъ Кирены, вдругъ поднялась ужасная буря и двадцать девять изъ кораблей Ѳалалея утонули со всѣми бывшими въ нихъ товарами и мореходцами, и только одинъ, тридцатый, на которомъ шелъ самъ Ѳалалей, спасся съ остатками груза. Корабль этотъ былъ сильно испорченъ и не могъ идти далѣе: онъ имѣлъ порванные паруса и поврежденныя снасти, и въ такомъ видѣ повернулъ назадъ къ Аскалону.

Обратное плаваніе тоже было тяжелое, но, однако, корабль уже приближался къ Аскалону, и, вѣроятно, вошелъ

бы въ Иродову пристань, но тутъ-то именно вдругъ и погибъ, сдѣлавшись жертвою злодѣйскаго умысла жителей одного близкаго къ Аскалону селенія, лежавшаго на самомъ берегу моря за грядою подводныхъ камней. Жители этого берегового селенія зажгли фальшивый огонь, чтобы навести корабль на погибель, и достигли этого съ полнымъ успѣхомъ. Расшатанный корабль Ѳалалея, какъ ударился о первый камень, такъ и разсѣлся, а сторожившіе этотъ случай селяне тотчасъ же подоспѣли на легкихъ челнахъ и прикончили плывшихъ и молившихъ о помощи корабельщиковъ ударами веселъ по ихъ головамъ. Переколотивъ всѣхъ людей, поселяне расхватали остатки товаровъ и, послѣ драки между собою, увезли, кто что̀ успѣлъ взять, въ свои хищничьи жилища.

При этой схваткѣ Ѳалалей мужественно защищался, но упалъ, раненый, съ борта въ море и плылъ, теряя послѣднія силы, къ одному изъ усмотрѣнныхъ имъ въ темнотѣ челноковъ. На этомъ челнокѣ онъ видѣлъ необыкновенно большерослаго, полуголаго человѣка съ краснымъ платкомъ на головѣ и надѣялся получить отъ него помощь и защиту, но ошибся. Человѣкъ этотъ тоже былъ грабитель, и держалъ въ одной рукѣ горящій факелъ, а въ другой тяжелый багоръ. Когда Ѳалалей къ нему подплылъ и взмолился къ нему, помянувъ имя Христово, злодѣя не тронула эта мольба: онъ освѣтилъ утопающаго факеломъ и, махнувъ багромъ, ударилъ имъ Ѳалалея по головѣ. Затѣмъ для Ѳалалея сразу все кончилось—и усталость, и страхъ, и страданіе, и заботы нажить больше всѣхъ въ Аскалонѣ, чтобы потомъ благотворить изъ богатой наживы и сдѣлаться добрымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Несмотря на смертельный ударъ, полученный Ѳалалеемъ, онъ, однако, не утонулъ. Неожиданнымъ и удивительно счастливымъ случаемъ онъ прицѣпился одеждой за гвоздь плывшаго сломаннаго руля, который его и потащилъ на себѣ. Морскія волны прибили руль, а на немъ окровавленнаго и едва живого Ѳалалея къ «Иродовой пристани», которая называлась такъ потому, что ее устроилъ въ Аскалонѣ царь Иродъ Великій. Грузовщики, работавшіе на судахъ въ Иродовой пристани, замѣтили безчув-

ственнаго человѣка, плывшаго на сломанномъ рулѣ, и вытащили Ѳалалея на берегъ. Они сняли его какъ мертвеца, надѣясь найти на немъ что-нибудь цѣнное, но потомъ увидали, что это ихъ согражданинъ Ѳалалей-мореходецъ, и удивились. А какъ въ немъ еще были замѣтны признаки жизни, то грузовщики сняли его и стали его трясти и подбрасывать, чтобы онъ очнулся, а въ то же время послали отрока къ нему въ домъ за его матерью Пуплiей и за женою его Тенiею, и за дѣтьми ихъ Вириной и Виттомъ.

Ѳалалей очень счастливо прицѣпился на рулѣ, такъ что голова его все время была наружу,—отъ этого только онъ не захлебнулся и не наглотался соленой воды черезъ мѣру, такъ что его скоро удалось привести въ чувство.

Когда изящная Тенiя и старая Пуплiя съ Вириной и Виттомъ прибѣжали въ Иродову пристань, то Ѳалалей уже открылъ глаза; онъ сейчасъ же узналъ жену и своихъ малолѣтнихъ дѣтей, и бабу ихъ Пуплiю и горько заплакалъ. Ѳалалей сразу понялъ свое положенiе и, обратясь къ женѣ, сказалъ ей:

— О, я вижу теперь, какъ ты была права, добрая Тенiя! Но для чего я не слушалъ тебя въ свое время? для чего я такъ упорно желалъ имѣть много богатства? Вотъ теперь я и наказанъ за то, что я не зналъ сытости и хлопоталъ имѣть больше прочихъ. Отнынѣ мы нищiе и я не въ силахъ буду сдѣлать ничего добраго людямъ, о которыхъ я, по правдѣ сказать, думалъ гораздо менѣе, чѣмъ о томъ, чтобы быть всѣхъ знатнѣе по своему богатству и удѣлять бѣднымъ только крупицы.

Тенiя на это отвѣчала мужу кротко:

— Я говорила тебѣ ранѣе то, что̀ тогда внушало мнѣ справедливое сердце, но теперь скажу другое: не сокрушайся о томъ, что потерялъ нажитое богатство. Мы еще имѣемъ глаза, чтобы видѣть, и руки, чтобы ими трудиться: мы можемъ достать хлѣбъ и кровъ для нашихъ дѣтей трудами рукъ нашихъ. Вѣдь этакъ живутъ еще очень многiе люди на свѣтѣ.

Ѳалалей ободрился и, взявъ Тенiю за руку, сказалъ:

— Ты права; голубка, витающая въ душѣ твоей, могла бы одолѣть моего змѣя, если бы дѣло шло только о нашемъ богатствѣ, но я погубилъ тоже и много чужого. Этого не простятъ мнѣ.

— Ну, что дѣлать,—отвѣчала Тенія.

Перенесенный въ свой домъ, Ѳалалей, вѣроятно, скоро бы тамъ выздоровѣлъ, но ему не привелось наслаждаться домашнимъ покоемъ при заботахъ жены. Къ нему тотчасъ же пришли купцы, довѣрившіе ему въ долгъ товары, и стали требовать съ него уплаты денегъ.

Ѳалалей отвѣчалъ имъ:

— Вы себя и меня напрасно мучите: или вы не видите, что я разоренъ совершенно и не могу ничего заплатить вамъ?

Купцы отвѣчали, что они ему не вѣрятъ и подозрѣваютъ, что онъ ихъ товары гдѣ-нибудь продалъ, а вырученное золото закопалъ гдѣ-нибудь въ примѣченномъ мѣстѣ и потомъ самъ, для отвода, бросился въ море.

— Вы меня напрасно подозрѣваете,—отвѣчалъ Ѳалалей:— всѣ товары погибли; вѣрьте мнѣ — я христіанинъ и лгать не могу.

Но купцы въ свой чередъ отвѣтили Ѳалалею, что и они теперь тоже стали всѣ христіане, какъ ихъ императоръ, но что это дѣла не измѣняетъ, и что, сколько Ѳалалей имъ долженъ за товары, они все это желаютъ съ него получить. А иначе, говорятъ, — мы возьмемъ рабовъ, выставимъ все, что здѣсь видимъ, на базаръ и продадимъ.

Ѳалалей отвѣчалъ имъ:

— Базарьте.

Тогда заимодавцы привели рабовъ и велѣли имъ при себѣ же взять все, что̀ было въ домѣ у Ѳалалея, и вынести на базаръ, а семью его изъ обобраннаго дома выгнали и самый домъ заперли большимъ замкомъ и ключъ отдали извѣстному въ Аскалонѣ доимщику Тивуртію съ тѣмъ, чтобы онъ этотъ домъ продалъ и вырученныя деньги подѣлилъ между всѣми, кому Ѳалалей долженъ.

Доимщикъ Тивуртій былъ человѣкъ странный: лицо имѣлъ дряблое и скверное, цвѣта вареннаго гороха, и совсѣмъ безволосое, глаза черные, вѣки валиками, все тѣло мягкое и напруженное, а ходилъ тихо, какъ котъ. Онъ взялъ и продалъ Ѳалалеевъ домъ богатому трактирщику Эпимаху, который и открылъ въ покояхъ и въ садахъ Ѳалалея корчемницу и веселый притонъ для иностранныхъ мореходцевъ; а деньги, которыя были выручены за продажу дома, Тивуртій раздѣлилъ между тѣми, чьи товары потопилъ Ѳа-

лалей, постольку, поскольку пришлось въ раздѣлъ на каждаго, и себѣ взялъ положенную часть за доимку. Но, однако, всего, что Тивуртій выручилъ черезъ продажу дома, было слишкомъ недостаточно для того, чтобы покрыть и половинную долю того, что пропало на Ѳалалеѣ.

Тогда искусный доимщикъ Тивуртій, который былъ тѣмъ извѣстенъ, что умѣлъ донимать съ должниковъ все до послѣдней капли, сказалъ:

— Что хотите мнѣ дать? Я еще попытаюсь больше взыскать. Дѣло не можетъ быть такъ, какъ Ѳалалей увѣряетъ. Я полагаю, что не всѣ ваши товары пропали въ морѣ, а что Ѳалалей ихъ гдѣ-нибудь продалъ на островахъ эгеянамъ, такимъ же, какъ самъ онъ, коварнымъ и тихимъ, а вырученное золото онъ гдѣ-нибудь спряталъ. Это только и надо узнать, а спряталъ онъ его, навѣрное, гдѣ-нибудь тамъ же, на тѣхъ далекихъ островахъ, подъ извѣстнымъ ему деревомъ или камнемъ. Дайте мнѣ во всемъ бо́льшую часть противъ положенія, и я возьму Ѳалалея въ темницу и стану его морить въ неволѣ. Такъ я все вамъ и себѣ выручу,— закончилъ доимщикъ Тивуртій.

Купцы, услыхавъ такія слова отъ опытнаго доимщика, всѣ между собою переглянулись и, перетакнувшись, отошли въ сторону и сказали другъ другу:

— Что же еще размышлять? Вѣдь вправду Тивуртій предлагаетъ намъ хорошее дѣло: онъ лучше насъ знаетъ всѣ хитрости мореходцевъ, и если Ѳалалей промоталъ наши товары и золото скрылъ, то Тивуртій доймет его въ темницѣ и получитъ нашъ долгъ съ Ѳалалея. Пусть только Тивуртій держитъ его въ темницѣ не на нашемъ, а на своемъ хлѣбѣ.

И отдали купцы друга своего корабельщика Ѳалалея для правежа и доимки на всю волю опытному и жестокому доимщику. Тивуртій же доимщикъ пошелъ къ себѣ домой, взялъ изъ окованной, большой скрыни серебряный поясъ дорогой цѣны подъ полу и пошелъ съ нимъ къ градоправителю аскалонскому и сталъ просить его, чтобы онъ посадилъ Ѳалалея въ Иродову подземную темницу, а дорогой чеканный поясъ далъ ему въ поминку и впередъ сдѣлалъ посулъ дать ему еще болѣе цѣнную вещь, лишь бы сейчасъ позвалъ на очи темничника Раввула и повелѣлъ ему томить Ѳалалея всячески, какъ только захочетъ доимщикъ Тивуртій.

Градоправитель принялъ поясъ и исполнилъ просьбу Тивуртія: онъ послалъ городскихъ стражей съ приказомъ взять и перенести больного Ѳалалея въ Иродову темницу, полную гадовъ, и отдать его темничнику Раввулѣ, а Раввула бросилъ его тамъ на гнилой тростникъ между страшныхъ злодѣевъ, и заперъ, пока онъ заплатитъ все, что имѣетъ право взыскивать съ него домщикъ Тивуртій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Иродова темница въ Аскалонѣ была посреди города, на главномъ базарномъ мѣстѣ. Она была рытая въ землѣ, въ родѣ очень большой погребной ямы, и подведена столбами и сводами изъ сырыхъ камней, а сверху присыпана землей тоже такъ, какъ погребница. Снаружи ее и отличить было трудно. Казалось, будто это простой земляной холмъ. Тутъ же на этой насыпи шелъ всякій день торгъ. Тутъ били людей на правежѣ воловьими жилами и тутъ же сидѣли съ ночвами и съ лаханями аскалонскіе рыбаки, предлагавшіе живую рыбу, и торговки, продававшія хлѣбъ, овощи и рыбачьи снасти. Въ откосахъ насыпи были пробиты и опущены крѣпкими желѣзными рѣшетками двѣ узенькія отдушины, черезъ которыя, впрочемъ, внутрь подземелья едва проникалъ самый слабый свѣтъ и проходила самая скудная струя воздуха, и порою достигалъ отдаленный гулъ рынка.

Въ этой аскалонской темницѣ, выкопанной при Иродѣ, сидѣло очень много разноплеменныхъ людей и всѣ они страшно томились тутъ отъ тѣсноты, голода, жажды и недостатка дневного свѣта и воздуха. Свѣтъ солнечный едва доходилъ сюда на минутку косымъ лучомъ черезъ одно узенькое окошечко, а солнечная теплота совсѣмъ сюда не проникала, отчего сырость была несказанная и проникала тѣла заключенныхъ. Въ этой общей ямѣ были тѣсно сбиты вмѣстѣ и злодѣи-душегубцы, и воры, и неплательщики. Всѣ они были лишены всякой свободы движенія. У однихъ ноги были заколочены клиньями въ деревянныя колоды и эти сидѣли вовсе неподвижно, а на другихъ были наложены тяжелыя цѣпи, производившія терзательное лязганье при каждомъ движеніи рукъ и ногъ; тѣ же, которые были пойманы на разбояхъ и убійствахъ и подлежали смертной казни, око за око и зубъ за зубъ, — эти были прикованы къ стѣнѣ

тройными цѣпями за ноги, за руки и за шею. Логовища этихъ безстрашныхъ злодѣевъ были въ самомъ заднемъ отдѣленіи, въ узкихъ и совершенно темныхъ впадинахъ, вырытыхъ въ глинѣ. Всѣ заключенные въ Иродовой темницѣ люди, гдѣ сидѣли, тамъ же и спали, и тутъ же они и пили, и ѣли, и отправляли всѣ свои тѣлесныя нужды. Здѣсь ихъ посѣщали друзья и родные, и жены. Обычаи были такъ суровы и просты, что случалось нерѣдко, что жены людей, заключенныхъ въ этой Иродовой темницѣ, посѣщая мужей своихъ, становились снова матерями новыхъ дѣтей... Такова была эта ужасная Иродова тюрьма въ Аскалонѣ, въ которую домщикъ Тивуртій заключилъ Ѳалалея, мужа Теніи и отца Вирины и Витта.

Въ то же время, какъ былъ посаженъ въ эту тюрьму Ѳалалей-корабельщикъ, за нѣсколько дней ранѣе въ эту самую яму, и притомъ въ самой темной ея впадинѣ, былъ помѣщенъ и прикованъ на пять цѣпей за руки и за ноги, и за шею береговой злодѣй, по имени Анастасъ-душегубецъ. Онъ былъ извѣстный разбойникъ. Онъ грабилъ и лишилъ жизни много людей. Всѣхъ убитыхъ имъ на сушѣ и на морѣ считалось сорокъ душъ. Онъ давно вооружилъ противъ себя всѣхъ людей въ Аскалонѣ и всѣ аскалонцы радовались, что Анастасъ, наконецъ, пойманъ и ожидали его казни.

Для произнесенія суда надъ Анастасомъ долженъ былъ вскорѣ прибыть изъ Дамаска важный сановникъ, по имени Милій, при которомъ злого Анастаса и должны были казнить мечомъ всенародно посреди Аскалона.

Рядомъ съ тою впадиной, въ дальнемъ концѣ темничной ямы, гдѣ былъ прикованъ злодѣй Анастасъ, находился тѣсный лазъ еще въ особую низкую глиняную ямину, по названію «прокаженную». Она называлась такъ потому, что здѣсь нѣкогда сидѣлъ человѣкъ бѣсноватый и прокаженный, который неустанно злословилъ царя Ирода, и за то здѣсь и умеръ въ заточеніи. Съ той поры въ эту прокаженную пору никто не входилъ, потому что и самъ стражъ темничный, безстрашный Раввула, боялся прикоснуться къ глинѣ, на которой сидѣлъ и о которую терся прокаженный. Ямину эту, однако, не заваливали, потому что въ ней была другая продушина, которая была необходима, чтобы не задохнулись невольники.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ аскалонской Иродовой темницѣ давали скудную пищу отъ подаяній только тѣмъ изъ невольниковъ, у которыхъ не было ни родни, ни друзей, а должникамъ и тѣмъ, у кого были какіе-нибудь родные, хотя бы и самые бѣдные, темничникъ Раввула никакой пищи не давалъ. Объ этихъ узникахъ должны были заботиться тѣ, кто ихъ посадилъ, или ихъ близкіе родственники, которые и приносили сюда невольникамъ то, что могли. Поэтому и корабельщика Ѳалалея должны были питать жена его Тенія или Тивуртій, но Тивуртій сказалъ:

— У Ѳалалея есть жена; она молода и надѣлена отъ природы большою красотой: пусть она его кормитъ.

Тенію это съ одной стороны было пріятно, потому что, принося пищу мужа, она могла его видѣть и послѣ съ нимъ оставаться до вечера, но зато надо было добывать ему пищу, а это возлагало на Тенію заботы, которыя были для нея очень затруднительны.

Бѣдная Тенія одна должна была заботиться о томъ, чтобы добывать деньги для пропитанія себѣ, мужу и двумъ своимъ дѣтямъ Виринѣ и Витту, да еще старой бабкѣ ихъ Пуплін, которая въ это время была уже немощна и не въ силахъ была работать, а только смотрѣла за внуками. Тенія же, какъ дочь жреца, выросла въ довольствѣ и нѣгѣ,—ея голову заплетали невольницы и онѣ же навѣвали на нее съ вечера сонъ, а утромъ къ вставанію будили ее легкимъ ласканіемъ ея ступней. Вообще она была не пріучена исполнять какія бы то ни было тяжелыя работы. Она была научена только изящнымъ искусствамъ, въ которыхъ никто не нуждался, но она теперь только ими и старалась находить заработокъ. Такъ какъ она всего лучше умѣла играть на многострунной арфѣ и притомъ имѣла даръ быстро слагать и пѣть пріятнымъ напѣвомъ стихи своего сочиненія, то она стала ходить въ свой бывшій виноградный садъ, гдѣ теперь подъ узорными шатрами, раскинутыми Эпимахомъ, въ прохладной тѣни деревьевъ и ползучихъ гроздій, собирались заѣзжіе въ Аскалонъ чужестранные мореходцы. Хозяинъ этихъ шатровъ, видя, что Тенія прекрасна собою и можетъ нравиться его гостямъ и наружностью, и игрою, и пѣніемъ, дозволялъ ей садиться среди пирующихъ море-

ходцевъ и ставилъ передъ нею кубокъ вина, къ которому она, впрочемъ, не прикасалась устами, потому что велико было съѣдавшее ее горе и она позабыть его не хотѣла.

Для увеселенія пирующихъ мореходцевъ Тенія всѣ ночи насквозь играла на своей арфѣ и пѣла, сама тутъ же составляя изъ собственныхъ словъ своихъ пѣсни, изъ которыхъ иныя были очень трогательны и нерѣдко достигали до сердецъ слушателей и смягчали ихъ грубые порывы. Корабельщики, слушая игру и пѣсни Теніи, были довольны тѣмъ, что видѣли передъ собою прекрасную пѣвицу, и давали ей монеты, съ которыми Тенія потомъ уходила на рынокъ, — покупала здѣсь лучшей пищи для дѣтей и для мужа, и для его матери Пупліи, а для себя уснувшую дешевую рыбу. Обѣ эти женщины, Тенія съ Пупліей, и находившіяся при нихъ дѣти, Виттъ и Вирина, ютились теперь за городомъ въ убогомъ шалашѣ, смазанномъ изъ тростника и илистой грязи.

Занятіе арфистки и пѣвицы, которое поневолѣ избрала Тенія для пропитанія семьи, не было, однако, для нея ни легко, ни пріятно, потому что съ растерзаннымъ сердцемъ ей трудно было забавлять игрою и пѣніемъ праздныхъ и часто нетрезвыхъ людей; но, не умѣя дѣлать ничего другого, что̀ могло бы дать ей заработокъ, Тенія безропотно покорялась необходимости и несла свою долю, не обнаруживая своего страданія передъ мужемъ. Между посѣтителями виноградныхъ шатровъ встрѣчались и такіе, которые не довольствовались пѣснями, а не разъ дѣлали Теніи предложенія продать имъ за золото свои ласки. Тенія не обижалась, ибо понимала, что теперь всѣ могутъ почитать ее сходною на такое дѣло, и отвѣчала спокойно и скромно:

— Неустрашимые и добрые люди, я продаю только то, что предлагаю: я играю на арфѣ и пою мною сложенныя нехитрыя пѣсни. Я пою и играю потому, что я не умѣю дѣлать ничего другого, а должна питать дѣтей и мужа. Слушайте мою игру и да минуетъ васъ и всѣхъ, кто вамъ дорогъ на родинѣ вашей, всякое горе.

Корабельщики, получая такой скромный отвѣтъ, стыдились оскорблять Тенію своими приставаніями, но содержатель шатровъ Эпимахъ былъ ею за то недоволенъ и говорилъ ей:

— Ты очень красивая, но совершенно безразсудная женщина: или ночи наши, на твой взглядъ, не довольно темны,

а сикоморы мои не молчаливы? Зачѣмъ ты не отходишь ни съ однимъ, кто тебя кличетъ, въ отдаленье къ берегу моря? Тамъ съ глазу на глазъ съ нимъ ты могла бы спѣть ему что-нибудь сладостнѣй пѣсни о горѣ, и въ поясѣ у тебя зазвенѣло бы крупное золото, а не ничтожная мелочь. Ты и себя, и меня лишаешь хорошаго дохода.

Тенія отвѣчала, что она получаетъ довольно, и отходила отъ Эпимаха, стараясь выкинуть изъ памяти этотъ непріятный ей разговоръ. Эпимахъ же добивался другого, — онъ хотѣлъ услужить своимъ гостямъ и былъ очень недоволенъ Теніею. Онъ желалъ бы видѣть на ея мѣстѣ въ своихъ садахъ пѣвицу, болѣе благосклонную къ исканіямъ его веселыхъ посѣтителей. А мореходцы, какъ бывалые люди, ему разсказывали о томъ, какихъ угодливыхъ пѣвицъ они встрѣчали въ садахъ Александріи и Даміеты, а Эпимахъ съ укоризною сообщалъ эти разсказы Теніи, но она ничему этому не хотѣла внимать.

Тенія раздѣляла свое время такъ, что утромъ она мыла и чинила носильную ветошь, какая осталась на ея дѣтяхъ послѣ изгнанія изъ дома, и услуживала бабкѣ ихъ, старой и изнѣженной Пупліи; потомъ шла на рынокъ и покупала горсть сухой чечевицы и щетинистаго угря, или другую дешевую рыбу, варила ее съ лукомъ у варильщика при общемъ очагѣ и къ полудню несла эту похлебку въ темницу мужу. Изъ темницы родственниковъ заключенныхъ не выгоняли, и Тенія оставалась съ Ѳалалеемъ до самаго вечера, когда, при заходѣ солнца, входилъ съ бегемотовою жилой въ рукѣ темничникъ Раввула и, выгнавъ всѣхъ посѣтителей вонъ, закрывалъ на засовы двери темницы. Тогда изящная Тенія вставала и шла въ патры своего бывшаго винограднаго сада и тамъ играла на арфѣ и пѣла до тѣхъ поръ, когда восходящее солнце напоминало гулякамъ о нуждѣ и заботахъ вновь наступавшаго дня.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенія Ѳалалея, и тѣлесныя силы Теніи стали подаваться, и красота ея начала меркнуть. Происходило это сколько отъ горя, столько же отъ новаго образа жизни, не отвѣчавшаго ни ея здоровью, ни ея цѣломудреннымъ навыкамъ; однакоже, несмотря на это, Тенія оставалась твердою въ своей непреклонности и слишкомъ прекрасною для того, чтобы непреклонность ея не казалась досадительною, а красота слиш-

комъ привлекательною, и все это продолжало возбуждать порочныя исканія, которыя и подготовили, наконецъ, чрезвычайно тяжелое и большое испытаніе для добродѣтели Тепіи.

Вышло такъ, что по этому поводу въ Продовой тюрьмѣ въ Аскалонѣ произошли событія, отмѣченныя весьма кратко, но по ужасу своему достойныя долгой памяти и состраданія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Ѳалалей былъ заключенъ въ Продову темницу, изъ Дамаска прибылъ въ Аскалонъ ожидаемый для суда надъ Анастасомъ-злодѣемъ именитый ѵпархъ, по имени Милій. Онъ былъ присланъ не только затѣмъ, чтобы осудить Анастаса, но также чтобы заодно осмотрѣть, какъ управляетъ областью аскалонскій правитель Димасъ, и раздать подаяніе, которое прислала чрезъ него въ Аскалонъ отъ щедротъ своихъ Ѳеодора.

Обходя аскалонскую темницу, Милій остановился передъ впадиной, гдѣ былъ прикованъ пятью цѣпями безжалостный Анастасъ-разбойникъ, и когда темничникъ Раввула освѣтилъ факеломъ Анастаса, то Милій удивился, увидѣвъ его ужасное лицо,—такъ сильно и рѣзко изображалось на немъ безпощадное свирѣпство разбойника. Тутъ Милій не удержался и воскликнулъ вслухъ:

— О, какъ онъ подлъ и противенъ! Клянусь, что я никогда не встрѣчалъ на свѣтѣ ничего болѣе злого и омерзительнаго, какъ эти его косые глаза и эти вразлетъ идущія густыя брови! Земля съ нетерпѣніемъ должна ждать минуты, когда этотъ безжалостный звѣрь перестанетъ дышать ея воздухомъ и тяготить ее своими ногами. Впрочемъ, я объ этомъ какъ можно скорѣй постараюсь.

Злодѣй же Анастасъ, услыхавъ, что проговорилъ о немъ Милій, запрыгалъ на мѣстѣ и, тряся отъ гнѣва цѣпями, закричалъ на ѵпарха:

— Я тебѣ мерзокъ, а, можетъ-быть, самъ ты и еще меня хуже. Твое ли дѣло, злая душа, надо мной насмѣхаться? Жалѣю, что я не повстрѣчалъ тебя раньше, и не здѣсь, гдѣ ты на свободѣ, а я крѣпко прикованъ цѣпями: иначе я посмотрѣлъ бы, что краснѣй—твоя кровь или твоя пурпурная тога? А теперь будь ты проклятъ!

Прокричавъ это неистовымъ голосомъ, Анастасъ такъ страшно ударилъ о стѣны своими цѣпями, что всѣ другіе

невольники вздрогнули и сжались въ страхѣ, а стражникъ Раввула и воины, сопровождавшіе съ зажженными факелами вельможу Милія, окружили его, чтобы страшный видъ Анастаса его не тревожилъ. И тутъ-то, при дрожащемъ свѣтѣ этихъ факеловъ, встревоженный взглядъ благообразнаго Милія палъ на лицо изящной Тенія, которая въ страхѣ за судьбу Ѳалалея старалась закрыть его своимъ станомъ. Милій же былъ большой сластолюбецъ, и изящный обликъ Тенія сразу ударилъ его въ страстное сердце, такъ что онъ остановился и обратился къ сопровождавшему его отроку, скорописцу Евлогію, и сказалъ ему тихо:

— Открой скорѣе кису присланныхъ съ нами доброхотныхъ даяній. Здѣсь я вижу передъ собой христіанку, на лицѣ которой читаю ея невинность. Навѣрное, она страдаетъ напрасно по языческой злобѣ и я хочу облегчить ея участь во славу величайшей въ женахъ императрицы Ѳеодоры.

Отрокъ Евлогій потянулъ шнуры кожаной кисы, въ которой лежали деньги, назначенныя для раздачи христіанской милостыни заключеннымъ, а Милій обратился къ Тенія и сказалъ ей:

— Приблизься, прекрасная христіанка, возьми себѣ помощь и скажи намъ скорѣе: за что ты томишься? Я увѣренъ, что ты страдаешь напрасно, и кто тебя заключилъ въ эту темницу, тотъ самъ недостоинъ свободы.

— Ты ошибаешься, благородный господинъ, — отвѣчала Тенія: — я не христіанка, — я дочь жреца Полифрона и держусь старой вѣры.

Милій смутился и отвѣчалъ ей, что онъ сожалѣетъ, зачѣмъ она сказала ему, что она язычница.

— Теперь,—молвилъ онъ:—я не могу оказать тебѣ помощь, какую имѣлъ желаніе сдѣлать, — и при этомъ онъ удержалъ своею рукой руки Евлогія скорописца, распускавшаго связки кисы, гдѣ хранилось золото, присланное для раздачи новымъ христіанамъ.

Тенія же, услыхавъ сожалѣніе Милія, не обнаружила никакой особой, усиленной тревоги и сказала ему спокойно:

— Развѣ для Ѳеодоры и для твоего милосердія не все равно оказать помощь тому, кто въ ней нуждается?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Милій:—мы должны помогать прежде своимъ по вѣрѣ, а потомъ чужевѣрнымъ.

— Въ такомъ случаѣ, помоги моему мужу и дѣтямъ,— они всѣ вашей вѣры.

Милій обрадовался.

— Если мужъ твой и дѣти той вѣры, которой теперь отдаютъ высшіе люди высшій почетъ въ Византіи и въ Дамаскѣ, то тогда совѣсть моя дозволяетъ мнѣ оказать тебѣ помощь. Подойди же сюда и возьми по монетѣ для каждаго изъ кисы добрыхъ даяній.

Тенія отвѣчала:

— Господинъ, мнѣ некстати опускать самой руку въ мѣшокъ: я питаюсь самъ-пятъ,—повели, чтобы отрокъ твой далъ мнѣ, что опредѣлитъ твоя щедрость.

Милій велѣлъ отроку дать ей десять цехиновъ, а потомъ спросилъ у нея:

— Какое ты сдѣлала зло, или чѣмъ проступилась противъ законовъ?

— Милосердое Небо до сего дня хранило меня отъ злого дѣянія,—отвѣтила Тенія.

— Ты, можетъ-быть, судишь такъ по своей языческой совѣсти и тебѣ только кажется, будто ты не сдѣлала ничего преступнаго.

— Нѣтъ, я и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлала ничего преступнаго.

— Въ такомъ разѣ за что же тебя лишили свободы и держатъ въ этой душной и страшной темницѣ?

Тенія отвѣчала вельможѣ, что она вовсе не невольница и свободно можетъ приходить сюда и выходить отсюда, а сидѣть здѣсь, въ этой душной и страшной темницѣ, ее побуждаетъ состраданіе и любовь къ мужу, который тутъ заключенъ и томится за то, что онъ не можетъ заплатить денегъ купцамъ, довѣрившимъ ему свои товары.

— Когда же ты надѣешься выкупить своего мужа?

— Я не имѣю на это никакой надежды и только дѣлаю то, что могу: я приношу ему пищу и стараюсь его утѣшать и поддержать въ немъ бодрость.

— Мнѣ кажется, ты могла бы сдѣлать для него гораздо больше, чѣмъ это.

— Ахъ, яви свою милость, научи меня, что я могу сдѣлать, чтобы возвратить свободу Ѳалалею, и ты увидишь, что у меня не окажется недостатка въ рѣшимости и твердости: я исполню все, что для этого нужно.

— Нужна только одна твоя рѣшимость.

— Въ такомъ случаѣ, это уже сдѣлано. Не медли же, говори какъ можно скорѣй и понятнѣй, что я должна принести счастью семьи моей въ жертву? Жизнь мою?

— Нѣтъ.

— Такъ что же? Умоляю тебя, не мучь меня и говори мнѣ отъ раза.

— На какую сумму простирается долгъ твоего мужа?— вопросилъ Милій, лаская взоромъ изящную Тенію.

Тенія отвѣчала ему по правдѣ, сколько Тивуртій и купцы исчисляли долгу на корабельщикѣ. Это составляло очень значительную сумму.

Милій былъ вельможа богатый, но скупой, и притомъ сумма Ѳалалеева долга и для его большихъ средствъ была не ничтожна, а потому онъ сказалъ:

— Мужъ твой, къ сожалѣнію, долженъ очень много!—и Милій отошелъ отъ Тенiи и сталъ подвигаться дальше къ выходу, но въ это самое время къ нему приблизился доимщикъ долговъ, хитрый старецъ Тивуртій, который былъ чрезвычайно искусенъ на то, чтобы дѣлать всякія сдѣлки, лишь бы донять что-нибудь съ содержащихся неплательщиковъ. Увидавъ, что Милій ласкается къ Тенiи, Тивуртій сейчасъ же сообразилъ, что этимъ можно воспользоваться, и прошепталъ вельможѣ на ухо:

— Долгъ мужа красивой женщины, которая сейчасъ имѣла счастіе внушить твоему вельможеству высокое состраданье, очень великъ, но она вѣдь не знаетъ, что весь этотъ огромный долгъ можетъ быть сильно пониженъ. Я здѣшній доимщикъ Тивуртій,—мнѣ извѣстны всѣ дѣла въ Аскалонѣ, и я знаю, что надобно сдѣлать, чтобы все вышло, какъ ты желаешь.

Милій остановился, а Тивуртій продолжалъ ему говорить:

— Повѣрь, что слова мои такъ же точны и вѣрны, какъ вѣрно и то, что женщины красивѣй и изящнѣй Тенiи не легко отыскать во всѣхъ городахъ, которыми правитъ благословенная власть Ѳеодоры, съ которою, — могъ ты замѣтить, — Тенія, кажется, схожа.

Милій же, вмѣсто того, чтобы обидѣться тѣми словами, съ которыми подошелъ къ нему Тивуртій, забылъ и свой санъ, и свое положеніе въ темницѣ среди заключенныхъ, а продолжалъ любоваться издали красивыми линіями стана

жены корабельщика, а Тивуртій, замѣтивъ это, сдѣлался еще болѣе смѣлъ и прошепталъ:

— Ты посмотри: слова нѣтъ, что Θеодора прекрасна, и всѣ говорятъ, будто въ земляхъ, Византіи подвластныхъ, нѣтъ другой женщины, которая могла бы съ Θеодорой сравниться... но вѣдь это только такъ говорятъ... На самомъ же дѣлѣ время не щадитъ никого, и Θеодора нынче уже не та, какой она раньше была, когда ее знали актрисой,— правда, она зато теперь наша царица, и да даруетъ Всевышній ей многія лѣта,—но... вспомни, какъ она нынче поблекла и посмотри опять на эту стыдливую Тенію...

— Зачѣмъ эти сравненія? Онѣ обѣ прекрасны.

— Да, онѣ обѣ прекрасны, но та вѣдь на тронѣ, въ пурпурѣ и въ вѣнцѣ многоцѣнномъ, ея плечи и шею ежедневно разглаживаютъ навощенными ладонями молодыя невольницы, а египетскія бабки обкладываютъ на ночь ея перси мякишемъ душистаго хлѣба изъ плодовъ египетской пальмы, а, по правдѣ сказать, и это все ей уже не помогаетъ: этотъ душистый египетскій мякишъ даетъ персямъ ея лишь одну фальшивую нѣжность, но онъ не можетъ имъ возвратить ихъ былую упругость... Нѣтъ; это минуло... Смотри же, каковы перси Тенiи, а вѣдь Тенія въ горѣ и въ тяжкой нуждѣ, — она въ бѣдномъ рубищѣ, среди людей, усыпанныхъ всякою нечистью, но и тутъ ты смотри, какъ краса ея блещетъ... Смотри этотъ царственный взоръ, эти бѣлые зубы, и особенно эти перси, которымъ не нуженъ египетскій мякишъ...

— А до какой суммы можно уменьшить долгъ ея мужа?— нетерпѣливо волнуясь, перебилъ рѣчь домщика Милій.

Тивуртій сразу же сбавилъ цѣлую треть долга, а когда замѣтилъ, что Милій еще находится въ нерѣшимости, то сказалъ вкрадчиво:

— Однако, я вижу, что ты очень тронутъ судьбою этой несчастной, и чтобы сдѣлать тебѣ пріятное и заслужить себѣ напередъ твою благосклонность, я постараюсь склонить всѣхъ купцовъ, чтобы они уступили тебѣ долговыя права на Θалалея не за двѣ, а всего за одну треть того, что онъ имъ дѣйствительно долженъ. Не колебайся далѣе и повели быть этому такъ, какъ я предлагаю. Пусть Тенія будетъ тебѣ обязана счастьемъ и постарается быть тебѣ благодарной.

Милій ему отвѣчалъ:

— Хорошо, я согласенъ, — благодарность ея мнѣ драгоцѣнна, но только я не хочу принужденія. Дай мнѣ сказать еще нѣсколько словъ съ этою Теніей, красота которой, дѣйствительно, не менѣе той, которая нынче достойно украшаетъ собою престолъ византійскій.

Тивуртій нагнулся къ уху Милія и прошепталъ:

— Она ее превосходитъ... Ѳеодорѣ теперь не достичь того, чѣмъ обладаетъ Тенія... и притомъ...

— Что ты хочешь сказать?

— Ѳеодора слишкомъ многимъ извѣстна.

— Тсс... Ты дерзокъ.

— Не опасайся... я знаю, что я говорю, и сказалъ только то, что Тенія спитъ какъ попало, въ шалашѣ, на рогожѣ, согнувшись и сжимая отъ холода перси руками, а Ѳеодора покоится, заложа руки подъ пуховыя подушки; но дай Теніи ту же роскошь, и какъ ея станъ изовьется, въ какихъ очертаніяхъ!.. О, да ты самъ понимаешь, что стыдливость Теніи можетъ доставить то, чего не можетъ дать все любовное искусство Ѳеодоры... Ты пылаешь, я вижу, и хотя я старъ, но я тебя понимаю.

— Ты правъ, красота этой женщины помрачаетъ мой разумъ, — отвѣчалъ Милій: — и къ тому же, вѣдь, она язычница.

— Да, она язычница, она дочь жреца Полифрона, который убилъ себя, не желая видѣть новыхъ порядковъ.

— Язычницы, вѣдь, свободны располагать собою: онѣ не знаютъ стѣсненій.

— Да, для нихъ это привычно: онѣ отдавались и Діонису, и иностранцамъ во славу Изиды. У нихъ свой взглядъ на эти вещи.

Милій обратился къ скорописцу Евлогію и приказалъ ему подозвать къ себѣ Тенію.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Услыхавъ отъ отрока приказаніе подойти къ его господину, Тенія сейчасъ же встала и подошла къ Милію, а тотъ подалъ ей съ ласковою улыбкой златницу и сказалъ:

— Отъ взора моего не скрылось то, чего ты не въ состояніи скрыть отъ всѣхъ, кто тебя видитъ, — ты нестерпимо прекрасна. Знай же, что твоею красотой смущено мое сердце и я готовъ на многія жертвы, чтобы получить твои

ласки. Будь согласна на это—приди ко мнѣ въ домъ сегодня вечеромъ и останься въ опочивальнѣ моей только до утра. За это я дамъ тебѣ сколько ты хочешь.

Лицо Тенiи покрылось румянцемъ, но она отвѣчала спокойно:

— *За это*—я не хочу ничего.

— Я тебѣ предлагаю пятьсотъ златницъ.

— Ты напрасно будешь предлагать мнѣ и тысячу.

— Двѣ!

— Все равно—я къ тебѣ не приду.

— Я дамъ тебѣ пять.

— Хоть и десять.

— Двадцать тысячъ!

— Ты оскорбляешь меня этимъ торгомъ; но съ тѣхъ поръ, какъ я подпала несчастiю, я уже привыкла къ подобнымъ обидамъ. Бѣдность должна много прощать людямъ съ достаткомъ, но любовь моя не продажна: я люблю мужа.

— Ты его и люби, но вѣдь ты язычница и по вѣрѣ твоей тебѣ нѣтъ грѣха въ томъ, на что я тебя приглашаю. Твой богъ Анубисъ тебя не осудитъ. Принеси же ему втайнѣ жертву за мужа, и возврати ему волю.

— Ты знаешь, что̀ говоришь,—отвѣчала Тенiя:—я—дочь жреца и бракъ мой съ мужемъ моимъ теперь не связанъ закономъ. Ты правъ, я вольна оставить его и свободна избрать другого по сердцу, но я вѣрна Ѳалалею потому, что онъ милъ мнѣ, и если я жила съ нимъ въ довольствѣ и счастьѣ, то неужели я покину его въ горѣ? Нѣтъ, такъ не будетъ, и ты возьми даже эту златницу, которую далъ мнѣ,—у меня есть сегодня для всѣхъ насъ на хлѣбъ и на рыбу.

Vнархъ изумился кроткому отвѣту Тенiи, но она ему еще болѣе понравилась, и онъ еще больше распалился желаньемъ.

— Оставь взятую златницу у себя,—сказалъ онъ:—и вотъ возьми еще другую и не будь за нихъ мнѣ ничемъ обязана, но не будь безразсудна и еще поразмысли. Если ты согласишься придти ко мнѣ, то я еще возвышаю цѣну: я высыплю къ твоимъ ногамъ всю кису доброхотныхъ даянiй, и тогда ты можешь выкупить на эти деньги свободу своему мужу. Обдумай это, прежде чѣмъ захочешь сказать свой отвѣтъ мнѣ.

— Ты очень щедръ,—отвѣчала Тенiя:—и возвысилъ цѣну

моей красоты до того, что она стала теперь цѣною свободы моего мужа, а я язычница и, какъ ты говоришь, я не имѣю стѣсненій, но ты позабылъ, что наши женщины ходили въ храмы богини Изиды съ согласія мужей ихъ, и это не былъ обманъ, такъ и это, о чемъ ты говоришь мнѣ, касается моего мужа, а потому я должна спросить у него, согласенъ ли онъ, чтобы я купила ему свободу этой цѣной. Если мужъ мой будетъ на это согласенъ, тогда я... сдѣлаю то, что̀ буду вынуждена сдѣлать. Таковъ мой отвѣтъ, а если хочешь знать, что̀ скажетъ мой мужъ, то я сейчасъ пойду и спрошу его, и что̀ онъ скажетъ, то я исполню.

Милію это показалось безуміемъ, но домницикъ Тивуртій, который стоялъ недалеко и слышалъ этотъ разговоръ, успокоилъ ѵпарха и сказалъ ему:

— Оставь ее, Милій, пусть она сдѣлаетъ такъ, какъ она хочетъ: мужчины благоразумнѣе женщинъ. Эти бываютъ некстати упрямы, а мужъ, навѣрное, дастъ Тенiи такой отвѣтъ, послѣ котораго она придетъ къ тебѣ и съ несмущенною душой отдастъ тебѣ свои ласки. Ты же, вѣдь, самъ не хочешь насилія.

И затѣмъ, проводивъ Милія за двери темницы, Тивуртій подошелъ къ скованному Ѳалалею и разсказалъ ему о выгодахъ ѵпархова предложенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Заключенный въ темницѣ Ѳалалей ничего не отвѣтилъ Тивуртію, но только горько заплакалъ, а на другой день, дождавшись прихода Тенiи, обнялъ ее и опять со слезами сталъ благодарить ее за ея вѣрность.

— Что же ты думаешь?—спросила его Тенія.

— Хотя бы мнѣ суждено было провести безконечные годы еще въ худшей темницѣ, чѣмъ эта, которую выстроилъ Иродъ, и хотя бы мнѣ надлежало умереть въ ней безъ надежды когда-нибудь видѣть море и солнце, и милыя лица нашихъ дѣтей, то и тогда я предпочелъ бы вѣчное это томленіе въ неволѣ одной минутѣ твоего позора. Ты можешь поступать какъ хочешь, но что̀ до меня, то пусть я здѣсь доживу мою жизнь и умру въ этой ямѣ, но ты для моего спасенія не отдавай своей чистоты, — въ ней твоя прелесть, и въ ней моя радость и сила.

Тенія обрадовалась, услыша отъ мужа такія слова, потому что они отвѣчали ея собственнымъ чувствамъ.

— Благодарю тебя, — отвѣчала она: — ты теперь укрѣпилъ мою душу, и за то я открою тебѣ, что̀ я таила въ себѣ, когда отдавала себя въ твою волю. Знай, что если бы ты отвѣчалъ мнѣ согласіемъ, то ты оскорбилъ бы меня больше, чѣмъ всѣ, которые, видя наше несчастіе, желаютъ склонить меня торговать своею красотой. Душа моя не снесла бы этого безчестья.

— Что-жъ бы ты сдѣлала?—спросилъ Ѳалалей.

— Если бы ты пожелалъ, чтобы я отдала себя на ложе этого вельможи, то я бы безропотно исполнила это твое желаніе, но выйдя изъ его опочивальни, я отдала бы за тебя выкупъ, но не пришла бы къ тебѣ, а бросилась въ море.

— О, я такъ и думалъ!—перебилъ Ѳалалей.

— Но зато я благодарю тебя, что ты сохранилъ мое сердце, и я могу жить съ своими дѣтьми Вириной и Виттомъ.

Ѳалалей и Тенія оба забыли свое горе и стали такъ рады, какъ-будто къ нимъ снизошло безконечное счастье. А такъ какъ невольники въ аскалонской темницѣ помѣщались на соломѣ очень тѣсно и ничѣмъ не были отдѣлены одинъ отъ другого, то хотя Ѳалалей и Тенія старались говорить между собою какъ можно тише, но разговоръ ихъ, однако, былъ услышанъ сосѣдями и въ числѣ ихъ злодѣемъ Анастасомъ. Нѣкоторые изъ заключенныхъ надъ этимъ смѣялись, а одинъ изъ нихъ передалъ слова супруговъ домщику Тивуртію, который далъ за это вѣстовщику монету, а самъ пришелъ въ большую досаду, потому что онъ видѣлъ въ искательствѣ Милія драгоцѣнный случай взыскать долгъ съ Ѳалалѣя, а при такомъ оборотѣ это взысканіе становилось безнадежнымъ. Разгнѣванный домщикъ положилъ себѣ на умѣ наказать Тенію какъ можно чувствительнѣе за ея упрямство, и съ этихъ поръ сталъ употреблять разныя мѣры къ отягченію положенія Ѳалалея, чтобы тѣмъ вынудить Тенію сдаться на предложеніе ѵнарха.

Злобный Тивуртій началъ съ того, что выждалъ, когда Тенія шла изъ темницы въ виноградный шатеръ; онъ сейчасъ же тихо подошелъ къ ней и началъ уговаривать ее не отвергать исканій богатаго вельможи:

— Что̀ тебѣ! — говорилъ онъ ей, покрывая лукавые

глаза свои толстыми вѣками. — Ты вѣдь еще въ старой вѣрѣ и можешь не считать себѣ это за грѣхъ.

Тенія только покачала головою и ничего ему не отвѣчала.

Но Тивуртій не устыдился и не отставалъ. Онъ шелъ за Теніей и разсказывалъ ей, какъ Милій знатенъ и многовластенъ, и потомъ, понижая голосъ и шевеля своими толстыми вѣками, нашептывалъ, что ѵпархъ давно бы уѣхалъ и для того только медлитъ произнести судъ и казнить Анастаса, чтобы имѣть предлогъ оставаться въ Аскалонѣ, а цѣль этого одна — достичь одной краткой минуты обладанія Теніей, за что онъ ее такъ щедро одаритъ, что она сейчасъ же можетъ выкупить мужа, а ѵпархъ Милій тогда казнитъ поскорѣй Анастаса и тотчасъ отъѣдетъ въ Дамаскъ.

— Такъ разсуди же сама, какъ безполезно упрямство! Все это дѣло краткой минуты и ты съ этимъ человѣкомъ никогда болѣе и не встрѣтишься. Что̀ же за великая важность... подумай, твоя маленькая тайна нигдѣ не разгласится, и вѣрь мнѣ, что и сама ты о ней скоро забудешь, да и время ли будетъ тебѣ помнить о томъ въ счастливыхъ объятіяхъ любимаго мужа? О, какъ счастливъ Ѳалалей, что ты его любишь: будь же умна—пожалѣй Ѳалалея и принеси для него эту пустую минутную жертву. А я берусь все такъ устроить, что ты войдешь къ Милію и выйдешь назадъ ни для кого незамѣтно: я поставляю теперь для него провизію и часто ввожу къ нему въ домъ рыбака. Я уложу въ корзину дыню и цвѣтного зуйка, а ты одѣнешься молодымъ рыбакомъ, обнажишь свои прекрасныя ноги и понесешь за жабры въ обнаженныхъ рукахъ прекраснаго розоваго мормира.

Но Тенія оттолкнула Тивуртія и не захотѣла поступить такъ, какъ онъ внушалъ ей, за это домщикъ Тивуртій обѣщалъ ей погубить все ея семейство. Тенія же оставалась непреклонною и несла свое горе, дѣля время между дѣтьми въ шалашѣ, мужемъ въ темницѣ и игрою на арфѣ въ шатрахъ виноградныхъ.

Отказъ Ѳалалея отъ полученія свободы изъ темницы цѣной униженія Тенія такъ сильно ее утѣшилъ, что она не только не боялась Тивуртія, но ощущала въ душѣ усиленную бодрость, и это выражалось въ ея игрѣ на арфѣ. И хотя содержатель ночныхъ шатровъ такъ же, какъ Ти-

вуртій, не одобрялъ ея цѣломудрія, но его ночные посѣтители были сострадательнѣе къ горю бѣдной арфистки и монеты изъ рукъ ихъ падали къ ногамъ Тенія, а она собирала ихъ въ корзинку, гдѣ у нея, въ зеленыхъ листьяхъ, лежалъ сухой черный сыръ и плоды для дѣтей.

Но не спала ночью не одна Тенія, — не спалъ и Тивуртій-доимщикъ и придумалъ себѣ противъ Тенія новыя средства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Тивуртій не могъ выпустить изъ рукъ своихъ случая, который казался ему драгоцѣннымъ, и препятствія, которыя ставила ему Тенія, только разжигали въ немъ желаніе достичь своей цѣли. Доставя Милію рѣдкіе фрукты и розоваго мормира, Тивуртій вызвался ему схватить Тенію насильно и принести ее къ нему, обмотавъ въ египетскій шелковый парусъ, но Милій былъ тонкій цѣнитель удовольствій и не хотѣлъ обладать ею насильно: онъ желалъ, чтобы скромная Тенія сама подошла къ его двери и сама положила ему на плечо свои руки и шепнула ему: «Я пришла возвѣстить тебѣ, Милій, что мигъ благосклоненъ и до зари я желаніямъ твоимъ буду покорна».

Тивуртій сдвинулъ толстыя вѣки и отвѣчалъ:

— Для меня это — излишняя тонкость, но, тѣмъ не меньше, я буду стараться: подожди еще съ осужденіемъ Анастаса, а я надѣюсь сдѣлать кое-что такое, послѣ чего Тенія должна будетъ скоро придти и сказать тебѣ: «мигъ благосклоненъ».

Чтобы преодолѣть непреклонность Тенія и скорѣе довести ее до того, чтобы она согласилась исполнить желаніе Милія, доимщикъ Тивуртій разсказалъ о Тенія всѣмъ заимодавцамъ Ѳалалея. Эти страшно разсердились, что Тенія пренебрегаетъ случаемъ съ ними расплатиться за мужа, и пошли всѣ къ заключенному корабельщику и стали укорять его, говоря:

— Ты и твоя жена — самые безчестные люди. Ты разорилъ насъ и нарочно хотѣлъ приготовить намъ впереди такое самое положеніе, какое самъ нынче, по справедливости, терпишь, а жена твоя своимъ упорствомъ оскорбляетъ вельможу, и ты, вмѣсто того, чтобы ее образумить, еще и самъ отказываешь въ своемъ согласіи на такое незначительное

дѣло, какое переносили не чета тебѣ именитые люди. Вѣдь ты не Абрагамъ и не Ицгакъ, о которыхъ изъ вѣка въ вѣкъ вспоминаютъ книги, а тѣ сами и жены ихъ покорялись обстоятельствамъ. Отвернись на короткій часъ къ стѣнѣ и вздохни, какъ бѣднякъ, и мимо тебя совершится все къ общему счастью: всѣ мы будемъ счастливы, и ты будешь на волѣ, и снова увидишь друзей въ своемъ домѣ и сядешь съ женою своей и съ дѣтьми на берегу моря въ тѣни сикоморы и на столѣ твоемъ будутъ ароматныя дыни, черноголовый зуй и розовый мормиръ. Дай же скорѣе свое согласье, чтобы твоя безумная Тенія покорилась вельможѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Ѳалалей:—я не разорялъ васъ съ умысломъ и не буду счастливъ, достигнувъ свободы черезъ позоръ чистой Тенiи. Можете томить меня, сколько хотите.

Купцы были разгнѣваны этимъ отвѣтомъ и закричали:

— Теперь мы еще яснѣе видимъ, что ты человѣкъ подлый и помышляешь только о себѣ объ одномъ, а до другихъ тебѣ нѣтъ дѣла! Ну, такъ не жди же и самъ для себя отъ другихъ ни малѣйшей пощады! Пусть съ тобой какъ можно суровѣе поступаетъ домщикъ Тивуртій. Пусть на тебя нападутъ всѣ недуги, живущіе здѣсь со дней Ирода.

Ѳалалей отвѣчалъ:

— Пусть все это будетъ, но непорочность же Тенiи мнѣ всего драгоцѣннѣе.

Послѣ этого раздосадованный Тивуртій подкупилъ темничнаго стража Раввула, чтобы онъ не допускалъ Тенію до свиданія съ мужемъ, а самъ написалъ нѣкоторому своему знакомцу Сергію, откупщику общедоступныхъ женщинъ въ Александріи, чтобы тотъ скорѣе привезъ въ Аскалонъ нѣсколько красавицъ, умѣющихъ играть на арфахъ, пѣть нескромныя пѣсни и танцовать сладострастные танцы съ «исканьемъ осы, залетѣвшей въ одежду».

Темничникъ Раввула первый исполнилъ то, чего желалъ отъ него Тивуртій, и когда Тенія приходила, чтобы видѣть мужа, онъ отбиралъ у нея пищу, ею приносимую, и передавалъ ее Ѳалалею, съѣдая самъ что было лучшее, а Тенію отгонялъ отъ дверей. Когда же она садилась неподалеку отъ входа въ темницу и плакала, то Раввула порицалъ ее и говорилъ ей:

— Ты сама всему виновата: для чего ты больше всего

гордишься своею чистотой? Это вѣдь значитъ, что ты себя одну только и любишь.

— Это неправда твоя,—отвѣчала Тенія.

— Какъ же неправда? Ты имѣешь возможность разлить ручьемъ счастье для многихъ, но для тебя ничего не стòитъ ихъ жажда. Хороша ты, дочь жреца Анубиса. Да покроешься ты тиной и плѣсенью, какъ источникъ, заглохшій въ своемъ водоемѣ, а я сейчасъ войду и отягчу цѣпь на рукахъ и ногахъ Ѳалалея и стану стегать его по голому тѣлу воловьею жилой.

Положеніе Тенiи стало ужасно, а Раввула продолжалъ не допускать ее въ темницу и въ самомъ дѣлѣ надѣлъ вдвое болѣе тяжкія оковы на Ѳалалея и стегалъ его утромъ и вечеромъ жилой; но и послѣ этого и Ѳалалей, и Тенія все-таки еще оставались непреклонны. Столько силы для перенесенія бѣдствій они почерпали во взаимной любви другъ къ другу!..

Между тѣмъ подоспѣвалъ къ Аскалону на пестрой триремѣ женскій откупщикъ, александріецъ Сергій, котораго вызвалъ Тивуртій, и привезъ въ Аскалонъ тридцать красивыхъ и смѣлыхъ женщинъ, удивительно умѣвшихъ «искать осу» и показывать другіе, никогда еще здѣсь не виданные соблазны. Ихъ новизна и ихъ нестѣсненность должны были затмить Тенію и сдѣлать ее безполезною въ шатрахъ виноградныхъ, а съ этимъ вмѣстѣ для нея прекратится и всякій добытокъ. Да и Милій,—кто знаетъ?—можетъ увлечься «исканьемъ осы», и Тенiи самой станетъ жалко, что̀ она упустила.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Когда Сергій александріецъ и его доступныя дѣвы высадились на берегъ у Аскалона, Тивуртій сказалъ темничнику Раввулу, чтобы онъ снова открылъ Тенiи доступъ къ мужу въ темницу, а самъ въ тотъ же день ранѣе роздалъ всѣмъ содержащимся въ темницѣ невольникамъ хлѣбцы съ чернушкой и другими пряными зернами и сказалъ:

— Это вамъ посылаетъ великодушный Милій, упархъ изъ Дамаска. Онъ бы еще больше хотѣлъ вашу облегчить участь и за многихъ изъ васъ далъ бы выкупъ, но онъ боленъ, томится и не можетъ придти сюда, чтобы васъ видѣть.

Колодники, принявъ свѣжіе хлѣбцы съ черпушкой и другими пряными зернами, спросили:

— Чѣмъ боленъ Милій?

Тивуртій имъ отвѣчалъ:

— Болѣзнь ему причиняетъ строптивость приходящей сюда жены Ѳалалея, которая не въ мѣру высоко о себѣ понимаетъ и не хочетъ исцѣлить вельможную душу.

Узники закричали:

— Пусть вовѣки живетъ доблестный Милій и пусть придетъ всякое зло на строптивую Тенію, жену разорителя многихъ, гордеца Ѳалалея.

И вдругъ такъ всѣ возненавидѣли Тенію, что цѣлый день вопіяли вокругъ Ѳалалея, а къ темничнымъ невольникамъ пристали и тѣ, которые пришли навѣщать ихъ, и всеобщее неудовольствіе на Тенію разнеслось по всему Аскалону. Особенно же проклинали Тенію и Ѳалалея обѣднѣвшіе черезъ потопленіе его кораблей. На другой день всѣ эти купцы и производители колесницъ и ковровъ пришли въ темницу къ Ѳалалею большою толпою и стали говорить ему:

— Внемли же намъ, Ѳалалей! не будь безразсуденъ, согласись на то, чего алчетъ уязвленный страстью Милій.

Отъ этой несносной докуки Ѳалалей томился хуже, чѣмъ отъ прежней неволи въ то время, когда темничникъ Раввула не допускалъ къ нему Тенію. Теперь хотя Тенія имѣла свободный доступъ къ мужу, но каждый приходъ ея въ темницу вызывалъ изъ всѣхъ угловъ смрадной ямы такіе вопли и укоры, что Ѳалалей и Тенія терзались ими и сами рѣшили, что имъ лучше здѣсь не видаться.

Замѣтивъ такой оборотъ, доимщикъ Тивуртій подошелъ еще съ одной стороны: онъ приступилъ къ Пуплін бабѣ, матери Ѳалалея, и сказалъ ей:

— Вотъ ты старая и опытная женщина, ты, конечно, не позабыла еще, какъ жили у насъ, въ Аскалонѣ, во время твоей молодости.

— Разумѣется, я это помню,—отвѣчала Пуплія.

— Жены тогда почитали безчестіемъ только обманъ, но, когда не было обмана, онѣ жертвовали собой Анубису, хотя и знали, что, вмѣсто бога, ихъ приметъ въ свои объятія смертный. Отецъ Тенін, жрецъ Полифронъ, не разъ, я думаю, совершалъ такія таинства.

— Да, и я помню эти продѣлки Полифрона надъ нами.

Мы узнавали во тьмѣ, что не богъ насъ цѣлуетъ, а весьма страстный смертный, но стыдились о томъ говорить и молчали, а Полифронъ продолжалъ это и успѣшно совершилъ надъ многими, что̀ ему выгодно было.

— Ну, вотъ, видишь! И все-таки вы, несмотря на это, остались хорошими и честными женщинами?

— Что же дѣлать. Мы примирялись съ тѣмъ, что̀ было для насъ неизбѣжностью, и дѣло кой-какъ обходилось.

— Вотъ только это и надо! Я радъ, что слышу отъ тебя такія разумныя рѣчи! Я зналъ, что, имѣя опытъ въ жизни, ты непремѣнно имѣешь и здравый разсудокъ. Подумай же на что это похоже: сынъ твой томится въ смрадной темницѣ, гдѣ онъ сгніетъ, а межъ тѣмъ отъ жены Ѳалалея зависитъ, чтобы онъ получилъ свободу и чтобы вамъ воротилось все ваше имѣнье.

— Можетъ ли быть? Отъ этихъ словъ твоихъ у меня замираетъ мое старое сердце и слезы клубкомъ подкатываются у меня къ горлу. Разскажи же мнѣ: что̀ для этого надо сдѣлать?

Тивуртій разсказалъ объ исканіяхъ Милія и объ упорствѣ Тенія: старая Пуплія всплеснула руками и начала горестно плакать и ворчать.

— Для чего... о для чего это уже не совершилось втайнѣ?

Тогда Тивуртій ей продолжалъ:

— Я былъ увѣренъ, что ты это скажешь! Всякая умная женщина, на мѣстѣ Тенія, давно бы такъ и совершила, а не поставила бы свою гордость въ такомъ случаѣ выше, чѣмъ счастье семьи. Умная и добрая женщина, конечно, предпочла бы лучше сама немножко поплакать, но зато отереть слезы другихъ, кого любитъ. Не правда ли?

— Правда,—отвѣтила Пуплія.

— Такъ помогай же мнѣ сдѣлать умное дѣло. Ты вѣдь мать Ѳалалея, ты баба внучковъ своихъ Виринны и Витта, маленькихъ, бѣдныхъ дѣтей... Подумай, что̀ ждетъ ихъ? Ѳалалей истомится и умретъ,—его источитъ закожный червь въ темницѣ, дѣти возрастутъ безъ ученія и ты умрешь безъ пріюта, а стройное тѣло твоей гордой Тенія согнется, и лицо ея поблекнетъ, и никто на нее не захочетъ смотрѣть... Тогда она сама пожалѣетъ о томъ, что̀ теперь отвергаетъ, и проклянетъ свою гордость. Быть-можетъ, даже сама когда-нибудь станетъ за пологъ шатра и будетъ трогать за локти

проходящихъ незнакомцевъ и смотрѣть на нихъ подкрашенными глазами, загнная свои руки за шею, но это будетъ напрасно и она не продастъ никому за серебренникъ то, за что нынче готовъ осыпать ее златницами милосердый вельможа. О, будь милосердна къ своимъ и къ чужимъ, умная Пуплія, заставь скорѣе Тенію ловить быстролетящій часъ, пока молодая кровь дѣлаетъ Милія безумцемъ. Теперь онъ рабствуетъ прихоти своего сердца и готовъ на все, лишь бы ему не отъѣхать въ Дамаскъ, не извѣдавъ кроткой ласки отъ Тенія; но этотъ жаръ можетъ потухнуть и другого такого случая уже не будетъ, а если онъ пропадетъ, то и тебѣ, и всѣмъ намъ послѣ того навсегда будетъ ненавистна проклятая гордость твоей невѣстки.

Пуплія молчала, глядя вдаль померкнувшими глазами, изъ которыхъ на ея сгорѣвшія отъ зноя щеки лились обильныя слезы, а Тивуртій взялъ ее ласково за руки и закончилъ:

— Слезы твои, старуха, самого меня трогаютъ, но и утѣшаютъ: я вижу, что ты не ставишь счастье другихъ ни во что, какъ дѣлаетъ Тенія, и, навѣрное, направишь мысли Тенія къ тому, чтобы не считать свою чистоту бо̀льшимъ благомъ, чѣмъ счастіе многихъ.

Тутъ Пуплія баба вздохнула и отвѣчала:

— Слова твои, Тивуртій, страшно остры и ѣдки: тяжело мнѣ слышать, но ты отгадалъ: я согласна съ тобою и буду уговаривать Тенію, чтобы она не считала свою непреклонность за добродѣтель, потому что страданія наши слишкомъ несносны.

Домщикъ Тивуртій еще похвалилъ Пуплію и отошелъ, довольный своимъ первымъ успѣхомъ, и отправился въ виноградные сады, гдѣ теперь раскинуты были небольшіе шелковые шатры и въ нихъ размѣщались стройныя, разноцвѣтныя дѣвушки, привезенныя Сергіемъ изъ Александріи. Старцы Аскалона собирались смотрѣть этихъ красавицъ, разсуждали объ ихъ прелестяхъ и пили вино, въ которомъ плавали головки гвоздики; а Пуплія, какъ только дождалась возвращенія Тенія, положила ея усталую голову на свои колѣни и начала распускать мелкія плетенія ея волосъ, склеенныхъ вишневымъ клеемъ, и начала умолять ее сжалиться надъ страданіемъ семейства.

— Что же ты хочешь?—спросила ее Тенія.

Пуплія припала къ уху невѣстки устами и прошептала:
— Иди къ вельможѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Услышавъ такія слова отъ матери своего мужа, Тенія ужаснулась и отвѣчала ей:

— Отъ тебя ли, о Пуплія, могла я это услышать? Ты вѣдь мать Ѳалалея и должна бы поддержать мою твердость и вѣрность супругу, а ты сама кладешь ножъ въ мои руки и посылаешь меня убить въ себѣ мой женскій стыдъ и добродѣтель супруги. Послѣ этого я не должна тебя слушать.

Пуплія же ей отвѣчала:

— Ахъ, твердость и вѣрность прекрасны, но горе слишкомъ несносно. Если бы ты жила въ прежнемъ довольствѣ, я никогда бы тебѣ такихъ словъ не сказала, но когда всѣхъ насъ ждетъ гибель, а ты можешь спасти насъ, то я говорю: спаси насъ, о, Тенія!.. О, Тенія, Тенія! спаси насъ своею красотой!

И старая Пуплія упала передъ ней на колѣни и покрыла своими сѣдыми волосами ея ноги.

— Но вѣдь я люблю своего мужа и моя вѣрность для него дороже всякаго счастія, какое могу я купить этою цѣной.

— Развѣ я тебѣ говорю, чтобы ты его не любила?.. Но ради этихъ дѣтей, которыхъ ждетъ доля презрѣнныхъ и нищихъ, если они тебѣ дороги, тебѣ должно быть не трудно принести себя въ жертву.

— Не трудно... О, боги! это ли должна я услышать?

— «Не трудно»—я говорю потому, что и я, и другія, которыхъ я знала, тоже любили и также имѣли стыдливость, но подавляли все это въ себѣ, когда надобно было, въ честь Діониса и богини Изиды.

Пуплія еще понизила голосъ и продолжала шопотомъ:

— У жрецовъ въ храмѣ Изиды былъ чудесный напитокъ.. Онъ вовсе безвреденъ... отъ него только послѣ... день или два немножко болитъ голова. Очень немножко... Я видѣла, какъ его дѣлали изъ маленькихъ голубыхъ грибовъ... этотъ напитокъ, отнимающій память... И въ немъ еще есть одно чудное свойство... Испивши его, ощущаешь объятья и ласки того, къ кому сердце согрѣто любовью... Я знаю, гдѣ находить этотъ маленькій губастый грибокъ, и его на-

пила уже, и утомила его въ горшечкѣ... Онъ уже выпустилъ сокъ свой, туманящій память... Ты будешь въ туманѣ сладостно грезить до самаго утра, а утромъ чуть-свѣтъ я сама приду за тобою къ дверямъ Милія, ты передашь мнѣ золото, и я побѣгу выкупить изъ неволи Ѳалалея, а ты пойдешь къ морю, погрузишься вся въ его волны, и, освѣженная, придешь домой, встрѣтишься съ мужемъ и любовныя мечты прошлой ночи станутъ для васъ дѣйствительностью.

— Что говоришь ты? что ты говоришь?—воскликнула Тенія.—Неужели все это по-твоему можно?

— Безъ сомнѣнія, можно,—отвѣчала, кивая головою, Пулія, и еще разъ помянула все, что приводилъ ей на память культъ богини Изиды, и заключила вновь утѣшеньемъ, что сокъ изъ грибка, отводящаго память, спасетъ ее отъ всего, что можетъ помѣшать несмущенной искренности ея чувствъ къ освобожденному мужу.

На это Тенія уже ничего не нашлась отвѣтить: она только собрала горстями напередъ всѣ свои волосы и, закрывъ ими стыдомъ горящее лицо, застонала, произнося, среди слезъ:

— О, я несчастная! До чего меня хотятъ довести всѣ людскіе совѣты! Я уже не въ силахъ понять, какъ мнѣ должно поступать, но мой стыдъ и любовь говорятъ, что я не должна согласиться на то, чему ты меня учишь.

— Грибокъ, отбивающій память, отведетъ въ сторону стыдъ.

— Да, дай мнѣ, дай скорѣе этого сока, отводящаго память, чтобы я могла позабыть то, что я отъ васъ слышу. Во мнѣ мѣшается смыслъ: я погибаю оттого, что начинаю не узнавать, гдѣ лежитъ настоящій путь моихъ обязанностей.

— Если любишь себя больше всѣхъ, тѣшь свой обычай, а если любишь Ѳалалея и дѣтей—пожертвуй имъ своею гордыней и отвѣдай грибка, отводящаго память.

— Я люблю Ѳалалея и потому-то я и хочу сохранить себя непорочной; но ты его тоже любишь и требуешь отъ меня, чтобы я для него согласилась войти къ постороннему мужчинѣ и остаться съ нимъ подъ вліяніемъ напитка, отводящаго память. Какъ же это, и одно, и другое—внушаетъ любовь! Которая жъ любовь истиннѣе и больше?.. Я дохожу до безумія! Просвѣтите мой умъ, старые или новые боги!

— Всякій скажетъ тебѣ,—отвѣчала Пуплія:—что та любовь больше, которая сама о себѣ не думаетъ. Мать любитъ больше жены!

— Больше!.. О, нѣтъ! Никогда! никогда!—воскликнула, стягивая себѣ горло волосами, Тенія, и съ этимъ она встала, взяла свою арфу и пошла къ виноградныимъ шатрамъ, гдѣ еще надѣялась получить что-нибудь за свое пѣніе отъ корабельщиковъ. Но ее ждалъ здѣсь новый ударъ: дѣвы Египта дѣлали излишнимъ здѣсь полное грусти пѣніе Тенія.

А въ то самое время, какъ Тенія ушла изъ-подъ своего шалаша, къ Пуплія пришелъ Тивуртій и сталъ ее разспрашивать: удалось ли ей сбить Тенію? Пуплія ему разсказала все вплоть до послѣднихъ словъ: «Никогда, никогда!» но Тивуртій этимъ нимало не смутился и отвѣчалъ сквозь улыбку:

— Ахъ, почтенная Пуплія, развѣ ты позабыла, что всѣ влюбленные люди глупы, а ты не ослабѣвай и все стой на своемъ. Такъ капля долбитъ камень, и въ древности нѣкій мудрецъ подтвердилъ это примѣромъ. Онъ имѣлъ споръ съ человѣкомъ, который былъ глупъ и упрямъ, и сказалъ: «никогда». Никогда—это глупое слово и мудрецъ отвѣчалъ: «Никогда не должно говорить никогда». Продолжай свое, и ты восторжествуешь.

— А я не надѣюсь,—отвѣтила Пуплія.—Тенія слишкомъ чиста, какъ камень бѣлильный.

— Камень бѣлильный! Что за бѣда—почернѣетъ и камень бѣлильный, если тихо, но долго по немъ ударять и всегда въ одно мѣсто. Она тебя уже слушаетъ, это прекрасно: лишь бы только бѣлое стало немножечко темнѣть, а потомъ оно будетъ и синимъ, и желтымъ, и чернымъ. «Никогда не надо говорить никогда». А надо вотъ что,—добавилъ онъ, склонясь къ уху старухи:—надо спѣшить, чтобы Милію не наскучило ждать, и чтобы онъ съ досады не открылъ судъ надъ Анастасомъ и не отбылъ въ Дамаскъ, прежде чѣмъ Тенія скажетъ ему: «часъ благосклоненъ».

Пуплія дала Тивуртію обѣщаніе быть неотступною въ своихъ требованіяхъ у Тенія и поклялась ему жизнью своею и жизнью внучатъ Виринны и Витта, и Тивуртій, добившись этого, пошелъ пировать въ шатры Эпимаха, гдѣ въ вечерней прохладѣ должны были показать себя въ соблазнительномъ видѣ привезенныя Сергіемъ дѣвы Египта. Поясъ Ти-

вуртія на всякій случай былъ полонъ блестящими златницами и тутъ же былъ маленькій мѣшочекъ съ головками ароматной гвоздики, производящей волненіе крови.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Истерзанная разговоромъ съ свекровью, Тенія шла хорошо знакомымъ путемъ къ виноградным шатрамъ Эпимаха. Она гнулась подъ тяжестью арфы, шла спотыкаясь и не видя подъ собою дороги отъ слезъ. Тенія тяжко страдала и думала: «Какъ я могу теперь пѣть послѣ столькихъ тревогъ и терзаній? Какія сложу я слова и гдѣ найду въ груди моей голосъ?» Но когда она вошла въ виноградный садъ, то увидала, что ей здѣсь нѣтъ ужъ и мѣста. Садъ былъ полонъ народа—здѣсь собрались теперь не одни мореходцы, а были и цвѣтущіе юноши, и многолѣтніе старцы изъ самыхъ почетныхъ людей въ Аскалонѣ. Одни выставлялись на видъ, а другіе лежали въ кустахъ и оттуда пожирали взорами нубійскую дѣву, которая стояла на одномъ мѣстѣ среди другихъ такихъ же подругъ, возлегшихъ кругомъ ея цвѣтною гирляндой. Всѣ онѣ были красивы,—брови ихъ были тонко сложены и выведены въ полукружье, вѣки подчернены, груди открыты, на шеяхъ шевелились и тихо рокотали сухія, коричневыя зерна, а ладони рукъ и подошвы ногъ окрашены красною краской... Казалось, какъ-будто изъ нихъ шелъ огненный токъ и самой землѣ отъ нихъ дѣлалось знойно... Поэзія словъ и томная арфа были не нужны въ этомъ собраньѣ—и безъ арфы всѣ были увлечены тѣмъ, что̀ дѣлали: всѣ сидящія въ кружокъ египтянки что-то совсѣмъ тихо пѣли, подражая жужжанію летающаго насѣкомаго,—хозяинъ танцовщицъ Сергій такъ же тихо подыгрывалъ имъ на однострунномъ ребабѣ; а танцовщица, стоявшая въ срединѣ круга подругъ, содрогалась, безпокойно отгоняя то съ той, то съ другой стороны подлетающую къ ней осу... Жужжаніе усиливалось, всѣ чувствовали, какъ досадительно привязчивая оса кружила все ближе, и, наконецъ, впуталась въ легкія одежды мимистки... Она вспрыгнула, изобразила испугъ, отъ котораго всю ее судорожно повело, и ея нервность сообщилась всѣмъ другимъ женщинамъ,—онѣ привстали и замахали руками, сжимая въ нихъ маленькія кастаньеты, которыя хрустѣли какъ кости... Оса все ныряла изъ одежды въ одежду, и женщины, изгибаясь

всѣмъ станомъ, такъ трепетали, боясь укушенія осы, что ихъ огненныя пятки и пальцы ногъ вертѣлись подобно волчку, сливаясь въ одну огненную точку, межъ тѣмъ какъ дѣвушки поспѣшно срывали съ себя легкій покровъ за покровомъ, пока явились передъ всѣми совершенно нагія... Въ это же мгновенье изъ куста или съ лодки у берега моря раздался тонкій звукъ дудки лодочника, вмигъ погасли огни, а съ ними у всѣхъ разомъ затмились стыдливость и обняла все налетѣвшая тьма изъ Египта...

Къ Тенiи въ этой тьмѣ подошелъ Сергій, грубо взялъ ее за плечи и, толкнувъ ее въ спину, сказалъ ей:

— Удаляйся отсюда! — и, сорвавъ съ ея плечъ многострунную арфу, онъ бросилъ ее о пень сикоморы, и арфа разбилась.

Тенiи стало нечѣмъ питать заключеннаго мужа и Вирину, и Витта, и Пуплію бабу. Такъ для нея насталъ день, когда всѣ они съ утра и до ночи остались вовсе безъ пищи.

Въ этотъ день Тенія пришла навѣстить мужа съ пустыми руками. Супруги, обнявши другъ друга, сидѣли въ темницѣ въ глубокомъ уныніи, но этимъ не кончились ихъ муки. Тенія напрасно закрывала уши, чтобы не слышать укоровъ, которые ей со всѣхъ сторонъ выкрикивали грубые невольники, помогавшіе Тивуртію за раздачу имъ хлѣбцевъ съ чернушкой. Тенiи не надо было разсказывать Ѳалалею, какъ ухудшилось ихъ положеніе: онъ самъ все понималъ и тихо сказалъ женѣ:

— Я чувствую довольно твердости, чтобы умереть съ голоду, но ты будь вольна надъ собою: я больше не смѣю сказать ничего о тебѣ самой и о несчастныхъ Виринѣ и Виттѣ. Испробуй послѣднее: пошли ихъ самихъ просить подаянія; Виттъ и Вирина красивы, а мать моя Пуплія такъ стара, что отъ нея уже пахнетъ могилой; когда они сядутъ втроемъ на пути къ Газѣ или къ Азоту и протянутъ свои руки, то, навѣрное, ихъ пожалѣютъ и бросятъ имъ зеренъ или хоть мертвую рыбу.

— Напрасно думать объ этомъ,—отвѣтила Тенія: — все это уже испробовано: я ихъ уже посылала, но никто ничего имъ сегодня не подалъ, всѣ боятся упарха и въ угоду ему надъ дѣтьми смѣялись и говорили Виринѣ: «Кляни свою мать, зачѣмъ она васъ не жалѣетъ». Тоже и мать твоя Пуплія, отъ которой ужъ пахнетъ могилой, но и она съ тѣхъ

поръ, какъ я возвратилась съ пустою корзиной безъ хлѣба, проклинаетъ меня и понуждаетъ продаться вельможѣ.

При этомъ открытіи Ѳалалей разорвалъ на себѣ свои лохмотья и сказалъ:

— Я не хочу ничего больше слышать! Не мучь меня, дѣлай что̀ можешь. Вонъ входитъ темничникъ Равнула. Темница сейчасъ будетъ закрыта.

Тенія встала и вздрогнула, потому что въ это мгновеніе въ сторонѣ темной впадины, гдѣ сидѣлъ злодѣй Анастасъ, вдругъ загремѣли всѣ его пять цѣпей и къ ногамъ Теніи что-то упало.

Тенія нагнулась, чтобы поднять упавшій предметъ, и нашла два хлѣбца съ чернушкой. Тенія тихо спросила:

— Кто ты, сострадательный человѣкъ, который два дня не ѣлъ свои подаянные хлѣбцы и отдаешь ихъ несчастной? Скажи, какой вѣры ты, чтобы я могла молить за тебя твоего бога?

— Не вспоминай моего имени богу,—отвѣчалъ ей грубый голосъ Анастаса:—я не вѣрю никакимъ дѣтскимъ сказкамъ, но ты надорвала мнѣ сердце своимъ тяжкимъ горемъ—въ томъ только и дѣло! Уходи и дай своимъ дѣтямъ по хлѣбу.

Тенія не имѣла времени ему отвѣчать и хотѣла удалиться, но Ѳалалей, какъ волкъ, защелкалъ зубами и, вырвавъ у нея хлѣбцы, сталъ пожирать ихъ съ ужасной жадностью.

Тенія закрыла руками глаза и убѣжала, чтобы не видать, до чего страшный голодъ довелъ Ѳалалея... Ей стало страшно, чтобы самъ мужъ не попросилъ ее выпить настоя грибка, отводящаго память, и идти къ Милію съ ласковымъ зовомъ: «часъ благосклоненъ».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Это былъ вечеръ. Тенія вышла за дверь темницы, но стала въ раздумьѣ. Прямѣе всего Теніи было идти къ ея дѣтямъ, но придти къ нимъ съ пустыми руками значило только усилить ихъ муки. Притомъ она избѣгала укоровъ обезумѣвшей Пунліи, которая проклинала невѣстку и въ старческомъ бредѣ вопила:

— Гдѣ моя прежняя красота! Проклятье, зачѣмъ я стара и безобразна! О, если бы я понадобилась хоть чудовищу, которое живетъ въ зеленой пучинѣ моря, я бы не остано-

вилась ни передъ чѣмъ, лишь бы только избавить милаго сына и дѣтей его отъ страданія! Проклятье себялюбивой Теніи!

Теніи невольно приходило на мысль: если такъ твердятъ всѣ и такъ чувствуетъ и учитъ ее старая Пуплія, да и самъ Ѳалалей, истомясь, сталъ ей говорить, что онъ съ нея не снимаетъ воли, то, въ самомъ дѣлѣ, права ли она, охраняя свое цѣломудріе съ непреклоннымъ упорствомъ? Вотъ теперь холодныя и голодныя дѣти Виттъ и Вирина томятся съ стынущею бабкой, а она, мать, даже не смѣетъ къ нимъ показаться. Ей нѣтъ и пріюта подъ крышей, а ночь холодна и по всему Аскалону вдругъ распространилось неожиданное безпокойство. Милій, кажется, сдѣлалъ большую ошибку—онъ слишкомъ долго замедлилъ судить и всенародно казнить Анастаса. Пришли вѣсти, что разбойники изъ Анастасовой шайки успѣли поправиться, собрались и рыщутъ вокругъ Аскалона. Вчера и сегодня они опять уже многихъ ограбили и убили двухъ путниковъ, шедшихъ по дорогѣ къ Азоту и къ Газѣ. Встревоженные этимъ, аскалонцы считали возможнымъ, что ободрившіеся разбойники, при чьей-нибудь тайной помощи, проберутся, переодѣтые, въ самый городъ Аскалонъ, нападутъ на темницу, выбьютъ дверь и уведутъ Анастаса, котораго одно имя внушало всѣмъ содроганье. Темничникъ Раввула не ручался, что большой деревянный замокъ на дверяхъ темницы можетъ устоять передъ силой многихъ отчаянныхъ людей, которые станутъ напирать на двери, и онъ бросилъ аскалонскихъ старшинъ, безпечно слѣдившихъ въ это время за тѣмъ, какъ подъ жужжанье и звуки кастаньетокъ ловятъ осу привезенныя египтянки, и сѣлъ на ночь у двери темницы. Милій спохватился, но поздно: онъ велѣлъ, чтобы съ самыхъ сумерекъ до утра запирали ворота Аскалона и чтобы по городу каждый часъ ночи посмѣнно ходили дозоры. Эти дозоры должны были брать всѣхъ, кто ненадеженъ или возбуждаетъ сомнѣніе; все равно — будетъ ли то христіанинъ, или язычникъ. А какъ христіанамъ казались подозрительными всѣ нехристіане, а язычники съ подозрѣніемъ смотрѣли на всѣхъ христіанъ, то при встрѣчѣ дозоровъ съ кѣмъ бы то ни было изъ запоздалыхъ на улицахъ и городскихъ пустыряхъ впотьмахъ происходили ссоры и схватки. По-

бонца эти часто сопровождались ранами и увѣчьями, а для женщинъ, кромѣ того, еще и насиліями. Въ эту пору въ Аскалонѣ всякій почиталъ въ правѣ на сожалѣніе только своего единовѣрца, а человѣка чужой вѣры считалъ достойнымъ пренебреженія и не оказывалъ ему снисхожденія.

Очутившись въ темнотѣ на улицѣ, Тенія все это вспомнила и содрогнулась. Положеніе ея было исполнено такого отчаянія, что если бы въ эту минуту возлѣ нея очутились отрокъ Евлогій или Тивуртій-домщикъ, то, быть-можетъ, она имъ сказала бы: «Вы побѣдили, я готова идти, къ кому вы хотѣли меня отвести». Но, по счастію, людей этихъ не было здѣсь, они вмѣстѣ съ другими смотрѣли, какъ ловятъ осу, и Тенія оставалось выбрать между двумя опасностями: подвергать себя встрѣчѣ съ дозорами, которые могли настичь ее гдѣ-нибудь на городскихъ пустыряхъ, или же поспѣшить выбѣжать за городскія ворота и ночевать въ травѣ оливковой рощи, среди которой было кладбище. Она выбрала послѣднее: ей лучше казалось провести ночь въ тишинѣ кладбища, и, къ тому же, въ умѣ ея пробудилось заложенное тамъ съ дѣтства суевѣріе: у людей языческой вѣры, въ которой выросла Тенія, было въ обычаѣ, при большихъ недоумѣніяхъ, вопрошать кости мертвыхъ. Тенія быстро пошла за городскія ворота къ оливковой рощѣ, съ намѣреніемъ отыскать на кладбищѣ, въ песчаной долинѣ, одну могилу, изъ которой торчалъ наружу провѣщательный черепъ, и вопросить: какъ онъ ей скажетъ — она такъ и поступитъ. Всѣ живые ее осуждаютъ, всѣ говорятъ, что не тотъ ключъ благодѣтеленъ, который хранитъ свою чистую воду въ своемъ водоемѣ, а тотъ, который разбѣгается далеко потокомъ и поитъ всѣхъ, кого томитъ жажда. Всѣ эти доводы мутятъ въ ней ясность сознанія, она сама не вѣритъ себѣ, что поступаетъ какъ должно.

— О, скорѣе, скорѣе, я пойду — вопрошу кости мертвыхъ!

И Тенія быстро понеслась по темнымъ полямъ къ оливковой рощѣ, сокрывавшей кладбище.

Разбойниковъ, бродившихъ вокругъ Аскалона, по дорогамъ къ Азоту и Газѣ, она не боялась. Почему они ей не казались страшны, — въ этомъ она себѣ не давала отчета.

Не Анастасъ ли одинъ изо всѣхъ въ аскалонской темницѣ сберегъ и отдалъ ей для дѣтей ея подаянные хлѣбцы съ чернушкой? Къ тому же, на ней нѣтъ ни затканныхъ золотомъ тканей, ни цѣпей, ни браслетъ, ни драгоцѣннаго пояса,—одежды ея бѣдны и просты, съ нея нечего взять. Во всемъ остальномъ разбойники ей не казались опаснѣй, чѣмъ Милій, Тивуртій, Раввула-темничникъ и даже сама свекровь ея, Пуплія, и, наконецъ, даже самъ Ѳалалей, потому что и онъ, истомившись, сталъ алченъ, какъ волкъ, и началъ говорить ей такое, отъ чего ей до сихъ поръ страшно.

Теперь вся забота для Тенiи заключалась въ томъ, чтобы она въ темнотѣ не сбилась между множества тропъ и нашла бы тропинку къ оливковой рощѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Тенія безпрестанно наклонялась, разсматривая тропинки, и не сбилась съ дороги: она благополучно дошла до оливковой рощи, но едва вошла въ нее, какъ увидала въ купѣ деревьевъ сверкавшій огонь отъ костра. Она притаилась и стала разсматривать, что можно увидѣть при этомъ огнѣ, и вскорѣ увидала двухъ человѣкъ, въ которыхъ сейчасъ же узнала разбойниковъ. Оба они были совсѣмъ голы и грѣлись у огня, а возлѣ нихъ были приставлены у деревьевъ ихъ копья съ наостренными наконечниками, на блестящей поверхности которыхъ отражалось пламя. Тенія колебалась — идти ли ей впередъ, или притаиться, но чуткій слухъ разбойниковъ подсторожилъ ея приближеніе, и они оба вскочили, бросились къ дереву, за которымъ она укрывалась, схватили ее за руки, начали угрожать ей, что бросятъ ее на то раскаленное мѣсто, гдѣ горѣлъ ихъ костеръ, и подвергнутъ ее пыткѣ.

— Для чего же меня пытать?—отвѣчала Тенія.— Я сама разскажу вамъ, кто я и куда иду, и какъ я несчастна.

И она имъ все разсказала и не промолчала о томъ, что получила кусокъ хлѣба отъ Анастаса.

Слушая разсказъ Тенiи, оба разбойника задумались и потомъ сказали:

— Мы за тебя отомстимъ,—мы два брата и оба разбойники—насъ обоихъ изнищилъ Тивуртій.

Тенія имъ отвѣчала, что она не желаетъ отмщенія, а

если имъ ее жалко, то она проситъ ихъ проводить ее къ кладбищу и помочь разыскать ту могилу, изъ которой выдается наружу провѣщающій черепъ.

— Вы здѣсь скрываетесь и бродите,—навѣрное вы его замѣтили. Къ нему ходятъ вопрошать его тѣ, чье горе превосходитъ терпѣніе и омрачаетъ разсудокъ.

Разбойники, услыхавъ эту просьбу, такъ страшно расхохотались, что имъ отвѣтило лѣсное эхо, и суевѣрная Тенія испугалась и, схвативъ разбойниковъ за руки, сказала имъ:

— Вы были добры ко мнѣ до сихъ поръ, — не пугайте же меня теперь вашимъ страшнымъ смѣхомъ. Скажите мнѣ, видѣли вы или нѣтъ провѣщательный черепъ?

— Да, мы его видѣли, но не знаемъ, осталось ли отъ него что-нибудь послѣ насъ на поглядѣнье другимъ.

И разбойники несвязно и нескладно передали Тенiи, что они днемъ ходили на кладбище, чтобы пошарить въ могилахъ, нѣтъ ли на какихъ-нибудь мертвецахъ закопанныхъ драгоцѣнныхъ уборовъ... И кое-чѣмъ они нашли поживиться, но зато и поплатились испугомъ, какого въ ихъ храбромъ званіи допустить надъ собой недостойно.

— Мы, говорятъ,—замѣтили между острыхъ камней слѣды человѣческихъ ногъ и сказали себѣ: не мертвецъ же вѣдь этою дорожкой ходитъ! Пойдемъ-ка, посмотримъ. Если тамъ эти кости, къ которымъ глупые люди приходятъ, чтобы ихъ о чемъ-нибудь спрашивать, такъ тамъ должны быть накиданы деньги. Пошли и нашли тамъ что-то такое, что̀ торчитъ наверху, точно ёжъ. Стали смотрѣть: это—черепъ, весь сухою кожей обтянутъ и пылью засыпанъ. Братъ говоритъ: «Подними его; подъ нимъ должны быть монеты». Я его сталъ поднимать, но черепъ не поднимался... Я говорю брату: «Смотри-ка, онъ чѣмъ-то прикрѣпленъ». Братъ говоритъ: «Покачай». Я его покачалъ... Онъ качается, а все-таки остается на мѣстѣ, да и мнѣ что-то страшно за него трогаться, потому что онъ изъ могилы торчитъ... А братъ говоритъ: «Экая глупость! Какой же ты послѣ этого разбойникъ? Толкай его хорошенько изо всей силы направо и налѣво, — заверти винтомъ навкругъ и дерни — онъ оторвется». Я не хотѣлъ унизить себя въ глазахъ брата и сдѣлалъ какъ онъ мнѣ сказалъ, и черепъ свернулся на бокъ, но прочь не оторвался. Тогда братъ нагнулся вмѣстѣ со мною и говоритъ: «Ну, давай потянемъ вдвоемъ»,—и какъ

потянули, такъ и упали, а въ рукѣ у каждаго осталось по шматку сухой, сморщенной кожи,—похоже какъ древесная губка. Братъ посмотрѣлъ и говоритъ: «Это мы ему уши сорвали». Оба мы испугались чего-то и оба стали къ нему пригинаться и въ него вглядываться.

— Ну, говори же,—зачѣмъ ты остановился?

— Я остановился затѣмъ, что я послѣ того былъ хорошо пьянъ, а мнѣ все-таки еще жутко... А у этого черепа были глаза!

— Не сгнили еще?

— Нѣтъ. Это были живые глаза, — они были подняты къ небу и прямо глядѣли на солнце.

— На солнце глядѣть невозможно... только праведный, только святой взираетъ на солнце.

— Ну, такъ, можетъ-быть, это и есть святой или, по крайней мѣрѣ, онъ *былъ* такой сегодня утромъ.

— Что же еще вы ему сдѣлали?

— Мы ему ничего больше не сдѣлали: мы убѣжали, но... впрочемъ, если *онъ* тебѣ нуженъ...

— Ахъ, онъ мнѣ нуженъ!

— Такъ мы тебя къ нему проводимъ.

Тенія ихъ поблагодарила, а разбойники взяли изъ-подъ корня стараго дерева по большой свѣтящейся гнилушкѣ и пошли черезъ темную чащу и привели Тенію на кладбище къ тому мѣсту, гдѣ, въ темномъ рвѣ, среди каменной осыпи, была не то человѣческая могила, не то дождевой прососъ или рытвина, а когда разбойники стали водить надъ поверхностью его свѣтящеюся гнилушкой, то и они, и Тенія стали различать что-то едва замѣтное и не имѣющее ни формы, ни вида, но страшное. Возможно, что это былъ ёжъ, а можетъ-быть и голова человѣка. Не разобрать, на что больше это похоже, но на самомъ дѣлѣ это была голова, вся обшитая шкурою какого-то звѣря. Въ обшивкѣ прорѣзы для глазъ, а надъ устами свѣсились грязныя космы.

— Это, навѣрное, тотъ, кого тебѣ нужно,—сказали разбойники:—и мы тебѣ не будемъ мѣшать съ нимъ говорить.

Разбойники удалились, а бѣдная Тенія осталась одна и позабыла слова, въ которыхъ хотѣла сказать вопрошеніе. Это такъ переполнило мѣру ея страданій, что она зарыдала и упала на камни, коснувшись лицомъ своимъ того, что считала за черепъ, и сразу же слухъ ея уловилъ какіе-то звуки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ могилѣ былъ не мертвецъ, а въ ней жилъ христіанинъ, аскетъ и молчальникъ, старецъ Ѳермуфій. Онъ родился язычникомъ, потомъ сдѣлался христіаниномъ, а потомъ, по мнѣнію многихъ, омрачился въ разсудкѣ,—онъ кинулъ домъ, возненавидѣлъ плоть и заботы о жизни, закопалъ себя въ яму и молчалъ. Уже нѣсколько лѣтъ онъ ни однимъ звукомъ не нарушилъ своего обѣта молчанья. Онъ молчалъ, когда рвали его голову братья-разбойники,—молчалъ и тогда, когда Тенія рыдала надъ его головою, не имѣвшей ни формы, ни вида; но когда Тенія, совсѣмъ ослабѣвъ, упала и перестала плакать, обѣтъ его разрѣшился совсѣмъ мимовольно: Ѳермуфій-молчальникъ сталъ бредить... Это случилось въ часъ передъ разсвѣтомъ, когда въ воздухѣ пронесло утреннею свѣжестью и за камнями кладбища въ колючей травѣ чирикнула робкая птичка. Тенія ободрилась, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, ей показалось, будто все стало бредить. Можетъ-быть и она тоже бредила. Ей казалось, что этотъ ёжъ, эта голова, обшитая звѣриною кожей, шевельнулась... вотъ въ ней подъ нависшею кожей что-то шумитъ, подобно движенію птицы, шевелящейся въ листьяхъ. Тенія затрепетала отъ страха и не трудно понять, сколько ужаса должно было заключаться въ этомъ для нея, которая не знала, что это закопанъ въ землѣ молчальникъ Ѳермуфій, а думала, что видитъ передъ собою мертвый черепъ. И вотъ мертвый черепъ вѣщаетъ. Тенія слушаетъ. Вначалѣ невнятно... все птица шевелится. Молчальникъ отвыкъ говорить членораздѣльно. Но вотъ изъ устъ его, завѣшенныхъ звѣриною шерстью, начинаютъ слышаться звуки, похожіе на человѣческій голосъ. Можно понять, что онъ бредитъ извѣстною восточною притчей о двухъ мышкахъ, бѣлой и черной, которыя точатъ вѣтку, торчащую изъ стѣны страшнаго обвала. На этой вѣткѣ виситъ человѣкъ... внизу подъ нимъ пропасть, надъ его головою другая—безпредѣльное небо... Бѣлая и черная мышь все, чередуясь, точатъ... вѣтка лопнетъ... человѣкъ оборвется въ темную пропасть... Сердце сжалось... руки слабѣютъ... тошно... оставили силы... сейчасъ упадетъ... Мыши все другъ дружку смѣняютъ... все точатъ...

Птица совсѣмъ будто проснулась, она уже не шевелится

въ густолиственныхъ вѣтвяхъ... она расправила крылья и выпорхнула на волю: слова становятся явственны.

— Вверхъ, вверхъ надъ собою гляди!—восклицаетъ молчальникъ и продолжаетъ тише:—нѣтъ края здѣсь и нѣтъ края тамъ, но внизъ глядѣть тошно, — вверху освѣжаетъ...

Тенія слушаетъ; онъ продолжаетъ:

— Ключъ студеной воды бьетъ у предгорья... Струи его прозрачны и свѣжи... пустыня вокругъ... зной... полдень... Кто-то несчастный бредетъ. Это воинъ усталый... Онъ видитъ воду, прильнулъ и утолилъ свою жажду... Зачѣмъ онъ такъ пилъ? охлажденная голова его вмигъ отуманилась... Воинъ боится чего-то... онъ бѣжитъ, онъ даже оставилъ здѣсь наполненный золотомъ поясъ... Приближается юноша... и его томитъ зной, и онъ чувствуетъ жажду... Пьетъ... Забираетъ поясъ съ золотомъ и уходитъ... Тащится медленно старецъ... зной опалилъ и его... Старецъ тоже напился и здѣсь опочилъ... Горный источникъ! зачѣмъ ты поилъ ихъ?.. Воинъ хватился, гдѣ его поясъ и гдѣ его золото... Воинъ мчится назадъ, потрясая мечомъ... «Старецъ,—кричитъ онъ:—старецъ проклятый! подай мое золото!» Старецъ не бралъ его золота,—старецъ невиненъ... Воинъ не внемлетъ... Старецъ убитъ... Кровь его льется въ ручей, и чистый ручей замутился... Онъ больше не чистый ручей, — онъ кровавый ручей... Лучше бъ не текъ онъ... Лучше бъ онъ не манулъ къ себѣ воина, юношу и старца... Храни чистоту! Вверхъ гляди, вверхъ!—Съ этимъ ясность слова прошла, опять послышался шелестъ, подобный метанію птицы въ вѣтвяхъ, и голова, обшитая шкурою звѣря, съ шерстью, повисшей надъ прорѣзомъ для устъ, вдругъ исчезла, точно въ могилѣ провалилось дно.

Преставился къ Богу молчальникъ Ѳермуфій, проговорившій передъ смертью въ бреду, безъ нарушенія обѣта. Тенія поняла изъ его бреда то, что̀ ей надо было понять: она знаетъ, что правда на ея сторонѣ, а не на сторонѣ тѣхъ, кто внушаетъ ей «разлиться ручьемъ». Проклятіе злому началу! Не надо начала, не одинъ же вѣдь Милій только на свѣтѣ... и не одинъ только нынѣшній случай, когда придетъ надобность «разливаться»... И развѣ одни только свои семейные могутъ вынуждать это? Не всѣ ли несчастные жалки? За несчастныхъ должно не бояться страданья и

смерти, но не искупать ихъ постыдными сдѣлками. Нѣтъ! Выше этого, выше!

И только-что она стала глядѣть вверхъ, какъ въ умѣ ея сейчасъ же стали слагаться совсѣмъ другія мысли. Кто другихъ любитъ больше себя, тотъ ихъ избавитъ всегда, когда хочетъ. Что ей Милій, что ей доимщикъ Тивуртій, что ей Пуплія, что ей всѣ тѣ, кто кричатъ на нее въ аскалонской темницѣ! Она теперь знаетъ, что надо сдѣлать, чтобы освободить Ѳалалея. Духъ Тенія воспрянулъ и нервы ея напряглись, какъ струны высоко настроенной арфы. На лицѣ ея сіяла ясно сознанная цѣль и твердая воля. Она встала, взглянула въ лицо восходящей зари и проговорила:

— Незримый, живущій за предѣлами нашего взора! Я внутри себя слышу Твой голосъ: Ты укрѣпилъ духъ мой, я отдамъ мою жизнь за друзей, но мой духъ я возвращу Тебѣ чистымъ!.. Мой мужъ, мои дѣти, я несу вамъ спасенье! Мнѣ не нужно напитка, отводящаго память!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Тенія возвращалась въ городъ въ бодромъ настроеніи. Красота ея, можетъ-быть, еще никогда до этого не была такъ благородна. Оливковая роща, въ которой Тенія провела ночь, давшую ей силы вдохновенной рѣшимости, была на востокъ отъ Аскалона, а потому, когда Тенія приближалась къ городу, лучи восходившаго солнца освѣщали ее сзади и лицо ея было отѣнено, межъ тѣмъ какъ ея стройный станъ, покрытый бѣдною одеждой изъ синяго полотна, и бѣлый льняной покровъ на головѣ сверкали въ сильномъ освѣщеніи. Аскалонъ былъ передъ нею, и она входила въ него, какъ богиня, одѣтая бѣдною пастушкой, и не замѣчала, что Аскалонъ былъ въ необыкновенномъ волненіи. Здѣсь ожидалось теперь большое событіе: оно вытекало все изъ тѣхъ же самыхъ случайностей и имѣло цѣлью предотвратить ужасную опасность: стало извѣстно, что отчаянные друзья Анастаса издалека ведутъ два подкопа, изъ которыхъ посредствомъ одного хотятъ перехватить притокъ прѣсной воды въ Аскалонъ, а посредствомъ другого пробраться въ Иродову темницу и выпустить изъ нея всѣхъ, кто въ ней заключенъ.

Всѣмъ стало ясно, что Милій слишкомъ долго поддавался

любовнымъ заботамъ и, по коварству Тивуртія, слишкомъ долго передержалъ дѣло злодѣя Анастаса. Друзья Анастаса не тратили время даромъ и собрались вооруженными шайками. Минувшею ночью они подвинулись разомъ отъ Газы и отъ Азота и стали за одно поприще отъ Аскалона.

Темничникъ Раввула не спалъ во всю ночь и съ поражающею ясностью слышалъ подземные стуки — это удары киркой и лопатой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ темницѣ ведется подкопъ, но откуда и въ какомъ направленіи онъ ведется—это неизвѣстно, а межъ тѣмъ это необходимо было узнать и притомъ такъ, чтобы не показать народу, гдѣ есть опасность. Для этого была предпринята особая околичность, которая должна была одновременно вести къ открытію, гдѣ ведется подкопъ, и разомъ покончить съ Анастасомъ такъ, чтобы въ случаѣ, если друзья его проберутся этою ночью въ темницу, то чтобы они уже не нашли его въ живыхъ.

Такой способъ заключался въ томъ, чтобы *прожечь* аскалонскую темницу.

Что̀ за церемонія было это *прожиганіе*, какъ оно совершалось и къ чему иногда вело,—это требуетъ болѣе подробнаго объясненія и для этого надо вкратцѣ сказать, что̀ такое были ужасныя темницы Ирода, прозваннаго Великимъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ подземныхъ темницахъ, подобныхъ той, гдѣ были заключены злодѣй Анастасъ и мужъ Теніи, Ѳалалей-корабельщикъ, не было почти никакихъ приспособленій для потребностей человѣческихъ. Люди здѣсь спали, пили и ѣли на одномъ и томъ же мѣстѣ, куда ихъ бросили на гнилой тростникъ или на такую же солому. На этихъ самыхъ мѣстахъ они были прикованы кто къ чему попало: однихъ приковывали къ желѣзнымъ стѣнамъ, другихъ къ столбамъ, поддерживавшимъ своды, третьихъ къ кольцамъ и рогулямъ, ввернутымъ въ плиты, служившія поломъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ темницъ была такая страшная тѣснота, что къ одному кольцу приковывали на цѣпяхъ не по одному, а по нѣсколько человѣкъ. Такая тѣснота была и въ аскалонской темницѣ.

Желѣзныя кольца здѣсь были вдоль всѣхъ стѣнъ въ са-

момъ тѣсномъ одно отъ другого разстояніи, и то же самое было у всѣхъ столбовъ и по всему полу. Въ стычкѣ каждой плиты было кольцо и къ каждому изъ половыхъ колецъ было приковано по четыре человѣка. Эти несчастные могли сидѣть или лежать только скорчась; но и при этомъ еще здѣсь не умѣщались всѣ, кого считали нужнымъ томить въ заключеніи: въ длинномъ дощатомъ притворѣ съ покатымъ поломъ, по которому надо было спускаться съ поверхности въ подземелье, лежали въ два ряда старыя корабельныя мачты съ выдолбленными прорѣзами и заклинками. Въ эти прорѣзы или пазухи вкладывали ноги невольника и заколачивали ихъ клиньями. Колоды и клинья вполнѣ замѣняли желѣзо и даже были гораздо терзательнѣе: въ цѣпяхъ можно было перемѣнить положеніе ногъ, а забитый въ колоду не могъ ворохнуть своими ногами, и онѣ у него отекали, надувались и нерѣдко трескались. Человѣкъ съ ногами, забитыми въ колоды, только едва могъ привстать и опять сѣсть.

Такая лютая жестокость въ содержаніи людей въ старинныхъ темницахъ оправдывалась тѣмъ, что при этихъ темницахъ не было, по-нынѣшнему, многочисленной стражи. Тогда за цѣлость всѣхъ заключенныхъ отвѣчалъ одинъ темничникъ, которому не всегда даже полагался помощникъ. Помощь тюремщику тогда оказывалъ развѣ кто-нибудь изъ его же семейныхъ. Иногда такими помощниками были женщины, жены или дочери стража. Онѣ входили въ мрачныя помѣщенія заключенныхъ, нимало ихъ не боясь, потому что всѣ содержимые здѣсь были крѣпко окованы или забиты ногами въ бревна. Сирійскія темницы, построенныя Иродомъ, были хуже тѣхъ египетскихъ темницъ, гдѣ сидѣли виночерпій и хлѣбодаръ фараона. Тюрьма въ Аскалонѣ была, какъ сказано выше, обширный, мрачный подвалъ, подобный тому, въ какомъ при Иродѣ былъ долго томленъ и безъ суда, въ минуту пьянаго разгула, зарубленъ Креститель. При такомъ содержаніи и безъ многочисленной стражи уходить было трудно, но въ такія дурно устроенныя темницы легко подкапывались.

Должность темничника была часто очень выгодною—онъ былъ полный хозяинъ темницы и могъ обращаться съ заключенными, какъ онъ хотѣлъ. За излишнюю суровость и даже жесткость темничника не судили, потому что, только

обращаясь безъ милосердія, онъ и могъ содержать множество заключенныхъ въ повиновеніи, не прибѣгая къ пособію многочисленной стражи; но зато при такой тѣснотѣ и при такихъ порядкахъ, не допускавшихъ возможности каждому невольнику покидать свое мѣсто, въ Продовыхъ темницахъ скоплялась отвратительная и ужасная нечистота, распространявшая тяжкое зловоніе, отъ котораго люди задыхались до смерти. Тростникъ и полусгнившая солома, брошенные въ подстилку для невольниковъ, сгнивали подъ ними, не перемѣняясь по цѣлымъ годамъ. Въ этомъ отвратительномъ смрадномъ болотѣ кишѣли бѣлоголовые черви, мокрицы и большой сѣрый клопъ, а въ трещинахъ плитъ гнѣздились пятнистые пауки, скорпіоны и фаланги... Случалось, что умершаго человѣка не скоро усматривали, и онъ здѣсь же разлагался... Какіе-то особые гады «выпивали глаза» у больныхъ и умершихъ... Окопъ въ темницахъ, построенныхъ Продомъ, было мало, и тѣ самаго незначительнаго размѣра. Темницы буквально были *темны*, а для того, чтобы проходило хоть сколько-нибудь свѣжаго воздуха, во все время отъ восхода солнца до вечера двери темницъ стояли растворены и у порога ихъ сидѣлъ самъ тюремщикъ или кто-нибудь изъ лицъ его семейства. Двери всегда были однѣ и въ нихъ мимо тюремщика проходили люди, которые посѣщали невольниковъ и приносили имъ пищу. Это дозволялось, потому что составляло выгоду для темничника, который зато не кормилъ заключенныхъ. Въ продолженіе дня, пока двери были открыты, въ темницѣ еще былъ какой-нибудь притокъ свѣжаго воздуха; но когда, съ приближеніемъ ночи, темничный стражъ уходилъ въ свое помѣщеніе и дверь замыкалась на болты и засовы, воздухъ въ темницѣ быстро спирался и заключеннымъ становилось нечѣмъ дышать. Это было мучительно. Въ это же время вся живая нечисть, какъ сѣрый клопъ, скорпіонъ и хвостатая мокрица, тучами вползали на тѣла невольниковъ и точили ихъ грязную и воспаленную кожу, отдаляя всякую возможность сна и покоя. Вмѣсто ночного отдыха, заключенные испытывали терзанія, приводившія ихъ въ бѣшенство. Болѣе счастливы были тѣ, кто скорѣе впадалъ отъ этой муки въ безпамятство и начиналъ бредить въ безумствѣ.

Съ закрытіемъ на ночь темничныхъ дверей, во всю ночь изъ узкихъ окошекъ этихъ ужасныхъ подземелій раздава-

лись неумолчные стоны и вопли, а порой слышался отчаянный крикъ и бѣшеныя проклятія, и цѣпи гремѣли, вторя проклятіямъ. Только подъ утро, когда силы измѣняли несчастнымъ, крики утихали и слышался скрипъ, какъ будто пилила тупая пила,—это былъ скрежетъ зубовный. Люди метались, попирали другъ друга, впадали въ тяжелый неистовый бредъ и это метанье былъ *сонъ* въ тюрьмѣ аскалонской. Нерѣдко случалось, что темничникъ Раввула, отворивъ утромъ двери аскалонской темницы, находилъ здѣсь одного или нѣсколькихъ человѣкъ задохнувшихся; но иногда онъ не замѣчалъ сразу, что они умерли, и почиталъ ихъ за спавшихъ или обмершихъ, потому что вездѣ здѣсь были такіе, которые, по открытіи дверей, лежали долго безъ чувствъ. Послѣ того, какъ до нихъ доходила струя воздуха изъ открытой двери, они мало-по-малу приходили въ себя, чтобы начинать ощущать другія терзанія, составлявшія здѣшнюю *жизнь*.

При такихъ условіяхъ темничные невольники коротали свои дни въ мукахъ отчаянія, владая сколь въ тяжкіе, столь же и въ отвратительные недуги. Только разъ въ годъ, а иногда и того рѣже, невольниковъ выводили изъ темницы на одинъ день, и тогда они могли видѣть небо и солнце. Это случалось въ неопредѣленное время, когда нечистота отъ сгнившихъ тростника и соломы достигала такой степени, что самъ темничникъ ощущалъ невозможность приходить къ невольникамъ. Тогда всѣхъ заключенныхъ выводили въ оковахъ, сажали ихъ въ старую негодную барку и отводили эту барку въ море; а темницу набивали сухимъ хворостомъ и зажигали его, чтобы пропалить всю нечисть огнемъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Прожиганіе приносило серьезную пользу, а дѣлали его такъ, что въ дверь темницы напихивали огромныя кучи смолистаго хворосту и соломы и зажигали ихъ, а сильная тяга воздуха, стремясь отъ дверей къ отдушинамъ въ отдаленномъ концѣ, раздувала огонь и попаляла нечистоту, которая здѣсь накопилась.

Огненный палъ въ темницѣ былъ живымъ и полнымъ интереса событіемъ для каждаго жителя въ Аскалонѣ. Это интересовало всѣхъ потому, что, когда заключенныхъ выво-

дили изъ темницы и сажали на барку, можно было видѣть всѣхъ, кто тутъ томился, и какое страшное искаженіе природы произвела надъ ними неволя. При каждомъ прожиганіи ямы жители Аскалона сбѣгались сюда, какъ на самое любопытное зрѣлище, и толпились, желая узнать въ числѣ несчастныхъ узниковъ людей, имъ когда-то знакомыхъ и, можетъ-быть, давно позабытыхъ. Зрѣлище это было ужасно; но еще ужаснѣе было то, что выводили не всѣхъ. Существовало основательное убѣжденіе, что передъ паломъ въ темницѣ забывали тѣхъ, кого хотѣли избыть безотложно. Всѣ въ Аскалонѣ вѣрили, что будто при каждомъ пропаливаньи темницы тамъ всегда кого-нибудь сожигаютъ живого, и устроить это, въ самомъ дѣлѣ, ничего не стоило, и это дѣйствительно дѣлали съ тѣмъ, съ кѣмъ надо было кончить немедленно. Этимъ теперь и захотѣлъ воспользоваться темничникъ Раввула. Услышавъ тревожившій его стукъ подъ землею, онъ пришелъ къ Милію и сказалъ ему:

— Господинъ, вотъ ты сдѣлалъ большую ошибку: напрасно ты медлилъ судить Анастаса. Въ этой ночи я слышалъ стукъ подъ темницей. Темница подкопана, и я не знаю, гдѣ идетъ этотъ подкопъ. Каждый часъ угрожаетъ бѣдою: Анастаса могутъ отковать и увести. Отвѣчай за него ты, а я его сторожить не берусь.

Милій испугался и вскричалъ:

— Неужто нѣтъ средства отвратить эту неожиданность и кончить раньше, чѣмъ они подкопаютъ?

Раввула посмотрѣлъ на него исподлобья и тихо отвѣтилъ:

— Для всякой вещи есть средство; но тому, кто его знаетъ, надо хорошо платить.

Милій тотчасъ же позвалъ Евлогія отрока и, взявъ много золота изъ кисы доброхотныхъ даяній, метнулъ его, не считая, Раввулѣ. Раввула взялъ золото и сказалъ:

— Дай мнѣ сейчасъ повелѣніе выжечь гадовъ въ темницѣ.

Милій отвѣтилъ:

— Повелѣваю тебѣ именемъ императора. Иди и сдѣлай это, какъ нужно.

Но Раввула еще стоялъ и, встряхнувъ на рукѣ золото, тихо промолвилъ:

— Анастасъ ли одинъ нарушаетъ покой моего господина?

Милій бросилъ ему еще золота и сказалъ:

— Ты довольно разуменъ: Анастасъ не одинъ человѣкъ,

мнѣ ненавистный. Есть еще тамъ другой, — имя его тебѣ скажетъ домщикъ Тивуртій.

— Знаю я самъ это имя,—отвѣтилъ Раввула и вышелъ.

Это произошло въ то самое утро, когда Тенія шла на зарѣ изъ оливковой рощи и, ничего объ этомъ не зная, удивлялась замѣтному большому движенію людей, которыми овладѣло любопытство и волненіе при извѣстіи, что сегодня будутъ выводить на барки узниковъ и прожигать темницу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Палъ, однако, нельзя было сдѣлать въ одну минуту безъ подготовленія всего, что къ тому нужно: надо было имѣть смолистый хворостъ и солому, и просторныя барки для того, чтобы размѣстить на нихъ выведенныхъ узниковъ. Чтобы припасти все это, нужно было, по меньшей мѣрѣ, полдня времени. Подвозъ хвороста былъ первымъ знакомъ того, что темницу будутъ выпаливать. Темничникъ Раввула, какъ только вышелъ отъ Милія, такъ сейчасъ же велѣлъ согнать всѣхъ дроворубовъ для заготовленія хвороста, а когда тѣ пошли рубить хворостъ, жители Аскалона узнали, что предполагается палъ, и устремились толпами къ темницѣ, чтобы видѣть, когда будутъ выводить на барки невольниковъ.

Это и было то тревожное движеніе, которое замѣтила Тенія, идучи утромъ въ темницу, чтобы навѣстить Ѳалалея.

Путь же Теніи отсюда пролегалъ по улицѣ, гдѣ помѣщался домъ, занятый для вельможи Милія, и случилось такъ, что когда Тенія проходила мимо этого дома, то ее увидалъ Милій и, схватившись рукою за сердце, воскликнулъ:

— О, какъ она исхудала и какъ измѣнилась! Но и въ этомъ страдальческомъ видѣ она еще мнѣ прелестнѣй! Позовите ее—пусть она взойдетъ ко мнѣ на минуту.

Бывшій въ то время у Милія домщикъ Тивуртій выбѣжалъ къ Теніи и, остановивъ ее за рукавъ, заговорилъ ей:

— Сами боги привели тебя сюда, прекрасная Тенія. Заклинаю тебя твоими дѣтьми Вириной и Виттомъ, не спѣши удаляться отъ дверей этого дома, гдѣ для тебя готова всесильная помощь. Взойди вмѣстѣ со мною, и я тебѣ отвѣ-

чаю, что ты выйдешь съ повелѣніемъ въ рукахъ освободить Ѳалалея!

Тенія отвела руку Тивуртія и отвѣчала:

— Я не нуждаюсь ни въ чьемъ повелѣніи; я сама освобожу Ѳалалея.

— Ты сама возвратишь отца твоимъ дѣтямъ! Подумала ли ты, что̀ ты сказала?

— Да, я обдумала все, и я это сдѣлаю. Ѳалалей будетъ сегодня свободенъ!

— Нѣтъ, ты говоришь это въ безуміи. Кто же откроетъ ему двери темницы?

— Я сама передъ нимъ растворю эти двери.

— Ты, вѣрно, видѣла бѣлаго ворона и потеряла разсудокъ.

Тенія улыбнулась и молвила:

— Да, я видѣла бѣлаго ворона, но мой разсудокъ со мною.

— Не трать лучше попусту времени. Фортуна недаромъ привела тебя къ дверямъ Милія... Войди и скажи короткое слово: «мигъ благосклоненъ». Иначе... конецъ твоему Ѳалалею.

— Концы и начала не въ нашихъ рукахъ.

— Однако, если Раввула сегодня сдѣлаетъ огненный палъ и забудетъ твоего Ѳалалея въ темницѣ, то конецъ его неизбѣженъ.

Тенія поблѣднѣла и пошатнулась на мѣстѣ, но не издала даже ни вопля, ни стона и твердо пошла своею дорогой къ темницѣ, а Тивуртій, съ пѣной у рта, бросился къ привязанному у столба осленку, сѣлъ на него и, страшно бранясь, поѣхалъ, колотя изъ всей силы животное палкой.

Тенія даже не интересовалась, куда такъ спѣшитъ ея врагъ; она никого не боялась: она знала, что никто не выдумаетъ ничего болѣе страшнаго и болѣе рѣшительнаго, чѣмъ то, что̀ сама она придумала и на что̀ рѣшилась.

Это было такое рѣшеніе, въ которомъ ей помѣшать было невозможно.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Въ самой темницѣ волненіе было еще сильнѣе, чѣмъ по дорогамъ и въ городѣ. Событіе, о которомъ узнали узники,

было для нихъ слишкомъ важно,—всѣмъ хотѣлось увидать горы, море и небо, и притомъ каждаго втайнѣ тревожила страшная мысль: какъ бы его не позабыли вывести передъ началомъ пала. Всюду слышалось громыханье цѣпей и крикъ множества надтреснутыхъ и хриплыхъ голосовъ. Посѣтителей въ темницу тоже набѣжало болѣе, чѣмъ обыкновенно. Пыль отвратительной плѣсени и несносный смрадъ наполняли весь подвалъ отъ пола до сводовъ, на которыхъ теперь, какъ бы чувствуя бѣдствіе, кучами сѣли клопы, межъ тѣмъ какъ въ расщелинахъ половыхъ плитъ, шурша, переползали другъ черезъ друга скорпіоны.

Окованные и неокованные люди плотно стояли другъ возлѣ друга. Тенія едва могла протѣсниться чрезъ эту плотную толпу недоброжелательныхъ къ ней людей, которые, какъ только ее увидали, сейчасъ же стали кричать:

— Вотъ она, вотъ эта проклятая, ненавистная женщина! Мужъ ея всѣхъ разорилъ, а она не хочетъ сдѣлать пустого дѣла для общаго спасенія! Мало ее растерзать!

— Да,—кричали другіе:—они оба изверги! Ея мужъ хотѣлъ быть всѣхъ богаче для того, чтобы быть всѣхъ добрѣе, а она хочетъ быть всѣхъ чище и оставляетъ другихъ гнить въ смрадѣ.

— Ничего; зато сынъ ея Виттъ вырастетъ воромъ, а дочка Вирина будетъ продавать себя въ пристани.

— Проклятый Ѳалалей! Проклятая Тенія!

Не довольствуясь этими грубыми проклятіями, узники язвили ее еще безстыдными насмѣшками надъ ея цѣломудріемъ.

Тенія все это слышала и молчала. Она къ этому привыкла, потому что такъ обыкновенно ее здѣсь привѣтствовали. Тенія спѣшила теперь, какъ можно скорѣе, отыскать своего мужа, и нашла его лежащаго ницъ возлѣ кольца, къ которому онъ былъ прикованъ. Онъ былъ безъ чувствъ и другіе въ темнотѣ безпрестанно на него наступали.

Когда Тенія своими попеченіями привела мужа въ чувство, онъ сначала совсѣмъ не узналъ ея и смотрѣлъ молча въ тупомъ равнодушіи, но потомъ сталъ говорить, что Раввула-темничникъ, навѣрное, хочетъ позабыть его въ темницѣ, но что онъ къ этому приготовился и даже предпочитаетъ скорую смерть долгой истомѣ.

— Я доставлялъ тебѣ слишкомъ много хлопотъ, и все

это напрасно, — отдай лучше всю свою нѣжность дѣтямъ нашимъ Виринѣ и Витту.

— Ты больше имъ нуженъ,—отвѣчала Тенія.—Я слаба силами—я не умѣю трудиться и не умѣю пріобрѣтать имъ, что̀ нужно.

Ѳалалей покивалъ головою и молвилъ:

— О, ты ошибаешься! Ты только и можешь дать имъ, что̀ нужно. Ты умѣла быть всѣмъ довольна, — вотъ это и есть то, что̀ нужно и что̀ даетъ счастье, а я былъ жаденъ къ пріобрѣтенію богатства, — это то, что̀ не нужно и въ чемъ сокрыто несчастіе жизни. Я за это страдаю.

— Твои страданія сегодня окончатся.

— Знаю, что окончатся, потому что меня сожгутъ здѣсь.

— Нѣтъ, тебя выпустятъ!

— Почему меня выпустятъ?

— Потому, что не для чего держать въ неволѣ того, отъ кого нечего добиваться?

— Что̀ ты хочешь сказать? — вскричалъ Ѳалалей. — Неужели отчаяніе дало тебѣ мысль убить себя?

— Отчаяніе давало мнѣ много мыслей, которыя хуже чѣмъ мысль убить себя; но теперь я не хочу убивать себя: я останусь жива, и все, что̀ здѣсь затѣяли сдѣлать на погибель людей, будетъ не нужно.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Ты это увидишь... объ этомъ не надо говорить.

Съ этимъ Тенія быстро встала и совершенно неожиданно очутилась у лаза въ прокаженную яму, и черезъ мгновеніе она была бы уже тамъ, но въ это же самое мгновеніе зазвенѣли цѣпи Анастаса и его скованныя руки обхватили станъ Тенія.

— Стой!—прошепталъ онъ ей на ухо:—стой! Я понялъ, что̀ ты хочешь сдѣлать, но это не нужно. Я возвращу тебѣ мужа и отца твоимъ дѣтямъ иначе. До полудня есть еще время. Бѣги скоро за городъ, по дорогѣ къ Азоту. Тамъ, гдѣ у стараго храма Изиды двѣ пальмы... подъ той, которая вправо, среди мелкаго щебня, лежитъ сѣрый камень, похожій на свернувшагося теленка... Онъ тяжелъ для твоихъ силъ, но ты возьми черепокъ и копай имъ подъ уголъ, похожій на морду. На глубинѣ третьей пяди найдешь мѣдный казанъ... Онъ полонъ золота. Ты такая добрая и вѣрная, что мнѣ тебя стало жаль, а я еще не зналъ, какъ жа-

лѣютъ... Я не зналъ... какъ отрадно жалѣть человѣка... Возьми за это себѣ мое золото и выкупи мужа. Бѣги же скорѣе, бѣги!

Слушая это, Тенія стояла, напрягаясь, какъ эластичный лукъ, и едва Анастасъ произнесъ ей послѣднее слово, она отпрыгнула, какъ стрѣла съ тетивы, и понеслась въ направленіи къ Азоту.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Межъ тѣмъ какъ Тенія мчалась по дорогѣ къ Азоту, въ аскалонской темницѣ неожиданно разыгрались потрясающія событія.

Началось съ того, что вскорѣ послѣ того, какъ скрылась за кладомъ Тенія, въ темницу вошли домщикъ Тивуртій и Раввула-темничникъ. Оба они пришли съ злодѣйскими намѣреніями и прямо подошли къ Ѳалалею и, ничего ему не говоря, начали его отклепывать отъ кольца его цѣпи.

Ѳалалей взволновался и со слезами спрашивалъ ихъ, что̀ они хотятъ съ нимъ сдѣлать.

А тѣ ему отвѣчали:

— Мы хотимъ посадить тебя въ прокаженную яму. Пусть твоя Тенія приметъ тебя оттуда въ свои объятія.

— Лучше сожгите меня,—сталъ умолять Ѳалалей.

— Мы сами знаемъ, что̀ хуже и что̀ лучше, — отвѣчали Раввула и Тивуртій, и поволокли его къ ямѣ, не обращая никакого вниманія на его ужасные вопли. И изъ всѣхъ узниковъ, которые слышали эти вопли, никто за Ѳалалея не заступился. Такъ всѣ боялись, что имъ отплатитъ Раввула; но когда, послѣ изрядной борьбы, Ѳалалея протаскивали мимо Анастаса-злодѣя, то произошло никѣмъ неожиданное событіе. Чрезвычайно сильный злодѣй Анастасъ ударилъ своими оковами по головамъ Тивуртія и Раввула такъ, что они упали, а онъ сжалъ и пропихнулъ ихъ въ прокаженную яму. И Тивуртій, и Раввула кричали, а Анастасъ угрожалъ убить ихъ, если они полѣзутъ назадъ.

Въ темницѣ поднялся страшный бунтъ и дали знать Милію. Милій тотчасъ надѣлъ свою красную тогу и, взявъ съ собою отрока своего, скорописца Евлогія, отправился съ нимъ въ темницу, но былъ въ недоумѣніи, ибо теперь и самъ онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать.

Скорописецъ же Евлогій, идучи у плеча Милія, сказалъ:

— Смѣю ль спросить моего господина, что̀ ты намѣренъ сдѣлать, когда мы вступимъ въ темницу?

Милій остановился и, взглянувъ на него, отвѣтилъ:

— По правдѣ сказать, я еще ничего не придумалъ.

— Однако, кому ты будешь мстить и за кого заступаться?

— Скажи лучше, что̀ ты имѣешь на мысляхъ, вѣдь за хорошій совѣтъ тебѣ можетъ быть хорошая плата.

— Оставь Раввулу съ Тивуртіемъ тамъ, куда они попали. Иначе они и въ проказѣ будутъ противъ тебя свидѣтелями, и императоръ, и сама Ѳеодора тебя не похвалятъ.

— Но куда жъ мы ихъ дѣнемъ?

— О, господинъ мой! Огонь вѣдь все очищаетъ. Надо только не медлить... Кого ты назначишь тюремщикомъ вмѣсто Раввулы?

— Если хочешь, я тебя назначаю.

— Я тебѣ благодаренъ и черезъ малое время докажу тебѣ дѣломъ мою благодарность.

Перемолвясь такъ, они подходили къ темницѣ, у входа которой нашли уже приготовленныя кучи хворосту и толпы народа.

Евлогій, увидя людей, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Граждане аскалонскіе! посторонитесь и откройте путь благородному Милію, который идетъ наказать виновныхъ въ безпорядкѣ и защитить тѣхъ, кто страдалъ отъ жестокости смѣненнаго темничника Раввулы и сотоварища его, звѣронравнаго доимщика Тивуртія. Теперь, волею господина моего Милія, я буду совмѣщать обѣ ихъ должности и въ темницѣ настанетъ новый порядокъ.

Толпа раздвинулась и открыла дорогу ко входу, но въ это же время явилась Тенія.

Несмотря на то, что день былъ страшно зноенъ и раскаленныя скалы еще болѣе увеличивали жаръ въ воздухѣ, слабая и измученная Тенія быстро достигла развалинъ, указанныхъ ей разбойникомъ Анастасомъ, раскопала въ указанномъ мѣстѣ щебень, достала сокровище и сейчасъ же опять пустилась съ нимъ обратно въ городъ. Она пришла въ тотъ самый мигъ, когда Евлогій сказалъ свою рѣчь и когда Милій хотѣлъ вступать въ темницу. Золота было много; но Тенія его не вѣсила и не считала, а все, сколько тамъ было, бросила къ ногамъ Милія и сказала:

— Вотъ тебѣ выкупъ за моего мужа и за всѣхъ, кого здѣсь терзаютъ. Пусть это возьмутъ тѣ, кому эти люди должны, а ты сейчасъ же выпусти заключенныхъ на волю.

Милій пришелъ въ изумленіе и не зналъ, что̀ отвѣтить; но Евлогій шепнулъ ему:

— Дорожи собою; въ такія минуты ты долженъ показать безпристрастье народу.

Золота же было здѣсь болѣе, чѣмъ на тройную цѣну противъ всего полнаго долга Ѳалалея.

— Откуда взяла ты такое богатство?—спросилъ Евлогій у Тенія. — Здѣсь достанетъ на выкупъ всѣхъ, кого содержатъ за долги въ аскалонской темницѣ; но дѣйствительно ли ты отдаешь это все за другихъ?

Тенія отвѣчала, что она достала золото изъ земли и хочетъ, чтобы всѣ, кого томятъ за долги, были сейчасъ же отпущены.

Милій приказалъ взвѣсить золото и выпустить должниковъ на свободу. А Евлогій, ставшій разомъ вмѣсто Тивуртія домницикомъ и вмѣсто Раввулы тюремщикомъ, позвалъ кузнецовъ и расковалъ всѣхъ, кто содержался въ тюрьмѣ за долги. Злодѣевъ же и убійцъ вывелъ на барку и послалъ на торгъ купить для нихъ пищи и свѣжее платье, и мягкой кожи съ шерстью, чтобы подвернуть подъ оковы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ желѣзо проѣло до кости.

Во все это время въ темницѣ стоялъ страшный шумъ, и никто не слышалъ стуковъ подкопа и криковъ Раввулы и Тивуртія и заслонившаго лазъ къ нимъ тѣломъ своимъ Анастаса. Всякому тутъ было теперь самому до себя.

Перваго выпустили на свободу Ѳалалея, и Тенія тотчасъ же удалилась съ нимъ, обнимая его одною рукой, а другою поддерживая на головѣ корзину съ купленною пищей. Когда увидала ихъ Пуплія, она подумала, что Тенія, наконецъ, поступила, какъ желалъ Милій, и послѣ радостнаго свиданія съ сыномъ посадила на колѣни къ нему Вирину и Витта, а невѣстку отвела въ сторону и похвалила ее за послушаніе.

Тенія же въ отвѣтъ ей улыбнулась и тихо отвѣтила:

— Не хвали меня, почтенная Пуплія, я твоего совѣта не слушалась и не стою твоей похвалы,—золото далъ мнѣ не Милій вельможа, а злодѣй Анастасъ.

Старая Пуплія ужаснулась и, всплеснувъ руками, спросила:

— Анастасъ! Милосердные боги! Для чего же ты предпочла его грубыя ласки ласкамъ Милія, и гдѣ взяла напитка, отводящаго память?

— Мать Ѳалалея!—отвѣчала ей Тенія:—я не отдавалась ничьимъ ласкамъ и мнѣ не былъ нуженъ забвенный напитокъ, но я не теперь разскажу тебѣ все, что̀ со мной было. Теперь мы оставимъ Ѳалалея радоваться, лаская дѣтей, а сами давай скорѣй вскипятимъ воду и сваримъ для всѣхъ изобильную пищу, и тогда, когда сядемъ всѣ впятеромъ, какъ мы давно не сидѣли, и всѣ насытимся, я разскажу вамъ подробно, что̀ мнѣ пришлось перенесть и какъ это случилось, что въ рукахъ моихъ очутилось золото Анастаса безъ напитка, отводящаго память.

— Нѣтъ, ужъ ты, бѣдная, лучше объ этомъ забудь.

Но Тенія снова тихо улыбнулась и отвѣтила:

— Мать Ѳалалея! злодѣй не требовалъ отъ меня ничего такого, о чемъ ты думаешь и о чемъ мнѣ желаешь забыть. Я хочу обо всемъ этомъ помнить и буду всѣмъ говорить, чтобы всѣ люди знали, что̀ сдѣлалъ мнѣ Анастасъ, и нашли для него у себя сожалѣнье.

И сдѣлалось такъ, какъ хотѣла Тенія. Когда пища была готова и осчастливленная семья насытилась, Тенія разсказала свекрови и мужу, какъ она изнемогала въ борьбѣ, что̀ видѣла ночью въ оливковой рощѣ, какъ шла назадъ и повстрѣчалась съ Тивуртіемъ, и за что Анастасъ ее похвалилъ и указалъ ей кладъ, отданный ею въ выкупъ за всѣхъ должниковъ.

При этомъ Тенія пролила слезы объ Анастасѣ, и это было какъ разъ въ то время, когда его надо было оплакать, ибо въ это самое время въ аскалонской темницѣ свершилось послѣднее и самое безчеловѣчное дѣло.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Когда узники были выведены, темницу набили хворостомъ, и скорописецъ Евлогій бросилъ туда горящій факелъ, а вѣтеръ подулъ и сквозь весь хворостъ пробѣжало трескучее пламя. Въ дымѣ этого пламени задохнулся злодѣй аскалонскій, но онъ погибъ не одинъ. Люди, которые оставались тамъ до конца, видѣли, какъ Анастасъ показался въ окнѣ прокаженной темницы. Онъ сорвался съ цѣпей и потрясалъ, задыхаясь, рѣшетку въ окошкѣ... За спиной его

видѣли лица ревѣвшихъ Тивуртія и Раввулы; но трескъ пламени заглушалъ ихъ ревъ и проклятія. Евлогій же отъ имени Милія не допускалъ никого къ этому окну, и сами они оба стояли вдвоемъ у окошка, пока все было кончено. Анастасъ ихъ узналъ и, плюнувъ на красную тогу Милія, прокричалъ такъ громко, что всѣ могли слышать:

— Ты самый лютый злодѣй аскалонскій!

И когда онъ это вскричалъ, сквозь толпу прорвались два никому невѣдомые человѣка. Оба они были наги, но съ ножами при бедрахъ, и среди общаго смятенія они кинулись на Евлогія и на Милія, и у всѣхъ на глазахъ зарѣзали ихъ, а за ними приспѣли такіе же другіе, въ числѣ больше какъ двадцать, и бросились тушить огонь, пылавшій въ темницѣ, но погасить его было уже невозможно. Анастасъ и Тивуртій съ Раввулой сгорѣли, и какъ ни смѣлы были отчаянные разбойники, проникшіе въ городъ, чтобы спасти Анастаса, но и они не могли войти въ полную пламени яму. Они только насытили свое мщеніе убійствомъ Милія и его скорописца. Разбойниковъ этихъ не поймали, потому что на гражданъ Аскалона напалъ страхъ,—всѣ думали, что разбойниковъ ворвалось несмѣтное множество, и всѣ побѣжали защищать свои дома и семейства. Притомъ же, сожженный живымъ Анастасъ возбудилъ къ себѣ жалость, а Милій—всеобщее презрѣніе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Рано удалившаяся съ мужемъ Тенія не видала всѣхъ ужасовъ этой развязки. День для нея протекъ какъ одно мгновеніе. Передъ вечеромъ Оалалей отправился на море мыться, а Тенія, обнявъ дѣтей, сидѣла у берега и смотрѣла вслѣдъ отходившей красивой расцвѣченной триремѣ, на которой гудѣлъ египетскій ребабъ и пѣли хоромъ молодые женскіе голоса, а на возвышеніи, покрытомъ яркою индійскою тканью, молодая нубійка ловила осу, какъ будто дразнила Аскалонъ на прощанье.

Это Сергій, испугавшійся безпорядковъ, отплывалъ съ своею труппой обратно въ Александрію.

Пуплія въ это время ходила въ городъ, чтобы купить просторный полосатый шатеръ, гдѣ бы семейство могло помѣститься лучше, чѣмъ оно помѣщалось въ убогомъ шалашѣ. Пришедшіе съ Пуплией шатерщики, раскидывая чистую на-

латку съ поперечными коймами краснаго и синяго цвѣта, разсказали Тенiи, что̀ произошло, и когда она услыхала о погибели Анастаса, то вздохнула и сказала имъ:

— Всѣ не напрасно его сожалѣютъ: онъ сдѣлалъ много зла, но не угасилъ въ сердцѣ своемъ сожалѣнiя: а кто умѣетъ жалѣть, тотъ еще не мертвъ для доброй жизни и самъ сожалѣнiя достоинъ.

И она опять разсказала, какимъ подвергалась искушенiямъ и уговорамъ отъ самыхъ почетныхъ и близкихъ людей, а въ заключенiе сказала:

— Я не хочу ихъ укорять; но удивляюсь, отчего было все такъ, что тѣ, которые очень заботились о жизни, тѣ всѣ подавали мнѣ дурные совѣты—не постоять за мое цѣломудрiе, а поддержали меня только два человѣка—и это какъ разъ были тѣ, которые сами болѣе жить не думали: одинъ былъ отшельникъ въ могилѣ, а другой—обреченный на смерть Анастасъ. За встрѣчу съ этими двумя, не дорожившими жизнiю, я благословляю милосердное небо и молю его дать имъ вѣчную жизнь.

Шатерщики, услыхавъ такiя слова, поникли головами и въ молчанiи окончили свою работу: угладили полъ подъ шатромъ, очертили мѣсто для обѣда и усыпали это возвышенiе узорами разноцвѣтнаго песка, придавшаго видъ цвѣтного ковра.

Возвратившiйся въ эту пору Ѳалалей тоже слышалъ сказанныя Тенiею слова, и когда шатерщики, получивъ свою плату, ушли въ городъ, а Пуплiя повела дѣтей, чтобы вымыть ихъ въ прѣсной водѣ пѣнистымъ греческимъ мыломъ и потомъ уложить ихъ спать въ новомъ просторномъ шатрѣ, корабельщикъ сказалъ женѣ:

— Я замѣтилъ твои слова о разницѣ между тѣми, которые дорожатъ жизнiю, и тѣми, которые не дорожатъ ею. Это замѣчанiе остро, и, знаешь, я слышалъ когда-то совершенно такое въ Дамаскѣ отъ того, кто мнѣ говорилъ о моей новой вѣрѣ.

— Что же онъ говорилъ?

— Онъ читалъ, что «кто сильно любитъ жизнь, тотъ ее потеряетъ, а кто не дорожитъ ею, тотъ ее не только найдетъ для себя, но и можетъ дать силу жизни другому».

— Это прекрасно, но для чего же ты могъ это забыть

и думалъ о томъ, какъ бы получить себѣ всего какъ можно больше?

Ѳалалей подернулъ плечами и, глубоко вздохнувши, отвѣтилъ:

— Я испортилъ себя, когда прикоснулся къ богатству,— богатство есть тоже напитокъ, отбивающій память: желая богатства, нельзя не забыть объ истинномъ благѣ.

— А я всегда это знала,—тихо продолжала Тенія.

— Но кто же тебѣ это открылъ?

Тенія взяла руку мужа и положила ее себѣ на сердце, а другою своею рукою указала тихо на небо.

Они оба задумались; вечеръ уплывалъ, синева моря густѣла,—наступала прохлада и ночь.

Тенія встала, взяла въ ладони свои лицо мужа и, глядя ему въ глаза, сказала, что идетъ приготовить къ ночи шатеръ.

Ѳалалей остался одинъ и сидѣлъ, обхвативъ руками колѣни. Онъ глядѣлъ то на звѣздное небо, то въ темную даль безбрежнаго моря. Все это для него теперь было обновленіемъ жизни, и онъ чувствовалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ, которому нечего больше желать. Онъ весь проникся благодарностью, и глаза его овлажнились благодатными слезами, и сквозь нихъ онъ увидѣлъ снова свою цѣломудрую Тенію, которая, окончивъ уборку шатра, распахнула его входную полу и, поддерживая ее обнаженными по самыя плечи руками, назвала его имя и добавила шопотомъ:

— Другъ мой, иди,—часъ благосклоненъ.

СКАЗАНІЕ О ѲЕДОРѢ-ХРИСТІАНИНѢ

И О ДРУГѢ ЕГО

АБРАМѢ-ЖИДОВИНѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ греческомъ городѣ Византіи, прежде чѣмъ этотъ городъ сталъ называться Константинополемъ, а у русскихъ Царьградомъ, жили два сосѣда. Одинъ былъ еврей, а другой крещеный изъ потаенныхъ; еврей содержалъ ветхозавѣтную вѣру пророка Моисея, а крещеный разумно соблюдалъ свою христіанскую вѣру. Оба сосѣда жили исправно, а промыслами занимались различными: еврей дѣлалъ золотыя и серебряныя вещи, а христіанинъ имѣлъ корабли и посылалъ ихъ съ товарами за море. По сосѣдству они другъ другу ничѣмъ не досаждали и имѣли обыкновеніе никогда другъ съ другомъ о вѣрѣ не спорить. Кто изъ нихъ въ какой вѣрѣ родился, тотъ въ такой и пребывалъ, и свою вѣру передъ другимъ не превозносилъ, а чужую не унижалъ и не порочилъ. Оба разсуждали такъ: «кому что въ разсужденіи вѣры отъ Бога открыто,—такова, значитъ, воля Божія». И такъ они въ добромъ согласіи прожили много лѣтъ счастливо.

У обоихъ этихъ сосѣдей было по сыну, которые родились въ одинъ годъ. Христіанинъ своего сына потаенно окрестилъ и назвалъ Ѳедоромъ, а еврей своего, по еврейскому закону, въ восьмой день обрѣзалъ и назвалъ его Абрамомъ.

Тогда въ Царьградѣ главною вѣрой была еще вѣра язы-

ческая. Христіане и евреи, которые жили между язычниками, старались себя явно не оказывать, чтобы не дразнить язычниковъ и не накликать на себя неудовольствія. А потому, какъ крещеніе Ѳедора, такъ и обрѣзаніе Абрама отцы ихъ сдѣлали въ домахъ своихъ безъ угощенія, потихоньку, при однихъ своихъ близкихъ родныхъ.

Оба сосѣда, получивъ отъ Бога потомство, были очень рады. Христіанинъ говорилъ:

— Добрый сосѣдъ! Дай Богъ, чтобы сыновья наши жили между собою такъ же ладно, какъ мы между собою прожили.

И еврей сказалъ то же самое.

— Дай Богъ, сосѣдъ; но я думаю, что дѣти наши должны жить еще согласнѣе, потому что они отъ насъ, отцовъ своихъ, имѣютъ добрый примѣръ, что въ согласіи заключается удобье и счастіе, а въ несогласіи—всякое безпокойство и разореніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Когда мальчики, Ѳедоръ и Абрамъ, подросли до той поры, что ихъ стали манить совмѣстныя игры и забавы, то обѣ матери — и христіанка, и жидовка — начали выносить на огородъ и сажать ихъ вмѣстѣ, чтобы они забавлялись, а большимъ не мѣшали. А огороды у еврея и у христіанина были рядомъ, бокъ-о-бокъ, и, по тогдашней простотѣ, ничѣмъ не были разгорожены. Вынесетъ еврейка, посадитъ своего Абрамку, и христіанка принесетъ своего Ѳедю и тоже посадитъ его рядомъ на травѣ подъ большой розовый кустъ; надаютъ имъ какихъ попало дѣтскихъ забавокъ, чтобъ играли, а сами пойдутъ каждая къ своимъ дѣламъ по домашеству. Но всегда, бывало, и одна, и другая строго-настрого дѣтямъ наказывали, чтобы играли мирно и весело, какъ хотятъ, а ссориться чтобы не смѣли. Ежели же въ чемъ-нибудь не сумѣютъ поладить, то чтобы не жаловались, а сами между собою мирились.

Въ такомъ простомъ, но добромъ наученіи мальчики выросли и сжились другъ съ другомъ такъ, что любили одинъ другого совершенно какъ два согласные родные брата. Даже и болѣе, потому что между родными братьями по крови бываютъ иногда несогласіе и зависть, а у Ѳедора съ Абрамомъ ничего подобнаго не было. Что одному было

любо, то и другому нравилось. А что одинъ изъ нихъ былъ окрещенъ, а другой обрѣзанъ, — этого они совсѣмъ не знали. За занятіями и недосугами родители ихъ оставляли имъ это безъ растолкованія, да дѣти даже еще и не уразумѣли бы въ своемъ возрастѣ, въ чемъ тутъ разница. Въ невинномъ дѣтскомъ маломысліи, они вмѣстѣ играли и, наигравшись вмѣстѣ, обнявшись, засыпали на травкѣ, спрятавъ головы подъ одинъ и тотъ же розовый кустъ, въ которомъ копошились золотыя пчелки, а дѣтей не трогали, все равно какъ христіанина, такъ и жидовина.

Но вотъ Ѳедоръ и Абрамъ подросли и настало время посылать ихъ въ школу. А это случилось, когда въ Константинополѣ язычество приканчивалось и была уже объявлена главною вѣра христіанская. Идольскія капища тогда разоряли или передѣлывали на церкви и на городскихъ стѣнахъ, надъ воротами, стали писать образа, чтобы всякій, проходя, кланялся и молился.

Въ эту пору многое стали заводить на иной ладъ, и нѣкоторые учители начали изъяснять высшему правительству, что христіанину и еврею вмѣстѣ ходить въ одну школу не годится, а непремѣнно надо раздѣлять дѣтей порознь, чтобъ они съ малолѣтства не смѣшивались, потому что, будто, вмѣстѣ имъ нельзя дать согласнаго наученія, такъ какъ у евреевъ главный законъ вѣры — отъ Моисея, человѣка Божія, а у другихъ—отъ Христа. Мы ихъ ветхій законъ признаемъ, но только къ нему отъ своего Новаго Завѣта добавку дѣлаемъ, а евреи думаютъ, что имъ добавки не надо, а довольно и одно то соблюсти, что въ старомъ законѣ отъ Моисея показано.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Матери Ѳедора и Абрама не твердо разумѣли, что̀ ихъ религіи подробно касается, а знали по-женски одно наружное. Знали онѣ, напримѣръ, что жидовкамъ въ свое время надо въ ванну лазить и окунаться по обязанности, а крещенымъ женщинамъ—заведено мыться только когда понадобится; или, что христіанамъ можно ѣсть свинину, а жидамъ свиное мясо запрещено и не позволено. Прочаго же, что̀ есть главное въ томъ и въ другомъ законѣ, онѣ до тонкости не понимали, и молились по-своему, каждая про себя, какъ была научена въ дѣтствѣ. Больше же всего обѣ онѣ

жили съ тою заботой, чтобы въ сосѣдствѣ по-домашеству имъ одной отъ другой было какъ можно удобнѣе и чтобы не оказать никакой другъ другу помѣхи.

Старый, потаенный христіанинъ и еврей, какъ настало время ихъ мальчикамъ учиться, не захотѣли ихъ разлучать, и чтобы въ этомъ не было помѣхи, свели Ѳедора и Абрама къ одному мастеру, который и научилъ ихъ греческой грамотѣ. Оба мальчика хорошо занялись и такъ полюбили грамоту, что рвались къ ней въ несытость. Мало имъ было того, чему въ школѣ у мастера научатся, а они еще, какъ придутъ домой, опять и дома тоже продолжали заниматься. Какъ только поѣдятъ, сейчасъ опять сойдутся на огородѣ, сядутъ подъ деревцомъ, обоймутся и опять вмѣстѣ читаютъ — про разныя страны и про разныя вѣры. Одну за другою, много книгъ они прочитали, и все съ хорошею памятью, такъ что мастеръ обоихъ ихъ хвалилъ и всѣмъ другимъ въ примѣръ ставилъ. Одобрялъ онъ ихъ и за науку, и хвалилъ за добронравіе, такъ какъ они вышли дѣти тихія, согласныя и ласковыя.

Такъ Ѳедоръ и Абрамъ росли своимъ роднымъ на утѣшеніе, а посторонним въ хорошій примѣръ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отцы и матери Ѳедора и Абрама, каждый на своемъ языкѣ и по своей вѣрѣ, благодарили Бога, что мальчики такъ умны и послушны, и радовались ихъ согласію. Въ обѣихъ семьяхъ сосѣдскаго сына привѣчали наравнѣ съ своимъ: Ѳедоръ ли прибѣжитъ къ Абрамовымъ родителямъ, старый еврей и еврейка были съ нимъ ласковы, все равно какъ съ своимъ, и такъ же точно, если Абрамъ приходилъ къ товарищу, то и Ѳедоровы отецъ съ матерью обращались съ Абрамомъ всегда ласково, только свининой его не угощали.

А мастеръ, къ которому Ѳедоръ и Абрамъ ходили учиться книжной мудрости, былъ грекъ еще стараго эллинскаго наученія и самъ вышелъ изъ старинныхъ философскихъ школъ. Его звали Панфилъ. Онъ былъ человѣкъ справедливый и умный и въ дѣтяхъ старался насадить и укрѣпить ту же самую любовь къ справедливости. Онъ не только училъ ихъ по книгамъ, но и на словахъ давалъ всѣмъ правильное наставленіе къ жизни, чтобы никто одинъ

другого не уничижалъ и никто другъ надъ другомъ ничѣмъ не превозносился, потому что если есть въ комъ что-нибудь болѣе превосходное, чѣмъ въ другомъ, то это въ человѣкѣ не есть его собственное и имъ при рожденіи не выслужено, а отъ Бога даромъ ему пожаловано. Ни красотой тѣла, ни природой родителей своихъ, ни ихъ богатствомъ и знатностію,—ничѣмъ у Панфила ученики другъ передъ другомъ не хвастались. И черезъ это, хотя въ школѣ у Панфила было много дѣтей изъ всего «разсѣянія», то-есть разныхъ вѣръ, но всѣ они были пріучены жить какъ дѣти одного Отца, Бога, создавшаго небо и землю, и всяческое дыханіе—эллина же и іудея.

Поучившись книжному мастерству, дѣти вмѣстѣ шли по домамъ, весело между собою говоря и играя, особенно Ѳедоръ съ Абрамомъ, которые сжились, какъ братья. Но вдругъ вышло новое повелѣніе, чтобы школамъ не быть для всѣхъ вмѣстѣ, по-старому, а чтобы раздѣлиться по вѣрамъ. Такъ и стали заводить. И тогда надъ всѣми школами уставили особливый досмотръ слѣдить, чтобы дѣти одни съ другими не мѣшались, и поставлены были особые смотрители, которыхъ называли «младопитателями».

Начали младопитатели все смотрѣть, во все вникать и обо всемъ распытывать,—не только чему мастера въ своихъ школахъ учатъ, но и что̀ родители своимъ дѣтямъ дома внушаютъ. Захотѣли въ-разъ все передѣлать, за единый вздохъ.

Одинъ такой младопитатель утвердился надъ тою школой, гдѣ учились Ѳедоръ съ Абрамомъ, и началъ онъ у Панфила спрашивать:

— Объясни мнѣ, Панфилъ, какъ ты вѣруешь и какую вѣру превозносишь, а какую опровергаешь?

Панфилъ отвѣчалъ:

— Господинъ, произволеніемъ Творца людямъ не одинаково явлено во что вѣрить, и у насъ между всѣхъ есть много разныхъ вѣръ, и не въ этомъ зло, а зло въ томъ, что каждый изъ людей почитаетъ одну свою вѣру за самую лучшую и за самую истинную, а другія безъ хорошаго разсужденія порочитъ. А какъ я самъ всѣхъ вѣръ не знаю, то объ истинѣ ихъ во всей полнотѣ судить не могу, и я потому ни одной вѣры противъ другой не унижаю и ни одну не превозношу, такъ какъ это до меня совсѣмъ не касающее.

Младопитатель удивился.

— Зачѣмъ же,—говоритъ,—ты этакъ лукаво умствуешь? Это такъ нельзя.

Панфилъ отвѣчаетъ:

— Такъ я, по крайней мѣрѣ, ни въ какую ошибку никого не ввожу.

— Что̀ за важная вещь ошибиться! Всѣ ошибаются—это можно покаяніемъ исправить; но мы знаемъ истину и должны ее всѣмъ оказать. Надо, чтобы между людьми было по ихъ вѣрамъ раздѣленіе.

— Для этого,—отвѣчаетъ Панфилъ:—у всякаго въ своей вѣрѣ есть наставники, которые всѣхъ раздѣлить постараются, а въ училищѣ я только о томъ забочусь, чтобъ у дѣтей въ постиженіи разума никакого раздѣленія не было, а больше бы крѣпли любовь и согласіе.

Младопитатель не похвалилъ:

— Это,—говоритъ,—у тебя нехорошо отъ ученыхъ разсужденій развилось. Надо такъ, чтобы всякій отрокъ отъ младыхъ ногтей особо себя понималъ и жилъ всякъ по своей вѣрѣ.

Мастеръ не согласился и сказалъ:

— Я этого внушать не могу.

Стали другъ другу отвѣчать и спорить, но согласиться не могли: и у одного, и у другого на все нашлись доказательства.

Младопитатель только тѣмъ взялъ верхъ, что сказалъ:

— Ты меня долженъ слушаться: я—начальникъ и твои разсужденія мнѣ знать не нужно.

Тогда Панфилъ отвѣтилъ:

— Хорошо, если все по твоей волѣ должно дѣлаться, то тебѣ дѣйствительно отъ разсудка приводить нечего; но ты помилосердуй—не понуждай меня разлучать дѣтей. Мои ученики еще молоды и у нихъ слабый, лысый размыслъ, ребячій. Когда они придутъ въ возрастъ и разумомъ окудрявятся, тогда они сами, по своимъ смысламъ въ вѣрѣ, разберутся, а пусть добрый навыкъ согласія дѣтскаго при нихъ останется.

Младопитатель опалился гнѣвомъ:

— Что такое есть земное согласіе?! Надо достигать истины.

А Панфилъ опять проситъ:

— Да ты взгляни,—говоритъ,—на ребятокъ-то: вѣдь они теперь всѣ еще молоды лѣтами и умомъ всѣ лысы, не крѣпки, — ничего того, что большихъ понятій требуетъ, они понимать еще не могутъ. Помилосердуй, пожалуйста, оставь раздѣленіе ихъ надольше, а пока пусть они всѣ вмѣстѣ учатся, пусть отъ младыхъ ногтей обыкнутъ соблюдать миръ душевный и другъ къ другу общую любовь. Тогда и разница въ особливыхъ понятіяхъ не разъединитъ сердецъ ихъ.

Младонитатель головой замоталъ.

— Намъ твое разсужденіе,—говоритъ,—теперь не подъстать. Мы теперь заводимъ все по-своему и скоро во всемъ свѣтѣ все будетъ только по-нашему. Что̀ мы хотимъ, то всякій долженъ отъ самыхъ молодыхъ ногтей постичь и это передо всѣми на видъ оказывать. А ежели кто разсуждаетъ такъ, какъ ты судишь, то тотъ теперь къ дѣлу ненадеженъ, и я тебѣ такъ учить не позволю.

Панфилъ подулъ въ свою бороду, вздохнулъ и молвилъ:

— Значитъ, быть по-твоему. На тебѣ власть и я тебѣ покоряюсь. Не позволяешь мнѣ такъ вести, какъ я умѣю, то и не надо: я свою школу прикончу и учениковъ отпущу.

— Да, отпусти, — отвѣчалъ младонитатель: — а чтобъ и другимъ не повадно было, я твои двери на семь печатей припечатаю.

И припечаталъ. Школа прикрылась. А Панфилъ созвалъ дѣтскихъ отцовъ и говоритъ:

— Вотъ вышелъ такой приказъ, котораго я исполнить не могу, и младонитатель школу мою припечаталъ. Ведите теперь каждый свое дитя къ другимъ мастерамъ по раздѣленію вѣры вашей. У меня они худу не научились, а тамъ дай имъ Богъ научиться еще лучшему.

Пожалѣли отцы, что надо брать дѣтей отъ кроткаго Панфила, однако, подчинились чему надо и развели дѣтей въ другія школы, каждый по раздѣленію вѣръ своихъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мальчики Ѳедоръ и Абрамъ тутъ только впервые разлучились. Отвели Ѳедора въ особливую школу для христіанъ, гдѣ былъ учитель, который почиталъ себя всѣхъ праведнѣе, а Абрама отецъ свелъ въ хедеръ къ жиду, который считалъ себя всѣхъ умнѣе и изъ всѣхъ созданныхъ чище. Онъ весь

жидовскій талмудъ выучилъ и наизусть зналъ всѣ правила, по которымъ всѣ люди другой вѣры почитаются «погаными».

Оба новые учителя на самомъ первомъ шагу сказали своимъ ученикамъ, чтобы никто съ учениками изъ чужихъ школъ и въ шутку не баловалъ, а если кто не послушается и станетъ играть, тому въ школѣ лозой пригрозили.

А чтобы дать дѣтямъ растолкованіе, одинъ сказалъ:

— Богъ только съ одними съ нами въ самомъ лучшемъ родѣ обходится и одно наше все чистое, а всѣхъ другихъ Богъ гораздо меньше насъ любитъ, и всѣ другіе — поганые, а все, что при нихъ есть, это тоже все поганое. Что у нихъ есть, все надо отнять да снести освятить и потомъ себѣ взять. Тогда оно очистится, а самому съ погаными послѣ того опять не знаться. Кто же съ нимъ по простотѣ поведется, тотъ самъ опоганится, и Богъ за него не станетъ заступаться, а я его безъ всякаго милосердія лозой застегаю, а потомъ отдамъ его другому начальнику, а другой отдастъ его еще третьему, и дойдетъ до того, что ему на свѣтѣ живымъ не остаться. А потомъ его, послѣ смерти, еще на томъ свѣтѣ опять будутъ мѣднымъ вѣникомъ въ огненной банѣ парить и посадятъ на раскаленный желѣзный стулъ и все будутъ мучить безконечные вѣки.

Другой учитель не уступилъ этому и тоже одно свое все чистымъ называлъ, а чужое все испоганилъ, и также отданныхъ ему въ науку ребятъ обѣщался до смерти избить, а послѣ смерти лишить ихъ всѣхъ радостей.

Какъ въ первый разъ ученики вышли изъ школъ, гдѣ услыхали такія наставленія, такъ и почувствовали, что на нихъ взаправду рознь есть. Вмѣсто то, чтобы по-ребячьи другъ съ другомъ водиться на волѣ, они сейчасъ же вспомнили учительское наставленіе и начали другъ противъ друга становиться и покрикивать:

— Не подходи: ты—поганый.

А другіе отвѣчали: «ты самъ—поганый».

Ѳедоръ слышалъ, какъ это говорили про Абрама, а Абрамъ слышалъ, какъ поганили Ѳедора.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вернувшись домой, Ѳедоръ и Абрамъ въ первый разъ не знали, можно ли имъ попрежнему вмѣстѣ сойтись.

Похватавши хлѣбца у матерей, побѣжали они по при-

вычкѣ на огородъ, на то самое мѣсто, гдѣ всегда играли; но другъ до друга не добѣжали, а стали одаль, какъ будто между ними какая-нибудь размѣтка была положена.

Стоятъ, жуютъ и одинъ на другого исподлобья посматриваютъ, а ближе не подходятъ.

Наконецъ, одинъ заговорилъ:

— Намъ,—говоритъ,—теперь заказано, чтобы съ вами не водиться.

А другой отвѣчаетъ:

— И намъ то же самое.

Помолчали.

— Про васъ нашъ учитель говорилъ, что вы—поганые.

— И нашъ про васъ говорилъ, что вы—поганые.

— Нѣтъ, мы не поганые,—намъ нашъ Богъ особливый законъ далъ, намъ свинью ѣсть нельзя, а вы ѣдите.

— А вы ее отчего не ѣдите?

— Я не знаю.

Опять помолчали.

— А что она, свинья, вкусная или нѣтъ?

— Если мать ее съ черносливомъ и маслиной испечетъ, такъ она очень вкусная.

Абрамъ задумался. Ему давно приводилось нюхать посомъ у Ѳедора, какъ сладко пахнетъ свинина съ черносливомъ, и у него теперь подъ языкомъ защекотало.

Абрамъ плюнулъ и сказалъ:

— Поганое!

Ѳедоръ говоритъ:

— Моя мать не печетъ поганаго... А у насъ школа лучше вашей.

Отвѣчаетъ Абрамъ:

— А наша еще лучше вашей. У насъ меламедъ въ сивыхъ кудряхъ и все знаетъ.

— И нашъ все знаетъ!

— Нашъ про васъ знаетъ, что вы—поганые, а мы—чистые.

— Да это и нашъ говоритъ, что вы—поганые.

— Ну, такъ погоди, я объ этомъ отцу скажу.

Оба разсказали отцамъ, а потомъ сошлись и опять перекоряться начали:

— Отецъ говоритъ, что вашъ учитель пустяки вретъ.

— А мой отецъ говоритъ, что вашъ учитель пустяки вретъ.

Пошли съ этихъ поръ всякій день считаться и скоро послѣ того Ѳедоръ и Абрамъ, отъ рожденія своего дружные, начали другъ друга поталкивать да съ кулаками одинъ на другого наскакивать.

— Ахъ, ты, жидъ!—говоритъ одинъ.

А другой отвѣчаетъ:

— Ахъ, ты, гой-изувѣрный!

Пошло дальше, въ томъ же родѣ, и у другихъ. Гдѣ только встрѣтятся дѣти разновѣрныхъ отцовъ, такъ ужъ имъ и не охота другъ съ другомъ въ ладъ между собою забавляться, а охотнѣе стало мануться, чтобы другъ друга осмѣять, да выругать, и притомъ непремѣнно какъ-нибудь самымъ обиднымъ манеромъ, чтобы чужой вѣры или отца съ матерью коснуться.

Всѣ еще понимали въ разности вѣръ очень мало, и то одно только самое поверхностное, а спорили очень много и часто заканчивали свои споры драками.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Изъ-за дѣтей вскорѣ и отцы начали ссориться, и сами тоже стали учить дѣтей, чтобы не сходились.

— Черезъ васъ, дескать, теперь только стала распря.

Ѳедорова мать и Абрамова мать пошли разъ на огороды, чтобы поискать сыновей, и видятъ, что ихъ сыновья стоятъ другъ противъ друга на межѣ и толкаются, а у самихъ у обоихъ глаза горятъ и оба другъ на друга кулачонки сучатъ.

Одинъ покрикиваетъ: «Подойди-ка, подойди!» и другой—тоже.

Матери ихъ развели. Всякая взяла себѣ подъ рукавъ своего и говорятъ:

— Удивительно, отчего прежде они никогда не ссорились. Это, вѣрно, твой моего задирать началъ.

А другая отвѣчаетъ:

— Съ какой стати берешь на моего говорить? Мой всегда смирный, а это твой задираетъ.

Начали спорить: «твой—этакой», а «твой—этакой», и разругались.

— Чтобъ нога твоего,- говоритъ,—на нашъ огородъ не вступала.

И другая сказала то же.

И взяла одна камней набрала и стежку проложила, чтобы за этотъ рядокъ Ѳедоръ съ Абрамомъ и переступать не могли.

А другая говоритъ:

— Я сама еще рядокъ камешковъ подброшу.

Стала камни швырять, да, въ сердцахъ, одна камнемъ въ сосѣдку попала. Та завизжала.

Кинулись другъ на дружку и начали одна на другой платье рвать, да въ глаза плеваться. Дѣти за ними. Сдѣлалась драка, и поднялся такой большой шумъ, что услыхали другіе сосѣди и тоже выскочили на огородъ смотрѣть, какъ двѣ бабы дерутся, а ребятишки имъ помогаютъ. Услыхали, наконецъ, и отцы Ѳедора и Абрама, что ихъ жены и сыновья дерутся, и прибѣжали и стали ихъ разнимать, да вмѣсто того сами подрались. А сосѣди, которые видѣли драку, глядятъ черезъ заборы и руками пока не вмѣшиваются, но стараются помогать молитвами.

А потомъ тѣ и другіе не вытерпѣли, перелѣзли черезъ загородки и стали каждый своими кулаками подсоблять, и вышло общее побоище.

Пришли военные и ихъ разогнали, а тѣхъ, кто началъ драку, за клинъ посадили и ноги имъ въ колодки забили, а правителю доложили, что всѣ эти люди за вѣру ссорятся.

Правитель велѣлъ христіанина выпустить, а жида еще побить и съ него штрафъ взять, чтобы другимъ не повадно было съ крещеными ссориться.

Прежнихъ сосѣдскихъ ладовъ между Ѳедоровымъ отцомъ и Абрамовымъ съ сей поры какъ и не было. Вмѣсто пріязни настало такое неудовольствіе, что изъ нихъ ни одинъ другъ на друга и смотрѣть не могъ безъ гнѣва. А чтобы впередъ еще драки не было, они разгородились высокимъ каменнымъ заборомъ, такъ, чтобы никто на сосѣдское мѣсто и заглядывать не могъ. Такъ прежніе добрые сосѣди состарились и въ распрѣ другъ съ другомъ померли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

А время шло впередъ, какъ ему Богомъ указано, и Ѳедоръ, и Абрамъ выросли, отучились и стали хозяйствовать. Оба они продолжали дѣла, которыми ихъ отцы занимались.

Ѳедоръ торговалъ съ заморскими городами, а Абрамъ золотыя и серебряныя вещи дѣлалъ. Оба жили въ достаткахъ, но другъ съ другомъ попрежнему, какъ въ дѣтствѣ было дружно, уже не сходились, пока пришелъ одинъ особый случай.

Гулялъ разъ Ѳедоръ, въ праздничный день, въ загородномъ мѣстѣ, за рощами надъ заливомъ, и видитъ, что нѣсколько человѣкъ изъ тѣхъ, съ которыми онъ вмѣстѣ въ одной школѣ учился, напали на Абрама, отняли у него золотыя кольца и самого его бьютъ да приговариваютъ:

— Вотъ какъ тебѣ, жидъ, чтобы ты нашъ праздникъ почиталъ и не смѣлъ бы работать и ходить съ непочтеніемъ.

Ѳедору вспомнилось дѣтство и жалко стало Абрама: за что его обижаютъ? Ѳедоръ и вмѣшался.

— Для чего, — говоритъ, — вы его обижаете? Какое зло онъ вамъ сдѣлалъ?

А тѣ отвѣчаютъ:

— Онъ нашей вѣрѣ непочтеніе сдѣлалъ.

— Какое же непочтеніе?

— Онъ въ нашъ праздникъ работу разноситъ и, какъ шелъ мимо воротъ, гдѣ ликъ написанъ, головы не открылъ.

А Ѳедоръ, такъ какъ зналъ Евангеліе и законъ еврейской набожности, то и говоритъ:

— Вы не въ правѣ поступаете. Работать никогда не грѣхъ. Сказано: если у тебя овца упадетъ въ яму, развѣ ее, хоть и въ праздникъ, не вытащишь? И за непоклонъ головы вы съ него напрасно взыскиваете: это не обида, потому что по-нашему передъ святыней надо голову открыть, а по-ихнему обычаю это какъ разъ наоборотъ уставлено: у нихъ надо передъ святыней непремѣнно съ покрытой головой быть, а открыть голову—значитъ непочтеніе.

Это дѣйствительно такъ было, какъ объяснялъ Ѳедоръ, но ему не повѣрили и всѣ заговорили:

— Ты врешь: какъ можно передъ святыней покрывши голову быть? Это ты выдумываешь!

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я вѣрно знаю и говорю правду.

— А почему тебѣ такая правда извѣстна, а намъ неизвѣстна? Мы всѣ въ одномъ мѣстѣ учились.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Я ранѣе школы дома объ ихъ вѣрѣ въ книжкахъ читалъ.

— А-га... Ну, такъ ты, — говорятъ, — вѣрно и самъ потаенный жидъ.

И набѣжало еще со всѣхъ сторонъ много людей, справлявшихъ праздникъ, и стали спрашивать:

— Что̀ здѣсь за шумъ и за что̀ ссорятся?

А прежніе стали скоро, частоговоркой, разсказывать, что вотъ поймали жида съ непочтеніемъ, а Ѳедоръ, хотя и крещеный, но за жидовскую вѣру заступается и свою ниже ставитъ. А тѣ люди, не разобравши дальше, отвѣчаютъ Ѳедору:

— Ты виноватъ!

— Чѣмъ?.. Я никому зла не сдѣлалъ.

— Какъ, — говорятъ, — зла не сдѣлалъ! А развѣ ты за жида не заступился?

Ѳедоръ не солгалъ и хотѣлъ разсказать, изъ-за чего вышло то дѣло, въ которомъ онъ заступился за Абрама, но его перебили и всѣ закричали:

— Это все равно: если ты жидовскій обычай оправдываешь и съ своими равняешь, то это все равно, что ты жидовскую вѣру хвалишь. Примите же и честь одинаковую.

И стали всѣ бить ихъ обоихъ вмѣстѣ — и Абрама, и Ѳедора.

Избили ихъ и оставили обоихъ въ рощѣ, въ темномъ мѣстѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ѳедоръ съ Абрамомъ долго пролежали тутъ безъ памяти, а ночью, при прохладѣ, пришли понемножку въ себя и стали, другъ на друга опираючись, ползти домой. А какъ они добрались передъ свѣтомъ до дому, то Абрамъ сказалъ Ѳедору:

— Другъ Ѳедоръ! ты оказалъ мнѣ правду и милосердіе. Я твой должникъ буду на всю мою жизнь, а еще мнѣ всего дороже то, что ты человѣкъ справедливый и Бога больше, чѣмъ людей, боишься.

Ѳедоръ отвѣтилъ:

— Другъ Абрамъ! это и не должно быть иначе: такъ намъ Іисусъ Христосъ велѣлъ, а я хочу быть Его ученикъ.

Абрамъ говоритъ:

— Да, но не всѣ ученики твоего Учителя понимаютъ Его ученіе такъ, какъ ты.

— Что же дѣлать,—отвѣчалъ Ѳедоръ.—Вѣдь и у евреевъ то же самое: внушенія человѣческія для многихъ закрываютъ заповѣди божескія.

— Правда,—молвилъ Абрамъ и, вздохнувъ, добавилъ:— поймутъ ли когда-нибудь всѣ люди истину, что Творецъ не желаетъ въ нихъ раздѣленія?

— Поймутъ всѣ, только не въ одно время.

— Приблизь, Господь, это время.

Ѳедоръ улыбнулся.

— Вотъ,—говоритъ.—Абрамъ, мы съ тобой въ дѣтяхъ другъ друга любили, когда вмѣстѣ играли и вмѣстѣ подъ однимъ кустомъ спали, а потомъ люди насъ заставили врознь быть. А сейчасъ ты, я думаю, не замѣтилъ, что̀ сталось: мы вѣдь вмѣстѣ одною молитвой къ Богу помолились!..

Абрамъ говоритъ:

— Пусть живетъ въ васъ духъ Учителя вашего, а не иныхъ, кои имя Его знаютъ, да духа Его не имѣютъ.

Послѣ этого они стали опять пріятелями и, по старой дѣтской привычкѣ, находили большое удовольствіе, чтобы послѣ трудовъ другъ съ другомъ постоять и поговорить.

Въ дома они одинъ къ другому не входили, потому что боялись, чтобы черезъ это не увеличить молву, которая про нихъ была пущена. Про Ѳедора свои говорили, будто онъ потому за жида заступался, что самъ втайнѣ предается жидовству и даже на молитвѣ по-жидовски скачетъ: а про Абрама жиды сочиняли, что онъ свиное ухо съѣлъ и Моисеевъ законъ оставляетъ и тайно къ христіанамъ присталъ, чтобы войти въ милость у властителей. И обоимъ имъ и отъ семейныхъ, и отъ своихъ общественныхъ людей выпадали досадные попреки.

А на самомъ дѣлѣ ничего этого не было. Ѳедоръ и Абрамъ—оба оставались по вѣрѣ, какъ были: кто въ которой родился, тотъ въ той и пребывалъ. И какъ они въ дѣтствѣ своемъ никогда не спорили, чья вѣра лучше или богоугоднѣе, такъ же и теперь никакихъ споровъ о вѣрѣ не заводили. Напротивъ, они какъ бы крѣпче увѣрились, что и въ одной, и въ другой вѣрѣ во всѣхъ отношеніяхъ

можно себя руководствовать, если только понимать вѣру правильно и не имѣть лукавыхъ замысловъ и вредныхъ для мира привычекъ.

А когда они въ этомъ укрѣпились, то если у нихъ послѣ того заходилъ разговоръ, то онъ только въ тихую и пріятную бесѣду обращался.

Ѳедоръ сказалъ разъ Абраму:

— Мнѣ жалостно видѣть, сколько черезъ споры о вѣрѣ сдѣлалось распрей въ людяхъ.

А Абрамъ ему отвѣтилъ:

— Этому такъ и слѣдуетъ быть. Если очи наши не на одинаковую даль и не на равную высь видѣть могутъ, то кольми паче пониманіе не одинаково все постигать можетъ, а должно разнствовать. Если бы это не было угодно Богу, то всѣ бы люди одинаково все видѣли и одинаково понимали; но Богъ не такъ создалъ, а создалъ различіе въ пониманіи. Оттого и разныя вѣры.

Ѳедоръ согласился.

— Это такъ,—говоритъ,—но только распри, которыя черезъ это настаютъ, душѣ моей тягостны.

— Распри,—отвѣчалъ Абрамъ: — тоже отъ непониманія, что всѣ вѣры къ одному Богу ведутъ. Кто умный богочитель, тотъ во всякой вѣрѣ пожелаетъ почтить ея истину.

Опять согласился Ѳедоръ.

— Да,—говоритъ,—я давно думаю, что вотъ и твои единовѣрцы напрасно негодуютъ на Христа. Они сами не понимаютъ, что Онъ одно добро желалъ сдѣлать всѣмъ людямъ, и за то и убитъ отъ злобы непонимавшихъ.

Абрамъ согласился.

— Словъ нѣтъ, что твоя правда,— сказалъ Абрамъ.— Мужъ Галилейскій, о Которомъ ты говоришь, честенъ, святъ и премудръ, а не понимаютъ Его не только худые изъ Моисеевыхъ учениковъ, которые мнятъ тѣмъ ненавидѣніемъ службу приносить Богу, но не понимаютъ многіе и твои единовѣрцы, и это тѣмъ жалче, что сіи даже Богомъ Его почитаютъ, а Его добраго святого ученія и по человѣчеству не исполняютъ. Жалѣй, другъ мой Ѳедоръ, объ этомъ, ибо чрезъ это вы другимъ не можете открыть Іисуса во всей силѣ Его побѣждающаго завѣта и иныхъ о себѣ смущаете и заставляете сомнѣваться въ вѣрѣ вашей.

Ѳедоръ вздохнулъ и сказалъ:

— Абрамъ, ты меня борешь!

А Абрамъ отвѣчалъ:

— И ты меня борешь! Не спорить надо о Богѣ, а стараться жить въ мирѣ.

Абрамъ приложилъ большіе персты своихъ рукъ къ глазамъ и голосно, по-жидовски пропѣлъ:

— «Умейнъ!» т. е. аминь, или по-нашему «истинно».

Ѳедоръ обнялъ его изо всей силы и, прижавъ къ сердцу, прошепталъ:

— Онъ теперь среди насъ.

Абрамъ говоритъ:

— Ну, такъ что жъ? Побудь съ нами, мужъ Галилейскій!

Ѳедоръ растрогался и заплакалъ:

— Побудь! — молитъ. — Останься! Мы сотворимъ Тебѣ сѣню.

А Абрамъ опять ударилъ:

— «Умейнъ!»

И такъ точно разговоры о вѣрѣ никогда не смущали согласія Абрама и Ѳедора. Они опять ходили въ свой разгороженный огородъ и, подмостившись на скамейкахъ, бесѣдовали черезъ стѣну, но только не надолго этого стало.

Вѣрѣ, надеждѣ и любви скоро пришло испытаніе.

Ѳедоръ и Абрамъ стали мирны, да вокругъ ихъ все уже инымъ духомъ взялось и все, что̀ случится, оборачивалось имъ въ смущеніе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

У Ѳедора начались разныя бѣды — и все одна за другою. Одна бѣда точно вела за собою другую. Ѳедоръ сначала сдѣлался нездоровъ и долго лежалъ, а потомъ стали у него болѣть дѣти и ни одинъ не выздоровѣлъ, а всѣ другъ за другомъ умерли, а потомъ умерла и его молодая жена, которую онъ любилъ и имѣлъ отъ нея большую помощь въ хозяйствѣ.

Ѳедоръ въ этихъ горестяхъ ослабѣлъ душою и сталъ неаккуратно смотрѣть за дѣлами, а его наемные люди, хоть они были и крещеные, а не пожалѣли его и этимъ его несчастіемъ воспользовались и много расхитили. Послѣ же всего одинъ его должникъ, которому Ѳедоръ вѣрилъ какъ брату, сильно его обманулъ и присягнулъ, что долгъ ему

отдалъ. Ѳедорово хозяйство отъ всего этого сильно пошатнулось, и онъ закручинился. А люди стали о немъ толковать и со всѣхъ сторонъ ему говорили:

— Раздумайся: за что̀ такъ тебя Богъ наказываетъ? Вѣрно это на тебя посылается за то, что ты живешь въ дружбѣ съ жидомъ, врагомъ вѣры христіанской.

Ѳедоръ такимъ внушеніямъ не вѣрилъ и словъ этихъ не любилъ слушать, а отвѣчалъ:

— Вы мнѣ не утѣшеніе дѣлаете, а одну досаду. Вы сами не знаете, что̀ говорите; намъ Христосъ никого не позволилъ ненавидѣть, а всѣхъ приказалъ любить.

— Только,—говорятъ,—не жидовъ.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Этого въ Евангеліи не сказано.

— Жидъ—врагъ нашей вѣрѣ.

— Онъ враждуетъ, если не понимаетъ, чему учитъ наша вѣра, а глядя на насъ о ней судитъ. Это мы виноваты, потому что мы еще злы и не исправляемся и не живемъ по Христову наставленію. Сосѣдъ Абрамъ никогда мнѣ моей вѣры не порочилъ и даже объ ученіи Христовомъ разсуждаетъ съ почтеніемъ; а если бы онъ и врагъ былъ, то и тогда я, какъ христіанинъ, обязанъ былъ бы о немъ, какъ о врагѣ, милосердовать, чтобы волю Христову исполнить. Или забыли, что Христосъ на крестѣ за Своихъ враговъ молился?

Ему отвѣчаютъ:

— Намъ съ Христомъ себя не ровнять — Онъ Богъ, а мы люди. Ты богохульствуешь.

— Нѣтъ, я не богохульствую, — отвѣчалъ Ѳедоръ: — а я только говорю, что Христу надо слѣдовать, и когда другіе люди нашу доброту увидятъ, они скорѣе нашу вѣру любить станутъ. Въ этой добротѣ мы Христа своего всему міру явить можемъ на уваженіе.

Люди на это только больше разсердились, а среди ихъ былъ одинъ Никодимъ-муроварникъ, который продавалъ муро,—онъ сталъ всѣмъ сказывать, что Ѳедора грѣшно и слушать, потому что Ѳедоръ теперь уже проклятъ, яко другъ жидовиновъ, и Никодиму будто во снѣ явлено, что Ѳедору дальше не будетъ ни въ чемъ удачи, а нападутъ на него еще бо̀льшія бѣды, и тому, кто съ Ѳедоромъ водиться станетъ, тоже ни въ чемъ удачи не будетъ.

Ѳедоръ и этому не внималъ и не боялся быть отъ всѣхъ покинутымъ, а разсуждалъ такъ, что онъ худа не дѣлаетъ, храня дѣтскую дружбу съ Абрамомъ, человѣкомъ честнымъ, который свою вѣру держитъ, а чужой не порочитъ и даже хорошее въ ней хорошимъ называетъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Абрамъ пришелъ къ Ѳедору и сказалъ безъ всякаго гнѣва:

— Другъ Ѳедоръ, я узналъ, что твои люди на тебя въ большомъ неудовольствіи за твое ко мнѣ расположеніе. Какъ бы для тебя отъ этого худо не вышло.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Другъ Абрамъ, я люблю тебя и не могу дѣлать иначе. Въ отрочьемъ вѣкѣ насъ съ тобою было разбили, но теперь, въ возрастѣ, мы этого надъ собой не допустимъ. Только душа моя ослабѣваетъ отъ большихъ несчастій. Неужели и вправду Богъ меня кинулъ?

— Счастіе и несчастіе смѣняются въ жизни,—отвѣчалъ Абрамъ.—Богъ, Который создалъ и христіанина, и еврея, и темнаго язычника, — никому не открылъ тайны судьбы ихъ. Люди дерзки, когда они хотятъ проницать тайну Бога и толкуютъ по-своему, за что человѣку отъ Бога посылается счастіе или несчастіе. Это какъ по нашей, такъ и по вашей вѣрѣ совсѣмъ не человѣческое дѣло разбирать и раскладывать. Наше человѣческое дѣло — помогать, чѣмъ можемъ, другъ другу; къ пріязни нашей теперь подваленъ большой камень, а потому и тебѣ будетъ трудно, да и мнѣ страшно, если тебя постигнетъ еще какое-нибудь бѣдствіе. А потому, прошу тебя, не стѣсняйся дружбой ко мнѣ и покажи, что ты мною пренебрегаешь, а я въ душѣ моей за это на тебя не обижусь.

Въ Ѳедорѣ отъ этихъ словъ даже сердце заныло.

— Нѣтъ,—говоритъ,—Абрамъ, ты мнѣ другъ отъ младыхъ ногтей и никогда меня ничѣмъ не обидѣлъ, и я тебя не могу обидѣть такимъ обхожденіемъ.

— Ну, смотри, какъ знаешь, — отвѣчалъ Абрамъ и, поцѣловавъ Ѳедора, добавилъ сквозь слезы: — Богъ одинъ знаетъ, къ чему эти испытанія; но будемъ другъ другу вѣрны—и Богъ не постыдитъ нашей вѣрности.

Такъ друзья днемъ между собою говорили, а ночью собрались надъ ихъ городомъ тучи, ударилъ съ неба громъ

и спалилъ въ одно мгновеніе весь домъ Ѳедора и всѣ его амбары и кладовыя, гдѣ у него лежали товары, которые онъ только-что хотѣлъ посылать за море.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Послѣ этой бѣды отшатнулись отъ Ѳедора всѣ, какъ отъ чумнаго, и стали вѣрить, что съ нимъ и знаться не слѣдуетъ, потому что на немъ въявѣ гнѣвъ Божій.

Ѳедоръ стоитъ на своемъ пожарищѣ унылый и думаетъ: «Мнѣ ни отъ кого не будетъ помощи».

А знакомый голосъ кличетъ его изъ-за забора.

Ѳедоръ поднялъ голову и видитъ лицо Абрама.

— Что ты тужишь?—говоритъ Абрамъ.—Въ бѣдѣ надо скорѣй поправляться.

А Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Нечѣмъ мнѣ мою бѣду поправлять: я все до тла потерялъ и теперь мнѣ не за что взяться.

— Я тебѣ денегъ дамъ взаймы на разживу.

— Ты смѣешься, Абрамъ!

— Нѣтъ, не смѣюсь.

— Мнѣ теперь, чтобы поправиться, надо, по крайней мѣрѣ, тысячу литръ золота.

— А что же ты съ ними сдѣлаешь?

— Я опять накупилъ бы цареградскихъ товаровъ, отплылъ бы въ Александрію, тамъ бы продалъ все за тройную цѣну и долгъ бы отдалъ, и себѣ бы нажилъ.

— Что же, это хорошо,—приходи и возьми себѣ у меня въ долгъ тысячу литръ золота.

— А кого же я тебѣ поставлю порукой, что я тебя не обману и долгъ отдамъ?

— Не надо мнѣ поруки. Пусть будетъ намъ наша дѣтская дружба порукой.

Ѳедоръ говоритъ:

— Какъ люблю Іисуса Христа, такъ ручаюсь тебѣ, что я тебя не обману.

А Абрамъ отвѣчаетъ:

— Знаю, какъ ты Его почитаешь, и потому еще болѣе теперь вѣрю. Ты Его имя напрасно не скажешь. Ни и бери деньги.

— А если мнѣ будетъ неудача, и ты тогда станешь думать, что я Христомъ не подорожилъ?

— Нѣтъ, я знаю, что ты человѣкъ вѣрный. Иди ко мнѣ и бери скорѣй тысячу златницъ, снаряжай корабль и плыви съ товаромъ въ Александрію.

Ѳедоръ написалъ Абраму должную расписку и подписалъ ее, а Абрамъ отсчиталъ Ѳедору тысячу златницъ, и тотъ накупилъ нужныхъ для Александріи цареградскихъ товаровъ, нагрузилъ все на корабль, распростился и поплылъ въ Египетъ.

Всѣ удивлялись, откуда Ѳедоръ взялъ столько денегъ, чтобы такъ легко справиться, и говорили между собою: «вѣрно у него деньги въ землѣ были припрятаны». А Ѳедоръ, когда настало время отчалить его кораблю, зашелъ къ Абраму проститься и, благодаря его еще разъ, сказалъ:

— Вѣрь же, другъ Абрамъ, что я тебя не обману и не поставлю въ фальшь имени Іисуса.

Абрамъ отвѣчалъ:

— Я не сомнѣваюсь. Добрый человѣкъ не можетъ пристыжать того, кого любитъ и уважаетъ, какъ своего учителя. Плыви съ Богомъ и, что бы съ тобою ни случилося, я своего довѣрія не измѣню.

А довѣрію Абрама суждено было выдерживать много испытаній.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Ѳедоръ благополучно прибылъ съ цареградскими товарами въ Александрію и очень хорошо расторговался. Выручилъ онъ столько денегъ, что могъ заплатить весь долгъ Абраму и себѣ оставить. Но на обратномъ пути въ Константинополь морская буря разбила его корабль, и самъ Ѳедоръ насилу спасся на бревнѣ, а все его золото погибло.

Мимо шедшіе корабельщики взяли Ѳедора изъ воды, привезли въ Константинополь и выпустили, какъ нищаго.

Сошелъ Ѳедоръ на землю, дождался ночи и, согнувшись подъ лохмотьями негодной одежды, которую дали ему на кораблѣ, потащился къ своему пожарищному пустырю, забился въ погребичную яму и плачетъ.

Стыдно ему было даже въ лицо Абраму взглянуть и разсказать, какой съ его деньгами вышелъ худой оборотъ.

А Абрамъ самъ узналъ черезъ людей о Ѳедоровомъ возвращеніи, и сейчасъ же пролѣзъ къ нему въ яму и говоритъ:

— Полно, Ѳедоръ, что ты стыдишься? Бѣда надъ вся-

кимъ можетъ случиться. Не приходи въ отчаяніе. Я тебѣ вѣрю и помню, что ты священное для тебя имя во свидѣтельство произнесъ. Ты Іисуса не обманешь, а я вотъ принесъ тебѣ еще тысячу златницъ. Бери и начинай все дѣло наново.

Ѳедоръ ни ушамъ, ни глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— Я,—говоритъ,—не могу принять.

— Отчего?

— Видишь самъ: меня ужасныя бѣдствія преслѣдуютъ.

— Что же, тутъ-то тебѣ и надо мужаться, а друзьямъ твоимъ тебѣ помогать. Иди, одѣнься въ мою запасную одежду, бери тысячу златницъ и принимайся опять за дѣло.

Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Я боюсь, что я съ моею судьбой и тебя изнищу.

— Полно, — говоритъ Абрамъ: — что о судьбѣ спорить? Судьба никому неизвѣстна, а то, что ты за меня битъ былъ отъ своихъ, — это мнѣ извѣстно и я тебя не выдамъ въ несчастіи, да не презрѣнъ будетъ въ людяхъ жидъ яко рабъ Еговы, сотворившаго небо и землю. Неужели ты за меня умѣлъ пострадать, а я будто того же снести не сумѣю. Бери деньги и ступай опять искать счастія.

Одѣлъ Абрамъ Ѳедора въ свою запасную одежду; прежнюю долговую расписку переписали съ одной тысячи на двѣ, и Ѳедоръ пошелъ снаряжаться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ этотъ разъ Ѳедоръ накупилъ въ Царьградѣ ароматной смолы и нагрузилъ ею цѣлый корабль. Привезъ смолу въ Александрію и съ большимъ прибыткомъ промѣнялъ ее тамошнимъ купцамъ на олово и поплылъ съ оловомъ въ Ефесъ. Въ Ефесѣ на ту пору олово было очень надобно и въ большомъ спросѣ. Ѳедору дали за олово вѣсъ на вѣсъ красной мѣди. И сталъ Ѳедоръ вдругъ богатъ отъ этого выгоднаго промѣна и поплылъ назадъ къ Константинополю, радуясь, что теперь онъ съ Абрамомъ разсчитается и самъ снова будетъ жить непостыдно.

Но вышло все опять пребѣдственно: опять Ѳедорово судно разбилось, и опять все его богатство потонуло. А изъ людей онъ только одинъ спасся, и опять совсѣмъ голый, какъ мать родила, явился домой; добрался онъ до своего пепелища въ Царьградѣ, сѣлъ въ уголкѣ темной погребной ямы и опять плачетъ. Опять приходитъ къ нему Абрамъ и говоритъ:

— Ну, слушай ты, Ѳедоръ! Извели мы съ тобой денегъ много, двѣ тысячи златницъ, и все понапрасну: надо ихъ вернуть.

Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Какъ еще вернуть? Бѣдствія меня такъ и преслѣдуютъ. Но что̀ для меня всего тягостнѣе, ты можешь подумать, что я твои деньги скрылъ я теперь притворяюсь бѣднымъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Абрамъ-жидовинъ:—ты всегда былъ честный человѣкъ, да и Іисусово имя ты не произнесъ бы напрасно. Я знаю, что ты Іисуса истинно почитаешь и никогда во лжи Его имя не упоминаешь.

— Утѣшь тебя Богъ, Абрамъ, что ты такъ обо мнѣ думаешь! Правда твоя: я не помяну имени Іисуса Христа во лжи, хотя бы на меня еще бо̀льшія пришли напасти, и радъ я, что ты вѣришь, какъ я Его почитаю.

— Ну, и толковать намъ не о чемъ. Вотъ тебѣ твоя старая расписка на двѣ тысячи златницъ. Сотри ее и напиши новую, въ три тысячи, и поѣзжай въ-третье.

Ѳедоръ изумился.

— Благодарю,—говоритъ,—за твою добродѣтель, но мнѣ ужъ и брать не охота. Вѣрно, на мнѣ есть какой особый грѣхъ, или въ самомъ дѣлѣ такъ надобно, чтобы люди разныхъ вѣръ другъ другу не помогали.

— А вотъ для этого-то, — говоритъ Абрамъ: — я и не хочу, чтобы ты такъ думалъ. Единъ Богъ во вселенной, но суды Его разбирать не наше дѣло, а помогать другъ другу есть наша обязанность. Пиши третью расписку на три тысячи литръ золота и отплывай въ третье.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ѳедоръ, по настоянію Абрама, взялъ тысячу литръ золота, сѣлъ на корабль и поѣхалъ въ Кальварію. Удача ему опять пошла самая счастливая. Въ Кальваріи онъ накупилъ пшеницы, по сребреннику за рѣшето, и отплылъ съ нею въ Гундалы, а въ Гундалахъ всю пшеницу продалъ по златницѣ за рѣшето. Денегъ стало очень много, но Ѳедоръ на томъ не остановился: въ Гундалахъ онъ накупилъ хорошаго винограднаго вина по сребреннику за мотру и поплылъ съ виномъ въ Антіохію. Вино за дорогу переиграло, стало еще лучше, и Ѳедоръ продалъ здѣсь вино по златницѣ за мотру, которую купилъ всего по сребреннику.

Послѣ этого у Ѳедора стало столько денегъ, что и дѣвать

некуда. Но Ѳедоръ зналъ, что онъ и прежде съ Абрамовой руки наживалъ ихъ легко, да только никогда довезти не могъ.

Какъ бы опять въ третій разъ того же самаго не было.

Надумалъ Ѳедоръ лучше самому денегъ не везти, а послать ихъ съ какими-нибудь вольными корабельщиками такъ, чтобы имъ неизвѣстно было, что̀ они везутъ.

Пошелъ Ѳедоръ ходить по городу, купилъ для Абрама даръ—антіохійскій плащъ, да сѣдло, чтобы на ослѣ ѣздить, да крѣпкій ларецъ, и сдѣлалъ изъ всего этого одинъ свертокъ, а ларецъ завертѣлъ въ самую середку, и положилъ туда четыре тысячи золотыхъ литръ: три тысячи въ возвратъ за взятый у Абрама долгъ, а четвертую тысячу за проценты. Завернулъ это все такъ, что ларца не видно было, и отдалъ ѣхавшимъ въ Царьградъ корабельщикамъ, чтобъ отвезли Абраму-жидовину. А мало время спустя и самъ поѣхалъ за ними слѣдомъ.

Вольные корабельщики не догадались, что они везутъ въ посылкѣ золото, и какъ дошли до Царьграда, такъ сейчасъ и отдали посылку Абраму-жидовину.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Абрамъ былъ человѣкъ осторожный: онъ не сталъ при корабельщикахъ смотрѣть, что̀ такое ему отъ Ѳедора прислано, а отнесъ свертокъ домой, заперся одинъ и, какъ развернулъ плащъ и сѣдло, то нашелъ накрѣпко заклепанный ларецъ, а въ ларцѣ деньги—всѣ четыре тысячи златницъ полностью: три—въ возвратъ займа, а четвертая—за проценты.

Абрамъ пересчиталъ деньги, спряталъ ихъ и молчитъ, никому ни слова не говоритъ.

Вскорѣ затѣмъ Ѳедоръ успѣлъ вернуться и сейчасъ же приходитъ къ Абраму съ большими дарами: кладетъ передъ нимъ и ткани, и каменья, и золото.

— Прими,—говоритъ,—отъ меня; я тебѣ всѣмъ обязанъ. Безъ тебя бы пропалъ я.

А Абрамъ отвѣчаетъ:

— Я за дары тебя благодарю и принимаю ихъ, но пора же тебѣ, Ѳедоръ, теперь мнѣ и долгъ отдать.

Ѳедоръ сильно смутился, но отвѣчалъ другу:

— Правда, Абрамъ. Я затѣмъ и пришелъ, чтобы поднести тебѣ сначала мои дары въ честь, а теперь пойдемъ со мною на мой корабль, раскроемъ все, что̀ я имѣю, сочтемъ и подѣлимъ все поровну на-двое: половину мнѣ, а половину—тебѣ.

Абрамъ усмѣхнулся и говоритъ:

— Нѣтъ, Ѳедоръ, я тебя искушалъ шуткою, чтобы видѣть: не опалишься ли ты на меня и не скажешь ли мнѣ укоризны за мое жидовство. Вижу, однако, что ты воистину кротокъ, какъ твой Учитель, Іисусъ Галилейскій. Я отъ тебя черезъ корабельщиковъ весь свой долгъ и проценты получилъ и мнѣ больше ничего отъ тебя не слѣдуетъ. Вотъ возьми свою должную грамоту. Но скажи мнѣ только на милость, какъ ты это такъ послалъ мнѣ столь значительныя деньги безъ всякаго слѣда?

— А видишь,—отвѣчалъ Ѳедоръ: - я ужасался моего несчастія на обратный путь и лучше хотѣлъ два раза тебѣ заплатить, чѣмъ еще одинъ разъ остаться неисправнымъ за порукой имени моего Спасителя.

Абрамъ обнялъ и расцѣловалъ Ѳедора.

— Да,—говоритъ,—ты Его истинно любишь и прославляешь. Умножь Богъ на свѣтѣ людей, тебѣ равныхъ и подобныхъ.

— Да, умножь Богъ и такихъ, какъ ты, Абрамъ!—отвѣчалъ Ѳедоръ, и сказалъ, что онъ желаетъ построить изъ своего богатства такой домъ, гдѣ бы былъ пріютъ и харчи всѣмъ бѣднымъ дѣтямъ всѣхъ вѣръ безъ различія, чтобъ они съ дѣтства другъ съ другомъ свыкались, а не раздѣлялись.

Абрамъ очень обрадовался.

— Хорошо,—говоритъ,—и я свой процентъ не беру, а отдаю на этотъ домъ. Пусть дѣти живутъ безъ разбору, какъ мы съ тобою жили въ дѣтствѣ нашемъ. И пусть будетъ это дружбѣ нашей на старости поминанье.

И сдѣлали такъ: построили домъ и назвали его «селеніемъ ближнихъ». И, приходя туда, оба одною радостью радовались и, одною равною заботой о «ближнихъ» заботясь, мнили, яко единую и согласную службу приносятъ всѣхъ сотворившему Богу.

Повѣсть эта не есть баснословіе, измышленное досугомъ писателя. Это есть истинная исторія, въ древніе годы, дѣйствительно, бывшая и въ давніе же годы писанная рукой современнаго богочтителя и человѣколюбца. Нынѣ она отъ старыхъ записей взята и въ новомъ изложеніи подается для возможнаго удовольствія друзей мира и человѣколюбія, оскорбляемыхъ нестерпимымъ дыханіемъ братоненавидѣнія и злопомненія.

НЕВИННЫЙ ПРУДЕНЦІЙ.

(ЛЕГЕНДА).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ одномъ изъ торговыхъ поселковъ на берегу Средиземнаго моря жили два купца, которыхъ звали Алкей и Гифасъ. Оба они ходили въ море на одномъ небольшомъ кораблѣ, который теперь назвали бы ладьею. Они вели торговлю вмѣстѣ, а иногда также вмѣстѣ нападали на небольшія суда и грабили ихъ. Послѣднее свое занятіе, то-есть разбойничество, Алкей и Гифасъ скрывали, но оно было прибыльнѣе торговли. Отъ такого двойного промысла оба купца сдѣлались богаты и жили въ достаткѣ. У нихъ были самые лучшіе дома во всемъ поселеніи, и при домахъ сады и теплыя бани.

Гифасъ былъ старше Алкея и имѣлъ жену Ефросину, тоже уже пожилую женщину, и сына Пруденція, а Алкей былъ моложе Гифаса на десять лѣтъ и недавно женился на молодой и очень красивой, доброй и разсудительной дѣвушкѣ, которую звали Мелита.

Мелита приходилась племянницею женѣ Гифаса, Ефросинѣ, и жила съ нею въ такой же дружбѣ, какъ Гифасъ съ Алкеемъ, а сынъ Гифаса, миловидный отрокъ Пруденцій, былъ любимцемъ обѣихъ семей—своей собственной и семьи Алкея. Пруденцій жилъ въ обоихъ домахъ, какъ у себя, пользуясь заботами матери своей Ефросины и полезными внушеніями Алкеевой жены, молодой и прекрасной гречанки Мелиты.

Когда Алкей и Гифасъ по условіямъ своего промысла ходили надолго въ море,—жены ихъ, пожилая Ефросина и молодая Мелита, хозяйничали дома и проводили вмѣстѣ все свободное время, какое имъ оставалось отъ ихъ ручного труда и необходимыхъ заботъ по хозяйству.

Ефросина была очень домовитая женщина, стараго языческаго воспитанія, и заботилась только объ одномъ житейскомъ: она не умѣла грамотѣ, но зато лучше Мелиты заготовляла копченое мясо, фрукты и рыбы; а Мелита пришла сюда изъ города, гдѣ занималась науками и нѣжными работами, требующими искусства и вкуса для ихъ производства. Поэтому Ефросинѣ не разъ приходилось подавать Мелитѣ полезные совѣты и оказывать помощь въ хозяйствѣ, а благородная Мелита, въ благодарность за это, старалась оказывать взаимныя услуги Ефросинѣ. Она вышивала головные покровы для самой Ефросины и дѣлала узорочныя коймы къ легкимъ, эоприымъ туникамъ, въ которыя Ефросина любила одѣвать свое единственное и долгожданное дитя, отрока Пруденція, отличавшагося замѣчательною стройностью и красотою.

Пруденцій былъ статенъ и смуглъ, съ горячимъ матовымъ цвѣтомъ лица, съ большими черными глазами, глядѣвшими изъ-подъ черныхъ рѣсницъ, при черныхъ бровяхъ и густыхъ кудряхъ цвѣта орѣха.

Онъ былъ очень нѣженъ и ловокъ въ движеньяхъ, застѣнчивъ, страстенъ и скроменъ,—и чрезъ это онъ каждому казался пріятнымъ и милымъ.

Самое лучшее, чѣмъ Мелита могла заслужить Ефросинѣ,—это было обучить Пруденція грамотѣ и тѣмъ изъ извѣстныхъ Мелитѣ искусствъ, которыя шли къ полу мальчика по условіямъ тогдашняго быта.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мелита научила Пруденція читать и писать, пѣть и играть на цѣвницѣ, ловко бѣгать и бросать въ цѣль металлическіе кружки и кольца.

Такъ какъ Гифасъ и Алкей прожили вѣкъ въ своемъ полудикомъ, не столько торговомъ, сколько разбойничьемъ поселкѣ, то они не знали никакихъ подобныхъ изящныхъ упражненій и развили свои силы прямо въ суровой борьбѣ

съ моремъ; но Ефросинѣ нравилось, чтобы Пруденцій былъ воспитанъ нѣжнѣе и ближе къ тогдашней модѣ.

Въ упражненіяхъ Пруденція въ силѣ и ловкости съ нимъ состязалась сама его учительница, прекрасная Мелита, и ея молодая черная рабыня-финикіянка Марема, которую тоже звали короче Мармэ.

Когда Мелита начала заниматься воспитаніемъ Пруденція, ему тогда исполнилось всего двѣнадцать лѣтъ, но онъ былъ такъ крупенъ и строенъ, что походилъ уже на мальчика лѣтъ пятнадцати; а Мелита, которой шелъ въ это время семнадцатый годъ, была столь моложава, что ее можно было принять за пятнадцатилѣтнюю невѣсту. Довольная и въ то же время воздержная жизнь и умѣренность во всѣхъ наслажденіяхъ при свободѣ отъ болѣзней дѣторожденія, такъ сберегли прекрасное тѣло юной Мелиты, что при встрѣчѣ съ нею всякій незнакомецъ легче всего почелъ бы ее за юную дѣвушку, а не за молодую жену пожилого человѣка, каковъ былъ ея мужъ, косой и въ обхожденіи грубый Алкей.

Такъ же дѣвственно чистъ, и безпеченъ, и веселъ былъ ея живой, острый умъ, жившій въ ладу съ добрымъ сердцемъ и прекраснымъ, твердымъ и ровнымъ характеромъ.

Научая Пруденція бѣгать по правиламъ бѣга, легкая Мелита сама становилась съ нимъ рядомъ на мѣту и бѣжала, нерѣдко обгоняя его и приходя первой на противоположную мѣту, гдѣ становилась, оборачиваясь къ нему лицомъ и собирая тонкими пальцами черные кудри, разсыпавшіеся по бѣлому лбу, орошенному потомъ.

Такъ же вмѣстѣ они метали и диски, и кольца, а судьею ихъ была темнолицая рабыня Мармэ, которую Мелита содержала не какъ служанку, въ подобострастьѣ, а какъ подругу—въ любви, и сама находила ее пріятной по душевнымъ качествамъ и прекрасной по тѣлу, отличавшемуся гармоничною стройностью и ровнымъ агатовымъ блескомъ.

Такъ занималась Мелита Пруденціемъ цѣлыхъ два года, а въ концѣ третьяго года въ средѣ этихъ людей случилось несчастіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ дней, проведенныхъ Алкеемъ и Гифасомъ въ морѣ,—Алкей возвратился одинъ на своей ладьѣ.

Это было вечеромъ, когда всѣ жители въ селеніи спали. Алкей вошелъ въ свой домъ, двери котораго ему открыла Марема и испугалась, замѣтивъ на лицѣ своего господина страшное выраженіе. Алкей тотчасъ же приказалъ служанкѣ удалиться, а самъ вошелъ къ женѣ и открылъ ей, что Гифасъ погибъ въ морѣ.

Эта новость поразила и въ то же время удивила Мелиту, которая имѣла нѣкоторыя понятія объ условіяхъ морского быта, и она стала разспрашивать мужа: какъ могло случиться, что судно сохранилось въ цѣлости и самъ Алкей сохранилъ себя въ безопасности, а Гифасъ погибъ?

— Это было такъ,—отвѣчалъ Алкей:—что на насъ напали двѣ ладьи грабителей, и мы долго отъ нихъ оборонялись, но я былъ сильнѣе и могъ защититься, а Гифасъ не успѣлъ уклониться отъ одного удара въ голову и упалъ въ воду съ раздробленнымъ черепомъ.

— А какъ же ты могъ спастись?

— Я увидалъ, что мнѣ одному уже нельзя защищаться, и бросился въ воду, чтобы меня тоже почли убитымъ. Въ водѣ я схватился руками за киль и держался до тѣхъ поръ, пока грабители, опустошивъ нашу лодку, кинули ее на произволъ вѣтра. Тогда я снова вскарабкался въ лодку, поставилъ порванные паруса и, взявъ руль, достигъ кое-какъ до нашего берега.

Мелита выслушала разсказъ мужа и ничего ему болѣе не возражала; но Алкей замѣтилъ по лицу жены, что она какъ-будто сомнѣвается въ его разсказѣ, и, отведя свои глаза отъ ея взора, добавилъ:

— Я не могу теперь говорить тебѣ въ подробностяхъ, какъ все это случилось, да ты и не могла бы всего понять, потому что это совсѣмъ не то, что твоя музыка, или твои вышиванья, а я тебя попрошу лучше, чтобы ты оказала мнѣ необходимую помощь: облегчи мнѣ чрезвычайно тяжелое дѣло.

— О, сдѣлай милость! я готова сдѣлать все, что въ силахъ,—отвѣчала Мелита.

Тогда Алкей ей открылся, что онъ, человѣкъ неустрашимый въ борьбѣ съ моремъ и разбойниками, очень боится видѣть женское горе и слушать стенанія и вопли, и для того онъ проситъ Мелиту, чтобы она пошла къ Ефросинѣ и открыла ей ужасную новость о смерти ея мужа и о

погибели значительной доли ихъ состоянія, бывшаго въ лодкѣ.

Мелита сказала, что она это сдѣлаетъ, и, поручивши Мармэ позаботиться о томъ, чтобы вытопить баню для мужа, сама одѣлась и пошла тихо къ вдовѣ Ефросинѣ.

Вдова Ефросина, получивъ отъ Мелиты печальную вѣсть о смерти Гифаса, предалась обычному плачу и стенаньямъ, а потомъ надѣла одежды вдовства и, покрывъ голову платомъ съ неподрубленнымъ краемъ, сказала Мелитѣ:

— Теперь я не могу спать во всю ночь, и, обнявшись съ сыномъ, мы до утра будемъ плакать съ нимъ о Гифасѣ; а утромъ рано я пошлю Пруденція обойти все наше селеніе и позвать всѣхъ на берегъ моря на то самое мѣсто, съ котораго мужъ мой Гифасъ въ послѣдній разъ отплылъ вмѣстѣ съ Алкеемъ. Ты же Алкею скажи, чтобы онъ въ тотъ же часъ пришелъ на то мѣсто и всѣмъ разсказалъ, какъ все это случилось, что мужъ мой погибъ, а Алкей одинъ живымъ возвратился. Я теперь въ такомъ огорченіи, что ничего сама понять не могу, и не въ силахъ придумать, что̀ мнѣ дѣлать съ судномъ, въ которомъ есть половинная доля Гифаса, и только другая половина принадлежитъ Алкею. Пусть весь народъ изъ селенія соберется, пусть всѣ люди услышатъ печальную повѣсть, какъ ее Алкей намъ разскажетъ, и затѣмъ пускай люди обсудятъ, какъ намъ жить дальше или какъ намъ удобнѣе разсчитаться и раздѣлиться съ Алкеемъ.

Мелита нашла желаніе вдовы Ефросины совершенно основательнымъ и, возвратившись домой, извѣстила объ этомъ Алкея. Онъ принялъ это спокойно, какъ человѣкъ, у котораго совѣсть чиста и которому нечего опасаться разсказать передъ всѣми о томъ, что̀ случилось.

Онъ поблагодарилъ жену за то, что она приняла на себя тяжесть объявленія горя вдовѣ Ефросинѣ, и уснулъ крѣпкимъ сномъ въ объятіяхъ Мелиты. Но его крѣпкій сонъ, однако, не разъ прерывался какой-то тревогой, и дремотный голосъ Алкея прямо на ухо Мелитѣ называлъ имя Пруденція.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Люди селенія собрались у пристани и сѣли одни на желтомъ пескѣ, а другіе на сѣрыхъ камняхъ, а вдову Ефро-

спну посадили на опрокинутую лодку, и тутъ же у ногъ ея сѣлъ красивый сынъ ея, невинный Пруденцій. И мать и сынъ были босы и въ печальныхъ одеждахъ съ неподрубленнымъ краемъ.

По серединѣ круга, который образовали собою люди, усѣвшіеся передъ опрокинутой лодкой, на которой помѣстили Ефросину, стоялъ Алкей и разсказывалъ, какъ было дѣло, что напали на нихъ въ морѣ неизвѣстные люди и одолѣли ихъ и товаръ ихъ заграбили, а Гифаса убили и бросили въ море.

Словомъ, Алкей сказалъ людямъ то же самое, что̀ раньше сказалъ онъ женѣ, и разсказъ его на всѣхъ произвелъ такое же неясное впечатлѣніе, какъ на Мелиту. И когда рѣчь Алкея была кончена, всѣ мужчины остались на время въ молчаніи, а потомъ одинъ изъ нихъ, самый старѣйшій въ селеніи, молвилъ:

— Я бы такъ разсудилъ, что въ морѣ бываютъ всякія бѣды, и что̀ случилось съ Гифасомъ, того уже теперь не поправить, а надобно думать о вдовѣ Ефросинѣ и объ отрокѣ, сынѣ Гифаса, которые остались въ живыхъ и которыхъ здѣсь видимъ всѣ передъ собою, босыхъ и въ печальныхъ одеждахъ, съ неподрубленнымъ краемъ. Пусть, находясь нынче въ царствѣ тѣней, Гифасъ не будетъ смущаться за то, что̀ здѣсь будетъ съ ними и съ ихъ достояніемъ, котораго намъ нельзя раздѣлить безобидно между Алкеемъ и сыномъ Гифаса. Пусть все, что̀ у нихъ вмѣстное было тамъ, и остается общимъ, пока отрокъ Пруденцій достигнетъ возраста мужа, и тогда они сами раздѣлятся съ Алкеемъ, а до тѣхъ поръ пусть все по-старому останется вмѣстѣ, и кораблецъ, и товары, гдѣ они что̀ помѣстили на время на пристаняхъ дальнихъ.

Въ людяхъ прокатило рокотомъ тихимъ:

— Да, это самое лучшее. Всѣ такъ согласны и пусть такъ и будетъ, ежели только вдова Ефросина на это согласна.

Вдова сидѣла съ поникшей головою и отвѣчала:

— Я горемъ убита и полагаюсь на общее мнѣніе.

Тогда всѣ рѣшили, что Алкей долженъ взять къ себѣ въ дѣло Пруденція и обучить его торговлѣ и всей морской жизни, а когда Пруденцій придетъ въ возрастъ, тогда съ нимъ раздѣлить все, что̀ нажито вмѣстѣ съ Гифасомъ и что̀ впередъ имъ придется еще къ нажитому прибавить.

Противъ этого только вдова Ефросина замѣтила, что сынъ ея еще очень молодъ, чтобы ввѣрять его морю и обрекать на всѣ случайности; но Пруденцій едва это услышалъ, какъ самъ сталъ проситься, чтобы мать его отпустила съ Алкеемъ, и вдова Ефросина согласилась его отпустить, а Алкей не имѣлъ никакихъ основаній для того, чтобы уклониться отъ пріема Пруденція, подалъ ему руку и сказалъ:

— Клянуся богами, я радъ, что люди рѣшили, чтобы ты сталъ мнѣ товарищемъ вмѣсто своего отца. А тебѣ, госпожа Ефросина, я здѣсь обѣщаю предъ всѣми людьми и предъ небомъ, что я всегда буду помнить, какъ тебѣ дорогъ твой единственный сынъ, и стану жалѣть и беречь его юныя силы. Ты же не бойся: и море не всегда вѣдь сурово,—оно часто даже хранитъ отъ золъ человѣка, особенно юность, въ пору которой скоро вступитъ Пруденцій; воздухъ и море дадутъ ему крѣпость мышцъ и смѣлость духа, и, что̀ не меньше того драгоцѣнно—они сохранятъ его цѣлымъ отъ раннихъ соблазновъ любви, разслабляющихъ тѣло и душу. А затѣмъ онъ увидитъ много иноземныхъ чудесъ, искусится въ познаньѣ людей, усвоитъ себѣ познанья въ торговлѣ, и тебѣ будетъ отрадно видѣть, какъ черезъ него въ домъ твой снова польются достатки, и когда онъ въ свободное время присядетъ у твоего очага, ты сама, поворачивая надъ углями вертелъ съ дымящимся мясомъ, насладишься тѣмъ, какъ будутъ всѣ Пруденція слушать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ефросина болѣе не возражала, и Пруденцій ушелъ въ море съ Алкеемъ, и съ этой поры мореходство стало для него постояннымъ занятіемъ, въ которомъ онъ въ самомъ дѣлѣ скоро окрѣпъ, такъ что въ пятнадцать лѣтъ былъ похожъ на семнадцатилѣтняго юношу, а въ семнадцать совсѣмъ смотрѣлъ взрослымъ мужчиной, и былъ онъ красивъ на удивленье, и при этомъ стыдливъ и совсѣмъ цѣломудренъ.

Алкею не было выгоды выхаживать Пруденція, и онъ втайнѣ очень бы радъ былъ отъ него избавиться, чтобы сокрыть всѣ свои пути и мѣста, гдѣ у него были въ чужихъ портахъ склады, но онъ не хотѣлъ, чтобы Пруденцій исчезъ такъ же, какъ исчезнулъ Гифасъ, потому что оди-

накіе случаи два раза кряду могли повести къ подозрѣнію, и судъ простыхъ рыбаковъ родного поселка могъ быть слишкомъ суровъ для Алкея; но Алкей сдѣлалъ все, что только могъ, чтобы растлить душу Пруденція, и когда они заходили въ чужіе порты, Алкей его поощрялъ пить вино и оставлялъ въ сообществѣ соблазнительныхъ женщинъ, которымъ обѣщалъ хорошую цѣну за то, чтобы отогнать отъ Пруденція скромность и увлечь его въ порочную страстность. Но все это было напрасно: какой-то хранительный геній до того неприкосновенно охранялъ юношу отъ всѣхъ соблазновъ и поползновеній, свойственныхъ его возрасту, что сами соблазнительницы, которымъ Алкей предавалъ цѣломудреннаго юношу, дали ему названіе «Невинный Пруденцій».

Но отчего же онъ, при всей своей юности и красотѣ, поражавшей множество женщинъ, былъ такъ недоступенъ никакимъ ихъ соблазнамъ?

Женская влюбленность въ Пруденція доходила до такихъ безумныхъ проявленій, что разъ, когда ему и Алкею случилось пристать на мысѣ, у города Книда, самая красивая дѣвушка этого городка кинула въ Пруденція изъ-за скалы острымъ бронзовымъ осколкомъ и, не попавъ въ голову, такъ тяжело ранила его въ плечо, что онъ упалъ, обливаясь кровью, а она въ это же время бросилась въ море.

Рана, нанесенная безумною книдянкою, была очень тяжела и такъ долго не заживала, что Алкей привезъ Пруденція къ вдовѣ Ефросинѣ больного, въ перевязкахъ, и случай этотъ, огласившись въ цѣломъ поселкѣ, возстановилъ въ памяти многихъ случай съ Гифасомъ, и далъ поводъ нехорошо говорить объ Алкеѣ.

Разговоры въ такомъ родѣ распространялись быстро и прежде всѣхъ дошли до слуха темнолицой невольницы Мармэ, которая, какъ сказано выше, была молодая и въ своемъ родѣ тоже очень красивая дѣвушка, и очень любила Мелиту.

— Госпожа!—сказала она, находясь вдвоемъ вечеромъ въ банѣ съ Мелитой:—въ народѣ разносятъ очень странныя рѣчи; мой долгъ предупредить тебя о томъ, что въ этихъ рѣчахъ, кромѣ сына вдовы Ефросины, много такого, что касается тоже тебя и твоего мужа, а моего господина, Алкея.

— Что же это такое?

— Вотъ что: всѣ знаютъ, что красивый Пруденцій пришелъ уже въ самый расцвѣтъ своей красоты и здоровья, а межъ тѣмъ онъ до сихъ поръ остается невиннѣй ребенка...

— Да, быть-можетъ, это и такъ, но вѣдь это меня нимало не касается, и я думаю, мнѣ объ этомъ совсѣмъ лишнее знать...

— О, нѣтъ, это не лишнее для тебя, госпожа!

— А я могу тебя увѣрить, усердная Марема, что это до меня совершенно не касается и даже нимало меня не занимаетъ.

— Это тебя должно занимать!

— Почему?

— Неужели ты не понимаешь?

— Не понимаю, и откровенно скажу, это мнѣ совсѣмъ непріятно... Для чего мнѣ знать эти вѣсти о томъ, какъ себя держитъ Пруденцій? Для чего всѣ вы стараетесь сдѣлать мнѣ все это извѣстнымъ?

— Кто же всѣ, госпожа?

— Напримѣръ, вдова Ефросина.

— Ага! это понятно. А еще кто, госпожа, говорилъ съ тобою объ образѣ жизни стыдливаго сына Гифаса?

— Представь, мнѣ говорилъ это мужъ мой Алкей.

— Самъ Алкей?

— Да.

— Онъ тоже имѣетъ причины.

— Онъ мнѣ ихъ не сказалъ.

— И это понятно.

— А мнѣ ничто не понятно,—отвѣчала Мелита и тотчасъ же добавила съ доброй улыбкой: — а если Мармэ извѣстно болѣе, чѣмъ ея госпожѣ, то это потому, что тутъ вѣрно есть что-нибудь, что касается больше Мармэ, чѣмъ Мелиты.

— О, совсѣмъ наоборотъ,—также съ улыбкой отвѣчала Марема:—не я, а ты, моя госпожа, живешь въ цѣломудренномъ сердцѣ невиннаго Пруденція.

— Что̀ говоришь ты!.. Опомнись, что̀ ты сказала, Марема!

— Я сказала только то, что̀ для меня очевидно и что̀ какъ разъ такъ и есть, какъ я сказала. И повѣрь мнѣ, госпожа, что это не мнѣ одной кажется такъ.

— Кто же еще смѣетъ такъ думать?

— Смѣетъ!.. Ты смѣшно говоришь: для чего тутъ особая смѣлость? Всякій даже противъ желанія долженъ подумать о томъ, что̀ передъ нимъ является съ такой же очевидностью, какъ страстная влюбленность въ тебя невиннаго Пруденція.

— Ты клевещешь разомъ на всѣхъ насъ, Мармэ, и я бы хотѣла, чтобы ты выпустила это изъ своей головы и никогда болѣе къ подобному разговору не возвращалась.

— Запретить говорить ты мнѣ можешь, и я буду тебѣ повиноваться, но «выпустить изъ головы»... Нѣтъ, ты требуешь невозможнаго дѣла!.. И притомъ, если я буду молчать, я не открою тебѣ всего, что̀ угрожаетъ...

— Кому?

— Кому? Странный вопросъ! Всѣмъ, кто тебѣ дорогъ: Алкею, Мелитѣ, вдовѣ Ефросинѣ и самому невинному Пруденцію, который не можетъ жить долго безъ перелома въ душѣ его, если не произойдетъ отвлеченія его мыслей куда-нибудь вдаль отъ всего, что̀ слилось для него въ одномъ сладостномъ звукѣ твоего имени. О, госпожа! Или ты въ самомъ дѣлѣ дитя, несмотря на довольно долгіе годы замужества съ Алкеемъ, или же ты самая большая и искусная притворщица въ свѣтѣ!.. Развѣ не видишь ты, какъ онъ глядитъ на тебя, такъ, что всякому видно, что онъ постоянно весь полонъ тобою...

— Я этого не вижу.

— Ты не видишь, но вижу я и видитъ мать его, вдова Ефросина, у которой онъ спитъ, положивъ голову ей на колѣни, а уста его въ тихомъ бреду произносятъ шопотомъ сладчайшее слово: «Мелита»... Вдова Ефросина тоже вѣдь женщина, и она не можетъ не догадаться, что̀ это значитъ... Я думаю, что если бы твой мужъ, засыпая у тебя на колѣняхъ, сталъ тихо шептать имя посторонней женщины, то хотя бы это имя значило не болѣе, чѣмъ имя Маремы,—ты бы догадалась, что господинъ мой зоветъ меня не для такихъ услугъ, которыя я обязана исполнить ему всѣ при твоемъ лицезрѣньѣ.

— Право, я никогда объ этомъ не думаю.

— Вѣрю! И зачѣмъ бы ты стала думать, когда твое сердце нимало не уязвлено страстью...

— Что̀ ты хочешь сказать?—перебила Мелита:—или, по-твоему, я не люблю своего мужа?

— Нѣтъ, ты любишь Алкея, какъ мужа, и на мужнину долю этого чувства довольно; но Алкей вѣдь не даромъ имѣетъ такіе глаза, которые могутъ сразу въ разныя стороны видѣть... Зачѣмъ онъ тебѣ разсказалъ про стыдливость этого юноши, который пламенѣетъ къ тебѣ первою страстью?.. О, я не была при томъ, какъ вы объ этомъ говорили, но я будто слышу вкрадчивый тонъ Алкеева голоса; я знаю навѣрно, какъ онъ съ шуткой мѣшалъ ядъ своихъ подозрѣній...

— Алкей это все разсказалъ мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, смѣясь.

— И ты приняла его смѣхъ за веселость!.. Ты вѣрила ему, что онъ шутитъ?!

— Почему же не вѣрить?

— О, это забавно! Однако это сохранило тебя отъ большей опасности; но она все-таки придетъ: я вижу мрачный огонь въ разлетѣ скошенныхъ зрачковъ твоего мужа, и, не какъ твоя рабыня, а какъ другъ твой, у котораго всѣ благополучія сопряжены съ твоею жизнью,—я заклинаю тебя, Мелита: сними повязку съ твоихъ прекрасныхъ глазъ,— вглядись въ то, что̀ произошло, съ отвагой женщины, понимающей опасность, и обдумаемъ, что̀ намъ дѣлать, чтобы не произошло бѣдствія.

— Въ какомъ родѣ бѣды ты ожидаешь, Марема?

— Въ томъ самомъ родѣ, въ какомъ кончилось дѣло жизни Гифаса.

— О, справедливое Небо! Неужто и ты, Мармэ, подозрѣваешь...

— Что̀ ты, что̀ ты, моя госпожа! Я столько же склонна что-нибудь подозрѣвать, сколько желаю быть продана отъ тебя въ каменоломни на скалы; но я тебѣ указываю въ ту сторону, гдѣ небо краснѣетъ и откуда слышится приближеніе бури... Будь осторожна... не выдавай себя Алкею ни звукомъ, ни взглядомъ.

— Да мнѣ нечего и скрывать... Я учила Пруденція— правда, по дружбѣ моей къ вдовѣ Ефросинѣ, и ласкала его тогда какъ ребенка, но я не сказала ему шопотомъ ни одного слова, никогда я не обвела его взоромъ нѣжнѣе, чѣмъ должна смотрѣть дружба, и я увѣрена, что если вдова Ефросина спроситъ Пруденція, то и онъ ей не скажетъ, чтобы я была виновата въ тѣхъ чувствахъ, о которыхъ ты мнѣ теперь разсказала... Я же при встрѣчѣ скажу ему

чтобы онъ пересталъ обо мнѣ думать, что это тяжело мнѣ... обидно... и... если только все правда, что̀ ты говорила, то онъ будетъ напрасно тратить свои лучшіе годы...

— Отчего?

— Какъ отчего?

— Ты развѣ не женщина?

— Да, я женщина... но что̀ же слѣдуетъ дальше?

Марема улыбнулась и сквозь улыбку сказала:

— Мы всѣ чутки сердцемъ... а ты такъ сострадательна...

— Ну, и мнѣ его жалко!

Марема махнула рукою и отвѣтила скоро:

— Ахъ, госпожа моя! — только и нужно: сожалѣнье къ мужчинѣ насъ отдастъ въ его руки!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мелита не сразу отвѣтила на послѣднія слова Маремы: она вѣроятно чувствовала, что въ нихъ есть доля правды; но потомъ она привела свои чувства въ порядокъ и сказала:

— Опаснаго много на свѣтѣ: можетъ-быть, что и сожалѣнье ведетъ насъ къ дурному; но я не боюсь этого.

— Что же ты развѣ зачарована?

Теперь улыбнулась Мелита и отвѣтила:

— Да!

— Какія же чары тебя защищаютъ?

— Я христіанка... я неспособна къ обманамъ и знаю, что нѣтъ и не можетъ быть счастья во лжи.

— Конечно, конечно!.. Ну, а если бы боги анда призвали къ себѣ моего господина...

— Что̀ ты опять говоришь мнѣ, Мармэ! Въ какомъ ты безстыдномъ теперь настроеніи!

— Нѣтъ, ты скажи: въ какомъ настроеніи ты чувствовала бы себя, оставшись свободною, молодою вдовою, когда нѣжная страсть такого красавца-юноши, какъ Пруденцій, не казалась бы тебѣ тѣмъ, чѣмъ кажется нынче? Ахъ, я увѣрена, что вы съ нимъ скоро пришли бы сжечь жертву вашихъ сердецъ у алтаря Гименея.

— Никогда!

— Почему, моя госпожа?

— Во-первыхъ, потому, что я христіанка.

— Я очень плохо понимаю различія въ вѣрахъ! Для меня всѣ религіи сходны въ одномъ: всѣ мѣшаютъ любить столько, сколько бъ хотѣлось!

Но эти слова привели Мелиту въ такое сильное разстройство, что она стала еще больше укорять Мармэ за вольности въ ея разсужденіяхъ.

— Ты говоришь мнѣ про пріязнь, которую ты ко мнѣ будто чувствуешь,—сказала Мелита:—а высказываешь такія мысли, которыя пристали бы развѣ коварной смутьянкѣ, желающей сбить замужнюю женщину съ пути ея долга. Но этого, я надѣюсь, со мной никогда не случится: отъ этого меня сохранитъ именно то святое ученіе, въ постиженіи котораго я стараюсь найти смыслъ жизни. Не улыбайся, Мармэ. Христіанское ученіе открываетъ человѣку, въ чемъ смыслъ жизни, и научаетъ его управлять своими страстями. Ты не разъ говорила мнѣ, что я облегчила тебѣ твою долю тѣмъ, что обращаюсь съ тобою не какъ съ рабыней, а какъ съ равной мнѣ женщиной; а вѣдь это произошло оттого, что нашъ Учитель велѣлъ намъ въ каждомъ человѣкѣ видѣть нашего брата, и потому мнѣ отрадно и сладко называть тебя моею «сестрою» и устроить тебѣ покой и довольство. Но дальше согласіе наше идти не можетъ, потому что ты почитаешь себя въ правѣ брать у жизни все, что̀ только возможно схватить, а я разсуждаю иначе.

— О, конечно, схватить все, что̀ можно! — перебила Мармэ.—Для чего упускать свое счастіе?

— Счастіе!.. Это неясное слово, Марема. Кто можетъ сказать: въ чемъ счастье?. Для тебя это, быть-можетъ, достиженье того, что̀ тебѣ сейчасъ нравится, а для... другой...

— Ты хочешь сказать, для христіанки?

— Можетъ-быть, да. Для нея лучшая радость—вовсе не въ томъ, чтобы вырвать у жизни сейчасъ все, что̀ возможно, а въ томъ, чтобы идти въ тишинѣ къ тому, что̀ можетъ создать общую радость.

Мармэ засмѣялась и, отмахиваясь ладонями, молвила:

— Эге-ге! Это все старыя пѣсни! Ты оттого такъ разсуждаешь, что ты слишкомъ спокойно любишь мужа и не имѣешь отъ него дѣтей. Когда бы Алкей былъ способенъ внушить тебѣ болѣе жаркія чувства, или бы ты имѣла дѣтей, то повѣрь, что ты бы на все посмотрѣла иначе и стала желать *своего*, а не общаго счастья.

И Мармэ живо разсказала Мелитѣ, какъ живительно дѣйствуетъ счастье быть любимымъ тѣмъ, кого любишь, и какъ естественно заботиться о своихъ дѣтяхъ. Она представила эту заботу такой жаркой, съ которою совсѣмъ невозможно сравнить ровнаго участія всеобщей любви безразлично ко всѣмъ людямъ цѣлаго міра.

Но Мелита стояла на своемъ и снова ей возразила, что она не имѣетъ нужды въ особенныхъ чувствахъ къ людямъ, роднымъ ей только по крови, и что для нея гораздо желательнѣе имѣть благоволеніе *ко всѣмъ людямъ*, какъ это внушено въ ученіи, сдѣлавшемъ ее христіанкою. Тогда Мармэ пожала съ улыбкой своими смуглыми плечами и сказала:

— Споръ нашъ, я вижу, ни къ чему не приведетъ. Оставимъ все это времени, а теперь покуда помни лишь то, что̀ я тебѣ сообщала: мужъ твой ревнуетъ тебя къ сыну вдовы Ефросины, и ты должна это знать и отстранить съ пути своего все, что̀ можетъ усилить тревогу.

— «Усилить тревогу»! Тревога ни изъ-за чего!.. Тревога, въ которой я ничѣмъ не виновата, но которой, тѣмъ не менѣе, должна я бояться!.. И вотъ это-то всѣ вы называете жизнью! Нѣтъ, жизнь совершенно въ иномъ, и я не перестану искать ее гдѣ надо.

— Ищи! — отвѣчала, кончая бесѣду, Мармэ: — но еще лучше будь готова встрѣтить то, что̀ она можетъ бросить тебѣ на твой путь совсѣмъ неожиданнаго.

— Пускай будетъ такъ. Я терпѣливо выслушала все, что̀ ты мнѣ сказала отъ добраго сердца, и теперь я строже стану насторожѣ у моихъ чувствъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Эта бесѣда съ Мармэ глубоко врѣзалась въ сердце Мелиты и заставила ее передумать о вещахъ, на которыхъ она до сихъ поръ не останавливалась. По живости своего молодого темперамента и чистотѣ своихъ помысловъ она никакъ не могла допустить, чтобы Пруденцій, который былъ моложе ея на пять лѣтъ и съ которымъ она всегда обходилась какъ съ милымъ ребенкомъ, незамѣтно для нея загорѣлся къ ней такою неукротимою страстной любовью, для которой въ ихъ положеніи не могло быть никакого исхода. И вотъ теперь ей говорятъ, что это однако свершилось... До сихъ поръ Мелита этого не замѣчала, но теперь, послѣ

указаній Мармэ, она сама стала припоминать глубокіе вздохи невиннаго Пруденція и его долгіе взгляды, которые онъ устремлялъ на нее, забывая обо всемъ окружающемъ, при чемъ иногда не слышалъ, какъ его зоветъ мать или кличутъ другіе.

Противъ воли своей Мелита начала вѣрить, что она имѣла несчастіе внушить страсть юношѣ, и что если это не пройдетъ, то возможно, что Пруденцій совсѣмъ не захочетъ жениться, и тогда домъ его матери останется пустъ и вдова Ефросина станетъ укорять Мелиту въ увлеченіи сына,—въ чемъ она нисколько не виновата.

И въ самомъ дѣлѣ вдова Ефросина уже начала глядѣть на Мелиту не прежними глазами, и когда, послѣ разсказанной выше бесѣды, Алкей и Пруденцій отправились надолго въ море, — вдова Ефросина не стала болѣе скрывать своего неудовольствія на Мелиту и однажды сказала ей:

— Ты однако изсушила сердце моего ребенка.

— Боже! — отвѣчала Мелита: — неужто ты, Ефросина, склонна вѣрить, что мнѣ доставило бы удовольствіе путать смыслъ твоего сына!

— Я не вѣрю ничьимъ словамъ, но я сама вижу его терзанія, и сама за него терзаюсь.

— Но что̀ я могу сдѣлать для того, чтобы не было этихъ терзаній?

Ефросина покачала головою и, наморщивъ лобъ, проговорила:

— Да; я знаю, ты ничего не можешь сдѣлать въ его пользу, но... но я все-таки страдаю, Мелита, и мнѣ тяжело тебя видѣть.

Съ этимъ вдова Ефросина ушла, а Мелита возвратилась къ себѣ, раздосадованная на роковое стеченіе обстоятельствъ, и не находила въ себѣ никакой вины: она не увлекала Пруденція въ сѣти своей красоты. Она провѣряла также свои собственныя чувства къ юношѣ и вполнѣ убѣдилась, что Пруденцій не составляетъ для нея никакой исключительности, — что онъ ей милъ и жалокъ не болѣе какъ многіе другіе, для которыхъ она готова бы сдѣлать всякую посильную услугу и радостью которыхъ могла бы радоваться. Но ни для кого въ свѣтѣ не хочетъ она нарушить вѣрности мужу. Нельзя же этимъ служить для утѣшенія вдовы Ефросины!

И при такихъ разсужденіяхъ Мелитѣ постоянно представлялось, что въ жизни, — чтобы прожить такъ, какъ должно,—надо имѣть со многими людьми нелады и борьбу, а при такомъ положеніи нѣтъ ни покоя, ни счастія. Стòитъ ли вводить себя въ такую борьбу для того, чтобы захватить чего-нибудь пріятнаго немножко побольше, чѣмъ есть у другихъ. Все это вѣдь на очень короткое время быстро минующей жизни. Нѣтъ; это не стòитъ. Безъ сравненія лучше жить борясь съ собою,—надо себя исправлять, освобождая себя отъ такихъ страстей, которыя влекутъ къ разладу съ милосердіемъ и человѣколюбіемъ... Мелита стала вспоминать одну изъ подругъ своего дѣтства, бѣлокурую Эрминію, которая была всѣхъ изящнѣе и красивѣе среди сверстницъ, а выбрала себѣ самую суровую долю: она такъ настроила свой духъ дошедшимъ до нихъ «галилейскимъ ученіемъ», что заботы о своемъ личномъ счастіи показались ей совсѣмъ недостойными никакого труда, и она отказалась отъ замужества и пошла служить больнымъ въ одной общинѣ въ Лидѣ.

Нравственный обликъ этой Эрминіи и серьезный путь ею для себя избранной жизни теперь безпрестанно приходили на мысли печальной Мелитѣ и мирили ее съ жизнью. Она соображала тотъ и другой путь, которымъ возможно идти, и находила, что на всѣхъ этихъ путяхъ нужно вести битвы за все и со всѣми, и что спокоенъ и тихъ тотъ только путь, на который люди не лѣзутъ толпою и гдѣ никого не надо ронять съ ногъ, чтобы самому завладѣть чьей-нибудь долею такъ называемыхъ радостей жизни... Это онъ-то и есть путь «Галилейскаго Пророка» и путь тѣхъ, кто вѣритъ въ истинность Его ученія... Вотъ чтò Мелита и предпочла бы всему, чтò имѣетъ. — Это путь отреченія отъ личныхъ радостей, — путь жизни, преданной благу другихъ...

И когда Мелита, обойдя мысленно все, чтò ей представлялось въ жизни, доходила опять до того, чтò избрала вспоминаемая ею подруга, она всегда чувствовала въ себѣ пантіе мира и покоя,—она ничего не боялась и смотрѣла смѣло впередъ и вѣрила, что въ этомъ одномъ настроеніи человѣкъ ближе всего къ истинной цѣли своего воплощенія.

Если бы какія-нибудь перемѣны въ жизни Мелиты были возможны и если бы онѣ зависѣли отъ ея выбора, то она бы

всему предпочла не быстро преходящую любовь съ избранникомъ сердца, а она сейчасъ бы встала и пошла бы искать свою подругу Эрминію и стала бы съ нею дѣлить ея служеніе немощнымъ старикамъ и покинутымъ дѣтямъ въ той же Лидѣ или въ другой мѣстности міра, гдѣ люди также все бьются другъ съ другомъ изъ-за личнаго счастья и оставляютъ безъ вниманія тѣхъ, которые ослабѣли и искалѣчились въ этой ужасной борьбѣ.

Гдѣ бы было возможно принести себя въ такую жертву, чтобы облегчить людское горе и положить начало новому направленію жизни, Мелита сейчасъ же бы встала и ушла туда... И тогда съ ней неразлучно была бы та совершенная радость, которую она и теперь уже ощущала, но которой въ нынѣшнемъ ея положеніи мѣшала неодолимая боязнь, что вдругъ подвернется такой или другой случай, и удалитъ ее отъ избраннаго вѣрнаго настроенія, и начнетъ переполнять душу ея тревогою, страхомъ и подозрѣніями...

О, эти подозрѣнія! Мелита знала имъ цѣну: когда еще живъ былъ Гифасъ, ей мимо воли случилось услыхать одинъ разговоръ ихъ съ Алкеемъ объ островкѣ, гдѣ у нихъ есть имъ однимъ только извѣстная пещера и въ ней хранятся ихъ сокровища и ихъ преступныя тайны... Съ этихъ поръ Мелита всегда подозрѣвала, что они не только товарищи по торговлѣ, но что они оба—грабители и убійцы... И это сдѣлалось источникомъ вѣчнаго страха и терзаній Мелиты,—она съ этихъ поръ подозрѣвала, что и всѣ другіе люди въ поселкѣ думаютъ о Гифасѣ и о ея мужѣ Алкеѣ какъ о разбойникахъ, а смерть Гифаса и общій приговоръ взять въ дѣло Пруденція еще болѣе утвердили Мелиту въ подозрѣніи, что всѣмъ уже извѣстенъ преступный родъ жизни Алкея, и что всѣ къ этому такъ равнодушны только потому, что и сами они въ нравственной жизни недалеко отошли отъ Алкея съ Гифасомъ... И теперь, конечно, этимъ же недостойнымъ путемъ будетъ проходить свою жизнь невинный Пруденцій... Вѣдь Алкей, конечно, ведетъ себя и при немъ такъ же, какъ велъ при Гифасѣ, и Пруденцій, безъ сомнѣнія, знаетъ уже, что у нихъ гдѣ-то въ группѣ прибрежныхъ скалъ есть островокъ съ пещерой... и тамъ какія-то сокровища, и еще что-то, о чемъ Мелита сама не имѣла точныхъ понятій... Она никогда не спрашивала объ этой тайнѣ мужа и не говорила о своихъ догадкахъ Ма-

ремѣ, потому что Мелитѣ стыдно было признаться, что она подозрѣваетъ своего мужа въ разбойничествѣ, а Марема... Ахъ, Марема, несмотря на свою преданность Мелитѣ, сама гораздо больше близка душою къ тѣмъ, чьи поступки и страсти такъ ужасаютъ Мелиту...

И оттого еще ужаснѣе горе Мелиты, что ей не съ кѣмъ облегчить свою душу, которая вдругъ начала тяжко томиться—точно она будто чуяла вблизи предстоящее новое горе. Все это надобно было скрывать, и Мелита скрывала. Чтобы думать въ тиши или плакать, не боясь пустыхъ замѣчаній о томъ, что «стыдно грустить», Мелита начала часто уходить на обрывистый берегъ моря и подолгу сидѣла тамъ, охвативъ руками колѣни и глядя въ безконечную даль, откуда она точно вызывала на сцену дѣйствія послѣднее искушеніе, которое и не умедлило своимъ приходомъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разъ, когда Мелита сидѣла надъ облюбованнымъ ею обрывомъ морского берега, изъ-за столпившихся вдалекѣ темныхъ скалъ показалась лодка, съ которой были убраны всѣ паруса, кромѣ одного стараго, на которомъ она едва подвигалась. Вмѣсто флажка, наверху мачты былъ надѣтъ головной колпакъ изъ чернаго войлока.

Если бы Мелита не была слишкомъ сильно погружена въ свои размышленія, уводившія ее къ желанію рѣзкаго перелома въ своей жизни, то она бы непремѣнно замѣтила эту лодку, и по ея печальной оснасткѣ она поняла бы, что на этомъ суднѣ случилось какое-то большое несчастіе. Но Мелита видѣла лодку, и ея грязный парусъ, и войлочный черный колпакъ наверху ея мачты, и всему этому не придала никакого значенія.

Она должна бы замѣтить и то, что лодка, бывшая, конечно, въ далекомъ плаваніи, входила въ пристань въ необычное время и держала курсъ своей не прямо къ поселку, а нарочно проходила между скалами и пристала у одной изъ нихъ, завязавъ канатъ у торчащаго рогомъ обломка утеса.

Съ лодки сошелъ кто-то, покрытый коричневымъ полотномъ, и, ничего не взявъ съ судна, скрылся гдѣ-то подъ берегомъ, а потомъ, черезъ часъ или нѣсколько больше,

опять возвратился къ лодкѣ вдвоемъ съ закутанной женщиной, которая едва лишь ступила на лодку, какъ страшно вскрикнула и, отпихнувъ отъ себя сопровождавшаго ее мужчину, упала въ море, но сейчасъ же выплыла на берегъ и убѣжала.

Это Мелита уже замѣтила потому, что женскій крикъ былъ слишкомъ громокъ и страшенъ, но она тотчасъ же потеряла изъ вида эту фигуру, и зато тѣмъ болѣе была поражена, когда черезъ малое время эта же самая фигура, въ томъ же мокромъ платьѣ, но въ лицѣ Маремы, подбѣжала къ Мелитѣ и, упавъ передъ ней съ сжатыми руками, завопила сквозь слезы:

— О, моя бѣдная госпожа! Прокляни и продай меня, какъ злую вѣстницу, въ жестокія руки! я достойна этого за то горе, какое мнѣ суждено тебѣ возвѣстить.

При первыхъ же словахъ Маремы сердце Мелиты переполнилось предчувствіемъ жесточайшаго несчастія, и она ей сказала:

— Умоляю тебя, говори мнѣ скорѣй, что̀ случилось, и не бойся моего гнѣва—моя вѣра не даетъ мѣста гнѣву.

— О, да,—отвѣчала Марема: — теперь тебѣ наступилъ часъ показать твоей бѣдной и темной рабѣ, сколько свѣта и силы можетъ дать человѣку твоя вѣра!

— Я постараюсь, чтобы ты не получила о ней черезъ меня дурного понятія; говори, что̀ должна я узнать!

— Твой мужъ... вонъ, видишь, тамъ, у скалы... это лодка его... моего господина Алкея, и... въ ней на днѣ около мачты, на вершинѣ которой поднятъ черный колпакъ, лежитъ, покрытое парусомъ... бездыханное тѣло.

— Пруденція!—воскликнула громко Мелита и сейчасъ же заломила надъ головою руки и стала повторять сквозь рыданія: — Бѣдное дитя! Неужели Алкей убилъ его въ ревности! О, злополучный невинный Пруденцій!

Но Марема, давъ нѣсколько времени проплакать Мелитѣ и какъ бы освоиться съ горемъ, взяла ее тихо за руки и, переводя ихъ къ своему сердцу, сказала:

— Нѣтъ, Мелита! Ты напрасно плачешь о юношѣ, ты должна оборотить къ себѣ горе другой стороною: погибъ не Пруденцій, а тотъ, чья смерть тебя оставляетъ вдовою.

Мелита вдругъ воздержала свои слезы и остановила сухой огненный взглядъ на Маремѣ.

— Умеръ мужъ мой, Алкей?!

— Да, госпожа.

— И тамъ, внизу, у скалы его тѣло?

— Да, оно въ лодкѣ... тѣло Алкея... Я его видѣла и прокляла рокъ, судившій мнѣ возвѣстить тебѣ это несчастіе.

— Оставь говорить о проклятіяхъ и веди меня скорѣй къ лодкѣ!

Марема положила себѣ на плечо руку Мелиты, и обѣ женщины пошли спѣшной походкою къ морю и скоро стали у лодки, на которой не было никакого груза, а только у основанія мачты лежалъ небрежно брошенный парусъ.

— Вотъ это здѣсь,—тихо сказала Марема и затѣмъ съ участіемъ спросила:—если ты можешь видѣть и прикажешь открыть...

Но Мелита, вмѣсто отвѣта, сама нагнулась и едва приподняла уголъ сѣраго полотна съ синей каймою, какъ увидала мертвое лицо Алкея съ выдавшимися косыми глазами и тремя страшными колотыми ранами въ черепѣ... Раны были посреди темени, всѣ три кругловатыя, каждая величиною въ вишню, и всѣ рядомъ, одна отъ другой на разстояніи пальца... Ихъ не нужно было ощупывать, чтобы сказать, что всѣ онѣ равномѣрно глубоки и всѣ три смертельны.

Мелита склонилась къ головѣ мужа и долго смотрѣла въ его глаза, а потомъ, когда подняла лицо свое, увидала, что прямо передъ нею, по другую сторону паруса, стоялъ, въ печальномъ платьѣ и съ печальнымъ лицомъ, невинный Пруденцій.

Увидя его открытое лицо, хранившее до сихъ поръ на себѣ слѣды цѣломудрія и духовной чистоты, Мелита вздохнула и тихо промолвила:

— Ты знаешь, конечно, что̀ о тебѣ скажутъ люди, когда увидятъ несчастное тѣло Алкея?

— Да, знаю,—отвѣтилъ Пруденцій:—люди скажутъ, что это я нанесъ смертельныя раны Алкею.

— И что̀ же ты имъ отвѣтишь въ свое оправданіе? Я, вѣдь, не знаю, какъ ты искусенъ во лжи. Или, быть-можетъ, ты для того и привезъ сюда тѣло Алкея, чтобы предъ всѣми признаться въ убійствѣ и разсказать, для чего это сдѣлалъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ ей невинный Пруденцій.—Я не

для того привезъ сюда тѣло Алкея, чтобы изощряться во лжи или дѣлать надъ нимъ признанія въ убійствѣ. Я привезъ его для того, чтобы ты могла видѣть хоть мертваго мужа и могла его оплакать и схоронить какъ жена. А когда меня спросятъ о смерти Алкея, я безо лжи разскажу о ней всю сущую правду.

Слушая эти слова, Мелита смотрѣла острымъ и пристальнымъ взглядомъ въ глаза Пруденція и получила въ глубинѣ своего духа безотчетное удостовѣреніе, что Пруденцій ничѣмъ не повиненъ въ смерти Алкея...

Это ей было отрадно, и душа ея успокоилась, насколько это было возможно въ теперешнемъ случаѣ.

— Если ты правъ,— отвѣчала она:—то и спѣши скорѣй принести свое оправданье: я и Марема останемся здѣсь у мертваго тѣла Алкея. Ты же иди поскорѣе въ селеніе, позови свою мать, вдову Ефросину, и вызови всѣхъ старыхъ и молодыхъ людей на берегъ моря, на то мѣсто, гдѣ Алкей говорилъ предъ людьми о кончинѣ отца твоего, Гифаса. Я и Марема приведемъ туда лодку съ тѣломъ, а вы всѣ наломайте вѣтвей, на которыхъ можно поднять и нести тѣло Алкея, и когда оно будетъ поднято, ты передъ всѣми долженъ сказать, какъ случилась гибель Алкея и кто нанесъ ему эти три равномѣрныя раны.

Пруденцій ей тихо кивнулъ головою и, скоро достигнувъ селенья, снялъ рожокъ, который висѣлъ на сукѣ стараго дуба, и протрубилъ для всѣхъ три призыванья, чтобы всѣ шли скорѣй на собранье.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Услышавъ рожокъ, люди тотчасъ же стали выходить изъ домовъ и, поправляя одежды, стали направляться къ тому мѣсту, гдѣ еще такъ недавно всѣ выслушивали повѣсть Алкея о смерти Гифаса. Здѣсь и теперь, такъ, какъ и тогда, стояла на пескѣ опрокинутая килемъ вверхъ старая лодка.

Все это было на полперелета стрѣлы отъ стараго дуба, подъ которымъ теперь стоялъ Пруденцій. И онъ продолжалъ здѣсь стоять, пока на берегу около лодки собрались почти всѣ взрослые люди селенія, а изъ-за загиба пологаго мыса показалась на морѣ лодка, которую гнали на веслахъ Мелита съ Маремой.

Пруденцій, который ожидалъ появленія на морѣ этой

лодки, прежде всѣхъ ее и замѣтилъ: и онъ тотчасъ же снялъ съ дерева рогъ, висѣвшій на скрученномъ лыкѣ, и надулъ его такъ, что рогъ за разъ издалъ, кромѣ общаго призывного звука, еще особый сигналъ, который могъ имѣть условное значеніе для друзей трубача или его семейныхъ.

Собравшіеся люди не упустили замѣтить этотъ сигналъ, и одинъ молвилъ другому:

— Пруденцій навѣрно хочетъ сказать что-то необыкновенное.

— Почему ты такъ думаешь?

— Онъ кому-то даетъ сигналъ на священномъ рожкѣ.

— Это онъ зоветъ сюда свою мать.

— О, да! Вонъ она и выходитъ—вдова Ефросина.

— Значитъ, они еще не видались?

— Такъ надо думать.

— Любопытно! Пруденцій, конечно, желаетъ, чтобы мать его была здѣсь при томъ, для чего онъ сзываетъ селенье; но что это такое онъ хочетъ сказать?

— Услышимъ.

— Ужъ конечно услышимъ. Вонъ къ берегу тянется лодка... Эге! Да это знакомая лодка Алкея. Ее, еще года нѣтъ, снаряжалъ и опять недавно раскрасилъ Гифасъ, а теперь... смотри, что такое?... Лодку ведутъ на веслахъ двѣ женщины... Ахъ, вѣдь это Мелита съ своею рабыней, сидоняпкой Маремой... Ну, у этой руки изъ бронзы, но все-таки женщинамъ не пристать сюда близко... Здѣсь вязкая тина и внизу въ разныхъ мѣстахъ, не на одной глубинѣ, острые камни... Ага! вотъ хорошо догадался Пруденцій: онъ сбѣжалъ къ морю и вошелъ въ воду... Ну, немножко измокнетъ, а зато онъ взялъ лодку за канатъ и подведетъ ее къ берегу... Ишь, какъ онъ весь изогнулся подъ лямкой!

— И зато какой чудный станъ!..

— Да, ужъ Пруденцій, извѣстно, совершенный красавецъ. Говори что кто хочетъ, а имъ вѣдь недаромъ гордится наше селеніе, и я думаю, если бы боги не имѣли зависти къ красотѣ смертныхъ, то нельзя было бы ни понять и ничѣмъ объяснить, какъ они могли допустить соединеніе Мелиты съ раскосымъ Алкеемъ, послѣ чего Мелита остается безплодной, тогда какъ ее слѣдовало бы соединить съ Пруденціемъ...

— Ага! это правда.

— Да, ужъ тогда было бы можно ручаться, что Мелита не тосковала бы и не осталась бы безплодной, а взору человѣческому былъ бы данъ для услады самый красивый ребенокъ.

— Да; я думаю тоже, что если бы Мелита была помоложе и была бы свободна,—она не сочла бы для себя за большое обремененіе ласки Пруденція, и тогда-то, пожалуй, ты правъ, что второй Купидонъ могъ бы родиться гдѣ-нибудь въ нашемъ незнатномъ селеніи; но вѣдь Мелита постарше Пруденція, и мужъ ея, косоглазый Алкей, долговѣченъ: всѣ его предки всегда достигали маститаго вѣка...

Но въ это мгновенье у лодки, подвинутой къ берегу, раздался голосъ Пруденція:

— Почтенные люди и ты, о, нѣжно любимая мать моя, вдова Ефросина! Еще въ очень недавнее время отсюда отплыли вдвоемъ: отецъ мой, отважный Гифасъ, съ безстрашнымъ Алкеемъ. Такъ они много разъ отправлялись вмѣстѣ вдвоемъ и всегда вмѣстѣ вдвоемъ возвращались, но въ этотъ послѣдній разъ случилось иначе: въ этотъ разъ возвратился одинъ только смѣлый Алкей и открылъ здѣсь, на этомъ же мѣстѣ, всѣмъ вамъ и мнѣ, сыну Гифаса, и вдовѣ отца моего Ефросинѣ, что отецъ мой сдѣлался жертвою моря.

Всѣ люди слушали это вступленіе о вещахъ, всѣмъ имъ извѣстныхъ, и напряженно смотрѣли на Пруденція и на Мелиту съ Маремой, стоявшихъ попрежнему въ лодкѣ. Въ толпѣ проносилось:

— Что̀ онъ хочетъ сказать?.. Для чего въ лодкѣ стоятъ Мелита съ служанкой?.. Пруденцій, быть-можетъ, узналъ что-нибудь и задумалъ теперь обвинить въ преступленьѣ Алкея?

А Пруденцій, вмѣсто того, вдругъ зарыдалъ и, рыдая, воскликнулъ:

— Посмотрите же, что̀ нынче сталось съ самимъ безстрашнымъ Алкеемъ!

Пруденцій сдвинулъ лежащій на днѣ лодки парусъ и, приподнявъ трупъ Алкея, добавилъ:

— Вотъ онъ, Алкей! Онъ убитъ. Подходите и смотрите: на его темени рядомъ три одинакія раны. Отъ каждой изъ нихъ человѣкъ долженъ былъ умереть непремѣнно, а Алкей получилъ всѣ три раны въ одно мгновеніе ока.

— Гдѣ и какъ онъ могъ получить ихъ?—зашумѣли, толпясь на берегу и отчасти входя въ воду, люди.

— Ты долженъ все объяснить,—кричали другіе.

— Да; ты за него отвѣчаешь.

— И ты можешь быть въ подозрѣніи: ты мстилъ ему за Гифаса!

— Или завидовалъ красотѣ несравненной Мелиты!

— О, воздержитесь! — воскликнулъ Пруденцій. — Вы не опоздаете оскорблять меня обвиненіями и послѣ того, когда я все изложу вамъ, какъ было дѣло. Дѣло же въ томъ, что Алкей и, упредившій его на пути въ царство тѣней, отецъ мой Гифасъ не только занимались торговлей, но они... они тоже нападали на другія суда и грабили ихъ, и топили...

На всю массу слушателей это не произвело особенно сильнаго впечатлѣнія, и даже, кажется, никого не удивило, кромѣ одной Мелиты, которая вскрикнула: «Мой мужъ былъ разбойникъ!»— и, поднявъ кверху руки, упала головою на плечо Маремы.

Пруденцій же продолжалъ говорить и разсказалъ, что онъ не вѣритъ словамъ Алкея, какъ погибъ Гифасъ, что это навѣрное было какъ-то иначе, но что онъ никогда не думалъ мстить за это Алкею, а самъ Алкей получилъ свои раны отъ гвоздей, предательски вбитыхъ въ днище плывшей византійской триремы, подъ которую Алкей подныриулъ съ тѣмъ, чтобы тихо взобраться на ея бортъ и задушить сознаго кормщика, а остальныхъ сонныхъ людей сбросить въ море; но эта трирема была для нихъ проклятой ловушкой: когда они встрѣтились съ ней предъ разсвѣтомъ, люди на ней только притворялись спящими, а вовсе не спали; а дно самой триремы было утыкано острыми спицами, изъ которыхъ три сразу же вонзились въ темя Алкея, такъ что бѣлый гребень набѣжавшей волны въ то же мгновенье и сразу весь окрасился Алкеевой кровью...

Затѣмъ слѣдовалъ разсказъ о томъ, какъ притворно спавшіе на триремѣ византійскіе греки злорадно захохотали и, оттолкнувъ отъ себя шестомъ тѣло Алкея, уплыли въ море, а осиротѣлый Пруденцій остался одинъ и съ трудомъ изловилъ Алкеево тѣло, втащилъ его въ ладью и привезъ сюда, чтобы оно было предано погребенію и чтобы видѣли всѣ, что ему нѣтъ нужды ничего скрывать въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, полагающемъ конецъ торговому товариществу двухъ ихъ домовъ.

Пруденцій закончилъ словами:

— Кто-то сказалъ, что на меня есть подозрѣніе!.. Что же, судите меня! Я не боюсь ничего, я приготовился къ смерти, но я невиненъ въ смерти Алкея.

Народъ, выслушавъ все это, оставался въ недоумѣніи и обнаруживалъ разногласіе: однимъ казалось, что Пруденцій дѣйствительно не виноватъ въ смерти Алкея, а другіе думали, что Алкей убитъ его рукою, именно изъ мести за отца или, быть-можетъ, и отъ любви къ Мелитѣ. И тогда постановили: опять положить тѣло Алкея въ лодку и туда же помѣстить Пруденція, и въ сопровожденіи двухъ молодыхъ людей и двухъ старцевъ, послать трупъ и подозрѣваемаго къ прорицательницѣ, жившей на отдаленномъ островѣ. Тамъ поручалось старцамъ вопросить прорицательницу надъ головою Алкея: виновенъ ли Пруденцій въ его убійствѣ? И если вѣщая дѣва скажетъ, что Пруденцій виновенъ, то тогда старцы, отблагодаривъ прорицательницу, снова войдутъ въ ладью вмѣстѣ съ Пруденціемъ, и когда удалятся настолько, что берегъ сдѣлается не виденъ, тогда старцы велятъ юношамъ завернуть Пруденція вмѣстѣ съ трупомъ Алкея въ парусъ и потомъ обмотать ихъ бечевою и бросить ихъ вмѣстѣ въ море.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Нельзя описать, какой страшный плачъ сдѣлала вдова Ефросина, когда услыхала такое рѣшеніе. И она не одна плакала, — съ нею стонали и другія женщины, потому что многимъ жаль было невиннаго Пруденція. Стонала и рвалась также и Марема, но Мелита не стонала и не рвала на себѣ ни волосъ, ни платья, а только поблѣднѣла и долго стояла въ молчаніи на одномъ мѣстѣ; но потомъ, когда ладья съ тѣломъ Алкея, съ Пруденціемъ и съ сопровождающими ихъ двумя старцами и двумя юношами отвалила отъ берега, Мелита подошла къ Ефросинѣ и сказала ей:

— Наши вопли и слезы ничему не помогутъ; вмѣсто того, чтобы здѣсь изнурять свои силы, сядемъ скорѣе въ другую ладью и поѣдемъ слѣдомъ за ними. Можетъ-быть, прорицательница, увидя твое материнское горе, склонитъ къ нему свой слухъ и дастъ старцамъ отвѣтъ, который послужитъ къ тому, что люди признаютъ невинность Пруденція.

Ефросина на это легко согласилась и черезъ самое малое время послѣ того, какъ ладья съ тѣломъ Алкея скрылась изъ глазъ, отъ той же пристани отошла другая ладья, нанятая Мелитою у нѣмого Тромеда, и на этой ладьѣ, у кормила которой стоялъ самъ Тромедъ, помѣщались Ефросина и Мелита съ своей вѣрной Маремой.

И прошло всего двое сутокъ, какъ на третій день къ вечеру жители селенія увидали, что обѣ ладьи опять возвращались и ладья нѣмого Тромеда опережала большую ладью, принадлежавшую прежде Алкею съ Гифасомъ. На передней ладьѣ, рулемъ которой правилъ Тромедъ, а парусами Марема, по серединѣ сидѣлъ юный Пруденцій, а съ двухъ сторонъ его—Ефросина и Мелита.

Съ берега видѣли ясно, что Ефросина внушала что-то сыну съ большимъ увлеченіемъ, а онъ ее радостно слушалъ и съ видимымъ счастіемъ сжималъ своими руками ея обѣ руки, а Мелита сидѣла въ раздумьѣ и, опустивъ руку за бортъ, держала въ ней камышинку, листья которой играли съ дробившейся волною. Въ лодкѣ Алкея оба юноши и оба старца были спокойны: на всѣхъ на нихъ нынче были надѣты вѣнки изъ бѣлыхъ пупавокъ въ знакъ того, что ихъ головы свободны отъ гнета всякой тягостной мысли, и на ихъ мачтѣ не было уже болѣе чернаго войлочнаго колпака, а вмѣсто него красовалась зеленая вѣтка оливы.

Ясно было, что вѣщая дѣва объявила невиннымъ Пруденція и что трупъ Алкея, какъ ненужный болѣе ни для какихъ разслѣдованій, спущенъ былъ въ море, и теперь всѣ возвращаются въ покоѣ и въ мирѣ.

Всѣ догадались, что сейчасъ наступаетъ веселый, радостный вечеръ, что вдова Ефросина навѣрно не станетъ скупиться, а жарко растопитъ очагъ въ своемъ домѣ и угоститъ всѣхъ такъ изобильно, какъ она можетъ. О, она не поскупится справить веселый праздникъ за спасеніе сына.

Такъ это и сдѣлалось: лодки пристали, старцы и юноши объявили, что Пруденцій невиненъ и что при этомъ случилось еще одно пречудесное дѣло... Вышло такъ, что когда вдова Ефросина вмѣстѣ съ Мелитой хотѣли поднять Пруденція отъ ногъ прорицательницы, то вѣщая дѣва вдругъ какъ-будто проснулась,—лицо ея озарилось улыбкой, и она, взявъ за руки Мелиту и Пруденція, вложила одну въ другую ихъ руки...

Тутъ всѣ, кто это слушалъ, заплескали руками и запѣли: «Эвое! Эвое!» и начали обнимать и цѣловать и Мелиту, и Пруденція и поздравлять вдову Ефросину, и радоваться, что союзъ Мелиты съ Пруденціемъ исполнитъ ихъ счастіемъ и устранитъ всякій вопросъ о раздѣлѣ имущества, такъ какъ съ этихъ поръ все равно, что̀ Пруденціево, что̀ Мелитино. И всѣ, распивая вино, которое выставила Ефросина, и обоняя запахъ мяса и рыбъ, которыя жарились на вертелахъ, и сладостный паръ черносливныхъ поливъ, кипѣвшихъ въ огромныхъ сосудахъ, — всѣ безъ уговора стали считать себя въ правѣ смотрѣть на Пруденція и на Мелиту какъ на супруговъ, для соединенія которыхъ все рѣшено самою судьбою и теперь только потребно какое-то недолгое время, чтобы бракъ ихъ признать совершеннымъ.

Невинный Пруденцій былъ наверху своего счастія и еще усугубилъ свою всегдашнюю почтительную скромность передъ Мелитой, а вдова Ефросина даже терялась отъ радости и изливалась въ привѣтахъ и ласкахъ ко всѣмъ, кто подходилъ къ ея очагу, чтобы брать мясо, и рыбу, и похлебки; въ радостномъ духѣ была и Марема, которая помогала Ефросинѣ въ угощеніи и, нося на плечѣ кувшины съ виномъ, наполняла имъ чаши. Одна лишь Мелита не измѣняла своей задумчивости и не отвѣчала ни на какіе намеки, а какъ бы витала теперь гдѣ-то далеко отсюда, и когда гости, замѣтивъ на небѣ признакъ приближающагося утра, начали расходиться, Мелита вздрогнула и, взглянувъ въ знакомыя лица Маремы и вдовы Ефросины, сказала:

— О, кто бы вы ни были! — отведите меня куда-нибудь въ тихое мѣсто!

Такое обращеніе къ Маремѣ и Ефросинѣ, какъ къ незнакомымъ, очень удивило обѣихъ женщинъ, и онѣ, переглянувшись другъ съ другомъ, подумали: не выпила ли Мелита съ жажды ошибкою цѣльнаго вина, или не потеряла ли она разсудка при морскомъ переѣздѣ на лодкѣ или при быстромъ охлажденіи воздуха.

Марема попробовала руки Мелиты и, чувствуя, что онѣ холодны, окутала ея голову и станъ покрываломъ вдовы Ефросины и, обвивъ ея станъ своею рукою, повела ее къ дому.

Какъ провожая Мелиту, такъ и укладывая ее дома въ

постель, Марема все время была въ полной увѣренности, что госпожа ея недомогаетъ отъ множества смѣшанныхъ чувствъ, надъ которыми забираетъ самое высшее положеніе и самую большую силу любовь ея къ прекрасному и невинному Пруденцію; а потому, чтобы сказать Мелитѣ что-нибудь самое радостное и способное вызвать въ ней оживленіе, —Марема, покрывши Мелиту ночнымъ одѣяломъ, нагнулась къ ея лицу и, поцѣловавъ ее въ лобъ, прошептала ей на ухо:

— Спи и пусть тебѣ снится тотъ, къ кому рвется съ любовью твое разрѣшенное отъ клятвъ сердце!..

А когда Мелита промолчала, то потомъ Марема расприлась и ласково спросила ее:

— Скажи мнѣ, ты не сердишься за то, что я позволяю себѣ немножко читать въ твоемъ сердцѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчала Мелита:—я не сержусь.

— Значитъ, я угадала...

— Нѣтъ, это не значитъ, что ты угадала. Я не сержусь на тебя, потому что ни на кого не должно сердиться, а сердце мое дѣйствительно неспокойно и дѣйствительно оно съ каждымъ днемъ все становится болѣе полно любви, но это любовь совсѣмъ не къ тому, о комъ ты помышляешь...

— Какъ, развѣ невинный Пруденцій не одинъ... Неужто же онъ долженъ будетъ отнимать у кого-нибудь свое мѣсто въ сердцѣ Мелиты?

А Мелита ей отвѣтила:

— Успокойся, Марема! И ты, и невинный Пруденцій имѣете свое мѣсто въ сердцѣ Мелиты...

— О, я не говорю о себѣ!—перебила Марема.

— Дай мнѣ докончить! И ты, какъ и онъ, живете и будете жить въ моемъ сердцѣ, потому что я люблю васъ обоихъ, какъ стремлюсь и желаю любить всѣхъ людей въ мірѣ. Изъ васъ никому не нужно ни у кого отнимать ваше мѣсто въ моемъ сердцѣ, но *владѣть* имъ, — *повелѣвать* моему сердцу и *править имъ* съ властительной силой и властью будетъ только одинъ...

— Кто же это такой? Я его знаю или не знаю?

Мелита ласково ей улыбнулась и сказала:

— И знаешь, и нѣтъ.

— Кто же это такой?

— Іисусъ Галилейскій.

Марема положила большіе пальцы обѣихъ рукъ себѣ на уши и, закрывъ остальными перстами свои глаза, затрясла головою въ знакъ того, что она ничего въ этомъ не понимаетъ ни однимъ изъ своихъ чувствъ. Но Мелита привлекла ее къ себѣ, уложила рядомъ съ собою въ постель, и, лаская ее, стала ей говорить: что жизнь на землѣ ей не представляется цѣлью достойною заботъ и стараній; что всѣ радости жизни слишкомъ быстротечны и оставляютъ послѣ себя одну пустоту и страданье; что «союзъ сердецъ», который воспѣваютъ пѣвцы,—нимало не надеженъ, если онъ основанъ на влеченіяхъ страсти; что какъ бы ни укрѣпляли такой союзъ, онъ никогда и ни отъ чего не получитъ всегдашней прочности, а истиненъ и крѣпокъ одинъ лишь союзъ — это союзъ тѣхъ людей, которые сопрягаютъ себя подъ одно иго по схожести мыслей и по согласію въ разумѣніи жизни...

— И вотъ, — добавила Мелита, послѣ долгаго развитія своихъ соображеній въ этомъ духѣ: — вотъ тотъ союзъ, о которомъ можно говорить, какъ о прочномъ благѣ — объ исполненіи закона жизни земной, учрежденной для приготовленія насъ къ какой-то другой, высшей цѣли, намъ неизвѣстной. Но кто же изъ насъ всѣхъ такъ единомысленъ и такъ схоже настроенъ, чтобы слиться другъ съ другомъ? Я надѣюсь, что это не я и не невинный Пруденцій. Развѣ ему міръ и назначеніе въ немъ человѣка представляется тѣмъ же, чѣмъ мнѣ?

— О, это было бы страшно, Мелита!

— Быть-можетъ. А мнѣ кажется страшно другое... страшно соединиться на одномъ ложѣ съ человѣкомъ, съ которымъ меня ничто не соединяетъ духовно, а развѣ только одно бунтованье плоти и крови... О, какъ ужасно и страшно должно быть проснуться послѣ этой оньяняющей ночи, что вы называете вашей «любовью»!.. Какъ надо будетъ дрожать, чтобы плодомъ этихъ объятій не явилися дѣти, о наученіи которыхъ мать должна будетъ спорить съ ихъ же отцомъ!

— Зачѣмъ же все спорить, Мелита?

— Затѣмъ, что нельзя съ равнодушьемъ глядѣть, если дѣтей ведутъ не къ тому, что̀ серьезно и свято, — что̀ воспитываетъ духъ въ человѣкѣ и «ставитъ его господиномъ надъ звѣремъ, живущимъ въ самомъ человѣкѣ...» О, какъ это страшно! какъ это страшно!

— Однакоже ты вѣдь была женою Алкея и могла бы не разъ сдѣлаться матерью рожденныхъ тобою дѣтей.

Мелита вздохнула и отвѣчала:

— Могла!.. Ты права: я была женою человѣка, съ которымъ у меня не было ничего общаго въ мысляхъ. Я стала женою Алкея ребенкомъ, когда сама не имѣла тѣхъ мыслей о жизни, какія имѣю теперь. И не хочешь ли ты меня укорить за то, что я съ нимъ жила и не бѣжала изъ его дома, и не раздражала его гнѣва уклоненіемъ отъ его ласкъ и объятій, которыя я должна была принимать, разъ назвавшись женою! Да; я все это снесла, и все это было мнѣ тяжело; но я понимала, что Алкей не виноватъ въ томъ, что въ его глазахъ свѣтъ свѣтился иначе, чѣмъ онъ засвѣтился въ моемъ взглядѣ! Когда намъ пѣли брачные гимны, я его не могла предупредить объ этомъ и такъ же точно не должна была его оставить, пока онъ могъ быть моимъ мужемъ... Но теперь, когда не по моей волѣ все это минуло,—теперь, когда я свободна и вижу ясную цѣль въ моей жизни, я не хочу утомлять духъ мой въ обязательствахъ брака съ мужчиной... Я не считаю призваньемъ и долгомъ вызвать нѣсколько новыхъ дѣтей, чтобы было кому собирать ракушки и камни на берегу моря... Напрасно вы думаете, что я соглашусь связать съ кѣмъ-нибудь мое право отдать себя съ этимъ тѣломъ и кровью на пользу вѣчнаго духа, жизнь котораго я въ себѣ ощущаю... О, какія вы дѣти! О, какія вы несмысленныя, бѣдныя дѣти!.. Встань, о Марема,—встань, другъ мой!.. Ты уже другъ мой, а не рабыня—рабство беззаконно, я тебя отпускаю и... я постараюсь, чтобы ты получила все то, въ чемъ ты видишь счастье... Цѣлуй меня просто, какъ друга, и, если любишь меня, сослужи сама мнѣ еще одну величайшую службу... Встань,—о, Марема!—спѣши ко вдовѣ Ефросинѣ... говори ей... проси... убѣждай... что Мелита не можетъ... она не годится быть подругой Пруденція... Иди!

И Марема дѣйствительно встала и вышла,—но она была въ сильномъ волненіи и побѣжала ко вдовѣ Ефросинѣ, а когда разбудила вдову, то сказала ей съ замирающимъ сердцемъ:

— Случилось еще очень большое несчастье!

— Домъ вашъ сгорѣлъ?

— Нѣтъ; но Мелита, моя госпожа... помрачилась въ разсудкѣ.

— О, боги! о, боги! Зачѣмъ такъ всесильна надъ нами любовь!

— Ужасно!

— Скажи же скорѣе, что̀ она говоритъ?.. Она не дождется Пруденція?.. Да? Говори же!

— Она говоритъ... совсѣмъ противъ брака.

— Съ Пруденціемъ?

— Съ кѣмъ бы то ни было.

Ефросина вскричала:

— О, боги, какое безумье! Но это минуетъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Такъ несродно было пониманію вдовы Ефросины и юной Маремы все то, что̀ имъ сказала молодая христіанка Мелита. Обѣ женщины не могли допустить, чтобы человѣкъ, сохраняющій здравый разсудокъ въ своей головѣ, могъ имѣть о значеніи жизни и о главномъ назначеніи женщины такія, по ихъ мнѣнію, безумныя понятія, какія начала высказывать высоко настроенная Мелита... И изъ того, что это случилось такъ неожиданно, вдругъ, вскорѣ послѣ того, какъ молодая вдова Алкея пережила столько внезапныхъ потрясеній, опытная въ жизни мать Пруденція, пожилая вдова Ефросина, имѣла вполнѣ достаточныя, по ея мнѣнію, основанія вывесть, что въ Мелитѣ произошла не твердая и ясно обдуманная перемѣна въ образѣ мыслей, а просто забурлилъ на время какой-то бурный порывъ, дающій ея мыслямъ болѣзненное и безпорядочное направленіе.

А какъ Мелита очень нравилась вдовѣ Ефросинѣ за ея красоту, добрый нравъ и изящную домовитость, и Ефросина знала, что ея сынъ, юный Пруденцій, давно страстно любитъ Мелиту и уста его, на яву и въ сонной дремотѣ, только и шепчутъ драгоцѣнное юношѣ имя Мелиты, то извѣстіе, принесенное Маремою, все-таки сильно встревожило вдову Ефросину, и она просила Марему никому болѣе въ селеніи не разсказывать о томъ, что̀ она слышала отъ находившейся въ особенномъ, возбужденномъ состояніи Мелиты.

— Для чего ее подвергать общимъ насмѣшкамъ и осужденію? Пусть лучше это пройдетъ и позабудется, какъ забываются многія молодыя грезы... Большой опасности нѣтъ. Слава богамъ, въ селеніи не завелось еще другихъ

людей, опоенныхъ этимъ мечтательнымъ ученіемъ, которое принесли какіе-то жиды изъ какой-то своей далекой и никому не нужной Галилеи. Мелита одна гдѣ-то наслышалась объ этомъ ученіи отъ своей какой-то подруги, и вотъ теперь бредитъ... Эта жизнь будто только и стоитъ вниманія, какъ воспитаніе себя къ какой-то иной жизни, о которой мы не можемъ судить, потому что она такъ не схожа съ тѣмъ, что видимъ, какъ не похожъ жолудь на дубъ, который можетъ изъ жолудя выйти... Но вѣдь все это вздоръ, и Мелита не удержится въ этомъ настроеніи, и оно скоро замѣнится другимъ, болѣе жизненнымъ и болѣе свойственнымъ молодой красавицѣ, къ которой горитъ нѣжною страстью такой совершенный красавецъ, какъ невинный Пруденцій!.. Вѣдь она давно о немъ думаетъ!.. Не она ли, Мелита, научила его многимъ знаніямъ; она развила въ немъ ловкость и силу, и часто сама любовалась имъ и сама съ нимъ состязалась и въ бѣгѣ, и въ другихъ упражненіяхъ... И развѣ не она виновата, что въ немъ зародилась любовь къ ней, какъ къ женщинѣ, и сердце Пруденція давно ужъ горитъ страстнымъ огнемъ, который, безъ сомнѣнія, вспыхнетъ еще сильнѣе теперь, когда Алкей удалился въ область Анда... Вѣдь не даромъ же тамъ, предъ послами народа, вѣщая дѣва соединила ихъ руки надъ тѣломъ Алкея!.. Развѣ можетъ же быть, чтобы теперь Мелита, сама все это пожелала разрушить? Развѣ возможно молодой и столь красивой вдовѣ, бывшей женою суроваго мужа, каковъ былъ мореходецъ Алкей, отказаться отъ страстныхъ ласкъ и объятій такого нѣжнаго юноши, какъ невинный Пруденцій?..

Вѣдь онъ такъ изященъ, такъ нѣженъ, что одинъ отказъ Мелиты принять его къ себѣ мужемъ навѣрное и безъ малѣйшаго сомнѣнія убьетъ его! Да; убьетъ его, самаго стройнаго и красиваго, самаго добраго и достаточнаго юношу на всемъ побережьѣ! Неужто это—то, совсѣмъ отвлеченное и мало понятное?.. Неужто есть такая странная вѣра, которая можетъ побудить женщину отвергнуть влюбленнаго въ нее молодого красавца, какъ невинный Пруденцій? Нѣтъ; это все пустяки! нужно только скорѣе дѣло свести къ поцѣлуямъ! Скорѣе украсить цвѣтами алтарь бога любви, скорѣе заставить Мелиту принести жертву Гимену.

Всѣми такими соображеніями и надеждами вдова Ефро-

сина вдохновила пылкую душу темнокожей Маремы, дѣвушки, возрастъ которой достигъ самой огневой поры, и Ефросина вдругъ увидѣла, какъ этотъ огонь всюду свѣтитъ во всемъ тѣлѣ Маремы, разливаясь прямо изъ-подъ черныхъ волнистыхъ волосъ на ея гладкій лобъ, брови, полные нѣги глаза, на шею, на дрожащія плечи и грудь, которая волной заходила подъ легкимъ покровомъ.

Ефросина теперь точно въ первый разъ увидала Маремы, и только теперь почувствовала, что эта темнолицая дѣвушка тоже прекрасна, и хотя красота ея совсѣмъ не такова, какъ красота Мелиты, но зато... здѣсь духъ не поведетъ распри съ плотью и кровью... Эта навѣрно не станетъ укорять природу за однообразіе общихъ всѣмъ людямъ желаній!

И вдова Ефросина сама не услѣдила за собою, какъ она увлеклась страстной красотою Мерамы: она коснулась слегка обѣими руками ея плечъ, и потомъ улыбнулась и, быстро отодвинувъ ее отъ себя, воскликнула:

— Ну, что̀ это, право, какъ ты красива, Марема! Вообрази, что до этой минуты я тебя будто совсѣмъ не видала!

— Вотъ какъ, — отозвалась шутливо Марема. — У насъ въ Финикіи, откуда я родомъ, есть много красавицъ; быть-можетъ, и мать моя тоже была изъ красивыхъ.

— А ты ее не видала?

Марема, молча, отрицательно покачала головою.

— И вовсе не знаешь ее?

— И вовсе не знаю. Иначе бы я не была продана сюда въ рабство.

— Да, да, да! — молвила, точно будто въ себѣ самой, Ефросина. — И знаешь ли, другъ мой, Марема, ты ужъ слишкомъ хороша для рабыни... Мелита, можетъ-быть, и не дѣлала ошибки, что держала тебя, пока она была замужемъ за Алкеемъ. Къ нему она была равнодушна, и ты не могла возбуждать въ ней ревности; но когда мужемъ ея станетъ сынъ мой Пруденцій... Вотъ ужъ тогда я ей не посовѣтую этого... Ты не безопасна... Подъ одной крышей съ тобой всякой женѣ должно быть тревожно... Ты опьяняешь... отъ тебя чѣмъ-то вѣетъ... Я боюсь—это, быть-можетъ, одуряющій запахъ заколдованнаго корня...

Марема расхохоталась, а Ефросина въ-серьезъ продолжала ворчать:

— Нѣтъ, право... Бѣдный Пруденцій!.. не гляди на него этими жгучими глазами, Марема!.. Я постараюсь тебѣ найти добрую госпожу, которая заплатитъ за тебя Мелитѣ хорошую цѣну и будетъ съ тобой хорошо обращаться.

— А развѣ у той госпожи нѣтъ мужа?

— Есть, но онъ уже очень старъ.

— Это тѣмъ лучше: тѣмъ онъ скорѣе возненавидитъ свою старую жену и станетъ гнуться къ колѣнамъ красивой невольницы... И тогда эта добрая госпожа, къ которой ты хочешь меня устроить, исцарапаетъ ногтями лицо Маремы, и продастъ меня еще худшей мегерѣ. Такъ-то вотъ трудно устроить со мною. Но ты, о, вдова Ефросина, не безпокойся: знай, что я не невольница больше... Марема свободна. Мелита подарила мнѣ волю.

— Давно ли?

— Сегодня же ночью, когда ей казались такъ скучны всѣ повторенія въ супружеской жизни. Тутъ она захотѣла, чтобы и для меня не повторялись терзанья неволи. Да; я свободна, вдова Ефросина, и считаю земную любовь разнополыхъ людей высочайшей усладою жизни... Я могла бы... и даже хотѣла бы принести мое тѣло въ жертву при храмѣ Изиды, или могу дать внучатъ матери красиваго и сильнаго юноши, но... ты знаешь.. и во мнѣ есть смущенье...

— Чѣмъ же ты смущена?

— А вотъ тѣмъ самымъ, что̀ происходитъ съ Мелитой...

— Что жъ тебѣ кажется?

Марема двинула своимъ смуглымъ плечомъ и, взявши за обѣ руки вдову Ефросину, пригнулась къ ея лицу и сказала ей тихо и внятно:

— Мнѣ иногда тоже кажется... что *Онъ* гдѣ-то есть...

— Кто?

— Тотъ, Кто научилъ ее знать что-то такое, чего мы не знаемъ.

— Такъ пусть она это покажетъ.

— Она еще не нашла... а все хочетъ искать, чего мы не ищемъ...

— Кто Онъ, Который даетъ ей эту силу терпѣть все, что̀ посылается въ жизни, и отказываться отъ всего, что̀ привязываетъ къ этой жизни... Зачѣмъ она налагаетъ на себя узы, а меня одаряетъ свободой? О, Ефросина! Что̀

если Мелита правѣй насъ!.. Что если мы не всѣ цѣликомъ здѣсь на землѣ начались и не здѣсь кончимся! Что если взаправду здѣсь только школа или гостиница!.. Какъ тогда стыдно!.. Какъ тогда страшно!.. Я хочу когда-нибудь это проникнуть... хочу это понять... И я все, что̀ мнѣ нужно, пойму... Не вѣрь, вдова Ефросина, что одни только старцы подъ длинными тогами могутъ понять, въ чемъ настоящій смыслъ жизни... Въ то же самое время, когда я слышу своими ушами, какъ шумитъ моя кровь и стучитъ мое сердце, я слышу и что-то другое... что-то такое, что̀, вѣроятно, еще явственнѣй слышала моя госпожа и что̀ ее сдѣлало...

— Сумасшедшей на время, ты хочешь сказать?

— Да!.. Я впрочемъ не знаю... я не знаю, что̀ хочу я сказать. Мнѣ кажется, и я будто брежу.

Ефросина погладила Марему по плечу и сказала:

— И впрямь обѣ вы очень молоды, и обѣимъ вамъ что-то представляется, чего вовсе нѣтъ... Вы очень долго жили однѣ, безъ супружескихъ ласкъ... Все это намъ, старухамъ знакомо. Поусердствуйте браку, нарожайте побольше дѣтей да хорошенько вскормите ихъ молокомъ вашей груди—вотъ вамъ и будетъ настоящій смыслъ жизни. А теперь иди, Марема, къ Мелитѣ и скажи ей, что къ ней скоро приду и принесу ей вкусную рыбу. Мы съ ней сегодня же кончимъ о бракѣ... Бѣдный Пруденцій и безъ того ожидалъ ея ласкъ слишкомъ долго и слишкомъ тяжко томится.

Въ это мгновеніе до слуха женщинъ какъ нарочно достигъ изъ-за толстаго занавѣса томительный бредъ Пруденція:

— О, не удаляйся... не удаляйся, Мелита!.. Яви мнѣ милосердіе... стань твоею ногою на этотъ листъ, который растетъ у тропинки... Коснися его твоею ногою, чтобы бѣдный Пруденцій могъ лобызать его послѣ... Сдѣлай, чтобъ я получилъ облегченіе въ моихъ тягостныхъ мукахъ! Я возьму этотъ листъ и покрою его лобзаніями... я оботру имъ мои слезы, которыми плачу о тебѣ днемъ и ночью, скрывая отъ всѣхъ, о чемъ я дѣйствительно плачу, и... затѣмъ... я положу этотъ листъ на мое сердце... чтобы оно перестало биться... перестало жить... потому что жизнь безъ тебя для меня исполнена му̀ки и на свѣтѣ нѣтъ никого, кто бы для меня что-нибудь значилъ... Я ухожу... я... исчезаю, Мелита!

— Каково это слышать матери! — воскликнула вдова Ефросина.

— Даже и не матери это слышать ужасно! — отвѣтила, вся въ волненьи, Марема, и обѣ онѣ разошлись въ разныя стороны: Ефросина къ базару, гдѣ продавали рыбу, а Марема—къ дому Мелиты.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Вдова Ефросина явилась къ Мелитѣ, какъ обѣщалась,—скоро и съ вкуснымъ блюдомъ изъ рыбы, и, какъ только пришла, такъ сразу же начала съ ней разговоры, клонящіеся къ тому, чтобы получить отъ Мелиты согласіе на бракъ съ Пруденціемъ. Она хотѣла кончить съ этимъ какъ можно скорѣе и думала, что Мелита не станетъ упорствовать; но Ефросина ошиблась въ своихъ соображеніяхъ.

Напрасно вдова Ефросина подводила, что теперь у нихъ въ двухъ домахъ, связанныхъ старинною дружбою, остался только одинъ мужчина, молодой и невинный Пруденцій, — что онѣ обѣ, т.-е. Ефросина и Мелита, должны его поберечь, такъ какъ онъ нуженъ имъ обѣимъ. И что самое лучшее имъ всѣмъ соединиться и жить однимъ общимъ хозяйствомъ. Пусть Пруденцій возьметъ себѣ кормщика въ долю и уходитъ въ море и снова возвращается, а онѣ будутъ его ждать и сдѣлаютъ для него возвращенье домой радостнымъ и счастливымъ.

— А недостатковъ бояться не надо, — продолжала говорить Ефросина:—Пруденній уже знаетъ всѣ мѣста, гдѣ что покупали и что продавали Гифасъ и Алкей, и поведетъ дѣло, какъ оно шло. Я ужъ стара и мнѣ не нужны ни заняетья, ни кольца, ни цѣпи, —я всѣ ихъ отдамъ тебѣ съ радостью, чтобы ты ихъ прибрала вмѣстѣ съ твоими и надѣвала, когда что захочешь. А кромѣ того... Кромѣ того (Ефросина понизила голосъ), правда или нѣтъ, но была молва въ людяхъ, будто бъ Гифасъ и Алкей въ самомъ дѣлѣ иногда разбивали чужія ладьи и овладѣвали насильно чужимъ имуществомъ. И что они отнимали, то все отвозили на маленькій островокъ, а островокъ этотъ гдѣ-то затертъ среди скалъ и никому, кромѣ нихъ, неизвѣстенъ. До островка этого, говорятъ, очень трудно добраться среди острыхъ камней и бурныхъ протоковъ; но самъ по себѣ островъ будто пригоденъ для жизни — покрытъ зеленью, имѣетъ

источникъ сладкой воды, бѣгущей сверху изъ камня, и въ серединѣ одна надъ другой двѣ пещеры,—одна съ такимъ входомъ, что вровень съ землею, а въ другую влѣзть очень трудно... Въ верхней пещерѣ у нихъ издавна устроено уютное жилище, въ которомъ Алкей и Гифасъ жили и скрывались, высматривая въ морѣ добычу. Отсюда они выплывали, нападали и грабили и потомъ вдругъ исчезали съ награбленнымъ. Пещеры эти не рытыя, а онѣ сами образовались, и та изъ нихъ, которая была въ самомъ верху на обрывѣ высокой скалы, была такъ тщательно скрыта, что ее ни за что не откроетъ ничей посторонній глазъ, а пробраться въ нее можно только приставивши жердь, скрытую въ потаеннѣйшемъ мѣстѣ на днѣ темнаго ущелья. Стòитъ же только принять и убрать эту жердь, и эта верхняя пещера дѣлается недоступною. Но зато она не велика въ сравненіи съ нижней, въ которой, за много лѣтъ совмѣстныхъ трудовъ Алкея съ Гифасомъ, собрано много добра,—много запасовъ пшена, и фруктовъ сушеныхъ, и рыбы сушеной, и боченковъ съ разными винами и оливковымъ и орѣховымъ масломъ; но, кромѣ тоґо, есть и тюки, и цѣлыя скрыни съ одеждой и утварью, есть и кожи, и пурпуръ, и все, о чемъ только можно подумать.

— Да; и все это чужое... и на всемъ этомъ слезы и кровь тѣхъ, у кого это отняли,—перебила Мелита.

— Ну, да; разумѣется, тѣ, у кого это было отнято—они, можетъ-быть... и плакали... да вѣдь ужъ это все было давно...

— А все-таки было.

— Ну было, конечно.

— А ихъ не жалѣли и грабили... да и жизни лишили ихъ...

— Можетъ-быть.

— Нѣтъ,—«не быть можетъ», а это навѣрное такъ было! А ихъ матери, и жены, и дѣти, конечно, ихъ ждали... толпились, рыдали и проклинали злодѣйство... нашихъ мужей... Алкея съ Гифасомъ!

— Ну, вотъ ты опять куда все повернула, Мелита!

— Я не знаю, какъ можно сюда не сворачивать... Не виновата я, что мой духъ все туда глядитъ, куда вы не хотите смотрѣть. Я смотрю, что со смерти Гифаса прошло ужъ три года, и въ это время Алкей ходилъ въ море съ твоимъ сыномъ... Бѣдный Пруденцій! бѣдный, невинный

Пруденцій... Онъ молчитъ, онъ скрываетъ, но, конечно, и онъ все это же самое дѣлалъ, что̀ дѣлалъ Алкей,—онъ помогалъ настигать людей въ морѣ, отнимать у нихъ вино, фрукты, хлѣбъ и другіе товары, а самихъ людей топить въ волнахъ... и бить ихъ весломъ, если они выплываютъ...

— Ахъ, Мелита,—вѣдь и все такъ и въ жизни, какъ въ морѣ,—одинъ бьетъ и топитъ другого!

— Это правда! И вотъ это у васъ называется «жить»!.. Вѣчно слѣдить другъ за другомъ, гнаться, отнимать и присвоивать все, что̀ только можно перебить изъ рукъ другъ у друга, и все это прятать въ недоступныхъ мѣстахъ... Для кого?.. для чего?.. Нѣтъ, я не спорю, что такова вся наша жизнь—на водѣ и на сушѣ,—но я не годна къ ней, я ея не хочу... Я не стану бороться за бо̀льшую долю чего бы то ни было въ жизни. И теперь я могу все это сдѣлать, потому что кончина Алкея меня разрѣшила отъ всѣхъ обѣщаній.

Тогда вдова Ефросина обняла ее и прямо сказала ей, что она пришла къ ней для того, чтобы просить ее согласиться на новый бракъ съ страстно влюбленнымъ въ нее Пруденціемъ; но Мелита воскликнула:

— Какъ! опять бракъ!.. Опять снова обѣты и снова заботы объ ихъ исполненіи? О, никогда и ни за что на свѣтѣ!

— Но чѣмъ же противенъ тебѣ сынъ мой Пруденцій?

— Твой сынъ мнѣ ничѣмъ не противенъ, но мнѣ противны обязательства новаго брака.

— Почему же?

— Я не считаю за лучшее въ жизни думать всегда объ угожденіяхъ мужу.

— Что̀ же можетъ быть лучше этого?

— Что̀ лучше этого?.. Жить для общаго блага, а особливо тѣхъ, кому трудно живется на свѣтѣ. Въ этомъ есть воля Отца нашего Бога.

— Боги желаютъ, чтобы люди жили и размножались.

Мелита молчала.

— Въ самомъ дѣлѣ, что̀ превзойдетъ воспитаніе честныхъ гражданъ въ своихъ дѣтяхъ?

— Помощь всѣмъ дѣтямъ чужимъ выростать при меньшихъ страданіяхъ.

— Ты говоришь непонятныя и непріятныя мысли, Мелита!

— Я говорю простыя самыя мысли.

— Ты хочешь остаться одна?

— Зачѣмъ же? Я буду при тѣхъ, кому могу сдѣлать услугу или пользу.

— Такъ вотъ и начни: сдѣлай услугу; проникнись сожалѣньемъ къ тоскѣ и страданіямъ страстно влюбленнаго въ тебя моего сына! Тронься стенаніями невиннаго Пруденція, который такъ много терпитъ, потому что весь женскій родъ для него воплощается въ одной только Мелитѣ...

— Ахъ, оставь это, вдова Ефросина! Кто жаждетъ того, чего жаждетъ сынъ твой, тотъ не изсохнетъ отъ жажды.

— Да,—продолжала вдова:—вотъ какъ Мелита жестока! Мелита не внемлетъ ему и даже не чувствуетъ никакого состраданья къ слезамъ, которыя текутъ по сморщеннымъ щекамъ ея тетки и матери Пруденція, бѣдной вдовы Ефросины.

Мелита взглянула на Ефросину и увидала, что въ самомъ дѣлѣ все лицо ея мокро и по щекамъ быстро бѣгутъ потоками слезы.

— Это жестоко со стороны васъ обоихъ,—сказала Мелита.

Но Ефросина закачала головою и сказала:

— И это ты же говоришь о жестокости!

— Да; это я говорю о вашей жестокости и не укоряю васъ, но только хочу, чтобы вы меня поняли. Вотъ теперь я скажу, въ чемъ вы жестоки: я вѣрю, что людямъ дано средство жить вѣки вѣковъ, и что отъ человѣка зависитъ войти въ эту вѣчную жизнь, или угаснуть въ предѣлахъ короткаго часа, пока наша свѣча горитъ здѣсь на землѣ. Вотъ такъ мнѣ дано, что духъ мой проснулся отъ природнаго сна, и, проснувшись, онъ слышитъ голосъ, который его громко зоветъ и велитъ ему бросать долой съ себя всякія путы... Мой духъ хочетъ бѣжать туда, откуда слышенъ ему зовъ, а вы опять хотите мнѣ спутать ноги страстными привязанностями и навязывать мнѣ обѣты, которыхъ я давать не могу, потому что... я не могу никому обѣщаться...

— Неужели же ты чувствуешь себя такою непостоянною?

— Да что ты пристаешь ко мнѣ съ постоянствомъ! Въ чемъ надо застыть... въ какомъ постоянствѣ? Я сегодня такая какъ есть, а быть-можетъ завтра же духъ мой увидитъ еще что-нибудь шире, и, когда подрастутъ его крылья,

онъ устремится куда-нибудь выше и дальше... въ вѣчность!..

— Чего же и лучше!—перебила ее Ефросина:—вотъ и пожертвуй собою — соверши счастье Пруденція, который такъ страстно влюбленъ въ тебя и такъ ужасно страдаетъ, что теряетъ различіе между тѣмъ, что̀ видитъ въ явѣ и что̀ ему грезится въ мучительныхъ снахъ. Бѣдный ребенокъ! воображенье его съ тобою не разстается ни на минуту, а уста его постоянно шепчутъ имя Мелиты. Бѣдный Пруденцій! сгорая огнемъ юныхъ желаній, уста его лобзаютъ воздухъ, въ которомъ онъ чувствуетъ тебя сквозь стѣны и скалы... О, сжалься! сжалься надъ нимъ! Сжалься надъ обоими нами, Мелита!

Такъ окончила свой разговоръ страстной просьбой вдова Ефросина и, обливаясь слезами, съ простертыми руками, бросилась на землю передъ ногами Мелиты.

Положеніе Мелиты было очень тягостно, но она, однако, не склонилась къ просьбамъ вдовы Ефросины, и хотя старалась показать ей свое сожалѣніе и участіе, но не подавала никакихъ надеждъ къ согласію на бракъ.

— Какъ!—воскликнула тогда Ефросина.—Неужто ты желаешь быть непреклонна даже въ томъ случаѣ, если Пруденцій умретъ или утратитъ разсудокъ?

— Для чего говорить о томъ, чего еще не случилось?—отвѣчала съ подавляемымъ въ себѣ нетерпѣньемъ Мелита.

— Развѣ ты почитаешь за невозможное, чтобы человѣкъ утратилъ разсудокъ отъ мученій любви?.. Вѣдь это бываетъ.

— О, бываетъ конечно!—отвѣчала Мелита:—но бываетъ потому, что люди сами отдаютъ себя въ жертву своимъ грубымъ желаніямъ и не хотятъ имъ противиться.

— А ты думаешь, что этимъ желаніямъ можно противиться?

— О, еще бы!.. Конечно...

Но въ это самое время до слуха обѣихъ женщинъ достигли громкіе крики Маремы, которая бѣжала къ дому и кричала издали:

— Госпожа Ефросина! Госпожа Ефросина! спѣши скорѣй къ дому... у тебя случилось большое несчастіе! Пруденцій сталъ умываться и вдругъ ударился объ полъ, и теперь катается съ пѣной у рта и рыкаетъ, какъ львенокъ... Мы его впятеромъ насилу держали, а горшечникъ Агавъ

обложилъ ему голову мокрою глиной; но спѣши, госпожа,— это все едва ли поможетъ... Бѣдный Пруденцій! бѣдный Пруденцій! онъ едва ли воротится къ жизни.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Услышавъ о такомъ жесточайшемъ страданіи сына, вдова Ефросина только молча бросила взглядъ, полный укора, Мелитѣ и, позабывъ свои годы, побѣжала домой, гдѣ терзался Пруденцій; а Марема, межъ тѣмъ, разсказала Мелитѣ подробнѣе, какъ все это случилось. Она повторила ей все то, что̀ уже знаемъ, и потомъ прибавила тихо:

— Напрасно скрывать, что онъ все это терпитъ отъ томленья жестокаго чувства, которымъ весь къ тебѣ полонъ. Ты, какъ природа, властвуешь надъ всѣмъ его существомъ... Шесть человѣкъ насъ съ Агавомъ, который подоспѣлъ къ намъ, были не въ состояніи сладить съ демономъ, который напрягъ мышцы юноши и вспѣнилъ въ немъ кровь до того, что всѣ уста его облилися розовой пѣной; но едва я закрыла его помутившіеся глаза твоимъ покрываломъ, которое несла на плечахъ, чтобы вымыть его у источника, Пруденцій вдругъ стихъ и зашепталъ:

«Мелита!.. близко Мелита!.. боги!.. пусть я умру прежде, чѣмъ она удалится!..»

— И прости меня, госпожа,—заключила Марема:— онъ такъ страдалъ, что я не могла взять у него твое покрывало... Пусть ему будетъ немножечко легче... Онъ обмоталъ въ него свои руки и прижалъ его къ сердцу, и мало-помалу въ немъ судороги стихли... онъ, можетъ-быть, даже... уснетъ или...

— Что?

— Перейдетъ безъ новыхъ страданій въ царство тѣней.

Мелита поднялась съ мѣста и сказала:

— Пойдемъ туда вмѣстѣ!

— Какъ!.. ты хочешь идти туда... въ домъ Ефросины, гдѣ лежитъ несчастный Пруденцій, съ головою, горящей въ огнѣ и обложенной мокрою глиной?

— Ну, да, конечно!

— Зачѣмъ же пойдешь ты туда?

— Зачѣмъ?.. Тамъ страдаетъ человѣкъ, и я хочу идти туда?

— Конечно, не съ тѣмъ, чтобы усилить его страданіе?..

Ты не отнимешь у него свое покрывало? Ты не гнѣваешься на меня, что я тамъ оставила эту ткань?

Мелита отвѣчала, что она нимало не сердится на Марему, а напротивъ, даже рада, что та оставила покрывало, сдѣлавшее какое-то удовольствіе капризу больного Пруденція, и добавила, что ей все равно, что объ ней станутъ говорить или думать въ селеніи,—что все это не стоитъ одной минуты человѣческаго страданія, если ему есть средство помочь.

— О, госпожа моя! — радостно вскричала Марема. — Идемъ же скорѣе, скорѣе спѣшимъ въ этотъ домъ плача! Ты властна въ цѣлой природѣ милаго юноши и одного звука твоего голоса, одного твоего приближенія будетъ довольно, чтобы воззвать Пруденція къ жизни, если только мы успѣемъ вбѣжать подъ кровъ Ефросины ранѣе, чѣмъ совсѣмъ остановится движеніе сердца въ груди ея сына.

— Поспѣшимъ!

— Поспѣшимъ! поспѣшимъ!

И онѣ обѣ схватились за руки и обѣ ровно и гибко побѣжали,—одна ясная, какъ день,—другая темная, какъ южная ночь... Ихъ волосы вѣялись въ воздухѣ и за ними тихо разстилалось дыханіе жизни.

— О, ты спасешь его!.. ты спасешь!—шептала, сжимая на бѣгу руку Мелиты, Марема...

— Можетъ-быть...—отвѣчала ей съ тихимъ пожатьемъ Мелита.

И что же случилось?

Прежде чѣмъ быстрыя ноги Мелиты и Маремы достигли жилища вдовы Ефросины,—ужасный припадокъ оставилъ Пруденція: онъ спокойно вздохнулъ, сѣлъ среди пола, на которомъ лежалъ, улыбнулся счастливой улыбкой, и, протянувъ впередъ руки, воскликнулъ:

— Боги! хвала вамъ во вѣки... Сердце Мелиты исполнилось жалости... Мелита встала... Мелита спѣшитъ, чтобы капнуть росинкой участья на мое сгорѣвшее сердце... Вотъ она, вотъ! Откройте скорѣе завѣсу!

И какъ голосъ Пруденція звучалъ увѣренностью и силой, то желанье его тотчасъ же исполнили, а когда завѣса была распахнута, тогда всѣ увидали передъ нею раскраснѣвшуюся отъ быстрой ходьбы прекрасную Мелиту, а за нею не менѣе красивую въ своемъ родѣ Марему.

— Вмѣсто одной облегчительницы — къ тебѣ спѣшатъ двѣ,—прошептали стороннія женщины, стоявшія возлѣ Пруденція.

Онъ же теперь похожъ былъ больше всего на ребенка, у котораго только-что унялись жестокія муки, отъ воспоминанія о которыхъ ему въ одно время и сладко, и больно.

Пруденцій сидѣлъ и смотрѣлъ въ лица пришедшихъ, и повторялъ, какъ дитя, улыбаясь:

— Вотъ и она... Мелита... Марема!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Вдова Ефросина была несказанно рада, что Мелита пришла къ ней и сама воочію могла убѣдиться, какъ тяжко страдаетъ Пруденцій и какъ облегченіе его мукъ прямо зависитъ отъ Мелиты, и Мелита все это видѣла, не спорила съ нею. Доказательства были слишкомъ очевидны, и Мелитѣ сдѣлалось ясно, что ей не оставалось никакой возможности жить въ своемъ домѣ въ одномъ и томъ же селеніи, гдѣ былъ домъ вдовы Ефросины. Здѣсь она будетъ постоянно встрѣчать Пруденція, и это станетъ усиливать его мучительную страсть, которой она отвѣчать не желаетъ. Каждый человѣкъ въ этомъ селеніи непремѣнно станетъ укорять ее за жестокость и будетъ говорить о ея глупомъ упрямствѣ, такъ какъ заботу о сохраненіи въ себѣ ничѣмъ не плѣненнаго духа во всѣ времена люди желали считать за «упрямство». А притомъ до безумія достигшая страсть Пруденція заставляла бояться, какъ бы онъ въ одинъ изъ подобныхъ порывовъ не посягнулъ на свою жизнь, и тогда горю осиротѣлой вдовы Ефросины не будетъ предѣла, а доброй Мелитѣ не снесть вида всѣхъ этихъ бѣдствій, въ которыхъ всѣ непремѣнно станутъ ее считать виноватой. Еще оставалось ей развѣ одно: тайно покинуть домъ и селеніе, и скрыться навѣки... Мелита на это была бы готова, она бы устроилась жить съ единомысленною ей подругою дѣтства, христіанкой Эрминіей; но вѣдь Пруденцій могъ ее всюду преслѣдовать и вездѣ нарушалъ бы ея покой и продолжалъ бы губить свою жизнь. Надо было отыскать иной, болѣе удобный для всѣхъ выходъ изъ этого положенія, и Мелита рѣшилась непремѣнно выдумать что-нибудь болѣе удовлетворительное и, обдумавъ, привести свое рѣшеніе въ дѣйствіе, какія бы оно ни представляло трудности.

Въ такомъ настроеніи она предстала предъ влюбленными глазами изступленнаго Пруденція, и когда удостовѣрилась, что онъ успокоился и можетъ ее понимать, она подала ему руку и спокойно сказала:

— Не предавайся отчаянію, добрый Пруденцій. Ты не будешь вѣчно томиться такъ, какъ до сихъ поръ томился. Съ этой поры я не буду тебя избѣгать и стану думать, какъ сдѣлать тебя счастливымъ, а тебя умоляю: имѣй ко мнѣ вѣру и немножко терпѣнья. Я тоже сильно взволнована, и духъ мой нуждается въ отдыхѣ и покоѣ. Дай мнѣ побыть въ тишинѣ съ самою собою только три дня, а на четвертый день приходи передъ вечеромъ на берегъ моря, гдѣ стоитъ наша лодка, и тамъ я скажу тебѣ, какое придетъ мнѣ рѣшеніе, и оно будетъ твердо настолько, что ты можешь на него положиться. Пока же, на три дня, яви мнѣ пріязнь—будь покоенъ.

— О, не три дня, а три года я готовъ ждать твоего слова,—отвѣтилъ, оживившись, Пруденцій.—Лишь бы ты меня не отвергла... лишь бы мнѣ было чего ожидать.

— Ну, три года—слишкомъ долгое время. Черезъ три года ты самъ меня можешь отвергнуть, такъ какъ я тебя старше... Нѣтъ, ты три дня подожди, и это будетъ довольно.

— Я отвергну тебя! О, боги! о, разразите меня, справедливые боги, если это возможно, чтобы въ сердцѣ моемъ кто-нибудь замѣнилъ образъ Мелиты!..

— Не клянися, Пруденцій, ничѣмъ, и не зови во свидѣтели боговъ, о природѣ которыхъ тебѣ ничего не извѣстно. Пусть лучше время само покажетъ намъ, каковы мы и чего мы достойны.

— Согласенъ, согласенъ,—воскликнулъ Пруденцій.—Цѣлая вѣчность докажетъ тебѣ, что ты для меня всего дороже на свѣтѣ, и что нѣтъ ничего, что̀ я предпочелъ бы тебѣ на минуту.

— Ну, жди же!

И она дружески простилась съ нимъ и съ матерью, вдовой Ефросиной, и ушла къ себѣ въ домъ свой съ Маремой, оставивъ вдову и Пруденція успокоенными и готовыми ожидать черезъ три дня ея рѣшенія.

Рѣшенія этого стали ждать съ любопытствомъ и всѣ прочіе люди въ селеньѣ, потому что всѣмъ было любопытно:

не хитритъ ли Мелита, притворяясь, будто она не желаетъ взять себѣ мужемъ несравненной красоты юношу, который страстно влюбленъ въ нее и моложе ея на три года.

— Что-то измыслитъ Мелита? Каковъ ея умъ и въ чемъ ея хитрость?

Три дня пролетѣли для всѣхъ въ любопытномъ ожиданіи: въ эти три дня Мелита была безвыходно дома, а Пруденцій поправился отъ своихъ жестокихъ припадковъ и на четвертый день передъ вечеромъ вышелъ на берегъ моря и увидалъ, что здѣсь его ожидаютъ Мелита съ Маремой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Когда они свидѣлись, Мелита сказала Пруденцію:

— Все идетъ хорошо: мы теперь быстро приблизимся къ цѣли осуществленія нашихъ желаній.

— Я не помню себя отъ счастія, что желанія наши согласны! — воскликнулъ весь озарившійся счастьемъ Пруденцій.

— Я сказала не такъ,—отвѣчала Мелита:—но все равно: то, что̀ ты почитаешь за высшее счастье, все будетъ зависѣть отъ тебя самого...

— Значитъ, это все равно, что достигнуто.

— Нѣтъ еще,—раньше, чѣмъ ты будешь моимъ мужемъ, ты долженъ исполнить три мои просьбы.

— Я готовъ исполнить ихъ безконечное множество.

— Нѣтъ, всего только три. Прежде всего я не хочу быть здѣсь предметомъ вниманья для всѣхъ, ни теперь, когда ты станешь выполнять мои просьбы, ни послѣ, когда можетъ случиться, что я должна буду выполнить твою волю и заплатить мой долгъ за твое послушаніе моими услугами и женскою лаской.

— О, говори только скорѣе, что̀ нужно! Если ты хочешь скрыться отсюда... если желаешь уйти отъ всѣхъ глазъ...

— Да, почти что отъ всѣхъ... Пусть съ нами будетъ только Марема, но чтобъ не было даже вдовы Ефросины... Ея безпокойная нѣжность можетъ исполнить все, что̀ должно совершиться въ тишинѣ уединенія и покоя.

— Хорошо! Я обѣщаю тебѣ это за мать: она такъ меня любитъ, что на все согласится. А что касается до самой возможности скрыться отъ всѣхъ въ никому неизвѣстное и недоступное мѣсто, то я владѣю для этого такою возмож-

ностью, лучше которой нельзя услыхать въ самой затѣйливой сказкѣ.

И влюбленный Пруденцій самъ, безъ разспросовъ Мелиты, разсказалъ ей о цвѣтущемъ ущельѣ въ скалѣ, сокрытой среди другихъ неприступныхъ скалъ, гдѣ у нихъ есть двѣ пещеры, богатые склады запасовъ для жизни, ручей сладкой воды, стадо козъ и хохлатыя куры.

— Туда никто не можетъ придти, — добавилъ Пруденцій: кромѣ двухъ тѣхъ, которые оставили насъ и живутъ нынче въ темномъ царствѣ тѣней; одинъ только я знаю небезопасный и узкій проливъ, которымъ можно пробраться къ этой скалѣ и отыскать въ ней наше ущелье. Если ты хочешь самаго неприкосновеннаго уединенія...

— Съ тобой и Маремой! — перебила Мелита, тихо кладя свою руку въ руку Пруденція.

— О, ты меня исполняешь восторгомъ! Итакъ, если ты довѣряешься мнѣ и не боишься проплыть на ладьѣ узкимъ и бурнымъ протокомъ, въ которомъ я знаю каждый камень, то стóитъ тебѣ сказать, когда ты желаешь отплыть, и — все будетъ готово.

— Прекрасно, — пусть это будетъ готово завтра, какъ сядетъ солнце. Но прежде ты возвратись сегодня домой и разскажи своей матери, на чтò мы рѣшились. Я хочу знать, что она на все это согласна, и хочу поручить ей свой домъ и хозяйство, такъ какъ Марема уѣдетъ со мной въ ваше ущелье и домъ мой останется пустъ. Потомъ позови завтра утромъ глиномята Агава и самъ приходи съ нимъ, и перенесите изъ дома въ ладью мою кровать и постель, и скрыни съ уборами, и прочую утварь, и съѣстные запасы, которые здѣсь будутъ не нужны, а тамъ пригодятся... Я все хочу взять и увезть, чтобы это все пошло тамъ на пользу, такъ какъ мы, можетъ-быть, проживемъ тамъ очень долгое время...

Пруденцій слушалъ все это въ величайшемъ восторгѣ и съ совершеннымъ вниманьемъ, а при послѣднихъ словахъ прижалъ страстно къ груди руки Мелиты и прошепталъ однимъ придыханьемъ:

— О, я увѣренъ, что никто никогда не умѣлъ пролить однимъ словомъ столько восторговъ, сколько ты проливаешь ихъ въ мое сердце!

Она посмотрѣла на него благостнымъ взглядомъ, какъ мать на ребенка, и тихо ему улыбнулась и отвѣчала:

— О, мой невинный Пруденій! Не хвали меня много, мнѣ трудно слушать твои похвалы. Будемъ болѣе дѣлать... станемъ спѣшить... не будемъ терять ни минуты. Я сейчасъ возвращусь съ Маремой домой и стану спѣшить, чтобъ уложить всѣ мои вещи, а ты иди къ матери, разскажи ей, что мы рѣшились уѣхать отсюда и тамъ вдалекѣ отъ людей совершить то, что̀ должно совершиться. Скажи отъ меня вдовѣ Ефросинѣ, что духъ мой полонъ участія къ ней и къ тебѣ и что я ничего такъ еще не желала, какъ желаю того, чтобы увидѣть всѣхъ васъ въ томъ положеніи, къ которому всѣ вы теперь наиболѣе сродны.

Сказавъ это, Мелита встала и пошла къ селенію, держа одною рукою за руку Пруденція, а другою Марему, и такъ они дошли до того мѣста, гдѣ тропы къ домамъ ихъ раздѣлялись.

Здѣсь Мелита опустила руку Пруденція; еще разъ сказала ему, какъ онъ долженъ говорить съ своей матерью, и сама удалилась къ себѣ вмѣстѣ съ Маремой, и дѣйствительно, обѣ женщины вмѣстѣ всю ночь провели въ томъ, что уложили въ мѣшки и въ укладки все, что̀ было цѣннаго въ домѣ Алкея. Всѣ запасы были тоже упакованы въ корзины, а изъ прохладныхъ ямъ достали мѣха съ виномъ и сыры, и все это также приготовили къ отправкѣ. Къ разсвѣту все было готово, и на стѣнѣ большого покоя остался висѣть на острой рыбьей кости одинъ только широкій поясъ Алкея, убранный золотою чеканкою и драгоцѣнными камнями, да простая тростниковая дудка, въ которую Мелита всунула свернутый туго въ трубку папирусъ, на которомъ предъ самымъ разсвѣтомъ успѣла начертать нѣсколько строкъ.

Въ этихъ строкахъ было сказано: «Я получила свободу и не хочу потерять ее снова, но меня посѣтило испытанье, котораго я не могу избѣжать. Я надѣюсь, однако, что духъ мой сохранитъ свою силу и что любовную страсть, которая зажглася въ другомъ противъ моего желанія, мнѣ удастся смирить въ немъ съ помощью той же грубой природы, которой онъ подчиняетъ свой духъ. Если я надъ всѣмъ этимъ восторжествую, я отыщу путь къ тебѣ и приду къ тебѣ, чтобы окончить свой срокъ на землѣ вмѣстѣ съ тобою, позабывъ о себѣ и служа вмѣстѣ съ тобою другимъ, по велѣнью Того, Чье священное слово зажгло въ насъ свѣтъ разумѣнья и вѣру въ вѣчную жизнь нашего духа».

Когда же Мелита вложила папирусъ въ полый тростникъ, она залѣпила концы его воскомъ и повѣсила дудку на стѣну у драгоцѣннаго пояса, и тотчасъ же, обернувшись, увидала, что у дверей, съ перстами на устахъ, стояла Марема.

— Ты за мною слѣдишь и подсматриваешь, — съ тихой улыбкой сказала Мелита.

— Нѣтъ, — отвѣчала Марема: — я не слѣжу за тобою и не стану никому тебя выдавать, но я по всему замѣчаю, что ты задумала какую-то хитрость, которая поведетъ дѣло совсѣмъ не къ тому, что̀ ты обѣщаешь Пруденцію.

— А разскажи-ка мнѣ, если ты знаешь, — что̀ я ему обѣщала?

— Ты обѣщала, что нынѣшней ночью ты, онъ и я уѣдемъ отсюда на дикую скалу въ неизвѣстномъ ущельѣ, въ которой сокроемся надолго...

— Это все такъ и будетъ: вечернія звѣзды увидятъ насъ на ладьѣ нашей въ морѣ.

— Тогда я смущена еще больше... тогда въ умѣ у тебя есть что-то такое, чего я ужъ вовсе не въ силахъ понять, если ты мнѣ не скажешь.

— Ахъ, другъ мой Марема, — ты отгадала! До времени я тебѣ не скажу ничего и беру съ тебя слово, что ты не станешь ни о чемъ меня болѣе спрашивать. Это будетъ мнѣ отъ тебя самою лучшей расплатой. Не любопытствуй, Марема, ни о чемъ: все, что̀ должно случиться, — изъ всѣхъ постороннихъ одна ты только увидишь, но не здѣсь, не теперь и не сразу. Я ничего никому злого не мыслю, и Пруденцій приметъ на долю свою то, что̀ самъ для себя предпочтетъ. Я отдаюсь въ его волю... Но ты отгадала, — онъ долженъ будетъ мнѣ доказать, что въ самомъ дѣлѣ влеченье, которое онъ ко мнѣ чувствуетъ, сильнѣе всего и никакимъ болѣе грубымъ влеченіемъ замѣнено быть не можетъ. Въ этомъ онъ долженъ меня убѣдить такъ, чтобы во мнѣ не было мѣста никакому сомнѣнью, и ты, добрый другъ мой Марема, должна мнѣ въ этомъ помочь, потому что это для меня имѣетъ слишкомъ большое значеніе. Не откажи мнѣ, Марема!

— О, — отвѣчала съ чувствомъ Марема: — можешь ли ты во мнѣ сомнѣваться, Мелита! Я такъ хорошо знаю твой разумъ и доброе сердце, что мнѣ не нужно бороться съ со-

бою, чтобы дать тебѣ самыя страшныя клятвы послужить тебѣ всѣмъ, чѣмъ ты захочешь. Я знаю, что ты никому не сдѣлаешь зла, какъ не дѣлала его мнѣ во все время, пока я была твоею рабыней. Что бы ты ни сказала — Марема сдѣлаетъ все, не поддаваясь никакимъ своимъ собственнымъ чувствамъ... Клянусь...

— Довольно! — перебила Мелита: — не клянися ничѣмъ: клясться нельзя, потому что всѣ мы во власти всемогущаго Бога. Я тебѣ вѣрю безъ клятвъ и не скрываюсь больше, что въ умѣ моемъ есть замыселъ, о которомъ до времени не хочу сказать никому и исполнить который могу только при твоей помощи.

— Вѣрь же, что помощь моя тебѣ принадлежитъ беззавѣтно и...

— И довольно! довольно, Марема!—воскликнула Мелита, и бывшая госпожа и рабыня обняли другъ друга и остались такъ на мгновенье. Такъ ихъ и застала тихо вошедшая къ нимъ вдова Ефросина, за которою сзади входили Пруденцій и горшечникъ Агавъ съ длинными жердями, изъ которыхъ должно было сдѣлать носилки для переноса имущества Мелиты въ ладью.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Вслѣдъ за этимъ сейчасъ же сдѣлали носилки и начали переносить вещи въ ладью. Дѣло это справляли Пруденцій съ Агавомъ-горшечникомъ, а имъ помогала Марема, которая для этого часто отлучалась къ лодкѣ. Въ домѣ же оставались вдвоемъ вдова Ефросина съ Мелитой, изъ которыхъ послѣдняя приготовляла у очага обѣдъ для работающихъ при нагрузкѣ ладьи, а мать Пруденція ей помогала и въ промежуткахъ между занятіями говорила съ ней о томъ, какъ она понимаетъ затѣянное Мелитою дѣло.

Вдовѣ Ефросинѣ казалось, что Мелита уѣзжаетъ съ ея сыномъ потому, что Пруденцій ей милъ, но она очень стыдлива и ужъ слишкомъ высоко подняла свою цѣломудренную славу; теперь ей не хочется здѣсь передъ всѣми показать свою склонность, но тамъ она, ни кѣмъ не стѣсняемая, отдастся любви на свободѣ и со всѣмъ пыломъ долго сдержанной страсти. И будучи въ этомъ убѣждена, вдова Ефросина смотрѣла на сборы совершенно спокойно. Мелита же ей не говорила ничего положительнаго, но не разъ просила

ее сохранять это спокойствіе постоянно, даже тогда, если отъ нихъ очень долго не будетъ извѣстій.

— Пусть ихъ не будетъ хоть годъ! — отвѣчала вдова Ефросина: — я такъ истерзалась, видя долго мученія сына, что готова снести на себѣ всѣ томленія долгой безвѣстности, лишь бы могла быть увѣрена, что такихъ безнадежныхъ терзаній, какія онъ снесъ, впередъ онъ сносить ужъ не будетъ.

— На этотъ счетъ будь вполнѣ увѣрена: такими терзаніями, какими томился Пруденцій, онъ больше томиться не будетъ,—отвѣтила Мелита.

— Въ одномъ только этомъ я и хочу быть увѣрена.

— Такъ это и будетъ; но ты сказала, что готова пробыть безъ вѣстей цѣлый годъ.

— Я это сказала... И что же, ежели тебѣ это нужно...

— Да, это именно можетъ быть нужно...

Вдова Ефросина погрозила пальцемъ Мелитѣ и сказала съ улыбкою:

— Знаю...

— Что же ты знаешь?

— Черезъ годъ... я, быть-можетъ, увижу прелестнаго внука!.. Что же, это прекрасно... Тогда и конецъ всѣмъ людскимъ разговорамъ о твоемъ прежнемъ мужѣ Алкеѣ... Я тебя понимаю: такія, какъ ты, всегда любятъ сильно, но скромно. Боги вамъ въ помощь, сожгите одни тамъ цвѣты Гименею на камнѣ, и пусть свидѣтельницею вашихъ брачныхъ обѣтовъ будетъ Марема... А потомъ, годъ пройдетъ, я обниму васъ и внука, и тогда попечемся мы и о Маремѣ... Добрая дѣвушка, она стóитъ добраго мужа.

— И навѣрно найдетъ его,—подсказала Мелита.

— Я тоже думаю. Мы на нее до сихъ поръ всѣ какъ-то глядѣли совсѣмъ безъ вниманья, а вчера, когда я съ ней говорила, мнѣ вдругъ показалось, что Марема вѣдь очень красива.

— Еще бы, еще бы она не красива! И умна, и добра, и красива, и имѣетъ горячее сердце... И притомъ, что̀ за силы и какое здоровье!.. О, она стóитъ превосходнаго мужа, и то, что ты получила о ней хорошее мнѣніе, приноситъ мнѣ огромное счастье. Я рада, что отправляюсь отсюда въ полномъ согласьѣ съ тобою.

И въ такихъ-то согласныхъ бесѣдахъ у нихъ прошелъ

цѣлый день; всѣ были веселы, съѣли вмѣстѣ вкусный обѣдъ, и передъ вечеромъ Пруденцій и Марема понесли изъ дома къ ладьѣ послѣднюю ношу, а Мелита осталась съ глиномятомъ Агавомъ, чтобы закрыть входы, и тутъ-то Мелита сняла со стѣны широкій поясъ Алкея, усыпанный камнями, и тростниковую дудку, и, показавъ поясъ Агаву, сказала:

— Способенъ ли ты оцѣнить, чего можетъ стоить эта вещь, если ее отнести въ большой городъ и продать тамъ, гдѣ есть богатые люди?

Агавъ отвѣчалъ:

— Оцѣнить такую драгоцѣнную вещь я не могу, но знаю, что если бы я триста лѣтъ кряду мялъ глину и надѣлалъ горшковъ цѣлую гору, то все это не составило бы и половины цѣны каждаго изъ этихъ свѣтящихъ камней.

— Такъ вотъ же, тебѣ вовсе не надо триста лѣтъ мять твою глину и надѣлывать гору горшковъ: исполни одно порученье, которое я хочу тебѣ дать, и этотъ поясъ пусть будетъ твоею наградой. А что въ словахъ моихъ нѣтъ ни обмана, ни шутки, такъ бери эту вещь сію же минуту и спрячь ее у себя подъ одеждой. А кстати нихни вмѣстѣ съ нею туда эту дудку, и когда мы уѣдемъ, ты брось свою глину,—горшковъ вѣдь у всѣхъ здѣсь довольно въ селеньѣ.

— О, слишкомъ довольно! — отвѣчалъ, засмѣявшись, Агавъ: — я ужъ не знаю, кому продавать и то, что̀ имѣю въ запасѣ.

— Такъ и оставь ихъ. Пускай жена твоя продастъ дома горшки тѣмъ, у кого свои перебьются, а ты пойди къ Клазомену, и тамъ въ этомъ городѣ отыщи подругу моихъ дѣтскихъ лѣтъ, имя которой Эрминія, и отдай ей эту дудку.

— Хорошо; а потомъ что̀ я еще долженъ сдѣлать?

— Только всего.

— Отыскать госпожу Эрминію и отдать ей эту дудку, и только всего?

— И только всего.

— Что же, она должна заиграть на этой дудкѣ?

Мелита улыбнулась на шутку Агава и отвѣчала такъ же шутливо:

— Дудка сама заиграетъ, что̀ нужно. Впрочемъ, можешь сказать Эрминіи, что ты меня видѣлъ, и при какихъ обстоятельствахъ, какъ мы разстались. И за это возьми себѣ поясъ и продай его, гдѣ тебѣ это удастся, а потомъ

возвращайся домой и доживай свои старые годы, не терзаясь нуждою.

— Что же, въ самомъ дѣлѣ, я это сдѣлаю! Клянусь богами, я сдѣлаю это!—воскликнулъ горшечникъ.—Я отыщу госпожу Эрминію и разскажу ей, какъ было все дѣло. Пусть-ка она тогда заиграетъ объ этомъ на дудкѣ.

И съ этимъ горшечникъ Агавъ спряталъ поясъ и дудку, и они оба съ Мелитою вышли изъ опустѣвшаго дома Алкея; а когда они приблизились къ лодкѣ, то уже застали, что Марема сидѣла на веслахъ, обнаживъ до плечей свои крѣпкія руки, а Пруденцій, вырвавшись изъ долгихъ объятій вдовы Ефросины, распускалъ косой длинный парусъ на реѣ.

Мелита тоже скоро простилась съ вдовой Ефросиной и спрыгнула съ берега въ лодку.

Марема шевельнула веслами,—нагруженная ладья слегка зашуршала днищемъ по песку, а потомъ, достигши свободной волны, покачнулась, вѣтеръ надулъ паруса, и между отъѣзжавшими и остающеюся Ефросиной и Агавомъ вдругъ удлинилось разстояніе...

Переговариваться съ лодки на берегъ стало невозможно, но зато до слуха вдовы и Агава теперь доносилось стройное пѣніе: это была пѣснь любви, которой слова и напѣвъ ея тотчасъ узнали и вдова, и горшечникъ... Пѣли стройно два голоса, Пруденцій съ Маремой.

И пѣсня ихъ тоже стихала и замирала въ пространствѣ; но вотъ, обойдя острый мысъ и пологую отмель, ладья переставила парусъ и будто подвинулась ближе, и съ нея опять на мгновеніе донеслись звуки пѣнія, но совершенно иного, котораго ни слова, ни напѣвъ не были знакомы вдовѣ Ефросинѣ. Пѣлъ одинъ ровный и торжественный голосъ.

— Это голосъ Мелиты!—сказала вдова Ефросина.

— Да, и мнѣ кажется тоже,—отвѣчалъ Агавъ.

— Что̀ же это за незнакомая пѣсня?

— Это?.. Мнѣ кажется... Это будто похоже на гимнъ, который я слышалъ однажды, когда мы бросали со скалы на каменья тѣхъ забавныхъ людей, которые насъ увѣряли, будто тотъ не умретъ, кто станетъ жить на землѣ такъ, какъ училъ жить ихъ пророкъ галилейскій.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Всю ночь ярко свѣтила луна и дулъ благопріятный для пловцовъ вѣтеръ. Хорошо знавшій всѣ морскія примѣты, Пруденцій смѣло и ловко правилъ ладьею, которая, такимъ образомъ, держала прямой путь къ тому таинственному пункту, куда Пруденцій увозилъ Мелиту и Марему для того, чтобы тамъ, по прихоти первой изъ нихъ, исполнить ея испытанія и заслужить себѣ ея любовь.

Отъ селенія, гдѣ жили Алкей и Гифасъ, до скалы, гдѣ имъ пришлось отыскивать скрытый пріютъ для склада своихъ хищеній, при попутномъ вѣтрѣ было полторы сутокъ ходу. Путь во все время держали такой, что не теряли изъ вида береговъ, хотя шли то ближе къ землѣ, то отдаляясь въ море тамъ, гдѣ было много камней и плыть вблизи береговъ было опасно.

Среди второй ночи пловцы достигли пролива, за которымъ, какъ лѣсъ, возвышались сѣрыя каменистыя скалы, не имѣвшія, повидимому, ни растительности, ни обитателей. Онѣ сначала были меньше и начинались камнями, которые невысоко возвышались надъ водой, но потомъ толпились и возвышались что̀ дальше, то выше, и нѣкоторыя изъ этихъ скалъ казались довольно большими и сложными по очертанію.

Проходъ между ними былъ чрезвычайно опасенъ, и его могъ предпринять только такой человѣкъ, кому путь этотъ хорошо извѣстенъ и кто обладаетъ большой ловкостью и силой.

Пруденцій всѣмъ этимъ обладалъ въ совершенствѣ, и обѣ женщины могли имъ любоваться, какъ онъ, почти обнаженный, стоя на кормѣ, проводилъ ладью между рѣжущихъ камней, то подпираясь длиннымъ шестомъ, то вонзая багоръ въ расщелины или хватаяся имъ за уступы. Но наконецъ были два мѣста, гдѣ плыть казалось совсѣмъ невозможно, потому что ни упереться, ни ухватиться было не за что, а страшная быстрота крутила ладью и уносила ее на острыя скалы; но тутъ Пруденцій вдругъ нырнулъ въ воду и черезъ одно мгновеніе снова выплылъ наверхъ, держа въ рукахъ скользкій и опутанный водорослями канатъ. Перебирая этотъ канатъ, онъ ловко перетянулъ ладью черезъ стремнину, которую никакъ бы нельзя было перейти

ни подъ вѣтромъ, ни на веслахъ. Такъ же точно прошли и вторую стремнину, за которою недалеко была уже и самая цѣль мореходцевъ.

Тутъ въ очень стѣсненной группѣ скалъ была одна такая, которая съ перваго взгляда ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ, но на самомъ дѣлѣ она имѣла существенную разницу по странной игрѣ природы, устроившей въ этой скалѣ одну подъ другой три террасы, обращенныя къ полдню, и на средней изъ нихъ — обширную расщелину, за которою на полянѣ, поросшей кустами, были двѣ пещеры, одна внизу, а другая на значительной высотѣ, такъ что въ нее можно было взойти только приставляя длинную суковатую жердь, замѣнявшую лѣстницу, которую, по минованіи надобности, опять отнимали и клали въ купы зеленаго діорита, гдѣ она и лежала такъ, что была незамѣтна. Съ той стороны, куда выходила площадка и входы обѣихъ пещеръ, больше не было скалъ и открывалось безбрежное море. У подошвы скалы была маленькая, но очень удобная бухточка, въ формѣ сандаліи. Ладья заходила въ нее легко и помѣщалася въ ней удобно и совсѣмъ незамѣтно.

Пруденцій присталъ въ эту бухту и, высадивъ Мелиту съ Маремой, повелъ ихъ наверхъ, гдѣ были пещеры.

Въ нижней пещерѣ было большое жилье, раздѣленное натуральными столбами скалы на нѣсколько удобныхъ покоевъ, изъ которыхъ два были убраны коврами и кожами и представляли во всѣхъ отношеніяхъ здоровое и удобное помѣщеніе.

Эту нижнюю пещеру Пруденцій предоставилъ въ распоряженіе Мелиты и Маремы, а самъ началъ жить въ верхней пещерѣ, которая была потѣснѣе нижней и представляла собственно разбойничій тайникъ, но однако и въ ней былъ здоровый, чистый воздухъ и хорошая постель изъ цыновокъ.

Запасовъ же и разной утвари въ нижней пещерѣ было накоплено столько, что пять человѣкъ смѣло могли продовольствоваться здѣсь цѣлый годъ.

Мелита и Марема благодарили Пруденція за доставленное имъ удобство въ помѣщеніи и, утомленныя длиннымъ морскимъ переходомъ, тотчасъ же легли спать и проспали очень долго, а проснувшись, когда солнце уже высоко взошло и играло по сверкающей зыби моря, были въ восхищеніи отъ свѣжести воздуха и обширнаго вида на море. А

межъ тѣмъ недалеко въ сторонѣ отъ входа въ ихъ пещеру былъ уже разведенъ огонь, возлѣ него положена коза съ полуснятою кожей и сосудъ со свѣжей водою.

Все это, безъ сомнѣнія, приготовилъ Пруденцій.

Увидѣвъ это, женщины стали смотрѣть: гдѣ же находится теперь самъ Пруденцій, котораго онѣ желали поблагодарить за его заботы о нихъ, но Пруденція не было видно. Тогда Мелита съ Маремой принялись хозяйничать около очага, и только-что сняли кожу съ козы и, распластавъ ея мясо, стали однѣ части варить, а другія втыкали на прутья, чтобъ жарить, какъ вдругъ появился Пруденцій. Онъ шелъ, обливаясь потомъ и таща на себѣ по кручѣ отъ моря съ ладьи тяжелую ношу.

— Ну, что ты за милый хозяинъ!—увидѣвъ его, закричала Марема.

— И я скажу то же,—поддержала Марему Мелита.

Пруденцій улыбался счастливой улыбкой и, опустивъ ношу, подошелъ къ женщинамъ, чтобы сказать имъ утреннее привѣтствіе.

Потомъ они стали обѣдать, а послѣ пошли осмотрѣть скалу и нашли на ней, кромѣ двухъ пещеръ, помѣщенныхъ одна надъ другою, и открытое пространство, покрытое зеленью, съ возвышеніями, по которымъ пощипывали травку прирученныя козы. Здѣсь съ высоты каскадомъ падалъ прозрачный ручей.

— Это прекрасное мѣсто!—восклицала Марема, рѣзвясь какъ ребенокъ.—Я не хотѣла бы никогда удаляться отсюда.

При этомъ она наклонилась къ уху Мелиты и добавила:

— Особенно въ томъ случаѣ, если бы я могла здѣсь жить не одна, а съ такимъ человѣкомъ, который бы... мнѣ... нравился что ли... и котораго любовь моя могла бы дѣлать счастливымъ.

Мелита пожала ей руку и отвѣчала:

— Что же!.. Все это можетъ случиться...

— Откуда жъ!

— Не унывай: въ природѣ возможно многое, что по взгляду кажется труднымъ и даже совсѣмъ невозможнымъ.

Но Марема расхохоталась и сказала:

— Ну, я знаю, однако, одно, что совсѣмъ невозможно.

— Что же это такое?

— Невозможно, чтобы смуглая кожа Маремы могла затмить лилейную бѣлизну чудеснаго тѣла Мелиты.

— О, если только дѣло за этимъ, то это очень возможно, и въ такой возможности ты, можетъ-быть, удостовѣришься гораздо скорѣе, чѣмъ ты могла бы подумать.

А какъ эта перемолвка произошла между женщинами съ уха на ухо, то она не могла не возбудить любопытство въ Пруденціи, что̀ Мелита тотчасъ же замѣтила и сказала ему:

— Не удивляюсь я, добрый Пруденцій, что тебѣ интересно, о чемъ мы между собою разсуждаемъ съ Маремой, и думаю, что тебѣ будетъ еще любопытнѣе, когда ты узнаешь, что̀ все, о чемъ мы говорили, касается до тебя. Скажи намъ, каково твое мнѣніе: хотѣлъ ли бы ты, чтобы цѣлую жизнь остаться на этой скалѣ, и какъ бы ты хотѣлъ проводить свою жизнь?

Пруденцій отвѣтилъ, что онъ считалъ бы за самое лучшее счастіе остаться здѣсь навсегда съ тою женщиной, которую любитъ, и желалъ бы проводить жизнь только въ томъ, чтобы наслаждаться ея любовью, забывъ обо всемъ остальномъ на свѣтѣ.

Мелита улыбнулась и сказала ему:

— У меня и Маремы несхожія мнѣнія, и то, которое ты теперь высказалъ, ближе всего ко мнѣнью Маремы, а со мною совсѣмъ не согласно.

Пруденцій, вмѣстѣ съ Маремою, стали просить ее, чтобы она сказала имъ свое мнѣніе, а она имъ отвѣчала:

— Здѣшнее мѣсто прекрасно; но такая любовь, которая отдѣляетъ двухъ человѣкъ отъ всѣхъ прочихъ людей и погружаетъ ихъ въ одни наслажденья другъ другомъ, мнѣ совершенно противна. Я даже вовсе не понимаю: какое въ такой любви можетъ быть счастіе? Я думаю, что это совсѣмъ не сто̀итъ имени любви, — что это совсѣмъ что-то другое, на чемъ невозможно воспитать духъ свой и прожить жизнь въ мирѣ съ своей совѣстью. Я бы хотѣла, чтобы съ нами здѣсь были другіе, и чтобы всѣ мы могли быть другъ другу полезны: я думаю, въ этомъ долженъ быть смыслъ человѣческой жизни, а не въ томъ, чего могутъ достичь и низшія твари, не владѣющія человѣческимъ разсудкомъ.

И между ними начался разговоръ, въ которомъ они всѣ

трое, сидя надъ моремъ въ зелени діоритовъ, приняли оживленное участіе и незамѣтно трое раздѣлились на два мнѣнія: Мелита оставалась при своемъ, развивая мысль о необходимости общей любви ко всѣмъ людямъ, при которой нельзя отрѣшаться отъ общенья съ другими, а Марема и Пруденцій, увлекаясь идеями личнаго счастья, уходили въ этомъ настроеніи все дальше и дошли, наконецъ, до того, что сказали, что нѣтъ и не можетъ быть высшей любви, какъ та, которая довольна своимъ избраннымъ предметомъ,—однимъ имъ согрѣта и занята и до другихъ ни до кого нѣтъ ей дѣла.

Когда разговоръ дошелъ до этого, Мелита улыбнулась, не стала болѣе спорить, а шутливо свела руку Пруденція съ рукою Маремы и сказала имъ:

— Я очень рада, что вы другъ съ другомъ согласны.

Пруденцій и Марема этимъ смутились, и въ одинъ изъ послѣдовавшихъ затѣмъ дней, когда Марема помогала Пруденцію разгружать внизу лодку, а онъ взносилъ тяжести наверхъ къ пещерамъ, у которыхъ Мелита готовила на очагѣ обѣдъ, Пруденцій, опустивъ на землю ношу, промолвилъ Мелитѣ:

— Я до сихъ поръ все не перестаю думать о бывшемъ у насъ въ первый день разговорѣ... Онъ какъ будто отстраняетъ меня отъ тебя, къ которой влечетъ меня сердце и отъ одного приближенья къ которой вся кровь во мнѣ пылаетъ какъ пламя.

— Кровь!.. Ты все о крови, Пруденцій. Бунтованіе крови проходитъ... Гораздо надежнѣе тò, чтò можетъ жить вѣчно и не остынетъ отъ времени.

— Что же это, Мелита?

— Сродство нашего духа... согласье въ желаніяхъ, одинаковость окончательной цѣли!

Но Пруденцій покачалъ головой и сказалъ съ укоризной:

— Мелита! Мелита! чтò тебѣ за охота говорить все такія мудреныя вещи? Не будетъ ли проще, если насъ свяжетъ не духъ, а то, чѣмъ обыкновенно мужчину и женщину соединяетъ природа?

— Нѣтъ,—отвѣчала Мелита:—это слишкомъ ужъ просто.

— О, довѣримся ей... Отдайся, Мелита, всесильной природѣ, она никогда не обманетъ.

— Нѣтъ, она-то скорѣе всего и обманетъ.

— Природа обманетъ?

— Ну, да!

— Никогда.

— Ну, не станемъ перекидывать наши слова безъ средствъ доказать ихъ. Ты помнишь, конечно, нашъ уговоръ: «три дня испытанія».

— Безъ сомнѣнія, помню, и заранѣе торжествую побѣду любви моей надъ упрямствомъ капризной Мелиты.

— Прекрасно! Но воздержись,—не спѣши съ торжествомъ. Я у тебя не отнимаю надежды, но впереди будутъ три дня испытанія... *Три только дня!*.. Но зато въ эти три дня ты долженъ мнѣ повиноваться во всемъ.

— Очень радъ... только, однако, когда же начнешь ты свои испытанія?.. Я желаю, чтобы это было скорѣе.

— Сейчасъ, если хочешь.

— Я замираю въ восторгѣ.

— Прекрасно: теперь вечерѣетъ, а черезъ три дня въ эту же пору я буду твоею женою... или...

— Кончай же!

— Или я ею не буду.

— Въ какомъ же то случаѣ?

— Въ томъ случаѣ, если ты самъ отъ меня откажешься и что-нибудь предпочтешь моимъ ласкамъ.

— О, сдѣлай милость! Это одно, чего я никогда для тебя не сдѣлаю, хотя бы на меня возстали всѣ демоны ада и всѣ «силы природы».

— Ну, вотъ ужъ: «*всѣ силы природы*»! Зачѣмъ такой смѣлый вызовъ! Быть-можетъ, и одной «силы природы» будетъ довольно.

— Начинай испытанье! Говори, что̀ я сейчасъ долженъ дѣлать?

— Во-первыхъ, ты отъ меня удалишься сію же минуту въ свое помѣщенье въ верхней пещерѣ.

— Ну, и что̀ мнѣ тамъ дѣлать?

— Пока ничего.

— Какъ это пока?

— Пока тебѣ станетъ хотѣться думать болѣе о самомъ себѣ, чѣмъ обо мнѣ.

— Ну, оставь это!.. Никогда этого не будетъ.

— Всходи же въ пещеру.

— Ну, хорошо,—я всхожу.

Пруденцій сталъ подниматься по лѣстницѣ и, достигнувъ до входа въ свою верхнюю пещеру, обернулся и съ веселою улыбкою вскрикнулъ:

— Эвое! Я уже началъ мое испытаніе и на одинъ мигъ сталъ ближе къ обладанью Мелитой.

— Обладай же сначала собою,—отвѣчала Мелита, отнимая лѣстницу и спуская ее по откосу на вторую площадку.

— Я запертъ!—смѣялся Пруденцій.

— Теперь жди, пока я тебя позову, стоя въ ожиданьи тебя у брачнаго ложа.

И съ этимъ Мелита скрылась въ своей нижней пещерѣ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Вскорѣ послѣ того, какъ скрылась Мелита, по тропинкѣ отъ моря стала подниматься Марема. Пруденцій издали ее замѣтилъ и сталъ говорить ей:

— Ахъ, порадуйся за меня, Марема! Мелита уже начала мое испытаніе, и черезъ три дня она должна будетъ сдержать свое слово—она сдѣлается моею женою.

— Это славная вещь! А въ чемъ же будетъ состоять твое испытаніе?

— А вотъ въ точности я этого до сихъ поръ не знаю, право; до сихъ поръ она мнѣ ничего не сказала, кромѣ того, чтобы я думалъ о ней и ожидалъ терпѣливо какого-то ея слова; а ужъ какое это будетъ слово,—не знаю.

«Что̀ за затѣи у этой Мелиты?»—подумала, покачавъ головою, Марема и, войдя въ пещеру, тотчасъ же хотѣла разспросить Мелиту: что̀ далѣе будетъ? Но Мелита лежала закрывши глаза и спала, или притворилась спящей, и Марема будить ее не рѣшилась; а когда она снова вышла, чтобы взять нѣсколько хвойныхъ вѣтокъ и выкурить ихъ дымомъ насѣкомыхъ, она увидала, что̀ Пруденцій стоялъ наверху во входѣ своей пещеры и на него свѣтила луна, а онъ улыбался и сказалъ ей:

— Скажи привѣтъ мой Мелитѣ, Марема.

А Маремѣ не хотѣлось ему отвѣчать,—такъ ей сдѣлалось его жалко и грустно видѣть его какъ птицу въ клѣткѣ.

До полуночи Марема не могла сомкнуть глазъ, а за полночь она слышала, какъ Мелита вышла и возвратилась не скоро, а когда возвратилась, то прежде, чѣмъ лечь, подошла и нагнулась надъ изголовьемъ Маремы, и, увидавъ,

что Марема не спитъ, откинулась вновь и сказала сурово и твердо:

— Ни во что не мѣшайся и ни о чемъ меня не разспрашивай... Повѣрь мнѣ, что я не жестокая женщина и не хочу ничьихъ напрасныхъ мученій, а я дѣлаю то, что̀ нужно для нашего общаго счастія. Умоляю тебя: вѣрь мнѣ, какъ вѣрила, и ни о чемъ не разспрашивай больше.

— Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь.

И едва забрезжился свѣтъ, Мелита разбудила Марему и позвала ее вмѣстѣ съ нею идти, чтобы докончить выгрузку лодки; а когда онѣ туда сошли, то Марема увидѣла, что Мелита одна здѣсь работала ночью, а теперь онѣ взялись за дѣло вдвоемъ и трудились такъ безотступно, что къ вечеру все, что̀ привезено было въ лодкѣ, было втащено на берегъ, и облегченная ладья поднялась и закачалась въ своей маленькой бухтѣ.

Во весь день Мелита съ Маремою не возвращались въ пещеру, и когда стало темнѣть, онѣ еще оставались у моря. Марема не разъ порывалась уйти, но Мелита ее удерживала, и онѣ стали подниматься наверхъ только тогда, когда луна утонула за скалы и вокругъ сдѣлалось темно.

Тогда онѣ тихо проникли въ свою пещеру, незамѣченныя Пруденціемъ, и не зажигали огня, чтобы выгонять насѣкомыхъ, а улеглись каждая на своемъ мѣстѣ впотьмахъ... и Мелита, казалось, сейчасъ же заснула, но Марема начала что-то искать и потомъ стала ѣсть, и, сдѣлавши нѣсколько глотковъ, вдругъ вскрикнула, какъ бы приняла что-то пронзительное или острое.

Тогда оказалось, что и Мелита не спала, потому что она живо вскочила и спросила въ испугѣ:

— Что̀ съ тобою случилось?

Марема сразу ничего не отвѣчала, но когда Мелита повторила вопросъ, та ей отвѣтила какъ бы изъ какого-то отдаленья:

— Со мной ничего не случилось... но я не хочу болѣе ѣсть, потому... что... я все теперь поняла... Пруденцій безъ пищи!..

Мелита ей не отвѣчала ни слова.

Ночь прошла безпокойно въ прерывистыхъ грезахъ. Обѣимъ женщинамъ казалось, какъ будто онѣ видятъ Пруденція и слышатъ его шаги, и вотъ онъ весь исхудалъ, глаза

его округлились... онъ глядитъ безпокойно... Мелита! Мелита! скорѣй задавай ему дѣло!

А оно уже было задано.

Утромъ на третьи сутки Мелита вовсе не вышла. Изъ пещеры показалась одна только Марема, и Пруденцій сторожилъ ея появленіе.

— Здравствуй! Здравствуй, Марема! — закричалъ онъ ей пострадавшимъ, но еще веселымъ голосомъ.—Прошли уже двѣ ночи и день, какъ я ожидаю здѣсь своего заслуженнаго права прижать къ моему вѣрному сердцу милую Мелиту. Теперь уже не долго осталось мнѣ ждать, но зачѣмъ она медлитъ? зачѣмъ до сихъ поръ мнѣ не скажетъ: въ чемъ я долженъ выдержать мое испытанье? Или ты, можетъ-быть, съ тѣмъ теперь вышла, чтобы сказать мнѣ, что̀ я долженъ сдѣлать? Говори же скорѣе: я утомился здѣсь ожидать приказанья Мелиты...

— Мелита мнѣ ничего не сказала,—отвѣчала Марема, стараясь не глядѣть на Пруденція, который при самомъ бѣгломъ взглядѣ на него показался ей изнуреннымъ и страшнымъ.

— Куда же идешь ты?

— Я иду... чтобы поймать удою рыбу и поискать въ расщелинахъ птичьихъ яицъ... Завтра вѣдь къ вечеру Мелита готовитъ свадебный пиръ...

— Ахъ, она уже готовитъ! Прекрасно, прекрасно... Иди же скорѣй, лови рыбу... и яйца есть по утесамъ... А Мелита, вѣрно, выйдетъ сама и скажетъ мнѣ, что̀ долженъ я сдѣлать... Мнѣ кстати очень хочется ѣсть.

— Я ворочусь и скажу ей, что ты хочешь ѣсть.

— Нѣтъ, не надо, Марема. Я ей далъ слово, что не буду ее ни о чемъ просить, пока она меня кликнетъ... Уходи, куда ты идешь... мнѣ нужно терпѣнье.

И Марема ушла, а Пруденцій остался одинъ и снова весь цѣлый день протомился въ затворѣ; онъ то поджидалъ Мелиту, то ее кликалъ, но все это было напрасно,—Мелита не показалась ему ни на мгновеніе ока. Она цѣлый день безустанно разбирала всѣ перенесенныя съ ладьи вещи и съ такимъ вкусомъ убрала пещеру, что ее можно было принять за очень благоустроенное жилище человѣка со вкусомъ. Въ переднемъ, большомъ помѣщеніи былъ накрытъ большой столъ, уставленный множествомъ дорогой и

прекрасной посуды, а вдали, за столбомъ, обвитымъ цвѣтными тканями, возвышалось пышно убранное ложе подъ голубою завѣсой и съ лампами у изголовья.

Все это требовало много искусства и вкуса, и трудно было произвести такое превращеніе въ одинъ день; но Мелита не жалѣла труда, и онъ одинъ, вѣроятно, помогъ ей не слыхать жалобныхъ стоновъ Пруденція, который съ полудня уже утратилъ терпѣніе и звалъ Мелиту, крича ей, что онъ чувствуетъ мучительный голодъ.

— Мелита! — кричалъ онъ:—Мелита! для чего ты забываешь, что я человѣкъ и что голодъ желудка даетъ знать о себѣ безпрестанно... Говори мнѣ скорѣе, какое я тебѣ долженъ дать доказательство, что я ни съ чѣмъ не сравню твою любовь... или я здѣсь умру отъ голода.

Но Мелита все убирала покои и не пришла къ нему на его зовъ, и Пруденцій такъ протомился до вечера, когда увидалъ возвращающуюся Марему и закричалъ ей:

— Мои мученія превзошли уже всякую мѣру...

— Ты старайся не думать...

— Ахъ, не могу, не могу я не думать—голодъ жесточе всевозможныхъ мученій... Я боюсь, что я не доживу до утра...

— Старайся уснуть... пусть во снѣ тебѣ снится Мелита.

— Ахъ, я уже пробовалъ спать... и во снѣ то же самое снится... Ѣсть хочу, ѣсть хочу! Страшно, Марема, мнѣ, страшно! У тебя тамъ гдѣ-нибудь вѣрно есть птичьи яйца—брось мнѣ одно изъ нихъ, я умираю.

— Не смѣю,—отвѣчала Марема и скоро скользнула въ пещеру, которая была освѣщена многими огнями и поразила Марему своимъ неожиданнымъ великолѣпіемъ.

— Что это будетъ?—спросила Марема.

— Завтра здѣсь будетъ свадебный пиръ,—отвѣчала Мелита.

— Свадебный пиръ!.. О, Мелита! остерегись, чтобы это не былъ похоронный обѣдъ.

И, сказавъ это, Марема присѣла и, опустивъ руки и голову, зарыдала.

— О чемъ ты такъ плачешь?—спросила Мелита.

— Я сейчасъ видѣла Пруденція и слышала его стоны... Его мучаетъ голодъ, и онъ умираетъ.

— Но вѣдь его раньше мучилъ еще иной голодъ...

— Нѣтъ, голодъ желудка страшнѣе всякаго другого томленья.

— Полно, Марема. Вѣдь и я тоже не ѣмъ.

Марема достала изъ-за туники яйцо морской птицы и сказала:

— Я цѣлый день провела безуспѣшно и насилу достала всего два яйца. Одно,—признаюсь тебѣ,—съѣла сырое, и оно мнѣ отъ голода показалося вкусно. Съѣшь ты это другое. Его просилъ у меня Пруденцій, но я не дала ему.

— И мнѣ оно тоже не нужно: я терплю то же, что̀ терпитъ Пруденцій!—и съ этимъ словомъ Мелита взяла изъ рукъ Маремы яйцо и бросила его объ полъ.

— Здѣсь есть много съѣстного,—добавила она: — но я ничего не касалась. Я по себѣ размѣряю, что̀ онъ можетъ снести безъ вреда для его жизни. Лягъ и усни, а завтра съ утра станемъ готовить обѣдъ и ввечеру разрѣшится все, что̀ такъ долго и мучительно длилось.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

И вотъ прошла ужасная ночь, которая всѣмъ показалась долга безконечно и всѣхъ истомила. Настало тяжелое утро. Обѣ женщины рано проснулись, и Марема тотчасъ же выбѣжала, чтобы взглянуть на Пруденція. Юноша измѣнился въ эту послѣднюю ночь сильнѣе, чѣмъ во все протекшее время: лицо его сдѣлалось сѣрое и маленькое, оба глаза ввалились и казались совершенно круглыми, а губы почернѣли, и изъ-за нихъ виднѣлись два ряда бѣлыхъ зубовъ, какъ будто ослабнувшихъ въ деснахъ, и воспаленный языкъ и гортань... Голодъ его догрызалъ, — Пруденцій уже не имѣлъ силъ и стонать; онъ сидѣлъ, прислонясь ко входу, и тихо качался, придавливая исхудалыми руками опустошенный животъ.

Напрасно Марема хотѣла его утѣшить и говорила ему о близости счастья въ обладаньѣ Мелитою,—Пруденцій не отвѣчалъ ей ни слова.

Когда же Марема сказала объ этомъ Мелитѣ, та отвѣчала:

— Это такъ должно быть! Когда зло не хотятъ побѣдить разсудкомъ, то оно побѣждается страданіями. Но не будемъ говорить объ этомъ, а давай скорѣе приготовлять всѣ лучшія кушанья, какія умѣемъ.

И онѣ отобрали изъ всѣхъ запасовъ все, что̀ было луч-

шаго, и стали готовить всѣ блюда, какія умѣли. Это требовало не мало трудовъ, и приготовленія еще не были совсѣмъ кончены, когда солнце стало спускаться за скалы. Тогда Мелита сказала Маремѣ:

— Оставимъ на время мяса и плоды,—пусть хорошенько томятся на углахъ, а мы пойдемъ подъ ручей,—омоемся свѣжей струею воды и одѣнемъ лучшія наши одежды.

Марема пошла съ нею и удивилась, что когда онѣ вышли изъ-подъ обливанья, то Мелита открыла принесенную склянницу драгоцѣнныхъ духовъ и неожиданно вылила всю ее поровну на свои волосы и на волосы Маремы, и при этомъ сказала:

— Я хочу сдѣлать такъ, чтобы мы обѣ имѣли видъ невѣстъ.

И затѣмъ, возвратившись въ пещеру, Мелита стала спѣшить уборкой стола,—разставила кувшины съ разноцвѣтнымъ виномъ; разложила фрукты на листьяхъ, и подливы къ мясамъ, и загородки изъ тѣста въ глиняныхъ блюдахъ; а потомъ засвѣтила огни, открыла постель, и стала между ней и столомъ, одѣтая въ самыя пышныя платья, а Маремѣ сказала:

— Приставь скорѣй лѣстницу и поди и скажи Пруденцію, что я его приглашаю сойти.

Марема исполнила это въ одно мгновеніе; но когда она вошла въ верхнюю пещеру къ Пруденцію, то увидала его въ ужасномъ изнуреніи,—онъ уже не сидѣлъ, а лежалъ и на вопросы могъ отвѣчать очень нескоро и очень невнятно. Онъ только тихо махалъ рукою и давалъ чувствовать, что для него ничто не важно, кромѣ голода, которымъ онъ истомился.

Долгоожидаемое приглашеніе Мелиты нимало его не оживило и не обрадовало.

— Вѣдь это насталъ часъ твоей радости!—говорила ему Марема; но онъ только отмахнулся рукою и, обратясь въ сторону, прошепталъ:

— Куда... же... ты дѣла... яйцо... морской чайки?

— Что тебѣ теперь до яйца чайки... тебя ожидаетъ роскошнѣйшій столъ и... еще больше роскошныя ласки Мелиты!.. Встань скорѣе на ноги—я помогу тебѣ сойти съ лѣстницы.

Онъ сталъ подниматься, но закачался, упалъ и сказалъ:

— Я не въ силахъ.

Тогда живая Марема схватила Пруденція, какъ дитя, на свои сильныя руки, снесла его съ лѣстницы, опустила на землю и, давъ ему оправиться, подвела его подъ руки ко входу въ освѣщенную пещеру, гдѣ въ сіяньѣ огней стояла блестящая красотой и уборомъ Мелита. Она встрѣтила Пруденція съ ласковой улыбкой и сказала ему ласковымъ голосомъ:

— Привѣтъ мой тебѣ, господинъ мой Пруденцій! Входи и будь здѣсь властелиномъ всего, что̀ ты видишь. Ты перенесъ испытанье, и за то я даю тебѣ надо мною всякое право... Пиръ изготовленъ... послѣднія блюда скоро поспѣютъ на тихомъ огнѣ, и брачное ложе готово... и я жду моего господина!

При этомъ Мелита протянула обѣ руки къ Пруденцію; но онъ отвернулся отъ нея и, поведя вкругъ какъ бы утратившими зоркость глазами, нетерпѣливо воскликнулъ:

— Подожди!.. и скажи мнѣ: гдѣ же это яйцо дикой птицы?

— Я разбила его,—отвѣчала Мелита.—Поди отдохни, господинъ мой, на ложѣ... Вѣдь я сама его стлала для тебя, моего господина... А послѣ ты будешь ѣсть самыя вкусныя кушанья.

— Ахъ, это все пустяки!.. Подавай мнѣ сейчасъ все, что̀ тамъ кипитъ или печется!

— Кушанье все еще не готово.

— А это же что̀ здѣсь такое дымится въ глиняномъ блюдѣ?

— Это подлива къ бобамъ и загородки изъ тѣста для разваренпаго мяса...

— Вотъ я и съѣмъ сейчасъ всю эту подливу и всѣ загородки изъ тѣста...

И онъ потянулъ къ себѣ блюдо съ подливой и началъ лакать ее и грызть загородки, не обращая никакого вниманія на Мелиту, которая этимъ временемъ все удалялась тихо назадъ и, наконецъ, вовсе исчезла, такъ что съ этой поры Пруденцій и Марема напрасно искали ее на утесѣ. Съ нею вмѣстѣ ушла и ладья, которая была спрятана въ бухтѣ, и теперь Пруденцій съ Маремой были отрѣзаны отъ всего остальнаго міра.

Они напрасно обѣгали со всѣхъ сторонъ скалу и искали

Мелиту,— она, безъ сомнѣнія, оставила ихъ и скрылась, а они остались вдвоемъ и не видѣли никого третьяго до тѣхъ поръ, пока возлѣ Маремы сразу раздались два голоса двухъ новорожденныхъ ею близнецовъ... Въ этотъ день Пруденцій, сошедшій внизъ съ сверткомъ бѣлья, которое онъ долженъ былъ вымыть для своихъ двухъ близнецовъ и для Маремы,—замѣтилъ на морѣ точку, которая какъ будто перемѣняла свое мѣсто... А еще черезъ нѣсколько дней Пруденцій увидалъ, что на глинѣ скалы надъ самою бухтою было начертано чѣмъ-то острымъ: «Мелита привѣтствуетъ Пруденція и Марему съ дѣтьми ихъ и желаетъ имъ согласія и добродѣтельной жизни». Еще же черезъ мѣсяцъ Пруденцій увидѣлъ ладью еще ближе, и видѣлъ, что на ней были двѣ женщины, и что къ ней изъ-за скалъ подошла другая ладья и на эту перешла одна изъ двухъ женщинъ, и теперь та лодка, на которой сидѣли двѣ женщины, стала удаляться, а та, на которой осталась одна,—приближалась къ утесу.

Пруденцій скоро узналъ по окраскѣ, что эта лодка его и Алкея, которая исчезла съ той ночи, какъ удалилась Мелита... Пруденцій сказалъ объ этомъ Маремѣ, которая сидѣла тутъ же возлѣ него на берегу моря и держала на каждомъ изъ своихъ колѣнъ по здоровому, смуглому ребенку, изъ которыхъ каждый завладѣлъ одной грудью своей матери и такъ жадно сосалъ, что молоко выбѣгало у него обратно изъ устъ и крупными, бѣлыми каплями скользило по смуглой груди Маремы... Но Марема теперь этого не замѣчала, потому что она слѣдила за лодкой, и вдругъ вскричала:

— Радуйся, милый Пруденцій!.. Къ намъ приближается мать твоя, вдова Ефросина... Мы не останемся одни здѣсь и наши дѣти не будутъ жить дикарями.

— Да,—отвѣчалъ ей Пруденцій:—и я теперь вижу: это мать моя, вдова Ефросина!.. Кто передалъ ей нашу ладью и кто указалъ ей путь къ намъ?

— Конечно, Мелита. Это она удалилась на другой ладьѣ съ своимъ другомъ Эрминіей... Онѣ христіанки.

Пруденцій задумался и, слѣдя за приближеніемъ лодки, которою, несмотря на свои годы, хорошо еще правила вдова Ефросина, сказалъ, склоняясь къ Маремѣ:

— Вотъ всѣ, кто страстно любитъ наслажденія жизни,

всегда разсуждаютъ, что будто галилейское ученіе не годится для жизни... А припомни-ка все, что̀ было съ нами, и выйдетъ, что впередъ дальше всѣхъ видѣла одна Мелита. Я передъ нею такъ малодушенъ, что не могъ бы идти съ нею рядомъ. Какъ хорошо, что она не связала себя узами брака съ такимъ посредственнымъ человѣкомъ, какъ я!.. При разности взглядовъ и мыслей мы не нашли бы въ союзѣ согласья и мира, а съ тобой мы счастливы... Ея духъ слишкомъ высокъ и серьезенъ—онъ слишкомъ безпощадно побѣждаетъ плоть. Ты же и я... мы смотримъ проще... Я не знаю, какъ это случилось, какъ я все любилъ такъ сильно Мелиту, и теперь вижу, что она несродна мнѣ, а ты мнѣ гораздо милѣе Мелиты... Я хотѣлъ скрываться здѣсь вѣчно съ Мелитой,—потомъ мнѣ такъ хорошо было здѣсь же съ тобой, и теперь... я, однакоже, радуюсь, что мать моя насъ разыскала и мы не останемся въ вѣчной разлукѣ съ людьми... Весь кругъ мыслей во мнѣ перешелъ,—все передѣлалось съ нами именно такъ, какъ говорила Мелита. Вѣрно надо ей вѣрить во всемъ.

— Да, она умная женщина.

— Надо считать духъ, а не плоть владыкою жизни, и жить не для тѣхъ чувствъ, которыя научаютъ насъ особиться отъ всѣхъ прочихъ людей...

— Правда, Пруденцій.

— Пусть такъ и будетъ, и когда мы уклонимся отъ этого... пусть мы сами не будемъ на своей сторонѣ. Если мы погрѣшимъ, то не станемъ извинять себя и дѣлать себѣ пояса изъ листьевъ, потому что прятаться—это хуже, чѣмъ несть порицаніе, котораго заслуживаешь.

— Я согласна,—отвѣчала Марема.

— Да, всегда мы съ тобою согласны! Какое это счастіе для обоихъ насъ!..

— И для нашихъ обоихъ дѣтей,—показала Марема на близнятъ, которыхъ ужъ издали увидала бабушка ихъ, вдова Ефросина, и начала улыбаться всѣмъ и въ концѣ, бросивъ весло, закричала:

— Вотъ такъ ребята! Этакихъ я еще не встрѣчала.

БРАМАДАТА И РАДОВАНЪ *).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ очень давнее время въ Индіи были два смежныя царства: одно называлось Бенаресъ, а другое царство Казальское. Въ одномъ изъ нихъ, въ Бенаресѣ, правилъ царь по имени Брамадата, а въ другомъ—въ Казальскомъ царствѣ—Радованъ. Они были между собою несогласные и постоянно не ладили оттого, что у нихъ были разные характеры и понятія, и во всемъ они хотѣли все разнаго. Брамадата, бенаресскій царь, былъ большой воинъ и хотѣлъ, куда ни придетъ, чтобы всѣхъ сейчасъ побить или въ плѣнъ угнать; а Радованъ терпѣть не могъ воевать, а все заботился, чтобы у него въ землѣ была тишина, и чтобы люди никто одинъ другого не обижали, а всѣ бы вровняхъ трудились и имѣли себѣ пищу и одежду, а на чужое добро не завидовали и ничего чужого себѣ не брали.

Отъ этого разнаго расположенія царей и во дворахъ у нихъ, и во всемъ подданствѣ все шло по-разному.

У Брамадаты была тогда радость, если онъ кого-нибудь побьетъ и чужое добро возьметъ, а Радованъ тогда былъ утѣшенъ, если у него все было тихо и всѣ люди трудятся и живутъ средственно, а не стараются превзойти одинъ другого обманомъ или опутать ложью и хитростью. И какъ

*) Это прекрасное по формѣ и глубокое по основной своей мысли индійское сказаніе было окончательно приготовлено къ печати покойнымъ писателемъ и не появилось при его жизни только вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ.

у храбраго Брамадаты, такъ и у хозяйственнаго Радована, не все всегда ладилось.

Радовановы люди наскучили миромъ и тишиною, и стали они говорить:

— Что̀ намъ изъ того, что намъ тихо и покойно жить въ тишинѣ. Нонѣ тихо и завтра опять тоже тихо,—оно уже и наскучило, и куда мы за свой рубежъ ни пойдемъ, за какимъ ни случись дѣломъ, намъ отъ сосѣдей такого почета нѣтъ, какъ людямъ изъ храбраго царства Брамадатова. Такъ намъ жить хоть и сытно, и привольно, да обидно и не весело.

И докучали этимъ ропотомъ люди царю Радовану очень много лѣтъ и заставили его претерпѣть много горестей отъ того, что люди его не понимали пользы мирнаго житья и завидовали бранному шуму и славѣ воительской.

А у Брамадаты-царя люди въ царствѣ его на войну обижалися и роптали такъ:

— Что̀ намъ за польза отъ нашихъ воинскихъ доблестей. Что̀ ни больше натащили себѣ серебра или золота—то все у насъ только дороже становится, и некому даже ни пахать, ни рисъ убирать, ни скотъ пасти. Одни перебиты, а другіе вернутся такими калѣками, что, глядя на нихъ, только казнишься. Лучше бъ намъ тихо жить по-сосѣдски со всѣми и ни съ кѣмъ бы не ссориться.

Услыхалъ бенаресскій царь, непобѣдимый Брамадата, что его храбрые воины, у которыхъ въ костяхъ ноетъ, не веселятся отъ своей прошлой храбрости, а завидуютъ тѣмъ, что̀ вѣкъ въ тиши прожили, и разгнѣвался, и велѣлъ созывальщику взять большой барабанъ и ходить надъ рѣкою да стучать во всю мочь, чтобы былъ слышенъ шумъ по водѣ далеко во всемъ его царствѣ, и послалъ здоровыхъ крикуновъ верхомъ на слонахъ, чтобы они на слонахъ въ самую середину народа въѣзжали и кричали военный кличъ всѣмъ людямъ, кто хочетъ идти на свирѣпыхъ сосѣдей и все ихъ добро забрать и между собою подѣлить, а ихъ земли подъ одну державу Брамадаты подбить и обложить ихъ тяжкою податью. И какъ услыхали этотъ кличъ въ Брамадатиномъ царствѣ здоровые люди—всѣ не стали слушать своихъ стариковъ, которые тяготились военнымъ житьемъ, а схватили луки и стрѣлы, взяли щиты и, опоясавшись въ латы, пошли воевать своихъ свирѣпыхъ сосѣдей, и скоро все цар-

ство Радована-царя покорили; тѣхъ, которые хотѣли сражаться, побили или покалѣчили, а самому Радовану хотѣли назадъ руки связать и вести его на веревкѣ за Брамадатой-царемъ, когда онъ будетъ возвращаться назадъ съ побѣдными войсками въ свою столицу. Но смирный казальскій царь Радованъ всѣ свои потери перенесъ съ терпѣніемъ, а не могъ вздумать о томъ, какъ его будутъ на веревкѣ вести и тогда надъ нимъ станутъ смѣяться и побѣдители его, и его бывшіе подданные, которые теперь отступили отъ своего смирнаго обычая и предались побѣднымъ торжествамъ Брамадаты, царя бенаресскаго. И чтобы не переносить этого униженія, сказалъ Радованъ царицѣ, женѣ своей: «сбрось съ себя поскорѣе свое царское платье, которое на тебѣ осталось, и отдай его нищенкѣ, а у ней возьми ея бѣдное платье, и я то же самое сдѣлаю и, покрывшись лохмотьями, убѣжимъ потихоньку и скроемся въ такое мѣсто, гдѣ насъ никто не вздумаетъ разыскивать, и будемъ тамъ жить до вѣку, или пока въ судьбѣ нашей перемѣна наступитъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Жена Радована на все согласилась, и обмѣняли они свои послѣднія царскія платья съ нищими и бѣжали темною ночью изъ своей Казалы, стали скрываться въ лѣсахъ и пустыняхъ. Но туда скоро до нихъ дошелъ слухъ, что царь Брамадата, узнавши объ ихъ побѣгѣ, страшно разгнѣвался и показнилъ много и своихъ людей, и ихъ бывшихъ подданныхъ за то, что они упустили Радована съ его женою, царицею Рунти, и Брамадатѣ некого стало вести за собою на веревкѣ, когда онъ будетъ входить въ свой Бенаресъ побѣдителемъ подъ знаменами. А потомъ велѣлъ Брамадата опять бить въ барабанъ надъ рѣкою и кликать на все царство, что кто изъ своихъ или чужихъ людей укажетъ, гдѣ скрываются Радованъ съ его царицею Рунти, тому будутъ отъ царя Брамадаты большіе дары царскіе, и повезутъ этого указчика, въ знакъ почета, на убранномъ слонѣ вслѣдъ за связаннымъ Радованомъ и за его Рунти-царицею и напишутъ его имя острымъ клиномъ на камнѣ въ память внукамъ и правнукамъ.

И какъ узналъ объ этомъ царь Радованъ, то затрясся отъ страха и жалости, что изъ-за него очень много людей погублено, и сказалъ онъ тогда Рунти-царицѣ:

— Кажется, плохо мы сдѣлали, что скрылися, и черезъ это много напрасно людей уже погибло, а къ тому же намъ съ тобою не укрыться теперь и въ рубищѣ: кто-нибудь насъ узнаетъ и царю Брамадатѣ укажетъ насъ. Большіе дары соблазнительны да и почести взманчивы,—я ни на кого уже изъ своихъ былыхъ слугъ не надѣюся. А не лучше ли намъ пойти и самимъ объявиться? Какъ ты думаешь?

А царица Рупти отговорила мужа, чтобы онъ не шелъ объявляться Брамадатѣ, а присовѣтовала ему скрыться на иной манеръ: не въ лѣсныхъ дебряхъ и пустыняхъ, а идти прямо въ столицу бенаресскаго царства и жить тамъ среди низкихъ людей въ безызвѣстности, такъ какъ тамъ ихъ никто искать не подумаетъ, и имъ тамъ будетъ жить безопасно.

Царь Радованъ послушалъ совѣта жены, и они пошли въ Бенаресъ нищими и пришли туда никѣмъ не узнанные и поселились между самыми простыми работниками, которые жили поденною работою. И тутъ царица Рупти, у которой до сей поры дѣтей не было, ощутила у себя подъ сердцемъ біеніе новой жизни и родила прекраснаго мальчика и назвала его Долгоживомъ.

Такъ ей это имя на мысль пришло, что отецъ-де его долго скорбѣлъ, а онъ пусть долго жить будетъ и за наши бѣдствія съ врагомъ нашимъ Брамадатой расплатится.

И прожили Радованъ съ Рупти и съ сыномъ своимъ Долгоживомъ въ столицѣ бенаресскаго царства у Брамадаты-царя въ неизвѣстности цѣлыхъ десять лѣтъ между простыми рабочими въ большихъ трудахъ, и измѣнилися родители Долгожива такъ, что походили на свой прежній видъ не болѣе, какъ похожа сѣнная былинка на сочную траву, а все отъ своей судьбы не укрылися.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тащилъ разъ на себѣ бывшій царь Радованъ тяжелую ношу и усталъ подъ нею до смерти и захотѣлъ въ рѣкѣ выкупаться. И только-что снялъ съ себя лохмотокъ, которымъ былъ повязанъ по поясу, да хотѣлъ въ воду влѣзть, какъ увидалъ его гулявшій у себя въ саду богачъ, который былъ у него раньше разгрома казальскаго царства постельникомъ, и узналъ у него на бедрѣ родимый знакъ — пятно темнаго цвѣта, точно малая шапка съ головкой, загнутой

подъ крылышко. И сейчасъ захотѣлъ тотъ вельможа предать своего бывшаго царя казальскаго новому своему повелителю, царю бенаресскому, и указалъ на него воинамъ, а воины взяли Радована и жену его и привели ихъ къ Брамадатѣ-царю. Долгожива же не взяли, потому что его въ ту пору въ домѣ при родителяхъ не было, да и вины на немъ никакой Брамадата-царь не взыскивалъ.

А Радована и жену его Рунти царь Брамадата повелѣлъ водить связанныхъ по всей своей столицѣ, пока обведутъ ихъ по всѣмъ улицамъ и закоулочкамъ и увидятъ ихъ всѣ живущіе въ Бенаресѣ и свои, и заѣзжіе, а потомъ вывесть ихъ за городъ на пыльное поле и разсѣчь мечомъ каждаго напополамъ и начетверо.

Такъ и водили Радована и жену его Рунти, а сынъ ихъ Долгоживъ во все это время шелъ за ними и плакалъ, а когда послѣ показа ихъ всѣмъ людямъ привели Радована и Рунти на пыльное поле за городъ и стали готовиться разсѣчь ихъ каждаго пополамъ и начетверо, то Долгоживъ попросилъ, чтобы ему позволили подойти къ отцу и принять отъ него на всю жизнь свою отцовское наставленіе.

Спросили объ этомъ дозволенія у царя Брамадаты, и Брамадата дозволилъ дать отцу съ сыномъ свиданіе, но велѣлъ только доложить ему, что такое Радованъ дастъ своему сыну въ заповѣдь, чтобы знать потомъ: можно ли отъ Долгожива ждать худого или хорошаго.

Воспослѣдовало съ такимъ разрѣшеніемъ свиданіе, и подпустили мальчика Долгожива къ отцу его Радовану, а тотъ не сталъ передъ сыномъ ни сожалѣть о жизни, ни на свою долю плакаться, а сказалъ ему только тѣ слова:

— Сынъ мой Долгоживъ, не смотри слишкомъ далеко и не смотри слишкомъ близко и помни, что вражда умиряется не враждою, а незлобіемъ.

А больше Радованъ ничего и говорить не захотѣлъ, и тогда тотчасъ же надъ нимъ и надъ женою его Рунти былъ приведенъ въ исполненіе приговоръ Брамадаты. Бывшаго царя казальскаго и жену его повергли связанныхъ на землю и разсѣкли мечами сначала каждаго на полы, а потомъ и начетверо, и бросили ихъ въ горячей пыли и приставили стражу къ ихъ разсѣченнымъ тѣламъ, чтобы оставались здѣсь безъ всякаго погребенія, дабы знали всѣ, какъ бываетъ съ тѣми, кто Брамадатѣ-царю не покорствуетъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отрокъ Долгоживъ выраслалъ между простыхъ людей и зналъ, какъ съ людьми обходиться надобно, чтобы достичь, чего хочется, а хотѣлось ему больше всего, чтобы разсѣченныя тѣла его несчастныхъ родителей не валялись въ пыли, пока ихъ мясо птицы облущатъ, а кости вѣтеръ обдуетъ; а захотѣлъ Долгоживъ сжечь тѣло отца съ матерью на кострѣ, какъ у нихъ есть обычай хоронить въ ихъ индійской странѣ. И вотъ собралъ Долгоживъ поскорѣе все, что у нихъ было въ хижинѣ, и продалъ, а на тѣ деньги, которыя выручилъ—купилъ два большіе кувшина вина сладкаго, да два—вина крѣпкаго, да еще призапасилъ двѣ большія вязанки смолистыхъ дровъ и пахучаго хвороста. Хворостъ и дрова онъ въ овражкѣ спряталъ, а сладкими винами сталъ потчивать стражу, которая сторожила разсѣченныя тѣла. И когда сторожившіе воины подпили, Долгоживъ сталъ имъ въ сладкое вино подбавлять вино крѣпкое и такъ ихъ напоилъ, что они уснули крѣпкимъ сномъ. Тогда Долгоживъ оттащилъ ихъ всѣхъ въ сторону, а изъ оврага принесъ дрова и хворостъ, положилъ на костеръ разсѣченныя тѣла своихъ родителей и поджегъ костеръ. Костеръ вмигъ запылалъ, и пахучій дымъ отъ смолистаго дерева поднялся высоко, и тѣла Радована и Рунти сожжены были въ пламени, а воины все еще спали и не проснулися.

Тогда Долгоживъ-царевичъ,—какъ обычай есть въ ихъ странѣ,—въ знакъ почтенія къ своимъ родителямъ обошелъ пепелище вокругъ три раза со сложенными на груди руками и пошелъ прямо оттуда, не оглядываясь, въ лѣсную дебрь и тамъ долго оплакивалъ тѣла отца съ матерью и обдумывалъ наставленіе отцовское: какъ понять слова:— «не смотри слишкомъ далеко и не смотри слишкомъ близко, потому что не враждою умиротворяется вражда, а милосердіемъ». И понялъ онъ на первый разъ, что сидѣть да плакать объ утратѣ отъ горести—будетъ значить: «смотрѣть очень близко», будто какъ только и опредѣлено человѣку въ жизни дѣлать, что убивать время въ тоскѣ о томъ, что̀ прошло и чего возвратить невозможно.

Разсудивши такъ, всталъ царевичъ-Долгоживъ съ мѣста, на которомъ долго сидѣлъ плачучи, подъ высокимъ дере-

вомъ, и пошелъ въ жилыя мѣста къ людямъ, чтобы жить между нихъ своими трудами, но долго онъ не находилъ нигдѣ для себя никакой работы, и, переходя съ мѣста на мѣсто, пришелъ опять въ Бенаресъ, въ столицу царя Брамадаты, и сталъ на площади, гдѣ собираются неимущіе люди и ждутъ, чтобы ихъ кто-нибудь взялъ на поденную работу.

Тутъ простоялъ онъ съ утра и до жаркаго полудня, когда уже однихъ рабочихъ разобрали, а другіе, не нанявшись, къ себѣ въ шалаши ушли, а онъ все оставался и ждалъ, потому что былъ голоденъ и идти ему было некуда.

Тогда въ самый пеклый жаръ пришелъ сюда царскій конюхъ и сказалъ ему:

— Вотъ ты безъ дѣла стоишь и домой не идешь—вѣрно, тебѣ и идти совсѣмъ некуда, такъ не хочешь ли со мной пойти поработаться?

— Только и жду того,—отвѣчалъ Долгоживъ:—веди меня, куда надобно, я всякое дѣло дѣлать радъ, лишь бы вреда отъ того другимъ не было.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ конюхъ:—никому другому не будетъ вреда отъ того дѣла, на которое я тебя зову, а не скрою я отъ тебя, что какъ бы тебѣ самому отъ этого не было непріятности. Видишь ли, есть у насъ на царской конюшнѣ очень много слоновъ, и за каждымъ изъ нихъ по два приставника, а между этихъ слоновъ одинъ новый есть—онъ недавно пойманъ и дикъ еще, и всѣ его боятся, потому что онъ уже многихъ приставниковъ своихъ хоботомъ схватывалъ и изъ стойла вонъ швырялъ, а другихъ билъ объ стѣны до смерти и ногами раздавливалъ. Вотъ и нынче еще послѣдняго своего приставника онъ ногою убилъ, и теперь никто къ нему въ стойло взойти не рѣшается. Всѣ согласны лучше прямо отъ царской воли себѣ казнь принять, чѣмъ къ слону приблизиться, а слонъ этотъ нашему царю Брамадатѣ очень нравится, и вотъ конюшій позвалъ меня и сказалъ: «иди и ищи, гдѣ знаешь, человѣка, который бы согласился за этимъ слономъ ходить. Я ему дамъ жалованье противъ всѣхъ другихъ вчетверо, а если такого человѣка не отыщешь, — тогда самъ входи къ нему въ стойло, или пусть тебя расказнятъ, какъ ослушника царскаго». А у меня, пріятель, есть жена и пять дѣтей, да еще старики мои живы, родители. Пожалѣй меня, милый

другъ, и если не робокъ ты, то пойди наймись быть при зломъ слонѣ приставникомъ. Можетъ-быть, что онъ тебя полюбитъ и станетъ подпускать къ себѣ безъ лютости, потому что старики говорятъ, будто онъ не терпитъ тѣхъ, кто къ нему идетъ съ робостью, а мы всѣ, наглядѣвшись на него, уже оробѣли, а ты не видалъ отъ него страха, такъ, можетъ-быть, и подойдешь къ нему со смѣлостью.

— Ладно, ладно,—сказалъ Долгоживъ:—что̀ разсказывать, у тебя есть жена съ дѣтьми и родители, а я тутъ весь одинъ, и нѣтъ у меня ни роду, ни племени, пойду за тебя попробую—цѣлъ ли, нѣтъ ли, буду, а отведу отъ тебя бѣду въ сторону.

И съ этимъ Долгоживъ всталъ и пошелъ съ конюхомъ къ слоновымъ конюшнямъ царя Брамадаты, который отнялъ у него и царство его Казальское, и казнилъ его отца съ матерью.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Когда люди, служившіе въ царскихъ слонечняхъ, увидали, что пришелъ новый человѣкъ доброй волею и охотою, чтобы ходить за дикимъ слономъ, то всѣ удивилися и собралися смотрѣть, какъ онъ будетъ входить въ просторное стойло, гдѣ слонъ стоялъ, прикованный за ногу къ стояку, сплоченному изъ пяти толстыхъ свай, вколоченныхъ въ землю съ корневища по макушки и опоясанныхъ въ три ряда толстыми мѣдными обручами.

Пришелъ и главный конюшій посмотрѣть на Долгожива и сказалъ ему:

— Ну, входи не робѣючи; будешь цѣлъ, я тебѣ дамъ жалованье противъ всѣхъ другихъ вчетверо, и услышитъ про тебя царь—будешь ты у него въ большой милости, а не будешь цѣлъ—на себя пеняй: не неволимъ тебя, а идешь вольной волею.

— Да, — сказалъ Долгоживъ:—я иду вольной волею и совсѣмъ не для большой платы и милости, а иду, чтобы отдать мою жизнь, кому она надобна.

А самъ вспоминаетъ слова своего родителя и думаетъ: «кажется, этакъ я не гляжу слишкомъ близко и не гляжу черезчуръ далеко, а гляжу такъ, какъ надобно, потому что человѣку надо помогать неотложно, когда ему скорбь угро-

жаетъ, а о себѣ нечего вдаль долго вздумывать: что вдали, то въ свое время объявится».

И съ этимъ Долгоживъ вздохнулъ вольномъ вздохомъ во всю свою молодую грудь и запѣлъ нараспѣвъ громкимъ голосомъ про то самое, о чемъ ему думалось, и сталъ нагребать въ корзины изъ вороха рисовое зерно, приготовленное на кормъ слонамъ. А какъ насыпалъ рисомъ три корзины, что составляло для слона ежедневную дачу, то поставилъ эту корзину себѣ на голову и пошелъ въ стойло къ дикому слону безъ всякаго страха и съ веселою пѣснею.

Слонъ же ждалъ его, поводя длиннымъ хоботомъ во всѣ стороны, но при входѣ Долгожива не взметался, какъ при входѣ другихъ дѣлалъ. И такъ далъ ему высыпать корзину риса въ кормежный наполъ и выйти благополучно вонъ; а когда Долгоживъ принесъ съ пѣснею вторую корзину, то слонъ сталъ ушами хлопать отъ радости, а когда третью принесъ, то слонъ согнулъ свой хоботъ и началъ имъ Долгожива ласкать и поглаживать

Доложили объ этомъ царю Брамадатѣ, и тотъ захотѣлъ самъ увидать Долгожива и велѣлъ ему при себѣ свои пѣсни спѣть, и пѣніе Долгоживово сразу царю Брамадатѣ понравилось и полюбилъ онъ молодого приставника и за ясный взглядъ его лица, и за мужественную смѣлость, и за чудесное пѣніе. И сказалъ Брамадата, бенаресскій царь, Долгоживу:

— Быть тебѣ при моемъ могучемъ, дикомъ слонѣ приставникомъ и получать всякаго жалованья противъ всѣхъ другихъ больше вчетверо, а ѣсть и пить съ моего стола, а какъ уберешься въ слонечнѣ, обрядивъ слона, то скидавай съ себя платье приставничье и надѣвай на себя лучшее платье, которое я тебѣ съ своего плеча сошью, и приходи ко мнѣ всякій день, чтобы предо мною пѣть и со мною разговаривать.

Такъ Брамадатѣ-царю молодой Долгоживъ полюбился отъ разу, а какъ онъ сталъ всякій день къ нему во дворецъ приходить и передъ нимъ пѣть, и съ нимъ разговаривать, то понравился Долгоживъ Брамадатѣ-царю во всѣхъ статьяхъ, и столь его привлекъ къ себѣ своимъ ласковымъ нравомъ и разумнымъ о всѣхъ вещахъ разсужденіемъ, что сталъ онъ царю самымъ милымъ человѣкомъ, и переселъ его Брамадата жить изъ слонечныхъ конюшенъ въ свой

царскій дворецъ и не хотѣлъ разставаться съ нимъ даже на самое малое время, а гдѣ самъ сидитъ, тутъ и его держитъ, и куда выѣдетъ—туда и его съ собой беретъ: и на войны, и на ристалища, и на охоты на тигровъ и другихъ большихъ звѣрей. И назвалъ Брамадата, бенаресскій царь, Долгожива уже не слоновьимъ приставникомъ, а собственнымъ его царскимъ и задушевнымъ другомъ. А ни Брамадата-царь, ни его придворные не знали, что Долгоживъ самъ природный царевичъ, сынъ казненнаго казальскаго царя Радована.

И такъ прожили Брамадата съ Долгоживомъ въ завидномъ для всѣхъ царедворцевъ содружествѣ цѣлый годъ, а на второмъ году у нихъ между собою вышло особое приключеніе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Выѣхалъ разъ царь Брамадата на охоту за тиграми, и была съ нимъ большая свита его придворныхъ людей и стрѣлковъ самыхъ искуснѣйшихъ, а рядомъ съ нимъ ѣхалъ верхомъ на конѣ Долгоживъ. И началась у нихъ охота очень большая, и побили они уже много звѣрей, и вдругъ на нихъ выскочилъ огромный тигръ и началъ яро скакать, и то покажется на видъ и человѣка разорветъ, то опять въ дебри скроется, и разсердилъ онъ всѣхъ, и всѣ охотники ударились за нимъ въ погоню, и всѣ порознь разбилися и въ въ лѣсу растерялися, такъ что ни скличутся въ лѣсу и не свидятся, и не замѣтили, что въ-горячахъ своего царя потеряли. А царь Брамадата очутился въ непроходимой чащѣ только вдвоемъ съ Долгоживомъ и почувствовалъ смертельную усталость.

Тогда сказалъ Брамадата Долгоживу. Я уснуть хочу, а боюсь, не ужалилъ бы меня соннаго ядовитый гадъ. Разнуздай поскорѣй нашихъ коней и привяжи ихъ къ деревьямъ, пускай ходятъ вокругъ и травою покормятся, а самъ сядь и дай мнѣ положить мою голову тебѣ на колѣни, и побереги мою жизнь, пока я усну и наберу опять себѣ силы, чтобы намъ изъ этого лѣса выбраться.

— Хорошо,—отвѣчалъ Долгоживъ:—все сейчасъ будетъ по-твоему.

Разнуздалъ Долгоживъ верховыхъ коней, поослабилъ на нихъ сѣдельныя подпруги и привязалъ ихъ на долгихъ

ремняхъ къ деревьямъ, чтобы могли траву ѣсть, а самъ раскинулъ свою одежду, сѣлъ подъ деревомъ, сложивъ ноги на-крестъ, и уложилъ на колѣни себѣ голову царя Брамадаты. А тотъ отъ несноснаго жара и отъ усталости, какъ только прилегъ головою въ колѣна къ Долгоживу, такъ и заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ.

Долгоживъ же сидѣлъ и берегъ его, чтобы не подкрался къ нему изъ травы и не ужалилъ его какой-нибудь ядовитый гадъ, и обмахивалъ лицо спящаго царя вѣткою, а самъ, глядя на лицо его, сталъ раздумывать.

«Вотъ это спитъ у меня на колѣняхъ Брамадата, бенаресскій царь, который сдѣлалъ много зла всему нашему царству Казальскому: онъ нашихъ добрыхъ людей побилъ, а остальныхъ въ плѣнъ забралъ и однихъ замучилъ въ неволѣ на тяжкихъ работахъ, а другихъ совратилъ съ пути кротости и научилъ ихъ невѣрности и жестокимъ военнымъ обычаямъ; онъ отнялъ у насъ всѣ стада и обозы, и казну, и всякій съѣстной запасъ, а земляныя угодья подъ себя подобилъ съ одной жадностью и забросилъ ихъ безъ ухода лежать въ опустѣ; да убилъ еще онъ безъ вины моего отца съ моей матерью и повелѣлъ ихъ еще передъ смертью срамить—водить на посмѣшище по всѣмъ улицамъ, а потомъ разсѣкъ ихъ на полы, да хотѣлъ, чтобы ихъ тѣла, на части разсѣченныя, въ горячей пыли бы валялися безъ погребенія, — вотъ мнѣ теперь какой случай пришелъ, чтобы за все его зло съ нимъ раздѣлаться!»

И какъ только вздумалъ это Долгоживъ, такъ и не замѣтилъ, какъ поспѣшно рука его вынула изъ ноженъ мечъ, и онъ поднялъ этотъ мечъ надъ открытымъ горломъ Брамадаты. Но въ тотъ самый мигъ, какъ хотѣлъ Долгоживъ провести острымъ мечомъ по горлу спящаго царя, пролетѣло у него въ умѣ предсмертное завѣщаніе отцовское, и сказалъ онъ себѣ:

— Мой отецъ, когда его на казнь вели, сказалъ мнѣ: «сынъ мой, Долгоживъ, не смотри ни слишкомъ далеко, ни слишкомъ близко, потому что вражда умиротворяется не враждою, а милосердіемъ». Не хорошо будетъ, если я этихъ словъ моего отца не послушаюся.

Такъ сказалъ себѣ Долгоживъ, и рука его вложила обратно мечъ въ ножны.

Но не сразу борьба эта въ сердцѣ Долгожива утихла и

темная страсть мщенія уступила мѣсто свѣту милосердія. Трижды овладѣвала имъ жажда мщенія, и три раза вынималъ онъ изъ ножень мечъ свой и ставилъ его лезвіе надъ открытымъ горломъ спящаго Брамадаты и опять трижды вкладывалъ его назадъ въ ножны, когда вспоминалъ отцовы слова; и когда онъ вложилъ свой мечъ въ ножны въ послѣдній разъ, то вдругъ Брамадата страшно заметался во снѣ и, пробудясь отъ сна, сталъ говорить:

— Крѣпко я спалъ, но ужасно встревожился и не могу въ себя придти.

— Отчего?—спросилъ Долгоживъ.

— Оттого, что приснился мнѣ страшный сонъ, будто ты поднималъ надо мною острый мечъ и хотѣлъ перерѣзать имъ шею мнѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

И какъ сказалъ это Брамадата, то вдругъ запылала въ душѣ Долгожива страшная месть, и онъ сказалъ царю хриплымъ голосомъ:

— Что тебѣ снилося, то и въ-явь было,—и съ этимъ схватилъ одною рукою Брамадату за волосы и перегнулъ ему голову черезъ свое колѣно такъ, что у того все горло кверху выперло, а другою рукою выхватилъ мечъ и, приставивъ его къ горлу Брамадатѣ, началъ говорить ему:

— Узнай же теперь, Брамадата, бенаресскій царь, что я отрокъ Долгоживъ, сынъ Радована, царя казальскаго. Ты намъ сдѣлалъ очень много зла, ты отнялъ у насъ стада и обозы, и землю, и казну, и всякій запасъ, да умертвилъ и отца и мать мою, а теперь насталъ твой чередъ сгибнуть, и пришло время отмстить тебѣ за твою вражду.

И хотѣлъ уже Долгоживъ двинуть рукою и перерѣзать горло Брамадатѣ, царю бенаресскому, но лицо царя облилося слезами и исказилося ужасомъ, и онъ, обнявъ колѣна отрока-Долгожива, сталъ его просить черезъ слезы жалостливымъ голосомъ:

— Даруй мнѣ жизнь, сынъ мой Долгоживъ. Даруй мнѣ жизнь, дай мнѣ видѣть свѣтъ твоей милостью.

А Долгоживъ улыбнулся и сказалъ въ отвѣтъ:

— Ты, вѣдь, царь! Что же ты просишь: я ли могу даровать тебѣ жизнь! Это ты можешь даровать мнѣ жизнь, а не я тебѣ.

— Ахъ, мой сынъ Долгоживъ,—отвѣчалъ ему царь Брамадата: — это такъ было во всю мою жизнь, когда я могъ по своей волѣ отнимать жизнь у своихъ людей и у данниковъ, но не такъ оно сдѣлалось въ этотъ часъ, котораго я никогда надъ собой не желалъ видѣть, и который, однако, настигъ меня. Теперь твоя надо мною власть, и я вижу свой прошлый грѣхъ, когда я велѣлъ отнимать у людей жизнь, имъ самимъ Богомъ данную, и мучится за это душа моя мукой ужасною, и прошу я подъ твоимъ мечомъ у тебя, отрокъ мой, милосердія: даруй мнѣ жизнь, сынъ мой Долгоживъ,—даруй жизнь мнѣ и повѣрь мнѣ по опыту, что если ты не проведешь мечомъ по моей шеѣ и не отдѣлишь отъ плечъ мою голову, то ты больше увидишь радости, чѣмъ бы сказнивъ меня за то зло, которое я сдѣлалъ твоимъ неповиннымъ родителямъ.

А Долгоживу опять пришли на память предсмертныя слова отца его, и ярость въ душѣ его понизилась, и сталъ находить на него духъ милосердія, и отодвинулъ онъ мечъ съ шеи царя и сказалъ:

— Дарю тебѣ жизнь, и ты не отнимай впередъ жизнь ни у кого,—и съ этимъ Долгоживъ всунулъ мечъ въ ножны, и оба они съ царемъ Брамадатою обнялися и какъ будто бы вновь народилися и стали бесѣдовать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

А въ бесѣдѣ Брамадата, царь бенаресскій, захотѣлъ узнать все зло, какое Долгоживъ и его родители испытали отъ его прошлой лютости и что̀ съ самимъ Долгоживомъ случилося—отчего онъ взялъ надъ гнѣвомъ своимъ обладаніе. Долгоживъ разсказалъ Брамадатѣ про все, что̀ испыталъ онъ, и когда дошелъ до того, какъ его спасали отъ гнѣва слова́, которыя сказалъ ему передъ смертью его родитель: «не смотри ни слишкомъ далеко, ни слишкомъ близко, и знай, что вражда умиротворяется не враждою, а милосердіемъ», тогда Брамадата-царь спросилъ у него:

— Скажи же мнѣ, сынъ мой Долгоживъ, что̀ разумѣешь ты въ этихъ словахъ, чтобы ими себя руководствовать?

А Долгоживъ отвѣчалъ ему:

— Разумѣю я, о, царь, такъ: то, что̀ сказалъ мнѣ отецъ мой передъ смертью: «не смотри слишкомъ далеко» — это значитъ: не давай въ себѣ враждѣ долго длиться, а «не

смотри слишкомъ близко»—значитъ: не расходись съ человѣкомъ спѣшно, не испробовавъ повергнуть его кротко на лучшее. А что̀ сказалъ мой отецъ, что «вражда не умиротворяется враждою, а милосердіемъ», то означаетъ, что ты, о, царь, умертвилъ моего отца и мать мою, а если бы я за это отнялъ теперь у тебя жизнь, то черезъ это вражда бы не умирилася, а умножилась, потому что тѣ, кто преданъ тебѣ, отняли бы у меня жизнь, а кто преданъ мнѣ, стали бы искать, какъ у нихъ отнять жизнь, и такъ черезъ насъ вражда бы не умирилась, а умножилась, и конца бы ей не было. А теперь, когда я не сталъ смотрѣть слишкомъ далеко, питая злобу, и не смотрѣлъ слишкомъ близко,— не разошелся съ тобою а повѣрилъ тебѣ, что ты не станешь отнимать жизнь у людей, — то и побѣждена вражда милосердіемъ. Вотъ и тебѣ годится то, что̀ сказалъ мой отецъ,— что «не враждой умиротворяется вражда, а милосердіемъ». Это и думалъ мой отецъ передъ смертью, сожалѣя, что онъ разошелся съ тобою поспѣшно, не испытавъ перемѣнить твои мысли отъ грознаго обычая къ доброму.

И какъ сказалъ это отрокъ-Долгоживъ Брамадатѣ, царю бенаресскому, то Брамадата-царь и задумался и на рѣсницахъ капля слезъ затяжелѣла и свѣсилась. И сказалъ Брамадата терпѣливому отроку:

— Коротко слово твое, сынъ мой, а смыслъ его длиненъ будетъ во весь вѣкъ всей жизни на землѣ всего рода человѣческаго.

И съ этой поры перемѣнился царь Брамадата во всемъ правѣ своемъ, и не было при немъ болѣе никогда казней надъ людьми, потому что онъ ни на что не смотрѣлъ слишкомъ далеко или слишкомъ близко и всегда помнилъ, что вражда умиротворяется не враждою, а милосердіемъ.

Оглавленіе

XXX ТОМА.

стр.
Легенда о совѣстномъ Данилѣ 3
Левъ старца Герасима. (Восточная легенда). 21
Аскалонскій злодѣй. (Происшествіе въ Продовой темницѣ) . . 29
Сказаніе о Ѳедорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ 85
Невинный Пруденцій. (Легенда) 112
Брамадата и Радованъ. (Индійское сказаніе) 179

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 28 04 09 015 2

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ

Переплетная „НИВЫ"